ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

ЗВЕЗДНЫЙ ДЕСАНТ

Звездный десант (сборник)
Роберт Энсон Хайнлайн

Аннотация
Роберт Хайнлайн. Звездный десант
Звездный десант
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14

Гражданин Галактики
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4

Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Дверь в лето
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6

Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12

Аннотация

В данный том вошли лучшие романы Грандмастера НФ Роберта Хайнлайна 50-х годов XX века.

«Звездный десант» — роман, принесший писателю высшую фантастическую награду «Хьюго», — рассматривает проблему становления человека в тяжелых условиях войны, когда боль и смерть становятся платой за право решать за других. Романы «Гражданин Галактики» и «Дверь в лето» продолжают развивать темы милитаризации, ксенофобии, личной свободы и права выбора. Но помимо высокой идейной составляющей все произведения Хайнлайна — это мастерские образцы космической оперы и фантастического боевика, на протяжении многих лет волнующие умы читателей.

Содержание:

• Роберт Хайнлайн. **Звёздный десант** (роман, перевод Д. Старкова), стр. 5–246

• Роберт Хайнлайн. **Гражданин Галактики** (роман, перевод А. Шарова), стр. 247–510

• Роберт Хайнлайн. **Дверь в лето** (роман,

перевод Л. Абрамова), стр. 511–701

Роберт Хайнлайн
Звездный десант

© Д. Старков, перевод на русский язык, 2017
© А. Шаров, перевод на русский язык, 2017
© Л. Абрамов, перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Звездный десант

Сержанту Артуру Джорджу Смиту,
солдату, гражданину, ученому,
и всем сержантам,
когда-либо бравшим на себя труд
воспитывать из мальчишек мужчин.

Глава 1

А ну, вперед, обезьяны! Или вечной жизни захотелось?!

Неизвестный взводный, 1918

Вот всегда у меня перед броском колотун начинается! Кажется, и стимуляторами напичкали, и гипнодинамику провели — после всего этого должен бы напрочь всяких страхов лишиться, а вот поди ж ты… Наш корабельный психиатр каждую извилину мою прозвонил — загипнотизировал, задал кучу дурацких вопросов, а потом сказал, что нет у меня ничего особенного и вовсе это не от страха. Точно так же, мол, призовые рысаки дрожат на старте.

Тут я ничего не скажу — в жизни не был призовым рысаком, откуда ж мне знать? Однако перед броском всякий раз трясет, будто последнего салажонка. За полчаса до броска нас выстроили в «предбаннике», и командир взвода, сержант Джелал, приступил к осмотру. На самом деле Джелал вовсе не был командиром взвода — просто взводным сержантом. Однако наш лейтенант Расжак из последнего броска не вернулся, и Джелал,

как старший по званию, на время его заменил. Джелал наполовину финн, наполовину турок с Искандера (Проксима) и больше всего похож на писаря-недомерка. Но это — только с виду; я однажды сам наблюдал, как он разделался с двумя парнями, которые разбушевались ни с того ни с сего. Джелли до голов-то их едва мог дотянуться, но уж когда дотянулся… Лбы их друг о друга щелкнули звонче спелых кокосов! А сержант еще успел на шаг отступить, прежде чем парни долетели до пола.

Джелал, хоть и сержант, занудою вовсе не был. Вне строя его даже можно было в глаза звать — Джелли. Конечно, салагам такого не дозволялось, но если хоть раз ходил в боевой десант — смело можешь обращаться к нему на «ты».

Но как раз сейчас он был «при исполнении». Все мы уже проверили каждую мелочь в экипировке — от этого как-никак своя же шкура зависит, — потом нас жучил и. о. взводного сержанта, а теперь за дело принялся Джелли. Лицо его будто окаменело, а глаза не упускали ничего. Подойдя к стоящему напротив меня Дженкинсу, он протянул руку к его поясу и нажал кнопку индикатора физсостояния.

— Выйти из строя!

— Сержант, всего-то навсего насморк! Фельдшер говорил…

— «Говорил»… Фельдшеру в десант не идти! И тебе с твоими 37,5° — тоже. Нашел время болтать. ВЫЙТИ ИЗ СТРОЯ!

Дженкинс покинул строй. Он был просто сам не свой — да и мне сделалось не по себе. После гибели лейтенанта Расжака нас повысили по цепочке, и я стал помощником командира второго полувзвода. Теперь, с уходом Дженкинса, в отделении появилась дыра, и заткнуть ее нечем. Плохо; может статься, кто-нибудь из ребят позовет на помощь, а услышать его будет некому…

Джелли завершил осмотр. Отступив на середину, он оглядел нас и покачал головой.

— Стадо обезьянье, — угрюмо буркнул он. — Ладно, если всех вас сегодня ухлопают к чертовой бабушке, может, мне таки удастся сколотить подразделение, какое и лейтенанту не стыдно было бы показать. А может, и не выйдет ничего — война, кого попало набирают…

Джелал вдруг стал точно выше ростом.

— Запомните! Каждый из вас, обезьян, и все вы вместе — влетели Федерации в копеечку! Оружие, скафандр, боезапас, прочая экипировка, обучение, жратва — словом, все, что вам страви-

ли, потянет больше полумиллиона! Да еще сами потянете на тридцать центов — вполне приличная сумма выйдет.

Сержант обвел взглядом строй.

— А потому казенное имущество — хоть в лепешку разбейтесь, но доставьте обратно! Сами вы потеря невеликая, но время сейчас не такое, чтобы попусту разбрасываться экипировкой! Зарубите себе на носу: мне тут героев не надо. Лейтенанту — тоже. От вас требуется просто сделать ваше дело: отправиться вниз, выполнить задание, не прохлопать отбой и прибыть к месту сбора — на полусогнутых и в порядке номеров. Ясно?

Джелли вновь окинул строй взглядом.

— Считается, что план вам известен. Однако многие из вас, обезьян, за отсутствием хоть капли мозга наверняка забудут и гипноустановки, поэтому я повторяю. Нас сбросят в две цепи, интервал — две тысячи ярдов. По приземлении — тут же взять мой пеленг. Пока ищете укрытие — пеленгуйте напарников справа и слева. На все это — десять секунд. А после, до приземления фланговых, крушите все, что попадется под руку.

Фланговый — это я. Как помкомотделения, я должен был замыкать левый фланг, и меня слева

не прикроет никто. Дрожь усилилась…

— Как только приземлятся фланговые, выровнять цепи и уточнить интервал. На это у вас двенадцать секунд, все прочее бросьте. Затем — прыжками вперед, четные-нечетные. Помкомотделений следят за очередностью и чтобы фланги полностью завершили охват.

Сержант поглядел на меня:

— Если сделаете все как надо — в чем я сильно сомневаюсь, — то фланги сомкнутся как раз к отбою, и можете сваливать. Вопросы?

Вопросов, как всегда, не было. Джелал продолжал:

— И еще. Это не настоящий бой, а только рейд. Мы должны показать противнику нашу силу и нагнать на него страху. Нужно, чтобы они поняли: нам ничего не стоит стереть город в порошок. И если мы пока что не забрасываем их бомбами, пусть это их не успокаивает. Пленных не брать. Убивать только при необходимости, но на месте приземления уничтожить все. И если хоть один олух притащит назад хоть одну бомбу!.. Ясно?

Некоторое время он молча взирал на нас.

— «Дикобразы Расжака» должны быть, как всегда, на высоте. Перед смертью лейтенант просил меня передать вам, обезьяны, что и на небесах не

спустит с вас глаз ни на минуту… и надеется, что вы сможете покрыть славой свои имена!

Взглянув на сержанта Мигелаччо, командира первого полувзода, Джелли отступил в сторону, бросив напоследок:

— Падре, у вас пять минут.

Многие ребята вышли из строя и опустились на колени перед Мигелаччо. Вероисповедание здесь значения не имело: христиане, мусульмане, гностики, иудеи — всякий, кто хотел, мог рассчитывать на благословение перед броском. Говорят, есть части, где капеллан не идет в бой вместе с остальными, но я понять не могу: как же они там в таком случае вообще живут?! Как капеллан может благословлять других на то, чего не собирается делать сам? У нас, в Мобильной Пехоте, все идут в бросок и все дерутся — и капеллан, и кок, и даже секретарь нашего Старика. Когда мы сядем в капсулы, никто из Дикобразов не останется на борту — кроме Дженкинса, но тут уж вина не его.

Я не стал подходить к Мигелаччо — боялся, как бы кто не заметил, что меня трясет. В конце концов, падре и оттуда может меня благословить. Однако он, напутствовав остальных, подошел ко мне сам и прислонил свой шлем к моему, чтоб

обойтись без радио.

— Джонни, — тихо сказал он, — ты впервые идешь в десант капралом.

— Ну да…

На самом-то деле я был такой же капрал, как Джелли — офицер.

— Послушай, Джонни… Отыскать свои «метр на два» никогда не поздно и всегда слишком рано. Ты свое дело знаешь, вот и делай его. Ни больше, ни меньше. Не лезь из кожи вон ради медалей, ладно?

— Ага, спасибо, падре. Хорошо.

Он мягко добавил что-то на языке, которого я не знал, хлопнул меня по плечу и поспешил к своему отделению.

— Смир-р-р… на!!! — крикнул Джелли. Все застыли.

— Взво-од!

— Полувзвод!.. — подхватили Мигелаччо и Джонсон.

— По полувзводам… с левого и правого борта… к броску… товсь!

— Полувзвод! По капсулам!

— Отделение!..

Мне пришлось подождать, пока рассядутся и уйдут в «ствол» четвертое и пятое отделения.

Потом в «стволе» показалась моя капсула. Забираясь в нее, я успел подумать: а тех, древних, тоже дрожь брала, когда они влезали в своих троянских коней? Или это только я один такой?

Джелли проверил каждую капсулу на герметичность и собственноручно упаковал меня. При этом он, наклонившись, шепнул:

— Не тормози там, Джонни! Все как на учениях!

Люк надо мной захлопнулся, и я остался один. Как на учениях, значит… Меня затрясло с новой силой.

В наушниках послышался голос Джелли. Он вызывал капитана:

— Мостик! Дикобразы Расжака, к броску готовы!

— Семнадцать секунд, лейтенант! — раздалось в ответ веселое контральто капитана. Она обратилась к Джелли как к «лейтенанту»… Конечно, лейтенант Расжак мертв, и, может, Джелли скоро присвоят это звание… но пока что мы — Дикобразы Расжака.

— Удачи, ребята, — добавила она.

— Спасибо, капитан.

— Не подкачайте! Пять секунд…

Я был перетянут ремнями, будто багажный

тюк, — живот, лоб, голени, — однако трясло меня пуще прежнего.

После отстрела всегда становится легче. До того сидишь в полной темноте, против перегрузок перебинтованный, как мумия, — тут и дышать-то трудно. Но в капсуле — азот, и шлема снимать нельзя, даже если б ты и мог его снять. Да и капсула все равно уже в «стволе»... В общем, если по кораблю попадут до того, как отстрелят твою капсулу, ты так и сдохнешь от удушья, не в силах пошевельнуться. От этого-то ожидания в темноте, наверное, и трясет — как подумаешь иногда: а вдруг ты остался один?! Корабль с развороченным корпусом несется по орбите на манер «летучего голландца», и скоро ты, не способный даже шевельнуться, начнешь задыхаться... А может, корабль сошел с орбиты; тогда найдешь свои два квадратных метра внизу — если не сгоришь по дороге.

Тут корабль начал торможение, дрожь отпустила. По меньшей мере восемь «же», если не все десять! Если за штурвалом женщина, то, считай, хорошая встряска тебе обеспечена, а привязные ремни оставят на теле массу синяков. Да, я в курсе, из женщин выходят лучшие пилоты — реакция у них быстрее, перегрузки они переносят

лучше, и потому маневр «налет — отступление» они выполняют гораздо четче и быстрее. Это здорово повышает наши шансы выжить; их шансы — тоже. И все-таки, когда на тебя навалился вес в десять твоих собственных, веселого в этом мало, я вам скажу.

Но капитан Деладрие дело свое знала туго. Я даже не почувствовал, как наш «Роджер Янг» прекратил торможение, только услышал ее команду:

— Носовые… Пуск!

Последовали два толчка — вниз пошли Джелли и помкомвзвода, — и тут же:

— Левый и правый борт… Пуск!

Теперь наша очередь.

БАМП! Капсула продвигается вперед. БАМП! Еще продвигается — примерно как патрон в обойме старого автоматического оружия. Здорово похоже, только стволы больше смахивают на тунели, вмонтированные в космический корабль, а каждый патрон — это капсула, в которой кое-как помещается пехотинец с полной выкладкой.

БАМП! Обычно третьим номером бывал я, но сейчас я шел «Чарли-хвостиком», то есть замыкающим, последним из всех трех расчетов. Капсулы отстреливались с секундным интервалом, од-

нако ждать было скучно, и я принялся считать отстрелы. БАМП! — двенадцать. БАМП! — тринадцать. БАМП! — четырнадцать… Странный звук — это пошла пустая, Дженкинс остался на борту… БАМП!..

КЛАНГ! Теперь моя очередь, я уже в камере отстрела. УАММММММ! Последовал взрыв, рядом с которым маневр торможения в исполнении капитана Деладрие — детские игрушки…

А потом — ничего.

Вообще ничего. Ни звука, ни тяжести, ни перегрузок. Полет в полной тишине; свободное падение миль, похоже, на тридцать. Атмосферы пока что, считай, вовсе нет — падаешь себе потихоньку на никогда не виданную планету… Теперь меня не трясло — ожидание кончилось. И вообще после отстрела бояться уже некогда — если что и случится, все равно даже пикнуть не успеешь.

Капсула начала раскачиваться, затем выровнялась, потом стал возвращаться и вес. Нарастал он быстро, и скоро я почти достиг своей нормы — нам говорили, на поверхности здесь 0,87 «же». Капсула вошла в верхние слои атмосферы. Хороший пилот, мастер, должен затормозить и отстрелить капсулы так, чтобы они шли параллельно экватору и со скоростью, равной скорости

вращения планеты. Тогда они пройдут верхние слои атмосферы с небольшим разбросом и приземлятся не слишком далеко от места назначения. Ну, может, некоторых отнесет подальше — всех атмосферных штучек, конечно, не учесть. А если пилот растеряется, то может так раскидать десант, что собраться в точке рандеву будет очень сложно, а это — верный провал операции. От пехотинца можно ожидать чего-то стоящего, только если точно вывести его на цель, поэтому лично я считаю, что пилоты важны не меньше, чем мы.

Капсула вошла в атмосферу мягко — стало быть, капитан положила нас с отклонением, близким к нулю, о таком можно только мечтать! Я почувствовал себя счастливым — и не только оттого, что мы приземлимся точно. Пилот, который так здорово сработал бросок, не подкачает и потом, когда нам придется возвращаться.

Внешняя оболочка капсулы загорелась и начала отходить. Похоже, неровно — я закувыркался. Затем она отошла полностью, и я выровнялся. Заработали турбулентные гасители скорости второй оболочки. Меня затрясло пуще прежнего. Пока носители сгорали, болтанка усилилась, а потом начала отходить вторая оболочка. Это

одна из тех уловок, что укрепляют в пехотинце надежду дожить до пенсии. Отходя, оболочки не только тормозят падение — они вдобавок заполняют небо вокруг десантника таким количеством мусора, что радары внизу вместо каждой цели показывают целую уйму. И любая из точек на экране может быть бойцом, или бомбой, или чем-нибудь еще. За глаза хватит, чтоб любая система наведения спятила, — да так с ними обычно и бывает.

Для пущего смеху с корабля сразу вслед за нами отстреливают еще серию пустышек — они падают быстрее, потому что не сбрасывают оболочек, достигают земли прежде нас, взрываются и расчищают место посадки. Да еще работают как импульсные повторители, сбивая с толку радары, — в общем, делают массу дел, добавляя хлопот тем, кто должен организовать нам внизу торжественный прием.

Тем временем на корабле, оставив побоку весь этот радарный шум, ни на миг не выпускают из виду радиомаяк комвзвода и вычисляют точку приземления — для разных будущих подробностей.

Вторая оболочка полностью отошла, и из третьей автоматически выстрелился первый

ленточный парашют. Работал он недолго, а рассчитан был и вовсе ни на что — мощный рывок, и парашют летит ко всем чертям. Второй парашют работал немногим дольше, а третий — уже порядком. В капсуле стало жарковато. Пора подумать о приземлении.

Третью оболочку сорвало вместе с последним парашютом. На мне остались скафандр да пластиковое яйцо, внутри которого я был привязан. Двигаться я все еще не мог. Теперь пора определиться с посадкой. Нажав кнопку под пальцем, я включил дисплей ближнего обзора, расположенный на лицевой панели шлема, и снял данные.

Миля и восемь десятых. Малость пониже, чем я привык, — особенно в одиночку. Яйцо падало с постоянной скоростью, а значит, держаться за него дальше не было смысла. Но, судя по температуре оболочки, автоматика откроет его еще не скоро. Я нажал кнопку немедленного освобождения.

Первый заряд перебил ремни, второй взорвал пластик, распавшийся на восемь частей, а я остался сидеть прямо в воздухе и наконец-то мог видеть. Все восемь кусков оболочки, кроме маленького обзорного окошка, металлизированы и дают радару такой же сигнал, как и человек

в скафандре. Наблюдатель, будь он живой или электронный, потратит кучу времени, пытаясь вычислить меня на экране среди кусков и обломков, разбросанных на милю вокруг. На учениях всем пехотинцам дают поглядеть собственными глазами и на экране радара, какую кашу в воздухе наблюдают с земли. Это — чтобы не чувствовали себя беззащитными в воздухе, иначе слишком легко поддаться панике и подставиться. Например, раскрыть парашют раньше, чем надо, и превратиться в «сидячую утку» — кажется, так это называют… Кстати — утки действительно «сидят»? Как это? Или вовсе не раскроешь парашют и сломаешь шею…

Я потянулся, распрямился и оглядел окрестности.

Потом сложился пополам и выпрямился снова, но уже лицом вниз, в положении «ныряющий лебедь», чтобы улучшить обзор. Внизу была ночь, об этом нас предупреждали, однако инфравизоры показывают все достаточно хорошо — когда к ним привыкнешь. Прямо подо мной находилась река, по диагонали пересекавшая город. Она ярко светилась на дисплее — вода была гораздо теплей почвы — и стремительно надвигалась. Мне было все равно, на какой из берегов садиться, лишь бы

не в воду — это здорово задержит.

Вспышка справа — примерно на моей высоте. Какой-то неприветливый туземец, похоже, спалил один из обломков моей капсулы. Я тут же раскрыл парашют, чтобы по возможности убраться из поля зрения его радара — на тот случай, если он вздумает проследить до приземления все цели в выбранном районе. Меня тряхнуло, я тут же выправился, обуздал парашют, секунд двадцать потихоньку плыл к земле, а потом отстегнул его — что, по-вашему, может означать цель, снижающаяся куда медленней остальных?

Должно быть, все хитрости сработали — никто меня не изжарил.

На шестистах футах я раскрыл еще парашют и быстро осмотрелся. Меня несло прямо в реку, а когда я снижусь футов до ста, то окажусь над зданием с плоской крышей — наверное, склад. Он стоял у самого берега. Отстегнув парашют, я врубил двигатели скафандра и, приземлившись прямо на крышу, взял пеленг командира взвода.

Оказалось, берег я выбрал не тот. На кольце радиокомпаса в шлеме огонек Джелли светился далеко к югу — стало быть, я слишком забрал на север. Я бросился по крыше к реке и на ходу взял пеленг командира соседнего расчета. Он был в

миле от меня:

— Эйс, выравнивай цепь!

Оставив на крыше бомбу, я прыгнул через реку, к постройкам на том берегу.

Ответ Эйса можно было вычислить заранее. Именно он должен был занимать мой нынешний пост, только не захотел покидать свое отделение. Но принимать от меня приказы он тоже не желал.

Склад позади взлетел на воздух. Я полагал, что взрывная волна нагонит меня уже на том берегу, когда я буду прикрыт зданиями, — однако она накрыла меня еще в воздухе. Мой гироскоп чуть не завалило набок, а вместе с ним и я едва не перевернулся. Но я ведь поставил бомбу на 15 секунд… или нет? Похоже, я потерял контроль над собой, а из всех штук, что ты можешь выкинуть в бою, эта — самая худшая. «Все как на учениях», — говорил Джелли. Не жалей времени; все делай как следует, пусть на это уйдут лишние полсекунды.

Приземлившись, я опять связался с Эйсом и снова приказал перестраивать отделение. Он не ответил, но перестраиваться начал. Ну и черт с ним. Пока Эйс делает что положено, можно простить ему грубости — временно. Однако, ес-

ли мы вернемся на корабль и Джелли утвердит меня в помкомах, придется выбрать укромное местечко и выяснить, кто здесь главный. Пусть Эйс — настоящий капрал, а я только занимаю капральскую должность, он должен подчиняться мне. В боевой обстановке нельзя постоянно отвлекаться на дерзости подчиненных.

Размышлять об Эйсе в деталях времени не было. Перелетая реку, я засек весьма аппетитную цель и хотел приблизиться к ней, пока до нее не добрался кто-нибудь еще. Отличная, большая группа общественных зданий — или что-то похожее — на вершине холма. Храмы, а может быть, дворцы… Они примерно на милю выступали из нашего района, однако при маневре «ударил — отходи» есть правило, по которому половину боезапаса можно истратить в стороне от зоны охвата. Так противнику трудней понять, куда направлена атака, а потому — круши и сматывайся поскорей. У противника всегда подавляющий численный перевес, от внезапности и быстроты зависит твоя жизнь.

Я приготовил ракетомет и в то же время связался с Эйсом, повторив ему приказ о выравнивании цепи, но на самом интересном месте меня прервал Джелли на частоте, принимаемой всем

взводом:

— Взвод!.. Прыжками… Марш!

И тут же отозвался мой начальник, сержант Джонсон:

— Прыжками… Нечетные… Марш!

Значит, еще секунд двадцать у меня есть. Я вспрыгнул на крышу здания неподалеку, вскинул к плечу ракетомет и нажал первую гашетку, чтоб ракета «увидела» цель. Нажав вторую, проводил ракету взглядом и, спрыгнув вниз, крикнул:

— Второе отделение! — Отсчитал в уме секунды и приказал: — Четные… Марш!

Выполняя свой собственный приказ, я прыгнул через улицу, а пока был в воздухе, прошелся из ручного огнемета по ряду зданий у берега реки. Они, наверное, были построены из дерева — здорово занялись. К тому же некоторые, кажется, содержали нефтепродукты или даже взрывчатку. Одновременно два наплечных реечных бомбодержателя отстрелили две небольшие бомбы на пару сотен ярдов — влево и вправо. Но что они там наделали, я не успел поглядеть — в этот момент моя ракета нашла цель. Кто хоть раз видел вспышку ядерного взрыва, ни с чем не спутает. Это, конечно, только семечки — по тротиловому эквиваленту около двух килотонн, с «трам-

бовкой», то есть сверхсжатием, позволяющим существенно уменьшить критическую массу… Но кому охота устраивать космические катастрофы под собственным задом? Ракеты вполне хватило, чтоб снести напрочь верхушку холма и заставить горожан попрятаться от активных осадков. Вдобавок те из туземцев, кому посчастливилось именно в этот момент высунуть нос наружу и посмотреть на холм, по крайней мере полчаса не увидят ничего, в том числе и меня. Ни меня, ни кого-нибудь из наших это не касалось — шлемы освинцованы, а на лбу всегда темные фильтры. Нас специально тренировали: резко киваешь головой и сбрасываешь их на глаза, если случайно повернулся в сторону взрыва.

Словом, я только моргнул, а затем, открыв глаза, увидел туземца, вылезающего из пролома в стене прямо передо мной. Он смотрел на меня, я — на него, он начал поднимать какую-то штуку — наверное, оружие, — и тут Джелли скомандовал:

— Нечетные… Марш!

Мне некогда было валять дурака — уже сейчас я должен быть в пяти сотнях ярдов впереди. В левой руке я все еще держал огнемет. Поджарив туземца, я прыгнул через здание, из которого он вылез. Ручной огнемет прежде всего предназна-

чен для поджигания, однако против одинокого врага в ближнем бою куда как хорош — целиться из него не надо.

За всеми делами я забылся и прыгнул слишком высоко и далеко. Заманчиво, конечно, выжать из скафандра все, что можно, однако в бою это верная смерть. Висишь в воздухе чуть не вдвое дольше, чем надо, а твоя задница в это время представляет собой отличную мишень. Передвигаться положено, перескакивая со здания на здание: прыгнул, выжег окрестности, спрыгнул, укрылся… Главное — нигде не задерживаться больше двух секунд, не давать противнику времени прицелиться в тебя. Никогда не будь там, где тебя ищут, — словом, не тормози.

А я на сей раз перестарался — прыжок был слишком высок, чтоб приземлиться на следующей улице, но до той, что за ней, не дотягивал. Я летел прямо к одной из крыш. Она была не такая плоская и удобная, здесь не найти трех секунд на запуск еще одной малютки. Сплошь утыкана трубами, арматурой, какими-то непонятными железяками — наверное, фабрика или химический завод. Места для меня почти не было. Вдобавок на крыше отирались с полдюжины туземцев. Чудики эти человекоподобные, 8–9 футов

росту, только гораздо тоньше нас да температура тела у них повыше. Одежды они не носят и через инфравизоры здорово смахивают на неоновую рекламу.

Если смотреть простым глазом, они еще смешней. Лучше, конечно, иметь дело с ними, чем с пауками: от одного вида этих багов меня выворачивает наизнанку.

Если аборигены забрались сюда секунд тридцать назад, когда взорвалась моя ракета, то они не могут видеть ни меня, ни кого-либо еще. Однако на все сто я в этом уверен не был и в любом случае не хотел из-за них тормозить — не такой у нас нынче рейд. Потому я прямо с воздуха прыгнул снова, бросив им горсть десятисекундных зажигательных пилюль, чтобы они занялись делом. Приземлился, снова прыгнул, скомандовал:

— Второй полувзвод... Четные... Марш! — и продолжал движение, стараясь нагнать своих и высматривая на ходу, куда бы всадить ракету. У меня оставалось еще три штуки, и я вовсе не хотел тащить их обратно. Но нам долго вдалбливали, что цель должна стоить тех денег, которые вложены в орудие ее уничтожения, — иначе ракету следует поберечь. Подобное оружие мне доверили всего во второй раз...

Сейчас я хотел найти их водозаборы. Одно прямое попадание — и весь город станет непригодным для жизни. А это и было нашим заданием — вынудить население к эвакуации без массового истребления оного. Судя по карте, изученной нами под гипнозом, водозаборы должны быть впереди, милях в трех.

Но пока я их не видел — наверное, прыгал слишком низко. Собрался было прыгнуть повыше, но вовремя вспомнил, что сержант Мигелаччо советовал не стараться заработать медаль. Я переключил бомбодержатели на плечах на автозапуск, так я мог поражать случайные цели, не отвлекаясь от поисков чего-нибудь стоящего — пара бомб отстреливалась при каждом прыжке.

Нечто стоящее — по крайней мере, большое — скоро нашлось. Может, это и были водозаборы. Я вскочил на крышу самого высокого из соседних зданий, прицелился, пустил ракету, спрыгнул вниз и тут же услыхал голос Джелли:

— Джонни! Ред! Начинайте охват!

Мы с Редом ответили: «Есть начинать охват!» Включив пищалку, чтоб Ред всегда мог брать мой пеленг, я поймал его пеленг и скомандовал:

— Второй полувзвод! Развернуться для охвата! Командирам отделений — подтвердить получе-

ние приказа!

Четвертое и пятое отделения ответили: «Есть!», а Эйс буркнул:

— Уже, уже. Шевели ногами!

И он был прав. Судя по пеленгу Реда, правый фланг находился прямо передо мной, но все еще в добрых пятнадцати милях. Надо пошевеливаться, иначе не успею вовремя. А ведь половина боезапаса все еще оттягивает спину, и надо найти время для его применения!

Десант приземлился в V-образном строю. В середине Джелли, а на «плечах» — мы с Редом. Теперь нужно свести плечи так, чтоб получился круг с центром в точке рандеву. Значит, мы с Редом должны пройти куда как больше остальных — и простору для стрельбы у нас, выходит, больше.

Слава богу, хоть «продвижение прыжками» кончилось. Теперь можно спокойно оценить обстановку и набрать скорость. А обстановка тем часом становилась все горячее — несмотря даже на быстроту продвижения. Вначале у нас было преимущество — внезапность; надеюсь, что все приземлились благополучно. И бой мы ведем так, чтобы исключить возможность попадания в своих; противник имеет на это гораздо больше шансов, когда стреляет по нам, — если вообще

может увидеть нас, чтобы выстрелить. Я не силен в теории игр, однако сомневаюсь, что какой угодно компьютер, анализируя мои действия, сможет точно предсказать, где я буду в следующую секунду.

Тем не менее местная оборона начала отвечать огнем — не знаю уж, прицельным или как. Совсем рядом грохнула пара мощных взрывов — у меня даже в скафандре зубы лязгнули, а потом я получил порцию направленного излучения, от которой волосы встали дыбом и на один миг парализовало всю мою верхнюю половину, по самые локтевые отростки. Если бы скафандр не получил перед этим импульса к прыжку, там бы я и остался.

Такие-то штучки и наводят порой на мысль — какого черта понесло меня в армию? Однако сейчас мне некогда было размышлять на эту тему. Дважды прыгнув через улицы наугад, я вдруг приземлился прямехонько в толпу туземцев и тут же прыгнул снова, отмахнувшись струей пламени из огнемета.

Это придало мне прыти, и я сократил разрыв примерно наполовину — однако, затратив минимум времени на продвижение, не нашел ни одной стоящей цели. Бомбодержатели отстре-

лили последние бомбы еще два прыжка назад. Оказавшись во дворе, похожем на колодец, я остановился, чтобы перезарядить их, и тем временем посмотрел, чем занимается Эйс. Оказалось, что я все еще достаточно далеко от наших и вполне могу подумать, что делать с остатком ракет. Я вскочил на крышу самого высокого дома поблизости.

Света было уже достаточно, чтобы видеть без инфравизоров. Я поднял их на лоб и быстро огляделся. Высматривал я что-нибудь находящееся позади нас и достойное ракеты с ядерной боеголовкой. Впрочем, времени на выбор почти не было.

На горизонте, по направлению к их космодрому, маячило нечто подходящее. Может, контрольное сооружение, а может, даже звездолет. Примерно на полпути к нему туземцы отгрохали что-то непонятное — даже приблизительно не похожее на что-нибудь знакомое. Космодром был почти на предельном расстоянии, однако я все же показал его ракете: «Ну, маленькая, дай им!»

Пустив ее, я тут же приготовил вторую, последнюю, выпустил ее по непонятному строению и прыгнул.

Стоило мне покинуть крышу, как здание взле-

тело на воздух — прямое попадание. Вероятно, местные рассудили, и совершенно справедливо, что стоит пожертвовать домом ради одного из нас. А может, это кто из наших парней решил, что нечего больше осторожничать. Во всяком случае, мне расхотелось передвигаться по крышам, и следующую улицу я решил пройти насквозь. Вытащив из-за спины тяжелый огнемет, я стряхнул на глаза затемнители, сконцентрировал луч, вырезал, будто ножом, кусок стены напротив, вошел… И тут же выскочил обратно.

Не знаю, куда это меня занесло. Может, это была их церковь, может, ночлежка, а может, и штаб командующего обороной. Громадное такое помещение, а худышек там собралось больше, чем мне за всю жизнь хотелось бы встретить.

Хотя не церковь, один в меня выстрелил, когда я отходил назад. Для моего скафандра это, конечно, семечки — просто тряхнуло немного, но даже не ранило, а пуля ушла рикошетом. Только в ушах зазвенело. Звон этот напомнил мне, что невежливо было бы уйти, не оставив им что-нибудь на память. Я сорвал с пояса что под руку попало и, бросив в пролом, услышал кваканье. Да, верно нам говорили в учебке: сделать сразу куда полезней, чем все обдумать и то же самое

сделать через час!

Совершенно случайно выбор оказался идеальным. Это была специально изготовленная для сегодняшнего рейда бомба — каждому дали только по одной такой с указанием использовать наиболее эффективно. Квакала она на местном языке — в вольном переводе примерно так:

«Раз-два-три-четыре-пять, надо, детки, убегать! Я не рыбка, я не гусь, полминутки — и взорвусь! Двадцать девять, двадцать восемь…»

Предполагалось, что это должно потрепать им нервы. Да уж, такого и мои нервы не выдержат… Будто такой злобный малец бойко тараторит считалку, по окончании которой взорвет все вокруг. Конца считалки я не стал дожидаться, а прыгнул дальше, гадая, найдется ли в зале достаточно окон и дверей, чтобы все смогли убраться вовремя.

В прыжке я взял пеленг Реда, а приземлившись — Эйса. Ух ты, опять отстаю — времени в обрез.

Через три минуты мы сомкнули фланги: теперь Ред находился в полумиле слева. Он доложил об этом Джелли. В ответ по общей связи раздался облегченно-радостный рык:

— Отлично! Круг замкнулся, но маяк еще не сброшен. Давайте потихоньку вперед. Не стойте столбами, добавьте им перцу, крушите все, что

найдете! Только следите за напарниками справа и слева — к нашим это не относится! Хорошо сработано, теперь главное — напоследок не подгадить! Взво-од!.. По отделениям!.. Рассчитайсь!

Да, похоже, и вправду неплохо сработано — почти весь город в огне. Было уже совсем светло, однако еще вопрос, снимать ли инфравизоры — такой дымина кругом!

Наш командир полувзвода Джонсон скомандовал:

— Второй полувзвод… Рассчитайсь!

Я отозвался:

— Отделения четыре, пять, шесть — разберись по порядку номеров и доложи!

Среди всего прочего у нас имелись новые многоканальные рации. Джелли мог связаться со всеми сразу и — выборочно — с командирами полувзводов. Командир полувзвода — со всеми своими и отдельно с капралами. Таким образом, перекличка взвода занимала считаные секунды. Я слушал перекличку четвертого отделения, тем временем просматривая свой боезапас, и даже успел бросить гранату в туземца, высунувшего нос из-за угла. Он куда-то пропал. Я тоже смылся. Начальство говорит — не стой столбом…

В четвертом отделении тормозили, пока их

командир не допер, что пустой номер принадлежит Дженкинсу, оставшемуся на корабле. Пятое отщелкало, как метроном, и я уж облегченно вздохнул…

…И тут перекличка затормозилась на пятом номере в отделении Эйса.

— Эйс, где Диззи?

— Заткнись, — буркнул он. — Номер шесть!

— Я! — ответил Смит.

— Номер семь!

Подбив итог, Эйс доложил:

— Шестое отделение; нет Флореса. Командир отделения идет на поиски.

— Отсутствующих — один, — доложил я Джонсону, — Флорес, отделение шесть.

— Отстал или убит?

— Не могу знать. Командир отделения и помкомполувзвода идут на поиски.

— Джонни, Эйс справится сам!

Но я уже не слушал и не ответил. Я услышал, как Джонсон докладывает о происшествии Джелли, а тот проклинает всех и вся. Нет, я не рвался за медалью. Выходить на поиск пропавшего — прямая обязанность помкомполувзвода. Он — вроде довеска; на катер возвращается последним, и вообще — прямая расходная статья. А у

комотделения свои дела есть. Да вы, конечно, уже догадались, что помком вовсе ни на что не нужен, пока командир отделения жив.

И тут я почувствовал себя действительно никому не нужным и списанным в расход — в наушниках зазвучала приятнейшая мелодия во Вселенной, отбой, сигнал нашего катера. То есть сигнал посылает автоматический передатчик. Его выпускают вперед, а он, достигнув цели, вколачивается в землю на манер гвоздя и принимается передавать позывные.

Катер, который должен нас подобрать, является в указанное место тремя минутами позже, и тут уж тормозить не стоит — этот автобус ждать не может, а следующего не предвидится.

И все же уйти и бросить товарища, пока есть хоть один шанс, что он жив, — нельзя. Ни у Дикобразов Расжака, ни в других подразделениях Мобильной Пехоты. Ты должен попытаться найти его.

Я услышал голос Джелли:

— Ребята, не унывай! Теснее круг, прикрываем отход! Вперед!

И я услышал мелодию маяка: ВО СЛАВУ ПЕХОТЫ СИЯЕТ В ВЕКАХ, СИЯЕТ В ВЕКАХ, СИЯЕТ В ВЕКАХ ИМЯ РОДЖЕРА ЯНГА! Захотелось бросить все и

бежать к маяку — так тяжело мне стало.

Вместо этого я, направляясь совсем в другую сторону, связался с Эйсом, разбрасывая по дороге бомбы и жгучий горошек, чтобы не таскать лишнего веса.

— Эйс! Ты нашел его сигнал?

— Нашел, нашел. Топай назад, и без сопливых скользко!

— Я тебя вижу, а где он?

— Прямо впереди меня, может, четверть мили. Мотай отсюда. Он из МОИХ ребят!

Я не ответил, а просто взял чуть левее, чтобы встретить Эйса там, где, по его словам, должен быть Диззи.

Я нашел Эйса стоящим прямо над ним. Рядом валялась пара дымящихся трупов туземцев, а еще целая куча их разбегались кто куда. Я стал рядом.

— Давай вынем его из скафандра — катер придет через несколько секунд!

— Нет, ему слишком плохо!

Поглядев, я понял, что Эйс прав — в скафандре зияла громадная дыра, из которой текла кровь. Я был сбит с толку. Найдя раненого, положено вынуть его из скафандра… а потом просто берешь его на руки — ты-то в скафандре, какие пробле-

мы? — и прыжками вперед. Вес человека куда меньше, чем вес боезапаса, который ты уже успел израсходовать.

— А… Что же делать?

— Понесем так, — угрюмо буркнул Эйс. — Бери слева.

Сам он взялся справа, и мы поставили Флореса на ноги.

— Держи крепче. На счет «два» — прыжок. Раз… два!

Мы прыгнули. Не так уж далеко и высоко. Человек весит не много и ни капли нам не мешал бы. Другое дело — скафандр, он слишком тяжел. Однако вдвоем можно кое-как справиться.

Прыжок, и еще, и еще… И каждый раз Эйс отсчитывал старт, а при посадке приходилось изо всех сил поддерживать Диззи — его гироскоп, похоже, совсем вырубился.

Катер приземлился, и маяк перестал подавать сигнал. Я уже видел катер, но… слишком далеко. Я слышал, как помкомвзвода командует:

— По порядку номеров… к посадке… товсь!

И тут же — голос Джелли:

— А-ат-ставить!

Наконец мы выбрались на открытое место. Можно было видеть корму катера, стоявшую на

грунте, можно было слышать вой сирены. Наш взвод занял у катера круговую оборону…

Раздался голос Джелли:

— По порядку номеров… посадку начинай!

Но мы все еще были слишком далеко! Мне было видно, как грузится первое отделение, а кольцо вокруг катера сужается…

И из этого кольца вырвалась фигура и помчалась к нам со скоростью, какую только может выжать офицерский скафандр.

Джелли доскакал до нас, когда мы были в воздухе. Ухватив Флореса за бомбодержатели, он помог нам опустить его.

В три прыжка мы добрались до катера. Все уже были на борту, но люк пока не задраили. Мы втащили Флореса внутрь, забрались сами и захлопнули люк. Тем временем командир катера проклинала нас на все лады — из-за задержки она опаздывала к стыковке, и теперь могли погибнуть все! Джелли не удостоил ее ответом. Уложив Флореса на пол, мы рухнули рядом. Когда катер стартовал, Джелли сказал самому себе:

— Все налицо, лейтенант. Трое раненых, но все — налицо.

О капитане Деладрие я уже говорил — лучшего пилота просто не может быть! Стыковка катера

с кораблем на орбите рассчитана до секунды. Не знаю отчего, но изменить время нельзя. Просто невозможно.

Но она совершила невозможное! Увидев, что катер стартовал с опозданием, она затормозила, сдала назад, опять набрала скорость… и подобрала нас! При помощи своих глаз и рук — ведь у нее не было времени просчитывать все на компьютере! И если Творцу Всемогущему понадобится помощник — приглядывать, чтобы звезды не сбивались с положенного пути, — я знаю, кто займет эту должность.

Диззи Флорес умер на пути к кораблю.

Глава 2

— Я от страха задрожал,
я оттуда убежал.
Без оглядки и не тормозя.
Сам от ужаса не свой,
Я примчался в дом родной,
В матушкиной спальне заперся!

Янки-Дудль, помоги,
Мне — плясать бы с той ноги
Да с девкой не робеть бы.
Янки-Дудль, денди!

Я никогда не думал всерьез об армии. И уж во всяком случае — что окажусь в пехоте! Куда там; я скорее позволил бы влепить мне десять плетей при всем честном народе, дав отцу повод сказать, что я позорю нашу фамилию!

Однажды, уже в выпускном классе, я как-то заикнулся, что хочу поступить на федеральную службу. Наверное, все ребята подумывают об этом, когда впереди — восемнадцатый день рождения. А мне должно было исполниться

восемнадцать через неделю после окончания школы. Конечно, у большинства с этим дальше мыслей не заходит — так, поиграются малость, а потом идут работать или еще куда… И сам я наверняка поступил бы так же, если б мой лучший друг не намылился в армию на полном серьезе.

В старших классах мы с Карлом все делали вместе — вместе бегали за девчонками, вместе назначали свидания, вместе принимали участие в спорах и вместе занимались электроникой в его домашней лаборатории.

Сам-то я в электронике был не силен, зато отлично умел паять и все такое. Стало быть, Карл вынашивал идеи, а я — претворял их в жизнь. Это было весело — да и все, что мы вместе делали, было весело. У Карловых родителей, конечно, не было столько денег, как у моего отца, но это не имело значения. Когда отец подарил мне к четырнадцатилетию небольшой вертолет «Ролле», он в равной мере принадлежал и Карлу, так же как его домашняя лаборатория — мне.

И когда Карл сказал, что после школы, прежде чем продолжать образование, отслужит срок, я чуть не подавился. Он говорил всерьез, и видно было, что все уже обдумано, решено и подписано, а иначе и быть не может.

И тогда я сказал, что пойду в армию вместе с ним.

Карл ошалело уставился на меня:

— Так ведь… Старики твои не позволят.

— Ха! Как это они мне «не позволят»?!

Действительно, остановить меня законным путем было невозможно. Это — первое (а порой и последнее) решение, которое человек может принять самостоятельно. Когда парень или девчонка достигают восемнадцати лет, они могут свободно поступить на службу, и ничье мнение здесь роли уже не играет.

— Посмотрим, — сказал Карл и сменил тему.

Вскоре я осторожно заговорил об этом с отцом. Он отложил свою газету, вынул изо рта сигару и вытаращил на меня глаза:

— Сынок, с тобой все в порядке?!

Я буркнул, что вроде бы да. Отец вздохнул:

— Не похоже… Да, я мог предвидеть нечто подобное — дети растут… Я помню, когда ты только-только научился ходить, то превратился в самого настоящего дьяволенка, и надолго. Помнится, ты разбил одну из маминых ваз эпохи Мин — я уверен, нарочно… Однако ты был слишком мал, чтобы знать ей цену, а потому я просто отшлепал тебя по рукам. Помню тот день, когда ты

стащил у меня сигару, а потом тебя выворачивало наизнанку… Да, да, ведь мы с мамой прекрасно видели, что за ужином ты ничего не мог есть, но ничего не сказали… до сих пор. Мальчишкам обязательно надо попробовать, чтобы убедиться — мужские забавы пока не для них. А потом ты подрос и начал понимать, что девочки совсем не похожи на мальчиков…

Отец снова вздохнул.

— Да, все это нормально… В том числе и последняя твоя выдумка. В переходном возрасте кто из мальчишек не желает поступить на службу и носить красивую форму? Впрочем, иногда они вдруг решат, что любят — так, как никто еще никогда не любил, и сию минуту должны жениться… А случается, одно другому не мешает.

Он невесело улыбнулся.

— Именно так было в свое время со мной. Но я переступил через оба увлечения и не позволил им сделать из меня идиота и сломать мне жизнь.

— Но, пап! Я же не собираюсь… ломать жизнь! Всего один срок службы — я ведь не в кадровые иду…

— Оставим пока этот разговор, хорошо? А я объясню тебе, чего ты на самом деле хочешь. Во-первых, наша семья держится в стороне от

политики и потихоньку возделывает свой сад уже сто с лишним лет. Лично я не вижу смысла ломать эту добрую традицию. Я не сомневаюсь, что тебя сбил с пути один тип. Он преподает у вас в старших классах, как бишь его?.. В общем, ты понимаешь, о ком я.

Отец имел в виду нашего преподавателя Истории и Философии Морали — разумеется, ветерана.

— Его зовут мистер Дюбуа.

— Хм… Дурацкая фамилия, как раз ему под стать. Иностранец, конечно. Похоже, теперь, в обход всех законов, школы используют в качестве вербовочных пунктов! Ох, напишу я письмецо по этому поводу! В конце концов, налогоплательщики тоже… имеют кое-какие права!

— Но, пап, он же ничего такого не делает! Он… — Тут я осекся, не зная, как это описать. Дело в том, что мистер Дюбуа держался с нами донельзя высокомерно. Всем видом своим он давал понять, что никто из нас не достоин даже близко быть подпущенным к государственной службе. В общем, мне он совсем не нравился. — Да он скорее только отбивает всякую охоту идти в армию!

— Хм… Ты что, не знаешь, как свиней на бойню водят?.. Ладно, вздор. Когда окончишь школу,

отправишься в Гарвард изучать бизнес, это ты знаешь. Потом поедешь в Сорбонну, будешь понемногу путешествовать, знакомиться с нашими представителями, смотреть, как идет наш бизнес. Начнешь с чего-нибудь простенького, вроде старшего клерка — это для проформы; потом и передохнуть не успеешь, как окажешься наверху. Я ведь не молодею; чем быстрей ты возьмешь дела на себя, тем лучше. И как только у тебя начнет получаться — бери все в свои руки! Тебе это подходит? Так стоит ли выбрасывать два года псу под хвост?

Я ничего не ответил. Все это было для меня не ново, все это я уже обдумывал. Отец поднялся и положил руку мне на плечо:

— Сынок, ты только не думай, что я... к твоему мнению равнодушен, это не так. Но следует смотреть фактам в лицо. Если бы сейчас шла война, я первый поддержал бы тебя, да и сам перевел наш бизнес на военные рельсы. Однако войны нет и, слава богу, похоже, никогда больше не будет. Мы уже переросли эпоху войн. Теперь на нашей планете мир и благоденствие, и нам доставляют истинное удовольствие дружественные отношения с другими планетами. Итак, чем же является так называемая «государственная

служба»? Да просто и ясно: сборищем паразитов! Она давно устарела, потеряла способность функционировать и живет исключительно за счет налогоплательщиков. Довольно дорогое удовольствие — кормить кучу бездарей, иначе оказавшихся бы безработными. Вначале несколько лет живут на жалованье, а потом пыжатся от гордости до конца дней! Может, и ты хочешь к ним?!

— Но Карл вовсе не бездарь!

— Извини. Конечно, не бездарь, он чудесный парень… хоть у него в голове и каша!

Отец нахмурился, но затем улыбнулся:

— Сынок, есть тут у меня для тебя один сюрприз к окончанию школы. Но, думаю, лучше сообщить о нем сейчас, чтобы тебе было легче выбросить из головы всякую чепуху. Не то чтобы я пугался твоей самостоятельности; я уверен в тебе, несмотря даже на твой возраст. Но ты сейчас на перепутье… а мой подарок поможет тебе развеяться. Угадай, что это?

— Н-не знаю.

Он широко улыбнулся:

— Это — путешествие на Марс!

Я, наверное, выглядел ошеломленным.

— Господи, пап, мне и в голову не могло прий-

ти…

— Я хотел удивить тебя, и мне это, кажется, удалось. Я знаю, все мальчишки с ума сходят по путешествиям — хотя, убей бог, не пойму, что там интересного. Разве что в первый раз. Тебе сейчас самое время слетать — одному, я этого, кажется, не сказал? И выбросить из головы всякие глупости — ведь когда ты включишься в работу, тебе с трудом удастся выкроить даже неделю для полета на Луну.

Отец снова взялся за газету.

— Ладно, не стоит меня благодарить. А теперь иди, дай мне спокойно дочитать газету. У меня сегодня еще встреча в узком кругу. Бизнес!

И я пошел. Похоже, отец считал вопрос исчерпанным, да и сам я — тоже. Марс! И к тому же — я один! Однако Карлу я об этом не сказал. Было у меня такое нехорошее чувство: он может расценить поездку как подкуп, да она скорее всего и была подкупом. И я просто сказал ему, что мой отец не разделяет моего мнения насчет службы.

— Ага, — ответил Карл, — мой тоже. Однако моя жизнь — это моя жизнь.

Я размышлял на эту тему во время последнего урока Истории и Философии Морали. От остальных предметов она отличалась тем, что была

обязательной, хотя экзаменов по ней мы не сдавали — мистеру Дюбуа, похоже, плевать было, усвоили мы что-нибудь или нет.

Только изредка он тыкал в кого-нибудь из нас культей левой руки (запоминать имена он не считал нужным) и задавал вопрос. И тут начиналось такое!

Однако на последнем уроке он, кажется, всерьез решил выяснить, чему же мы научились. Одна из девчонок довольно резко заявила:

— А моя мама говорит, что сила ничего не решает!

— Вот как?

Мистер Дюбуа с сожалением поглядел на нее:

— Я уверен, что отцы города под названием Карфаген были бы очень рады это слышать. Почему бы вашей матери не обнадежить их на этот счет? Или вы сами сделаете это?

Они вечно вот так препирались — ведь экзаменов по предмету не было, а стало быть, и опасаться мистера Дюбуа не стоило. Она чуть не завизжала:

— Что вы дурочку из меня делаете?! Все знают, что Карфаген был разрушен!

— Судя по вашему виду, вы об этом забыли, — ответил мистер Дюбуа с усмешкой. — Ну а раз

уж знаете, то скажите нам: что, как не сила, раз и навсегда определило его судьбу? И я не собирался «делать дурочку» из вас лично, можете поверить. Ничего не поделаешь, я против воли презираю такие непростительно глупые мысли. Всякому, кто исповедует исторически неверную — и полностью аморальную — доктрину о том, что «сила ничего не решает», я посоветовал бы обратиться к духам Наполеона Бонапарта и герцога Веллингтонского и обсудить этот вопрос с ними. Дух Гитлера вполне подойдет для того, чтобы рассудить вас, а места в большом жюри могли бы занять, скажем, Дронт, Большая Гагара и Странствующий Голубь. Сила, откровенная сила решила в истории человечества больше, чем какой-либо другой фактор, а противоположное мнение является в лучшем случае благим пожеланием. И если наши потомки когда-нибудь забудут эту основную истину, они оплатят свою забывчивость жизнью и свободой! Так было, и так будет.

Он вздохнул.

— Еще один год, еще один класс — и, похоже, еще одна неудача. Дать знания ребенку может кто угодно, однако никто не в силах научить его ДУМАТЬ.

Вдруг он ткнул пальцем в меня:

— Вот вы. В чем моральное различие — если таковое имеет место — между солдатом и штатским?

— Разница, — осторожно ответил я, — в их гражданском долге. Солдат берет на себя персональную ответственность за ту политическую общность, членом которой является, и защищает ее ценой своей крови, а иногда — и жизни. А штатский — нет.

— Слово в слово по учебнику, — презрительно буркнул мистер Дюбуа. — А лично вы как это понимаете? Вы в это вообще-то верите?

— Я… Не знаю, сэр.

— Ну да, еще бы… Я сомневаюсь, что кто-либо из вас вспомнит о таком понятии, как «гражданский долг», даже если увидит его воочию.

Мистер Дюбуа взглянул на часы:

— Все, время вышло. Может, встретимся когда-нибудь при обстоятельствах менее печальных… Ступайте.

Через три дня я получил диплом об окончании школы, а еще через три — на неделю раньше, чем у Карла, — был мой день рождения. Я никак не мог собраться сказать Карлу, что не смогу пойти в армию. Уверен был, что он и так все поймет, и

не касался этой темы — неудобно было. Просто мы встретились через день после его совершеннолетия и вместе направились к вербовочному пункту.

В паре шагов от Федерал Билдинг мы встретили нашу одноклассницу, Карменситу Ибаньес. Глядя на нее, можно было почувствовать радость оттого, что человечество делится на два пола! Нет, Кармен не была моей девчонкой — она не была ничьей девчонкой. Никогда никому не назначала свиданий дважды и ко всем относилась с равной долей приветливого безразличия. Однако я с ней был знаком хорошо — она пользовалась нашим бассейном, потому что он был построен по олимпийским стандартам. Когда с одним попутчиком, когда с другим, а порой и одна, что радовало мою маму, считавшую, будто Кармен «оказывает на меня положительное влияние». В чем-то мама была права.

Заметив нас, Кармен притормозила и улыбнулась:

— Привет, ребята!

— Привет, «Ochy Chornya», — ответил я. — Чего это ты сюда?

— А ты не знаешь? Ведь у меня сегодня день рождения!

— Ну? Так поздравляю!

— И я решила поступить на службу.

— Ого…

Карл был удивлен не меньше моего. Однако на Карменситу это было похоже. Она никогда не болтала зря, все свои дела держала при себе.

— Ты это серьезно?

Ужасно умный вопрос с моей стороны!

— А зачем мне шутить? Я хочу пилотировать космические корабли — по крайней мере, постараюсь попасть в пилоты.

— Почему бы нет? — быстро сказал Карл.

Он был прав — теперь я понимаю, как он был прав. Кармен была маленькой и проворной, плюс отличное здоровье и отличная реакция. Вдобавок она замечательно ныряла и была очень сильна в математике. Сам-то я имел всего лишь «С» по алгебре да «В» по деловой арифметике, она же давно обогнала школьную программу и проходила курс повышенного типа. Я никогда не задумывался, зачем ей это надо. Ведь маленькая Кармен была такой пестрой и воздушной, что ее даже представить за серьезным делом было невозможно.

— Мы… то есть я, — сказал Карл, — я тоже иду вербоваться.

— И я, — добавил я. — Мы оба.

Нет, я вовсе не собирался говорить это! Мой язык будто сам сказал за меня!

— Да? Вот здорово!

— И я тоже хочу учиться на космического пилота, — решительно добавил я.

Она не стала смеяться, ответ был вполне серьезным:

— Отлично! Мы, может, еще там столкнемся. Хотелось бы!

— Столкновение на трассе? — засмеялся Карл. — Это для пилотов не дело!

— Не мели языком. На земле, конечно. А ты тоже собираешься в пилоты?

— Я?! Нет, не собираюсь я водить грузовики! Старсайд, конструкторский корпус, — вот это для меня! Если возьмут, конечно. Электроника!

— Ничего себе, грузовики! Вот забросят тебя на какой-нибудь Плутон и оставят там на холодке! Да ладно, ладно. Удачи. Ну что, идем?

Вербовочный пункт находился в ротонде. За деревянным барьером там сидел сержант космофлота при полном параде — пожалуй, даже слишком, — будто цирковой клоун, изображающий сержанта. Вся грудь его была в нашивках — я и наград-то таких не мог припомнить. Однако правая рука его была оторвана почти по самое

плечо… и рукав зашит; а когда мы подошли к его перегородке, то увидели, что у него нет и обеих ног.

Однако ему самому это, кажется, ничуть не мешало.

— Доброе утро, — сказал Карл. — Я хочу поступить на службу.

— И я тоже, — добавил я.

Он не обратил на нас никакого внимания. Ухитрившись как-то, не вставая, отвесить поклон, он произнес:

— Доброе утро, леди. Чем могу служить?

— Я тоже хочу поступить на службу.

Он улыбнулся:

— Прекрасно, девушка! Если вас не затруднит пройти в комнату двести один и спросить там майора Рохес, она займется вами.

Сержант окинул Кармен взглядом:

— В пилоты?

— Да, если это возможно.

— Отчего ж, по-моему, у вас для этого все данные. Ну что ж, вам к мисс Рохес.

Поблагодарив сержанта и бросив нам «Увидимся!», Кармен ушла. Сержант наконец-то обратил внимание на нас. Смерив нас взглядом, он спросил с полным отсутствием вежливости,

выданной им Карменсите:

— Ну что? Куда? Трудовой батальон, а?

— Нет-нет, — сказал я. — Я собираюсь стать пилотом!

Он только взглянул на меня и обратился к Карлу:

— Ну а ты?

— А меня интересует корпус научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, — сказал Карл сдержанно, — особенно электроника. Я думаю, шансы у меня неплохие.

— Это точно, неплохие, если они есть, — мрачно буркнул сержант. — А если окажется, что ни подготовки, ни таланта у тебя нет, то и шансов, считай, нет. Слушайте, как по-вашему, для чего меня тут, при дверях, держат?

Я не слишком-то его понимал.

— А для чего? — спросил Карл.

— А для того, что правительство наше вам все равно ничего нового не покажет — завербуетесь вы там, или как… Сейчас, знаешь, мода такая пошла — один срок отслужил, нацепил планочку на грудь; с понтом — ветеран… а сам, может, и оружия-то в руках не держал! Однако ежели ты так уж хочешь послужить и даже того, что я тебе тут толкую, не послушаешь и не уберешься

домой, то, конечно, возьмут тебя, это тебе по конституции положено… Закон такой: кто угодно, хоть мужчина, хоть женщина, имеет право отслужить и получить полное гражданство. И куда же нам, спрашивается, всех этих добровольцев девать? Они большей частью и не годятся ни на что путное! Далеко не всякий может быть военным; у большинства из тех, кто приходит вербоваться, той самой, первейшей солдатской принадлежности — и нету! Вот как по-вашему, что требуется, чтобы стать хорошим солдатом?

— Не знаю, — сознался я.

— Люди обыкновенно думают: раз имеешь от рождения две руки, две ноги да тупую башку, так и достаточно. Для пушечного мяса — точно, хватит. Может, какой-нибудь там Юлий Цезарь на этом бы и успокоился. Однако нынче настоящий солдат — это первым делом специалист высшего класса, в другом месте его иначе как «маэстро» и не называли бы, так что тормоза всякие нам тут не нужны. Вот потому для тех, кому загорелось отслужить срок безо всяких к тому способностей, мы придумали целую уйму грязных, неприятных, а порой и опасных занятий, от которых они тут же сбегут к мамочке — с поджатым хвостом и безо всякой выслуги. По крайней мере, до конца жиз-

ни будут помнить, что гражданство — это не так себе слово, за него приходится дорого платить! Взять хоть ту юную леди — пилотом хочет быть. Хотелось бы думать, что будет. В хороших пилотах всегда недостаток… А если нет — зашвырнут ее в какую-нибудь Антарктику; глазки ее симпатичные покраснеют от искусственного дневного света, ручки огрубеют от грязной работы…

Я хотел было сказать, что Кармен даже в крайнем случае станет не меньше чем программистом на станции слежения — в математике она действительно сильна. Но он продолжал:

— Стало быть, посадили меня тут, при дверях, чтобы таких, как вы, отсюда спроваживать. Вот гляньте-ка.

Он повернул кресло, чтобы мы могли убедиться, что у него действительно нет обеих ног.

— Пусть, к примеру, вас даже не забросят на Луну копать туннели или не сделают из вас морских свинок для изучения новых болезней; ну найдутся у вас все же кой-какие таланты. Может быть, даже удастся сделать из вас настоящих бойцов. Так поглядите на меня. И с вами вполне может то же самое стрястись… если только не отыщете во цвете лет свои два квадратных метра и вашим родичам не отстукают депешу — мол, глубоко

сожалеем… А это, я вам скажу, бывает в наши дни гораздо чаще — хоть в бою, хоть на учениях, раненых сейчас считай что нет. Ну, отбросите копыта, сунут вас в гроб, да и все дела… Я-то — дело особое, мне повезло… хотя, по-вашему, может, везеньем это и не назовешь.

Он помолчал, затем добавил:

— И чего вам на месте не сидится? Пошли бы спокойно в колледж, стали бы химиками, или страховыми агентами, или еще кем… Срок службы — это вам не скаутский лагерь, а самая что ни на есть настоящая военная служба. Грубая, опасная — пускай даже у нас нынче мир… От военного времени всяко не шибко отличается. И ни тебе каникул, ни приключений, ни романтики… Так как оно?

— Я пришел поступить на службу, — ответил Карл.

— И я тоже.

— Так ведь род службы не вам выбирать, это вы понимаете?

— Но наши пожелания все же сыграют какую-либо роль? — уточнил Карл.

— Сыграют, а как же. Это последнее, о чем вы можете просить до конца срока. Офицер по кадрам обратит на это внимание. Первым долгом

проверит, не запрашивали ли на этой неделе, скажем, стеклодувов-левшей, если ты напишешь, что именно такую работу счастлив будешь выполнять, а затем с неохотой признается, что такое место есть, скажем, на тихоокеанском дне, и уже после станет проверять твои способности и подготовку. Один шанс из двадцати, что ему придется согласиться с тобой и ты получишь что хотел… пока какой-нибудь шутник из отдела распределения не выдаст тебе предписание для чего-нибудь совершенно противоположного. Ну а в других девятнадцати случаях кадровик оглядит тебя со всех сторон и найдет, что ты как раз тот, кто им нужен, — именно ты пригоден к тому, чтобы провести полевые испытания новой модели системы жизнеобеспечения в условиях планеты Титан…

Сержант помолчал.

— А на Титане, доложу вам, холодно! И диву даешься, как часто отказывает это экспериментальное оборудование! Но как ни крути, а полевые испытания — штука нужная; в лаборатории ведь всех условий не подберешь…

— Я буду специализироваться по электронике, — твердо сказал Карл. — Если для этого есть хоть какая-нибудь возможность.

— Ага. Так и запишем. А ты, парень, что будешь?

Я было засомневался, но вдруг до меня дошло: если сейчас не решусь, придется всю жизнь гадать — стою я чего-нибудь или просто «папенькин сынок».

— Я бы все же попробовал.

— Ну ладно. Только не говори потом, что тебя не предупредили. Метрики при вас? Давайте сюда. И дипломы — тоже.

Через десять минут, еще не приведенные к присяге, мы были на верхнем этаже, и нас принялись ощупывать, простукивать и просвечивать. По-моему, врачи нарочно задались целью отыскать у нас хоть какую-нибудь хворь. А уж если им это так и не удастся, то считай — годен!

У одного врача я спросил, много ли народу отсеивают по физнепригодности. Он страшно удивился:

— То есть… Нет, мы никого не отсеиваем! Да и по закону не положено.

— Как?! Но, извините, доктор, я имел в виду… Зачем же тогда вот так страху нагонять?

— Ну, некоторая надобность есть.

Он сделал паузу, чтобы треснуть меня резиновым молоточком по колену. Я в ответ слегка

лягнул его.

— Надобность есть. Хотя бы для того, чтобы определить, какие обязанности вы в силах исполнять. Но если даже кто-нибудь приедет к нам в инвалидном кресле, будет в придачу слеп на оба глаза и достаточно туп, чтобы настаивать на поступлении, то и для него дело найдется. Скажем, считать на ощупь пушинки у гусениц. Непригодным может оказаться только тот, кому психиатр даст заключение о том, что он не в состоянии понять, о чем сказано в присяге.

— А-а… Доктор, а вы уже были врачом, когда поступали на службу? Или вас признали годным и уж после отправили учиться?

— Я?!

Он был оскорблен.

— Юноша, неужели у меня настолько глупый вид? Я — вольнонаемный. То есть штатский.

— Извините, сэр.

— Пустяки. Но — вы уж мне поверьте — воинская служба подходит только людям с психикой муравья. Я вижу, как они уходят и как возвращаются… если вообще возвращаются. Вижу, во что они превращаются… И — ради чего? Ради пустой формальности. Ради политической привилегии, за которую им не заплатят ни цента.

Да большинство из них просто не в состоянии как следует ею воспользоваться! Дать бы власть медикам… Ну ладно. Можете считать мои слова государственным преступлением, изменой, подстрекательством или как там это называется, — однако знайте, юноша: если бы соображаловка у вас хоть чуть-чуть работала, вы уже бежали бы домой, пока не поздно. Эти бумаги следует отдать тому сержанту на входе, и… помните, о чем я вам говорил.

Я вернулся к ротонде. Карл был уже там. Сержант космофлота глянул в мои бумаги и мрачно изрек:

— Оба здоровы до отвращения… Если не считать вакуума в голове. Минуту. Сейчас позову свидетелей.

Он нажал на кнопку. Тут же явились две секретарши. Одна — старая боевая кляча и другая — немногим симпатичнее.

Сержант ткнул пальцем в наши бумаги и официальным тоном сказал:

— Я настоятельно предлагаю вам, каждой в отдельности, изучить эти документы, определить, чем они являются, а затем — каждой в отдельности — определить, какое отношение каждый из этих документов имеет к двоим находящимся

здесь мужчинам.

Они восприняли задание как нудную рутину — да для них наверняка все так и было. Тем не менее каждую бумагу они тщательно осмотрели, затем — еще раз! — сняли с нас отпечатки пальцев. Та, что посимпатичней, вставила в глаз лупу, как у ювелира, и сличила отпечатки от рождения и до сегодняшних. То же самое — и с подписями. Копалась она так долго, что я уж начал сомневаться в самом себе!

Наконец сержант спросил:

— Подтверждаете ли вы, что эти люди способны принять присягу?

— Мы свидетельствуем, — начала старшая, — что медицинское заключение о каждом из них было в установленном порядке составлено компетентной полномочной медицинской комиссией. Психиатры заключают, что каждый из этих людей находится в здравом уме и трезвой памяти, также ни один из них не находится под воздействием алкоголя, наркотиков, других подавляющих волю химикатов либо гипнотического внушения. Таким образом, эти люди могут быть приведены к присяге.

— Очень хорошо. — Сержант обратился к нам: — Повторяйте за мной. Я, будучи совершен-

нолетним, по собственной воле…

— Без принуждения физического, словесного либо любого другого характера, будучи в установленной форме извещен и предупрежден о сути и значении данной присяги…

— …вступаю в ряды Вооруженных сил Земной Федерации на срок не менее двух лет либо любой другой по требованию службы.

На этом месте я малость поперхнулся. Мне всегда казалось, что срок — это только два года, так все говорили. А что, если заставят служить всю жизнь?!

— …Клянусь утверждать Конституцию Федерации, защищая ее от всех земных и неземных врагов; укреплять и защищать конституционные права и свободы всех граждан и других лиц, в законном порядке проживающих на территории Федерации и ассоциированных государств; выполнять возложенные на меня законом и определенные его законными представителями обязанности на Земле и вне ее…

— …беспрекословно подчиняться всем законным приказам Главнокомандующего Вооруженными силами Земли, старших офицеров и приравненных к ним лиц…

— …а также отдавать таковые приказы всем

военнослужащим, другим лицам, а также негуманоидам, определенным в законном порядке под мое командование…

— …и по окончании срока будучи уволенным с почетом в отставку либо будучи по окончании означенного срока зачислен в запас, выполнять все предписания и обязанности и пользоваться всеми без исключения правами Гражданина Федерации, включая права, обязанности и привилегии, связанные с пожизненным правом избирать и быть избранным на государственные должности, пока право это не будет отнято у меня смертью либо по окончательному, не подлежащему обжалованию решению суда равных мне.

Уф-ф-ф! На занятиях по Истории и Философии Морали мистер Дюбуа анализировал с нами текст присяги, фразу за фразой. Однако мы не представляли себе ее значимости, пока она не нависла над нами тяжело и неотвратимо, как колесница Джаггернаута.

И хотя присяга заставила меня понять, что я больше не штатский растрепа без забот в голове, в сознании моем ничего не изменилось. Я осознал, кем не являюсь теперь, но кем стал — еще не почувствовал.

— И да поможет мне бог! — закончили мы

хором. При этом Карл перекрестился, и то же сделала секретарша — та, что посимпатичнее.

Потом мы, все пятеро, подписали еще кучу бумаг, со всех нас опять сняли отпечатки пальцев, сделали цветные фото с меня и Карла в профиль и анфас и вклеили их в документы. В конце концов сержант окинул нас взглядом:

— Ну вот, весь обеденный перерыв с вами провозился! Не мешало бы подзаправиться, а, парни?

Я с трудом проглотил комок в горле:

— Сержант…

— Чего еще? Выкладывай!

— А можно отсюда с родителями связаться? Сказать, что я… Рассказать, как все получилось?

— Да мы с тобой лучше сделаем!

— С… Сэр?

— Вам предоставляется увольнение на 48 часов.

Он холодно усмехнулся:

— И знаете, что вам будет, если не явитесь?

— А… трибунал?

— Да нет, ничего вам не будет. Разве что в бумагах сделают отметку: «Срок удовлетворительно не завершен», и вам уж никогда не видать другого шанса его выслужить. Это вам — вроде как

дается время поостыть. Тут отсеиваются сосунки-переростки, которые еще не могут отвечать за то, что делают. А раз так, то и присяга будто бы не в счет. На этом и деньги государство сэкономит, да и детишкам с родителями никакого расстройства — даже соседи ни о чем не узнают. А можете и родителям не говорить…

Он отодвинул кресло от стола.

— Ладно, увидимся послезавтра. Если вообще увидимся; это уж сами думайте. Забирайте свое хозяйство.

Уход из дома был, можно сказать, тернист. Отец сперва разбушевался, а потом вовсе перестал со мной разговаривать; мама слегла… Короче, когда я — на час раньше, чем надо, — вышел из дому, никто меня не провожал, кроме утреннего повара да прислуги.

Я остановился у стола сержанта, подумал, что надо, наверное, отдать честь, но не знал как. Он взглянул на меня:

— А-а. Вот твои бумаги, бери и топай в комнату двести один, там тебя возьмут в оборот! Постучишься и войдешь.

Дня через два я уже знал, что пилота из меня не выйдет. Заключения комиссии были в основном такими: «Пространственное воображение

— посредственное; способности к вычислениям — посредственные… математическая подготовка — слабая… реакция нормальная… зрение хорошее…» Последние два пункта меня порадовали, а то я уж начал думать, что, кроме как считать на пальцах, уже вообще ни на что не гожусь.

Офицер по кадрам дал мне форменный бланк для моих пожеланий по поводу рода войск, да еще дня четыре меня подвергали каким-то абсолютно немыслимым тестам, я о таких и не слыхал. И кто мог бы знать, что они хотели определить, скажем, когда стенографистка вдруг подскочила в кресле и заверещала: «Змея!!!»? Никаких змей там не было — просто кусок пластикового шланга!

Письменные и устные тесты были не менее дурацкими, но раз им надо — пусть балуются. Особое внимание я уделил списку пожеланий. Конечно, в первую голову я отметил все специальности Космофлота, кроме пилота, конечно, — я ведь хотел попутешествовать, а потому гораздо охотней пошел бы служить, скажем, коком или механиком по двигателям на флот, чем в армию.

Дальше я вписал разведку — в рассуждении, что шпионы тоже везде бывают, да и работа должна быть не скучной (ошибался, конечно, но это ничего). После этого следовал длинный перечень:

военный психолог, военный биолог, военный химик, боевая экология (что это за зверь, я и представления не имел, однако звучало заманчиво), логистический корпус, то есть корпус тыла и снабжения (тут закралась ошибка, в нашей дискуссионной группе мы изучали логику, а слово «логистика» имеет два совершенно разных значения), затем еще дюжина наименований в том же роде. После некоторых раздумий я добавил в самом конце еще подразделение К-9 и пехоту.

Включать в список подразделения нонкомбатантов не стал — если не в боевые части, то там уж плевать, используют тебя как подопытную скотину или пошлют чернорабочим на колонизацию Венеры. Все едино — орден «Почетного идиота».

Офицер по кадрам, мистер Вайсе, вызвал меня через неделю после принятия присяги. Он был военный психолог, майор в отставке, но носил исключительно гражданское, можете, мол, называть меня просто «мистер», успокойтесь, не напрягайтесь. Он просмотрел мой список предпочтений и результаты тестов, затем взял аттестат, и я обрадовался: с учебой у меня обстояло нормально — то есть как раз настолько, чтобы не выглядеть зубрилой. Я прилично прошел все

курсы, разве что с одним у меня было похуже; да и во внеучебных делах был не из последних — сборная по плаванию, дискуссионная группа, команда по легкой атлетике, должность казначея класса, серебряная медаль за ежегодный литературный конкурс, председатель оргкомитета встречи выпускников и прочая ерунда в том же роде. В общем, куча всяких достижений — и все отмечены в аттестате.

Когда я вошел, мистер Вайсе поднял на меня глаза и сказал:

— А как у тебя с собаками?

— Э… Хорошо, сэр. Они мне нравятся.

— Они тебе ОЧЕНЬ нравятся? Твоя собака спит с тобой в кровати? И вообще, где сейчас твоя собака, что с ней?

— Н-нет, у меня сейчас нет собаки… Но когда была — нет, она не спала в моей кровати. Видите ли, мама против собак в доме.

— Но, может быть, ты украдкой проводил собаку в дом?

— Э-э… — Я хотел попытаться описать ему обычную мамину манеру — она не то что злится, но здорово обижается, если перечишь ей в том, что она решила для себя раз и навсегда. Но ответил я просто: — Нет, сэр.

— Хм-хм… А видел ли ты когда-нибудь неопса?

— Только однажды, сэр. Их показывали в театре Макартура два года назад. Но какое-то христианское общество скандал из-за них затеяло.

— Давай-ка я расскажу тебе, что такое подразделение К-9. Неопес — это не просто говорящая собака…

— А знаете, того нео, что был у Макартура, я плоховато понимал. Они на самом деле могут говорить?

— Могут. Только к выговору их нужно привыкнуть. Гортань у них не приспособлена для звуков «б», «м», «п» и «в», нужно привыкать к тем звукам, которыми неопсы их заменяют. Совсем как при расщепленном небе, только буквы другие. Неважно. Суть в том, что говорят они не хуже людей. Однако неопес — вовсе не говорящая собака, он вообще не собака, а мутант-симбиот, искусственно выведенный на основе собаки. Неопес, обученный Калибан, раз в шесть умнее простой собаки, то есть, скажем так, равен слабоумному человеку. И это сравнение — в пользу пса: ведь идиот среди людей дефективен, тогда как неопес — для своей среды гений.

Майор Вайсе нахмурился.

— Но это еще не все. Неопес способен жить

только в симбиозе. Вот тут и начинаются главные трудности. М-мм… ты еще слишком молод, чтобы думать о женитьбе, но видел не раз семейные пары — твоих собственных родителей, в конце концов… Так вот, можешь ты себе представить, что женат на Калибане?

— Как?! Нет. Не могу.

— Эмоциональная связь «человек — собака» и «собака — человек» в команде К-9 гораздо тесней и намного важнее, чем эмоциональная связь семейной пары. Если погибнет человек, мы убиваем пса — тут же! Это все, чем мы можем помочь его горю! Быстро и безболезненно убить… Ну а если гибнет неопес… что ж, человека убить мы не можем, хотя это было бы наиболее естественным и безболезненным выходом. Вместо этого его изолируют в госпитале и потихоньку собирают в единое целое.

Взяв ручку, он что-то пометил для себя.

— Не думаю, что мы можем взять на себя такую ответственность и рекомендовать в К-9 парня, который не осмелится провести свою мать и не разрешит собаке спать в своей кровати. Так что — давай поищем что-нибудь другое.

Только сейчас я понял, что оказался непригоден для всего, что поставил в своем списке выше

К-9, — а теперь и сюда тоже не подхожу. Все это так ошеломило меня, что я с трудом понял следующую фразу. Майор Вайсе говорил спокойно, без всяких эмоций — словно о предмете, давно похороненном и забытом.

— Я сам был когда-то такой половинкой пары К-9. И когда мой Калибан погиб, меня шесть недель пичкали успокаивающим; а после реабилитации… перевели на другую работу. Ну ладно, Джонни, прошел ты все эти курсы. Но почему ты не занялся хоть чем-нибудь стоящим?

— С-сэр?

— Теперь все равно уже поздно. Забудем об этом. М-м-м… ты знаешь, твой преподаватель Истории и Философии Морали, кажется, хорошего о тебе мнения.

— Он?..

Это меня здорово удивило.

— А что он говорил?

Вайсе улыбнулся:

— Он сказал, что ты, в общем, не глуп — разве что невежествен, да еще окружение на тебя сильно повлияло… Насколько я его знаю, это — высокая похвала!

Мне это вовсе не казалось высокой похвалой! Этот старый, чванливый, высокомерный…

— В конце концов, — продолжал Вайсе, — парень, имеющий всего-то «С с минусом» по «Восприятию телепрограмм», не может быть так уж плох! Думаю, следует учесть рекомендацию мистера Дюбуа. Как тебе нравится пехота?

Из Федерал Билдинг я вышел в расстроенных чувствах, однако не таким уж несчастным. В конце концов, я теперь солдат, и бумаги соответствующие у меня в кармане! Все же не тормоз какой-нибудь, непригодный ни к чему, кроме «бери больше — кидай дальше»!

Рабочий день кончился несколько минут назад, и здание почти опустело — остались только ночные дежурные да несколько задержавшихся. Я увидел человека, сидевшего в ротонде. Он как раз собирался уходить. Лицо его показалось мне знакомым, хоть я никак не мог понять, где с ним встречался.

Но он уловил мой взгляд и узнал меня.

— А, вечер добрый! — прохрипел он. — Ты еще не смылся?

Теперь я узнал его — тот самый сержант космофлота, что приводил нас к присяге. Но теперь он был в штатском, стоял на двух ногах и размахивал двумя руками! Я кивнул и промямлил что-то вроде:

— Д-добрый вечер, сержант!

Он верно понял причину моего недоумения и, оглядев себя, слегка ухмыльнулся:

— Вольно, парень! Я думаю, на отдыхе незачем нагонять страх на людей; вот и не нагоняю. Тебя что, еще не распределили?

— Я только получил приказ.

— Ага, и куда?

— Мобильная Пехота.

Физиономия его расплылась в широчайшей улыбке. Он протянул мне руку:

— К нашим?! Давай лапу, сынок! Мы сделаем из тебя мужчину — или убьем! А может, и то и другое.

— Это, по-вашему, хороший выбор? — спросил я в сомнении.

— «Хороший выбор»?! Сынок, да это ж единственно верный выбор! Эмпэ — это и есть армия! Остальные все — только болваны для нажимания кнопок или уж такие высокоумные профессора, что куда там! На нас вся армия держится; они только инструмент подают.

Еще раз встряхнув мою руку, он добавил:

— Ты открыточку мне оттуда кинь — Федерал Билдинг, для сержанта Хоу, — дойдет! Счастливо, парень!

И он зашагал прочь — грудь колесом, взгляд орлиный, каблуки щелкают… Я тупо уставился на свою руку. Он пожал ее, но ведь правой руки у него не было! Однако — пожал взаправду. Я уже слыхал об этих силовых протезах — точь-в-точь настоящая плоть и кровь, да и пожатие было твердым… Слыхать-то слыхал, но держал в руках впервые.

Я пошел в отель, где временно разместили новобранцев, — у нас даже формы еще не было, днем мы надевали простые комбинезоны, а в остальное время носили свою одежду. Придя к себе, я начал паковаться, потому что отправлять меня должны были ранним утром, а упакованные вещи следовало послать домой. Вайсе предупреждал, что с собой лучше ничего не тащить — разве что семейное фото да музыкальный инструмент, если умеешь играть, однако я играть не умел. Карла уже отправили три дня назад с назначением в НИОК, как он хотел. Я радовался за него так же, как он сам, черт бы его побрал, «с пониманием» относился к моему назначению. Малышка Кармен тоже отбыла — в чине корабельного курсанта-стажера. Она собирается стать пилотом — дай бог, чтобы все у нее получилось… Да у нее обязательно получится!

Временный мой сосед вошел, когда я собирал вещи.

— Как, приказ уже получил?

— Ага.

— Куда?

— Мобильная Пехота.

— Пе-е-хота?! Эх ты, дурилка картонная! В таком разе мне тебя искренне жаль!

Я выпрямился и зло ответил:

— Заткнись! Мобильная Пехота — лучшие части в армии! Да она и есть — армия! Все вы будете пахать для нас, а уж мы займемся настоящим делом!

Он заржал:

— Ладно, ладно, поглядим!

— Ты что, в зубы захотел?!

Глава 3

И будет он править ими железной рукой.

Откровение, 25

Меня вместе с тысячей таких же «пациентов» забросили в лагерь Артура Кюри. Действительно — лагерь, единственным капитальным строением там был склад экипировки. Спали и ели мы в палатках; жили, так сказать, на открытом воздухе — если, конечно, можно назвать это жизнью; в то время я бы от этого воздержался. Для меня, привыкшего к теплому климату, там было все равно что в пяти милях от Северного полюса. Без сомнения, настал новый ледниковый период.

Однако на тренировках согревались поневоле, уж об этом командование позаботилось!

В первое утро нас подняли до рассвета. Вдобавок я еще не отошел после смены часовых поясов и, казалось, ни за что не смог бы проснуться. В самом деле — нельзя же всерьез представить, что нужно подыматься посреди ночи!

Однако имелось в виду именно это. Громкоговоритель врезал военный марш, который и

мертвого поднял бы, а какой-то горлопан пробежал по проходу между коек с воплем:

— Все наружу! Под-нимайсь! Жи-ва!!! — и тут же вернулся, стоило мне натянуть одеяло на голову. Перевернув койку, он сбросил меня на ледяную землю.

Но лично против меня он, похоже, ничего не имел — тут же пошел будить других, даже не взглянув, как я там.

Через десять минут в штанах, майке и ботинках я вместе с остальными стоял в неровной шеренге — нам предстояла зарядка. Только теперь на востоке показалось солнце. Перед шеренгой стоял широкоплечий здоровяк мрачного вида. Одет он был так же, как и мы, но рядом с ним я выглядел бы плохо забальзамированным трупом. Щеки его и подбородок были до синевы выбриты, стрелки на брюках — порезаться можно, башмаки блестели, как зеркала, а манеры — полное состояние боевой готовности. Бодрый, раскованный, отдохнувший… Будто и вовсе в отдыхе не нуждается — только проверяй каждые 10 000 миль да пыль иногда стряхивай.

— Р-рота-а! — гаркнул он. — Смырррррна! Я кадровый сержант Зим, ваш непосредственный начальник и командир роты! Будете обращать-

ся ко мне — должны говорить «сэр» и отдавать честь! То же самое — обращаясь ко всякому, кто носит инструкторскую трость.

Он носил при себе стек и сейчас сделал резкий поворот-мулине, демонстрируя, что имеется в виду под «инструкторской тростью». Прошлым вечером, когда нас только привезли, я уже видел людей со стеками и даже решил было купить себе такой — выглядели они потрясно! Теперь мое мнение на этот счет переменилось.

— …потому что на такую ораву практикантов офицеров тут маловато. Стало быть, практиковаться будете на нас. Кто чихнул?

Молчание.

— КТО ЧИХНУЛ?

— Я, — послышалось из строя.

— Что значит «я»?!

— Я чихнул.

— «СЭР»!

— Я чихнул, сэр. Я простужен, сэр!

— Ишь ты…

Зим остановился перед парнем, которого угораздило чихнуть, держа стек, как указку, в дюйме от его носа:

— Фамилия?

— Дженкинс… сэр.

— Дже-енкинс… — Зим повторил его фамилию с отвращением, будто что-то крайне неприличное. — Ты что ж это, Дженкинс, и на посту ночью собираешься чихать только потому, что нос у тебя рассопливился? А?!

— Н-надеюсь, что нет, сэр.

— Я тоже на это надеюсь… Однако ты же совсем замерз! Хм-м-м… Этого так оставлять нельзя…

Он указал стеком вдаль:

— Видишь склад?

Я тоже посмотрел в ту сторону, но ничего, кроме прерии да одинокой постройки у самого горизонта, не увидел.

— Выйти из строя! Обежать вокруг склада. ОБЕЖАТЬ, я сказал! Бронски, проводи!

— Слушаю, сержант!

Один из этой компании со стеками устремился вслед за Дженкинсом, легко нагнал его и звучно стегнул пониже спины. Зим повернулся к остальным, все еще державшим строй по стойке «смирно».

Пройдясь взад-вперед вдоль строя, он внимательно оглядел нас и заметно опечалился. Наконец он остановился, повернулся к строю, покачал головой и сказал — самому себе, но достаточно громко:

— Да, привалило мне счастье, нечего сказать!

Он еще раз осмотрел нас.

— Вы, обезьяны! Нет, даже не обезьяны — вам до нормальных обезьян еще расти и расти… Вы, унылое сборище тошнотворных мартышек! Вы, слабогрудые, вислопузые заморыши, убежавшие из-под нянькиного передника! За всю мою жизнь не видал я такой кучи избалованных маменькиных сыночков, как вы! Пузо подобрать! Глаза на меня! Тебе говорю!

Я втянул живот, хотя вовсе не был уверен, что он обращается именно ко мне. Он все говорил и говорил и бушевал так, что я даже забыл про здешний собачий холод. Он ни разу не повторился, не допустил богохульства или непристойности (позже я понял, что все это он приберегал для особых случаев, но сегодняшний особым далеко не являлся). Однако наши недостатки — физические, умственные, моральные, а также наследственные — ухитрился описать во всех деталях и подробностях.

Но, как бы то ни было, я даже не оскорбился: язык его выражений был просто замечателен. Вот бы такого в нашу дискуссионную группу!

Вскоре он прервался. Казалось, что он того и гляди заплачет.

— Нет, я так не могу! — В голосе его звучала горечь. — Мне просто необходимо как-нибудь разрядиться. В деревянных солдатиков я наигрался еще в шесть лет, и они были куда как лучше! Ладно! Вы, моли занюханные! Есть среди вас такие, кто думает, что может задать мне трепку? Есть в этой толпе хоть один мужчина?! Давайте, колитесь!

Последовала короткая пауза. Промолчал и я. Я был твердо уверен, что это он может задать мне трепку — иллюзий на свой счет у меня не было.

С правого фланга послышалось:

— Кажись, я справлюсь… са-ар.

Зим повеселел.

— Во-о! Подойди-ка, дай посмотрю на тебя!

Один из правофланговых вышел вперед. Он был дюйма на три выше сержанта, да и в плечах пошире.

— Как тебя звать, солдат?

— Брекинридж, са-ар, — и вешу я двести десять фу-унтов, и не-ечего меня тут обзывать вислопу-узым!

— Так, по каким правилам будем драться?

— Са-ар, вы уж сами себе выбирайте, по каким правилам помирать. А мне, ва-аще-та, се равно.

— Отлично, без правил, так без правил. Начи-

най, когда будешь готов.

Зим отшвырнул свою трость в сторону.

Драка началась — и тут же закончилась. Великан-новобранец сидел на земле, придерживая свою левую руку правой. Он ничего не говорил.

Зим склонился над ним:

— Сломал?

— Кажись, да… са-ар.

— Ну, извини, парень, ты меня поторопил. Знаешь, где лазарет? Ладно! Джонс! Проводи!

Когда они уходили, Зим хлопнул парня по правому плечу:

— Попробуем еще раз — где-нибудь через месяц. Я тебе покажу, как все получилось.

Говорил он вроде бы тихо, однако все происходило в шести футах от того места, где я помаленьку превращался в сосульку.

Зим вернулся на свое место:

— О'кей. Ну хоть один мужчина в этой роте нашелся! Теперь я чувствую себя получше! А еще один найдется? Ну вы, дети разврата, найдутся здесь такие, которые думают, что выстоят против меня вдвоем? — Он обвел взглядом строй. — Эй, вы, бесхребетные обитатели курятника… Ох-хо-хо — вы?! Подите-ка сюда!

Двое парней вышли из строя. Стояли они в

середине шеренги и, похоже, договорились шепотом; я был слишком далеко к левому флангу и не слышал. Зим широко улыбнулся:

— Фамилии? Чтоб можно было уведомить родственников.

— Гейнрих.

— Гейнрих… что?

— Гейнрих, сэр. Битте… — Он быстро переговорил со вторым новобранцем и добавил: — Он еще не умеет как следует на стандартном английском, сэр.

— Майер, майн херр, — представился второй.

— Ладно, все о'кей. Многие не умеют по-человечески говорить, когда сюда попадают. Я и сам не умел. Так что скажи Майеру, ерунда, мол, научится. Он хоть понимает, что мы собираемся делать?

— Яволь, — отозвался Майер.

— Конечно, сэр. Он все понимает на стандартном, только объясняться как следует не может.

— Ну и отлично. Откуда это у вас шрамы на физиономиях? Гейдельберг?

— Найн… Нет, сэр. Кёнигсберг.

— Ну это все равно.

После схватки с Брекинриджем Зим подобрал свой стек, теперь он со свистом рассек им воздух и спросил:

— Может, одолжить для вас парочку таких у инструкторов?

— Но это будет нечестно по отношению к вам, сэр, — ответил Гейнрих. — Голыми руками, если позволите.

— Как хочешь, парень. Хотя я бы, наверное, справился. Так, говоришь, Кёнигсберг? Правила?

— Но о каких правилах можно говорить, сэр, если двое против одного?

— Недурная мысль. А все выдавленные глаза после схватки — вернуть по принадлежности. Ладно. Скажи своему корпсбрудеру, что я готов. Начинайте, когда угодно.

Зим отбросил свою трость в сторону, кто-то ее подобрал.

— Вы шутите, сэр. Мы не будем… выдавливать глаз.

— Ладно, ладно, обойдемся. Цельсь, Гридли, и пали.

— Э… как вы сказали?

— Идите сюда и деритесь! Или возвращайтесь в строй!

Я не уверен, удалось ли мне увидеть, что случилось на этот раз. Позже, на учениях, нам показывали похожие штуки. А выглядело все примерно так: эти двое начали заходить на нашего непо-

средственного начальника с разных сторон, пока не подобрались вплотную, но в контакт пока не вступали. В этом положении существуют четыре базовых приема для того, кто работает один, — с использованием его подвижности и того преимущества, что ему не нужно координировать свои действия с кем-нибудь еще. Позже сержант Зим говорил (и совершенно верно), что любая группа значительно слабей одного человека — если только их не натренировали работать вместе. К примеру, Зим мог бы, сделав выпад в сторону одного, отключить другого — хотя бы сломав ему коленную чашечку, — а затем уж расправиться с первым.

Вместо этого он даже позволил им напасть. Майер бросился вперед, пытаясь своим весом сбить сержанта с ног. Затем должен был подоспеть Гейнрих и, может быть, использовать тяжелые башмаки, или еще как-нибудь. Так все представлялось сначала.

А вот что последовало. Майер не достал сержанта — тот в последний момент увернулся и, выбросив ногу, пнул Гейнриха в живот. А Майер затем взлетел в воздух, чему помог его собственный бросок, а также — по доброте душевной — и Зим.

Все, что я с уверенностью мог сказать, — это что драка началась, а затем на земле оказались два немецких парня, спящих мирным сном, только один лежал навзничь, а другой — ничком; над ними, даже не запыхавшись, стоял Зим.

— Джонс! А нет, Джонс ушел… Махмуд! Принеси-ка ведро воды, а потом поставь их в строй! Кто стянул мою зубочистку?

Через несколько мгновений те двое были приведены в сознание и, с ног до головы мокрые, отправлены в строй. Зим окинул строй взглядом и мягко осведомился:

— Ну что, еще кто-нибудь? Или займемся гимнастикой?

Я не ожидал, что отыщется кто-нибудь еще; сержант, наверное, тоже. Однако с левого фланга, где самые мелкие стояли, выступил парнишка и прошел к середине.

Зим сверху вниз оглядел его:

— Ты один? Может, подберешь себе партнера?

— Нет, сэр, я, пожалуйста, один.

— Ну как скажешь. Фамилия?

— Сюдзуми, сэр.

Зим вытаращил глаза:

— А ты, случаем, не родственник полковнику Сюдзуми?

— Я имею честь быть его сыном, сэр.

— Вот оно как! Отлично! Черный пояс, а?

— Нет, сэр. Пока что — нет.

— Хорошо, что ты вовремя предупредил. Ну как, будем придерживаться правил или пошлем за доктором?

— Как пожелаете, сэр. Но я думаю, если мне позволено высказать свое мнение, придерживаться правил будет намного благоразумнее.

— Не совсем понимаю тебя, но согласен.

Зим отбросил в сторону символ своей власти, затем они разом отскочили в стороны, стали друг против друга и поклонились.

После этого они начали кружить в низкой стойке, делая пассы руками и сильно смахивая на пару петухов.

Внезапно они вошли в контакт — и малыш упал на землю, а сержант Зим полетел в воздух через голову. Однако он не брякнулся на землю, подобно Майеру, а, перекувырнувшись, был уже на ногах, лицом к лицу с Сюдзуми.

— Банзай! — заорал Зим, улыбаясь.

— Аригатоо, — улыбнулся в ответ Сюдзуми.

Без промедления они опять вошли в контакт; и я уже думал, что сержант повторит свой полет. Но на сей раз он устоял — видно было только

беспорядочное мельтешение рук и ног, а когда оно прекратилось, я увидел, что Зим засовывает левую ступню Сюдзуми в его правое ухо — место, не слишком подходящее для ступни.

Свободной рукой Сюдзуми хлопнул по земле — Зим тут же отпустил его. Они снова поклонились.

— Еще раз, сэр?

— Извини. Пора заняться делом. В другой раз как-нибудь, ага? Ради развлечения… сочту за честь. Наверное, следовало сказать тебе — моим тренером был твой достопочтенный отец.

— Я уже догадался об этом, сэр. Так, значит, в следующий раз.

Зим от души хлопнул его по плечу.

— Становись в строй, солдат! Рррр-ота-а!..

Следующие двадцать минут мы занимались гимнастикой, после которой мне стало жарко в той же мере, в какой до этого было холодно. Зим тоже выполнял упражнения вместе с нами да еще командовал. Насколько я мог видеть, он делал в точности то же, что и мы, но под конец даже не запыхался. Больше он не занимался с нами утренней гимнастикой — как правило, мы его видели только за завтраком. Звание дает некоторые привилегии — но сегодня он лично (по

окончании зарядки) повел нас, уморившихся до последней степени, в палатку-столовую, погнав рысью и командуя по пути:

— Шире шаг! Живо! Хвосты подбери!

В лагере Артура Кюри мы всегда и всюду передвигались исключительно рысью. Я так и не выяснил, кем был этот Кюри в свое время, но, судя по всему, — каким-нибудь великим бегуном.

Брекинридж был уже в столовой — из-под гипса на руке у него выглядывали только пальцы. До меня донеслись его слова:

— Перело-ом — ер-рунда, как на собаке заживет! Я с таким четверть тайма отыграл один раз! Погодите, я ему еще задам!

В этом я сомневался. Сюдзуми — еще куда ни шло, но не эта горилла. Этот даже не способен был понять, насколько сержант выше его классом. Конечно, он мне сразу не понравился, этот сержант, однако надо отдать ему должное.

Завтрак был отличный — с едой здесь всегда было хорошо — и безо всякой чепухи, как, например, в школе. Там всегда, пока сидишь за столом, измучаешься от разных там манер. А тут хоть вывали все на стол да языком слизывай — никто тебе слова не скажет. За завтраком было просто здорово, потому что лишь во время

еды никто не пытался погонять. Меню завтрака было вовсе не таким, к какому я привык дома, а штатские работники столовой небрежными жестами швыряли на стол тарелки — маму все это заставило бы побледнеть и удалиться. Однако еда была горячей, обильной, да и с готовкой у них все было в порядке. Я съел раза в четыре больше, чем обычно, и все запивал кофе — со сливками и грудами сахара. Да я бы и акулу сейчас съел вместе со шкурой!

Дженкинс с капралом Бронски явились, когда я принялся за второе. Они на минуту задержались у отдельного столика, за которым завтракал Зим, затем Дженкинс свалился на свободный стул возле меня. Выглядел он здорово потрепанным — бледный, измученный, еле дышит. Я обратился к нему:

— Слышь, давай хоть кофе тебе налью!

Он покачал головой.

— Ты б лучше пожевал немного, — настаивал я. — Хотя бы омлета — он легко проскакивает.

— Не, не могу. Ох, скотина распротакая-то так-то и этак!

Он принялся вполголоса монотонно честить на все корки Зима.

— И я ведь только попросил позволения про-

пустить завтрак, чтобы немного отлежаться! Бронски мне не позволил — сказал, нужно явиться к ротному командиру. Ну, я явился и сказал ему, что болен. Я сказал ему! Он только лоб мой пощупал, да еще пульс, и сказал, что сигнал к медосмотру в девять часов. И даже не разрешил вернуться в палатку! У, крыса! Подловлю его как-нибудь темной ночью!..

Я все равно поделился с ним омлетом и отлил ему кофе. Теперь он начал есть. Сержант Зим закончил завтрак раньше всех и по дороге к выходу остановился у нашего стола.

— Дженкинс.

— А… Я, сэр.

— В девять часов явиться в санчасть и показаться доктору.

Дженкинс катанул желваками на скулах, но ответил тихо:

— Мне не нужны никакие таблетки, сэр. Можно, я сам как-нибудь?

— В девять часов. Это приказ.

Зим ушел. Дженкинс опять принялся нудно ругать его. Наконец он умолк, подцепил на вилку немного омлета и сказал более внятно:

— Представить себе не могу — что за мать родила его на свет? Только поглядеть бы на нее. Да

была ли вообще у него мать?

Вопрос был чисто риторический, однако ответ на него все же последовал. По другую сторону нашего стола располагался капрал-инструктор. Он уже слопал свой завтрак и курил, в то же время ковыряя в зубах. Оказывается, он все отлично слышал.

— Дженкинс!

— А… Сэр?

— Ты что — не знаешь, что такое сержант?!

— Ну… я еще только учусь…

— У них не бывает матерей. Спроси — тебе всякий рядовой-обученный скажет.

Он пустил струю дыма прямо в нас.

— Сержанты размножаются делением. Как и все прочие бактерии.

Глава 4

И сказал Господь Гедеону: народа с тобой слишком много, не могу я предать Мадианитян в руки их, чтоб не возгордился Израиль предо Мною и не сказал: «моя рука спасла меня». Итак, провозгласи вслух народу и скажи: кто боязлив и робок, пусть возвратится… И возвратилось народу двадцать две тысячи, а десять тысяч осталось. И сказал Господь Гедеону: все еще много народа, веди их к воде, там я выберу их тебе… Он привел народ к воде, и сказал Господь Гедеону: кто будет лакать воду языком своим, как лакает пес, того ставь особо, также и тех всех, которые будут наклоняться на колени свои и пить. И было число лакавших ртом с руки триста человек… И сказал Господь Гедеону: тремя стами лакавших я спасу вас… а весь народ пусть идет, каждый на свое место…

Книга Судей Израилевых, 7,2–7

Через две недели нам приказали сдать койки

на склад. Точнее, нам предоставили двойное удовольствие — тащить их на склад нужно было четыре мили. Но это было уже не важно: земля будто стала гораздо теплее и мягче — особенно если приходилось вскакивать с нее среди ночи по сирене и в очередной раз играть в войну. Это случалось в среднем три раза в неделю. Но я уже готов был провалиться в сон сразу, как только отпустят, а чуть позже научился спать где угодно — сидя, стоя, маршируя в строю… Чего там, я мог заснуть даже на вечерней поверке, наслаждаясь музыкой сквозь сон и сохраняя на лице видимость полного внимания, а по команде «разойдись» — немедленно просыпался.

В лагере Кюри я сделал очень важное открытие. Счастье состоит в возможности вволю поспать. Только поспать — и больше ничего! Богатые — несчастные люди, не могут уснуть без снотворного; пехотинец же в снотворном не нуждается. Дайте ему койку да время, чтоб в нее плюхнуться, — и он уже счастлив, будто червяк в яблоке, — спит!

Теоретически положены восемь часов сна еженощно да еще полтора после ужина — так называемого «личного времени». На практике ночное время частенько бывает занято учебными

тревогами, нарядами и другими штучками, на которые так щедр господь бог и «приравненные к нему лица». А вечер, если не будет порушен, скажем, дополнительной строевой подготовкой или внеочередным нарядом, скорее всего уйдет на чистку башмаков, стирку, стрижку — сначала стрижешь ты, потом стригут тебя (многие из нас неплохо умели стричь, а уж сообразить бритье головы каждый может, да оно и удобнее). А может, припрягут еще куда — оружие, обмундирование — мало ли что сержанты выдумают! К примеру, мы научились откликаться на утренней поверке криком: «Мылся!» Имелось в виду, что ты мылся за прошедшие сутки хотя бы раз. Конечно, можно и соврать — я и сам пару раз так делал, — но както одного из нашей роты угораздило обмануть начальство при явной очевидности того, что он не мылся довольно давно. Так его отдраили швабрами и порошком для мытья пола свои же товарищи по отделению — под заботливым руководством капрал-инструктора.

Но если после ужина не находилось ничего спешного, все-таки можно было выкроить время и написать письмо, просто побездельничать, поболтать, обсуждая мириады умственных и нравственных недостатков наших сержантов,

а также порассуждать на излюбленную тему — о природе женщин. По их поводу мы вскоре пришли к заключению, что женщины — всего-навсего миф, порожденный воспламененной фантазией. Правда, один из нашей роты клялся и божился, что видел девчонку возле самого штаба полка — и его немедля заклеймили как лжеца и хвастуна. Еще можно было поиграть в карты. На собственном горьком опыте я научился не прикупать к стриту и никогда больше этого не делал — потому что за карты с тех пор ни разу не садился.

Или — если действительно образовывалось минут двадцать твоих собственных, не казенных — можно было поспать. Это, по-моему, разумнее всего — ведь по сну у нас всегда был недобор в несколько недель.

Впрочем, послушав меня, вы можете решить, что лагерь был тяжелей, чем можно вынести. Это не так. Лагерь был тяжел, насколько возможно, — и причина для этого была вполне конкретная.

Почти все новобранцы твердо убеждены, что учебный лагерь — сплошь безграничная подлость, тщательно продуманный садизм, дьявольские забавы безмозглых идиотов, которым приятно, когда люди мучаются…

Нет. Слишком уж все продумано, слишком интеллектуально, слишком отработано и безлично организовано, чтобы быть жестокостью ради жестокости. Здесь все было продумано четко и бесстрастно — как при хирургической операции. Ну да, вполне может быть, что некоторым инструкторам такие штуки доставляли удовольствие. Но теперь-то я знаю: подбирая инструкторов, стараются исключить малейшую ошибку. И уж во всяком случае — не ставить на эту должность тех, кто не прочь поизмываться над салажатами. Такие типы слишком тупы, не свободны эмоционально — и слишком быстро устанут от своих штучек, забьют на все болт и не смогут эффективно вести подготовку.

Конечно, может быть, и попадется такой иногда. Мне приходилось слышать, например, о хирургах, которым доставляло наслаждение резать и пускать кровь, но в нашей, человеческой хирургии не избежать крови.

Да, так оно и было — хирургия! И с единственной целью: отсеять тех, кто слишком нежен или просто не дорос еще до того, чтобы учиться на Мобильного Пехотинца. И они стаями бежали прочь. Я и сам был близок к тому, чтобы сбежать. Рота наша сократилась до размеров взвода в первые

же шесть недель. Одни просто ушли, собираясь дослужить срок в частях нонкомбатантов, другие были уволены за различные проступки, кто-то получил «Отставку по несоответствию», а кто-то — «Отставку по состоянию здоровья».

Вообще-то нам не сообщали, почему уволен тот или другой, — разве что он сам рассказывал. Некоторые увольнялись по собственному желанию, громко проклиная всех и вся и навсегда распрощавшись с полными гражданскими правами. Другие, особенно те, кто постарше, просто физически не могли выдерживать таких нагрузок — от их старания здесь ничего не зависело. Помню одного, замечательный был старый чудик по фамилии Каррузерс. Ему было что-то около тридцати пяти — его, помнится, волокли на носилках, а он как резаный орал, что это несправедливо и он еще вернется.

Это нагнало на нас тоску — Каррузерса мы любили, а он действительно старался как мог. Мы думали, что больше его не увидим, что он носит теперь штатский костюм с медицинским заключением о непригодности в кармане. Впрочем, мне посчастливилось увидеть его еще раз — много позже. Он отказался от увольнения — это можно, если по состоянию здоровья, — и пошел третьим

коком на десантный транспорт. Он узнал меня и захотел поболтать о прежних временах — своей подготовкой в лагере Кюри он гордился не меньше, чем мой папахен своим гарвардским акцентом, и считал, что именно поэтому он хотя бы капельку, но лучше любого другого флотского.

Однако эта цель — отсеять непригодных как можно быстрей, не растрачивать на их обучение правительственных денег — не была главной. Главное — сделать так, чтобы десантник, не прошедший надлежащей подготовки, не вошел в капсулу для боевого десанта. Те, кто идет в бой, должны соответствовать по всем статьям — дисциплина, пригодность, квалификация и решительность. Если же нет, то ни для правительства государства, ни для его товарищей — а пуще всего для него самого — бой ничем хорошим не кончится.

И все же — не был ли учебный лагерь жесток сверх надобности?

Все, что я могу сказать по этому поводу, — это когда я пойду в следующий боевой десант, я хотел, чтобы со мной шли ребята, подготовленные в лагере Кюри или в таком же лагере в Сибири. Иначе я в капсулу не полезу.

Но в то время и я считал: мол, нас заставляют

заниматься разной ерундой. Вот к примеру. Когда мы пробыли в лагере неделю, нам выдали, в дополнение к нестроевой, полевую форму-хаки; ее мы должны были надевать на вечернюю поверку (парадную форму нам выдали гораздо позже). Я принес свой мундир обратно на вещевой склад и обратился к сержанту-кладовщику. Раз он был всего-навсего кладовщик и к нам относился совсем по-отечески, я счел, что он как бы наполовину штатский. Тогда я не разбирался еще в планках и нашивках, иначе даже заговорить с ним не решился бы!

— Сержант, мундир мне велик! Ротный командир сказал, будто я палатку на себя нацепил!

Он поглядел на мое одеяние, но даже не притронулся к нему.

— Велик, говоришь?

— Ага. Я хочу по размеру!

Он и не шевельнулся.

— Ты, салажонок, послушай, что дядя тебе скажет. У нас в армии есть только два размера — «велик» и «мал». Ясно?

— Однако командир роты…

— И он прав, как никогда!

— Но… Что же мне делать?

— А, так тебе нужен добрый совет… Что ж,

у меня их целая куча; свежие, только сегодня поступили. Ммм… вот что сделал бы я. Это называется «иголка»; и я даже не пожалею тебе целую катушку ниток. Ножниц не надо — лезвие для бритья куда лучше… Стало быть, распорешь в талии и ушьешь, а в плечах оставь пошире, это тебе на вырост.

Сержант Зим по этому поводу только сказал:

— Мог бы сделать получше. Два наряда вне очереди.

И я сделал получше к следующему смотру.

Первые шесть недель были здорово тяжелы и насыщены: муштра сменялась марш-бросками и наоборот. Уже к тому времени, как отсеялась первая партия, мы способны были сделать пятьдесят миль за десять часов — очень прилично для тех, кто раньше нечасто ходил пешком. Отдыхали мы на ходу, только меняли аллюр — тихий шаг, быстрый шаг и рысь. Иногда мы, прошагав в один конец, разбивали лагерь, съедали полевые рационы, ночевали в спальниках, а на следующий день возвращались обратно.

Однажды мы вышли в обычный поход, без заплечных мешков, без рационов. Когда не остановились на обед, я не слишком удивился — знал уже, что к чему, и заблаговременно спер в сто-

ловой сахара и галет и еще разной еды и все это рассовал по карманам, однако, когда начался вечер, а мы продолжали удаляться от лагеря, почуял неладное. Но я уже был настолько умен, что не задавал дурацких вопросов.

Остановились мы перед самым наступлением темноты — три роты, уже достаточно поредевшие. Был устроен батальонный смотр, правда без музыки, затем расставили часовых и разрешили нам разойтись. Я немедленно направился к капрал-инструктору Бронски — с ним общаться было полегче, чем с остальными, а я все-таки чувствовал на себе некоторую ответственность. Дело в том, что к этому времени мне посчастливилось быть произведенным в рекрут-капралы. Правда, эти шевроны были считай что игрушечные — никаких привилегий не давали, кроме как отвечать за все свое отделение, а снять их могли еще быстрей, чем нашили. Сперва Зим перепробовал в роли рекрут-капралов всех, кто постарше, а я нарукавную повязку с шевронами унаследовал пару дней назад от командира нашего отделения. Он, не выдержав нагрузок, загремел в госпиталь.

— Капрал Бронски, — спросил я, — что там слышно? Когда будем ужинать?

Он в ответ ухмыльнулся:

— Да есть у меня пара галет. Хочешь, поделюсь?

— А? Нет, спасибо, сэр. — У меня съестных припасов имелось куда больше. — Значит, ужина не будет?

— Знаешь, салажонок, мне тоже никто не доложился. Только вертолетов со жратвой что-то не видать. На твоем месте я бы собрал свое отделение да прикинул, что к чему. Авось кому и посчастливится подбить камнем кролика.

— Есть, сэр. Но… Мы пробудем здесь всю ночь? Ведь спальников мы не взяли!

Он выпучил на меня глаза:

— Да что ты говоришь? Спальников не взяли, надо же! И правда, не взяли…

Он сделал вид, что напряженно думает.

— М-м-м… Видал когда-нибудь, как овечья отара во время бурана сбивается в кучу?

— Нет, сэр.

— Все равно попробуйте. Овцы же не замерзают, авось и вы не замерзнете. А если не любишь компании, можешь всю ночь бегать. Никто слова тебе не скажет, если не будешь за посты вылезать. Главное, не тормози — и не замерзнешь! Разве что маленько устанешь к завтрему!

Он опять ухмыльнулся.

Я отдал честь и вернулся к своему расчету. Мы стали делить наши припасы — и я на этом сильно проиграл; большинство этих олухов даже не сообразили спереть что-нибудь из столовой, а другие все сожрали еще на марше. Однако после нескольких крекеров и сушеных слив все-таки потише трубит в желудке.

Овечий прием тоже сработал: его проделал вместе весь наш полувзвод — три отделения. Конечно, если кто хочет выспаться, то ему не стоит проделывать такие штуки. Если лежишь с краю, один бок, как ни крути, мерзнет, тогда, понятно, лезешь в середину. А уж когда ты в середину пролез — согреваешься, но тут каждый норовит сложить на тебя свои мослы либо дышит в лицо своей нечищеной пастью… Так и ползаем всю ночь взад-вперед, на манер броуновского движения, и не заснуть, и не проснуться окончательно. Поэтому ночь будто сто лет тянется.

Подняли нас бодрым окриком:

— Па-а-адъ-ем! Вых-ходи стр-роиться! Жи-ва!

Крик сопровождался аккомпанементом инструкторских стеков, щелкающих пониже спины. Мы начали зарядку. Я чувствовал себя трупом хладным и не представлял, как смогу дотянуться до носков ботинок. Однако хоть со скрипом, но

дотянулся, а на обратном пути почувствовал себя совсем разбитым. Сержант Зим, как обычно, был бодр и подтянут. Кажется, этот мерзавец даже умудрился побриться.

Солнце приятно согревало спины. Зим приказал запевать. Вначале — старые солдатские, «Le regiment de Sambre et Meuse», «Caissons» и «Пирамиды Монтесумы», а потом нашу «Польку полевую», которая кого угодно заставит пуститься рысью. Зиму еще в раннем детстве все уши медведь оттоптал — разве что мощный голосище остался, но Брекинридж уверенно вел мелодию, и даже Зимовы вопли не могли его сбить. На время мы преисполнились самоуверенности и распушили хвосты.

Однако через пятьдесят миль самоуверенности как не бывало. Ночь показалась мне длинной — а день вообще тянулся без конца. И Зим еще отчехвостил нас за «постные морды» и за то, что некоторые не успели — за девять минут от прихода в лагерь до поверки! — побриться.

Многие ребята решили в тот вечер уволиться, и сам я подумывал о том же. Однако не уволился — а все потому, что дурацкие шевроны рекрут-капрала все еще красовались на моем рукаве.

И в ту же ночь нам устроили двухчасовую учеб-

ную тревогу.

Все же в самом скором времени я вспоминал о ночевке в груде товарищей как о доме родном, уютном и теплом. Ровно через двенадцать недель после памятного марш-броска меня, почти голым, забросили в дикие канадские скалы и предоставили продираться через них сорок миль. Я справился — и проклинал армию на каждом дюйме моего пути.

Но на финише я даже не был слишком плох. Пара кроликов оказалась менее проворной, чем я, и я был не так уж голоден. Более того — даже одет, меня покрывал толстый слой кроличьего жира, пыли и грязи, а из шкурок вышли мокасины — самим кроликам шкурки были уже без надобности. Диву даешься, что можно при желании сделать обычным обломком камня! Да, похоже, наши пещерные предки не были такими уж тормозами!

Другие ребята тоже справились с этим переходом — те, кто решил попробовать и не уволился загодя. Только двое, пытаясь одолеть горы, погибли. Тогда мы вернулись назад и искали их тринадцать дней, ведомые специальными поисковыми вертолетами и инструкторами в командирских скафандрах, руководившими по-

исками и проверявшими все слухи. Мобильная Пехота не бросает своих, пока есть хоть какая-то надежда.

Их похоронили со всеми почестями, под оркестр, игравший «Это — наша земля», и присвоив им — посмертно — звания рядовых первого класса. Из наших салажат они первыми достигли таких высот.

Бойцу не обязательно оставаться в живых — смерть входит в его профессию, — но зато тому, как ты умрешь, значение придается громадное. Это просто обязывало подтянуться, держать хвост пистолетом и стараться изо всех сил.

Одним из двух погибших был Брекинридж. Второго — австралийца — я не знал. Впрочем, на учениях гибли и до них, и уж тем более вряд ли они были последними.

Глава 5

Ты рожден, как негодяй,
И помрешь, как негодяй!
Здесь порядочным не место…
Левый борт — ОГОНЬ!

Прочь, от пушки эту вошь!
Бросить за борт эту вошь!
Он же крив на оба глаза!
Правый борт — ОГОНЬ!

Старая песня, которую пели под пушечный салют

Но все это случилось уже после того, как мы покинули лагерь Кюри, а до отъезда еще много всякого было. Была боевая подготовка — в основном боевой строй, упражнения и маневры с применением чего угодно — от голых рук вплоть до имитации ядерного оружия. Никогда не думал, что на свете есть столько способов убивать. Вначале нас учили не путаться в собственных руках и ногах — кто считает, что это не оружие, тот не видал сержанта Зима и капитана Френке-

ля, нашего батальонного, демонстрировавших нам саватту, или хотя бы малыша Сюдзуми, который мог уложить любого из нас с неизменной белозубой улыбкой. Зим даже назначил его инструктором по рукопашному бою, и мы должны были подчиняться его приказам — только обращаться к нему «сэр» не полагалось.

По мере того как ряды наши редели, Зим все меньше занимался со всеми вместе — разве что на смотрах, и все больше времени уделял индивидуальным тренировкам, дополняя капрал-инструкторов. Он мог вмиг уложить человека чем угодно, но особенно любил ножи. Свой он выточил и сбалансировал собственноручно, хотя стандартные были тоже очень ничего. В качестве персонального учителя Зим делался помягче — даже его обычное отвращение к нам сменялось некоторой терпимостью. По крайней мере, он терпеливо сносил дурацкие вопросы.

Однажды, во время двухминутного перерыва, следовавшего после каждой тренировки, один из наших — парень по имени Тед Хендрик — спросил:

— Сержант… Я вот думаю. Это, конечно, интересно — с ножами… Но зачем нас этому обучают? Разве нам пригодится?

— Как же, — ответил Зим, — а если у тебя, кроме ножа, и нет ничего? А представь, что и ножа-то нет? Что тогда делать будешь? Прочтешь молитву да помрешь? Или все же осилишь эту премудрость и заставишь сдохнуть врага? Ты пойми, салажонок, это — ЖИЗНЬ, а не шашки-пешки, где всегда можно сдаться, раз уж не осталось надежды.

— Но, сэр, я только вот что хочу сказать. Допустим, вы совсем не вооружены. Или у вас эта вот царапалка. А у того, кто против вас, есть любое оружие, самое опасное! Ведь как бы вы ни старались — что тут поделаешь? Ничего…

Ответил Зим очень мягко:

— Нет, салажонок, не верно. Нет такой вещи, как «опасное оружие»!

— А… Сэр?

— Не бывает на свете опасного оружия — бывают только опасные люди. И мы постараемся сделать вас такими — для врага. Опасными даже без ножа. И только с одной рукой или ногой — пока живы! Если не понимаешь, что я хочу сказать, почитай хотя бы «Горация на мосту» или «Смерть Ричарда Храброго», обе книжки есть в библиотеке лагеря. А теперь взять хотя бы твой пример. Представь, что я — это ты и у меня только нож.

А вон та мишень сзади, по которой ты давеча промазал, номер три — часовой, вооруженный всем, чем можно, кроме водородной бомбы. И ты должен его сделать — тихонько, враз, так, чтобы даже пикнуть не успел.

Зим чуть повернулся — банк! — и нож, которого у него перед тем и в руках-то не было, уже торчал в самом центре мишени номер три.

— Видал? С двумя ножами еще лучше. Но сделать его ты все равно должен был — хоть голыми руками.

— А-а…

— Что-то неясно? Колись. Я на то здесь и поставлен, чтобы на твои вопросы отвечать.

— А, да, сэр. Вы сказали, у часового нет водородной бомбы. Но у них ведь есть водородные бомбы, вот в чем дело! По крайней мере, у наших часовых они есть. И у часовых с той стороны наверняка тоже — я ведь не имею в виду собственных часовых… В общем, у воюющих сторон.

— Ага, понятно.

— Это… Видите ли, сэр… Если мы можем использовать водородную бомбу — ведь вы сами говорили: это не игрушки — это жизнь, это война, и не следует валять дурака, то не глупо ли ползать по лопухам и ножиками бросаться? Так ведь

и убить потом могут, и даже можно войну проиграть… Ведь если у вас есть настоящее оружие, разве его недостаточно для победы? Какой смысл рисковать жизнью, пользуясь тем, что давно устарело, если один-единственный профессор может сделать куда больше, просто нажав кнопку?

Зим ответил не сразу — такие задержки были вовсе не в его обычае. Затем он мягко сказал:

— Хендрик, а ты часом не ошибся, когда пошел в пехоту? Ты же знаешь, никто тебя здесь не держит.

Хендрик не ответил. Зим приказал:

— Выкладывай!

— Да не то чтобы я хотел уволиться, сэр… Я хочу дослужить срок.

— Вижу. Ладно, вопрос твой не в компетенции сержанта… и даже не из тех, что ты вправе мне задавать. Предполагается, что ты должен знать ответ еще до поступления на службу. А может, и знаешь. Тебя в школе учили Истории и Философии Морали?

— А? Конечно… Так точно, сэр!

— Тогда ты уже слышал ответ. Но я — специально для тебя — не для протокола — скажу, что сам думаю на этот счет. Если бы ты хотел преподать урок малышу — стал бы ему рубить голову?

— Зачем же… Никак нет, сэр!

— Конечно, нет. Ты отшлепал бы его. Значит, бывают обстоятельства, при которых просто глупо бросать на города противника водородные бомбы — все равно что наказывать малыша с помощью топора. Война — это не просто насилие и убийства, грубые и простые. Война — это управляемое насилие, имеющее определенную цель, целенаправленное насилие. Цель любой войны — подкрепить решения правительства силой. И нужно не просто убивать противника ради того, чтобы убить. Суть в том, чтобы заставить его делать то, что требуется нам. Не убийство… а управляемое и целенаправленное давление. Но ставить цели — вовсе не наше с тобой дело! Солдат не имеет права решать, где, когда, как и зачем ему драться. Это забота чиновников и генералов. Чиновники решают, для чего и в какой мере, говорят об этом генералам, а генералы прикидывают и говорят нам, где, когда и как. Мы осуществляем давление, другие, так сказать, умудренные опытом, осуществляют управление. Каждому — свое. И это — все, что я могу тебе ответить. Если ты этим не удовлетворился, я разрешаю тебе спросить то же самое у командира полка. Если уж он тебя не убедит, езжай домой и

переодевайся в штатское! Потому что в этом случае солдата из тебя не выйдет, как ни крутись.

Зим вскочил на ноги.

— Похоже, вы мне тут просто лапшу на уши вешаете, чтобы волынить подольше! Па-ад-еом! Жи-ва! По местам! К мишеням! Хендрик, ты первый. На этот раз от тебя требуется бросить нож в южном направлении. Юг — твоя моя понимай?! А не север. Мишень покажется на юге, и от тебя требуется хотя бы метнуть нож в нужном направлении. В мишень тебе не попасть, я знаю, но ты хоть напугать ее постарайся! И не отхвати себе ухо, и не задень кого-нибудь сзади! Только сосредоточься на слове «юг»! Товьсь… мишень… Пошел!

Хендрик снова промазал.

Мы тренировались и со стеками, и с проволокой (уму непостижимо, что можно проделать с куском проволоки!), изучали настоящее современное оружие — как им пользоваться, как его обслуживать и как снаряжать. У нас было и учебное ядерное оружие, пехотные ракеты, множество видов газов, ядов, кумулятивных и зажигательных снарядов. А прочее лучше и не описывать! Но мы осваивали и устаревшее. К примеру, штыки на деревянных винтовках и на-

стоящие автоматы, точь-в-точь как в двадцатом веке, — довольно похожие на ружья для спортивной охоты. Только мы из них стреляли пулями — целиком свинцовыми либо в рубашке. Стреляли по неподвижным мишеням и по тем, что вдруг появляются в самых неожиданных местах, пока бежишь по пересеченной местности. Нас готовили, таким образом, к тому, чтобы быстро осваивать любое оружие да и вообще — всегда быть готовым ко всему. Что ж, им это удалось. Я точно знаю!

Мы пользовались автоматами и на полевых учениях — они заменяли нам более солидное вооружение. Мы вообще использовали множество имитаторов. Взрыв бомбы или гранаты, направленной против техники либо живой боевой силы, выглядел просто большим облаком черного дыма. Учебный газ только заставлял почихать и прослезиться — это означало, что ты убит или парализован… Впрочем, и этого хватало, чтобы заставить нас не манкировать противогазами; к тому же «убитый» получал от сержанта хорошую выволочку.

Мы по-прежнему недосыпали — больше половины учений приходилось на ночное время; с использованием инфравизоров, радаров к проче-

го оборудования в том же роде.

В автоматы, изображавшие прицельные ружья, на каждые пятьсот холостых вкладывался один настоящий патрон. Опасно? И да, и нет. Жить, знаете ли, вообще опасно… Все-таки пули не были разрывными, а простая вряд ли убьет, если только не попадет в голову или сердце. Да и то — скорее всего реанимируют. Однако этот, один «взаправдашний» на пять сотен, заставлял уделить побольше внимания укрытию, особенно учитывая, что некоторые автоматы были в руках инструкторов, которые в стрельбе собаку съели и действительно могли попасть — если, конечно, подвернется настоящий патрон. Они, правда, уверяли, что в голову никогда не целят, но… Всякое на свете бывает.

Их дружелюбные заверения не слишком-то убеждали. Каждый пятисотый патрон превращал учения в гигантскую русскую рулетку; я чуть заикой не стал, в первый раз услышав свист над самым ухом, а вслед за ним треск автомата.

Но мы все равно со временем расслабились, и тогда сверху распорядились: если все не будет как надо, настоящим станет каждый сотый патрон в обойме, а если и это не поможет — каждый пятидесятый. Не знаю, сделали они это или нет,

но результат был налицо. Мы опять подтянулись, после того как одному парню из соседней роты чиркнуло-таки пулей по заду. Он тут же превратился в объект для полуприличных шуток. Интерес к маскировке возрос. Мы смеялись над тем, кого подстрелили, однако понимали, что под пулями вполне могла оказаться его голова… как и голова любого из нас.

Инструкторы, не участвовавшие в стрельбе, об укрытиях не заботились. Наоборот, надевали белые рубашки и расхаживали туда-сюда со своими дурацкими палками, всем видом демонстрируя уверенность, что ни один салажонок не станет стрелять в инструктора. Со стороны некоторых это была уже сверхсамонадеянность. Но тут все же был только один шанс против пятисот, что делало преднамеренное убийство невозможным. Фактор риска уменьшался еще и от салажьего неумения стрелять. Автомат в обращении нелегок, пуля — она, как известно, дура. Я так понял: даже когда войны велись и выигрывались таким вот оружием, надо было выстрелить несколько тысяч раз, чтобы убить кого-нибудь. Невероятно, однако все военные историки согласны, что так и есть — большинство выстрелов не были прицельными, а служили лишь для того, чтобы прижать

противника к земле и не позволить стрелять.

Никто из инструкторов не был убит или ранен. И вообще от пули на учениях при мне не погиб никто. Смерть, как правило, приносили другие виды оружия — а иногда и то, что оружием вовсе не было. Любая палка имеет два конца, если работать не по инструкции… Один парень свернул себе шею, слишком усердно пытаясь укрыться, — ни одна пуля его не задела!

Надо сказать, именно стремление укрыться получше способствовало тому, что меня понизили в звании до прежнего состояния. Для начала с меня сняли рекрут-капральские шевроны — и не за мою провинность, а за проступок парня из моего отделения. Меня в тот момент и близко не было. На это я и напирал. Бронски посоветовал мне держать язык за зубами. Тогда я пошел к Зиму. Он ледяным тоном заявил, что я несу ответственность за действия моего отделения независимо от… а потом влепил мне шесть нарядов за то, что я обратился к нему без разрешения Бронски. Тут еще мама прислала наконец письмо, и оно меня жутко расстроило. К тому же я повредил плечо, впервые надев скафандр на учениях, — инструкторы могут устраивать по радио «неполадки в скафандре во время учебного боя» — я брякнулся

и расшиб плечо. Из-за этого меня направили на «облегченное дежурство» — словом, вместе со временем на то, чтобы себя пожалеть, появилась и куча поводов для этого.

Облегченное дежурство заключалось в том, что меня в качестве ординарца приставили к командиру батальона. Поначалу я из кожи вон лез, чтобы произвести хорошее впечатление. Но выяснилось, что от меня требуется только сидеть смирно, держать язык за зубами и не мешать. А значит, у меня появилось время посочувствовать собственной персоне — раз уж нельзя было просто пойти спать.

Но сразу после обеда мне стало не до сна. Явился сержант Зим и с ним еще трое. Зим, как всегда, был свеж и опрятен, однако выражением лица в точности напоминал Смерть на коне бледном. Под правым его глазом была приличная отметина, обещавшая превратиться в порядочный синяк. Выглядело все это совершенно фантастически. Остальные трое были ребятами из нашей роты. Посредине стоял Тед Хендрик. Он был грязен — правильно, рота ведь в поле, на учениях… Степь здешнюю никому не пришло в голову помыть; бывало, ползешь по ней на животе — тонну грязи на себя соберешь. Губы Теда были разбиты,

на подбородке — кровь и на рубашке — тоже. Пилотки на нем не было. Он дико озирался вокруг.

Оба парня, стоявшие по бокам, были при автоматах, Хендрик же — безоружен. Один автоматчик был из моего отделения, он подмигнул мне украдкой, так, чтобы никто не видел. Был он взволнован и горд.

Капитан Френкель удивился:

— Что это значит, сержант?

Зим вытянулся по стойке «смирно» и ответил, будто по бумажке:

— Сэр, командир роты «Эйч» докладывает командиру батальона. Дисциплинарное дело. Статья девять-один-ноль-семь. Неповиновение командиру и нарушение установки во время учебного боя. Статья девять-один-два-ноль. Игнорирование приказа при тех же обстоятельствах.

Капитан Френкель был озадачен:

— И вы пришли с этим ко мне, сержант? В официальном порядке?

В жизни не видел, чтобы человек смутился настолько, чтобы и лицо его, и голос полностью потеряли всякое выражение, но Зиму это удалось.

— Сэр… Если капитану угодно… Этот человек отказался от административного взыскания и

настаивал на встрече с командиром батальона.

— Вижу. Он у вас прямо юрист. Ладно, сержант. Я все еще ничего не понимаю, но такое право он имеет. Каков был приказ и установка?

— «Замри», сэр.

Я взглянул на Хендрика и подумал: «Ох-ох-хо, кру-техонько! По команде „замри“ следует брякнуться на землю, используя любое укрытие, и ЗАМЕРЕТЬ — не двигаться вовсе, даже бровью не шевелить, пока команду не отменят. Или то же самое, но уже в укрытии. Нам рассказывали истории о том, как людей ранило в положении „замри“… и они умирали молча и без единого движения».

Брови Френкеля взлетели вверх:

— А после?!

— То же самое, сэр. После самовольного нарушения установки — неповиновение приказу к ее выполнению.

Капитан Френкель нахмурился:

— Фамилия?

— Хендрик Т. С., — ответил Зим. — РН-семь-девять — шесть-ноль-девять-два-четыре.

— Хоро-ош… Хендрик, вы лишаетесь всех прав сроком на тридцать дней. Кроме того, вы должны безотлучно находиться в своей палатке, за ис-

ключением выполнения нарядов, приема пищи и санитарных нужд. Ежедневно по три часа — наряды начальника охраны — час перед отбоем, час перед подъемом и час во время обеда и вместо обеда. Ваш ужин будет состоять из хлеба и воды — хлеба, сколько сможете съесть. Десять часов дежурства каждое воскресенье. Во время наказания вам разрешено отправлять религиозные ритуалы согласно вероисповеданию.

«Ох, йо, — подумал я. — На полную катушку!»

Капитан Френкель продолжал:

— Хендрик, единственная причина мягкости примененного к вам наказания — тот факт, что для более строгого взыскания вас следует отдать под трибунал… а я не хочу, чтобы на вашей роте появилось пятно. Свободны.

Он опустил взгляд к бумагам на столе. Инцидент был исчерпан…

…Но Хендрик завопил:

— Вы даже не выслушали МОЮ версию!

Капитан поднял взгляд.

— О, извините. У вас имеется своя версия?

— Еще как имеется! Сержант Зим нарочно издевался надо мной! Он все время, пока я здесь, гоняет меня не переставая! Он…

— Это — его работа, — холодно заметил капи-

тан. — Вы отрицаете два обвинения, выдвинутые против вас?

— Нет, но… Он ведь не сказал вам, что я лежал на муравейнике!!!

Френкель поглядел на него с отвращением:

— Вот как. Значит, вы предпочитаете, чтобы вас и, возможно, ваших товарищей убили всего лишь из-за нескольких паршивых муравьев?

— Почему же «нескольких»? Их сотни там были! И жалят…

— Вот как? Юноша, послушайте, что я вам скажу. Будь это хоть гнездо гремучих змей, вы должны были выполнять приказ — «замри». Приказ один для всех.

Френкель сделал паузу.

— У вас еще есть что сказать в свое оправдание?

Хендрик стоял с открытым ртом:

— Конечно! Он ударил меня! Он занимался рукоприкладством! Тут их много ходит с этими дурацкими палками, и так и норовят по заду стегнуть или меж лопаток, да еще смеются — не расслабляйся, мол. Ладно, пусть! Но он занимался рукоприкладством — сбил меня с ног и завопил: «Замри, шут ты гороховый!» Что вы об этом думаете?

Капитан Френкель взглянул на свои руки, затем опять на Хендрика.

— Юноша, вы находитесь во власти распространенного среди штатских заблуждения. Вы уверены, что старшему по званию не положено «заниматься рукоприкладством», как вы это определили. Для других обстоятельств это верно — скажем, в театре или в магазине у меня не больше права ударить вас, конечно, если вы относитесь ко мне подобающим образом, чем у вас — ударить меня. Однако когда мы находимся при исполнении служебных обязанностей, все обстоит иначе.

Капитан развернулся в кресле и указал на несколько книг большого формата.

— Все это — законы, по которым мы живем. Вы можете просмотреть каждую статью в этих книгах, любое решение трибунала, проходящее по этим законам, — и не найдете ни единого слова или хотя бы намека на то, что старший по званию не может заниматься рукоприкладством или применять любой другой вид силового воздействия на вас при исполнении служебных обязанностей. Хендрик, я, например, могу сломать вам челюсть… но отчитываться в необходимости этого действия буду только перед

старшим по званию. Никакой ответственности перед вами я не понесу. Бывают обстоятельства, в которых старший по званию — независимо от того, офицер он или только капрал, — не только имеет право, но даже обязан убить подчиненного ему офицера или рядового — без промедления, а возможно, и без предупреждения. И он не только не будет наказан, но даже поощрен. Например, как пресекший опасное малодушие перед лицом врага.

Капитан пристукнул по столу.

— Теперь — о стеках. Они используются по двум причинам. Во-первых, отличают человека, которому следует подчиняться. Во-вторых, они предназначены для того, чтобы с их помощью возможно скорее добиваться от вас желаемого результата. Вы можете не беспокоиться, серьезного вреда стеки — в опытных руках — вам не причинят. Такой удар даже не слишком болезнен, однако сберегает массу времени и слов. Скажем, вы не намерены подниматься в гору. Дежурный капрал может долго уговаривать вас: «Ну очень нужно, сладенький мой, вот честное-расчестное, нужно! Да и не желаешь ли завтрак в постельку?» — если бы, конечно, армия могла бы приставить к каждому из вас по капралу в качестве няньки.

Мы не можем себе этого позволить, а поэтому капрал просто подстегнет вас и поторопится дальше — вы у него не один. Конечно, он мог бы просто дать вам пинка, тем более что и устав ему этого не запрещает, а эффект тот же. Однако генералы по тренингу и дисциплине считают, что так гораздо пристойнее — и для дежурного капрала, и для вас, вынужденного пробудиться от сна под воздействием безличного авторитета Хлыста. Того же мнения придерживаюсь и я. Однако наше с вами мнение здесь роли не играет; так положено.

Капитан Френкель вздохнул.

— Хендрик, все это я вам разжевываю исключительно потому, что бесполезно наказывать человека, не объяснив, за что он наказан. Вы были плохим мальчишкой — я говорю «мальчишкой», потому что мужчиной вы еще не стали. Однако мы продолжим попытки вырастить хорошего мужчину из плохого мальчишки. И просто удивительно, как вы бледно выглядите сейчас! В свою защиту вам сказать нечего, хоть немного облегчить наказание нечем; вы вовсе не знаете, что к чему, — даже слабого представления об обязанностях солдата не имеете. Вот как по-вашему, почему с вами обращаются «жестоко»? Я хочу,

чтобы вы во всем разобрались. Может быть, даже выяснится нечто такое, что послужит вам хоть частичным оправданием, хотя лично я подобных обстоятельств пока не представляю.

Я украдкой глянул на Хендрика раз-другой. Лицо его, пока капитан читал ему нотацию, от возмущения перешло к удивлению, а затем застыло угрюмой маской. Тихая, спокойная манера капитана действовала гораздо сильней, чем все выражения Зима.

— Говори! — резко сказал капитан.

— А… Ну нам было приказано «замри», я бросился на землю и увидел, что лежу в муравейнике. Поэтому я стал на колени, чтобы на пару футов отодвинуться, и тут меня ударили сзади, сбили на землю, и он заорал на меня. Тут я вскочил и дал ему, а он…

— Стоп!

Капитан Френкель так и взвился над креслом. Он будто бы стал футов десяти ростом — хотя вряд ли был выше меня. Он вытаращился на Хендрика:

— Ты… УДАРИЛ своего ротного командира?!

— А… Ну да. Но он же первый… Да еще сзади. Я такого ни от кого не потерпел бы. Значит, я дал ему, а потом он ударил меня опять и…

— Молчать!

Хендрик умолк, а затем добавил:

— И все, чего я хочу, — это освободиться от этой занюханной формы!

— Думаю, в этом мы вам поможем, — ледяным тоном сказал капитан. — И без промедления.

— Дайте мне лист бумаги. Я увольняюсь.

— Минуту. Сержант Зим!

— Я, сэр!

Зим все это время не сказал ни слова. Он просто смотрел перед собой, неподвижный, как статуя, только желваки по скулам катались. Сейчас, посмотрев на него, я увидел, что под глазом действительно блямба, — Хендрик здорово его достал. Но сам Зим ничего об этом не говорил, а капитан Френкель не спрашивал — может, просто думал, что Зим наткнулся на дверь и сам расскажет, если захочет.

— Соответствующие статьи устава были, как положено, доведены до сведения вашей роты?

— Да, сэр. Они вывешены для ознакомления, и их читают вслух каждое воскресенье утром.

— Верно, я знаю. Просто хотел еще раз в этом убедиться.

Каждое воскресенье, перед церковным колоколом, нам зачитывали статьи по дисциплине

из Устава и Инструкций Вооруженных Сил. И еще на доске объявлений был вывешен плакат, вместе с приказами. Но никто не обращал на это внимания — просто еще один вид муштры. Неплохо было хоть стоя, но поспать во время этого чтения. А раз так, то мы все эти правила пропускали мимо ушей и называли «тридцатью одним способом круто подсесть». В конце концов, инструкторы неусыпно следили за тем, чтобы все необходимые нормы поведения мы прочувствовали на собственном заду. А «способы» эти были затертой шуткой — вроде «побудочной смазки» или «утренней молотьбы». Так мы называли тридцать одно преступление, караемое смертью.

Порой кто-нибудь хвалился, что выдумал тридцать второе, — как правило, это оказывалось чем-нибудь нелепым и неприличным.

Нападение на старшего по званию…

Происходящее вдруг перестало казаться забавным. Он ударил Зима?.. И чтобы за это… повесили?! Черт побери, да многие — кого угодно возьми из нашей роты — на него замахивались, и некоторым даже удавалось ударить. Это когда он проводил с нами занятия по рукопашному бою. Он брался за нас после других инструкторов, когда мы начинали задирать нос и думать, что уже

все умеем, — и вгонял ума. Да чепуха все это — я видел раз, как Сюдзуми так треснул его, что вчистую нокаутировал! Бронски облил Зима водой, и он вскочил, и улыбался, и тряс Сюдзуми руку — а потом забросил его чуть не за горизонт…

Капитан Френкель огляделся вокруг, потом обратился ко мне:

— Свяжитесь со штабом полка.

Я пошел к аппарату и, путаясь в собственных пальцах, соединился со штабом, а когда на экране появилось лицо дежурного офицера, отступил в сторону, пропуская вперед капитана.

— Дежурный адъютант слушает.

Френкель отчеканил:

— Командир второго батальона обращается к командованию полка. Прошу прислать офицера для участия в заседании трибунала.

С экрана спросили:

— Когда он тебе потребуется, Ян?

— Как освободится, так сразу.

— Отлично, сейчас. Джек скорее всего в штабе. Фамилия, статья?

Капитан Френкель назвал фамилию Хендрика и номер статьи. Офицер на экране присвистнул и нахмурился.

— Мы живо, Ян. Если не смогу прислать Джека

— приеду сам, только вот Старику доложусь.

Капитан Френкель обернулся к Зиму:

— Те, что с вами, — свидетели?

— Да, сэр.

— Ка ПэВэ тоже видел?

Здесь Зим заколебался:

— Думаю, да, сэр.

— Вызовите его сюда. Есть там кто-нибудь в скафандре?

— Да, сэр.

Зим пошел к аппарату, а капитан тем временем спросил у Хендрика:

— Желаете ли пригласить свидетелей в свою защиту?

— А? Не нужны мне никакие свидетели; он сам сознается, что натворил! Дайте мне лист бумаги — я хочу уйти отсюда поскорей!

— Всему свое время.

И время, похоже, должно было наступить очень быстро. Не прошло и пяти минут, как явился капрал Джонс в командирском скафандре, таща в лапах капрала Махмуда. Он опустил Махмуда на землю и ускакал обратно как раз к появлению лейтенанта Спиксмы.

— Добрый вечер, капитан, — сказал он. — Обвиняемый и свидетели здесь?

— Все здесь. Бери стул, Жак.

— Запись пошла?

— Уже.

— Хорошо. Хендрик, шаг вперед.

Хендрик выступил вперед. Выглядел он озадаченным; похоже, нервы у него начали сдавать. Лейтенант Спиксма официальным тоном сказал:

— Полевой трибунал созван по приказу майора Ф.-К. Мэллоя, командира Третьего учебного полка, лагерь Артура Кюри, согласно приказу № 4, изданному командованием Управления обучения и дисциплины, согласно Уставу и Инструкциям о Вооруженных Силах Земной Федерации. Офицер, представляющий обвинение, — капитан Мобильной Пехоты Ян Френкель, занимающий должность командира Второго батальона Третьего полка. Суд: лейтенант Мобильной Пехоты Жак Спиксма, в должности командующего Первым батальоном Третьего полка. Обвиняемый — Хендрик Теодор С, рядовой необученный, РН7960924. Статья: 9080. Обвинение: нападение на старшего по званию во время пребывания Земной Федерации в чрезвычайном положении.

Дальше события развивались с непостижимой быстротой. Я вдруг оказался назначенным в «судебные чиновники» и должен был приводить и

выводить свидетелей. Я слабо себе представлял, как это я буду «выводить» Зима и что делать, если он не подчинится, но он только взглянул на Махмуда и двух наших ребят — и все они вышли наружу, так, что слышать ничего не могли. Зим отделился от остальных и просто ждал в сторонке, Махмуд сел на землю и принялся крутить себе сигарету — правда, его вызвали первым, и сигарета пропала зря. Меньше чем через двадцать минут все трое были опрошены и рассказали примерно то же, что и Хендрик. Зима не вызывали вовсе.

Потом лейтенант Спиксма спросил Хендрика:

— Желаете устроить перекрестный допрос свидетелей? Суд пойдет вам навстречу, если вы изъявите желание.

— Нет.

— Обращаясь к суду, следует стоять смирно и говорить: «сэр».

— Нет, сэр. Я требую адвоката.

— Закон не позволяет вам иметь представителя в военном трибунале. Желаете ли вы дать какие-либо показания в свою пользу? Вы не обязаны по закону делать этого, тогда суд ограничится уже имеющимися показаниями, а ваш отказ не будет свидетельствовать против вас перед судом. Однако вы предупреждаетесь о том, что данные

вами показания могут быть обращены против вас и вы можете быть подвергнуты перекрестному допросу.

Хендрик пожал плечами:

— Нечего мне больше говорить! Что хорошего мне от этого будет?

— Суд повторяет: хотите ли вы дать показания в свою пользу?

— Нет, сэр.

— Суд должен задать вам один процедурный вопрос. Были ли вы ознакомлены со статьей, по которой вас обвиняют, до того как совершили предусмотренное в ней преступление? Можете отвечать: да или нет или не отвечать вообще. Однако за свои показания вы несете ответственность по статье 9167, ответственность за ложные показания.

Обвиняемый молчал.

— Хорошо. Суд зачитает вам эту статью, а потом вновь вернется к этому вопросу. Статья 9080: каждый служащий Вооруженных Сил, напавший или угрожавший нападением, либо пытавшийся напасть или угрожать нападением…

— Да, я думаю, читали. Они много всякой ерунды читали по утрам каждое воскресенье — целый список того, что запрещено.

— Была ли вам зачитана именно эта статья?

— Э-э… Да, сэр, была.

— Очень хорошо. Отказавшись свидетельствовать в свою пользу, желаете ли вы тем не менее заявить о каких-либо смягчающих вашу вину обстоятельствах?

— Сэр?

— Не хотите ли вы что-либо добавить для суда? Привести какие-либо факты, по вашему мнению представляющие в ином свете ранее данные свидетельские показания? Обстоятельства, смягчающие совершенное вами преступление? Может быть, вы были больны, под воздействием наркотиков или каких-либо медикаментов? С этой точки зрения присяга вас не ограничивает; вы вправе говорить все, что могло бы помочь вам. Суд пытается выяснить следующее: имеются ли у вас какие-либо основания считать обвинение несправедливым?

— А? Конечно, несправедливо! Все здесь несправедливо! Он ударил меня первым! Он сам сказал, что ударил меня первым!

— Это все?

— Все, сэр. А разве недостаточно?!

— Разбирательство окончено. Рядовой необученный Теодор С. Хендрик!

Лейтенант Спиксма, говоря все это, стоял смирно, теперь и капитан Френкель поднялся. Похоже, запахло жареным!

— Рядовой Хендрик, вы признаны виновным в предъявленном вам обвинении.

У меня что-то сжалось внутри. Неужели они сделают это? Неужели сделают с Тедом Хендриком, как с Денни Дивером из баллады? А я еще утром с ним завтракал…

Пока я боролся с тошнотой, лейтенант продолжал:

— Суд приговаривает вас к десяти плетям и увольнению с резолюцией: «За нарушение Устава».

Хендрик сглотнул:

— Я хочу уволиться!

— Суд не дает вам позволения уволиться. Суд также желает добавить, что столь мягкое наказание применено к вам исключительно потому, что данный суд не уполномочен наказывать вас строже. В сущности, вы должны быть обязаны тому, кто предал вас именно этому суду. Будь вы преданы генеральскому трибуналу, те же обстоятельства привели бы к приговору: «Повесить за шею, пока не умрет». Вам очень и очень повезло — старший офицер, властью которого вы преда-

ны суду, обошелся с вами милосердно.

Лейтенант Спиксма сделал паузу, затем продолжил:

— Приговор будет приведен в исполнение, как только председатель трибунала одобрит запись заседания — в том случае, если он ее одобрит. Заседание окончено. Вывести обвиняемого и взять под стражу.

Последнее касалось меня — однако мне делать ничего не пришлось, только позвонить в караулку, а потом получить за Хендрика расписку, когда его увели.

К дневному врачебному приему капитан Френкель отпустил меня и послал к врачу, который засвидетельствовал, что я могу вернуться к исполнению служебных обязанностей. Вернувшись в роту, я едва успел переодеться и выйти со всеми на поверку, где Зим дал мне вздрючку за «пятна на униформе». У него у самого было пятно побольше моих — в глаза бросалось, — но вслух я этого, конечно, говорить не стал.

Кто-то установил на плацу большой столб прямо позади того места, где обычно стоял адъютант. Когда настало время зачитывать приказы, вместо текущих сообщений был зачитан приговор суда над Хендриком.

Потом его вывели со скованными впереди руками под конвоем двух вооруженных часовых.

Я еще ни разу не видел порки. Когда жил дома, у нас, конечно, бывали публичные наказания — на площади Федерал Билдинг, однако отец строго-настрого велел мне держаться оттуда подальше. Один раз я попытался его ослушаться, но тогда наказание было отсрочено, а больше я не пробовал.

Одного раза более чем достаточно.

Часовые подняли Хендрику руки и зацепили наручники за крюк на столбе. Затем с него сорвали рубаху, а майки под ней не было. Адъютант отчеканил:

— Приговор суда привести в исполнение!

Вперед выступил капрал-инструктор — не из нашего батальона — с плетью. Начальник охраны начал считать.

Счет тянулся медленно — от удара до удара секунд по пять. А казалось — еще медленней. До третьего удара Тед молчал, потом только пару раз всхлипнул.

Затем я обнаружил, что таращусь в нависшее надо мной лицо капрала Бронски, который ударял меня по щекам и пристально вглядывался в глаза. Он прекратил хлопать и спросил:

— Ну как, очухался? Отлично, давай в строй. Живей, сейчас скомандуют идти к осмотру.

Закончив поверку, мы вернулись в расположение роты. Я ничего не мог есть за ужином, и многие из ребят тоже.

Никто и не заикнулся насчет моего обморока. Потом мне сказали, что я не один был такой — с парой дюжин ребят случилось то же самое.

Глава 6

Что легко нам дается, то и ценится дешево… и было бы действительно странно, если бы такая замечательная вещь, как Свобода, не ценилась столь высоко!

Томас Пейн

В ту ночь, что последовала за увольнением Хендрика, я чувствовал себя хуже, чем когда-либо в лагере Кюри. Я не мог уснуть — если вы прошли учебный лагерь, то должны понимать, насколько потрясен должен быть новобранец, чтобы с ним случилось такое! Но на учениях днем я не был, да и плечо — несмотря на то что врач признал меня выздоровевшим, — все еще побаливало. А тут еще письмо от мамы из головы никак не шло… Вдобавок, стоило мне закрыть глаза, я опять слышал — ССС — ХЛОП! — и видел, как Хендрик обвис, привязанный к столбу.

На шевроны мне было плевать. Они больше ничего не значили — я твердо решил уволиться. Если б не поздняя ночь да отсутствие бумаги и ручки — я уволился бы прямо сейчас.

Тед дал промашку — ему понадобилось на это

от силы полсекунды. Ведь все вышло действительно случайно. Хоть и ненавидел он службу — а кто ее любит?! — но все же собирался отслужить срок и получить избирательные права. Тед хотел стать политиком — постоянно об этом говорил. Мол, стоит ему получить гражданство — «вот увидите, сразу многое изменится!» Теперь ему не придется занимать никаких должностей. Стоило самую чуточку расслабиться — и все! Крышка.

Но если такое стряслось с ним, то и со мной может! Ведь и я от случайностей не застрахован! Завтра или на будущей неделе… И даже уволиться не дадут, иначе как под барабан и с исполосованной спиной.

Да, пора признать, что я ошибался, а прав был отец. Пора взять лист бумаги и скорей — домой! Сказать отцу, что готов ехать в Гарвард, а потом заниматься нашим бизнесом — если, конечно, отец не передумал. Надо пойти к сержанту Зиму прямо утром и сказать ему, что с меня хватит. Но это — не раньше утра. Сержанта Зима можно будить только ради чего-нибудь экстренного, а не из-за всякой ерунды — уж будь уверен! Кого угодно — только не Зима.

Сержант Зим…

Он беспокоил меня не меньше, чем случай с

Тедом. Когда заседание трибунала кончилось и Теда увели, он сказал капитану Френкелю:

— Разрешите обратиться к командиру батальона, сэр!

— Конечно. Я как раз собирался поговорить с вами. Садитесь.

Зим бросил на меня взгляд, и то же самое сделал капитан. Я понял, что лишний здесь. В приемной не было никого, только пара писарей-штатских. Выходить наружу я не решался — капитан мог зачем-нибудь вызвать меня. Я нашел недалеко от двери кресло и сел.

Сквозь перегородку мне было слышно, о чем они говорят. Штаб батальона был, можно считать, домом, так как в нем находилось стационарное оборудование для связи и записи, однако это было всего лишь «полевое строение облегченного типа» — проще говоря, хибара; так что внутренних перегородок все равно что не было. Я сомневался, что штатским что-либо слышно — оба они были в наушниках и склонились над пишмашинками, да они и внимания не стоили. Подслушивать я не намеревался, но тем не менее все слышал. Зим говорил:

— Сэр, я прошу перевода в боевую часть.

— Не слышу, Чарли, — отвечал Френкель. —

Опять меня слух подводит.

Зим:

— Я серьезно, сэр. Эта служба — не для меня.

Френкель раздраженно сказал:

— Прекратите ныть, сержант! Во всяком случае, сперва следует разобраться с делами. Что стряслось?

Зим выдавил:

— Капитан, мальчишка не заслужил десяти плетей.

— Верно. Не заслужил. И ты знаешь, кто во всем виноват. Я — тоже.

— Да, сэр. Знаю.

— Ну так что же? Ведь ты лучше меня знаешь — на этой стадии ребята все равно что дикие звери. Ты знаешь, когда можно поворачиваться к ним спиной, а когда — нет. Тебе известны установка и приказ по поводу статьи девять-ноль-восемь-ноль — нельзя давать им ни одного шанса нарушить ее. Конечно, они будут пытаться — если бы они не были агрессивными, то не годились бы для Мобильной Пехоты. В строю они послушны; они не опасны, когда едят, спят или сидят на собственных хвостах и слушают лекции. Но выведи их в поле, или на учения, или куда угодно — где они заводятся и в крови у них

полно адреналина, — они сразу превратятся во взрывчатку почище гремучей ртути.

Ты знаешь это, и твои инструкторы знают это; тебя учили — и выучили — постоянно быть начеку и все такие поползновения подавлять в зародыше. И вот объясни: как это могло случиться, что необученный новобранец смог подвесить тебе бланш под глаз? Он даже не должен был успеть дотянуться до тебя, ты должен был мигом отключить его, когда увидел, куда он нацелился. Почему ты позволил себе расслабиться? Может, ты потерял форму?

— Не знаю, — тихо ответил Зим. — Должно быть.

— Хм-м-м! Если так, то в боевую часть ты тем более не годишься. Но это не так. Или не было так еще три дня назад — мы с тобой работали спарринг. Так где же ты дал маху?

Зим ответил не сразу.

— Похоже, я подсознательно отметил его как одного из безопасных.

— Таких в природе не существует.

— Да, сэр. Но он был таким послушным. Так старался выслужить срок — у него никаких способностей, однако он упорно старался. И я, должно быть, посчитал его безопасным — под-

сознательно.

Помолчав, Зим добавил:

— Кажется, это оттого, что он мне нравился.

Френкель фыркнул:

— Инструктор не может позволять себе любить своих подчиненных.

— Я знаю, сэр. Но все же… Они — прекрасные ребятишки. Всех тормозов мы уже отправили. У Хендрика только один недостаток: кроме неуклюжести, он думает, что знает уже все на свете. То есть это ничего, я сам в свое время таким был… Я хочу сказать, всякая шушера отправилась домой, а те, кто остался, — энергичны, дисциплинированны и всегда начеку, точно элитные щенки колли. Из многих выйдут настоящие солдаты.

— Значит, в этом дело — он тебе нравился… и поэтому ты не среагировал вовремя. И потому он пошел под трибунал, получил порку и был уволен «за нарушение Устава». Зам-мечательно!

— Да, сэр, — ответил Зим. — Мне было бы куда легче, если б выпороли меня.

— Придется тебе очереди подождать — я все-таки по званию старше. Как по-твоему, чего мне больше всего хочется уже битый час? Чего я больше всего боялся с той минуты, как увидел в дверях тебя с синяком под глазом? Да я из кожи

вон лез, чтобы обойтись административным наказанием, — так нет, надо же было дураку-мальчишке болтануть языком! Кто же знал, что он настолько туп, чтобы так вот взять и ляпнуть: я ударил его… Он — именно из «тормозов»; ты уже давно должен был отсеять его… А не нянчиться до последнего! Он-таки ляпнул — мне, и при свидетелях, — и я вынужден был дать делу ход. И поехало… Возможности пропустить все мимо ушей не было никакой, оставалось сделать козью морду, принимать законные меры и смириться с тем, что на свете будет еще один штатский, ненавидящий нас по гроб жизни. Потому что он должен был быть выпорот; ни ты, ни я не могли подставить вместо него свои спины… Хотя грех был целиком на нашей совести. Потому, что полк должен видеть, что бывает за нарушение статьи девять-ноль-восемь-ноль. Виноваты мы… Но все шишки достались ему.

— Это я виноват, капитан. И именно потому прошу о переводе. Сэр, я думаю, так будет лучше для части.

— Значит, ты думаешь… Но что лучше для моего батальона, я решаю, — я, а не вы, сержант! Послушай, Чарли, как ты думаешь, кто в свое время сделал так, что тебя перевели сюда? И

почему? Что было двенадцать лет назад? Ты был капралом… А где?

— Здесь, капитан, и вы хорошо это помните. Прямо здесь, в этих самых забытых богом прериях. И надеялся, что никогда не вернусь сюда, только бы вырваться.

— Как и все мы. Однако мы с тобой вернулись для самой важной и деликатной работы во всей армии — превращать непоротых щенят в солдат… А кто, по-твоему, был самым непоротым щенком в твоем полувзводе?

— М-м-м… — Зим помедлил с ответом. — Я бы не сказал, что это были вы, капитан…

— Ты бы не сказал… Однако я первым пришел тебе в голову! Я ведь просто ненавидел тебя, капрал Зим!

Ответил Зим удивленно и даже обиженно:

— Д-да? Но ведь я вас не ненавидел, капитан… Вы мне скорее нравились.

— Вот как? Ну что ж, ненависть — это другая роскошь, непозволительная для инструктора. Мы не должны позволять себе ни той, ни другой. Наша задача обучать их. Но если я нравился тебе, то… выражалось это весьма странным образом. Я и до сих пор тебе нравлюсь?

Можешь не отвечать мне, это абсолютно все

равно. То есть я не хочу этого знать. Я тогда ненавидел тебя — только и делал, что выдумывал способы когда-нибудь до тебя добраться. Однако ты всегда был наготове и ни разу не дал мне шанса нарушить эту самую девять-ноль-восемь-ноль. Вот за это тебе спасибо. И насчет твоей просьбы. Когда я был салажонком, ты снова и снова отдавал мне один приказ. Вот его я ненавидел пуще всего остального, от тебя исходившего. Помнишь? Я помню и теперь возвращаю его тебе: «Боец! Заткнись и бейся дальше!»

— Есть, сэр.

— Погоди. Все же в этой проклятой заморочке есть и свой плюс. Каждый учебный полк нуждается в хорошем уроке относительно статьи девять-ноль-восемь-ноль, мы оба это знаем. Думать они еще не научены, читать не любят и редко слушают, что им говорят. Зато видят — все! И неудача этого Хендрика может сохранить шею кому-нибудь из его сослуживцев. Однако я очень сожалею, что наглядным пособием для этого урока послужил мой батальон. И отнюдь не хочу, чтобы в моем батальоне такое повторилось. Собери своих инструкторов и предупреди. В течение суток ребятишки пробудут в состоянии шока, а потом замкнутся, и напряжение станет расти. К

четвергу или пятнице некоторые — склонные так или иначе к отсеву — станут думать, что Хендрика наказали не строже, чем того, кто садится пьяным за руль, а потом начнут замышлять еще одно нападение на ненавистного инструктора. Сержант! Этот случай не должен повториться! Ясно?

— Так точно, сэр.

— Я хочу, чтобы инструкторы были в восемь раз осмотрительнее, чем прежде. От инструктора требуется — держать дистанцию! От него требуется — быть начеку, как мышь, когда поблизости бродит кот! И особенно поговорите с Бронски — есть у него наклонности к… братанию.

— Бронски я подтяну, сэр.

— Смотрите! Когда следующий новобранец полезет на инструктора, это должно быть пресечено немедленно. А не так, как сегодня! Парень должен быть тут же отключен — и чтобы инструктор пальцем не позволил до себя дотронуться! Или я вышвырну его к чертям собачьим по некомпетентности. Пусть так и знают. Инструкторы должны втолковать салажатам, что нарушать девять-ноль-восемь-ноль не просто себе дороже — нарушить ее в принципе невозможно! Одна попытка ее нарушить кончится лишь вывих-

нутой челюстью да ведром воды на голову — и больше ничем!

— Есть, сэр. Будет сделано.

— Да лучше уж — пусть будет сделано. А если кто-либо из инструкторов даст промашку, я не просто вышвырну его со службы. Я лично провожу его в прерию и там так задам!.. Потому что я не желаю видеть еще одного из моих парней у позорного столба — только из-за того, что его учитель недоглядел. Вы свободны.

— Есть, сэр. Всего хорошего.

— А-а, что тут может быть хорошего… Чарли…

— Слушаю, сэр.

— Если ты вечером не слишком занят, может, наденешь перчатки и туфли для саватты? Поработаем немного! «Waltzing Matilda», а? Давай часов в восемь!

— Есть, сэр!

— Да это не приказ, Чарли, просто приглашение. И если ты действительно потерял форму, я, пожалуй, смогу пнуть тебя в лопатку.

— Так, может, капитан заключит со мной небольшое пари по этому поводу?

— Это я-то, полный день просиживающий за столом и продавливающий кресло?! Ну нет! Разве что на одной из твоих ног будет ведро с цемен-

том… Серьезно, Чарли, — день был ни к черту, а перед тем, как все наладится, нам придется еще тяжелей. Если мы с тобой поработаем как следует, вгоним друг друга в пот и обменяемся шишками, то, наверное, сможем сегодня заснуть назло всем маменькиным сынкам в мире.

— Я буду, капитан. Не перегружайте желудок за ужином — мне тоже надо бы снять напряжение.

— Я не иду на ужин. Я собираюсь сидеть здесь и потеть над квартальным рапортом. Каковой рапорт наш комполка великодушно пожелал видеть после своего ужина и с каковым рапортом я, по вине некоего типа — не будем называть имен, — уже на два часа запаздываю. Возможно, опоздаю и к нашему вальсу — на несколько минут. Ладно, Чарли, иди уж, не мешай. Увидимся.

Сержант Зим так внезапно вышел, что я едва успел нагнуться, будто завязываю шнурок, и таким образом спрятаться за шкафом, пока он не пройдет через приемную. Капитан Френкель уже кричал:

— Ординарец! Ординарец! ОРДИНАРЕЦ! Почему я должен трижды повторять? Фамилия? Наряд вне очереди. Разыщите командиров рот И, ЭФ и ДЖИ. Передайте, что я рад буду видеть их перед вечерней поверкой. Затем возьмете из моей па-

латки чистую униформу — фуражку, ботинки, перчатки, планки — не медали, планки. Оставите все в кабинете. Затем будет сигнал к вечернему медосмотру, и если вы будете способны чесаться этой рукой (вы, я вижу, способны), — значит, плечо ваше в порядке. До сигнала еще тринадцать минут. Живо, солдат.

Я успел все, поймав двух ротных в инструкторской душевой — по делам службы ординарец может входить куда угодно, — а третьего в его кабинете. Да, приказы только с виду кажутся невыполнимыми — потому что они почти невыполнимы. Так что форму для вечерней поверки я принес капитану как раз с сигналом к вечернему медосмотру. Он, не удостоив меня взглядом, буркнул:

— Снимаю последнее взыскание. Свободны.

Я попал домой как раз вовремя, чтобы увидеть последние часы Теда Хендрика в Мобильной Пехоте да схлопотать наряд вне очереди за «две неопрятности во внешнем виде».

Ночью, лежа без сна, я много чего передумал. Я знал, что работа у Зима не из легких, но это, как правило, внешне никак не проявлялось. Он всегда был таким уверенным и самодовольным — будто в согласии со всем миром и с самим со-

бой… А вышло, что уверенным и самодовольным он только кажется…

Мысль о том, что этот непробиваемый робот может переживать свою ошибку, может чувствовать себя столь глубоко и лично униженным, что готов бежать из части и скрыться среди чужих людей — дескать, «Так будет лучше для подразделения», потрясла меня сильней, чем порка, полученная Тедом.

И капитан Френкель подтвердил, что Зим допустил промах, а вдобавок ткнул его в этот промах носом, отчитав как следует. Ну и дела… Я-то считал просто: сержанты исторгают из себя выговоры, а не выслушивают их. Закон природы!

Однако следовало согласиться, что взбучка, полученная Зимом, была для него так унизительна, что по сравнению с ней все, что я когда-либо выслушал от него, казалось чуть ли не объяснением в любви. А ведь капитан даже голоса не повысил!

Инцидент был настолько фантастичен и нелеп, что я ни слова о нем никому не сказал.

И сам капитан Френкель… Офицеров мы вообще видели нечасто. Они показывались на вечерней поверке, являясь в последний момент этаким прогулочным шагом, и жить им, судя по всему,

было легче некуда. Раз в неделю они проводили осмотр, приватно делали замечания сержантам — и замечания эти касались кого угодно, только не самих сержантов. Еще они каждую неделю решали, чья рота завоевала честь нести караул у знамени полка. Кроме этого, они лишь иногда докучали нам внезапными инспекциями, и при этом всегда были отутюженные, чистенькие, пахли одеколоном и держались холодно-отстраненно, а закончив проверку, вновь уходили.

Конечно, один или даже несколько офицеров всегда сопровождали нас в марш-бросках, а дважды сам капитан Френкель демонстрировал нам, что такое саватта. Но офицеры не работали — не работали по-настоящему — и проблем имели гораздо меньше нашего — ведь над ними не было сержантов.

Но вот выяснилось, что капитану Френкелю, бывает, даже на ужин сходить некогда, да еще он жалуется, что сидение за столом ему наскучило и тратит на тренировки СВОЕ ЛИЧНОЕ время!

А что касается проблем, то ему в случае с Хендриком, кажется, пришлось даже хуже, чем Зиму. Но ведь он даже не знал Хендрика — был вынужден спрашивать фамилию…

Словом, меня наполняли самые противоречи-

вые чувства. Я обнаружил вдруг, что нисколько не разбираюсь в мире, в котором живу, и каждая его часть вдруг перевернулась совершенно неожиданным образом. Вроде как узнать в один прекрасный день, что мать твоя — вовсе не та мама, которую ты знал всю жизнь, а чужая женщина в резиновой маске.

Но в одном я был уверен: не хочу больше выяснять, что такое на самом деле Мобильная Пехота. Если она настолько неприветлива, что даже своих и. о. господа бога — сержантов и офицеров — делает несчастными, то для маленького Джонни это и подавно уж слишком! Как можно избежать ошибок в жизни, которой вовсе не понимаешь? Не хочу быть «повешенным за шею, пока не умру!» Не хочу даже рисковать подвергнуться порке! Пускай рядом стоит врач и следит, чтобы значительных повреждений не было… В нашей семье никого никогда не пороли (разве что в школе драли, но это — дело другое). В нашей семье никогда не было преступников, ни по отцовской, ни по маминой линии. Никого даже не обвиняли в преступлении. Наша семья была почтенной во всех отношениях — разве что гражданства не имела, — но отец всегда считал, что нет в этом гражданстве ничего почетного,

одно лишь бессмысленное тщеславие. И если меня выпорют — для него это будет ударом.

И еще. Хендрик ведь не сделал ничего такого, о чем я сам не помышлял бы много раз! Так почему бы и мне не решиться? Наверное, смелости не хватало. Я знал, что любой инструктор наверняка сделает из меня котлету, а потому только стискивал зубы и не пытался огрызаться.

Кишка тонка, Джонни… А вот у Теда — нет. А раз так, то мне-то уж в первую очередь не место в армии.

И капитан Френкель говорил, что вины Теда здесь нет. И если я даже не загремлю под 9080-ю, раз у меня кишка тонка, то в один прекрасный день провинюсь как-нибудь еще. Пусть это тоже не будет моей виной — но тем не менее к столбу для порки я попаду.

Да, Джонни, время сматываться, пока не все потеряно!

Мамино письмо только утвердило меня в этих намерениях. Я, конечно, мог ожесточаться сердцем на родителей, пока они отталкивали меня, но, когда они сделались — то есть мама сделалась — мягче, у меня уже не хватало духу. Она писала:

«…Боюсь, я должна сказать тебе, что отец все

еще не разрешает упоминать в доме твое имя. Но, дорогой мой, так выражается его горе — ведь плакать он не может. Сынок мой любимый, ты должен понять, что ты ему дороже и собственной, и моей жизни. Он говорит всем, что ты уже взрослый и способен сам принимать решения и что он гордится тобой. Но это не он, а гордость его так говорит — горькая уязвленная гордость человека, которого глубоко ранил тот, кого он любит больше всех. Ты должен понять, Хуанито, что он не позвонит и не напишет тебе не со зла — просто он не может сделать этого, пока не пройдет его горе. Я узнаю, когда это случится, и тогда поговорю с ним о тебе. И мы все снова будем вместе.

А как я сама отношусь к тебе? Да разве может мать злиться на своего малыша? Ты огорчил и меня, но это никак не может уменьшить мою любовь к тебе! Где бы ты ни был и что бы ты ни делал — ты всегда останешься любимым моим малышом, который, разбив коленку, все равно прибежит за утешением к маме и спрячется под ее фартук. Может, фартук мой сел, а может, ты вырос — хотя я никак не могу в это поверить, — но все равно и я, и фартук ждем тебя. Малыш всегда нуждается в мамином утешении — верно ведь, дорогой? Надеюсь, ты напишешь мне и скажешь,

что это так.

Но я хочу еще добавить, что от тебя ужасно давно не было никаких известий. Наверное, будет лучше, если ты пока что будешь писать мне на адрес тети Элеоноры. Она сразу же мне передаст, а в другие руки письмо твое не попадет. Понимаешь?

Тысячу раз целую моего маленького, твоя мама».

Я все отлично понимал — и если отец не может плакать, то я могу. Я и заплакал…

…и, наконец, заснул. И тут же нас подняли по тревоге! Мы — весь полк — рванули на стрельбище и провели учения — без боеприпасов, но с прочей выкладкой, включая вставляемые в ухо рации. Стоило нам рассыпаться цепью и залечь, раздалась команда: «Замри!»

Так нас продержали не меньше часа. Мы сдерживали даже дыхание. И даже шепот показался бы криком! Кто-то подобрался ко мне сзади и пробежал прямо по мне — койот, наверное. Все мы жутко замерзли, но мне было уже наплевать — я знал, что все это в последний раз.

На следующее утро я даже не слышал побудки. Впервые за эти недели меня вышвырнули из койки, и я с неохотой потащился на построение. До

завтрака все равно бесполезно начинать это дело с увольнением, ведь вначале нужно доложиться Зиму. Но он и на завтрак не явился. Я попросил у Бронски разрешения обратиться к командиру роты, он сказал: «Конечно, давай» и даже ни о чем не спрашивал.

Но обратиться к тому, кого нет, невозможно. После завтрака нас погнали в ежедневный марш-бросок, а Зима я так и не увидел. В расположение части мы должны были вернуться вечером, так что обед нам привезли вертолетом. Неожиданная роскошь, ведь невыдача перед маршем полевых рационов означала тренировку в голодании — то есть хоть с голоду помирай, если не спроворишь сам себе чего-нибудь, — а я на этот раз протормозил.

Вместе с рационами прибыл сержант Зим и привез почту — что неожиданной роскошью не было. По крайней мере для Мобильной Пехоты — тут тебя могут обделить едой, водой, сном и чем хочешь еще, и даже без всякого предупреждения, но личные письма доставят при первой возможности — если обстоятельства позволяют. Это уже — твое, тебе доставят их первым же транспортом, и можешь читать в любую подвернувшуюся минутку, хоть и на маневрах. Впрочем, ко мне это

имело мало отношения. За исключением пары писем от Карла да еще маминого, мне, кроме всяких реклам, ничего не приходило.

Я не помышлял ни о каких письмах, но Зим неожиданно назвал и меня. Я прикинул, что сейчас не время заговаривать с ним об увольнении — зачем давать ему повод для вздрючки у всех на виду, лучше подождать и обратиться к нему в штабе. Я был здорово удивлен, когда услышал свою фамилию. Подбежал и получил письмо.

И тут удивился еще сильнее — письмо было от мистера Дюбуа, моего преподавателя Истории и Философии Морали. Такого я ожидал меньше, чем письма от Санта-Клауса!

Когда я прочел письмо, мне все еще казалось, что это ошибка. Проверил адрес и убедился, что письмо все же адресовано мне, написано для меня и никого другого.

«Дорогой мой мальчуган!

Наверное, следовало написать тебе раньше, чтобы выразить мое удовольствие и гордость — ведь ты не только пошел служить, но пошел служить туда, где служил я сам. Однако это не было удивительно мне: я ждал от тебя такого

поступка — исключая разве что выбор рода войск. Такие плоды наша работа приносит не часто. Они могут быть гордостью для всякого учителя. Мы вынуждены перемывать груды гальки и песка, чтобы найти самородок, но такая находка воздает нам сторицей!

Сейчас тебе, должно быть, уже ясно, почему я не написал сразу. Множество молодых людей отсеиваются при начальной подготовке — и совсем необязательно натворив что-нибудь серьезное. Я ждал (у меня свои каналы для получения сведений), что ты не преодолеешь перевал (как нам всем знаком такой перевал!), и хотел быть уверен, что теперь ты продолжишь службу до конца — если не помешает болезнь либо несчастный случай.

Сейчас для тебя настала самая трудная пора — не физически, физические трудности ты уже прошел, но самая трудная духовно. Глубокие духовные изменения, переоценка ценностей необходимы для превращения потенциального гражданина в реального. Или, вернее сказать, ты уже прошел сквозь самое тяжелое, и

дальнейшие препятствия — чем дальше, тем выше, — ты одолеешь. Перевал твой пройден — зная тебя, парень, я думаю, что выждал достаточно, чтобы быть уверенным в этом, в противном случае ты был бы уже дома.

Добравшись до этой духовной вершины, ты чувствуешь нечто новое. Возможно, ты не можешь найти подходящих слов для этого (я на твоем месте не мог). Раз так, ты, наверное, позволишь своему старшему товарищу подсказать тебе эти слова. Высшее предназначение любого мужчины — заслонить своим бренным телом любимый дом от такого несчастья, как война. Слова эти, конечно, принадлежат не мне, о чем ты, возможно, догадался. Основные истины не подвержены действию времени, и, несмотря на все изменения в нашем мире, человеку вовсе не обязательно формулировать их заново. Эти истины непреложны где бы то ни было, для всех людей, времен и народов.

Очень хотелось бы получить твой ответ; если сможешь уделить старику несколько драгоценных минут, напиши. А если

случится тебе встретить кого-нибудь из старых моих товарищей — горячий им от меня привет!

Удачи, пехота! Я горд тобой!

Жан В. Дюбуа, подполковник МП в отставке».

Подпись поразила меня не меньше, чем письмо. Этот высокомерный дед — подполковник! Вот это да; а наш комполка — всего майор! В школе мистер Дюбуа никогда не говорил ни о каких званиях. Мы-то думали (если вообще об этом думали), что он был капралом или кем-то вроде этого и, потеряв руку, перевелся на легкую работу — преподавать предмет, по которому ни экзаменов, ни зачетов, только приходи и слушай. Конечно, мы знали, что он ветеран, ведь Историю и Философию Морали может преподавать только гражданин… Но МП! А с виду не похож. Худощавый, подтянутый, вроде учителя танцев — вовсе не похож на нас, обезьян… И все же он сам именно так подписался. На обратном пути в лагерь у меня не выходило из головы это поразительное письмо. Оно вовсе не похоже было на то, что мистер Дюбуа говорил нам в классе. То есть я не имею в виду, что оно опровергало его лекции, отличался

только тон. И вообще — с чего это подполковник называет необученного рядового «товарищем»? Когда он был просто «мистер Дюбуа», а я один из его учеников, он, казалось, даже не замечал меня. Разве что однажды уколол намеком на то, что у меня слишком много в кармане и слишком мало в голове. (Ну да, мой старик вправду мог бы купить всю школу с потрохами и подарить мне на Рождество. Кого это должно волновать?)

В тот раз он завелся насчет «стоимости», сравнивая учение Маркса с ортодоксальной теорией «прагматизма». Мистер Дюбуа говорил:

— Разумеется, определение стоимости, данное Марксом, просто нелепо. Вся работа, вложенная в комок грязи, не превратит его в яблочный пирог. Комок грязи и останется комком грязи, стоимость которого — ноль. Больше того: неумелая работа даже может понизить стоимость. Бесталанный повар превратит тесто и свежие яблоки, обладающие стоимостью, в несъедобную массу, стоимость которой — ноль. И напротив, искусный повар, мастер, из тех же компонентов изготовит кондитерское изделие стоимостью гораздо выше ординарной. И затратит на это не больше усилий, чем заурядный повар на заурядное лакомство.

Даже такие кухонные иллюстрации сводят

теорию стоимости Маркса на нет (а ведь из этой ложной посылки возникает грандиознейшее мошенничество, имя коему — коммунизм) и подтверждают истинность проверенной временем теории общественной пользы.

Дюбуа покачал пальцем.

— Тем не менее — проснитесь там, молодой человек, вернитесь в класс! — тем не менее сумбурная древняя мистификация под названием «Дас Капиталь», несмотря на всю свою напыщенность, искажение фактов, путаницу и нервозность, а также полную ненаучность и алогичность — тем не менее это помпезное жульничество Карла Маркса несет в себе зародыш очень важной истины. Если бы он обладал аналитическим умом, то мог бы сформулировать первое адекватное определение стоимости… и тем самым — уберечь нашу планету от многих бед.

— А может и нет, — внезапно добавил мистер Дюбуа. — Вот вы!

Я выпрямился на своем стуле.

— Если уж вы, юноша, не можете слушать меня, то, вероятно, способны сказать классу: стоимость является величиной относительной или абсолютной?

Я слушал его, просто не видел причин, не

позволяющих слушать с закрытыми глазами и расслабленной спиной. Но вопрос его застал меня врасплох — как раз к этому дню я ничего не читал. Поколебавшись, я ответил наугад:

— Абсолютной.

— Неверно, — холодно сказал мистер Дюбуа. — Стоимость имеет смысл только с точки зрения человека. Стоимость всегда зависит от отдельных личностей, а также имеет свое значение для каждого человека. «Рыночная стоимость» же — есть фикция, грубое усреднение индивидуальных стоимостей, каждая из которых отлична от другой, без чего была бы невозможна торговля. (Интересно, что сказал бы отец, если бы при нем рыночную стоимость назвали фикцией — вероятно, фыркнул бы с отвращением.)

— Индивидуальное значение стоимости проявляется в двух жизненных аспектах: во-первых, насколько полезна данная вещь, а во-вторых, какие затраты требуются для ее приобретения. Есть старая песня, утверждающая, что «все лучшее в жизни — бесплатно». Неправда! Это обман! Трагическое заблуждение, которое привело к закату и отмиранию демократий в двадцатом веке. Эти пышные эксперименты провалились с треском, а все оттого, что людей убедили: стоит

только проголосовать за то, что хочешь, — и получай! Без страданий, без пота, без слез. Бесплатно не бывает ничего. Даже дыхание, дающее нам жизнь, должно быть оплачено страданиями при первом вздохе.

Мистер Дюбуа, не спуская с меня глаз, добавил:

— Если б вы, мальчишки и девчонки, так же попотели ради своих игрушек, как новорожденный борется за жизнь, вы были бы гораздо счастливее и намного богаче. Некоторых из вас мне просто жаль — настолько бедно их богатство. Вот вы! Я вручаю вам первый приз за стометровку. Вас это сделает счастливее?

— Н-ну… наверное…

— Без колебаний, пожалуйста. Вот ваш приз, я даже заказал гравировку: «Гран-при соревнований в спринте на сто метров».

Он действительно подошел ко мне и прицепил на мою грудь значок.

— Пожалуйста! Вы счастливы? Вы цените его? Или нет?

Я был уязвлен. Вначале грязные инсинуации насчет богатеньких сынков — типичная зависть малоимущего, — а теперь еще этот фарс! Я сорвал значок и отдал ему. Мистер Дюбуа с виду страшно удивился:

— Это не добавляет вам счастья?!

— Вы же отлично знаете, что я занял четвертое место!

— ВОТ ИМЕННО! Приз за первое место не имеет для вас ценности, ведь вы его не заслужили. Но занятое вами по праву четвертое доставляет вам истинное удовольствие! Хочется верить, что хоть некоторые из восседающих здесь сомнамбул поняли мой маленький розыгрыш на тему морали. По-моему, поэт, написавший эту песню, хотел сказать, что самое дорогое в жизни следует покупать не за деньги, а каким-то иным образом. Это настолько же верно, насколько ошибочны его слова в буквальном их понимании. Самое дорогое в жизни вообще не имеет никакого отношения к деньгам! Цена ему — преданность, боль и пот… Цена ему — самое дорогое во всей жизни — сама жизнь! Вот высшая цена всех ценностей!

Мы топали в лагерь, и по пути я размышлял над этими словами мистера Дюбуа — то есть подполковника Дюбуа, — а также над его письмом. Затем пришлось оставить размышления, потому что парни из нашего оркестра шагали неподалеку, и мы запели французские песни — «Марсельезу» конечно, «Мадлон», «Сынов труда и риска», «Legion etrangere» и «Мадемуазель из

Армантьера».

С оркестром просто здорово. Он будто подталкивает вперед, когда тащишься по прерии, еле волоча ноги. Сначала у нас не было никакой музыки, кроме записей по радио на вечерней поверке да еще сигналов. Однако начальство заранее выяснило, кто умеет играть, а кто нет. Достали инструменты, и полковой оркестр — наш собственный, даже руководитель и тамбурмажор были салажатами, — был готов.

Это не значило, что в чем-то им дадут поблажку — вовсе нет. Предполагалось, что репетировать и сыгрываться они будут в личное время, вечерами, по воскресеньям, и тому подобное. А потом они с важностью выступали в голове колонны и играли во время поверки, вместо того чтобы стоять в строю со взводом. Да и многое у нас делалось по тому же принципу. К примеру, наш капеллан тоже был из салажат, хоть и старше большинства наших — священник из какой-то секты, о которой я и не слышал никогда. Но в проповедях его было столько пыла, что никому не было дела, католик он там, православный или кто еще — я в этом ничего не смыслю. К тому же он как никто способен был понять проблемы новобранцев. Да и пел забавно. Кроме того, просто

некуда было больше пойти воскресным утром между генеральной уборкой и обедом.

Оркестр наш, конечно, имел массу недостатков, и все-таки это был оркестр. В лагере нашлось четыре волынки и несколько шотландских костюмов, присланных Лохиэлем из клана Камеронов, — его сын погиб здесь на учениях. Один из наших ребят вызвался быть волынщиком — он-де научился в шотландских бойскаутах. Очень скоро у нас было уже четверо волынщиков — может, не таких уж хороших, зато играли они громко. Звук волынки для непривычного уха очень странен; а если новичок разучивает свою партию, то слушатели просто скрипят зубами — звучит да и выглядит это так, будто он держит под мышкой кошку и изо всех сил кусает ее за хвост.

Но помаленьку они учились. Когда наши волынщики в первый раз, печатая шаг впереди, принялись выдувать «Смерть Аламейна», у меня волосы вставали дыбом, даже пилотку поднимали. От таких песен слезы наворачиваются на глаза.

Конечно, оркестр нельзя взять в марш-бросок, ведь музыкантам никаких послаблений не положено. Трубу и барабан-бас, во всяком случае, приходилось оставлять — ведь парни, играющие

на них, должны тащить еще и полную выкладку. Поэтому инструмент должен быть как можно менее обременительным, и в МП такие нашлись. Например, маленькая коробочка, вряд ли больше губной гармоники, или электронная такая штука — по звуку как труба, да и играли на ней похоже. Мы направлялись к горизонту, раздавалась команда «Запевай!» — и наши музыканты, на ходу скидывая снаряжение товарищам по расчетам, бежали к голове колонны, пристраивались сразу за ротным знаменем и начинали играть.

Здорово помогало.

Постепенно оркестр отстал от нас, так что был едва слышен. Мы бросили петь — все равно пение совершенно заглушает ритм, если оркестр далеко.

И вдруг я почувствовал громадное облегчение.

Я попытался понять отчего. Может, оттого, что через пару часов мы придем в лагерь и тогда я уволюсь?

Нет. Когда я решил уволиться, это и вправду принесло мир в душу, успокоив нервы и позволив заснуть. Но тут было нечто другое, я никак не мог понять что.

Потом все стало ясно. *Я прошел свой перевал!* Я прошел перевал, о котором писал подполковник

Дюбуа. Я действительно прошел его, и теперь легко и просто спускался вниз. Прерия была площе блина, но всю дорогу от лагеря и полпути назад я шел тяжело, точно взбираясь в гору, а затем, пока мы пели, перевалил через вершину, а дальше начался спуск. Снаряжение словно стало легче, а сам я больше не чувствовал тревоги. Когда мы пришли в лагерь, я не стал обращаться к сержанту Зиму — незачем. Но он, едва мы пришли, заговорил со мной сам:

— Слушаю, сэр?

— Вопрос личного свойства, а потому, если не хочешь, можешь не отвечать.

Он сделал паузу, и я уже затрепетал — вдруг знает, что я слышал, как капитан давал ему накачку?

— Сегодня, — сказал он, — когда я раздавал почту, тебе пришло письмо. Чисто случайно — это дело не мое — я прочел обратный адрес. Имя, в общем, распространенное, однако — мой вопрос сугубо личный, если не хочешь, не отвечай, — однако не может ли быть так, что у человека, написавшего тебе, нет левой кисти?

У меня отвалилась челюсть:

— Откуда вы знаете? Сэр…

— Я был рядом, когда он ее потерял. Так это

правда подполковник Дюбуа? Точно?

— Да, сэр. Он преподавал нам в старших классах Историю и Философию Морали.

Наверное, единственный раз удалось мне произвести впечатление на сержанта Зима. Брови его поднялись аж на восьмушку дюйма, и глаза хоть чуть-чуть, но расширились.

— Вот как? Ну, парень, тебе просто неимоверно повезло! Будешь писать ответ — если не забудешь, напиши: мол, кадровый сержант Зим шлет поклон.

— Есть, сэр. А ведь он и вам, похоже, передал привет, сэр.

— Что-о?!

— Э… Я не уверен…

Вынув письмо, я прочел:

— «…если случится тебе встретить кого из старых моих товарищей, горячий им от меня привет!» Это ведь для вас, сэр?

Зим задумался, глядя сквозь меня.

— Пожалуй, да. Для меня среди прочих. Спасибо. Внезапно подтянувшись, он сменил тон:

— До поверки девять минут, а ты еще не принял душ и не переоделся. Живо, солдат! На полусогнутых!

Глава 7

Рекрут — ведь он дурак.
Порой и счеты с жизнью сводит.
Дешевый гонор никогда
Здесь сбыта не находит!

Но время, палка да пинок
Прибавят дурню толка,
И очень скоро сей щенок
Назваться сможет волком!

Так разберись, где добро, где зло,
Где чистый родник, где грязь,
А взялся за дело, так делай смело,
Иль вовсе в дела не влазь!

Р. Киплинг

Дальше, наверное, об учебке рассказывать нет смысла. Большей частью это была просто работа — а раз уж я выправился, то и говорить особенно

нечего.

Однако нужно еще рассказать о том, что такое силовой скафандр, — отчасти потому, что он меня просто очаровал, частью потому, что именно скафандр втравил меня в историю. Нет, я не жалуюсь — заслужил.

Дело в том, что пехотинец так же связан со своим скафандром, как парни из К-9 со своими псами. Скафандры — это одна из двух причин называться Мобильной, а не просто пехотой. (Другая причина — космические корабли, с которых нас сбрасывают, и капсулы, в которых нас сбрасывают.) Скафандры помогают нам лучше видеть, лучше слышать; делают спину крепче, чтобы таскать громадное количество оружия плюс боезапас, ноги — быстрее, даже прибавляют толку (действуя в бою, человек в скафандре может быть так же туп, как и кто-либо другой, — но этого лучше не надо), увеличивают нашу огневую мощь, повышают выносливость и существенно снижают уязвимость.

Наши скафандры — не космические, хотя и могут их заменить. И не совсем — защитная броня, хотя защищены мы гораздо лучше каких-нибудь рыцарей Круглого Стола. Это даже не что-нибудь вроде танка, хотя один рядовой

Мобильной Пехоты без посторонней помощи справится с дивизионом танков или чего-нибудь похожего — если, конечно, найдется такой дурак, что пошлет танки против Мобильной Пехоты. Скафандр также и не летательный аппарат, хотя немного летать может, однако ни космический корабль, ни атмосферные леталки не смогут успешно бороться с человеком в скафандре, разве что подвергнуть район, где он находится, массированной бомбардировке, а это все равно что спалить дом, чтобы уничтожить одну муху. А мы можем проделывать такое, на что не способны ни самолеты, ни звездолеты, ни подводные лодки.

Существует дюжина способов массового уничтожения на расстоянии — звездолеты, ракеты, то да се. Они могут устроить катастрофу такого масштаба, что война, считай, кончена — народа или целой планеты больше не существует. Мы же делаем совершенно другие вещи. Мы делаем войну таким же личным делом, как щелчок по носу. Мы можем действовать избирательно, создавая давление в строго определенной точке и на строго определенное время. Нам никогда не приказывали спуститься и убить — или захватить — всех рыжеволосых левшей в заданном округе, но, если прикажут, мы сможем! Мы сделаем.

Мы — просто парни, которые отправляются куда нужно и когда нужно, занимают определенный район, закрепляются, выковыривают противника из укрытий и заставляют его сдаться или умереть. Мы — те самые «грязные сапоги», «пончики», «гусиные лапы», «пешки», которые идут туда, где враг, и разбираются с ним лично. Вооружение теперь не то, но профессия наша изменилась только самую малость. В конце концов, всего пять тысяч лет прошло с тех пор, как пехтура Саргона Великого заставляла шумеров кричать: «Дядя, я больше не буду!» Может, наступит когда-нибудь день, когда можно будет обойтись без нас. Может, разные там близорукие чокнутые гении с выпуклыми лбами с помощью кибермозга изобретут такое оружие, которое сможет забраться в нору, вытащить на свет божий врага и заставить его сдаться или сдохнуть — и при этом не тронет наших, томящихся там же в заключении. Не знаю, я же не гений. Я — пехотинец. Пока они там строят такую машину вместо нас, эту работу проделывают мои товарищи — и я, кажется, тоже немного помогаю.

А может, когда-нибудь все вдруг станут замечательными и порядочными, и мы, как в той песне поется, «позабудем ратный труд». Может быть.

Может, однажды леопард смоет пятна со шкуры и будет работать на благо человечества наравне с джерсиискими коровками. Опять же, я не знаю. Я не профессор по космической политике; я — пехотинец. Когда правительство пошлет меня, я пойду. А уж в промежутках стану отдыхать, время на это у меня, похоже, будет.

И все же, пока взамен нам не придумали машин, для нас тоже кое-что изобретают. Например, скафандры.

Наш скафандр столько раз рисовали и фотографировали, что нет смысла описывать, каков он с виду. В нем выглядишь как громадная стальная горилла, вооруженная оружием таких же гориллъих размеров. (Вот, наверное, почему сержанты обращаются к нам: «Вы, обезьяны…» Хотя скорее всего сержанты и при Цезаре говорили то же самое.)

Однако скафандр гораздо мощнее гориллы. Если пехотинец в скафандре сожмет гориллу в объятиях, она вмиг будет раздавлена, и ни скафандр, ни пехотинец нисколько не пострадают.

«Мускулы» его, то есть псевдомускулатура, известны широко, но вся штука в организации контроля над ними. Это уж точно изобрел настоящий гений конструирования — тебе вовсе

не нужно их контролировать. Скафандр просто носишь как костюм, как кожу. Разные там звездолеты нужно учиться пилотировать, потратив кучу времени на выработку новых рефлексов и развитие искусственного, совершенно отличного от природного, образа мышления. Даже езда на велосипеде требует особой, в корне отличающейся от ходьбы, подготовки, а что уж говорить о звездолетах! Моей жизни на такую учебу точно не хватит. Звездолеты — это для акробатов, которые одновременно и математики. А скафандр нужно просто носить. Весит он около двух тысяч фунтов с полной выкладкой — и едва надев его, ты уже можешь ходить, бегать, прыгать, ложиться, подымать яйцо, так, чтобы не разбить его (для этого, правда, нужна некоторая практика), плясать джигу (если умеешь ее плясать сам по себе, без скафандра), перепрыгнуть через дом и мягко приземлиться.

А вся штука — в отрицательной обратной связи усилий. Только не просите вычертить схему цепей скафандра — я не умею. Ясно же, что самый лучший скрипач не сумеет сделать приличную скрипку. Я могу провести техобслуживание в полевых условиях и даже полевой ремонт, знаю наизусть три сотни и еще сорок семь пунктов

приведения из консервированного состояния к готовности — это все, что требуется от рядового Мобильной Пехоты. Если же мой скафандр действительно «заболеет», следует вызвать доктора — доктора наук от электромеханической инженерии, обычно в звании лейтенанта космофлота, по нашему счету это все равно что капитан. Такие обязательно есть на каждом десантном транспорте. При каждом штабе учебного полка — тоже, но такое назначение для флотского хуже смерти.

Если вам действительно интересно посмотреть злектросхемы, стереоснимки и тому подобное плюс «физиологию» скафандра в подробностях, большинство этих сведений — те, что не засекречены, — найдется в любой крупной публичной библиотеке. За секретной частью можно обратиться к заслуживающему доверия вражескому агенту. Только смотрите в оба: шпионы — народ пройдошливый и охотно могут продемонстрировать «только вам» то, что каждый может свободно найти в библиотеке.

А вкратце — скафандр работает так. Внутри расположены сотни рецепторов, реагирующих на нажатие. Скажем, машешь рукой и при этом давишь на них, а скафандр чувствует и повторяет движение, многократно его усиливая — пока не

снимет с рецепторов нагрузку. До конца я и сам не понимаю, в чем вся хитрость, но отрицательная обратная связь вообще поначалу осваивается с трудом, хотя все те же действия тело твое проделывало с пеленок. Малыш еще только учится координировать движения, поэтому они такие неуклюжие. Подростки и взрослые уже делают это бессознательно — у них все отработано. А если кому-нибудь придет в голову посадить в силовой скафандр человека, скорбного болезнью Паркинсона, то такое начнется!.. У него цепи, отвечающие за координацию, нарушены.

В общем, эта обратная связь позволяет скафандру повторить любое движение бойца — многократно его усилив.

А как же контролировать эту силу? Это можно делать, даже не задумываясь об управлении. Прыгаешь — и твой многотонный скафандр тоже, но гораздо выше и дальше, чем ты прыгнул бы в собственной шкуре. Если прыгнуть изо всех сил, включаются ракетные двигатели. Они еще больше усиливают то, что сделали «кожные мускулы» скафандра, и тремя реактивными струями дают тебе толчок, ось которого проходит через твой центр тяжести. И ты прыгаешь через соседний дом. И естественно, начинаешь падать с той же

скоростью, с какой взлетел. Скафандр это «видит» при помощи датчиков расстояния и скорости приближения — такой примитивный радар типа дистанционного взрывателя, — и двигатели снова включаются, чтобы обеспечить тебе мягкую посадку. А самому об этом заботиться не нужно.

Это в скафандре и хорошо — о нем не нужно думать, им не нужно управлять ни на земле, ни в воздухе, не нужно ничего корректировать и координировать, его просто носишь, а твое тело управляет им — скафандр повторяет его движения. Тем временем ты можешь поработать оружием или оглядеться. Последнее для бойца особенно важно, если он намерен умереть в своей постели. А если, спускаясь вниз, каждую секунду следить за различными устройствами, тогда кто угодно — как бы плохо он ни был вооружен, пусть даже каменным топором! — подкрадется и проломит тебе башку немедленно по приземлении, пока ты считываешь показания приборов.

Твои «глаза и уши» устроены так, чтобы не отвлекать лишнего внимания. Например, в полевом скафандре есть три канала связи. Для пущей секретности применяется очень сложное управление частотами — в каждом канале минимум две частоты, и обе необходимы для прохождения

сигнала. Эти частоты непрестанно меняются под контролем цезиевых часов, синхронизированных с точностью до микросекунды с часами на другом конце, но все это не твоя забота. Хочешь канал А — связь с командиром расчета, — сожми зубы один раз, хочешь канал В — сожми дважды, и все в порядке. Микрофон закреплен у горла, в ушах — наушники, ты только говори. Кроме этого, внешние микрофоны по обе стороны шлема позволяют слышать все, что творится вокруг, — будто и нет на тебе никакого шлема. Или можешь отключить зануду-напарника и не прохлопать при этом, что говорит комвзвода, — только голову поверни.

Голова с рецепторами движения не связана, а потому ее можно использовать для других нужд — челюстями, подбородком, затылком можно, например, переключать радары, освободив руки для боя. Подбородок управляет обзорными дисплеями, челюсти — связью. Все дисплеи расположены за головой и над ней, но ты видишь их в зеркале напротив твоего лба. Вот из-за этих штуковин пехотинец и смахивает на громадную гориллу-гидроцефала, но, к счастью, противник обычно не живет так долго, чтобы успеть посмеяться над нашей внешностью, а радары и

дисплеи — штука очень нужная: все их можно просмотреть быстрее, чем переключить телевизор с одной программы на другую, — прикинуть расстояние по пеленгу, посмотреть, где командир или напарники — справа и слева, и все такое прочее.

Стоит тряхнуть головой, как норовистая лошадь, и инфравизоры поднимаются на лоб, встряхнешь опять — опускаются. Если выпустишь из рук ракетомет, скафандр сам уберет его на место, пока он снова не понадобится. Нет смысла рассказывать о клапанах с водой и воздухом, гироскопах и тому подобном — все это работает автоматически, «а ты, палач, спокойно делай свое дело».

Конечно, носка скафандра требует некоторой наработки, и нас натаскивали до тех пор, пока мы не начали выполнять все машинально, как чистить зубы например. Передвижение и не требует особой практики — обучаться нужно в основном прыжкам. Когда прыгаешь как обычно, то, благодаря усилению, летишь гораздо дальше и быстрее, взлетаешь выше, чем при обычном прыжке, и дольше остаешься в воздухе. Эти секунды можно использовать — в бою секундам просто цены нет. И тратить их зря не стоит. В

прыжке можно взять пеленг, выбрать цель, вести прием-передачу, выстрелить и перезарядить оружие, принять решение прыгнуть снова, не приземляясь, и заставить двигатели заработать снова. И все это за один прыжок, нужно только потренироваться.

Но, как я уже говорил, простое передвижение в скафандре особой практики не требует. Он делает то же, что и ты, — только лучше. Все, кроме одного: если где зачешется, остается только терпеть. Если когда-нибудь раздобуду скафандр, в котором можно почесать меж лопаток, честное слово, я на нем женюсь.

В МП скафандры бывают трех видов — полевой, командный и разведывательный. Скафандры разведчиков — скоростные, и район их действия поэтому обширней, но оружия они несут немного. У «командных» — более мощные мускулатура и двигатели; они быстрее и прыгают выше, и в них раза в три больше радаров и прочих штук в том же роде, да еще инерциальная навигационная система. Ну а полевые — это для нас, охламонов, простых мясников, стоящих в строю с сонной рожей.

Да, в скафандры я просто влюбился! Несмотря даже на то, что именно из-за скафандра повредил

плечо. Любой день, когда наше отделение выходило на учения в скафандрах, становился для меня праздником. А в тот раз я был воображаемым командиром отделения и, в соответствии с должностью, был вооружен ракетами с ядерными боеголовками — воображаемыми. Их следовало использовать в воображаемой темноте против воображаемого противника. Это, надо сказать, было нашей постоянной бедой — все воображаемое, но от тебя требуют, чтобы вел себя, как в реальной обстановке.

Мы отступали, то есть «продвигались в направлении тыла», и какой-то инструктор с помощью радиоконтроля вырубил энергию одному из наших, превратив его в раненого. Следуя принятой в МП установке, я послал к нему на выручку и уже задрал нос от того, что отдал приказ прежде, чем мой № 2 догадался сделать это сам. Предстояла следующая часть операции — следовало использовать ракеты с воображаемыми ядерными боеголовками, чтобы воспрепятствовать воображаемому противнику преследовать нас.

Наш фланг двигался не спеша. Я должен был выпустить ракету так, чтобы никто из наших не оказался вблизи от взрыва, — и в то же время взрыв накрыл бы противника, тоже находяще-

гося достаточно близко. С запуском, конечно, тормозить не следовало. Все варианты были просчитаны заранее: мы ведь еще только учились и зелены были, как молодая травка.

По установке я должен был при помощи радара установить положение всех наших с исключительной точностью, чтобы никого не зацепило взрывом. Но время поджимало, а я не так шустр, как электровеник, да и разобраться во всех премудростях еще как следует не успел. Я решил упростить себе задачу. Подняв инфравизоры, огляделся невооруженным глазом — ведь темнота была воображаемой… Все было в порядке, и только одного из наших черт дернул торчать по соседству, в полумиле от меня. Ракета у меня была небольшая, с обычной взрывчаткой, не способная ни на что, кроме облака дыма, поэтому я на глазок прикинул цель, вынул ракетомет и нажал на «пуск».

Проводив ракету взглядом, я прыгнул дальше, гордясь собой — ни одной секунды не потерял…

…И в воздухе мне вырубили энергию! Это, конечно, ерунда — все отключается постепенно, и приземлиться можно. Упав, я стал столбом — гироскоп помог сохранить вертикальное положение, — однако двигаться я теперь не мог.

Попробуй двинься, когда на тебе тонны мертвого железа!

Вместо этого я принялся ругаться про себя — кто думал, что мне устроят «аварию», когда я вроде как главный! Черт бы их взял со всеми потрохами!

Да, следовало бы мне знать, что за командиром полувзвода сержант Зим следит постоянно.

Он подскакал ко мне и поговорил со мной тет-а-тет. Он сказал, что мне следует заняться мытьем полов, раз уж я такой тормоз, что не справляюсь даже с уборкой грязной посуды. Он обрисовал мое прошлое, настоящее и наиболее вероятное будущее и добавил еще кое-какие соображения на мой счет, которых я век бы не слышал. Однако под конец он взял тоном ниже:

— И как бы, по-твоему, подполковнику Дюбуа понравилось то, что ты тут натворил?

Затем он умчался. Я остался ждать и прождал часа два — до окончания маневров. Скафандр, еще совсем недавно казавшийся легким, как перышко, точь-в-точь семимильные сапоги, теперь давал ощущение, что нахожусь я внутри железной девы. Наконец сержант вернулся, включил мне энергию, и мы на полной скорости понеслись к штабу полка.

Капитан Френкель говорил мало, но мне и этого хватило с избытком.

Затем он сделал паузу и тем самым плоским голосом, который офицеры используют для чтения нотаций, сказал:

— Если хотите, можете потребовать, чтобы ваше дело рассмотрел трибунал. Итак?

Я сглотнул и ответил:

— Никак нет, сэр! Не хочу!

До этого момента я еще плохо представлял себе, в какую историю влип.

Капитан Френкель заметно перевел дух.

— Тогда посмотрим, что скажет командир полка. Сержант, проводите арестованного.

Мы быстро пошли в другой кабинет. Увидеть самого командира полка мне предстояло впервые, и я подумал, что трибунала всяко не миновать. Пускай там присуждают, что хотят. Однако я сразу же вспомнил, как попал под трибунал Тед Хендрик — а все из-за несдержанности на язык, — и не сказал ничего.

Майор Мэллой уделил мне всего пять слов. Выслушав сержанта Зима, он произнес три из них:

— Это действительно так?

— Так точно, сэр, — ответил я, и на этом мое участие в разговоре кончилось.

Майор Мэллой сказал капитану Френкелю:

— Есть какие-нибудь надежды на то, что мы сможем сделать из него человека?

— Я уверен, что есть, сэр, — ответил капитан Френкель.

Тогда майор Мэллой сказал:

— Раз так, ограничимся административным наказанием.

И, обращаясь ко мне, добавил:

— Пять плетей.

Во всяком случае, меня не заставили долго ждать. Через пятнадцать минут доктор закончил проверять мое здоровье, а начальник охраны надел на меня специальную рубашку, которую можно было снять, не снимая наручников, — она застегивалась на «молнию» на спине. Уже звучал сигнал к построению для вечерней поверки. Я чувствовал себя точно во сне. Все происходило будто бы не со мной… Потом я понял, что так бывает, когда перепугаешься до безумия. Как в ночном кошмаре…

Зим вошел в караулку, едва отзвучал сигнал. Он бросил взгляд на начальника охраны — им был капрал Джонс, — и тот вышел. Зим подошел ко мне и сунул что-то мне в руку, шепнув:

— Вот, зажми в зубах. Помогает. Мне в свое

время помогло.

Это был резиновый загубник, такие нам давали на учениях по рукопашному бою, чтобы сохранить зубы. Я сунул его в рот; на меня надели наручники и вывели наружу.

Зачитали приказ: «…за преступную небрежность в условиях боевых учений, в реальной обстановке повлекшую бы за собой смерть товарища». Потом с меня сняли рубашку и привязали к столбу…

И тут выяснилась странная вещь: когда порют тебя самого, это гораздо легче, чем смотреть на порку со стороны. То есть это, конечно, не выезд на пикник — в жизни мне больнее не бывало, а ожидание очередного удара гораздо страшней, чем сам удар. Но загубник помог — я только раз застонал, и то никто не слышал.

И тут еще одна странность: после мне ни словом никто не напомнил о порке, даже наши ребята. Зим и другие инструкторы относились ко мне точно так же, как и раньше. Доктор, осмотрев меня, смазал чем-то мою спину и велел приступать к несению службы по полной программе. Я даже малость поел за ужином и принял участие в общей болтовне за столом.

Административное наказание вовсе не остав-

ляет следов в твоих документах — запись о нем по окончании тренировок в лагере аннулируется, и службу начинаешь совсем как новенький. Остается другая отметина.

Ты сам никогда не забудешь этой порки.

Глава 8

Наставь юношу в начале пути его; он не уклонится от него, когда и состареет.

Книга Притчей Соломоновых, 22,6

Были у нас и еще порки, но всего несколько. И одного только Хендрика в нашем полку выпороли через трибунал — остальных, как и меня, наказали в административном порядке. И всякий раз наказание плетьми следовало утверждать на самом верху, у командира полка; а этого делать офицеры, подчиненные ему, мягко говоря, не любили. И даже тогда майор Мэллой предпочитал просто вышвырнуть провинившегося со службы — «отставка по служебному несоответствию», — чем ставить его к столбу для порки. Но вообще-то порка в административном порядке была даже своего рода комплиментом; значит, твои начальники думают, что у тебя есть характер и прочие задатки для того, чтобы стать солдатом и гражданином, — хотя в данный момент на то и непохоже.

Максимум для административного наказания получил только я — прочие отделались самое

большее тремя ударами. Никто не был ближе, чем я, к тому, чтобы надеть штатское, но и у меня проскочило. Это было вроде поощрения — правда, сам я никому бы такого поощрения не пожелал.

Однако был у нас случай гораздо хуже, чем мой или Теда Хендрика, — настоящая казнь. Однажды на месте столба для порки поставили виселицу.

Я вам честно скажу, что думаю на этот счет. Этот случай не имеет никакого отношения к армии. Преступление было совершено не в лагере Кюри, и тот офицер по кадрам, который отправил парня в МП, должен бы висеть на его месте.

Этот парень дезертировал через два дня после прибытия в лагерь. Нелепо это все было и совершенно бессмысленно — почему бы ему просто не уволиться? Конечно, дезертирство — один из «способов круто подсесть», но за него в армии не принято наказывать смертью, исключая, конечно, особые обстоятельства, например «перед лицом врага» или еще что-нибудь, превращающее дезертирство из чересчур оригинального способа уволиться в преступление, которое не может остаться безнаказанным.

Армия не прилагает никаких сил к розыску и возвращению дезертиров. Зачем? Мы здесь все — добровольцы, мы в пехоте, потому что хотим

быть в пехоте, и мы гордимся нашей МП, как и МП гордится нами. Если же кто думает не так и не чувствует этого всем существом своим — от мозолистых пяток до волосатых ушей, то я не хочу, чтобы он был рядом, когда начнется заваруха. Если уж меня пришибут где-нибудь, я хочу, чтобы рядом были те, кто в случае чего подберет меня с земли — просто потому, что он МП и я тоже и моя шкура ему так же дорога, как своя собственная. И никому здесь не нужны всякие «эрзацзольдатен», поджимающие хвост и ныряющие в кусты, когда попадут в переделку. Гораздо безопаснее иметь по флангу «дырку», чем этих так называемых «солдат», до сих пор пестующих в себе синдром «всеобщей воинской повинности». И раз такие бегут — то пусть бегут; они не стоят тех средств, которые придется истратить на их розыск и возвращение.

Правда, они чаще всего возвращаются сами, думают, что их все равно со временем поймают. В этом случае, чем вешать, армии гораздо легче влепить им их полсотни плетей и выкинуть вон. По-моему, беглецу, даже если его полиция не разыскивает, здорово треплет нервы его положение, когда все вокруг — граждане или просто законные жители. «Злодей бежит, когда и нет

погони». Искушение вернуться, получить что причитается, но зато потом дышать свободно, наверное, очень трудно пересилить.

Но этот парень не вернулся назад сам. Он был в бегах четыре месяца, и сомневаюсь, что даже в собственной роте его помнили. Он и в роте-то был всего пару дней, а потом стал просто именем без лица на каждой утренней перекличке — день за днем выкликали «Диллингер Н. Л.!», и каждый раз был ответ: «Находится в самовольной отлучке!» А потом он убил маленькую девочку.

Местный суд судил его и вынес приговор, но, когда установили его личность, выяснилось, что он находится на военной службе. Надо было сообщить в министерство, и тут сразу же вмешался наш генерал. Парня вернули к нам, потому что воинский кодекс в этом случае стоит выше гражданского.

Зачем генерал помешал им? Почему он не позволил местному шерифу выполнить ту же работу?

В порядке «преподания солдатам урока»?

Вовсе нет! Я твердо уверен, что у генерала и в мыслях не было, будто кто-нибудь из его ребят нуждается в таком уроке, чтобы понять, что нельзя убивать маленьких девочек. Я твердо

уверен, что он уберег бы нас от этого зрелища, если бы мог.

Нет, урок заключался в другом. Мы хорошо запомнили его, хотя в то время не понимали его сути, и довольно много времени потребовалось, чтобы это стало второй натурой:

— МП сама разберется со своими — в чем бы там ни было дело.

Ведь Диллингер оставался одним из нас, он все еще числился в наших списках. Несмотря даже на то, что мы не хотели иметь с ним ничего общего, что нам никогда не придется служить с ним, что все мы счастливы были бы отречься от него, он принадлежал к нашему полку. Мы не могли отказаться от него и позволить шерифу за тысячу миль отсюда повесить его. Если уж возникнет такая необходимость, человек — настоящий человек — сам пристрелит свою собаку, а не станет искать, кто бы сделал это за него.

Полковые документы гласят, что Диллингер — один из нас, и мы просто не имеем права бросить его.

В тот вечер мы маршировали по плацу «тихим шагом» — шестьдесят шагов в минуту, и это, доложу вам, тяжело, когда привык делать тысячу, — оркестр играл «Панихиду по неопла-

канным», затем вывели Диллингера, одетого по полной форме МП, как и все мы, и оркестр заиграл «Денни Дивера», пока с него срывали знаки различия, даже пуговицы и пилотку, оставив только светло-голубой мундир, который больше не являлся формой. Барабаны забили непрерывную дробь, и затем все было кончено.

Мы прошли к осмотру, а затем разошлись по палаткам бегом. Не помню, чтобы кто-нибудь потерял сознание или кого-то затошнило. Однако за ужином почти никто ничего не ел, и не слыхать было обычной болтовни. Но, как бы ни было страшно это зрелище (я, как и большинство ребят, в первый раз видел смерть), все же оно не потрясло меня так, как случай с Тедом Хендриком. Я хочу сказать, что не мог представить себя на месте Диллингера, а потому мысль: «Ведь это и со мной могло случиться» — в голову не приходила. Не считая дезертирства, за Диллингером числилось еще четыре серьезных преступления; если бы девочка осталась в живых, то ему пришлось бы сплясать «Денни Дивера» за любое из трех остальных — похищение ребенка, требование выкупа, преступная небрежность и так далее.

Никакого сочувствия к нему у меня не было и нет. Старая песня — «Все понять — все простить»

— это сущая ерунда. Многие вещи вызывают тем больше отвращения, чем больше их понимаешь. Мое сочувствие — на стороне Барбары Энн Энтсуайт, которую я никогда не видел и теперь уже не увижу, и ее родителей, которые тоже никогда не увидят больше свою девочку.

Тем же вечером, стоило оркестру отложить инструменты, мы надели тридцатидневный траур — по Барбаре, а также в знак позора нашего полка. Знамена были задрапированы черным, на поверках не играла музыка, не было пения на ежедневном марше. Только раз кто-то попробовал — и тут же его спросили, как ему нравится полный набор синяков и шишек. Конечно, мы ни в чем не были виноваты, но обязанность наша — охранять маленьких девочек, а вовсе не убивать их. Была задета честь нашего полка, и мы должны были смыть с себя пятно. Мы были опозорены и постоянно ощущали свой позор.

Той ночью я задумался — а как можно сделать, чтобы такого не случалось? Конечно, в наши дни такое бывает очень редко, но даже одного случая — и то много. Я никак не мог найти удовлетворительного ответа. С виду этот Диллингер был такой же, как все, манеры его и документы не внушали никаких подозрений — иначе он вовсе

не попал бы в лагерь Кюри. Похоже, он был из тех патологических личностей, про которых иногда пишут: «Вначале они ничем не отличаются от нормальных людей».

Ну что ж, если невозможно было удержать его от проделывания таких штук, то уж возможность не дать ему повторить их — найдется. Она и нашлась.

Если Диллингер соображал, что творит, хотя поверить в это невозможно, то наверняка должен был понимать, что ему за это будет. Жаль только, что ему досталось куда меньше боли и мук, чем маленькой Барбаре Энн, — он ведь и вовсе не мучился.

Ну а если он был — что больше похоже на правду — просто чокнутым и вообще не сознавал, что делает? Как тогда?

Ну что ж — бешеных собак пристреливают, верно?

Да, но ведь сумасшествие — все-таки болезнь…

Здесь я видел только два выхода. Если он неизлечим, в таком случае ему лучше умереть — и окружающим безопаснее. Или его можно вылечить. В таком случае, представлялось мне, его вылечили бы настолько, чтобы он стал приемлем для общества… и понял бы, что сделал, пока

был болен, — что ему тогда оставалось бы, кроме самоубийства? Как смог бы он ужиться с самим собой?!

А если бы он сбежал до того, как его успеют вылечить, и опять вытворил бы что-нибудь подобное? А может, и в третий раз? Что тогда можно было бы сказать родителям, лишившимся детей? При том, что раз он уже такое сделал?

И тут я вспомнил диспут в нашем классе на уроке Истории и Философии Морали. Мистер Дюбуа рассказывал о беспорядках, предшествовавших распаду Североамериканской Республики в конце двадцатого века. Из его слов выходило, что, прежде чем все пошло вразнос, преступления вроде совершенного Диллингером были так же обычны, как собачьи драки. И такой ужас творился не только в Америке — в России и на Британских островах было то же самое, да и в других странах… Но своего апогея это достигло в Северной Америке, незадолго до того как наступил полный абзац.

— Обычные законопослушные люди, — рассказывал мистер Дюбуа, — даже не ходили вечером в публичные парки. Это было связано с риском подвергнуться нападению жестоких, будто стая зверей, подростков, вооруженных велосипедными

цепями, ножами, самодельными пистолетами… и быть в лучшем случае напуганными, а скорее всего ограбленными, возможно — опасно раненными или даже убитыми. И продолжалось это долгие годы, вплоть до начала войны между Русско-Англо-Американским Альянсом и Китайской Гегемонией. Убийства, наркомания, воровство, разбой и вандализм стали обычным явлением. И не только в парках — такие вещи случались на улицах, посреди бела дня, или во дворах школ, или даже в самих школах. Но парки были особенно опасны — честные люди старались держаться от них подальше после наступления темноты.

Я попытался вообразить, что такие штуки творятся в нашей школе, — и просто не смог. Или в наших парках… Парк — это ведь место для веселья, а вовсе не для того, чтобы обижать кого-нибудь… А уж убивать…

— Мистер Дюбуа! А разве тогда не было полиции? Или судов?

— Тогда было гораздо больше полиции и судов, чем в наше время. И все они были загружены работой выше головы.

— Похоже, я не могу этого понять…

Если бы мальчишка из нашего города совершил что-нибудь хотя бы наполовину такое плохое,

и его, и его отца высекли бы при всем честном народе. Но такого просто не было!

Между тем мистер Дюбуа спросил меня:

— А сможете вы дать определение «малолетнего преступника»?

— А-а… Н-ну, это те самые дети. Те, которые избивали людей.

— Неверно.

— А… Почему неверно? Ведь в учебнике сказано…

— Извините. Учебник действительно дает такую формулировку. Но если назвать хвост ногой, то вряд ли он от этого превратится в ногу. «Малолетний преступник» — понятие внутренне противоречивое, однако само это противоречие дает ключ к разрешению проблемы и возможность понять причины провала попыток разрешить эту проблему. Вам приходилось когда-нибудь воспитывать щенка?

— Да, сэр.

— А сумели ли вы отучить его делать лужи в доме?

— Э-э… Да, сэр. В конце концов.

Честно говоря, я с этим промедлил — потому мама и решила, что собак в доме быть не должно.

— Понятно. А когда щенок напускал лужицу,

вы злились на него?

— Как? Нет, зачем же. Он ведь еще щенок, он же не знает…

— А что же вы делали?

— Ну, я ругал его, и тыкал носом в лужу, и шлепал.

— Но ведь он не мог понимать ваших слов.

— Конечно, не мог, но он понимал, что я на него сержусь!

— Но вы только что говорили, что не сердились на него.

Мистер Дюбуа иногда просто бесил меня — вот так приводя в замешательство.

— Нет, я только ИЗОБРАЖАЛ, что сержусь! Его ведь нужно было приучать, верно?

— Согласен. Но, объяснив ему, что вы им недовольны, как могли вы быть таким жестоким, что еще и шлепали его? Ведь вы сказали, что бедный звереныш не знал, что делает плохо! И все же причиняли ему боль! Как же вам не стыдно? Может быть, вы — садист?

Я не знал тогда, что такое садист, однако в щенках кое-что понимал!

— Мистер Дюбуа, но ведь иначе — никак! Вы ругаете его, чтобы он знал, что поступил неправильно, тычете его в лужу носом, чтобы он знал,

в чем заключается его проступок, и шлепаете, чтобы ему расхотелось впредь так поступать. И шлепать его нужно сразу же — иначе от наказания ничего хорошего не будет; вы его просто запутаете. И даже тогда он с одного раза не поймет; надо следить, и сразу же наказывать его опять, и шлепать немного больнее. И он очень скоро научится. А просто ругать его — только зря языком молоть. Вы, наверное, никогда не воспитывали щенков.

— Почему же, многих. Сейчас я воспитываю гончую. Этим самым методом. Однако вернемся к нашим малолетним преступникам. Наиболее жестокие из них были примерно вашего возраста. А когда начинали свою преступную карьеру — были гораздо младше вас. И вот теперь вспомним вашего щенка. Тех подростков очень часто ловили; полиция производила аресты каждый день. Их ругали? Да, и зачастую очень жестко. Тыкали их носом в содеянное? Лишь изредка. Газеты и официальные учреждения держали их фамилии в секрете — таков был закон во многих штатах для тех, кто не достиг восемнадцати лет. Их шлепали? Ни в коем случае! Многих не шлепали, даже когда они были малышами! Считалось, что порка или другие наказания, причиняющие боль,

могут повредить неустойчивой детской психике.

Я подумал, что мой отец, должно быть, никогда не слыхал о такой теории.

— Телесные наказания в школах были запрещены законом, — продолжал мистер Дюбуа. — Порка дозволялась законом лишь в одной маленькой провинции — в Делавере; полагалась она только за несколько преступлений и применялась крайне редко. Она считалась «жестоким и неординарным наказанием». Лично я не понимаю, что плохого в наказании жестоком и неординарном. Хотя судья должен быть, в принципе, милосердным, все равно его приговор обязательно должен причинять преступнику страдания, иначе наказание не будет наказанием. Ведь боль — основной механизм, выработавшийся в нас в течение миллионов лет эволюции! И этот механизм охраняет нас, предупреждая всякий раз, когда что-либо угрожает нашему выживанию. Так почему же общество должно отрицать такой хороший механизм выживания? Но тот период был просто переполнен ненаучной, псевдопсихологической бессмыслицей. И о неординарности: наказание должно выходить из ряда вон, иначе оно не сослужит никакой службы.

Мистер Дюбуа указал пальцем на другого маль-

чика:

— Вот вы. Что произойдет, если щенка бить каждый час?

— Ну-у! Он, наверное, с ума сойдет!

— Возможно. И уж конечно, ничему не научится. Сколько времени прошло с тех пор, как директор нашей школы в последний раз применял к ученикам розги?

— Ну, я точно не помню… Около двух лет. Тот парень ударил…

— Неважно. Времени прошло достаточно много. Значит, это наказание настолько необычно, чтобы быть значительным, предостерегать и послужить уроком на будущее. Вернемся теперь снова к нашим малолетним преступникам. Очень вероятно, что их не наказывали во младенчестве, известно в точности, что не подвергали порке за преступления. Обычно все происходило в следующем порядке: за первое преступление «предупреждали» — и зачастую вовсе без участия суда. После дальнейших проступков приговаривали к тюремному заключению, но приговор обычно откладывался, и юнец «отпускался на поруки». Такой подросток мог быть несколько раз арестован и приговорен, прежде чем его наконец наказывали. Затем его помещали в тюрьму,

вместе с другими такими же, от кого он мог воспринять только новые преступные обычаи. И если он не творил особенных безобразий во время заключения, то приговор ему смягчали и отпускали его на поруки — «давали помиловку», на жаргоне тех времен.

Такие поблажки могли повторяться из года в год, а тем временем подросток преступал закон все чаще, все с большей жестокостью и изощренностью — и всегда совершенно безнаказанно, только со скучноватыми, но вполне комфортабельными отсидками иногда. А затем вдруг наступало восемнадцатилетие, так называемый «малолетний преступник» становился по закону преступником взрослым, и зачастую уже через пару недель сидел в камере, приговоренный к смертной казни за убийство.

Мистер Дюбуа снова указал на меня:

— Вот вы. Допустим, что щенка просто отчитали, не наказывая его, и позволили ему пачкать в доме… Только иногда выставляли за дверь, но вскоре впускали обратно, предупредив на будущее о том, что так делать нельзя. И вот в один прекрасный день щенок вырос во взрослую собаку, так и не отучившись пачкать в доме. Тогда вы хватаете ружье и пристреливаете его. Что

скажете по этому поводу?

— Ну, это, по-моему, глупейший способ воспитывать щенка!

— Согласен. Ребенка — тоже. Но — кто же здесь виноват?

— Понятно, не щенок!

— Согласен. Но все же — объясните свою точку зрения.

— Мистер Дюбуа, — поднялась одна из девочек, — но почему? Почему не наказывали детей, когда это было необходимо для них же? И не пороли тех, кто постарше, когда они этого заслуживали? Ведь такое наказание не забудешь никогда. Я имею в виду тех, кто действительно творил безобразия. Почему?

— Не знаю, — нахмурившись, ответил мистер Дюбуа. — За исключением той причины, что использование этого проверенного временем метода внушения понятий об общественном долге и соблюдении законов в сознание молодежи чем-то не устраивало ненаучную, псевдопсихологическую прослойку, именовавшую себя «детскими психологами» или же «социальными служащими». Видимо, им это казалось чересчур примитивным — ведь здесь нужны лишь терпение и твердость, как и при воспитании щенка. Я

порой думаю: может быть, им зачем-то были нужны эти беспорядки? Однако непохоже на то; ведь взрослые почти всегда поступают из «высших соображений»: неважно, что из этого выходит.

— Но — боже мой! — сказала девочка. — Мне вовсе не нравится, когда меня наказывают, да и ни одному ребенку это не нравится. Но, когда нужно, мама делала это. Когда однажды меня высекли в школе, мама дома еще добавила. С тех пор прошло уже много лет. И я уверена, что меня никогда не потащат в суд и не приговорят к порке — веди себя как следует, и все будет в порядке. В нашей системе я не вижу ничего неправильного — это гораздо лучше, чем — ох, ужас! — когда за порог не ступить, чтобы не рисковать жизнью!

— Согласен. Юная леди, трагическая ошибочность того, что делали эти люди, заключалась в глубоком противоречии с тем, что они намеревались сделать. У них не было научно обоснованной теории морали. Конечно, различные теории на этот счет у них имелись, и они пытались жить по ним, и над их побуждениями я вовсе не склонен смеяться, но все эти теории были НЕВЕРНЫ — половина их была не более чем благими пожеланиями, а другая половина — просто рационализированным шарлатанством. И чем

серьезней они относились к делу, тем дальше были от цели. Они, видите ли, считали, что человек имеет моральный инстинкт.

— Сэр… но это действительно так! По крайней мере, у меня есть…

—

Нет,

моя дорогая! Вы имеете КУЛЬТИВИРОВАННУЮ совесть, тщательнейшим образом тренированную. У человека нет инстинкта морали, он не рождается с ее чувством. Чувство морали мы приобретаем путем обучения, опыта и тяжелой умственной работы. Те злосчастные малолетние преступники не рождались с чувством морали, так же, как и мы с вами! Но они не имели ни одного шанса выработать его — обстановка не позволяла. Что такое «чувство морали»? Это — усовершенствованный инстинкт самосохранения. Вот он присущ человеку от рождения, из него вытекают все аспекты личности. Все, что противоречит инстинкту самосохранения, рано или поздно уничтожает соответствующую особь и, следовательно, в последующих поколениях не проявляется. Это доказано математически и подтверждается для всех случаев. Инстинкт самосохранения — единственная сила, управляющая

всеми нашими поступками.

— Однако инстинкт самосохранения, — продолжал мистер Дюбуа, — может быть развит в значительно более тонкие мотивации, чем бессознательное животное желание просто остаться в живых. Юная леди, то, что вы ошибочно назвали «моральным инстинктом», есть не что иное, как внедренная в вас старшими истина: выживание общее гораздо важнее вашего личного выживания. Например, выживание вашей семьи, детей, когда они у вас будут… Вашего народа, если подняться выше. И так далее. Но истинно научное обоснование теории морали — только в личном инстинкте самосохранения! И теория эта должна обрисовать иерархию выживания, отметить мотивацию для каждого уровня этой иерархии и разрешить все противоречия. Мы на сегодняшний день такую теорию имеем и с ее помощью можем решить любую моральную проблему для любого уровня. Личный интерес, любовь к родным, гражданские обязанности по отношению к соотечественникам и ответственность за все человечество. И сейчас уже разрабатываются нормы для межпланетных отношений. Однако все моральные проблемы могут быть проиллюстрированы одной, несколько перефра-

зированной цитатой: «Величайшей любовью наделен не человек, но кошка, умирающая, чтобы защитить своих котят». И однажды вы поймете проблему, с которой пришлось столкнуться этой кошке, и как она ее решила; вы будете готовы проэкзаменовать себя и узнать, насколько высока моральная вершина, которую вам по силам преодолеть. Малолетние преступники были на самом низком уровне. Они рождались с одним лишь инстинктом самосохранения, самым высоким их моральным достижением была хрупкая лояльность к «своим», то есть своей уличной банде. Но различные доброжелатели пытались взывать к их «лучшим чувствам», «проникнуть в душу», «пробудить их чувство морали». ВЗДОР! У них не было никаких «лучших чувств»; опыт показывал им, что все ими творимое — единственный способ выжить. Щенок не получает своих шлепков, а стало быть, то, что он делает с удовольствием и успехом, для него — «морально». Основа морали — долг: понятие, находящееся в таком же отношении к группе, как личный интерес — к индивидууму. Никто не проповедовал тем детям их обязанности в той форме, в какой они поняли бы, то есть вкупе со шлепками. Зато общество, в котором они жили, без кон-

ца толковало им об их «правах». И результаты нетрудно было предсказать, поскольку НИКАКИХ ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПРИРОДЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ.

Мистер Дюбуа сделал паузу. Кто-то схватил наживку:

— Сэр, а как же насчет «жизни, свободы и погони за счастьем»?

— А, да, эти «неотъемлемые права»... Каждый год кто-нибудь да процитирует эту великолепную поэтику.

Жизнь? А каковы «права» на жизнь у того, кого носит в Тихом океане? Океан не слышит его криков. Каковы «права» на жизнь у человека, который должен умереть ради спасения своих детей? Если он предпочтет сохранить собственную жизнь, то сделает это «по праву»? Если два человека голодают и альтернатива смерти обоих — съедение одного другим, кто из двоих «имеет право» на жизнь? Это вы называете «правом»? Что касается свободы — те герои, которые подписывали этот великий документ, клялись купить эту свободу ценой собственных жизней. Свобода никогда не была неотъемлемым правом, древо свободы полито кровью патриотов и нуждается в регулярной поливке, иначе оно засохнет. Из всех

так называемых прав человека, изобретенных когда-либо, свобода всегда была самой дорогой, и цена ее не упадет никогда.

И третье право — «погоня за счастьем». Его, конечно, не отнять, но правом это не является. Оно — в существующем положении вещей, и тираны не могут отнять его, а патриоты — восстановить. Бросьте меня в башню, сожгите на костре или сделайте царем царей — в любом случае, пока длится моя бренная жизнь, я имею право на «погоню за счастьем», и ни господь бог, ни все святые, ни мудрецы, ни изощреннейшие наркотики не смогут разуверить меня в этом.

Мистер Дюбуа обратился ко мне:

— Я сказал, что «малолетний преступник» — понятие внутренне противоречивое. Под словом «преступник» имеется в виду «не выполнивший свои обязанности». Но «обязанности» — дело взрослых, а взрослым он станет тогда и только тогда, когда получит представление о том, что такое обязанность, и будет ставить ее выше, чем собственный интерес, с которым рожден. Никогда не было и быть не могло малолетних преступников. Но на каждого малолетнего всегда найдется по крайней мере один взрослый преступник, который в свои зрелые годы либо не знает своего

долга, либо через него преступает. И именно это явилось тем «гнилым столбом», из-за которого развалилась культура, во многих отношениях замечательная. Юные хулиганы, шляющиеся по улицам, были симптомом опасной болезни; их сограждане (тогда гражданами считались все) всячески укрепляли мифы об их «правах»… и при этом забывали об обязанностях. Ни одна нация, поступающая так, не может существовать.

Я принялся гадать, куда бы подполковник Дюбуа отнес Диллингера. Был ли он малолетним преступником, достойным сожаления, даже если от него обязательно следовало избавиться? Или он был преступником взрослым, не заслуживающим ничего, кроме презрения?

Этого я не знал и не узнаю никогда. Зато я твердо знал одно: больше Диллингер никого не сможет убить.

Это меня вполне устраивало. Я наконец уснул.

Глава 9

У нас не место тем, кто умеет красиво проигрывать. Нам нужны парни, способные пойти и победить!

Адмирал Джонас Ингрем, 1926

Когда мы сделали все, что пехота может проделать на равнине, нас перебросили в суровые горы, чтобы учить более суровым вещам, — это была канадская часть Скалистых, между пиком Доброй Надежды и горой Веддингтон. Лагерь сержанта Спуки Смита был здорово похож на лагерь Кюри, только гораздо меньше, да рельеф был покруче. Что ж, и наш Третий полк уменьшился — теперь нас осталось меньше четырехсот, а вначале было больше двух тысяч. Рота Эйч была теперь организована по подобию взвода, а батальон на поверке выглядел как рота. Однако мы по-прежнему назывались «рота Эйч», а Зим был ротным командиром, а не комвзвода.

И потогонка наша теперь стала более персональной; капрало-инструкторов было больше, чем отделений, а сержанту Зиму нужно было держать в голове всего пятьдесят человек вместо

прежних двух с половиною сотен; похоже, он ни на минуту не спускал с нас своих церберовых глаз — даже когда его не было поблизости. По крайней мере, стоило только свалять дурака, как оказывалось, что он стоит прямо за твоей спиной.

Все-таки его вздрючки приобрели более дружелюбный характер, хотя и воспринимались болезненно — ведь мы тоже были уже не те — из всего полка остался лишь каждый пятый, и все уже стали почти солдаты. Теперь Зим пытался из каждого сделать солдата, а не прогонять к едрене бабушке.

И капитана Френкеля мы видели теперь чаще; теперь он гораздо больше времени обучал нас лично, вместо того чтобы сидеть за столом. Он знал всех по фамилии и в лицо и, похоже, завел в голове досье на каждого — как он владеет тем или иным оружием, как разбирается в снаряжении, не говоря уж о том, сколько у него внеочередных дежурств, как со здоровьем и когда получал последнее письмо из дому.

Он не был так строг в обращении с нами, как Зим, и нужно было показать себя последним тормозом, чтобы с лица его сошла дружелюбная улыбка, — но обманываться насчет улыбки не стоило, за ней скрывалась берилловая броня. Я

никогда не мог решить, кто из них в большей степени солдат — Зим или капитан Френкель, — я имею в виду, если представить, что они рядовые. Без сомнения, они оба были куда лучше, чем любой из остальных инструкторов, но кто же из них двоих? Зим делал все точно и подчеркнуто, как на параде. Капитан Френкель же — энергично и со смаком, будто играя в игру. Результаты были примерно одинаковы — и капитану это, казалось, не составляло никакого труда…

А множество инструкторов нам было действительно необходимо. Прыгать в скафандре, как я уже говорил, на ровном месте просто. Конечно, скафандр так же высоко и легко прыгает в горах — но все же есть разница, когда прыгаешь на вертикальную гранитную стену меж двух елок и в последний момент теряешь контроль над двигателями. У нас было три несчастных случая на учениях со скафандрами — двое умерли, а один угодил в госпиталь и дальше был уже негоден к службе.

Но без скафандра — с веревками да крючьями — подняться на стену было еще труднее. Я никогда не понимал, на что нам нужно уменье лазать по горам, но уже выучился держать язык за зубами и осваивать все, что велят. Выучился и этому,

оно оказалось даже не слишком трудно. Если бы кто годом раньше сказал, что я смогу забраться на такую солидную каменную громаду — вертикальную и гладкую, как глухая стена небоскреба, и только с помощью молотка, нескольких дурацких крошечных стальных гвоздиков да еще куска бельевой веревки, я б ему в лицо рассмеялся: я ведь больше приспособлен к уровню моря. Хотя, вернее сказать, был приспособлен для уровня моря — с тех пор кое-что изменилось.

Однако понять до конца, насколько же я изменился, я смог, только выйдя из лагеря. В лагере сержанта Спуки Смита мы жили посвободнее — то есть нам разрешалось бывать иногда в городе. Впрочем, какая-то «свобода» была у нас и в лагере Кюри — после того как мы пробыли там месяц. В том смысле, что воскресным вечером, если ты не в наряде, можешь отметиться у командира и идти гулять — только вернись в лагерь к вечерней поверке. Но там не было ничего — ни девушек, ни театров, ни дансингов — разве что пару кроликов встретишь.

И все-таки даже в лагере Кюри иметь свободу было прекрасно — иногда очень важно получить возможность забраться куда подальше, чтобы хоть некоторое время не видеть лагерных

палаток, сержантов, осточертевших рож своих товарищей-салажат… И чтобы не нужно было никуда бежать, и чтобы было время вытащить душу свою на свет божий и посмотреть, не слишком ли поистерлась. Но даже эта свобода могла быть урезана по разным причинам и в разной мере. Могли приказать не покидать пределов лагеря, не покидать расположения роты, и тогда нельзя было ни в библиотеку, ни в эту заманчиво названную «палатку активного отдыха» — несколько досок для игры в парчизи и прочие, столь же увлекательные развлечения. А то вообще могли приказать не выходить из палатки до особого распоряжения.

Впрочем, последний вариант почти ничего не значит — обычно он добавляется к такому суровому наряду, что времени едва остается поспать, а ограничение свободы — довершение наказания, вроде вишенки на верхушке порции мороженого. Это чтобы уведомить тебя — и весь свет в придачу, — что выкинул ты не просто глупость, но нечто, несовместимое со званием пехотинца, и потому лишен права общаться с товарищами, пока не переменишься к лучшему.

Но в лагере Спуки можно было ходить в город — если ты не в наряде, хорошо себя вел и так

далее. Каждое утро в воскресенье — сразу после богослужения — отправлялся рейс на Ванкувер, а обратный привозил тебя к ужину или к отбою. Инструкторам же разрешалось проводить в городе и ночь с субботы на воскресенье, а то и целых три дня подряд — некоторым расписание позволяло.

Стоило мне в первый раз выйти из автобуса — и я понял, насколько изменился. Джонни больше не годился для гражданской жизни. Все вокруг казалось удивительно запутанным и суматошным, просто не верилось, что такой беспорядок бывает на свете.

О Ванкувере я ничего плохого сказать не хочу. Город этот прекрасный и расположен удачно; люди в нем гостеприимные, привыкшие к МП на улицах. В центре Ванкувера для нас организовали клуб, где каждую неделю бывали танцы. Юные хозяйки города не прочь потанцевать, а хозяйки постарше следят за тем, чтобы застенчивый парень (например, я — к собственному изумлению, но что делать; сами попробуйте несколько месяцев без женского общества, если крольчих не считать) был представлен девушке и мог всласть наступать ей на ноги.

Но в первый раз я не пошел в клуб. Просто

стоял и глазел вокруг — на прекрасные дома, на витрины с грудами разных безделушек и роскошеств — и никакого тебе оружия! — на людей, спешащих мимо по делам или просто так гуляющих, — и ни на ком не было одинаковой одежды! И в особенности — на девушек.

Я ведь не представлял раньше, насколько они замечательны! Хотя открыл их для себя, едва узнав, что отличаются они от нас не только одеждой. Сколько себя помню, у меня никогда не было того периода, когда мальчишка, узнав о том, что девочки — другие, начинает их ненавидеть. Мне они нравились всегда.

И оказалось, что раньше я просто считал, что — вот, они такие, какие и должны быть. Но теперь… Даже стоять на углу и глядеть, как они проходят мимо, — это потрясающе! Ведь они не ходят так, как мы, — не знаю, как это описать, но их походка намного сложнее и гораздо красивее. Они не просто переставляют ноги — все тело их движется, каждая часть в своем направлении. Выглядит очень грациозно.

Если бы к нам не подошел полицейский, я так и простоял бы там.

— Как жизнь, ребята? Развлекаемся?

Я глянул на его планки и был просто подавлен:

— Да, сэр! Так точно, сэр!

— Ко мне можешь не обращаться «сэр». А чего ж вы в клуб не идете? Здесь-то особенно развлечься нечем.

Он дал нам адрес, объяснил, как пройти, и мы было направились в клуб — Пат Лейви, Котенок Смит и я, — а он крикнул весело:

— Счастливо отдохнуть, ребята! И не ввязывайтесь там во что попало!

То же самое нам говорил Зим, когда мы садились в автобус.

Но до клуба мы не дошли. Пат Лейви когда-то жил в Сиэтле, и теперь захотел посмотреть на него снова. Деньги у него были, и он предложил взять нам билеты на автобус, если мы поедем с ним. По мне, все было хорошо — автобусы ходили туда через каждые двадцать минут, а увольнительные наши Ванкувером не ограничивались. Смит тоже поехал с нами.

Сиэтл не очень отличался от Ванкувера, а девушек там тоже было полно — я просто наслаждался. Однако в Сиэтле не привыкли видеть пехотинцев на улицах, а мы выбрали не самое подходящее место, чтобы пообедать, — бар-ресторан в доках.

Нет, мы ничего такого не пили. Ну, Котенок

к обеду взял одну-единственную кружку пива, однако был таким же дружелюбным и приветливым, как всегда. За это его, кстати, и прозвали Котенком. Как-то на занятиях по рукопашному бою капрал Джонс буркнул ему с отвращением: «Котенок лапкой — и то сильней ударил бы!» Готово дело; тут как тут прозвище.

Мы одни были в форме — большинство посетителей составляли моряки торгового флота: в Сиэтл приходила целая куча кораблей. Я тогда еще не знал, что в торговом флоте нас не любят. Частью оттого, что их гильдия уже сколько раз безуспешно старалась быть приравненной к федеральной службе, но, похоже, некоторые просто следуют вековой традиции.

Тут же были и несколько парнишек нашего возраста — как раз подходящего для службы, — но эти служить не пошли. Волосатые, недотепистые, грязные какие-то… Да чего там, и я сам таким же был, пока не пошел в армию.

Вначале мы заметили, что за столиком сзади двое из этих молодых невеж и два торговых моряка (судя по одежде) начали отпускать разные замечания, с тем чтобы мы слышали. Приводить этих замечаний не буду.

Мы им ничего не сказали. Когда замечания

приняли более личный характер, а смех стал громче, и все посетители умолкли и стали прислушиваться, Котенок шепнул мне:

— Идем-ка отсюда.

Я подмигнул Пату Лейви, он кивнул. Рассчитываться было не надо, в этом заведении брали деньги вперед. Мы поднялись и пошли.

Они пошли за нами.

Пат шепнул:

— Внимательно…

Мы продолжали идти, не оглядываясь.

Они догнали нас.

Я увернулся. Тот, кто бросился на меня, получил ребром ладони по шее и пролетел мимо. Я бросился помочь ребятам, но все уже кончилось. Их было четверо, и все четверо лежали. С двумя справился Котенок, а Пат, можно сказать, размазал своего по фонарному столбу, швырнув его чуть сильней, чем надо.

Кто-то, по-моему, хозяин заведения, должно быть, позвал полицию, еще когда мы пошли к выходу. Они примчались тут же, пока мы стояли, не зная, что теперь делать с такой кучей мяса, сразу два полисмена и так быстро — видать, район был не из спокойных.

Старший требовал, чтобы мы возбудили дело,

но никому из нас не хотелось — ведь Зим же сказал: «не ввязываться». Котенок посмотрел на него безмятежно, будто пятнадцатилетний, и сказал:

— Они, я думаю, споткнулись.

— Да уж понятно, — согласился полицейский и, выковырнув носком сапога из откинутой руки нападавшего на меня нож, сунул его между плит поребрика и сломал лезвие.

— Ладно. Вам, ребята, лучше пойти в другой район.

И мы ушли. Я был рад, что Пат с Котенком не стали подымать дело. Вообще-то покушение штатских на военнослужащего — штука серьезная, но какого черта? Все по справедливости. Сами полезли, сами и получили. Все нормально.

Хорошо, что в увольнение мы ходим без оружия, и нас тренировали отключать не убивая! Ведь все, что мы делали, шло на одних рефлексах. Я до последнего не верил, что они на нас полезут, а потом уже действовал не думая. Вообще ни о чем не думал, пока драка не кончилась.

Вот тогда я до конца понял, насколько изменился.

Мы пошли обратно на станцию и сели в автобус до Ванкувера.

Сразу, как мы прибыли в лагерь Спуки, нас

начали обучать технике бросков. Когда доходила очередь, наш взвод (полностью укомплектованный взвод — а назывались мы все еще ротой) перебрасывали на северный космодром Уолла-Уолла, сажали на корабль, поднимали в космос, производили бросок, там мы проделывали все упражнения и собирались к маяку. Всех дел на день. С восьмью ротами выходило поначалу даже меньше, чем по броску в неделю, но потом стало и по нескольку раз в неделю — ряды наши продолжали редеть. А броски пошли сложней — в горы, в арктические льды, в австралийские пустыни, когда же мы кое-чему научились — то и на поверхность Луны, где капсула сбрасывается с высоты в несколько сот футов и потому взрывается, едва отстрелившись. Нужно было живо оглядеться и приземлиться только на двигателях скафандра (воздуха там нет, и парашют бесполезен), при этом плохая посадка могла разгерметизировать скафандр, после чего находящемуся внутри остается только задохнуться.

Причиной истощения наших рядов были несчастные случаи — смерти, ранения, а некоторые просто отказались войти в капсулу, и их даже не ругали, их просто отвозили назад в лагерь и тем же вечером увольняли. И даже тот, кто сделал

несколько бросков, мог вдруг запаниковать и отказаться… и инструкторы говорили с ним мягко, будто с другом, который внезапно захворал.

Я никогда не отказывался войти в капсулу — зато узнал, что такое дрожь. Меня трясло каждый раз, как дурачка пуганого. Да и сейчас трясет.

И все же, пока ты не прошел броска, ты не боец.

Рассказывают такую байку — может, и выдуманную — про МП, который осматривал Париж. Посетив Дом инвалидов, он посмотрел гробницу Наполеона и спросил часового, француза:

— А это кто?

Француз был ужасно оскорблен:

— Мосье не знает?! Это гробница Наполеона — Наполеон Бонапарт был величайшим воином всех времен и народов!

МП немного поразмыслил, а потом спросил:

— Да? А где же он выбрасывался?

Все это, конечно, выдумки — там, снаружи, есть громадная надпись, объясняющая, кем был Наполеон. Однако думать о нем МП должен был именно так.

Наконец подготовка кончилась.

Я вижу, что почти ни о чем не рассказал. Ни слова о большей части нашего оружия, ни слова о

том, как мы бросили все и три дня тушили лесной пожар, ни слова о той тревоге, которая оказалась настоящей боевой, но мы не знали этого, пока все не кончилось, ничего о том дне, когда сдуло кухонную палатку, вообще ни одного упоминания о погоде — а ведь, вы уж мне поверьте, погода для нас, «пончиков», штука очень важная — особенно дождь и грязь. Но что погода так уж важна — нам только там казалось; сейчас-то для меня все это выглядит сплошной ерундой. Вся погода за то время подробно описана в метеосводках-ежегодниках, их вы можете достать везде, и там изложено все что надо.

Вначале в нашем полку было 2009 человек, а теперь стало 187: четырнадцать умерли (один был казнен, и имя его вымарано из списков), а остальные поувольнялись, были выгнаны, переведены, получили отставку по здоровью или еще как-нибудь. Майор Мэллой сказал краткую речь, каждый из нас получил сертификат, мы в последний раз прошли к осмотру, а затем полк был расформирован, и знамя его зачехлено до той поры, пока через три недели не понадобится снова, чтобы напоминать еще паре тысяч шпаков, что они — воинская часть, а не так себе толпа.

Теперь я был «рядовым обученным», и перед

моим личным номером вместо букв РН появились РО. Большой день!

Может быть, самый большой в моей жизни.

Глава 10

Древо Свободы время от времени нужно поливать кровью патриотов…

Томас Джефферсон, 1787

Я считал себя рядовым обученным до тех пор, пока не явился на корабль. Что ж, разве есть такой закон — против ошибочного мнения?! И похоже, я не упомянул, как Земная Федерация перешла из состояния мира в состояние чрезвычайного положения, а затем и войны. Я этого и сам как-то не заметил. Почти. Когда я вербовался, был мир, нормальное состояние, как все считают (а кто же сочтет нормой что-то другое?). Потом, уже в лагере Кюри, мы перешли в чрезвычайное положение, но меня и тогда мало что волновало, кроме того, что капрал Бронски думает о моей прическе, униформе, снаряжении и боевой подготовке, и — что было еще важнее — что по тем же поводам думает сержант Зим. И в любом случае чрезвычайное положение — все равно еще мир.

Мир — это такое положение дел, когда штатский не обращает внимания на погибших в бою солдат, которые не попадают на первые полосы

газет. Если, конечно, не гибнет его родственник. Но вряд ли было в истории такое время, когда «мир» означал отсутствие всяких боев вообще — по крайней мере, я такого не припомню. Когда я прибыл в мою первую часть, «Котята Вилли», известную также как рота К, Третий полк первой МП-дивизии, и вместе с ними погрузился на «Вэлли Фордж» (со своим чуть ли не липовым сертификатом в кармане), война фактически шла уже несколько лет.

Историки до сих пор не могут сговориться, как ее называть — Третья Космическая, или Четвертая, или, может, лучше Первая Межзвездная. Мы называли ее просто войной с багами, если вообще называли. Во всяком случае, историки считают, что все началось гораздо позже моего назначения в мою первую часть и погрузки на корабль. Все, что происходило до того, потом называли «пограничными инцидентами», «столкновениями патрулей» или «превентивными акциями». Но ты все равно умрешь, где бы тебя ни шлепнуло — в инциденте или на войне.

По правде сказать, солдат видит войны не больше, чем шпак, разве что маленький кусочек пространства-времени, в котором воюет сам. В остальное время он гораздо больше занят от-

дыхом, разными капризами сержантов, да еще — как бы спереть чего-нибудь с камбуза между принятиями пищи. Тем не менее, когда мы — Котенок Смит, Эл Дженкинс и я — присоединились к Котятам Вилли на Лунной Базе, у каждого из них на счету имелось не по одному боевому броску: они уже были солдатами, в отличие от нас. Правда, над нами не шутили, как обычно над новенькими, а сержанты и капралы казались подозрительно мягкими в обращении — после рассчитанной неприязни наших инструкторов.

Вскоре мы обнаружили, что это мягкое обращение просто имеет в виду, что мы пока никто и нас даже пробирать нечего, пока мы не докажем в броске — настоящем броске, — что способны заменить тех, настоящих «котят», которые дрались и погибли и чьи места мы сейчас не по чину нагло занимаем.

Подумать только, как же зелен я был! Пока «Вэлли Фордж» оставался на Лунной Базе, я раз наткнулся на командира полувзвода; он только что собрался в увольнение и был одет по полной форме. В мочке левого уха у него была серьга — отлично сработанный крошечный золотой череп, а под ним вместо обычных скрещенных костей, как на древнем «Веселом Роджере», — целая вя-

занка золотых крошечных косточек, слишком мелких, чтобы их можно было сосчитать.

Дома я часто носил серьги или еще какие-нибудь украшения, когда шел на свидание. У меня были просто прекрасные клипсы с рубинами, большими, как ноготь моего мизинца, принадлежавшие еще маминому деду. Драгоценности мне нравились, но все такое пришлось оставить дома. Однако вот же штука, которую отлично можно носить с формой! Уши мои проколоты не были — мама не одобряла такого украшательства у мальчиков, — но можно заказать ювелиру и клипсу… деньги от подъемных еще оставались, и надо было их на что-то потратить, пока не испортились.

— Ух, сержант! Где вы достали такую серьгу? Просто здорово!

Он не стал смеяться надо мной, даже не улыбнулся.

— Что, нравится?

— Еще бы!

Обычное золото вместо с галунами и кантами формы смотрелось даже лучше всяких драгоценных камней. Я подумал, что лучше заказать пару с обычными скрещенными костями вместо этой нелепицы внизу.

— А в гарнизонную лавку их завозят?

— Нет, в здешней лавке их не продают. — Он добавил: — И во всяком случае, надеюсь, здесь ты этого не достанешь. Но я тебе вот что скажу — когда прибудем в такое место, где ты сможешь добыть их, я уж позабочусь, чтобы ты не прохлопал. Это я тебе обещаю.

— Ух, спасибо вам!

— Что ты, не стоит.

После я видел еще такие черепа — только костей в связках было у кого больше, у кого меньше. Я догадался, что это было украшение, разрешенное к ношению с формой, — по крайней мере в увольнении. А потом и мне представилась возможность «прикупить» себе такое — и очень скоро, — но я нашел, что цена этой простенькой безделушки слишком уж высока.

Это была операция «Багхауз», или Первая Битва на Клендату, как назвали ее потом историки, — сразу после того, как был сметен с лица земли Буэнос-Айрес. Вот тут только «суслики» заметили, что что-то происходит, ведь на самом деле те, кто никогда не бывал в пространстве, не верят в иные планеты, несмотря на всю астрономию, — по крайней мере в глубине души. Я и сам не верил, хотя космосом увлекался чуть не с пеленок.

Но случай с БА как следует встряхнул шпаков, начались истошные вопли, что все силы следут отозвать назад, окружить Землю буквально сплошняком и таким образом оградить ее от космических супостатов. Конечно, глупее ничего не придумаешь — войну можно выиграть только в атаке, но не в обороне — любой историк подтвердит, что отнюдь не министерства обороны побеждали в войнах. Но это была стандартная реакция штатских — принять оборонительную тактику, как только они заметили, что идет война. Теперь они захотели сами руководить войной — так пассажир в опасной ситуации пытается вырвать у водителя руль.

Как бы то ни было, моего мнения тогда не спрашивали, только приказы отдавали. Не говоря уж о перспективе отвести все наши войска к Земле и того, что было бы в этом случае с нашими колониями и союзниками, учитывая наши обязанности по договорам, мы были ужасно заняты другими вещами — мы вели войну с багами. Похоже, на меня разрушение Буэнос-Айреса повлияло куда меньше, чем на большинство гражданских. Тогда мы были в паре парсеков от дома, шли на «приводе Черенкова», и новости не могли достичь нас, пока мы его не выключили и не получили их с

другого корабля.

Помнится, я подумал: «Ах, черт, плохо-то как!» и почувствовал жалость к единственному португальцу на корабле. Но БА не был моим домом, Земля осталась далеко позади, а я был очень занят, потому что вскоре должен был начаться штурм Клендату, и нам предстояло провести время в пути пристегнутыми к койкам, накачанными лекарствами и без сознания, поскольку гравитационное поле на «Вэлли Фордж» отключалось, чтобы сэкономить энергию и набрать скорость повыше.

Потеря БА круто переломила всю мою жизнь, но это я понял на много месяцев позже.

Когда пришло время броска на Клендату, я был придан в «помощники» рядовому первого класса Датчу Бамбургеру. Эту новость он встретил будто даже с удовольствием, но, как только сержант не мог услышать, сказал:

— Слушай, салажонок. Держись прямо за мной и не суйся под ноги. Если будешь тормозить нас обоих, отверну твою пустую башку.

Я только кивнул. Я начал понимать, что это не тренировочный бросок.

Потом меня начал бить колотун, а затем нас отстрелили…

Вообще-то операцию «Багхауз» лучше было бы назвать «Бедламхауз». Буквально все пошло не так. Задумано было с одного удара поставить врага на колени. Захватить столицу и ключевые точки его родной планеты — и конец войне. Вместо этого мы сами чуть не проиграли войну.

Я не критикую генерала Денниса. Не знаю, правда ли, что он требовал больше военной силы и больше огневого прикрытия и едва позволил Главнокомандующему ВС себя убедить. Это все — дело не мое. Я сомневаюсь, что даже те, кто задним умом крепок, знают, как все было на самом деле.

Зато знаю, что генерал сам пошел в бросок с нами и командовал на месте и, когда ситуация стала критической, лично возглавил отвлекающую атаку, позволившую некоторым из нас (и мне в том числе) отступить. В конце концов, он искупил все свои грехи. Его радиоактивные останки нынче на Клендату, и отдавать его под трибунал поздно, так что теперь об этом говорить?

Разве что один комментарий для кабинетных стратегов, никогда не ходивших в бросок. Да, я согласен, что планету багов можно было заваливать водородными бомбами, пока вся поверхность не превратится в гладкое радиоактивное стекло. Но

было бы ли это победой? Баги ничуть не похожи на нас. Эти псевдоарахниды не похожи даже на наших пауков. Это членистоногие — огромные, как в кошмаре сумасшедшего, разумные пауки — но их строй, психологический и экономический, почти такой же, как у муравьев или термитов. Они — коллективные существа, интересы муравейника прежде всего. Выжигая поверхность планеты, можно перебить воинов и рабочих, но их ученых и королеву так и не достать. Я думаю, нельзя быть уверенным, что даже удар ядерными ракетами в нужном направлении способен повредить королеве — кто знает, как глубоко ее прячут. Не то чтобы я был сильно озабочен ее поисками — никто из ребят, спускавшихся в их норы, не выбрался назад.

Что с того, что мы превратим в пустыню поверхность Клендату? У них останутся звездолеты и колонии, так же, как у нас, и их штаб-квартира наверняка уцелеет — значит, пока они не капитулируют, войне конца не будет. У нас тогда еще не было Нова-бомб, чтобы расколоть планету пополам. Но если они не сдадутся, война будет продолжаться.

Если они вообще умеют сдаваться…

Их солдаты точно не умеют. Их рабочие не

умеют драться (можно потратить уйму времени и боезапаса, расстреливая рабочих, которые даже и не пикнут при этом), а их солдаты не умеют сдаваться. Но вы не думайте, что баги — просто тупые насекомые, раз так выглядят и не знают, что такое сдача в плен. Их воины ловки, умелы и агрессивны. Баг может оказаться ловчее тебя по единственному общему критерию — то есть выстрелить первым. Можешь лишить его ноги, двух, трех — он еще будет идти. Отстрели все четыре ноги с одного бока — он упадет, но будет продолжать стрелять. Можешь попасть в его нервный узел — тогда он пробежит мимо, стреляя в никуда, пока не врежется в стену или во что-нибудь еще.

Наш десант провалился с самого начала. Всего кораблей на нашем участке было пятьдесят. Предполагалось, что они перейдут на атомную тягу так синхронно, что достигнут орбиты и сбросят нас в намеченные точки, даже не дав им времени занять оборону. Думаю, осуществить это нелегко. Черт побери, какое там «думаю» — знаю! И главное, когда такие дела срываются, отдуваться за всех приходится МП.

Нам еще повезло, ведь «Вэлли Форедж» и оставшиеся на нем флотские получили места в раю, не

успели мы достичь поверхности. В этой тесноте кораблям следовало двигаться еще и быстро (4,7 мильсек орбитальной скорости — это вам не погулять выйти), так что «Вэлли Фордж» столкнулся с «Ипром», и оба корабля погибли. Счастье, что мы уже покинули его стволы, ведь он еще продолжал отстрел, когда в него попали. Но я в тот момент уже летел вниз в своей капсуле. Уверен, наш ротный знал, что корабль погиб и половина Котят вместе с ним, потому что он был отстрелен первым и не мог не заметить, что нет связи с капитаном.

Но теперь его уже никак не спросишь об этом, он не вернулся. А я тогда понимал только, что творится явно не то, что нужно.

Следующие восемнадцать часов были сплошным кошмаром. Я не могу рассказать об этом — я почти ничего не помню. Только какие-то отдельные ужасные сцены вроде стоп-кадров. Я терпеть не могу пауков — и ядовитых, и всяких других; от паучка, забравшегося в кровать, у меня кожа мурашками покрывалась. О тарантулах я даже думать не мог и не мог в рот взять лобстера, или краба, или еще что-нибудь в том же роде. А когда я в первый раз увидел бага, душа моя мигом оказалась в пятках и принялась жалобно

скулить. Только через секунду я сообразил, что уже убил его и можно больше не стрелять. Это, похоже, был рабочий, не думаю, что я остался бы в живых, будь это воин.

Впрочем, парням из К-9 пришлось еще хуже. Их должны были сбросить (если бы все прошло нормально) по краю нашего района; предполагалось, что неопсы проведут рейды в периферийной зоне и облегчат работу подразделений, которые должны были оборонять периферию. Эти калибаны, конечно, не были вооружены, если не считать зубов. Неопес должен слушать, смотреть и нюхать и обо всем увиденном докладывать по радио своему партнеру. Все, что у него есть, — это рация да еще бомба, которую пес или его напарник может взорвать в случае опасных ран или захвата в плен.

Захвата в плен несчастные псины не дождались; видать, почти все они подорвали себя, как только вошли в контакт. Встретив багов, они почувствовали то же, что и я, только сильнее. Теперь-то неопсов тренируют, чтобы они с самого детства не боялись ни вида, ни запаха багов. А тех же не тренировали…

И это было еще не все. Короче говоря, атака провалилась. Но я тогда, конечно, не знал, как

все идет, я просто держался за Датчем, пытаясь стрелять или жечь все, что движется, и бросая гранаты в каждую дыру. Это сейчас я, убивая багов, не трачу зря боеприпасы и топливо, хотя так и не научился различать, где опасные, а где нет. Воином может быть только один из пятидесяти — но он стоит остальных сорока девяти. Их личное оружие куда легче нашего, однако оно не менее смертоносно. У них есть излучатели, лучи которых проходят сквозь нашу броню, — и режут тебя так же легко, как крутое яйцо, а совместные действия поставлены лучше, чем у нас: мозга, который командует их «отделениями», из нор не достать.

Нам с Датчем везло довольно долго: мы держали примерно квадратную милю, заваливая все норы бомбами и расстреливая все, что находили на поверхности, а топливо в скафандрах старались беречь на случай возможной опасности. Вообще-то идея была такая, что мы обороняем намеченный район, а подкрепление с более тяжелым вооружением прибудет, не встретив серьезного сопротивления. Это был не просто рейд — это был бой с целью захватить плацдарм, удержаться на нем, укрепиться, дождаться прибытия свежих сил и захватить или просто утихомирить

всю планету.

Только у нас ничего не вышло.

Наш полувзвод все сделал как надо. Правда, мы оказались не в том месте и не могли связаться с соседними отделениями — комроты и сержант были убиты, и поэтому мы так и не перестроились. Но все же мы застолбили свой участок, отделение со специальным вооружением оборудовало себе укрепленную позицию, и мы были готовы держаться до прибытия свежих сил.

Только их не было. Они приземлились туда, где должны были приземлиться мы, столкнулись с недружелюбными аборигенами и сами попали в переделку. Только их и видели. Мы оставались на месте; неся потери, отбивались — пока не подошли к концу боеприпасы, топливо и даже энергия в скафандрах. Похоже было, что бой тянется пару тысяч лет.

Мы с Датчем продвигались по стеночке — из отделения спецоружия позвали на помощь, — когда земля внезапно разверзлась прямо перед Датчем, оттуда выскочил баг, а Датч упал.

Бага я сжег, бросил в дыру гранату, отчего она снова закрылась, и обернулся посмотреть, что случилось с Датчем. Он лежал, но повреждений на нем видно не было. Командующий взводом

сержант имеет специальный монитор, показывающий ему состояние каждого во взводе, отличая мертвых от тех, кому просто нужна помощь. Но то же самое можно поглядеть вручную, нажав кнопку на поясе.

Я позвал Датча — он не ответил. Температура его тела была 99 градусов; дыхание, сердце, мозг — на нуле. Это было плохо — но, может, просто скафандр сдох? Ну да, если забыть про термометр — он-то работает, а если бы скафандр заглох раньше, чем человек, сдох бы и термометр. Во всяком случае, я сорвал с пояса специальную монтировку и принялся извлекать Датча из скафандра, стараясь в то же время наблюдать, что творится вокруг.

А потом в наушниках моего шлема раздался общий сигнал, которого век бы не слышать: «СПАСАЙСЯ КТО МОЖЕТ! Отбой! Отбой! Ловите пеленг и отступайте! Любой маяк, какой слышите! Шесть минут! Всем! Всем! Собирайтесь вместе, выручайте товарищей! Отступать к любому маяку! СПАСАЙСЯ…» Я заторопился.

Участь Датча стала очевидной, как только я вынул его из скафандра, потому я оставил его и помчался прочь. В следующий бросок я бы уже догадался забрать его боеприпасы, но сейчас мне

было не до этого. Я просто несся прочь, стараясь поскорей достигнуть нашей огневой позиции.

Там уже никого не было, и я подумал, что все кончено — я потерялся и всеми оставлен. Затем я услышал сигнал сбора, но это был не «Янки Дудль» (как у катера с «Вэлли Фордж»), а «Милый плющ», мелодии этой я не знал. Но все же это был маяк. Я помчался к нему, расходуя последнее топливо в скафандре, примчался на катер едва к отлету и вскоре был уже на «Вуртреке», потрясенный настолько, что не помнил даже свой серийный номер.

Я потом слышал, некоторые называли это «стратегической победой», но я-то там был, я могу с уверенностью сказать: нам всыпали по первое число.

Через шесть недель — и будто на шестьдесят лет постарев — на базе планеты Санктори я сел в другой катер и прибыл на «Роджера Янга» в распоряжение сержанта Джелала. В мочке левого уха я носил разбитый череп с одной костью. Эл Дженкинс был со мной и носил такой же, а Котенок остался в стволе. Несколько уцелевших Котят были распределены по всему флоту; чуть не половина наших была потеряна при столкновении «Вэлли Фордж» с «Ипром», из остальных 80

процентов были потеряны на планете, поэтому власть имущие решили, что восстанавливать часть смысла нет — так что ее расформировали, документы сложили в архив и стали ждать, пока раны затянутся и роту Котят можно будет возродить с новым составом, но со старыми традициями.

Кроме того, в других частях тоже был приличный недокомплект.

Сержант Джелал принял нас тепло, сказал, что часть нам досталась хорошая, «лучшая во всем космофлоте», да и корабль приличный, а черепов в наших ушах будто и не заметил. На следующий день он повел нас к лейтенанту, который, смущенно улыбаясь, очень по-отечески с нами побеседовал. Я отметил, что Эл Дженкинс уже не носит своего золотого черепа. Я тоже спрятал свой, потому что заметил, что их не носит никто из Дикобразов Расжака.

Здесь это было не в обычае, потому что Дикобразы Расжака не смотрели на то, сколько боевых бросков у тебя было и какие; ты либо был Дикобразом, либо нет, и если нет, то плевать, кто ты такой. Раз уж мы пришли к ним не салажатами, а обстрелянными ветеранами, они приняли нас со всем возможным уважением и доброжела-

тельством, но все же довольно официально — мы были гостями, а не членами семьи.

Однако меньше чем через неделю мы ходили с ними в бой и тогда уже превратились в своих — родных, настоящих Дикобразов; нас называли по именам и при случае отчитывали безо всяких — все равно мы теперь были братья по крови, и можно было одалживать нам и занимать у нас, и признавать за нами право спорить и иметь свое дурацкое мнение — и высказывать свое, прямо противоположное. Мы даже называли по именам наших непосредственных начальников, если только они не были «при исполнении». Сержант Джелал был «при исполнении» постоянно, если только не в увольнении, — тогда он был Джелли и изо всех сил старался показать, будто его княжеское звание среди Дикобразов ничего не значит.

Но лейтенант всегда был только «лейтенант», а не «мистер Расжак» и даже не «лейтенант Расжак». Просто «лейтенант», и в третьем лице. Нет бога, кроме лейтенанта, и сержант Джелал пророк его. Джелли мог сказать «нет» лично от себя, и это не подлежало обсуждению, по крайней мере для младших сержантов, но если он изрекал: «Лейтенанту это не понравится», то говорил ex cathedra, и вопрос считался решенным навсегда.

Никто даже и не пытался выяснить, понравится это лейтенанту или нет. Слово было сказано.

Лейтенант был для нас как отец — он любил нас и баловал — и все же держался отстраненно не только на корабле, но и на Земле… разве что мы были на Земле во время боя. Но в бою — кто бы мог подумать, что офицер может заботиться о каждом во взводе, разбросанном по местности на сотни квадратных миль. Но он мог. Он мог мучительно переживать за каждого из нас. Как он ухитрялся присматривать за всеми, я сказать не могу, но посреди суматохи боя вдруг раздавался по командирской связи его голос: «Джонсон! Проверь шестое отделение! Смитти не в порядке!» И чаще всего лейтенант замечал непорядок прежде командира отделения Смитти.

Кроме того, можешь быть на все сто уверен — лейтенант не войдет без тебя в катер, пока ты жив. Баги в этой войне брали пленных, но Дикобразов Расжака среди них не было.

Ну а Джелли был нам матерью, он всегда был с нами и заботился о нас, но ни в коем случае не баловал. Он не докладывал лейтенанту о наших проступках — и среди Дикобразов никого не отдавали под трибунал и даже никого не выпороли. Джелли даже наряды вне очереди назначал не

часто, у него были другие методы наказания. На ежедневном осмотре он мог оглядеть тебя с ног до головы и просто сказать:

— На флоте ты бы смотрелся неплохо. Почему бы тебе не оформить перевод?

И это действовало, ведь у нас считалось, что матросы космофлота спят, не снимая формы, и никогда не моются ниже воротничка.

Но Джелли не занимался дисциплиной среди рядовых, он поддерживал дисциплину среди своих сержантов и капралов и предоставлял им делать то же самое в отношении нас. Командиром моего отделения был Рыжий Грин. После пары вопросов, когда я понял, как хорошо быть Дикобразом, я задрал нос, почувствовал себя большим человеком и сказал кое-что Рыжему поперек. Он не доложил об этом Джелли — просто отвел меня в умывальную и задал мне трепку «средних размеров», после чего мы стали лучшими друзьями. Именно он позже рекомендовал меня на повышение.

На самом деле мы не могли знать, спят ли матросы в одежде, — мы держались своей части корабля, а они — своей, потому что они, показываясь у нас, не встречали теплого приема, если были не при исполнении, — в конце концов

нельзя же якшаться с кем попало, так? У лейтенанта имелся кабинет во флотской части, но там мы практически не бывали, за исключением дежурств, да и то редко. Мы ходили в носовую часть нести охрану, потому что «Роджер Янг» был кораблем смешанным: капитан и пилоты — женщины, и еще несколько женщин — флотских; за тридцатой переборкой ближе к носу была женская часть — и два вооруженных МП день и ночь несли вахту у двери туда. В бою эта дверь, как и все гермодвери, задраивалась наглухо; броска никто из нас не пропускал.

Офицеры на дежурстве имели право заходить за тридцатую переборку, и все офицеры, включая лейтенанта, ели в тамошней смешанной столовой. Однако они там не задерживались, только ели и выходили. Может, на других корветах и по-другому, но на «Роджере Янге» было принято так. И лейтенант, и капитан Деладрие хотели, чтобы на корабле все было в порядке, — и так оно и было. И все-таки нести охрану было привилегией. Вроде как отдыхом — стоишь у двери, оружие наготове, пятки вместе, хорошо… И не думаешь ни о чем… Разве что становится теплей на душе при мысли, что сейчас, если повезет, ты можешь увидеть создание женского пола, пусть даже ты

не имеешь права заговорить с ней не иначе, как по делу. А однажды меня даже вызвали в кабинет капитана, и она говорила со мной — так вот посмотрела прямо на меня и сказала:

— Передайте это, пожалуйста, главному механику.

Кроме чистки, в мои ежедневные обязанности по кораблю входило обслуживание электронного снаряжения под наблюдением «падре» Мигелаччо, командира первого полувзвода, примерно так я раньше работал под руководством Карла. Броски происходили не часто, и все каждый день работали. Если уж человек совсем ничего не умел, то драил переборки, которые, помнится, никогда не были настолько чистыми, чтобы это устраивало сержанта Джелала. Все шло по правилам МП — все дерутся и все работают. Нашим главным коком был Джонсон, сержант второго полувзвода, здоровенный дружелюбный детина из Джорджии — той, что в западном полушарии, не путайте, и поваром он был замечательным. К тому же у него всегда можно было что-нибудь выклянчить — он сам любил перекусить между приемами пищи и не видел причин отказать в этом другому.

Заботами падре, возглавляющим одно отделе-

ние, и кока, возглавляющим другое, мы всегда были в полном порядке — и душой и телом. Но если, скажем, оба попадут в переделку — кого из двух пойти выручать? Мнения по этому поводу расходились, возникали постоянные споры, но окончательное предпочтение так и не определилось.

«Роджер Янг» постоянно был в деле, и мы совершили немало бросков, все в разные места. Каждый бросок отличался от других ровно настолько, чтобы баги не могли раскусить схему нападения. Но спланированных крупных боев больше не было; мы занимались одиночными набегами, рейдами и патрулированием. На самом деле Земная Федерация была не способна на масштабные действия — операция «Багхауз» стоила нам слишком много кораблей и слишком много обученных солдат, необходимо было время, чтобы выправиться и обучить побольше народа.

В то же время маленькие быстрые кораблики — среди них «Роджер Янг» и другие корветы — пытались быть сразу везде, выбить врага из равновесия; наносили удар, а затем уходили. Мы, конечно, несли потери и латали дыры, когда ходили на Санктори за новым запасом капсул. Меня все еще трясло перед бросками, но на деле

они шли не так уж часто, и на Земле мы оставались недолго. А между бросками день за днем проходила корабельная жизнь с Дикобразами.

Это был счастливейший период в моей жизни, хотя я этого и не сознавал, — просто жил, как все, и наслаждался жизнью.

И все было отлично, пока не погиб лейтенант.

Похоже, во всю мою жизнь не было мне так плохо.

Для горя у меня имелась еще и личная причина — моя мама была в Буэнос-Айресе, когда баги разрушили его.

Я узнал об этом, когда мы в очередной раз пришли на Санктори за капсулами и почтой — мне пришло письмо от тети Элеоноры. Она не указала, что письмо — на дальнее расстояние, и шло оно очень долго, будто своим ходом. Там было три строчки, и все — сплошные упреки. В общем, она обвиняла меня в смерти мамы. То ли я был виноват в том, что служу в армии и должен был предотвратить рейд багов, то ли она чувствовала, что мама поехала в путешествие из-за того, что меня не было дома, а я должен был быть, — понять было невозможно; и то и другое было в одной и той же фразе.

Я порвал письмо и постарался забыть о нем. Я

решил, что оба родителя мертвы — ведь отец не отпустил бы маму одну в такую дальнюю поездку. Тетя Элеонора об отце не писала, но она не упомянула бы о нем в любом случае — ее привязанности были направлены исключительно на сестру. Я был почти прав: потом я узнал, что отец хотел ехать с мамой, но что-то его задержало, и он остался, с тем, чтобы вылететь следом через день. Но об этом мне тетя Элеонора не написала.

Через пару часов меня вызвал лейтенант и мягко спросил, не хочу ли я остаться на Санктори, пока корабль не вернется из очередного похода. Он сказал, что у меня накопилось довольно много выходных и я заодно могу использовать их. Не понимаю, откуда он узнал о моей потере, но он узнал все-таки. Я отказался и поблагодарил его, сказав, что предпочту подождать и использовать выходные вместе со всеми ребятами.

И я рад, что так поступил. Если бы я остался, то не был бы с лейтенантом, когда он погиб… а если так, то лучше бы мне и на свет не рождаться. Все произошло очень быстро и как раз перед возвращением. Парень из третьего отделения был ранен — не тяжело, но подняться не мог; ПКПВ пошел на помощь — и ему тоже досталось. Лейтенант, как обычно, тут же все заметил, наверное, проверил

их состояние по своим приборам — теперь уже не узнать. Вначале он убедился, что ПКПВ еще жив, а затем подобрал обоих — по одному в каждой руке скафандра.

Он протащил их последние двадцать футов и передал в катер, остальные уже были на борту, оборона снята, и в него попали — насмерть.

Я нарочно не называю имен этих ребят — лейтенант пошел бы на помощь любому из нас или всем сразу — пока сам жив. Рядовым мог быть я — неважно. Какая разница, если нас покинул глава семьи… Глава семьи, носящей его имя, отец, сделавший нас теми, кто мы есть.

После того как лейтенант ушел от нас, капитан Деладрие предложила сержанту Джелалу перейти обедать в столовую на носу, вместе с другим начальством. Но он извинился и отказался. Видели вы когда-нибудь вдову, содержащую семейство так, будто глава семьи просто ненадолго ушел и сейчас вернется? Таков был и Джелли. Он только стал строже с нами, а его обычное «лейтенанту это не понравится» было большим, чем может выдержать человек. Джелли и говорил это нечасто.

Боевой распорядок он почти не менял. Вместо того чтобы повышать всех вокруг, он продвинул

помкомандира второго полувзвода на пост сержанта взвода (временного), оставив командиров полувзводов, которых трудно было кем-либо заменить, на месте, а меня повысил до помощника командира отделения, то есть, значит, в капралы. Сам он вел себя так, будто лейтенант ненадолго отлучился, а он, как обычно, только выполняет его приказы.

Это и спасло нас.

Глава 11

Я не могу предложить ничего, кроме крови, труда, пота и слез.

У. Черчилль, солдат и политик XX века

Когда мы вернулись на корабль из набега на тощих, в котором потеряли Диззи Флореса, и сержант Джелал впервые исполнял обязанности комвзвода в бою, один из артиллеристов, встречавших катер, спросил:

— Ну как оно там?

— Как обычно, — ответил я коротко. Наверное, замечание его было дружеским, но я чувствовал себя очень противоречиво и не в настроении был болтать — тоска по Диззи, гордость, что я все-таки разыскал и доставил его на катер, и горечь оттого, что все это было напрасно, все это мешалось с опустошенностью, но и радостью оттого, что я снова на корабле и можно осмотреть свои руки-ноги и убедиться, что они на своих местах. И кроме того, как можно говорить о броске с человеком, который никогда не ходил в десант?

— Как обычно, говоришь? — переспросил

он. — Весело вам живется… Месяц валяете дурака — полчаса работаете. Мы вот стоим вахту через две, и только успевай поворачивайся.

— Да, похоже на то, — согласился я и пошел к себе. — Некоторые из нас вообще исключительно везучие.

— Эй, служба, не заводись по пустякам, — сказал он вслед.

В чем-то артиллерист был прав. Мы, десантники, вроде авиаторов механизированных войн старого времени — их долгая и нелегкая военная карьера состояла лишь из нескольких часов полетов-боев лицом к лицу с врагом, все остальное — тренировки, подготовки, вылет, возвращение, чистка, подготовка к следующему вылету, а в промежутках — практика, практика и практика. В следующий бросок мы пойдем не раньше чем через три недели, и это будет другая планета другой звезды — еще одна колония багов. И возможно такое только благодаря тяге Черенкова — от одной звезды до другой далековато.

В то время я получил капральские лычки, сержант Джелли назначил меня капралом, а за отсутствием нашего собственного командира утвердила назначение капитан Деладрие. Теоретически я считался временно исполняющим

обязанности, пока в МП не откроется вакансия и назначение не утвердят в штабе, но это ничего не значило — люди гибли так часто, что вакансий было куда больше, чем тех, кто должен их заполнять. Я стал капралом тогда, когда Джелли сказал, что я капрал, а все остальное — канцелярщина.

Но насчет «валять дурака» тот артиллерист загнул. Пятьдесят три скафандра нужно проверять, обслуживать и чинить перед каждым броском, не считая еще оружия и спецэкипировки. Иногда Мигелаччо списывал скафандр, Джелли утверждал списание, а корабельный инженер-оружейник, лейтенант Фарли, решал, что починить скафандр можно лишь на базе, и тогда со склада вытаскивали новый, который требовалось «размораживать», а процесс этот не из простых, не считая того, что парень, которому скафандр достанется, будет еще обкатывать его.

Так что мы были жутко заняты.

Однако и развлекаться успевали. Для этого была масса способов — от игры в «чет-нечет» до соревнования за право именоваться лучшим отделением. И еще у нас был лучший джаз-банд на несколько кубических световых лет (возможно, другого джаз-банда в этом пространстве не было вовсе), с сержантом Джонсом и его трубой. Он

мягко вел партию в гимнах, а когда надо, дудел так, что из стальных переборок вылетали заклепки. А после того как наша капитан Деладрие без всяких расчетов траектории вышла в точку рандеву, чтобы забрать нас, наш взводный металлист, рядовой первого класса Арчи Кемпбелл, изготовил для нее модель «Роджера Янга», и все мы расписались, а Арчи выгравировал наши подписи на металлической подставке под надписью: «Превосходнейшему пилоту Иветте Деладрие с благодарностью от Дикобразов Расжака». Потом мы пригласили ее обедать с нами, и весь обед играл наш Дикобраз-Даунбит-Комбо, а потом самый младший из нас преподнес ей модель. Она прослезилась и поцеловала его — а потом и Джелли, отчего тот побагровел, как свекла.

Раз я получил капральские шевроны, следовало разобраться с Эйсом, ведь Джелли хотел, чтобы я был ПКПВ взвода. Это, конечно, не так уж хорошо — ступенек лучше не пропускать. Мне бы стать сперва командиром отделения, а не прыгать через головы сразу в ПКПВ. И Джелли это знал прекрасно, но я тоже прекрасно знал, что он не хочет слишком уж менять тот порядок, какой был при лейтенанте. Командиров отделений и полувзводов для этого следовало оставить на местах.

Тут для меня возникала такая не шибко приятная проблема: все три капрала, которые как командиры расчетов должны подчиняться мне, на самом деле были старше — и все-таки, если сержант Джонсон найдет свои метр на два в следующем десанте, это не только лишит нас отличного повара, это еще и поднимет меня до командира отделения. А раз так, то не должно быть никаких загвоздок с теми приказами, которые я буду отдавать, и, во всяком случае, в бою не время с ними разбираться. Значит, следует разъяснить обстановку сейчас, до следующего броска.

Проблему представлял из себя Эйс. Он был не только старшим из трех — он был капралом-профессионалом и намного старше меня. Если со мной смирится Эйс, с остальными двумя не будет проблем.

На корабле между нами никаких трений не было. После того как мы вместе выручали Флореса, он стал ко мне достаточно терпимым. С другой стороны, нам и не из-за чего было спорить — корабельные обязанности нас не сталкивали, разве что несение охраны да еще поверка, но тут уж собираются все вместе. Однако это можно было почувствовать. Он не считал меня за командира.

Поэтому, как только появилось время, я пошел

к нему. Он лежал на своей койке и читал книжку — «Космические рейнджеры против Галактики». Неплохие байки, разве что сомнения берут, когда воинская часть проходит через такие переделки с мизерными потерями. Библиотека на корабле была богатая.

— Эйс, я к тебе.

— Чего? — он взглянул на меня. — Нету меня, нету! Мое дежурство кончилось.

— Ты мне нужен сейчас. Оставь книжку.

— Чего тебя свербит? Я главу дочитать хочу.

— Да брось ее, Эйс. Если не можешь оторваться, давай расскажу, чем там кончилось.

— Если расскажешь, шею сверну.

Однако он отложил книжку, сел и приготовился слушать.

— Эйс, я насчет организации командования в отделении — ты ведь старше меня, и надо бы тебе быть ПКПВ.

— А, опять ты про это!

— Точно. Думаю, мне бы надо пойти к Джонсону и попросить его обсудить это у Джелли.

— Ну да?

— Точно. Надо бы именно так.

— Так, значит? Ты, сынок, послушай-ка меня. Я против тебя ничего не имею. Ты здорово держал-

ся, когда мы пошли за Диззи, это точно. Но, если хочешь получить расчет, откопай его где хочешь, только на мой глаз не клади. Не фиг, мои парни для тебя и картошки не станут чистить.

— Это твое последнее слово?

— Точно, первое, последнее и единственное. Я вздохнул.

— Так я и знал. Просто хотел еще раз убедиться. Что ж, ничего не поделаешь. Только вот что. Я тут случайно заметил, что в умывальне не убрано… и, думаю, нам с тобой нельзя этого так оставлять. Так что оставь пока свою книжку. Как Джелли говорит, младшие командиры всегда на дежурстве.

Он не двинулся. Потом сказал тихо:

— Салажонок, думаешь, без этого не обойтись? Я ж говорю, ничего против тебя не имею.

— Похоже на то.

— А думаешь, справишься?

— Да попробую.

— Тогда ладно. Пойдем поглядим, что там такое.

Мы пошли в умывальную, выперли оттуда рядового, собравшегося принять душ, в котором он вовсе не нуждался, и заперли дверь. Эйс сказал:

— Ну как, салажонок, на чем договоримся?

— Ну… я не собираюсь убивать тебя.

— Понято. И костей ломать не будем — ничего такого, что может помешать пойти в следующий десант. Разве что нечаянно что-нибудь случится. Идет?

— Идет. Погоди, надо бы рубаху снять.

— Испачкать боишься…

Эйс расслабился. Я начал снимать рубашку, и он ударил меня в колено. Без злобы. Решительно и без колебаний.

Но моего колена там уже не было — меня тоже кое-чему учили.

Настоящий бой длится, как правило, секунду или две — этого времени достаточно, чтобы убить человека, отключить его или сделать неспособным продолжать бой. Но мы договорились серьезных травм не наносить, а это уже другое дело. Оба мы были молоды, в отличной форме, отлично натренированы и приучены терпеть боль. Эйс был потяжелей, а я, похоже, побыстрее. При таких обстоятельствах все дело в том, кто первым будет выбит из колеи — или кому скорее повезет. Но нам на везение рассчитывать не приходилось — мы ведь солдаты и профессионалы.

Поэтому все затянулось надолго. Утомительно и больно. Подробности были обычными, а поэтому не стоит их описывать. Да и времени на

запоминание подробностей у меня не было.

Потом вдруг оказалось, что я лежу на спине, а Эйс брызжет мне в лицо водой. Он поднял меня и прислонил к переборке.

— Тресни мне.

— А?

В глазах у меня двоилось.

— Джонни… ну, тресни.

Лицо его расплывалось у меня перед глазами. Я с трудом собрался и ударил, изо всех сил. Их едва хватило бы, чтобы убить полудохлого москита. Глаза Эйса закрылись, и он шлепнулся на палубу, а я вцепился в стойку, чтобы не последовать его примеру.

Он медленно поднялся и потряс головой.

— Ладно, Джонни, я все понял. Больше не буду на тебя бычиться… и никто в отделении — тоже. Ладно?

Я кивнул, и голова моя дико заболела.

— Руку?

Я пожал его руку, что тоже было здорово больно.

Наверное, любой знал о ходе войны больше нас, хоть мы и находились собственно на фронте. Это, конечно, было уже после того, как баги через тех тощих вычислили нашу родную планету и

провели налет на нее, уничтожив Буэнос-Айрес и превратив «отдельные инциденты» в настоящую войну; но еще до того, как мы собрались с силами, а тощие объявили войну багам и фактически стали нашими союзниками. Сколько-нибудь эффективную защиту Земли организовали через Луну (мы тогда не знали об этом), но, честно говоря, Земная Федерация проигрывала войну.

Об этом мы тоже не знали. Не знали даже, что используются любые средства к развалу альянса против нас и привлечения тощих на нашу сторону. Самое большее, что нам об этом говорили, — инструкции перед рейдом, в котором погиб Флорес, которые гласили: разрушить как можно больше, но убивать аборигенов только в крайнем случае.

Чего человек не знает, того он не расскажет, если его возьмут в плен, и ни наркотики, ни пытки, ни промывание мозгов, ни бесконечное лишение сил не вытянут из него тайны, которую он не знает. Поэтому нам говорили только то, что нам нужно было знать из тактических соображений. Раньше, бывало, солдат оповещали о том, что дела плохи, и после этого проигрывали окончательно, потому что люди не знали, за что они дерутся и зачем, и потому не особо усерд-

ствовали. Но в МП дела обстоят не так. Каждый из нас с самого начала был добровольцем, по той или иной причине — хорошей либо плохой. Но теперь мы деремся потому, что мы — МП. Мы — профессионалы, с настоящим «esprit de corps». Мы были Дикобразами Расжака, лучшим, туды его, взводом, во всей, растуды ее, МП. Мы забирались в капсулы, потому что Джелли говорил «пора», а когда мы прибывали вниз, то дрались потому, что именно для этого предназначены Дикобразы Расжака.

Мы в самом деле не знали, что проигрываем.

Баги — яйцекладущие. И они не просто откладывают яйца, они могут держать их про запас, чтобы потом подогреть и высидеть. Если мы убьем воина, или тысячу, или десять тысяч, то замена будет им разогрета и готова к службе еще до того, как мы прибудем на базу. Если хотите, можете вообразить, как баг, наблюдающий за количеством населения, звонит по фону вниз и говорит:

— Джо, подогрей-ка там десять тысяч воинов, чтобы были готовы к среде… и еще скажи инженерам, чтобы запускали резервные инкубаторы Н, О, П и Р, спрос растет.

Я, конечно, не хочу сказать, что у них все имен-

но так и происходит, но результаты те же. Хотя было бы ошибкой думать, что ими управляет слепой инстинкт, как муравьями или термитами. Их действия так же разумны, как наши (неразумные расы не могут строить звездолеты!), и гораздо лучше скоординированы. Нам нужен минимум год на то, чтобы обучить рядового драться и чтобы его действия соотносились с действиями товарищей. А воин-баг от рождения все это умеет.

Всякий раз, когда мы теряем одного МП на тысячу багов, они могут праздновать победу. Нам приходилось ценой собственной шкуры выяснять, насколько эффективен тоталитарный коммунизм, если народ эволюционным путем приспособлен к нему. Комиссары багов заботились о сохранении солдат не больше, чем мы заботимся об экономии боеприпасов. Возможно, вы заметили, что неприятности с багами очень напоминают те беды, которые доставила Китайская Гегемония Русско-Англо-Американскому Альянсу. С «уроками истории» та беда, что их усваиваешь как следует, только получив по шеям.

Но мы учились. Технические инструкции и тактические установки гласили: опыт каждого боя с багами распространять по всему флоту. Мы

узнали, как отличить рабочих от воинов — если есть время, можно по форме панциря, а если нет, можно и проще: идет на тебя, значит, воин, бежит — рабочий, можешь спокойно повернуться к нему спиной. Мы научились даже не тратить патронов на воинов иначе как для самозащиты — мы просто шли прямо в их норы. Найдя нору, во-первых, следует бросить в нее газовую бомбу, которая взорвется через несколько секунд, выпустив маслянистую жидкость, которая, испаряясь, превращается в нервно-паралитический газ для багов (нам он вреда не приносит). Газ этот тяжелее воздуха и потому продолжает спускаться вниз, а потом ты просто используешь еще одну бомбу — со взрывчаткой — и заваливаешь нору. Мы все еще не знали, проникает ли газ настолько глубоко, чтобы убить королеву, но зато можно было с уверенностью сказать, что багам такая тактика пришлась не по вкусу: наша разведка через тощих и тех, кому удалось вернуться от багов, однозначно подтверждала это. Кроме того, мы полностью вычистили этим способом их колонию на Шеоле. Может, они и ухитрились эвакуировать королеву и мозговиков… но мы хотя бы научились воевать с ними.

Но для Дикобразов Расжака эти газовые бомбы

были просто еще одним видом оружия, который следовало применять согласно приказу, в порядке номеров, — и живо.

Время от времени мы приходили на Санктори за новыми капсулами. Запас капсул приходилось пополнять (как и личный состав), и за этим нужно было возвращаться на базу, даже если генераторы Черенкова позволяют еще дважды облететь Галактику. Как раз перед возвращением пришло уведомление о том, что Джелли утвержден в звании лейтенанта вместо Расжака. Джелли попытался скрыть это, но капитан Деладрие сделала официальное объявление и потребовала, чтобы он приходил есть в столовую с другими офицерами. Но все остальное время он проводил с нами.

Мы уже провели несколько бросков с ним в качестве командира взвода и начали привыкать к отсутствию лейтенанта. Это все еще было тяжело, но ко всему привыкаешь. После назначения Джелала среди ребят пошли толки, что нужно бы нам назваться по имени начальника, как в прочих командах.

Джонсон, как старший, пошел и сказал об этом Джелли, а меня взял с собой ради моральной поддержки.

— Что? — буркнул Джелли.

— Серж… то есть лейтенант. Мы тут с ребятами подумали…

— О чем?

— Ну, ребята, значит, все обговорили и подумали… то есть сказали, что часть надо бы назвать: «Ягуары Джелли».

— Сказали, значит? И сколько ребят хотят носить это имя?

— Все, — просто сказал Джонсон.

— Вот как… Пятьдесят два согласны… я один против. Большинство — против!

Больше эту тему никто не поднимал. Вскоре мы подошли к Санктори. Я был рад оказаться здесь — псевдогравитация на корабле уже два дня была отключена. Пока главный механик возился с ней, мы вынуждены были болтаться в невесомости — что я ненавидел лютой ненавистью. Настоящего космонавта из меня никогда не выйдет. Земля под ногами куда лучше. Весь взвод получил десять дней на отдых и был расквартирован в казармах базы.

Я так никогда и не узнал ни координат Санктори, ни сложного номера его звезды. Лучший способ не проболтаться — ничего не знать. Местонахождение базы — вещь более чем совершенно

секретная; это известно только капитану, офицерам-пилотам, ну и еще кому надо. И, я так понимаю, каждому из них дана гипноустановка совершить самоубийство, чтобы не быть взятым в плен. А мне всего этого лучше и не знать. Ведь даже если допустить возможность захвата лунных баз и самой Земли, то Федерация удержит за собой еще много таких планет, как Санктори, так что даже при таком несчастье еще нет нужды сдаваться.

Однако я могу сказать, какой он из себя — почти как Земля, только более заторможенный в развитии.

Просто недоразвит, как ребенок, который десять лет учится махать ручкой «до свидания», а уж делать из песка пирожки не научится никогда. Он похож на Землю так, как вообще могут две планеты походить одна на другую: тот же возраст, если верить планетологам, и звезда того же возраста и типа, что и Солнце, если верить астрофизикам. На нем полно всякой там флоры и фауны, и атмосфера подходящая, как на Земле, да и климат тоже. Здесь даже Луна есть такая же большая, как у Земли, и приливы такие же.

И со всеми этими прекрасными задатками Санктори с трудом сполз со старта. Условий для

мутаций там абсолютно нет — уровень естественной радиации намного ниже земного. Типичные высокоразвитые формы растительной жизни здесь — громадные примитивные папоротники, а из животных — пранасекомые, не умеющие даже объединяться. Я не говорю о том, что сюда завезли мы — наш материальчик способен был разбить аборигенов наголову.

Раз здешний прогресс сдерживался нулевым уровнем радиации (почти нулевым), а поэтому условий для мутаций не было, санкторианские формы жизни просто не имели никаких шансов к развитию и конкуренции не выдерживали. Их генетический фонд сохранялся неизменным слишком долгое время, они не могли приспосабливаться — как если бы кого-то вынудили играть партию в бридж с одними и теми же картами целую вечность, без всякой надежды на успех.

Пока они конкурировали только друг с другом, все шло тихо — идиоты среди идиотов, что тут говорить. Но когда на планету попали соперники, привыкшие к высокой радиации и жесткой конкуренции, туземные виды тут же сошли с дистанции. В общем, все — в пределах школьной биологии… но один умник с исследовательской станции однажды навел меня на одну мысль.

А что же будет с людьми, колонизировавшими Санктори?

Не с проезжими, вроде меня, а с теми, кто родился и живет здесь и чьи потомки будут жить здесь, даже черт знает в каком поколении — что будет с этими потомками со временем? В общем, для отдельного человека отсутствие облучения вовсе не опасно — даже для здоровья полезней: всякие лейкемии и кое-какие формы рака здесь почти неизвестны. Кроме того, сейчас экономическая ситуация сложилась в их пользу: когда они засевают поле земной пшеницей, то даже с сорняками бороться не надо. Земная пшеница вытеснит здесь что угодно.

Но развиваться потомки этих колонистов не будут. Во всяком случае, дальше имеющегося уровня. Тот парень говорил, что они могут немного улучшить свою породу от других причин: свежая кровь, добавляемая иммигрантами, и естественная перетасовка собственных генотипов — но все равно это гораздо меньше, чем эволюционный потенциал Земли или другой обычной планеты. Так что же тогда будет? Может, они останутся на сегодняшнем уровне, пока остальное человечество уйдет далеко вперед, а они будут среди него живыми ископаемыми,

будто питекантроп на космическом корабле?

Или они озаботятся благом потомков и сами начнут регулярно облучаться рентгеном, а может, и производить несколько ядерных взрывов каждый год, чтобы атмосфера выбрасывала радиоактивные осадки? (Для блага потомков примирившись с сиюминутной опасностью переоблучиться.)

Тот малый предсказывал, что никто не будет делать ничего. Он говорил, человек — существо слишком индивидуальное и эгоцентричное и не склонен шибко задумываться о том, что будет потом. Он говорил, что генетическое обеднение каких-то грядущих поколений из-за отсутствия радиации — такая штука, о которой большинство людей вообще не способно беспокоиться. И конечно, это произойдет в очень далеком будущем — эволюция даже на Земле работает очень медленно, так что развитие какого-либо нового вида — это вопрос многих, многих тысяч лет.

Не знаю. Да я, черт побери, в пятидесяти процентах случаев не знаю, как сам поступлю, откуда же мне знать, что станут делать абсолютно чужие мне колонисты? Но в одном я был уверен: Санктори когда-нибудь будет заселен полностью — или нами, или багами. А может, и кем еще.

Это — настоящая Утопия, и, если учесть бедность этого края Галактики планетами, пригодными для обитания, Санктори не пропадет даром, взращивая примитивные формы жизни.

А пока что это — отличное место, во многих отношениях лучшее для проведения выходных, чем Земля. Во вторую очередь — здесь громадное количество штатских, больше миллиона, и все они — не самые плохие экземпляры своей породы. Они знают, что идет война. Больше половины работают на Базе или в военной промышленности, остальные производят пищу и продают ее флоту. Они, можно сказать, кровно заинтересованы в войне и, кроме этих причин, уважают форму и тех, кто носит ее. И никак иначе. Если МП входит в магазин, хозяин говорит ему «сэр» и действительно имеет в виду именно это, даже если собирается всучить ему какую-нибудь ерунду за бешеные деньги.

Ну а в первую очередь, конечно, то, что половина этих штатских — женщины.

Только тот, кто бывал в долгих патрульных полетах, способен как следует понять меня. Там ты ждешь не дождешься своей очереди нести караул ради привилегии стоять два часа из шести спиной к переборке тридцать и слушать их

голоса. Не знаю, может, на кораблях с мужским экипажем полегче… но я говорю про «Роджер Янг». Это здорово — знать, за что ты дерешься, что это не просто плод твоего воображения.

Кроме прекрасной половины штатских, на Санктори в наземных службах работают сорок процентов женщин-госслужащих. Представьте их всех вместе — и получится самое прекрасное зрелище в обозримой Вселенной.

И, кроме этих неоспоримых преимуществ, здесь еще здорово заботятся о том, чтобы выходные твои не прошли даром. Большинство штатских работают на двух работах: у них круги под глазами от недосыпания, чтобы доставить удовольствие тем, кто на службе у правительства. Черчилль-роуд, ведущая от базы к городу, с обеих сторон уставлена заведениями, предназначенными освободить человека от денег, которые ему все равно негде больше потратить, под приятный аккомпанемент музыки, закусок и прочих развлечений.

И если ты даже способен миновать все эти капканы по причине наступившего безденежья, то в городе имеется множество не менее замечательных мест (и девушек тоже), предоставленных нам в бесплатное пользование, — совсем как наш

клуб в Ванкувере, только здесь нам рады даже еще больше.

Санктори, и особенно Санто-город, показался мне местом настолько идеальным, что я даже начал прикидывать, не остаться ли здесь, когда кончится срок моей службы. В конце концов, черт с ними, с потомками (если они вообще будут через двадцать пять тысяч лет) — будут ли у них длинные зеленые щупальца, или только руки да ноги, как у меня. Тот тип, профессор с исследовательской станции, не смог напугать меня последствиями отсутствия радиации: судя по тому, что я вижу вокруг, человеческая раса уже и так развилась дальше некуда.

Никаких сомнений, что джентльмен-бородавочник того же мнения относительно леди-бородавочницы, а раз так, оба мы искренни.

Были тут и другие возможности для отдыха. С удовольствием вспоминаю один вечер, когда столик Дикобразов вступил в дружескую дискуссию с группой флотских (не с «Рождера Янга»), сидевших за соседним столом. Спор был горячий и немного шумный, и несколько полицейских Базы примчались и прервали его посредством парализаторов, как раз когда мы готовили контраргумент. Но все прошло нормально, разве что

за мебель пришлось заплатить — комендант Базы считал, что человеку на отдыхе требуется малость свободы, — до тех пор, пока он не подпадает под что-нибудь из «тридцати одного способа круто подсесть».

Казармы, в которых нас расквартировали, тоже были на высоте — не то чтобы слишком роскошные, но вполне комфортабельные, пищемет здешний работал двадцать пять часов в сутки, и всю работу делали штатские. Ни тебе побудок, ни отбоев — ты на самом деле в отпуске и, если хочешь, можешь вообще не являться в казармы. Впрочем, я возвращался всегда — глупо тратить деньги на отели, когда здесь у тебя чистая мягкая койка. А деньгам найдется лучшее применение. И поспать вволю тоже неплохо — девять часов сна хватает с избытком, и у тебя еще целый день свободен — я отсыпался за все время, прошедшее со дня операции «Багхауз».

Нам было ничуть не хуже, чем в отеле. Мы с Эйсом заняли комнату на двоих в секции для младших командиров. Однажды, когда выходные уже почти подошли к концу, я вернулся под утро и собирался проспать до местного полудня, но Эйс стал трясти мою койку:

— Живо, солдат! Баги атакуют!

Я сказал ему, куда он может засунуть своих багов.

— Вставай, пошли, — настаивал он.

— Тугриков нет.

У меня было свидание с одним химиком с исследовательской станции (конечно, женского пола и очень привлекательной). На Плутоне она познакомилась с Карлом, Карл написал мне и просил разыскать ее, если когда-нибудь попаду на Санктори. У нее были ярко-рыжие волосы и здорово дорогие вкусы. Видно, Карл наболтал ей, что у меня должна быть куча денег, избыток которых не идет мне на пользу, и она решила, что эта ночь как раз подходит, чтобы узнать, что такое из себя представляет местное шампанское. Я не хотел подводить Карла и скрыл, что у меня только жалованье пехотинца. Она получила свое шампанское, а я тем временем пил «напиток из свежих ананасов», как значилось в меню (ананасами он и не пах!). Кончилось все это тем, что я пошел домой пешком — такси почему-то бесплатно не возят. Ладно, дело того стоило. В конце концов, что такое деньги? Я, конечно, имею в виду деньги за багов.

— Ладно, ерунда, — сказал Эйс. — Могу тебе подкинуть — мне вчера ночью повезло. Встретил

одного флотского, без всякого понятия о вероятности.

Словом, я встал, побрился, принял душ, а потом мы пошли к пищемету и взяли по полдюжины крутых яиц, и чего-то вроде картошки, и ветчины, и горячих оладий, и еще разной еды, а потом пошли в город, чтобы поесть как следует. Идти по Черчилль-роуд было жарко, и Эйс решил остановиться в кантине. Я решил посмотреть, может, хоть здесь ананасный напиток настоящий. Настоящим он и здесь не был, зато был холодным. Ну нельзя же требовать всего сразу!

Мы потолковали на эту тему, и Эйс заказал по второму кругу. Я попробовал клубничный напиток — то же самое. Эйс долго глядел в свой стакан, а затем вдруг сказал:

— А ты никогда не думал учиться на офицера?

— Чего? Ты что, с дуба свалился?

— Не-е. Ты погляди, Джонни: война никак не кончается. Это все ерунда, что они там пропаганду людям на уши вешают, мы-то с тобой знаем, что баги успокаиваться не хотят. Так почему бы тебе не подумать о будущем? Как говорится, если хочешь играть в оркестре, то лучше махать дирижерской палочкой, чем таскать громадный барабан.

Слушать такие вещи было удивительно. Особенно от Эйса.

— А ты сам? Ты не собираешься выдвигаться в офицеры?

— Что? Ты, сынок, что-то не то ляпнул. У меня и образования никакого, да еще я на десять лет тебя старше. А твоего образования хватит на вступительные экзамены в офицерское училище. КИ у тебя тоже подходящий. Могу поспорить — если пойдешь в профессионалы, выслужишь себе сержанта еще раньше, чем я. А на следующий день отправишься в училище.

— Нет, ты точно свалился с дуба.

— Ты слушай, что тебе папочка говорит. Не надо бы повторять, но ты достаточно туп, усерден и искренен, чтобы стать офицером. За таким люди куда угодно пойдут. А я — я рожден быть младшим командиром и в способностях ограничен, и не такой энтузиаст, как ты. Когда-нибудь стану сержантом, а потом отслужу свои двадцать лет и уйду в отставку — на какую-нибудь похожую работу, хоть в полицию, что ли… женюсь на прекрасной полненькой даме, у которой запросы невелики, вроде моих, займусь спортом и рыбалкой и буду жить потихоньку в свое удовольствие.

Эйс остановился и перевел дух.

— А ты — ты будешь служить и, может, дослужишься до высокого чина и погибнешь со славой, а я прочитаю об этом в газете и гордо скажу: «Когда-то я знавал его. Что там, я даже давал ему в долг — мы тогда были капралами». Ну, каково?

— Никогда не думал об этом, — тихо сказал я. — Я только хотел отслужить срок.

Он кисло ухмыльнулся.

— Ты что, видел, чтобы у кого-нибудь срок кончился? Все еще думаешь о двух годах?

Он попал в точку. Пока длится война, срок не кончится — по крайней мере у пехотинца. Сейчас разговоры о сроках — это показатель отношения к службе. Те, кто частенько о них упоминает, тот чувствует, что он здесь человек временный, а мы обычно говорим: «Когда кончится эта проклятая война...» А кадровый вояка вообще не говорит таких вещей — ему служить до отставки или до искупления всех грехов.

Хотя, с другой стороны, это и для нас почти так же. Но если захочешь стать кадровым и не сможешь дослужить до двадцати лет... что ж, уговаривать не станут — кому нужен человек, который не желает служить дальше? Только с правом полного гражданства может выйти

неувязочка.

— Может, и больше двух лет, — согласился я. — Но война же не вечно будет длиться?

— Вот как?

— Ну как же…

— Черт меня возьми, если я знаю. Мне об этом не докладывают. Но, похоже, тебя не это заботит, Джонни. Есть девчонка, которая ждет тебя?

— Нет. То есть была, но мы, похоже, «останемся друзьями».

Тут я соврал. Это было просто выдумано, потому что Эйс ожидал чего-нибудь в таком роде. Кармен не была моей девчонкой да и никого не «ждала», хотя иногда писала мне «Дорогой Джонни», когда вообще писала.

Эйс понимающе кивнул.

— Да все они такие. Лучше уж выйдут замуж за штатского, чтобы всегда было кого пилить, когда настроение плохое. Ерунда все это, сынок. Когда выйдешь в отставку, их будет больше, чем нужно нормальному человеку. Да и годы для женитьбы будут более подходящие. Для молодого брак — сплошной кошмар, а для старика — комфорт!

Он заглянул в мой стакан.

— Тошнит меня, когда я гляжу, как ты пьешь эти помои.

— А мне от твоей дряни, думаешь, лучше?

Эйс пожал плечами.

— О вкусах не спорят. Так ты думай, ага?

Ладно.

Вскоре Эйс пошел играть в карты, а я отправился гулять — мне надо было подумать.

Пойти в кадровые? Кроме всяких разговоров об офицерском училище — хочу ли я становиться кадровым? Я ведь пошел на службу, чтобы получить гражданские права, так? А если пойду в кадровые, то буду так же далек от права голосовать, как если бы вовсе не служил… потому что пока носишь форму, голосовать нельзя. Конечно, так и должно быть — ведь если позволить Дикобразам голосовать, какой-нибудь идиот может проголосовать за то, чтобы не ходить в десант. А этого быть не должно.

Стало быть, я хотел выслужить свое избирательное право.

Или нет?

Меня на самом деле так заботила политика? Нет, просто это престижно и почетно — иметь статус гражданина.

Или не поэтому?

Я даже для спасения собственной жизни не смог бы разобраться, зачем пошел на службу.

В конце концов, гражданин — это не просто имеющий право голоса, наш лейтенант был гражданином в высшем смысле этого слова, пусть он и не прожил так долго, чтобы успеть хоть раз проголосовать, — он «голосовал» каждый раз, когда шел в десант.

И я тоже!

В мозгу моем будто зазвучал голос подполковника Дюбуа:

— Гражданство — это вопрос личного отношения, состояние сознания, подсознательная уверенность в том, что целое больше части… и эта часть может гордиться, если отдаст жизнь за то, чтобы целое продолжало жить.

Я все еще не знал, стремлюсь ли заслонить своим одним-единственным телом «родной дом от бедствий войны» — меня все еще трясло перед каждым броском, а «бедствия» выходили очень уж опустошительными. Но все же теперь я понимал, о чем хотел сказать подполковник Дюбуа. МП — это мое, а я полностью принадлежу МП. Что делает вся МП, то делаю и я. Патриотизм для меня слишком туманен и непонятен, но МП заменила мне покинутую семью и братьев, которых у меня никогда не было, и была мне ближе, чем даже Карл. И если я оставлю ее, я пропал.

Так почему бы мне не пойти в кадровые? Отлично. Но что же делать с училищем? Это же совсем другое дело. Я вполне мог себе представить, как отслужу двадцатку, а затем буду прохлаждаться, как описывал Эйс: на груди — планки, на ногах — тапочки… или вечер в Клубе ветеранов, воспоминания о былых временах с товарищами… Но училище? Теперь я услышал Эла Дженкинса — как-то мы спорили о подобных вещах:

— Я рядовой! И собираюсь рядовым и остаться! Пока ты рядовой, с тебя и спросу никакого, кому это надо — быть офицером? Или пусть даже сержантом? Дышишь ведь тем же самым воздухом, верно? И ешь то же самое. Ходишь в те же места и точно так же идешь в бросок. Одна разница — забот никаких!

Эл попал в точку. Что мне дали эти лычки — только лишние неприятности.

И все-таки я знал, что стану сержантом, если мне предложат. Отказаться нельзя — в армии нельзя отказываться, следует выполнять, что говорят. Например, сдавать экзамены.

Но неужели это можно? Неужели я могу стать таким же, как лейтенант Расжак?

И я не заметил, как ноги привели меня прямо к училищу. Вот уж не думал, что меня сюда занесет!

На плацу гоняли рысью роту кадет, и выглядели они точно как салажата в учебном лагере. Солнце припекало, и казалось это все не таким заманчивым, как, скажем, треп в «предбаннике» «Роджера Янга» — там-то меня никто не заставит маршировать дальше тридцатой переборки — я уже закончил свою учебку, можно сказать, свое отмаршировал.

Я немного поглазел на них, взопревших в своей форме, я послушал, как их отчитывают — тоже сержанты. Да, неделя воспоминаний. Я покачал головой и пошел прочь — прямиком в наши казармы и в офицерской половине нашел комнату Джелли.

Он был дома, сидел, задрав ноги на стол, и читал журнал. Я постучал по косяку. Он поднял глаза и буркнул:

— Ну?

— Серж… то есть лейтенант…

— Давай, выкладывай!

— Сэр, я хочу стать кадровым военным. Он опустил ноги под стол:

— Протяни сюда правую руку.

Затем, обругав меня на чем свет стоит, вытянул ящик стола и достал оттуда мои документы.

Он уже приготовил их. Бумаги только ждали

моей подписи. А я даже Эйсу не сказал. Каково?

Глава 12

Для офицера отнюдь не достаточно одного только опыта. Он должен быть джентльменом с широким образованием, манерами, неизменной вежливостью и чувством собственного достоинства… Заслуги подчиненных не должны избегать его внимания, даже если наградой за них будет только похвала. И напротив, он не должен закрывать глаза ни на один проступок подчиненного… Как бы ни были верны политические принципы, за которые мы сейчас сражаемся, кораблями нужно командовать по системе абсолютного деспотизма. Мне кажется, я достаточно ясно объяснил вам, какая ответственность на вас ложится. Мы должны добиться максимума с теми средствами, которые у нас в наличии.

Джон Поль Джонс. 14 сентября 1775. Из письма морскому комитету повстанцев Северной Америки

«Роджер Янг» вновь вернулся на базу за новыми

капсулами и новой живой силой. Эл Дженкинс получил искупление грехов, прикрывая отход; тогда же погиб и падре. И меня следовало заменить. Теперь я носил новенькие лычки сержанта (вместо падре Мигелаччо). Однако у меня было предчувствие, что, как только я уйду с корабля, эти лычки тут же наденет Эйс — я их носил скорее так, для пущей важности. Прощальный подарок от Джелли — меня ведь отправляли в училище.

Все же это не мешало мне гордиться ими. С космодрома я вышел с задранным носом и пошел к пропускному пункту — поставить штампы в мои бумаги. Пока ими там занимались, сзади прозвучал солидный, вежливый голос:

— Простите, сержант, это катер, который только что прибыл, — с «Роджера Янга»?..

Я обернулся, взглянул на его рукав — небольшого роста сутуловатый капрал, наверное, один из наших…

— Папа!

Капрал протянул руки ко мне:

— Хуан! Джонни, маленький мой…

Я обнял его, поцеловал и, похоже, заплакал. Наверное, штатский клерк за конторкой впервые в жизни видел двух целующихся младших командиров. Если б я заметил, что у него хоть

брови подняты — по стенке размазал бы. Но я его вообще не замечал — занят был. Потом вспомнил, что надо забрать у него мои бумаги.

К этому моменту мы уже просморкались и бросили смешить народ.

— Папа, пойдем посидим где-нибудь. Я о многом хочу с тобой поговорить. — Тут я глубоко вздохнул. — Я думал, ты умер.

— Нет, хотя мог. Раз или два. Но, сынок… Сержант, мне действительно нужно знать, что за катер сейчас приземлился. Видишь ли…

— А, это… Он с «Роджера Янга». Я…

Отец ужасно расстроился.

— Тогда мне нужно поторапливаться. Я должен прибыть и доложиться. Но ты ведь скоро вернешься на борт, верно, Хуанито? Или у тебя отпуск?

— Э… нет.

Я прикинул, что к чему. Ну надо же, чтобы так все вышло…

— Пап, я знаю расписание катера. Ты еще час с лишним можешь туда не являться. Назад он пойдет не скоро. Пилот экономит топливо и ждет, когда «Родж» подойдет по орбите ближе — а может, и следующего витка будет ждать, если к первому загрузиться не успеет.

Отец, поколебавшись, сказал:

— Но мне приказано сразу доложиться пилоту первого же катера.

Папа, папа! Неужели тебя так трогают эти инструкции? Девчонке, которая заводит это корыто, плевать, прибудешь ты сейчас или перед взлетом. Все равно они дадут позывной корабля за десять минут и обо всем объявят. Ты обязательно услышишь!

Он наконец позволил увести себя в свободный угол. Когда мы сели, он добавил:

— Ты полетишь на этом же катере, Хуан? Или позже?

Я показал ему мои бумаги, это был самый простой способ сообщить новость. Корабли, разошедшиеся в ночи, как в истории про Эванджелину! Случится же такое!

Он просмотрел бумаги, и на глазах его показались слезы, а я виновато сказал:

— Пап, я постараюсь вернуться обратно. Другой части, кроме Дикобразов, мне не надо… да еще если там будешь и ты… я понимаю, что огорчил тебя, но…

— Ты вовсе не огорчил меня, Хуан.

— Как?

— Я горд. Мой сын станет офицером. Мой

маленький Джонни… Нет, я и огорчен тоже — слишком долго ждал сегодняшнего дня… Но могу и еще малость подождать.

Он улыбнулся сквозь слезы:

— Ты вырос, парень. И возмужал.

— Да, похоже… Но, пап, я ведь пока не офицер и, может, уже через несколько дней вернусь обратно на «Роджера». Я хочу сказать, что меня ведь могут и отчислить…

— Пре-кра-ти-те, молодой человек!

— А?

— Все у тебя выйдет. И никаких больше разговоров об «отчислении».

Он вдруг улыбнулся:

— Да, в первый раз приказал сержанту заткнуться!

— Ну я постараюсь, пап. И конечно, изо всех сил буду потом проситься обратно на «Родж». Но…

— Ясно. Твоя просьба ничего не будет значить, пока не откроется вакансия. Ладно, вздор. У нас есть целый час, так не будем тратить его зря. Я так горд тобой, что чуть не лопаюсь по швам. Как ты жил все это время, Джонни?

— Просто замечательно.

Я подумал, что скрывать нечего. У «Дикобразов» отцу будет лучше, чем во всякой другой

части. Все там — мои друзья, они уж позаботятся о нем, присмотрят, чтобы он остался цел. Надо дать телеграмму Эйсу — отец ведь сам никогда не скажет им, кто он такой.

— Пап, а ты давно в армии?

— Чуть больше года.

— И уже капрал?!

Отец невесело улыбнулся.

— Да, по службе теперь растут быстро.

Я и не спрашивал, что он имел в виду. Потери. Вакансий сейчас столько, что солдат на них не хватает. Вместо этого я спросил:

— Но, пап… А возраст твой не мешает тебе быть солдатом? Может, на флоте или где-нибудь в тыловом обеспечении…

— Я хотел в МП, и я здесь, — гордо сказал отец. — И я не старше, чем большинство сержантов, даже младше многих. Если уж я на 22 года старше тебя, так ты готов меня в инвалидную коляску засадить. А ведь возраст тоже дает некоторые преимущества.

Да, в этом что-то было. Я припомнил, как сержант Зим всегда прежде продвигал старших, когда раздавал наши салажьи шевроны. И в лагере отец наверняка был не таким тормозом, как я, — ему-то небось плетей не доставалось. Навер-

ное, он стал младшим командиром перед самым окончанием учебки. Армии нужны солидные взрослые люди в среднем звене, организация эта весьма патерналистская.

Я не стал спрашивать отца, почему он выбрал МП и как попал на мой корабль. Просто от этого мне было тепло — много лучше, чем когда-либо, когда я удостаивался его похвалы. И зачем он пошел на службу — я, похоже, знал. Мама. Никто из нас и словом о ней не обмолвился — тема слишком больная.

А потом я перевел разговор в другое русло:

— А как ты все это время жил? Где был, что делал?

— Тренировался в лагере «Сан-Мартен»…

— Не в «Кюри»?

— Нет, это новый. Но шишки все те же, надо думать.

Только выпустили нас на два месяца раньше — выходных не было. Потом я просился на «Роджер Янг», но вместо этого попал к Добровольцам Макслаттери. Хорошая часть.

— Да, слыхал.

Добровольцы имели репутацию ребят жестких, крутых и серьезных в деле — почти как Дикобразы.

— То есть была хорошая часть. Я несколько раз ходил с ними в десант, и несколько ребят нашли себе могилу, а потом я получил это.

Он поглядел на свои шевроны.

— Когда мы ходили на Шеол, я уже был капралом.

— Ты там был? Я тоже!

В эту минуту отец стал для меня ближе, чем когда-либо в жизни.

— Я знаю. То есть уже потом я узнал, что вы там тоже были. А мы дрались миль на пятьдесят севернее. Мы отражали их контратаку, когда они полезли из-под земли, как летучие мыши из пещеры.

Отец передернул плечами.

— Так что, когда все кончилось, я остался капралом без части. Ее уже не было смысла восстанавливать. И меня отправили сюда. Была еще вакансия у Белых Медведей, но я договорился с сержантом по распределению, и, будто по волшебству, пришла заявка на капрала с «Роджера Янга». И вот я здесь.

— А когда ты пошел на службу?

Как только я задал этот вопрос, я понял, что этого не стоило делать, но надо было увести разговор от Добровольцев Макслаттери — человеку,

потерявшему свою часть, лучше поскорей забыть о ней.

Отец сказал тихо:

— Вскоре после Буэнос-Айреса.

— Понимаю.

Некоторое время отец молчал, а потом мягко сказал:

— Нет, сынок, похоже, ты не все понимаешь.

— Сэр?

— Ммм… даже не знаю, как толком объяснить. Конечно, гибель твоей мамы сыграла большую роль. Но я пошел в армию не только чтобы отомстить за нее. Свою роль здесь сыграл и ты…

— Я?

— Да, ты. Я с самого начала лучше мамы понимал твой поступок, не стоит винить ее, ведь женщины смыслят в таких делах не больше, чем куры в плавании. Мне кажется, я понимал, почему ты пошел на службу, хотя и сомневался тогда, что ты сам это понимаешь… В конце концов, половина моей злости на тебя была из-за того, что ты сделал то, что — я всем сердцем чувствовал — должен был сделать я. Но причиной того, что я пошел на службу, ты, конечно, не был — только дал толчок да помог выбрать род войск.

Отец помолчал.

— Я был в плохой форме, когда ты пошел в армию. Тогда я регулярно ходил к гипнотерапевту — ты и не замечал, верно? — но дальше выяснения, что я глубоко неудовлетворен, мы не пошли. Когда ты ушел, все это вылилось на тебя — но причина была во мне самом, и мы с гипнотерапевтом это знали. Что на нас надвигается беда, я понял гораздо раньше многих. Нам предложили военный заказ еще за месяц до объявления чрезвычайного положения. Мы полностью работали на военные нужды, еще когда ты был в лагере.

Все это время я чувствовал себя лучше, работая для смерти и не имея времени на гипнотерапевта. Но затем нервы расшатались еще пуще. Сынок, ты что-нибудь знаешь о штатских?

— Ну… по крайней мере, говорят они на другом языке, это точно.

— Да, ясней не скажешь. Помнишь мадам Рутман? Когда я закончил учебку, мне дали отпуск на несколько дней, и я поехал домой. Виделся там со многими нашими друзьями, прощался, и ее тоже видел. Ну, она щебечет, как всегда, и говорит: «Так вы, значит, уезжаете? Если будете на Фарэвэй, обязательно разыщите моих лучших друзей — Ригатосов». Ну, я ей как можно деликатней объясняю: мол, Фарэвэй оккупирована, и это

невозможно. Но это на нее не произвело впечатления. Она сказала: «А, ну это ничего — они ведь не военные!»

Отец невесело улыбнулся.

— Да, понимаю.

— Но я забегаю вперед. Как я уже говорил, я был выбит из колеи. Смерть твоей мамы подсказала мне, что делать. Пусть даже мы были друг другу ближе, чем многие, я почувствовал себя свободным. Тогда я перепоручил наш бизнес Моралесу…

— Старику Моралесу? А он справится?

— Да. Должен. Теперь многие из нас проделывают такое, на что никогда не считали себя способными. Я отделил ему приличную долю — знаешь ведь, что сказано по поводу волов молотящих, — а остальное поделил на две части: половину на Армию спасения, половину тебе, когда вернешься. Если вернешься… Ладно, вздор. В конце концов я выяснил, в чем были мои проблемы.

Отец сделал паузу, а потом тихо сказал:

— Я хотел сам принять участие в драке. Я хотел знать, что я мужчина. Не просто производяще-потребляющее животное — мужчина…

И тут, прежде чем я успел что-либо сказать,

из динамика на стене полились звуки: «…сияет в веках, сияет в веках — имя Роджера Янга!», и женский голос сказал:

— Персоналу корвета «Роджер Янг» собраться у катера. Причал Эйч, девять минут.

Отец вскочил и подхватил свои вещи.

— Мне пора. Держи себя в руках, сынок. И чтобы прошел эти экзамены без задоринки, я не посмотрю, что вырос, — выдеру так, что своих не узнаешь!

— Постараюсь, пап.

— До встречи!

Отец заторопился к причалу.

Придя в училище, я доложился сержанту флота, выглядевшему в точности, как сержант Хоу, у него даже не было той же руки. Разве что улыбки сержанта Хоу ему недоставало.

— Кадровый сержант Хуан Рико поступает в распоряжение коменданта, согласно приказу.

Он посмотрел на часы.

— Ваш катер прибыл семьдесят три минуты назад. Что скажете?

И я сказал ему все как было. Он задумчиво потеребил нижнюю губу.

— Да, все уважительные причины я знал наизусть. Но вы, похоже, добавили к ним еще одну.

Ваш отец, ваш собственный отец, действительно назначен на корабль, с которого вы отбыли?

— Чистая правда, сержант. Можете проверить — капрал Эмилио Рико.

— Мы не проверяем все, что говорят наши молодые джентльмены. Мы просто отчисляем их, если выясняется, что они говорят неправду. Ладно. Парень, не решившийся опоздать, чтобы увидеться со своим стариком, нам в любом случае не подошел бы. Забыто.

— Спасибо, сержант. Могу я теперь доложиться коменданту?

— Вы уже доложили ему о своем прибытии.

Он сделал пометку в списке.

— Может, через месяц он и вызовет вас вместе с парой дюжин других. А пока — вот вам ордер на комнату, вот — экзаменационный лист, а начать можете с того, что спорете шевроны. Только не выбрасывайте — может, еще пригодятся. С этого момента вы не «сержант», а просто «мистер».

— Есть, сэр.

— Не называйте меня «сэр» — это мне положено вас так называть, но думаю, вам это не доставит особого удовольствия.

Нет смысла подробно описывать военное училище. Это все равно что учебный лагерь, только

в квадрате и в кубе, да плюс еще учебники. По утрам мы занимались тем же, чем и все рядовые в учебке и в бою, и за это сержанты порой мылили нам шеи. А днем мы становились кадетами и «джентльменами», и отвечали уроки, и выслушивали лекции по громадному количеству предметов: математика, естественные науки, галактография, ксенология, гипнопедия, логистика, стратегия и тактика, связь, военная юриспруденция, ориентирование, спецвооружение, психология командной деятельности — словом, все, начиная с того, как заботиться о личном составе и кончая причинами поражения Ксеркса. То есть как громить все и вся вокруг, заботясь при этом о пяти десятках своих подчиненных, опекая их, любя, ведя их за собой и сохраняя в целости, но ни в коем разе не превращаясь в няньку при них.

Еще у нас были кровати, которыми мы пользовались, правда, гораздо реже, чем хотелось бы, комнаты, душевые и уборные; и на каждых четырех курсантов имелся штатский служитель, заправлявший кровати, убиравший комнаты, чистивший башмаки и раскладывавший нашу униформу к утру и бегавший по разным поручениям, но все это вовсе не для роскоши — просто

нужно было оставить курсантам больше времени для занятий и освободить от того, чему их и так выучили в лагере.

Шесть дней в неделю для работы.
Не ленись и не зевай.
Воскресенье — для нее же,
Да медяшечку надрай.

Или в армейском варианте:

Да портянки постирай.

Вот с каких времен идут эти дела. Взять бы одного из шпаков, которые говорят, что нам делать нечего, да на месяц в такое училище!

А по вечерам и круглый день в воскресенья мы зубрили, пока не слипались глаза и не начинали болеть уши, а потом ложились спать (если ложились) — с гипнопреподавателем под подушкой.

Любимыми нашими маршевыми песнями были: «Армия не для меня, лучше пахарем, как раньше!», «Позабудем ратный труд», «„Не ходи, сынок, в солдаты“, — матушка кричала» и — всеми любимая — «Джентльмен в драгунах»:

Агнец, заблудший неведомо где, бе-е!
Йе-е!

Черный барашек в беде и нужде, бе-е! Йе-е!

Джентльмен, не ведающий святынь,

проклят во веки веков, аминь!

Господи, грешных нас не покинь! Бе-е! Йе-е! Бе-е![1]

И все же я не чувствовал себя несчастным. Наверное, был слишком занят. Здесь уже не было того «перевала», который каждый должен пройти в лагере, всех подстегивала возможность быть отчисленным. Моя слабая подготовка по математике особенно мне досаждала. Сосед мой по комнате, колонист с Гесперуса, парень со странным именем Ангел, ночи напролет просиживал со мной, помогая.

Большинство инструкторов, особенно офицеры, были инвалидами. Помнится, полным набором конечностей и органов чувств обладали только сержанты да капралы — инструкторы по рукопашному бою, — да и то не все. Наш тренер передвигался в мотокресле и носил специальный пластиковый воротник, потому что ниже шеи был полностью парализован. Но язык его работал

---

[1] Примечания: 1
Пер. Гринголъца.

— дай бог, а глаза подмечали все наши огрехи с точностью кинокамеры.

Вначале я удивлялся, почему эти «непригодные по состоянию здоровья» и имеющие право на полную пенсию люди не хотят пользоваться своим правом и не едут домой. Потом я перестал удивляться.

Но высшей точкой всего периода учебы был визит обладательницы черных глазищ лейтенанта космофлота Ибаньес, младшего вахтенного офицера и пилота-стажера корвета «Маннергейм». Карменсита появилась, выглядя потрясающе в белой флотской униформе размером немногим больше промокашки, как раз когда наш класс был выстроен на перекличку перед ужином. Она прошла вдоль строя, и можно было слышать скрип поворачивающихся вслед ей глаз, после чего чистым, отчетливым голоском спросила дежурного офицера, как найти меня.

Дежурный, капитан Чандар, похоже, за всю жизнь даже матери своей не улыбнулся ни разу, но перед маленькой Кармен просто растаял и подтвердил, что я действительно нахожусь здесь. Тогда она печально взмахнула длиннющими черными ресницами и объяснила, что ее корабль скоро отправляется, так что нельзя ли отпустить

меня поужинать в город?

Так я оказался обладателем совершенно неположенной и абсолютно небывалой увольнительной на три часа. Может быть, флотских обучают какой-то особой технике гипноза, а армию обходят стороной? А может, ее секретное оружие было куда старше и малопригодно для МП. В любом случае, я не только прекрасно провел время, но вдобавок мой престиж среди сокурсников достиг небывалых высот.

Вечер был настолько прекрасен, что на следующий день я с треском провалил два урока. Однако встречу омрачала новость о том, что Карл погиб на Плутоне — на их исследовательскую станцию напали баги. Но оба мы уже научились жить при таком положении дел.

Одно меня поразило. За едой Кармен сняла пилотку и оказалось, что ее иссиня-черных волос больше нет. Я знал, что большинство девушек на флоте бреют головы — на боевом корабле нет времени ухаживать за длинными волосами. К тому же они очень мешают при маневрах в невесомости. Черт, да я и сам чуть скальп с себя не снимал, брил голову — так удобней да и гигиеничнее. Но все же образ Кармен, который я держал в памяти, включал в себя копну густых волнистых волос.

Но, знаете, когда к этому привыкнешь, то кажется даже лучше. То есть если с самого начала девушка выглядит здорово, то она, и обрив голову, ничуть не хуже. А еще это помогает отличить флотских девушек от цыплят с гражданки — как масонская булавка или золотые черепа у тех, кто ходил в боевой десант. Конечно, Кармен выглядела необычно, но это только придавало ей достоинства, и я впервые осознал полностью, что она действительно офицер, воин — и в то же время очень симпатичная девчонка.

В казармы я вернулся со звездами в глазах и преследуемый запахом духов. На прощание Кармен поцеловала меня.

Из всего курса училища хочу рассказать лишь об одном предмете. Это была История и Философия Морали.

Я удивился, обнаружив ее в учебном плане. В ней ведь ничего не говорится о ведении боя, о том, как командовать взводом; если она касается войны — когда касается, — то только в отношении вопроса «зачем» драться, а на этот счет каждый уже принял решение еще перед поступлением в училище. МП дерется потому, что он — МП. Я решил, что курс, должно быть, заставляют повторить для тех из нас (примерно для трети), кто не

проходил его в школе. Больше двадцати процентов моих сокурсников были не с Земли (можно удивляться, насколько процент поступающих на службу колонистов выше такого процента для землян), а около трех четвертей — с Земли, из которых некоторые — с присоединившихся территорий или из других мест, где ИФМ может не преподаваться в обязательном порядке. А раз так, то я предполагал, что этот курс освободит мне малость времени для того, чтобы догнать другие, связанные с математикой.

И опять я ошибся. В отличие от школьного курса, этот засчитывался. Хотя и без экзаменов. Конечно, что-то вроде экзаменов там было, а также и контрольные, и зачеты, и всякое такое, но оценок нам не ставили. Требовалось только, чтобы преподаватель решил, что ты достоин быть офицером.

Если же он считал по-другому, то по твою душу собиралась комиссия, и вопрос стоял уже не о том, можешь ли ты быть офицером, но — можешь ли ты дальше оставаться в армии в любом чине, и не важно, если ты здорово владеешь оружием. Они решали — дать тебе дополнительный инструктаж или просто выставить обратно на гражданку.

ИФМ работает как бомба замедленного действия. Порой просыпаешься посреди ночи с мыслью: а что он в тот раз имел в виду? Правда-правда, даже учитывая, что я прошел курс в школе — тогда я просто не понимал, о чем нам толкует подполковник Дюбуа. Что там, маленький был и считал, что этот курс — просто очаровательная выходка маразматиков из министерства образования. Это же не физика и не химия; так почему бы ее не отнести к другим отвлеченным предметам? И причиной этому я считал лишь такие соображения, как приведенное выше.

У меня и в мыслях не было, что «мистер» Дюбуа пытался разъяснить мне, для чего следует драться, пока много позже я не решил, что должен драться во всяком случае.

Так для чего же я должен драться? Не абсурдно ли предоставлять мою нежную кожу насилию со стороны недружелюбных чужаков? Особенно если в любом чине платят не так уж много, рабочий день просто ужасных размеров, а условия для работы и того хуже? И ведь я мог бы в это время сидеть дома, а подобными вещами занимались бы парни с крепкими черепами, которым такие игры доставляют удовольствие… И ведь чужаки,

против которых я дерусь, лично мне ничего не сделали, пока я сам не пришел и не пнул ногой их чайный столик — не глупость ли?

Драться, потому что я МП? Нет, брат, ты уподобляешься павловской собаке. Брось эти штуки и начинай думать.

Майор Рейд, наш преподаватель, был слеп, но обладал не слишком приятной привычкой «смотреть» прямо на тебя, называя твою фамилию. Мы рассматривали события, происшедшие сразу после войны между Русско-Англо-Американским Альянсом и Китайской Гегемонией. 1987 год и далее. Но в этот день мы услышали новость об уничтожении Сан-Франциско и долины Сан-Хоакин; я думал, он скажет что-нибудь об этом. Ведь сейчас уже и штатским должно быть ясно — или баги, или мы. Дерись — или умирай.

Майор Рейд не упомянул о Сан-Франциско. Он хотел, чтобы кто-нибудь из нас, обезьян, дал оценку соглашению, подписанному в результате переговоров в Нью-Дели, и обсудить тот факт, что оно игнорировало военнопленных и, таким образом, отбрасывало эту тему навсегда: прекращение военных действий привело к мертвой точке, и пленные одной стороны остались там, где были, другие же были освобождены и на всем

протяжении беспорядков возвращались домой — или не возвращались, если не хотели.

Жертва майора Рейда перечислила всех освобожденных пленников: уцелевшие из двух дивизионов британских парашютистов и несколько тысяч штатских, захваченных в большинстве своем в Японии, на Филиппинах и в России и обвиненных в «политических» преступлениях.

— Кроме того, — продолжала жертва майора Рейда, — было много других военнопленных, захваченных перед войной и в течение войны, — ходили слухи, что в предыдущих войнах было захвачено много пленных и они не были освобождены. Общее количество неосвобожденных военнопленных было неизвестно. Наиболее вероятная цифра — около шестидесяти пяти тысяч.

— Почему «наиболее вероятная»?

— Э-э… Такая цифра дана в учебнике, сэр.

— Пожалуйста, будьте точнее в выражениях. Это количество было больше или меньше ста тысяч?

— Не знаю, сэр.

— Да и никто этого не знает. Было ли оно больше тысячи?

— Конечно, сэр! Наверняка.

— Еще бы — ведь гораздо больше тысячи в

конце концов бежали и добрались до дома, они известны пофамильно. Я вижу, вы не читали как следует урока. Мистер Рико!

Теперь жертвой был избран я.

— Есть, сэр!

— Является ли тысяча неосвобожденных пленников достаточным поводом для начала либо возобновления войны? Учтите, что миллионы других людей могут быть и несомненно будут убиты в ходе начатой либо возобновленной войны.

Я не колебался:

— Да, сэр! Этого повода более чем достаточно.

— Хм, более чем достаточно. Отлично. Далее — один пленник, не освобожденный врагом, является достаточным поводом для начала или возобновления войны?

Тут я засомневался. Я знал, что ответил бы любой МП, — однако этот ли ответ здесь требуется?

Он резко сказал:

— Давайте же, мистер, давайте! Верхний предел у нас — тысяча. Я предлагаю вам нижний предел — один пленный. Вы ведь не можете платить по векселю, на котором написано: «Что-то между одним и тысячей фунтов», а ведь начать войну — дело гораздо более серьезное, чем выплата

денег. Не будет ли преступлением подвергать опасности страну — а на самом деле две страны — для спасения одного человека? А ведь он, может быть, и не достоин этого. Или, скажем, может умереть, пока идут военные действия? Тысячи людей гибнут ежедневно… так стоит ли беспокоиться ради одного человека? Отвечайте — да или нет, — вы задерживаете класс!

Я рассердился на него и выдал ему ответ МП:

— Да, сэр!

— Что «да»?

— Не важно, сэр, — тысяча или только один. Следует драться.

— Ага! Количество пленных значения не имеет. Хорошо. Теперь обоснуйте свой ответ.

Я замешкался. Я знал, что ответил правильно, — но почему… А он продолжал погонять меня:

— Говорите же, мистер Рико. Это — наука точная. Вы сделали математическое утверждение, теперь его нужно доказать. Кто-нибудь может заявить, что вы неправы, ведь по аналогии получается, что одна картофелина имеет ту же цену — не больше и не меньше, — что и тысяча? Или нет?

— Нет, сэр.

— Почему нет? Докажите.

— Люди — это не картошка.

— Отлично, отлично, мистер Рико! Ну, я думаю, на сегодня достаточно напрягать ваш мозг. Завтра вы предоставите классу письменное доказательство вашего ответа на мой изначальный вопрос — в символической логике. Я даже подскажу вам — посмотрите примечание семь к сегодняшней главе. Мистер Сэломон! Как после смуты образовался наш нынешний политический строй? И в чем его нравственное обоснование?

Сэлли запнулся еще в первой части. Вообще-то никто не может точно сказать, как появилась наша Федерация — просто выросла. Когда в конце XX века один за другим пошли кризисы национальных правительств, что-то должно было заполнить вакуум, и во многих случаях это были ветераны, вернувшиеся с войны. Войну они проиграли, многие из них не имели работы, многие очень болезненно восприняли соглашение в Нью-Дели, особенно этот вопрос с военнопленными, зато драться они не разучились. Но это не было переворотом — это было очень похоже на то, что случилось в России в 1917-м — система разрушается, и на ее месте возникает что-то новое.

Первый известный случай произошел в Абердине (Шотландия) — и он был типичным. Не-

сколько ветеранов объединились в «комитет бдительности», чтобы остановить грабежи и беспорядки, кое-кого повесили (включая и двух ветеранов). Они решили не принимать в свой комитет никого, кроме ветеранов. Вначале только по прихоти — друг другу они хоть немного доверяли, а остальным не верили ни на грош. Но то, что зародилось как экстренная мера, через одно-два поколения стало конституционной практикой.

Наверное, когда эти шотландцы повесили тех двоих ветеранов, они и решили, что, если уж придется это делать, они не желают, чтобы тут участвовали разные «спекулянты, чернорыночники, уклоняющиеся от призыва», — в общем, «шпаки хреновы». Пусть делают, что велено, — понял, нет? — а уж мы, обезьяны, наведем порядок. Я так думаю, потому что сам иногда чувствую то же самое… да и все историки соглашаются, что антагонизм между штатскими и солдатами, вернувшимися с войны, был гораздо сильнее, чем мы можем себе представить сегодня.

— По книге Сэлли всего этого рассказать не смог.

Наконец майор Рейд отстал от него.

— Завтра представите классу письменный от-

вет, три тысячи слов. Мистер Сэломон, можете ли вы назвать мне причину — не историческую, не теоретическую, но практическую причину того, что гражданские права в наши дни имеют только ветераны?

— Потому что это отборные люди, сэр. Они сообразительнее.

— Архиабсурдно!

— Сэр?

— Что, это слово для вас слишком длинно? Я сказал, что ответ ваш глуп. Военные ничуть не сообразительнее штатских. Во многих случаях штатские гораздо смышленнее. Этим, кстати, обосновывали попытку переворота как раз перед Нью-Делийским соглашением, так называемого «Восстания ученых» — дайте, мол, интеллигентской элите порулить, и получите осуществленную утопию. Конечно же, они с самого начала сели в лужу, потому что научные изыскания, несмотря на всю их общественную полезность, сами по себе не способствуют развитию чувства гражданского долга. Те, кто занимается наукой, вполне могут быть лишены гражданской ответственности. Ну, мистер, я дал вам подсказку. Можете вы ответить?

— Военные, сэр, — отвечал Сэлли, — дисципли-

нированны.

Майор Рейд деликатно сказал:

— Извините. Теория красива, но фактами не подтверждается. Ни вам, ни мне, пока мы состоим на службе, не дано избирательных прав, а армейская дисциплина вовсе не обязательно делает человека дисциплинированным внутренне. Преступность среди ветеранов на том же уровне, что и среди штатских. Также вы забываете, что в мирное время многие служат в нонкомбатантских частях, где дисциплина гораздо мягче. Там люди просто изматываются, перерабатывают, подвергаются опасности — однако их избирательные права ничем не отличаются от наших.

Майор Рейд улыбнулся.

— Я задал вам коварный вопрос, мистер Сэломон.

Практическая причина дальнейшего существования нашей политической системы точно такая же, как и для любой другой, — эта система пока работает. Однако не мешает рассмотреть детали. На протяжении всей истории люди старались передать всю полноту власти в те руки, которые смогут эту власть удержать и воспользоваться ею наимудрейшим образом. От этого зависело общее благо. Ранними попытками были абсолютные

монархии, страстно защищавшие «божественное право короля». Временами предпринимались, однако, попытки выбрать монарха получше, чем тот, коего послал бог. Например, когда шведы посадили на свой трон француза, генерала Бернадотта. Но проблема здесь в том, что на всех Бернадоттов не хватит, запас их весьма ограничен. История знает разные примеры политических систем — от абсолютной монархии до полной анархии. Человечество пробовало разные пути, а еще больше таких путей предлагалось. Некоторые — крайне дикие, вроде коммунизма по образцу муравейника, настойчиво рекомендованного Платоном под обманчивым именем «республики». Но намерения всегда сводились к одному: правительство должно быть стабильным и доброжелательным. Все политические формации пытались достигнуть этого, наделяя гражданскими правами тех, в чью способность наилучшим образом ими распорядиться верили. Подчеркиваю, ВСЕ формации — даже так называемые «неограниченные демократии» — лишали избирательных прав не менее четверти населения: по возрасту, месту рождения, уплате избирательного налога, судимости и так далее.

Майор Рейд цинично улыбнулся.

— Я никогда не мог понять, почему какой-нибудь тридцатилетний идиот проголосует мудрее, чем пятнадцатилетний гений. Но — увы, лишь с возрастом можно было получить «божественное право каждого человека». Что ж, им пришлось расплачиваться за свои ошибки. При разных системах правления гражданские права зависели от разных обстоятельств — места рождения, происхождения, расы, пола, богатства, образования, возраста, вероисповедания и так далее. Все эти системы работали, однако, плохо. Все они многими считались тираниями, и все они со временем разваливались либо бывали свергнуты. Наша система отличается от всех, существовавших ранее, и пока что работает отлично. Многие жалуются, однако никто не бунтует. Свобода личности — величайшая в истории, законов немного, налоги низкие, жизненный уровень высок, преступность близка к нулевому уровню. Почему? Нет, не потому, что наши обладатели избирательных прав лучше любых других, это мы уже доказали. Мистер Таммани, можете вы сказать, отчего наша система работает лучше любой другой, когда-либо существовавшей?

Не знаю, где Клайд Таммани получил свою фамилию, — с виду он был похож на индуса. Он

ответил:

— Наверное, это потому, что избирателей очень немного, и они знают, какая ответственность на них лежит… и потому стараются учесть все возможные последствия.

— Давайте не будем гадать, ИФМ — наука точная. К тому же догадка ваша неверна. Облеченные властью в других системах составляли небольшую группу, полностью осведомленную об ответственности, на нее возложенной. Более того, наши полноправные граждане — вовсе не самая малочисленная группа! Вы знаете — во всяком случае, должны знать, — что процент полноправных граждан колеблется от 80 процентов на Искандере до 3 процентов в некоторых областях Земли. Но правительства повсюду примерно одинаковы. И граждане не являются «особенными людьми» — они не имеют выдающейся мудрости, таланта либо специальной подготовки. Так в чем же разница? Ладно, догадок с нас хватит, изложу очевидное. При нашей системе правления каждый избиратель либо государственный деятель — это человек, доказавший добровольной нелегкой службой, что интересы общества для него важнее собственной выгоды. Это — единственное отличие! Человек может быть не таким уж

мудрым, и гражданских достоинств ему может сильно недоставать. Но в целом деятельность его будет много лучше, чем деятельность любого представителя правящих классов в истории.

Майор коснулся специальных старомодных часов для слепых.

— У нас осталось совсем немного времени — но нам еще только предстоит выяснить моральную причину успеха нашей системы. Успех постоянный не может быть следствием случайности! Не забывайте, ИФМ — это наука, а не отвлеченные умствования, ведь Вселенная есть то, что она есть, а не то, чем мы хотим ее видеть. Обладать избирательными правами — значит обладать ВЛАСТЬЮ, из которой происходит вся власть низшего порядка, — как, например, я властен по часу ежедневно, кроме воскресений, портить вам кровь. Если хотите, гражданство есть СИЛА — простая и грубая мощь Скипетра и Топора. Обладают ею десять человек или десять миллиардов — политическая власть есть СИЛА.

Однако вся Вселенная состоит из дуальных оппозиций. Что противоположно власти? Мистер Рико!

Ну, слава богу, тут-то я ответ знаю…

— Ответственность, сэр?

— А-аплодисменты! Причины этому — как практические, так и моральные — выведены математически. Власть и ответственность должны быть равны, в противном случае начнется процесс установления равновесия. Начнется столь же обязательно, как образование электротока между точками с различным потенциалом. Облекать властью безответственного — значит сеять несчастья, а заставить человека отвечать за то, что он не способен контролировать, — глупость! Неограниченные демократии были нестабильны именно оттого, что граждане их не несли никакой ответственности за свои решения — исключая разве что ответственность перед историей. О своеобразном «избирательном налоге», который должны платить мы, тогда и не слыхивали! Никто даже не пытался определить, обладает ли избиратель долей гражданской ответственности, соразмерной его практически неограниченной власти! Если он голосовал за невозможное, случалась беда — ответственность волей-неволей ложилась на него тяжким грузом, которого не выдерживал ни он сам, ни его непрочный храм!

На первый взгляд, наша система отличается от такой лишь в очень малой степени. Ни расой, ни цветом кожи, ни верованиями, ни обстоятель-

ствами рождения, ни здоровьем, ни полом, ни убеждениями. Каждый может заслужить избирательные права в короткий срок и не особенно напрягаясь. Да-да, для наших пещерных предков это не было бы слишком трудной задачей. Но это небольшое отличие разделяет систему, которая работает, так как сконструирована в соответствии с фактами, и систему, имманентно нестабильную. Поскольку суверенные избирательные права есть высший предел человеческой власти, то мы сделали так, что обладатель ее принимает на себя высшую гражданскую ответственность. Мы требуем от каждого, кто желает управлять государством, риска для его собственной жизни, а иногда и саму жизнь — ради этого государства. Если власть максимальна, то и ответственность должна быть на максимальном уровне. Инь и янь, идеальные и равные.

Может ли кто-нибудь сказать, — продолжал майор, — отчего при нашей системе правления еще не бывало попыток переворота? Несмотря на то, что с ними приходилось сталкиваться любому правительству в истории? И несмотря на то, что в адрес нашей системы не умолкают жалобы?

Поднялся кто-то из старших курсантов:

— Сэр, переворот невозможен!

— Правильно. А почему?

— Потому что переворот, вооруженное восстание, требует не простого недовольства, но агрессивности. Тот, кто идет на это, должен быть готов к драке и должен уметь драться — иначе он просто болтун. И если всех агрессивных отделить и воспитать из них овчарок, то овцы не доставят никаких хлопот.

— Прекрасно. Аналогии всегда условны, но эта к истине близка. Завтра принесите мне математическое доказательство. У нас еще осталось время. Вопросы?

— Сэр, а зачем… Зачем нам ограничения? Ввести всеобщую воинскую повинность, и пусть потом все голосуют!

— Молодой человек… Можете ли вы вернуть мне зрение?

— С-сэр… Конечно, нет!

— И тем не менее это сделать легче, чем внедрить такую моральную категорию, как ответственность, в сознание человека, у которого ее нет и который в таком непосильном бремени просто не нуждается. Вот почему поступить на службу гораздо сложнее, чем с нее уволиться. Социальная ответственность на уровне выше семейного либо племенного должна поставить

себе на службу те высший долг и высшую преданность, какие только может развить в себе человек, — обязательно он сам. Если впихивать в него такие вещи силой, он просто извергнет все назад. Так и случалось в армиях при всеобщей воинской повинности. Посмотрите в библиотеке отчеты психиатров — это около 1950 года, «Корейская война» — о пленных, подвергшихся промыванию мозгов. Потом в классе проанализируем.

Он потрогал свои часы.

— Можете идти.

Да, майор Рейд доставлял нам уйму хлопот.

Однако это было интересно. Мне запало в голову одно из замечаний, походя брошенных им. До этого я думал насчет Крестовых походов — казалось, что они все-таки отличаются от прочих войн. Он разбил меня наголову и выдал вот что.

Требуется доказать: война и моральное совершенство всегда происходят от одних и тех же причин.

Краткое доказательство: любая война является результатом возросшего демографического давления. (Да-да, и Крестовые походы — тоже. Стоит прикинуть расположение торговых путей, рождаемость и еще несколько факторов.)

Мораль и все ее правила и нормы вытекают из инстинкта самосохранения. Вести себя в рамках морали — значит вести себя в рамках инстинкта самосохранения.

И Мобильная Пехота будет начеку, в полной готовности защищать человечество.

Ближе к окончанию курса каждого из нас прикомандировали к боевому кораблю для стажировки под руководством офицеров МП. Это было что-то вроде предварительного экзамена — корабельный инструктор вполне мог решить, что тебе не хватает чего-либо важного. Ребята либо возвращались, пройдя испытание, либо мы больше их не видели.

А некоторые просто гибли — корабли ведь боевые.

Нам было приказано держать вещи наготове — однажды перед самым обедом вызвали всех старших курсантов из нашей роты. Они ушли, даже не поев, а я вдруг оказался курсантом — командиром роты.

Как и шевроны рекрут-капрала в учебке, это повышение ничего, кроме хлопот, не обещало, однако через два дня пришел и мой вызов.

С сумкой на плече и в приподнятом настроении я примчался к кабинету коменданта. Меня уже

тошнило от бесконечной учебы, когда глаза болят и перестаешь понимать, что к чему, а в классе выглядишь тормозом из тормозов. Несколько недель в боевой обстановке — вот что позарез нужно Джонни!

Я промчался мимо новичков, в тесном строю рысивших в класс. У всех был угрюмый вид — обычное дело, когда курсант начинает понимать, что может быть и ошибся, пойдя в офицеры. Я запел и остановился только у дверей кабинета.

Двое других были уже здесь, курсанты Гассан и Бирд. Гассан, по прозвищу Янычар, был самым старшим в классе и выглядел в точности как джинн, которого рыбак выпустил из бутылки, а Бирд ростом был чуть больше воробья и не внушал никакого почтения.

Мы были допущены в святая святых. Комендант сидел в колесном кресле — он всегда сидел в нем, исключая воскресные смотры; ходить ему было тяжело. Однако это не значит, что на глаза он показывался редко — бывало, стоишь у доски, решая задачу, оборачиваешься и видишь кресло у себя за спиной, а полковник Нильссен внимательно разглядывает твои ошибки.

Он не прерывал урока, когда входил в класс. Для дежурных был специальный приказ — не

командовать «смирно!», но приход его все равно сбивал с толку. Было такое впечатление, что он способен находиться в полудюжине мест сразу.

Комендант имел постоянный чин генерала флота (да-да, именно тот самый Нильссен!); полковником он был временно, до вторичной отставки, и только ради того, чтобы иметь возможность занять должность коменданта училища. Я как-то спрашивал о нем бухгалтера, и тот сказал, что верно — коменданту платят только как полковнику, хотя стоит ему уйти в отставку, и с того же дня ему пойдет генеральское жалованье.

Что ж, как говаривал Эйс, всяко бывает. Я и представить себе не мог — надо же, отдать половину жалованья за сомнительную привилегию объезжать табун курсантов!

Полковник Нильссен поднял взгляд и сказал:

— Доброе утро, джентльмены. Присаживайтесь.

Я сел, но удобнее мне от этого не стало. Полковник подъехал к автомату-кофеварке, поставил в него четыре чашки, а потом Гассан помог ему донести их до стола. Кофе не хотелось, однако не пристало курсанту отвечать отказом на гостеприимство начальника.

Он отхлебнул кофе.

— Здесь у меня ваши назначения, джентльмены, и ваши временные патенты. Но я хочу убедиться, что ваш статус ясен вам до конца.

На этот счет нас уже инструктировали. Офицерами мы были лишь в той мере, в какой это требовалось для практики и проверки — «временно, сверх штата, на правах стажеров». Самыми младшими, постоянно поправляемыми, совершенно никому не нужными и катастрофически временными. Если вернемся назад, опять станем курсантами, а можем и вылететь в любой момент, стоит экзаменатору пальцем шевельнуть.

Нам временно присвоили «третьих лейтенантов» — чин, нужный армии не больше, чем рыбе зонтик. То есть — как раз между сержантами и настоящими офицерами. Это — нижняя точка «офицерского состава». Если кто-то салютует третьему лейтенанту, это значит, что в казарме слишком тусклое освещение.

— В ваших патентах написано «третий лейтенант», — продолжал полковник Нильссен, — но на платежной ведомости это не отразится, и к вам по-прежнему будут обращаться «мистер». Единственное изменение в форме — звездочка на плече, даже меньше, чем знаки различия для курсантов. Вы продолжаете обучение до тех пор,

пока не выяснится, что вы готовы стать настоящими офицерами.

Полковник улыбнулся:

— Как по-вашему, зачем вообще производить вас в третьи лейтенанты?

Я и сам удивлялся. Для чего нам эти липовые патенты?

Конечно, в учебнике было написано…

— Мистер Бирд?

— Э… Чтоб поместить нас в командную структуру, сэр.

— Именно.

Полковник подкатил к схеме организации командования на стене. Обычная «пирамидка» — командование училищем сверху донизу.

— Посмотрите.

Он указал на квадрат, по горизонтали соединенный с его собственным. В нем было написано: «Помкоменданта (мисс Кендрик)».

— Джентльмены. Мне было бы весьма нелегко руководить училищем без мисс Кендрик. Ее голова — настоящий компьютер, регистрирующий все нужные сведения по мере поступления.

Он нажал кнопку на подлокотнике и сказал в пространство:

— Мисс Кендрик, каковы успехи мистера Бирда

в области военной юриспруденции за последний период?

Ответ последовал немедленно:

— Девяносто три процента, комендант.

— Благодарю вас. Видите? Я подписываю любой документ, завизированный мисс Кендрик. Я и не подписывал бы их вовсе, но было бы очень неловко, если бы в один прекрасный день ревизия установила, что мисс Кендрик слишком часто подписывается моим именем, а я этих бумаг даже не вижу. Скажите, мистер Бирд… Если я вдруг, не дай бог, умру, сможет ли мисс Кендрик вести дело самостоятельно?

— Ну как… — Бирд, похоже, был озадачен. — Я думаю, с повседневными делами она при необходимости спра…

— Она не сможет сделать НИЧЕГО! — загремел полковник. — Пока полковник Чонси не прикажет ей! Мисс Кендрик — женщина умная и, в отличие от вас, понимает, что в структуре подчинения не находится и, стало быть, не имеет никакой власти! «СП» не просто слово, оно так же ощутимо, как удар по лицу! И если я пошлю вас в бой в качестве курсантов, вы в лучшем случае сможете передавать дальше чьи-либо приказы. И если ваш комвзвода получит искупление

грехов, а вы отдадите приказ рядовому — хороший, осмысленный, мудрый приказ! — вы все же будете неправы, отдавая его, а рядовой пойдет под трибунал, если подчинится вам! Потому что курсант не может находиться в структуре подчинения. С точки зрения армии у него нет звания, он не является военным. Он — лишь ученик, готовящийся стать солдатом или офицером. Несмотря на то, что он подчиняется армейской дисциплине, он человек гражданский. И поэтому…

Короче говоря — ноль! Никто, и звать никак! Если курсант даже не состоит на службе…

— Полковник!

— Слушаю вас, молодой человек… мистер Рико. Я и сам себе удивился, однако сказал:

— Но если мы не состоим на службе, значит, мы не МП? Сэр…

Он посмотрел на меня:

— Вам это не нравится?

— Ну… я не уверен, что мне это нравится, сэр. Мне это СОВСЕМ не нравилось! Я чувствовал себя хуже, чем голым!

— Вижу.

Недовольным он не выглядел.

— Ты, сынок, оставь уж мне заботы о вопросах юриспруденции.

— Но…

— Это приказ. Формально вы к МП не относитесь, но МП вас не забыла. МП не забывает своих! Где бы они ни были… Если вы вдруг сию же секунду погибнете, то в крематорий отправитесь, как второй лейтенант МП Хуан Рико… Мисс Кендрик, с какого корабля прибыл к нам мистер Рико?

— С «Роджера Янга», сэр.

— Спасибо. Корвет «Роджер Янг», второй взвод роты Джордж Третьего полка Первой дивизии — Дикобразы.

Произнес он это все с видимым удовольствием, без шпаргалок; разве что ему подсказали.

— Хорошая часть, мистер Рико, — гордая и сильная. И ваш последний приказ мы перешлем, его зачитают под барабанную дробь, и именно так будет выглядеть ваше имя в мемориальном зале. Вот для чего мы производим погибших в офицеры, сынок, — чтобы их можно было воссоединить с товарищами…

На меня накатила волна облегчения и тоски, так что я пропустил несколько слов.

— …И не перебивайте, послушайте. Мы вернем вас к своим, в МП. Вы должны быть временными офицерами, потому что в боевом десанте «зайцам» не место. А пока что вам предстоит драться, и

получать приказы, и отдавать их. Законно — ведь у вас есть звания и назначения в часть. А это делает ваши приказы такими же законными, будто под ними подписался сам главнокомандующий. Более того, находясь в структуре подчинения, вы должны быть готовы в любой момент принять более высокое командование на себя. Если вы пойдете в бой в составе подразделения из одного взвода — и будете помкомандира, когда командир получит свои два квадратных метра, то… Вам его замещать.

Полковник покачал головой.

— Это — не «исполняющий обязанности», и не «курсант-командир», и не «младший офицер на правах стажера». Внезапно вы становитесь Стариком, Начальником, офицером-командующим — и вдруг оказывается, что все бойцы зависят от вас! Вы должны сказать им, что делать, как драться, как выполнить задание и вернуться домой. Они ждут уверенного голоса командира — а секунды убегают, — и это ВАМ нужно подать голос, принимать решения и отдавать верные приказы. И отдавать их уверенным, спокойным тоном — только так, джентльмены! В команде случилась большая беда, и панически дрожащий чужой голос может превратить лучшее подразделение

в Галактике в толпу буйнопомешанных. И это непомерное бремя может пасть на ваши плечи без малейшего предупреждения. И действовать в такой ситуации нужно сразу, помните — над вами сейчас только бог. И в тактических мелочах он разбираться не станет — это ваша работа. А бог сделает все, на что может надеяться солдат… если прежде поможет вам удержаться от паники.

Полковник сделал паузу. Я малость успокоился. Бирди казался ужасно серьезным и совсем юным, а Гассан сдвинул брови. Я захотел вдруг бросить все и вернуться в предбанник «Роджа» рядовым. Ни хлопот, ни забот. О работе помкомотделения говорить легко — а когда доходит до дела, сразу становится ясно, что легче умереть, чем пошевелить извилинами. Полковник продолжал:

— Это — момент истины, джентльмены. К сожалению, военная наука не знает способа отличить настоящего офицера от куклы в погонах, кроме испытания огнем. Настоящий пройдет сквозь огонь или умрет со славой. Подделка — не выдержит, сломается. Иногда процесс ее поломки тесно связан с бесславной смертью. Но вся трагедия в том, что при этом гибнут и другие… Прекрасные люди — сержанты, капралы, рядовые, — которым просто не повезло, они не виноваты в

некомпетентности начальника. Мы стараемся избегать таких потерь. Первым неизменным правилом стало требование, чтобы кандидат был подготовленным и испытанным в бою солдатом. Ветераном, прошедшим огонь и кровь. Ни одна армия в истории не держалась неукоснительно такого правила, хотя некоторые были довольно близки к этому. Величайшие военные училища прошлого — Сен-Сир, Вест-Пойнт, Сандхерст, Колорадо-Спрингс — никогда не пытались сделать это, они брали пареньков с гражданки, обучали, выдавали им патенты и выпускали, даже не проверив, способны ли они командовать людьми в бою. И порой — увы, слишком поздно — выяснялось, что молодой, смышленый с виду офицер — дурак, истерик и трус. Мы исключили ошибки подобного рода. Мы знаем, что вы — настоящие солдаты, смелые и квалифицированные, проверенные в бою, — иначе вас не было бы здесь. Мы знаем, что ваш интеллект и образование не ниже необходимого минимума. Мы заранее устраняем тех, кто может оказаться негодным, отправляем их назад, пока еще не испортили хорошего солдата, заставляя его работать сверх способностей, — все-таки курс обучения тяжел. Ведь то, что придется делать после, — еще тя-

желее. Со временем у нас остается небольшая группа — шансы их выглядят замечательно. Но главному испытанию они подвергнутся не здесь — ведь разницу между боевым командиром и тем, кто просто имеет офицерское звание, невозможно определить в «лабораторных» условиях. Следует провести полевые испытания, и вы, джентльмены, достигли этой стадии. Вы готовы принять присягу?

Воцарилась тишина. Янычар сказал:

— Так точно, сэр.

И мы с Бирдом подтвердили. Полковник сдвинул брови:

— Надо сказать, выглядите вы прекрасно. Абсолютно здоровы, смышленны, тренированны, дисциплинированны, горячи… Просто образцовые молодые офицеры.

Он фыркнул.

— Вздор! Вы можете однажды стать офицерами. Надеюсь, станете. Ведь мы не просто потратили на вас деньги, время и силы. Я все время боюсь, не направил ли на фронт салажонка, сляпанного кое-как, на манер чудовища Франкенштейна. Ведь из-за него может погибнуть целый взвод! Если бы вы как следует понимали, что вам предстоит, у вас пропала бы готовность принимать

присягу в ту же секунду, как вам это предложили. Вы можете отказаться присягать, и тогда я должен буду вернуть вас в прежние части с тем же званием, с которым вы отбыли в училище. Но вы этого пока не понимаете… Что ж, попробую еще раз. Мистер Рико! Вы когда-нибудь пытались представить себе, что чувствует человек, идущий под трибунал за гибель его полка?

Я был ошарашен:

— Нет, сэр. Никогда.

Идти под трибунал — за что бы то ни было — офицеру в восемь раз хуже, чем рядовому. То, за что рядового просто выпорют и вышвырнут вон, равносильно смертному приговору для офицера. Лучше уж вовсе на свет не родиться…

— Так попробуйте, — хмуро сказал полковник. — Когда я предположил, что вашего взводного могут убить, то имел в виду совсем не крайний случай. Мистер Гассан! Чему равно наибольшее число уровней командования, когда-либо выбывавшее из строя на протяжении одного боя?

Янычар нахмурился пуще прежнего:

— Я не уверен, сэр… По-моему, прямо перед «Спасайся кто может!», во время операции «Багхауз», майор командовал бригадой.

— Верно: его фамилия — Фредерике. Он был

награжден и представлен к повышению. Если вспомнить Вторую мировую, то был случай, когда младший морской офицер принял командование крупным кораблем и не только повел его в бой, но и отдавал сигналы так, словно являлся адмиралом. Он был признан невиновным, хотя на корабле оставались офицеры старше его по званию, и даже не раненные. Особые обстоятельства — отказ связи. Но я имею в виду случай, когда были истреблены четыре «ступеньки» комсостава всего за шесть минут. Ну, как если бы командир взвода глазом моргнуть не успел, как оказался командующим бригадой. Может, слышали? Мертвая тишина.

— Хорошо. Это была одна из партизанских войн, вспыхивавших по краям Наполеоновских. Тот молодой офицер был самым младшим на своей посудине — я имею в виду морфлот, парусники. Он был примерно того же возраста, что и большинство ваших сокурсников, и еще не имел патента. И так же, как вы, носил звание «временного третьего лейтенанта». Боевого опыта он, естественно, не имел, и над ним стояли еще четверо старших офицеров. В начале боя его непосредственный начальник был ранен. Парень подобрал его и оттащил в безопасное место.

Это нормально — выручить товарища, — однако он не получал приказа покинуть пост. Пока он занимался этим, другие офицеры получили места в раю, а значит, он, командуя подразделением, оставил пост перед лицом врага. Трибунал. Увольнение.

Я перевел дух.

— Но за что? Сэр…

— Как же? Конечно, мы приходим своим на помощь, однако делаем это не в условиях морского боя и по приказу. Идти на выручку — не основание для оставления поля боя перед лицом врага. Семья этого парня полторы сотни лет пыталась добиться отмены приговора — конечно же, из этого ничего не вышло. Некоторые обстоятельства еще вызывали сомнения, однако в главном сомнений не было — он оставил без приказа свой боевой пост. Конечно, он был зелен, как молодая травка, но достаточно везуч — его не повесили.

Полковник Нильссен остановил на мне ледяной взгляд:

— Мистер Рико! А с вами может случиться подобное?

Я сглотнул.

— Надеюсь, что нет, сэр.

— Я расскажу вам, как такое может случиться

в вашем варианте. Допустим, вы участвуете в операции в составе эскадры кораблей и идете в десант в составе полка. Конечно, офицеры идут в бросок первыми. Это и хорошо, и плохо, но делается из нравственных соображений: ни один боец не попадет на незнакомую планету без командира. Допустим, что баги об этом знают — они действительно могут знать — и перебьют тех, кто приземлится первыми. Но выбить весь десант они не смогут. Теперь допустим, что вы как сверхштатник занимаете любую свободную капсулу и вас не сожгли с остальными офицерами. Что вам следует делать?

— Ну, я не уверен, сэр…

— Вы только что приняли командование полком. Как вы собираетесь командовать, мистер? Думайте быстрее — баги не ждут!

Я припомнил, что об этом говорилось в учебнике, и повторил как попугай:

— Принимаю командование полком и действую по обстоятельствам в рамках тактической задачи, как я ее понимаю, сэр.

— Вот как, — проворчал полковник. — Значит, и у вас будет место в раю — заполучить его в подобной ситуации способен любой дурак. Но вы, я надеюсь, погибнете, сражаясь и отдавая

приказы… Будет ли в них смысл — это уже другой вопрос. Мы не ожидаем, что котенок, вступив в бой с рысью, выйдет победителем, однако даем ему шанс попробовать. Ладно. Встать. Поднять правую руку.

Полковник Нильссен с трудом поднялся на ноги, и через полминуты мы были офицерами — «временно, сверх штата, на правах стажеров».

Я думал, теперь он вручит нам звездочки и отпустит с богом. Мы не должны были покупать их — звездочки тоже были временными, наподобие патентов. Вместо этого полковник опять развалился в кресле и теперь уже был больше похож на обычного человека.

— А знаете, ребята, для чего я рассказал вам, как трудно будет? Я хочу, чтобы вы позаботились обо всем наперед, и распланировали каждый шаг для самого глухого положения вещей, и острее почувствовали, что ваша жизнь — это жизнь ваших бойцов и вы не вправе ею разбрасываться в самоубийственном стремлении к славе. Так же, как не вправе и беречь ее, если ситуация требует самопожертвования… В общем, поднапрягите мозги заранее, не ждите, когда подопрет. Конечно, всего не учесть — но одну вещь… Каков, по-вашему, единственный фактор, способный

спасти вас, когда бремя станет совсем невыносимым? Кто ответит?

Никто не отвечал.

— Смелее, смелее. Вы уже не новички. Мистер Гассан!

— Взводный сержант, сэр, — медленно произнес Янычар.

— Само собой! Скорее всего он старше вас, за его спиной множество бросков, и уж наверняка он знает свою команду лучше, чем вы. А так как на нем не лежит жуткое, парализующее бремя командира, он, возможно, соображает гораздо яснее, чем вы. Попросите у него совета, для этого у вас есть специальный канал связи. Это не лишит его доверия к вам — он привык, что командиры советуются с ним. Если вы пренебрежете этой возможностью, он сочтет вас самоуверенным дураком — и будет прав. Однако не нужно слепо следовать его советам. Используете вы их, или у вас есть свой план — принимайте решения сами и отдавайте приказы. Единственное, что может посеять страх в сердце хорошего взводного сержанта, — если он вдруг поймет, что работает с командиром, не способным принять никакого решения. Нигде и никогда офицеры и солдаты не зависели друг от друга так сильно, как в МП. И

именно сержанты — тот клей, что их скрепляет. Никогда не забывайте об этом!

Комендант развернул свое кресло и подкатил к стоявшему у его стола шкафу со множеством крохотных ящичков. Он выдвинул один.

— Мистер Гассан!

— Сэр?

— Эти звездочки носил капитан Терренс О'Келли во время своего учебного полета. Устраивают они вас?

— С-сэр…

Голос Янычара прервался. Мне почудилось, что на глазах его сейчас покажутся слезы.

— Так точно, сэр.

— Подойдите.

Полковник Нильссен приколол ему звездочки и сказал:

— Носите их с честью, как и ваш предшественник… Но обязательно верните. Ясно?

— Есть, сэр! Я сделаю все, на что способен.

— Не сомневаюсь, мистер Гассан. На крыше ждет аэрокар, ваш катер отбывает через двадцать восемь минут. Выполняйте приказ, сэр.

Янычар, отсалютовав, вышел. Комендант выдвинул еще один ящичек.

— Мистер Бирд, вы не суеверны?

— Никак нет, сэр.

— А я вот — да. Значит, вам не страшно носить знаки различия, принадлежавшие по очереди пяти офицерам, каждый из которых погиб в бою?

Бирд заколебался:

— Никак нет, сэр.

— Хорошо. Потому что эти пять офицеров собрали семнадцать наград — от медали Земли до «Раненого Льва». Подойдите. Та, которая немного побурела, всегда носилась на левом плече — и не вздумайте ее полировать! Постарайтесь, чтобы и на второй не появилось такой же отметины. Если только не будет крайней необходимости — когда она появится, вы поймете. Вот фамилии их прежних хозяев. У вас еще тридцать минут, можете быстро добежать до Мемориального зала и посмотреть, кем они были.

— Есть, сэр.

— Выполняйте приказ, сэр.

Посмотрев мне в глаза, полковник резко сказал:

— Что там у тебя на уме, сынок? Выкладывай.

— Э… Сэр, а можно узнать, что именно случилось с тем третьим лейтенантом, которого уволили?

— А-а… Юноша, на подробности у меня времени

нет, я подскажу вам, где их найти. Бой был первого июня 1813-го, между американским кораблем «Чесапик» и кораблем флота Ее Величества «Шеннон». Посмотрите в «Морской энциклопедии», она должна быть в любой корабельной библиотеке.

Повернувшись к столу с ящичками, он нахмурился.

— Мистер Рико. Я получил письмо от одного из ваших школьных учителей. Он отставной офицер и просил, чтобы вам я дал те же звездочки, которые он носил в своем учебном полете. Я с большим сожалением должен был отказать ему.

— Сэр…

Приятно, конечно, что мистер Дюбуа продолжает следить за моими делами, но что значит — отказать?

— Почему? Потому, что это невозможно. Два года назад эти звездочки не вернули. Сплошные убытки…

Взявшись за один из ящичков, он посмотрел на меня.

— Может, начнете новую пару? Важен не металл, важен тот факт, что ваш учитель хотел, чтобы вы носили его звездочки…

— Как вы скажете, сэр.

— Или, — он покачал ящичек на ладони, — можете взять эти. Их носили пять раз… и последние четверо офицерами не стали. Ничего позорного — неудачное стечение обстоятельств. Может, возьмете на себя труд сделать так, чтобы они начали приносить счастье?

Я скорее согласился бы завести в ванной акулу, но ответил:

— Хорошо, сэр. Постараюсь.

— Отлично.

Он приколол мне звездочки.

— Благодарю вас, мистер Рико. Видите ли… первым носил их я. Будет просто замечательно, если вы исправите их, и они — для начала — принесут удачу вам.

Я будто вырос футов на десять!

— Постараюсь, сэр!

— Я верю, вы сделаете все возможное. Можете выполнять приказ, сэр. Поедете в одной машине с Бирдом. Минуту. Вы взяли с собой учебники по математике?

— Нет, сэр.

— Возьмите. Корабельный контролер веса в курсе относительно вашего багажа.

Я отсалютовал и вышел. Упоминание о математике вернуло меня с небес на землю.

Учебники лежали в моем столе, уже упакованные. Под шпагатом торчал листок. Похоже, полковник Нильссен знает все заранее!

Бирди ждал меня на крыше, возле аэрокара. Кинув взгляд на мои учебники, он усмехнулся:

— Да, тяжеловато. Ладно, если попадем на один корабль, буду тебя натаскивать. Ты на какой?

— «Тур».

— Жалко. Мне — на «Москву».

Мы влезли в машину, я проверил автопилот и защелкнул дверь. Машина взлетела. Бирди добавил:

— Тебе еще ничего. Янычар тащил с собой учебники по трем предметам!

Сам Бирди учился отлично и вовсе не хвастал, когда предлагал репетировать меня. Чистый профессор — только по планкам на груди догадаешься, что тоже свой брат.

Вместо того чтобы учить математику, он преподавал ее. Каждый день один урок он был членом преподавательского состава — как малыш Сюдзуми, учивший нас в лагере Кюри дзюдо. В МП ничего не пропадает даром — а Бирди имел степень бакалавра по математике уже в восемнадцать лет. Естественно, его назначили преподавателем, что не спасало его от вздрючек

на других уроках.

Хотя ему и там нечасто доставалось. В нем удивительным образом сочетались отвага, здравый смысл, солидное образование и могучий интеллект. Такой курсант — потенциальный генерал. К тридцати годам — время ведь военное — он будет командовать не меньше чем бригадой.

Мои претензии не были так высоки.

— Плохо будет, если Янычар провалится.

Про себя я подумал, что будет еще хуже, если провалюсь я.

— Он не провалится, — жизнерадостно ответил Бирди. — Он своего добьется, надо будет — заберется в гипнокабину и даже питаться будет через трубку. А если и провалится, то все равно получит повышение.

— Это почему?

— А ты не знаешь? Его постоянное звание — первый лейтенант. Правда, назначили его в полевых условиях. Если он провалится, то вернется в старую часть в прежнем звании — смотри Устав.

Устав я знал. Если провалюсь я, вернусь назад в сержанты. Все лучше, чем постоянно думать о возможном провале — будто камбалой по морде бьют… А о возможности этой я думал каждый день и каждую ночь!

Но есть же разница…

— Погоди. Он, значит, отказался от звания первого лейтенанта, постоянного… а теперь получил «третьего временно»… чтобы через некоторое время стать «вторым»?! Ты чокнулся? Или он?

Бирди заржал:

— Оба! Ровно настолько, чтобы стать МП!

— Но… Нич-чего не понимаю!

— Вижу. У Янычара не было никакого образования, ему деваться было некуда. Как высоко он мог бы подняться? Я уверен, он мог бы отлично командовать полком в бою — пока кто-то сверху планировал бы для него операции. Но командование в бою — это только часть работы офицера, тем более старшего офицера. Чтоб вести войну или хотя бы спланировать один бой, одну операцию — следут знать теорию игр, символическую логику, оптимизационный анализ, пессимистический синтез и дюжину других головоломных штук. Можешь, конечно, выучить сам, если есть задатки. Но в любом случае ты должен знать все это — иначе выше капитана, ну, в крайнем случае, майора, не подымешься. Янычар знает, что делает!

— Да-а… А полковник Нильссен знал, что Гассан уже офицер?

— Конечно.

— А говорил так, будто не знает… Всем нам прочел одну и ту же лекцию.

— Ту, да не ту. Ты помнишь, когда полковник задавал вопросы, к кому обращался прежде всего? К Янычару.

— Верно, так оно и было.

— Бирди, а ты был в каком звании?

Машина уже снижалась. Он улыбнулся и протянул руку к замку на дверце.

— Рядовой первого класса — я выдвинуться не успел. И провалиться не имею желания.

Я был поражен.

— Тебе, я думаю, не грозит…

Я был здорово удивлен, что Бирд не был хотя бы капралом. А что, с его способностями — только прояви себя в первом же бою и ступай в училище. Сейчас война. Исполнится восемнадцать — и от силы пара месяцев на все дела…

— Ладно, поживем — увидим, — улыбнулся Бирд.

— У тебя все выйдет как надо. Это нам с Янычаром беспокойство, а тебе-то что?

— Ну как… А если у мисс Кендрик на меня зуб!

Он открыл дверцу и присвистнул:

— О! Мой сигнал! Пока!

— До встречи, Бирди!

Но мы больше никогда не встретились, и он не закончил училища. Через две недели его произведут в офицеры, а звездочки его вернутся в училище с восемнадцатой наградой — «Раненый Лев», посмертно.

Глава 13

Вы, ребята, думаете, что в этом проклятом месте с вами, тудыть-растудыть, нянчиться будут… А черта с два!

Приписывается капралу-эллину, командовавшему под Троей. 194 г. до Р. Х.

«Роджер Янг» нес один взвод, и то было тесновато. «Тур» мог взять шесть — и еще оставалось место. «Стволы» позволяли отстрелить всех разом, а потом — еще столько же, если бы на корабле было еще шесть взводов. Но тогда было бы очень тесно — питание посменно, гамаки в коридорах и «предбаннике», ограничения на воду, вдыхать, когда товарищ выдохнет, и постоянно отпихивать чужие локти от своих глаз. Слава богу, «Тур» не нес двойной загрузки, когда я на нем служил!

Скорость его была высока — для переброски больших подразделений в любую точку территории Федерации. На тяге Черенкова — 400 Майкельсонов или даже больше — с такой скоростью на сорок шесть светолет — расстояние от Солнца до Капеллы — уходит всего шесть

недель.

Такой транспорт среднего размера представляет что-то вроде компромисса между армией и флотом. МП предпочитает скоростные корветы на один взвод — они удобны для любой операции. А дай волю флотским, каждый корабль нес бы не меньше полка. Дело в том, что на управление корветом требуется почти такая же команда, как и для громадины, способной вместить полк. Конечно, тут надо больше техников и обслуги — но этим и солдаты могут заняться. В конце концов, они только и делают, что едят да спят, ну еще пуговицы чистят. Не мешало бы, мол, им делом заняться — так все флотские говорят.

Но это что — на самом деле настроения на флоте куда серьезней. Армия, мол, вообще устарела, и давно пора ее упразднить.

Официально они этого не говорят, однако побеседуйте с любым флотским, когда он на отдыхе и чует волю, — в лучшем виде все изложит. Они воображают, что и сами могут вести войну — подойдут к планете, выжгут все внизу, пошлют туда несколько человек, чтобы принять капитуляцию, а дальше пусть за дело берется дипкорпус.

Я согласен, у них есть такие штуки — любую планету в порошок сотрут. Ни разу не видел, но

верю. Может, конечно, я уже устарел, как динозавр, но мне кажется, что они не решают дела. Мы, обезьяны, способны на такое, с чем не справится ни один корабль! А если у правительства отпадет в нас надобность — нас как-нибудь предупредят.

Но скорее всего — и слава богу — в этом споре ни МП, ни флоту не удастся оставить за собой последнее слово. Никто не может стать маршалом, не имея опыта командования полком и боевым кораблем. Пройди через МП, получи порцию шишек, а потом ступай в офицеры флота (Бирди, кажется, так и хочет). Или вначале выучись на пилота, а потом иди в лагерь Кюри — кому как нравится.

И если я встречу человека, который все это превзошел, то что угодно от него выслушаю!

Как большинство транспортов, «Тур» имел смешанный экипаж. Самая чудесная перемена для меня заключалась в праве бывать за «переборкой тридцать». Переборка, отделяющая женское царство от угрюмых, щетинистых личностей, не обязательно носила тридцатый номер — название было традиционным. Кают-компания находилась прямо за ней, а дальше — к носу — продолжалась страна леди. На «Туре» кают-компания служила еще и столовой для жен-

щин-рядовых. Ели они перед нами. Для женщин выделялись и комнаты отдыха — для офицеров и рядовых. Наша комната отдыха располагалась прямо перед «переборкой тридцать» и называлась «карточной».

Кроме общеизвестного факта, что для броска и возврата нужны самые лучшие пилоты — то есть женщины, есть еще одна причина для назначения их на боевые корабли. Это — хорошая моральная поддержка для бойцов.

Забудем на время традиции МП. Можно ли просто так выбросить человека на незнакомую планету без всяких перспектив — помимо кошмарной и быстрой гибели? Идиотизм! А есть ли лучший способ придать ему сил и мужества, чем постоянно держать перед его глазами то, ради чего он идет в бой?

На смешанных кораблях последнее, что слышит солдат перед броском, а может, и перед смертью, — женский голос, желающий ему удачи. И если вы думаете, что это не так уж важно, вы просто не принадлежите к человеческой расе!

На «Туре» было пятнадцать флотских офицеров — восемь дам и семь мужчин. Плюс восемь офицеров МП, считая меня. Нет, конечно, не «переборка тридцать» подвигла меня пойти в училище, но

такая привилегия, как обед в обществе леди, привлекательнее любой прибавки к жалованью. Капитан корабля председательствовала за столом, а мой начальник, капитан Блэкстоун, был вице-председателем. Не из-за звания — трое флотских имели такое же — но в силу должности капитан Блэкстоун уступал в старшинстве лишь капитану корабля.

Каждый раз прием пищи проходил по однажды установленному ритуалу. Мы дожидались в карточной положенного часа, затем, следуя за капитаном Блэкстоуном, шли в кают-компанию и становились у своих кресел. Входила капитан корабля, за ней следовали все флотские дамы. Как только они входили, капитану Блэкстоуну надлежало поклониться и сказать:

— Госпожа председатель… Леди… После чего ей следовало ответить:

— Господин вице-председатель… Джентльмены…

И каждый из нас должен был помочь сесть за стол своей соседке слева и потом сесть самому.

Ритуал как бы демонстрировал, что здесь светское общество, а не заседание штаба. Поэтому всех называли по званиям, только младших флотских офицеров — а из МП одного меня — называли

просто «мистер» и «мисс». Было только одно исключение, вначале сбившее меня с толку.

За первым же обедом я услышал, что капитана Блэкстоуна называют «майор». Между тем знаки различия показывали ясно, что он капитан. Отчего его называли майором, я узнал позже. Двух капитанов на судне быть не может. Поэтому армейского капитана лучше уж поднять на ступеньку, чем совершить святотатство, именуя его титулом, положенным лишь одному верховному монарху. А если на борту, помимо шкипера, находится флотский капитан, занимающий любую должность, то шкипер, даже если он — или она — всего лишь лейтенант, называется не иначе как коммодором.

МП смотрели на весь этот политес как на неизбежное зло, но дурацкие традиции в нашей половине корабля принимали как должное.

Старшинство по обе стороны стола шло по нисходящей. Во главе сидела капитан, по правую руку от нее я, а по правую руку нашего капитана на другом конце стола — младший мичман. Конечно, я гораздо охотнее сел бы рядом с ней, она была очень хорошенькая. Но спланировано было все в деталях — как у испанских дуэний. Я даже не смог узнать ее имени.

О том, что я буду сидеть рядом с капитаном, меня предупредили загодя, но что я должен усадить ее на место, мне никто не сказал. Перед первым обедом она продолжала ждать, и никто не садился. Потом третий помощник толкнул меня под локоть. До этого я только раз был так же смущен — когда в детском садике случился как-то грех… Но капитан Йоргенсен сделала вид, что ничего не произошло.

Когда она поднималась из-за стола — обед кончался. Обычно все успевали как следует поесть, только однажды она просидела за столом всего несколько минут и встала. Капитан Блэкстоун был раздосадован. Он тоже поднялся, но сказал:

— Капитан?

Она приостановилась:

— Слушаю вас, майор?

— Не будет ли капитан любезна распорядиться, чтобы мне и моим офицерам накрыли в карточной?

Она холодно ответила:

— Разумеется, сэр.

И мы пошли в карточную. Но никто из флотских к нам не присоединился.

В следующую субботу капитан воспользовалась своим правом инспектировать МП, находящихся

на борту, — обычно это не делается. Она просто, без всяких комментариев, прошла вдоль строя. Капитан Йоргенсен вовсе не была сторонницей жесткой дисциплины, а когда не сердилась, то улыбалась просто неподражаемо. Капитан Блэкстоун приставил ко мне второго лейтенанта, Ржавого Грэхема, чтобы он гонял меня по математике. Она, уж не знаю как, прослышала об этом и велела капитану Блэкстоуну приказать мне являться к ней и каждый день, в течение часа после обеда, заниматься. Она репетировала меня по математике в своей каюте и жутко ругалась, если находила в моей «домашней работе» ошибки.

Наши шесть взводов составляли две роты — неполный батальон. Капитан Блэкстоун командовал ротой Ди — Бандиты Блэки — и всем подразделением. А наш комбат, майор Ксера, с ротами Эй и Би находился, может быть, даже в другой половине Галактики на «Норманди Бич» — корабле того же типа, что и «Тур». Нами он командовал, только когда весь батальон собирался вместе для крупных операций, — а так капитан Блэки только посылал через него некоторые донесения. Все остальное шло напрямую в штаб флота, дивизии или на базу. У Блэки был сержант — настоящий маг и волшебник, — помогавший

ему управляться со всей канцелярией и командовать ротами в бою.

Административные дела — вещь нешуточная, если армия разбросана на множество светолет и дислоцируется на сотнях кораблей. Когда я был на «Вэлли Фордж», а потом — на «Роджере Янге» и теперь — на «Туре», я принадлежал все к тому же Третьему (Нежные зверюшки) полку Первого дивизиона МП (Поларис). Два батальона, собранные вместе для операции «Багхауз», назывались Третьим полком, но полка я там не видел. Видел только РПК Бамбургера да полчища багов.

Я мог быть назначен к Нежным зверюшкам, состариться и уйти в отставку — и ни разу не увидеть своего полкового командира. У Дикобразов был, например, комроты, но он еще командовал взводом «Шершни» на другом корабле. Я даже фамилии его не знал, пока не прочел в приказе, по которому был направлен в училище.

Есть даже легенда о «потерявшемся взводе» — они пошли в отпуск, а корвет их тем временем был разукомплектован. Их ротный командир только что ушел на повышение, а остальные взводы — тактически разбросаны по всей Галактике. Не помню, что в легенде говорилось о комвзвода, но отпуска, как правило, самое подходящее время

для перевода офицеров в другие части. Теоретически ему должны были прислать замену, но на практике с этим всегда напряженка.

Рассказывали, что целый локальный год этот взвод развлекался в злачных местах вдоль Черчилль-роуд, прежде чем его хватились.

Я не думаю, что все это было на самом деле. Однако ничего невероятного тут нет.

Хроническая недостача офицеров здорово повлияла на мои служебные обязанности. В МП самый низкий процент офицеров среди всех армий в истории. Это — одна из сторон такого уникального явления, как МП. Идея проста. Если у вас есть 10 000 бойцов, сколько из них идут в бой, а сколько — чистят картошку, водят грузовики, копают могилы и перебирают бумаги?

В МП в бой идут все 10 000.

А в войнах XX века на каждые 10 000 бойцов требовалось 70 000 человек обслуги!

Конечно, чтобы перебрасывать нас в место боя, нужен еще флот, но ударная сила — МП — даже на корвете количественно превосходит команду раза в три. Затем требуются еще штатские, чтобы снабжать и обслуживать нас; 10 процентов наших всегда в отпуске, да еще некоторые — лучшие из нас — по очереди отправляются

инструкторами в учебные лагеря.

Если кто-то из МП переходит на канцелярскую работу — то только потому, что он инвалид. Таких единицы — они отказались от заслуженной пенсии, как, например, сержант Хоу или полковник Нильссен, и каждого из них можно считать за двух. Они освобождают здоровых МП от работы, для которой не требуется хорошей физической формы, а нужен лишь боевой дух. Они делают то, чего не могут штатские, — иначе для этого и нанимали бы штатских. Так поступают при необходимости, если работа не требует ничего, кроме смекалки да сноровки.

Но боевого духа за деньги не купить.

Его постоянно не хватает, а потому армия использует его полностью, не давая пропасть ни крохе. По сравнению с населением, которое мы защищаем, мы — самая маленькая армия в истории. МП нельзя нанять за деньги, его нельзя морально либо физически принудить к службе — его даже нельзя удержать, если он захочет уйти. Если за тридцать секунд до броска у него сдадут нервы, он может отказаться лезть в капсулу — и разве что навсегда распростится с правом избирать и быть избранным. Ему тут же выплатят жалованье и уволят в отставку.

В училище на уроках истории нам рассказывали об армиях, которые набирались, как рабы на галеры. Но МП — человек вольный. Идти в десант его побуждает только самоуважение и уважение к своим товарищам. Он горд тем, что он МП, — эта гордость называется моралью, или «esprit de corps».

А корень нашей морали именно в этом — все работают, и все дерутся. МП никогда не старается заполучить легкую, безопасную работу — здесь таких нет. От этого боец уворачивается как может. Любой рядовой, у которого достаточно ума, чтобы отличить свадьбу от похорон, может выдумать причину, мешающую ему драить во время боя каюты или разбирать всякую рухлядь на складе. Это — древнейшее право солдата!

Но все легкие и безопасные работы у нас выполняют штатские. Каждый рядовой — на вес золота, и каждый, забираясь в капсулу, знает, что ВСЕ, начиная с генералов, делают то же. Может, в другом месте или в другое время — какая разница? В бросок идут ВСЕ. Вот почему он лезет в капсулу, хотя сам, возможно, и не осознает этой причины.

Если мы отойдем от этого правила, МП развалится! Только оно связывает нас. Связывает прочнее, чем стальной трос, но действует только

до тех пор, пока идея находится в целости.

Это самое правило — «все дерутся» — позволяет обходиться столь малым числом офицеров.

Об этом я знаю больше, чем хотелось бы, потому что однажды задал на Военной Истории дурацкий вопрос и получил в поощрение задание, которое заставило меня прочитать массу книг: от Галльских войн — «Де белло Галлико», — до классического труда Цзина «Конец Золотого Царствования». Взять, к примеру, идеальную дивизию МП — на бумаге, конечно, в природе идеала не существует. Как много офицеров для нее требуется? Приданные подразделения из других родов войск не в счет; половина из них в бою не участвует, и организованы они иначе. Например, всякие «сверхнормальные», приписанные к Логистике и Связи, сплошь офицеры. И если какому-нибудь человеку с суперпамятью, телепату, экстрасенсу или такому, которому всегда везет, уж так нравится, чтобы я ему честь отдавал, — ладно, мне не жалко. Он ведь ценнее — я не смогу его заменить, даже если двести лет буду учиться. Или взять К-9 — там половина корпуса офицеры, но другая половина — неопсы.

Никто из этих офицеров не находится в структуре командования. Значит, рассмотрим пока

только нас, обезьян. Сколько офицеров нужно, чтобы командовать нами?

Эта идеальная дивизия состоит из 10 800 бойцов, поделенных на 216 взводов. При каждом взводе — лейтенант. Три взвода — рота, значит, еще 72 капитана. Четыре роты — батальон, еще 18 майоров либо подполковников. Шесть полков с шестью полковниками во главе образуют две или три бригады, в каждую нужен генерал-майор. Плюс еще генерал-лейтенант как командир надо всеми.

Всего выходит 317 офицеров. Значит, в дивизии — 11 117 человек.

Здесь нет пустых номеров, каждый офицер ведет в бой свою команду. А всего офицеров — 3 процента, столько и есть в МП. Но у нас комсостав используют несколько иначе. Фактически многие взводы находятся под командованием сержантов, а многие офицеры занимают по нескольку должностей, чтобы выполнять штабную работу.

Даже комвзвода имеет нечто вроде собственного штаба — взводного сержанта.

Однако можно обойтись и без сержанта. С другой стороны, сержант может справиться и в одиночку. Но генералу штаб необходим — тут уж со всеми делами в одиночку не разделаться.

Штабов нужно даже два: большой — для планирования операций и малый — для ведения боя. В связи с недостатком людей боевые офицеры с флагмана и составляют планирующий штаб. Они набраны из лучших матлогиков МП, однако в десант ходят наравне с остальными. Сам генерал идет в бросок вместе с боевым штабом, плюс еще несколько бойцов — из самых крутых. Их задача — не давать туземцам отвлекать генерала от командования операцией, и порой им это удается.

Кроме необходимых штабных должностей, при всяком подразделении, начиная с роты, должен быть заместитель командира. Но офицеров опять-таки не хватает, приходится обходиться без него. Чтобы заполнить все вакансии, необходимы 5 процентов офицеров, но у нас и три с трудом набирается.

А некоторые армии вместо оптимальных пяти, которых МП никогда не набрать, имели и 10, и 15, а иногда вовсе немыслимое количество — 20 процентов офицеров! Звучит это, будто волшебная сказка, но тем не менее факт — особенно для XX века. Что ж это за армия, если офицеров в ней больше, чем капралов, а младших командиров больше, чем рядовых?!

Так организуют армию для того, чтобы про-

играть войну, не иначе! Армия, большинство солдат которой не идут в бой, — просто громадная бюрократическая машина.

Но чем же занимались все эти, прости господи, офицеры?

Можно сказать, ничем! Заведующий офицерским клубом, офицер-идеолог, офицер по физподготовке, офицер по связям с общественностью, офицер — организатор досуга, офицер — заведующий гарнизонным магазином, офицер по транспорту, офицер-юрисконсульт, капеллан, помощник капеллана, младший помощник капеллана, офицер по тому-сему-пятому-десятому… Даже офицер-воспитатель.

В МП все эти должности занимают по совместительству боевые офицеры, а если должность действительно отнимает много времени — то лучше, и дешевле, и без вреда для морального состояния солдат нанять на нее штатского. Но в XX веке доходило до того, что в одной из армий настоящие боевые офицеры вынуждены были носить специальные знаки различия, чтобы как-то отличаться от «гусаров верхом на палочке».

Недостаток офицеров в военное время куда острее — ведь потери среди офицеров всегда особенно велики. А МП не выдаст патент кому

попало, лишь бы заполнить вакансию! Каждый учебный лагерь поставляет примерно одинаковый процент тех, кто способен стать офицером, а процент представляемых к повышению нельзя поднять без снижения качества. На «Туре» должны были быть тринадцать офицеров — шесть командиров взводов, два командира рот, два их заместителя и командир подразделения с адъютантом и замом.

А офицеров было только семь. Да еще — я.

СХЕМА ОРГАНИЗАЦИИ КОМАНДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫМ БАТАЛЬОНОМ В БОЕВЫХ УСЛОВИЯХ

Капитан Блэкстоун (главная должность)
Сержант космофлота

Рота СИ – **Росомахи Уоррена** 1-й л-т Уоррен	**Рота ДИ –** **Черные Стражи Блэки Кап.** Блэкстоун (2-я должность)
1-й взвод: 1-й л-т Байонн	**1-й взвод:** (1 л-т Сильва, госп.)
2-й взвод: 2-й л-т Сукарно	**2-й взвод:** 2-й л-т Хороший
3-й взвод: 2-й л-т Нгуэн	**3-й взвод:** 2-й л-т Грэхем

Меня было поместили под командование лей-

тенанта Сильвы, но как раз когда я прибыл, его отправили в госпиталь. У него начались какие-то очень болезненные судороги. Но это еще не значило, что я буду командовать его взводом. Временный третий лейтенант — для части не подарок; капитан Блэкстоун вполне мог перевести меня к Байонну, а командиром первого взвода назначить сержанта или даже взять третий «портфель» и командовать взводом самому. Он сделал и то и другое, но при всем том назначил-таки меня командиром взвода! Батальонным он поставил лучшего сержанта Росомах, а бывшего батальонного назначил взводным в свой первый взвод. Таким образом, сержант космофлота на время сильно понизился в должности. Затем капитан объяснил мне все кратко и доходчиво. Номинально комвзвода — я, но командовать будет он сам и мой помощник-сержант.

Мне не возбранялось изображать из себя командира — пока веду себя прилично. Мне даже было позволено пойти в бросок командиром взвода. Но одно лишь словечко от моего сержанта командиру роты — и мне конец.

Ничего. Все равно взвод — мой, пока я справляюсь с ним. А если не справлюсь, в таком случае — чем раньше меня выпрут, тем лучше для всех.

Кроме того, куда спокойнее получить взвод вот так, чем в бою, если вдруг убьют командира.

Итак, я взялся за дело всерьез — это мой взвод, как и в СОК теперь написано. Но распределять обязанности я еще не умел как надо и целую неделю крутился среди бойцов гораздо больше необходимого. Блэки вызвал меня в свой кабинет:

— Сынок! Черт бы тебя побрал… Ты соображаешь, что делаешь?

Я неуверенно сказал, что стараюсь получше подготовить взвод к операции.

— Да-а? Ну знаешь ли, успехов ты в этом не достиг. Бойцы взбудоражены, будто пчелиный рой, — и все по твоей милости! Зачем я, по-твоему, приставил к тебе лучшего сержанта всего флота? Вернешься в каюту — повесься за ворот на вешалку и виси, пока не кончится подготовка к операции! А сержант тем временем без помех настроит взвод, как хорошую скрипку.

— Как будет угодно капитану, — мрачно согласился я.

— И еще. Видеть не могу офицеров с ка ДЕТСКИМИ замашками! Забудь это дурацкое обращение в третьем лице, побереги его для генералов и нашего шкипера. Перестань то и дело

расправлять плечи и щелкать каблуками. Офицер не должен выглядеть напряженно, сынок.

— Так точно, сэр.

— И пусть я в последний раз слышу это «сэр»! То же — насчет салюта. И смени ка ДЕТСКУЮ маску на приятную улыбку.

— Есть, с… Хорошо.

— Вот, так-то лучше. Прислонись к переборке. Почешись. Зевни. Что угодно, только не будь оловянным солдатиком.

Я попробовал — у меня ничего не вышло. Оказалось, ломать привычки совсем не легко! Стоять, прислонясь к переборке, было еще труднее, чем «смирно». Капитан Блэкстоун оглядел меня:

— Потренируйся. Офицер не должен выглядеть напряженно или испуганно — это нервирует подчиненных. А теперь скажи, Джонни, чего не хватает твоему взводу? Я не о житейских мелочах, меня не интересует, есть ли у каждого в тумбочке положенное количество носков.

Я поразмыслил.

— Вы, наверное, уже знаете, что лейтенант Сильва собирался рекомендовать Брамби в сержанты?

— Да, а ты что об этом думаешь?

— Ну… Из документов ясно, что Брамби факти-

чески командует полувзводом уже два месяца. Процент эффективности у него хороший.

— Я спрашиваю ваше мнение, мистер.

— Извините. Я не видел его в бою, а потому определенного мнения составить не мог. На борту любой солдат хорош; однако я представляю обстановку так. Он слишком долго занимал сержантскую должность, чтобы можно было перевести его обратно и через его голову сделать сержантом кого-нибудь из командиров отделений. Перед десантом он должен получить третий шеврон — в противном случае его при первой возможности следует перевести в другую часть.

Капитан нахмурился:

— Для третьего лейтенанта ты слишком легко разбрасываешься моими бандитами.

Я покраснел.

— Но это — слабое место во взводе. Брамби должен либо стать сержантом, либо быть переведенным в другую часть. Я не хочу возвращать его на старое место и повышать кого-либо через его голову. От этого он только озлобится, а слабое место будет слабее прежнего. Если ему нельзя дать третий шеврон, он должен отправиться в управление кадрами. Это не будет для него унизительным и оставит ему надежду стать сержантом

в другой команде, вместо того чтобы торчать здесь на мертвой точке.

Вот как? Смеется он, что ли?

— Что ж. После мастерски проведенного анализа поаплодируем вашим дедуктивным способностям, и скажите-ка мне теперь следующее: почему лейтенант Сильва не перевел Брамби в другую часть три недели назад, когда мы были на Санктори?

Об этом я и сам думал. Перевести человека лучше всего сразу, как только ты принял такое решение, — и без предупреждения. И для него, и для команды это лучше, так во всех учебниках написано. Я медленно спросил:

— Капитан, а лейтенант Сильва в то время уже был болен?

— Нет.

И все встало на свои места!

— Капитан, я рекомендую немедленно присвоить Брамби звание сержанта.

Он поднял брови:

— Минуту назад ты собирался перевести его в другую часть…

— Нет, не совсем. Я сказал, что тут одно из двух, но не знал, что именно. А теперь знаю.

— Продолжай.

— Ну… Считая, что лейтенант Сильва офицер знающий…

— Хм-м-м-м-м! Да будет вам известно, мистер, что у Быстрого Сильвы в «форме 31» одна непрерывная цепь пометок: «Отлично — рекомендовать к повышению»!

— Но я знал, что он хороший офицер, — это по его взводу видно. Хороший офицер мог по ряду причин не повысить человека, но не доверить свои соображения бумаге. Но в этом случае ему следовало бы списать бойца с корабля при первой возможности, а этого он не сделал. Следовательно, он решил представить его к повышению. Только я не понимаю, почему он не сделал этого три недели назад, — Брамби еще на отдыхе получил бы третий шеврон.

Капитан Блэкстоун усмехнулся.

— Это оттого, что ты, видно, не считаешь хорошим офицером МЕНЯ.

— Извините?

— Ладно, вздор. Ты выяснил, кто убил малиновку по имени Робин[2]. Думаю, ка ДЕТОЧКЕ остальное знать не обязательно. Но ты, сынок, слушай и запоминай. Пока идет эта треклятая

---

[2] Примечания: 2

Из сериала «Каспер и его друзья»; серия «Малютка Одри — сыщик».

война, НИКОГДА не повышай человека перед возвращением на базу.

— Но почему, капитан?

— Ты говорил, что, коль мы не собираемся повышать Брамби, его следует послать в управление кадрами. Но, если бы его повысили три недели назад, именно в управление кадрами он и попал бы. Там столы ломятся от заявок на младших командиров. А у меня в столе лежит требование из управления на двух сержантов. И отказать я смог только потому, что один из взводных недавно отправился в военное училище, а место одного из командиров отделения уже давно пустует.

В улыбке его появилось нечто зловещее.

— Вот, сынок, до чего война может довести. Стоит только недоглядеть, и твои же сограждане уведут из-под носа лучших бойцов.

Он вынул из ящика стола два листа бумаги. Один был рапортом лейтенанта Сильвы, в котором он рекомендовал Брамби к повышению, и дата на нем стояла месячной давности.

Другой лист был приказом о назначении Брамби сержантом, датированным следующим днем после нашего вылета с Санктори.

— По-твоему, так хорошо?

— А… Да! Конечно!

— Я ждал, что ты отметишь Брамби как слабое место во взводе и скажешь, что надо бы сделать. Ты хорошо все продумал, но мог бы и лучше. Опытный офицер разобрался бы во всем сам, без моих объяснений, только взглянув на СОК, на служебные документы. Да ерунда, со временем опыт придет. А пока что — сделай следующее. Напиши мне такой же рапорт, только дату поставь вчерашнюю. И пусть твой взводный скажет Брамби, что ты представил его к повышению, но не говори, что Сильва сделал то же самое. Ты ведь не знал этого, когда рекомендовал его, так что врать не придется. А когда я вызову Брамби к себе и скажу, что оба его офицера, независимо друг от друга, представили его к повышению, ему будет приятно. Ладно. Еще что-нибудь?

— Да, с организацией все ясно, хотя лейтенант Сильва предполагал поставить Найди на старое место Брамби. В этом случае мы можем повысить одного рядового первого класса до капрала, а четырех рядовых сделать РПК, считая те три вакансии, которые и так есть. Только не знаю — вы сторонник заполнения СОК до отказа или нет?

— Конечно до отказа, — мягко сказал Блэки. — Ведь мы с тобой отлично знаем, что ребятам отпущено не так уж много времени на радости

жизни… Только помни — мы не можем присвоить рядовому ПК, пока он не сходит в боевой десант. По крайней мере, у Черных Стражей так не принято. В общем, прикинь там со взводным, а потом дашь мне знать. Это не к спеху… скажем, сегодня, в любое время до отбоя. Еще вопросы?

— Капитан, скафандры меня беспокоят.

— Не одного тебя.

— Не знаю, как насчет остальных, но у нас пять скафандров надо подогнать, плюс четыре скафандра заменены, да еще два на прошлой неделе забракованы и отосланы на склад. Не представляю, как Кунха и Наварре успеют за оставшееся время расконсервировать все замены да еще проверить остальные сорок один. Даже если хуже не будет.

— «Хуже» всегда бывает.

— Да, капитан. Однако на разогрев и подготовку понадобится 286 человеко-часов, а протестировать остальные — еще 123. Это — по инструкции, обычно выходит больше.

— Ясно. И что же ты думаешь делать? Другие взводы смогут вам помочь, если сами справятся раньше срока, — в чем я сильно сомневаюсь. Но не вздумай пойти на поклон к Росомахам — скорее им может понадобиться наша помощь!

— Капитан… Я не знаю, что вы думаете о моем положении, вы ведь велели не соваться к бойцам… Но когда я был капралом, то помогал сержанту-технику…

— Продолжай.

— А потом и сам стал сержантом-техником. Но мной всегда руководили — сам я никакой спецподготовки не получил. Хотя как помощник я был неплох, и, если позволите, я занялся бы разогревом или тестами, а у Кунхи с Наварре оказалось бы больше времени на все заморочки.

Блэки разулыбался:

— Мистер! Я внимательно изучил Устав, и он ни в одной букве не запрещает офицеру пачкать руки. Я замечал, что некоторые молодые люди, которых ко мне присылали, как будто что-то такое в нем нашли, но… Отлично. Подберите себе комбинезон — незачем пачкать вместе с руками и форму. Теперь ступайте, скажите своему взводному о Брамби, и пусть он подготовит рекомендации на заполнение дыр в СОК — на тот случай, если я сочту нужным прислушаться к вашей рекомендации насчет Брамби. Потом скажешь ему, что все свободное время посвятишь скафандрам, а он пусть займется остальным. Скажи, мол, будут проблемы — тебя можно найти в

оружейной. И не болтай о том, что консультировался со мной — просто отдавай приказы. Ясно?

— Так точно… Ясно.

— Отлично, топай. Будешь проходить через карточную — передай Ржавому привет и скажи, что, если он в силах дотащить старые кости до моего кабинета, пусть зайдет.

Никогда в жизни — даже в учебном лагере — не был я занят так, как в следующие три недели! По десять часов в день я занимался скафандрами — и это далеко не все. Конечно же, математика — ею нельзя было манкировать при таком репетиторе, как Шкипер. Полтора часа в день — на еду. Повседневные мелочи — помыться, побриться, пришить пуговицу, выловить флотского кладовщика, чтобы попасть в прачечную и найти чистое обмундирование за десять минут до поверки. (На флоте есть неписаный закон — помещение обязательно должно быть под замком как раз тогда, когда оно особенно необходимо.)

Несение караула, поверки, смотры, минимум взводных дел — еще час в день. Кроме того, я был «жоржиком». Такой есть в любой части. Это — младший по званию офицер, который занимает еще кучу должностей помимо своих прямых обязанностей, — он офицер по физподготовке,

цензор солдатской почты, спортивный судья, офицер-инструктор, офицер по заочным курсам, прокурор в трибунале, казначей в кассе взаимопомощи, хранитель финансовых ведомостей и реестров, завскладом, наблюдатель за солдатской столовой — эт цетера, ад тошнотум.

Пока мне не привалило этакое счастье, «жоржиком» был Ржавый Грэхем. Он поначалу жутко обрадовался, но тут же увял, когда я захотел поглядеть на все, что принимаю под свою ответственность. Он заметил, что если я такой тормоз, что не доверяю товарищу, то приказ старшего по званию меня наверняка образумит. Я разозлился и потребовал, чтобы этот приказ был отдан в письменном виде в двух экземплярах — оригинал мне, копию начальству.

Ржавый сник — даже второй лейтенант не настолько глуп, чтобы отдавать подобные приказы письменно. Конечно, я не рад был склоке — Ржавый был моим соседом по каюте да еще помогал мне с математикой. Но инвентаризацию мы все же провели. Лейтенант Уоррен отчитал меня за излишнюю въедливость, но все же открыл свой сейф и позволил мне проверить ведомости. Капитан Блэкстоун открыл свой сейф без комментариев; я так и не понял, одобряет ли он мои

действия.

Ведомости были в порядке, но баланс не сходился. Бедный Грэхем! Он принял дела, просто поверив предшественнику, а теперь спросить было не с кого — тот не просто отсутствовал, он погиб. Ржавый провел бессонную ночь (я — тоже), а утром пошел и рассказал Блэки все как есть.

Блэки дал ему выволочку, нашел способы списать большую часть пропаж на «потери в бою». Таким образом недостача сократилась до суммы жалованья за несколько дней, но Блэки оставил склад за Ржавым, откладывая все ревизии на неопределенный срок.

Конечно, не вся работа доставляет «жоржику» столько головной боли. Заседаний трибунала здесь не было — хорошее подразделение в них не нуждается. Цензору тоже нечего было делать — пока корабль идет на тяге Черенкова, почта не отправляется. По сходной причине не было надобности в кассе взаимопомощи. Физкультуру я перепоручил Брамби, а рефери требовался от случая к случаю. Со столовой все было в порядке — я только подписывал меню и иногда инспектировал камбуз, то есть, не вылезая из робы, брал там сандвичи, чтобы перекусить в оружейной. Заочные курсы заставляли повозиться с бумага-

ми — многие, несмотря на войну, продолжали образование, но на это я отрядил моего взводного и одного ПК, исполнявшего обязанности писаря.

И все-таки «жоржиковы» дела каждый день отнимали часа по два, а время у меня было на вес золота.

Сколько же оставалось на отдых? Десять часов — скафандры, три — математика, полтора — на еду, час — на личные надобности, час — на дела взвода, два часа — «жоржиковых» и восемь — для сна. Итого — двадцать шесть с половиной.

А мы ведь даже не на Санктори, где в сутках двадцать пять часов! Мы живем в полете по Гринвичу и универсальному календарю.

Урезать можно было только от сна.

Как-то, около часу ночи, я сидел в карточной и потел над математикой, когда вошел капитан Блэкстоун.

— Добрый вечер, капитан, — сказал я.

— Доброе утро, ты хотел сказать. Что за чертовщина с тобой, сынок? Бессонница?

— Нет, не совсем.

Он поворошил бумаги на столе.

— Что, разве сержант не может заняться документами? А, ясно. Отдых.

— Нет, капитан…

— Сядь-ка, Джонни. Мне нужно с тобой поговорить. По вечерам тебя в карточную не затащишь. Я прохожу мимо твоей каюты — ты сидишь за столом. Когда сосед твой ложится спать — перебираешься в карточную. Что за проблемы у тебя?

— Вот… Никак не успеть.

— И никто не может ВСЕГО успеть. Как со скафандрами продвигается?

— Отлично. Я думаю, успеем.

— И я того же мнения. Видишь ли, сынок, тебе нужно определить, что сейчас важнее. У тебя две внеочередные обязанности. Первая — подготовить экипировку взвода к десанту. С этим у тебя порядок. О самом взводе тебе заботиться не надо, об этом мы уже говорили. Вторая же, не менее важная, — ты должен готовиться к бою. И тут ты тормозишь.

— Я буду готов, капитан.

— Ерунда! И бантик сбоку. Ты не тренируешься и урезаешь свой сон. Это что — подготовка к десанту? Когда ты поведешь в бой взвод, сынок, ты должен быть, что называется, в полной боевой. И поэтому с завтрашнего дня будешь тренироваться от шестнадцати тридцати до восемнадцати ноль-ноль каждый день. А когда в двадцать три ноль-ноль прозвучит отбой и погасят свет, ты

должен быть в постели. И если две ночи подряд не сможешь заснуть в течение пятнадцати минут, пойдешь к врачу на освидетельствование. Это приказ.

— Есть, сэр.

Похоже, что переборки сжали меня и принялись душить.

— Капитан, я не понимаю, как смогу ложиться в двадцать три ноль-ноль, если еще куча дел остается…

— И пусть остается. Я уже сказал, сынок, — всему свое время. Расскажи, на что у тебя уходит день.

Я рассказал. Капитан кивнул:

— Я так и думал.

Он вытащил из бумаг мою домашнюю работу и бросил на стол передо мной.

— Хотя бы это. Конечно, тебе нужно заниматься математикой. Но зачем же так перенапрягаться перед десантом?

— Ну, я думал…

— Именно что НЕ думал. Из твоего положения есть четыре возможных выхода, и только в одном случае возникает необходимость справляться с этими заданиями. Во-первых, ты можешь найти свои метр на два. Во-вторых, ты можешь стать

калекой, и тогда будешь с почестями уволен в отставку. Третий — если ты останешься цел, но получишь в свою форму 31 неблагоприятный отзыв экзаменатора. Экзаменатор — это я, и именно на такой отзыв ты сейчас нарываешься. Знаешь, сынок, я даже не допущу тебя в десант, если глаза твои будут от бессонницы красными, а мускулы — дряблыми от бесконечного сидения за столом. А четвертая возможность — ты возьмешься за ум… в этом случае я могу даже полностью предоставить взвод в твое распоряжение. Так ты, надо думать, и сделаешь, и выдашь замечательное зрелище, как Ахилл с Гектором, а значит, сдашь экзамен с блеском. И вот только тогда тебе понадобится подогнать математику. И, стало быть, пора будет ей заняться. Так мы и порешим — я поговорю со Шкипером. А пока что — отдыхай. Будешь заниматься по дороге на базу. Если ты вернешься на базу. Может, и не вернешься, если будешь делать то, что важнее всего, во вторую очередь. Ступай.

Через неделю мы прибыли в точку рандеву, перешли на атомную тягу и замедлили скорость, пока флот обменивался сигналами. Мы получили общий обзор, план операции, нашу боевую задачу — все это величиной с приличный роман, и

выяснилось, что мы не выбрасываемся.

Конечно, в операции мы участвовали, но вниз нас должны были доставить как благородных — в корабельных катерах. Это стало возможным потому, что Федерация уже контролировала поверхность — вторая, третья и пятая дивизии заняли ее, довольно дорого за это заплатив.

Казалось, овчинка выделки не стоила. Планета Пи была гораздо меньше Земли, гравитация 0,7 «же», поверхность — арктически холодный океан и скалы, покрытые лишайниками, и никакой видимой глазу фауны. Воздухом здешним нельзя было долго дышать — он содержал окислы азота и слишком много озона. Единственный континент был величиной в половину Австралии плюс еще множество мелких островков. В общем, на освоение ее потребовалось бы куда больше сил, чем забрала в свое время Венера.

Но осваивать ее надобности не было. Нас перебросили сюда потому, что на планете, по мнению штаба, были баги и явились они по нашу душу. Из штаба сообщили, что на планете Пи располагается недостроенная база противника (вероятность — 87 % плюс-минус 6 %), которая будет использоваться против нас.

Раз уж планета ничего особенного из себя не

представляла, то разумно было бы поручить ее Флоту. Дрейфуя на безопасном расстоянии, этот нелепый шарик легко можно было сделать негодным для обитания хоть людей, хоть багов. Но у Главнокомандующего насчет этого было другое мнение.

Называлась предстоящая операция рейдом. Нелепо, конечно, называть «рейдом» бой, в котором задействованы сотни кораблей и тысячи бойцов, да, кроме того, Флоту вместе со многими подразделениями МП надлежало держать в напряжении солидные куски территории багов, чтобы те не могли подбросить на планету Пи подкрепление.

Но Главнокомандующий не склонен был мелочиться: сей гигантский рейд мог определить победителя — неважно, придет ли победа уже на будущий год или через тридцать лет. Нам следовало побольше узнать о психологии багов. Нужно ли вырезать всех багов в Галактике? Или можно только строго отделать их и жить в мире? Этого мы не знали: багов мы понимали не больше, чем термитов.

Изучить их психологию можно, только общаясь с ними. Нужно выяснить их побуждения — для чего они дерутся и когда решат, что с них доста-

точно. Для этого корпус Военных Психологов требовал пленников.

Рабочих багов захватить легче всего. Но такой рабочий вряд ли даст нам больше, чем самоходная машина. Можно было захватить и воина, отстрелив ему достаточно ног, чтобы сделать беспомощным, — но они были настолько же тупы, как и рабочие. Конечно, и таких пленников нашим профессорам хватало, чтобы изобрести весьма важные штучки, — вроде того газа, который убивает багов, но безвреден для нас. Его изобрели благодаря исследованиям биохимических процессов у рабочих и воинов. Даже за то недолгое время, как я попал в армию, нам предоставили еще массу видов специального оружия. Но чтобы выяснить, отчего баги дерутся, нам нужны их интеллектуалы. Кроме того, мы надеялись на обмен пленными.

Бага-интеллектуала мы еще ни разу не брали живьем. Мы либо вычищали всю колонию с поверхности, как на Шеоле, либо — что случалось гораздо чаще — наши ребята спускались в их норы и оттуда не возвращались. Так было потеряно много хороших бойцов.

Еще больше наших погибли из-за невозможности вернуться на корабль. Команда оставалась на

планете, потому что ее корабль — или корабли — сбивали. Что случалось с такими командами? Вероятно, дрались до последнего. А еще вероятней — пока не кончалось горючее и патроны, после чего выживших захватить было легче, чем ползунков.

От нынешних наших союзников — тех, тощих, — мы знали, что много наших живы и находятся в плену. Мы надеялись, что их были тысячи, а уж сотни — наверняка. Разведка считала, что пленники отовсюду отправлялись на Клендату; ведь мы для багов представляли такой же курьез, как и они для нас, — подумать только, раса индивидуалов способна строить города, звездолеты, имеет армию — это могло представлять для них еще большую загадку, чем они для нас.

И может быть, мы вернем назад этих пленников!

Но, по суровой логике Вселенной, это могло быть нашей слабостью. Возможно, что раса, не заботящаяся о спасении индивидуумов, может вырезать полностью тех, кто более гуманен. Тощие страдали гуманностью куда меньше нашего, а баги, похоже, вовсе были ее лишены — никто никогда не видел, чтобы один баг пошел выручать другого, хотя бы тот был ранен. В бою они

великолепно были сработаны, однако любое подразделение оставлялось на убой, как только становилось ненужным.

Мы поступаем совсем не так. Как часто вы видите заголовки вроде: «Двое погибли, пытаясь спасти тонущего ребенка»? Если человек потерялся в горах, сотни идут на поиски, и частенько двое или трое спасателей гибнут. Но стоит кому-либо потеряться опять, и снова приходят на помощь много добровольцев.

Арифметически это не выдерживает никакой критики. Но это гуманно. Это проходит через весь наш фольклор, через все религии, через всю литературу — если кто-то нуждается в помощи, не следует высчитывать, во что эта помощь обойдется.

Слабость? Нет, это может быть уникальнейшей силой, которая бросит к нашим ногам всю Галактику!

Но слабость это или сила — у багов такого нет. Значит, обменять солдата на солдата невозможно.

Но в полиархии муравейника некоторые касты ценятся гораздо дороже остальных — на это и надеялись наши психологи. Если мы сможем захватить интеллектуалов живыми и невреди-

мыми, то баги могут пойти на обмен.

А возможно, нам удастся захватить королеву!

Какова ее обменная стоимость? Полк МП? Этого никто не знал, но план предписывал нам захватывать «благородных» — интеллектуалов и королеву — любой ценой, в связи с возможностью обмена их на людей.

Третья цель операции «Ройялти» была разработка методов: как наилучшим образом спускаться, выковыривать багов из нор — как побеждать, не применяя оружия массового уничтожения. Теперь наш солдат превосходил их воина на поверхности, и корабли наши были лучше, чем у них, но когда мы пробовали спускаться за ними вниз, то успеха не достигали.

Если затея с обменом провалится, нам предстояло: а) победить, б) сделать это так, чтобы спасти наших, или — не будем забывать такого варианта — сделать все возможное, но умереть и проиграть войну. Планета Пи была своего рода проверкой с целью определить, сможем ли мы научиться выковыривать багов из-под земли.

Общий обзор был прочитан каждому бойцу, к тому же все прослушивали его при гипноподготовке. Поэтому всякий знал, что делается все ради спасения товарищей; но на планете Пи пленни-

ков не держат — рейдов на нее еще не бывало. Стало быть, не стоит рваться за медалью в дикой надежде спасти кого-нибудь лично. Это просто охота за багами, только с большими силами и новой техникой. Планету собирались чистить как луковицу, пока не станет ясно, что на ней не осталось ни одного бага.

Сперва флотские выжгли все острова и незанятую часть материка до состояния радиоактивного стекла, так что можно было заняться багами, не опасаясь за тылы. Вдобавок Флот организовал плотное патрулирование планеты, обмотав ее орбитами своих кораблей, чтобы сопровождать транспорты и охранять нас, глаз не спуская с поверхности, на случай если баги вдруг прорвутся в тылу, несмотря на всю предварительную бомбежку.

По плану операции, задачей Черных Стражей Блэки было: поддержка Главной Миссии по приказу или, при случае, по своей инициативе, смена другой роты и занятие зоны, охрана подразделений другого рода войск в занятой зоне, поддержка связи с соседними подразделениями МП — и уничтожение любого бага, высунувшего нос из-под земли.

Так что на планету мы прибыли с комфор-

том — сопротивления никакого. Я повел взвод скафандровой рысью. Блэки пошел вперед на встречу с командиром той роты, которую нам предстояло сменить, — выяснить ситуацию и оценить местность. Он умчался к горизонту, будто напуганный заяц.

Кунху с его первым отделением — разведчиками — я отправил на передний край моего участка, а сержанта послал налаживать связь с патрулями Пятого полка. Мы, Третий полк, должны были держать участок в триста миль длиной и восьмидесяти — в ширину. Моя территория была сорок на семнадцать, как раз в переднем углу левого фланга. Позади стояли Росомахи, справа — взвод лейтенанта Хорошина, а за ним — Ржавый.

Наш Первый полк уже заменил полк Пятого дивизиона впереди нас с небольшим перекрытием, отчего они были не только впереди, но и в моем углу. Впереди, сзади, справа, слева — все это определялось по инерционным датчикам командных скафандров; датчики были установлены в соответствии с сеткой по карте операции очень жестко. Линии фронта не было — просто район, а боевые действия в настоящий момент шли только в нескольких сотнях миль от нас — по нашим ориентирам, справа-сзади.

Где-то в том же направлении, милях в двухстах, должен был быть второй взвод роты Джи 2-го батальона Третьего полка — так называемые Дикобразы.

Но Дикобразы также могли быть и в сорока световых годах отсюда. На деле дислокация не всегда совпадает с планом. Да и все, что мне известно из плана, — это что нечто, названное 2-м батальоном, должно быть справа от нас, за ребятами с «Норманди Бич». Но этот 2-й батальон с тем же успехом мог принадлежать к другой дивизии. Маршал Военно-Воздушных Сил играет в свои шахматы, не консультируясь с пешками.

В любом случае мне не положено было думать о Дикобразах — сейчас мне и Бандитов по горло хватало. Пока мой взвод был в порядке — в полной сохранности, ведь мы не встретили сопротивления при посадке, но у меня было еще полно дел, пока Кунха не достигнет дальней точки. Следовало:

1. Отыскать командира взвода, стоявшего здесь до нас.

2. Ограничить свой район и распределить его между отделениями и расчетами.

3. Установить связь с командирами восьми соседних взводов, пятеро из которых должны

уже занять позиции (они из Пятого и Первого полков), а трое сейчас продвигаются к позициям (это Хорошин из Черных Стражей и Сукарно с Байенном из Росомах).

4. Расставить собственных ребят по исходным позициям — и чем скорее, тем лучше.

Последний пункт следовало выполнить в первую очередь: когда выгрузились, медлить нельзя. Брамби с его отделением нужно послать на левый фланг, отделение Кунхи — вперед с уклоном влево, а между ними встанут четыре остальных отделения.

Получалось стандартное каре, это мы отрабатывали на корабле по секундомеру.

— Кунха! Брамби! Разворачивайтесь! — приказал я по каналу для младших командиров.

— Первый — принял!

— Второй — принял!

— Всем командирам полувзводов! Начинаем! Присмотрите за салажатами. Здесь еще могут быть ребята из Херувимов — я не хочу, чтобы кого-нибудь пристрелили по ошибке!

Я переключился на личный канал:

— Сержант, есть связь с левыми?

— Так точно, сэр. Они видят и меня и вас.

— Отлично. Не могу засечь сигнал углового

маяка.

— Пропал.

— Тогда Кунху направляй по своему датчику ориентации. Хьюза — тоже; это командир разведчиков. Он пусть установит новый маяк.

Я удивился, что Третий или Пятый полк не заменили маяк — ведь в моем левом переднем углу смыкались позиции трех полков!

Но от гадания пользы никакой, и я продолжал:

— Твой пеленг — два-семь-пять, двенадцать миль.

— Обратный — девять-шесть, сэр, чуть меньше двенадцати миль.

Достаточно близко. Своего предшественника я пока не нашел, продвинусь вперед на максимальной скорости. Присмотри тут.

— Давайте, мистер Рико!

Я помчался на предельной скорости, вызывая по офицерской связи:

— Квадрат Блэк-один, отвечайте. Блэк-один, Херувим Чанга — слышите меня? Отвечайте.

Я очень хотел потолковать с командиром взвода, который мы сменили. И не для того чтобы засвидетельствовать почтение, отнюдь.

То, что я увидел, меня вовсе не воодушевило.

Похоже, захват небольшой, да вдобавок недо-

строенной базы превосходящими силами разрабатывал неисправимый оптимист — или же Черным Стражам достался самый паршивый район. Несмотря на то, что выгрузились мы давно и полностью, я успел увидеть на земле с полдюжины скафандров — надо надеяться, пустых, а возможно, и с погибшими внутри — но в любом случае их было слишком много.

Кроме того, тактический радар показывал, что целый взвод — мой собственный — занимал позиции; но к сборному пункту для возврата направлялась лишь жалкая горстка. Никакой системы в их продвижении я уловить не мог.

Я отвечал за 680 квадратных миль вражеской территории и здорово желал бы выяснить все обстоятельства, пока мой собственный расчет не расположится на местности. План операции базировался на новой тактической установке, которая мне лично представлялась просто глупостью. Нам было приказано не заваливать норы багов. Блэки извещал нас об этом так, как будто это он сам так здорово придумал, но сомневаюсь, что ему сей оборот понравился.

Стратегия была проста и, вероятно, логична… если не брать в расчет потерь.

Позволим багам вылезти! Встретим и перебьем

их на поверхности и позволим продолжать вылезать. И никаких бомб в норы — пусть выходят! И так, пока — через день, через два, через неделю — если у нас действительно превосходящие силы, они не перестанут вылезать. Плановики в штабе вычислили (черт их знает как!), что баги потеряют от 70 до 90 процентов своих воинов, прежде чем прекратят попытки выжить нас с поверхности планеты.

Вот тогда мы начнем постепенно чистить планету, по пути вниз добивая уцелевших багов, и попытаемся захватить «аристократов» живьем. Мы знали, как выглядят интеллектуалы — нам показывали фото с трупов, и еще мы знали, что они не умеют бегать — бесполезные ножки при здоровенных туловищах, зато мозг развит до безобразия. Королевы пока не видел никто, но биокорпус подготовил эскизы ее возможного вида — какой-то совершенно непристойный монстр, величиной с лошадь и полностью неподвижный.

Кроме интеллектуалов и маток могли быть еще другие высшие касты. Черт с ними, наше дело маленькое — уничтожать всех выходящих наверх воинов, а потом захватывать всех, оставшихся в живых, кроме тех же воинов и рабочих.

Да, очень нужный и подробный план — на бумаге. А мне поручили район сорок на семнадцать миль, и район этот в любой момент могли атаковать баги из незакрытых нор. А потому следует все эти норы отыскать.

Если их здесь слишком много… Ну что ж, тогда несколько завалим — нечаянно, а вокруг остальных сконцентрируем ребят. Конечно, рядовой в своем скафандре может контролировать большую территорию, но присмотреть может только за чем-то одним — глаз на затылке у него нет.

Я проскакал с десяток миль впереди моего расчета, продолжая вызывать комвзвода Херувимов, а иногда перестраиваясь и пытаясь связаться с любым офицером Херувимов и передать ему схему вызова моего канала (тире — точка — тире — тире).

Нет ответа…

В конце концов мне ответил мой же начальник:

— Джонни! Прекрати шуметь! Отвечай по моему каналу.

Так я и сделал, а Блэки посоветовал мне не искать командира Херувимов в квадрате Блэк-один: его здесь нет. Конечно, мог остаться в живых кто-то из младших командиров, но цепь коман-

дования нарушена.

В учебнике сказано, что кто-нибудь всегда заменяет погибшего. Но возможно, и нет — если истреблено слишком много связующих звеньев. Об этом предупреждал меня полковник Нильссен однажды, в далеком прошлом… то есть месяц назад.

С капитаном Чангом были три офицера. Теперь из них остался один — мой сокурсник, Эб Мойше, — и теперь Блэк пытался выяснить через него, как обстоят дела. Но толку от Эба было немного. Когда я присоединился к разговору и назвал себя, Эб принял меня за своего батальонного командира и отдал мне рапорт с убийственной четкостью — особенно убийственной оттого, что смысла в рапорте его не было никакого.

Вмешался Блэки и приказал мне заняться делом.

— Забудь о плане смены. Ситуация, сам видишь, какая, а потому будь ко всему готов!

— Хорошо, босс!

И я рванул через свой район к его дальнему углу, где должен был стоять маяк, и в первом же прыжке вышел на связь с сержантом:

— Сержант! Как там с маяком?

— В том углу нет места для маяка, сэр! Тут све-

женькая нора размера этак шестого.

Я присвистнул. В кратер размера шесть можно спрятать весь «Тур»! Это одна из штук, которые баги используют против нас, когда сами прячутся под землей. Мины. Ракетами они почему-то пользовались только в космосе. Если ты недалеко от места взрыва такой мины и стоишь на грунте, тебя сбивает сотрясение. Если ты в воздухе — нагоняет взрывная волна, гироскопы выходят из строя, и тогда теряешь управление.

Я еще не видел кратера размером больше четвертого. Наши теоретики считали, что баги не могут взрывать слишком большие заряды, от этого могли пострадать их собственные паршивые норы, хотя бы и укрепленные.

— Поставь маяк сбоку, — сказал я. — Оповести командиров отделений и полувзводов.

— Я уже, сэр. Угол один-один-ноль, 1,3 мили. Да-ди-дит. Сможете его поймать оттуда, где находитесь, на волне три-три-пять.

Голос его звучал спокойно, будто у сержанта-инструктора на учениях, и я подумал, не срываюсь ли иногда на визг.

Сигнал я нашел на дисплее, прямо над моей левой бровью, — длинный и два коротких.

— Отлично. Я вижу Кунха со своими почти на

позиции. Возьми их, пусть патрулируют у кратера. И уравновесь силы — пусть Брамби возьмет вглубь четыре мили.

Я с тревогой подумал, что и так на каждого из моих придется четырнадцать квадратных миль. А если так размазывать — будет целых семнадцать. А багу, чтобы выбраться на поверхность, хватит дыры меньше пяти футов в поперечнике…

— Насколько «горячо» в кратере?

— Кромка янтарно-красная. Вниз не спускался, сэр.

— И не вздумай. Я сам попозже проверю.

Кратер был достаточно активен, чтобы убить незащищенного человека, но МП в скафандре некоторое время там продержится. И если такое излучение наверху, то на дне даже в скафандре глаза выжжет:

— Скажи Найди, пусть отведет Мэлана и Бьорка назад, в «янтарную зону», и пусть они прослушивают грунт.

В первом расчете были двое из пяти моих салажат — а они все равно что щенки, вечно суют нос, куда не надо.

— Скажи Найди, что мне нужно знать две вещи: есть ли движение в кратере… и шумы под поверхностью вокруг.

Это мы не можем послать бойцов в кратер — излучение наверняка убьет их. Но баги вполне могут, если только есть возможность добраться таким путем до нас.

— Пусть Найди обо всем доложит мне. То есть нам с тобой.

— Есть, сэр.

Сержант добавил:

— Могу я внести предложение?

— Конечно. И в следующий раз не трать времени на вопросы.

— Наварре вполне управится с оставшейся частью первого полувзвода. Сержант Кунха с отделением может пойти к кратеру, и тогда Найди будет свободен для прослушивания грунта.

Я понимал, что он хочет сказать. Найди был недавно произведен в капралы и ни разу еще не командовал отделением в бою. Его вряд ли следует ставить к, возможно, самой опасной точке квадрата Блэк-один. Сержант хотел держать Найди подальше от того места по тем же причинам, по которым я приказал отвести от кратера салажат.

Интересно, знает ли он, о чем я думаю? Этот «щелкунчик» — он использовал тот же скафандр, в котором помогал Блэки командовать батальо-

ном, и имел на один канал связи больше, чем я, — личный канал капитана Блэкстоуна.

Блэки мог быть уже в курсе всех моих дел, прослушивая вот этот самый канал. Понятно, что сержант не согласен с моим размещением взвода. Если я не воспользуюсь его советом, то в следующую же секунду могу услышать голос Блэки: «Сержант, принимайте командование. Мистер Рико, вы свободны».

Но, с другой стороны, капрал, который не является хозяином своему отделению, — не капрал; а комвзвода, подчиняющийся своему сержанту, как безмозглая марионетка, — все равно что пустой скафандр!

Думал я недолго. Мысль пришла в голову сразу:

— Я не могу послать капрала в качестве няньки для двух салажат. Также и оставлять сержанта командовать четырьмя рядовыми да капралом!

— Но…

— Прекратить. Вахту у кратера менять каждый час. И еще — нужно послать патруль, пусть как можно быстрее проведет разведку всего участка. Командирам отделений — проверить каждую нору и дать свои пеленги, чтобы командиры полувзводов, взводный сержант и командир

взвода могли контролировать их, как только они достигнут нор. Если нор окажется не слишком много, поставить у каждой наблюдателей — это я решу позже.

— Есть, сэр.

— Затем организуем медленное патрулирование, прочешем местность, насколько возможно, отыщем норы, пропущенные в первый раз. Пусть помощники командиров отделений используют инфравизоры. Командиры отделений берут пеленг каждого человека либо скафандра — от Херувимов могли остаться раненые. Но ни одной остановки для проверки индикатора физсостояния без моего приказа! Прежде всего следует выяснить, как обстоят дела с багами.

— Есть, сэр.

— Предложения?

— Только одно. Можно использовать инфравизоры уже при первом поиске.

— Отлично, пусть.

Предложение было дельным — температура почвы здесь низкая, а те места, где у багов тоннели, существенно теплее. А замаскированная вентиляция вообще будет выглядеть в инфралучах гейзером пламени. Я взглянул на дисплей.

— Кунха со своими на месте. Начинаем!

— Отлично, сэр.

— Отбой.

Я отключился и перешел на общий канал. Следя за кратером, я мог слышать каждого и в то же время следить, как сержант справляется с задачей. Одно отделение он послал к кратеру, два из первого полувзвода отправил в контрмарш, а тем временем второй полувзвод, согласно задаче, по порядку прочесывал местность, прихватив еще четыре мили. Задав полувзводам маршрут, он оставил их и взялся за первое отделение, которое к тому времени уже собралось у кратера. Пока он инструктировал их, у командиров полувзводов было достаточно времени, чтобы определить новый пеленг, по которому следует возвращаться (левый пеленг якорного маяка).

Все это он проделал четко, как тамбурмажор на параде. Уж во всяком случае быстрее, чем сделал бы это я, да к тому же — не тратя слов понапрасну. Такие упражнения в растянутом строю, когда взвод разбросан по местности на множество миль, гораздо сложнее, чем парад. Но все должно делаться с той же точностью, а то недолго и своего подстрелить… или, патрулируя, дважды прочесать один и тот же район, а соседний — ни разу.

Но у строевика нет радарной картины всего строя, которым он командует, собственными глазами он может видеть только то, что вокруг него. Слушая, я наблюдал за своим экраном — змейки ползли точно по координатам. Ползли — оттого, что даже сорок миль в час покажется низкой скоростью, если всю информацию с двадцати миль окрест втиснуть в такой маленький экранчик.

Я прослушивал всех, чтобы узнать, о чем болтают по отделениям.

Они не болтали вовсе. Кунха и Брамби отдали приказы и замолчали снова. Иногда — по необходимости — перекликались капралы, патрульные переговаривались только при надобности уточнить интервал или выровняться, а рядовые вовсе молчали.

Мне слышно было лишь дыхание пятидесяти человек, звучавшее, как шум прибоя, и прерываемое лишь изредка лаконичными приказами. Блэки был прав — взвод, которым я руководил, был «настроен, как скрипка».

Во мне вовсе не было надобности! Я могу отправиться домой, а взвод будет работать так же хорошо…

А может, и еще лучше.

Я не был уверен, что поступил правильно, от-

казавшись освободить Кунху от наблюдения за кратером. Если беда случится именно там, а те двое салажат прохлопают, то, как бы я ни «придерживался инструкции», она мне оправданием не послужит. Если ты погибнешь или пошлешь на гибель кого-то еще, то уже все равно — по инструкции или нет.

Я уже начал прикидывать, найдется ли у Дикобразов местечко для сержанта.

Большая часть квадрата Блэк-один была плоской, как прерии в лагере Артура Кюри, и еще более голой. Хоть на том спасибо — если что, мы заметим багов первыми и атакуем. Интервалы между двумя рядовыми были в четыре мили, а отряды, прочесывавшие местность, разделяло около шести минут. Более плотного патрулирования организовать было невозможно. И все же плотность была недостаточна — каждая точка выпадала из поля зрения по крайней мере на три-четыре минуты, а этого времени хватит, чтобы из нее выбралось на свет божий громадное количество багов.

Радар, конечно, видит дальше, чем глаз, но недостаточно четко.

Вдобавок мы не могли использовать ничего, кроме избирательного оружия ближнего дей-

ствия, — вокруг по всем направлениям было слишком много наших. И если вдруг баги попрут из-под земли, а ты выстрелишь в них чем-нибудь сверхубойным, то обязательно неподалеку от цели окажется кто-нибудь из десантников. Это жестко ограничивало дальнобойность и убойную силу. В этой операции только офицеры да взводные сержанты были вооружены ракетами, но мы не думали, чтобы эти ракеты были использованы. Ведь если ракета не найдет цель, то у нее достанет заряда найти кого-нибудь другого, а своих от врагов она отличать не умеет: для этого ее компьютер слишком мал и глуп.

Я с радостью обменял бы такое патрулирование, с тысячами МП вокруг, на обычный рейд в составе взвода, когда точно знаешь, где свои, а все остальное — враг.

Но времени на жалобы не было, и я без остановок продвигался к кратеру. На ходу следил за грунтом и пытался одновременно не спускать глаз с радара. Ни одной норы я не нашел, зато перепрыгнул сухой овраг вроде каньона, который с успехом мог скрывать сразу несколько. Осматривать его я не стал, просто дал координаты взводному сержанту и приказал послать кого-нибудь для проверки.

Размеры кратера превзошли мои ожидания. «Тур» мог бы спрятаться в нем полностью. Я достал радиометр и направил на кратер: устойчиво-красный, а местами даже зашкаливает. Даже для человека в скафандре многовато.

Я уточнил ширину и глубину дальномером шлема, а потом принялся шарить вокруг в поисках все тех же ходов, ведущих вниз.

Найти мне опять ничего не удалось, зато я наткнулся на ребят из Первого и Пятого полков, наблюдавших за кратером. Мы поделили кратер на секторы, чтобы нести вахту сообща, а каждый взвод мог вызвать на помощь другие. Обязанности диспетчера возложили на первого лейтенанта Де Кампо, из Охотников за головами, слева от нас. Потом я вызвал капрала Найди и половину его отделения (включая салажат) и отправил их назад во взвод, а потом рассказал обо всем капитану и взводному сержанту.

— Капитан, вибраций грунта нет. Я собираюсь спуститься и посмотреть, как тут насчет нор. Судя по радиометру, большой дозы облучения я не получу, если…

— Юноша, держись подальше от кратера!

— Но, капитан, я только хотел ска…

— Заткнись. Ничего полезного ты там не най-

дешь. Держись от кратера подальше!

— Есть, сэр.

Следующие девять часов были невыносимо тоскливы. Готовили нас на сорок часов — два оборота планеты Пи — путем гипносна, повышения содержания сахара в крови и гипноустановок. И конечно же, скафандры были специально оборудованы на тот случай, если кому приспичит. Вообще-то они не рассчитаны на сорок часов без дозаправки, поэтому каждый нес запас горючего, дополнительные аккумуляторы и баллоны с дыхательной смесью. Но бездействие в патруле ужасно утомляет, и наделать глупостей становится куда как легче.

Я выполнил свой замысел, оставив Кунху с Брамби управляться со взводом, а сам вместе со своим сержантом смог отправиться осматривать местность. Затем отдал приказ патрулям — меняться местами, чтобы бойцы всякий раз осматривали новую территорию. Одну и ту же местность можно осмотреть разными способами. Кроме того, мы с сержантом, посоветовавшись, решили назначить премиальные очки в соревновании за звание лучшего отделения — кто первым найдет главный туннель, кто первым убьет бага и так далее — прием из учебного ла-

геря, но оставаться начеку — значит оставаться живым, так что скуку следует как-то разогнать.

Под конец к нам заявились — из спецподразделения — три военных инженера, приехавших в аэрокаре вместе с кем-то выдающимся, его называли пространственным экстрасенсом. Блэки предупреждал, что их надо ожидать.

— Охраняй их и делай все, что скажут.

— Есть, сэр. А что им может понадобиться?

— Откуда я знаю? Если майор Лэндри прикажет снять с себя шкуру и плясать в виде скелета — выполняй!

— Есть, сэр. Майор Лэндри.

Я передал приказ своим и подтянул людей для охраны. Потом встретил гостей, потому что было жутко интересно — ни разу еще не видел экстрасенса в деле. Они приземлились на нашем правом фланге и вышли из машины. Майор Лэндри и два его офицера были в скафандрах и при огнеметах, но сенс ни того ни другого не имел — только кислородную маску. Одет он был в солдатскую робу без знаков различия и выглядел так, будто весь свет ему до смерти надоел. Меня ему не представили. С виду он здорово был похож на шестнадцатилетнего парнишку, но, стоило мне подойти поближе, я увидел, что вокруг глаз у

него целая сетка глубоких морщин.

Едва выйдя из машины, он снял кислородную маску. Я испугался и подошел к майору Лэндри. Прижал свой шлем к его, чтобы обойтись без радио:

— Майор, воздух здесь «горячеват»… И, кроме того, нас предупреждали, что…

— Сбавь обороты, — ответил майор. — Он все знает.

Я заткнулся. «Светило» отошло немного, повернулось и потеребило нижнюю губу. Веки его сомкнулись. Похоже, оно глубоко задумалось.

Внезапно сенс открыл глаза и раздраженно спросил:

— Ну как тут можно работать, когда всякие идиоты вокруг скачут, как лошади?

Майор Лэндри буркнул:

— Приземлите солдат.

Я сглотнул и хотел было протестовать, но все же переключился на общий канал:

— Первый взвод Бандитов — приземлись и замри!

Да, лейтенант Сильва был офицером знающим. Все, что я услышал, — только повтор моего приказа для расчетов.

— Майор, могу я позволить солдатам свободно

расположиться на земле?

— Нет. И заткнись.

Вскоре сенс влез обратно в машину и надел свою маску. Для меня места не хватало, но мне позволили — то есть приказали — уцепиться и ехать на буксире. Машина пролетела мили две. Сенс опять снял маску и стал расхаживать вокруг. На этот раз он что-то говорил одному из военных инженеров, который только кивал и делал зарисовки в блокноте.

Эти, из спецотделения, раз двенадцать приземлялись в моем районе. И всякий раз повторялось одно и то же. Потом они улетели к месту дислокации Пятого полка. Перед тем как нас покинуть, офицер, тот, что рисовал, выдернул лист из своего блокнота и отдал мне.

— Это наша субкарта. Широкая красная полоса — единственный туннель багов в вашем районе. От поверхности — около тысячи футов. Это на правом фланге, а влево назад он повышается и покидает ваш район на глубине 450 футов. Светло-голубая сеть, присоединенная к нему, — большое скопление багов с ближайшей к поверхности точкой сто футов, я ее отметил. Вы должны поставить там прослушиватели к тому времени, как мы сможем вернуться и заняться

этим местом.

Я вытаращил глаза:

— Этой карте можно верить?

Инженер испуганно глянул в сторону экстрасенса, затем тихо сказал:

— Конечно, идиот вы безмозглый! Вы что — хотите его из равновесия вывести?!

Они улетели, а я стал изучать карту. Этот инженер-чертежник сделал два наброска, а специальное устройство в блокноте свело их в стереокарту. Глубина — тысяча футов от поверхности! Я едва вспомнил, что взвод в положении «замри» и надо бы отменить команду. Затем я приказал забрать от кратера прослушиватель грунта, взял по два человека из каждого отделения и по этой дьявольской карте дал им пеленг точек, откуда следовало прослушивать туннель и город внизу.

Обо всем я доложил Блэки. Он оборвал меня, едва я начал передавать ему координаты туннеля:

— Майор Лэндри передал мне копию карты. Дай мне только координаты прослушивающих постов.

Я назвал координаты. Он заметил:

— Неплохо, Джонни! Но и не совсем то, чего бы я хотел. Над туннелем ты разместил слишком

много прослушивателей. Оставь над ним четыре, еще четыре ромбом расположи над городом, и четыре у тебя еще останутся. Одного помести в треугольник, образованный правым задним углом твоего района и их туннелем. А три оставшихся — в большую часть района, на другую сторону туннеля.

— Есть, сэр. Капитан, а на эту карту можно полагаться?

— Тебя что-то беспокоит?

— Ну… слишком уж похоже на магию. На черную магию.

— Видишь ли, сынок, я получил специальное послание нашего маршала к тебе. Он велел тебе передать, что карта эта — официальная… и об остальном он позаботится сам, а ты можешь все свое время посвятить своему взводу. Ты улавливаешь мою мысль?

— А… Да, капитан.

— Помни, что баги роют ходы очень быстро, так что особое внимание следует уделить прослушивающим постам вдали от туннеля. Любой шум громче комариного писка, уловленный этими постами, независимо от его природы должен быть немедленно зафиксирован. И тут же доложить об этом мне!

— Есть, сэр.

— Когда они роют, звук похож на треск, с которым жарится бекон на сковороде. Это на тот случай, если ты не слышал их ни разу. Прекрати прочесывать район. Оставь одного бойца для наблюдения за кратером. Можешь разрешить половине взвода поспать два часа, а другие пусть разобьются на пары и поочередно прослушивают грунт.

— Есть, сэр.

— Саперы могут вернуться. У меня здесь уточненный план. Рота саперов скоро приземлится, и они станут взрывать и затыкать туннель там, где он ближе всего к поверхности. Это либо на левом твоем фланге, либо дальше — у Охотников за головами. Одновременно другая инженерная рота будет делать то же самое в том месте, где туннель разветвляется, — от тебя около тридцати миль вправо, в расположении Первого полка. Они вгонят «пробки» с двух сторон, таким образом порядочный кусок туннеля и самое большое скопление багов будут отрезаны. Это же проделают в других местах. А потом посмотрим. Возможно, баги будут пробиваться на поверхность — тогда вступим в бой. Возможно, они предпочтут отсидеться — тогда через некоторое время пойдем к

ним сами, захватывая один сектор за другим.

— Понял.

На самом деле я не был уверен, что все понял, но свою задачу представлял себе достаточно ясно: переставить прослушиватели и приказать половине взвода спать. А затем — охота на багов. Если повезет — на поверхности, если нет — под землей.

— Пусть твои фланговые наладят контакт с саперами, когда те прибудут. Если попросят помощи — помогите.

— Хорошо, капитан.

Согласился я охотно — саперы почти так же хороши, как сама МП, и работать с ними одно удовольствие. Если их припереть к стенке, они примут драку и будут драться, может, не так здорово, зато храбро. А так они делают свое дело, и битва вокруг их будто не волнует! Есть у них древняя хохма, вроде девиза: «Сперва их отроем, потом в них сдохнем!» Официальный же их девиз: «Сделаем!» Оба не лгут ни в одной букве!

— Работай, сынок.

Раз у меня двенадцать прослушивателей, значит к каждому можно приставить по половине отделения — капрал или его заместитель плюс трое рядовых. Затем двое из четверых пусть спят,

а другие двое будут дежурить. Наварре и еще один разведчик могут по очереди следить за кратером и спать, а тем временем командиры полувзводов будут, сменяясь, руководить взводом. Смена диспозиции заняла не больше десяти минут, перед этим я уточнил план и дал координаты сержантам; никому не пришлось перемещаться слишком далеко. Я предупредил всех о том, что прибудут инженеры и следует их не прохлопать. Как только прослушиватели были установлены, я включил общий канал:

— Нечетным лечь! Приготовиться ко сну! Один… два… три… четыре… пять… Спать!

Скафандр, конечно, не кровать, но спать в нем можно. Что в гипноподготовке хорошо — в редкие минуты отдыха человек может быть усыплен немедленно, с помощью постгипнотической реакции по команде, которую может отдать кто угодно, пусть он и не гипнотизер. Так же немедленно можно и разбудить его — и он уже начеку и готов к бою. Эта штука буквально спасает жизнь — человек в бою порой так изматывается, что стреляет в воображаемого врага, а настоящего не видит.

Но сам я спать не собирался. Про меня капитан ничего не сказал, а я не спрашивал. Да и до

сна ли тут! При одной мысли о том, что всего в нескольких сотнях футов отсюда находятся тысячи чертовых багов, у меня чуть желудок из глотки не выпрыгнул! Слава богу, если сенс не ошибся и баги не смогут подобраться к нам, минуя прослушивающие посты!

Может быть. Но береженого бог бережет.

Я переключился на свой личный канал:

— Сержант!

— Я, сэр.

— Можешь тоже малость придавить. Я присмотрю. Лечь, приготовиться ко сну. Один… два…

— Извините, сэр. Есть предложение.

— Что?

— Если я верно понял уточненный план, то еще часа четыре ничего делать не будем. Вот вам бы сейчас и соснуть, а потом…

— Забудь, сержант. Я спать не собираюсь. Я буду обходить прослушивающие посты и ждать роту саперов.

— Хорошо, сэр.

— Пока я здесь, проверю номер три. Вы с Брамби остаетесь здесь и отдыхаете, а я…

— ДЖОННИ!

— Есть, капитан! Неужели Старик нас слушал?!

— Ты расставил посты?

— Да, капитан, а мои нечетные спят. Сейчас я проверю каждый пост, а потом…

— Этим займется твой сержант. Я хочу, чтобы ты отдохнул.

— Но, капитан…

— Это приказ. Лечь, приготовиться ко сну. Один… два… три… ДЖОННИ!

— Капитан, с вашего позволения, я бы сначала проверил посты. А потом буду отдыхать, если вы говорите, что надо, но лучше бы мне не спать. Я…

Блэки расхохотался мне прямо в ухо:

— Сынок, ты спал час десять минут!

— Сэр?

— Взгляни на часы.

Я взглянул — и почувствовал себя дураком.

— Ну как ты, сынок, пробудился?

— Думаю да, сэр.

— События развиваются с бешеной скоростью. Буди нечетных, а четные пусть поспят. Слава богу, около часа у них еще есть. Так что — буди нечетных, проверь посты, а потом доложишь обстановку.

Так я и сделал, но сержанту ни слова не сказал. Я был зол на них обоих — на ротного за то, что

усыпил против воли, а на сержанта — потому что со мной никогда не проделали бы такого, не будь я только пешкой в его — настоящего командира взвода — руках.

Но после того, как я проверил посты три и один, оба впереди от города багов, — никаких шумов там не было, — я поостыл. В конце концов, клепать на сержанта — хоть и ротного — за то, что выкинул капитан, просто глупо.

— Сержант!

— Да, мистер Рико?

— Не хочешь поспать вместе с четными? Я подниму тебя на пару минут раньше.

Он чуть помедлил:

— Сэр, мне бы лучше проверить посты самому.

— Ты еще не проверил их?

— Нет, сэр, последний час я спал.

— Как?!

Он был смущен.

— Так приказал капитан. Он назначил командовать взводом Брамби и усыпил меня сразу после вас.

Мне оставалось только рассмеяться.

— Сержант! Давай вообще бросим все к чертовой матери и пойдем спать дальше! Так мы только время зря тратим — капитан Блэки и сам

отлично управится со взводом!

— Я нахожу, сэр, — несколько напыщенно ответил сержант, — что капитан Блэкстоун всегда имеет вескую причину для любого своего поступка.

Я согласно кивнул, забыв, что сержант находится в десяти милях от меня:

— Да, ты прав. У него всегда есть причина… Ммм… но, если он усыпил нас обоих, стало быть, сейчас мы оба нужны ему, бодрые и в полной готовности.

— Думаю, так оно и есть.

— М-м-м-м… И как ты думаешь, зачем?

Он медлил с ответом довольно долго; наконец тихо сказал:

— Мистер Рико, если бы капитан знал, он бы сказал нам — я не помню, чтобы он когда-либо держал людей в неведении, скрывая информацию. Но иногда он поступает верно, хотя и не может объяснить, почему поступил именно так. У него есть некоторый дар предвидения — и я научился уважать это.

— Понятно. Все командиры отделений — четные, они сейчас спят.

— Так точно, сэр.

— Подтяни помощников командиров отделе-

ний. Будить пока никого не надо. Когда придется, счет пойдет на секунды.

— Так точно.

Я проверил последний из передовых постов, а затем перешел к тем четырем, что располагались над деревней багов. Подключая мои наушники параллельно каждому прослушивателю, я напряженно вслушивался в грунт — ведь можно услышать, как баги внизу шуршат и трещат. Мне жутко хотелось смыться куда-нибудь подальше, но желания этого ни в коем случае нельзя было проявлять.

Интересно — может, тот гений-экстрасенс просто человек с непомерно развитым слухом?

Но в конце концов неважно, как он это делал, — баги были именно там, куда он указал. В офицерском училище нам давали слушать записи шумов, которые производят баги; здесь же все четыре поста улавливали звуковой фон, характерный для большого скопления багов, — те шорохи, которые могут быть их речью. Хотя — зачем бы им разговаривать, если интеллектуалы каждого контролируют дистанционно? Слышен был как бы хруст веток и сухих листьев и все время — вой на высокой ноте, такой можно услышать только над их городами, и производят

его, похоже, машины — возможно, вентиляция.

Но характерного треска и шипения, с которыми баги прокапываются сквозь скалу, слышно не было.

Звуки, раздававшиеся вдоль туннеля, не были похожи на те, что исходили из города, — под землей что-то глухо грохотало, иногда переходя в вой, движение там наверняка было оживленным. Когда я проверял пятый пост, мне пришла в голову мысль: проверить, на самом ли деле этот шум от движения. Все наблюдатели, расположенные вдоль туннеля, должны были кричать мне: «Есть!», когда рокот в их наушниках перейдет в вой.

Потом я решил сдать очередной рапорт.

— Капитан…

— Что, Джонни?

— Движение по туннелю все время идет в одну сторону — от меня к вам. Скорость предположительно — сто десять миль в час. Шум становится громче примерно раз в минуту.

— Да, похоже, — согласился он. — Скорость я определил — сто восемь миль в час, а интервал между шумовыми пиками — пятьдесят восемь секунд.

Я был смущен и сменил тему:

— Саперов еще нет.

— Они выбрали место примерно посередине района Охотников за головами, ближе к тылу. Извини, надо было сразу тебя предупредить. Что-нибудь еще?

— Нет, сэр.

Мы дали отбой, и я почувствовал себя лучше. Во-первых, и Блэки может иногда что-то забыть, а во-вторых, моя идея была верной. Я покинул зону туннеля, чтобы проверить двенадцатый пост — тот, что был справа сзади от скопища багов.

Здесь, как и везде, двое спали, один слушал, один смотрел вокруг.

— Есть что-нибудь?

— Никак нет, сэр!

Слушавший, один из пяти моих солдат, поднял голову и сказал:

— Мистер Рико, похоже, этот прибор накрылся.

— Сейчас посмотрим, — ответил я.

Он подвинулся, чтобы я мог подключиться к аппарату.

— Жареный бекон, да так громко, что, кажется, и запах чувствуешь!

Я врубил общий канал:

— Первый взвод, всем проснуться, провести перекличку, доложить!

И тут же переключился на офицерский:

— Капитан! Капитан Блэкстоун! Срочно!

— Тише, Джонни. Докладывай.

— Жареный бекон, сэр, — доложил я, безуспешно пытаясь говорить твердо. — Пост двенадцать, координаты — Е-девять, квадрат Блэк-один.

— Е-девять, — подтвердил капитан. — Децибелы?

Я взглянул на шкалу:

— Не могу знать, сэр! Зашкаливает! А звучит так, будто они прямо подо мной!

— Отлично! — воскликнул капитан, а я удивился — чего уж тут отличного. — Лучшая новость за сегодняшний день! Слушай меня, сынок! Буди своих.

— Уже, сэр!

— Перебрось к посту двенадцать еще двух слухачей. С их помощью постарайся вычислить, где баги выйдут на поверхность, — и держись подальше от этого места! Все понятно?

— Я все слышал, сэр, — осторожно сказал я, — но не все понял.

Капитан вздохнул.

— Джонни, я по твоей милости поседею раньше времени! Гляди, сынок, нам нужно выманить их на поверхность — чем больше, тем лучше. У

тебя не хватит огневой мощи справиться с ними — разве что завалишь дыру, — но как раз этого ты ни в коем случае не должен делать! Если все они ринутся наверх, с ними и волк не справится! Но тем не менее генералу требуется именно это; он держит на орбите целую бригаду с мощным оружием, которая только этого и ждет! А потому — обозначь место прорыва, отведи своих подальше, и пусть не спускают глаз. Если тебе повезет настолько, что главный прорыв пойдет через твой район, твои данные по цепочке пойдут на самый верх! Так что лови удачу, пока не поздно, — но другой рукой хватайся за жизнь! Ясно?

— Есть, сэр! Обозначить точку прорыва, отступить, избегать контакта, наблюдать и докладывать обо всем.

— Давай!

Я перебросил к двенадцатому посты девять и десять с середины туннеля. В то же время я продвинул пост двенадцать глубже в тыл — чтобы определить, где шум сходит на нет.

В это время мой сержант перегруппировал взвод и отвел его на участок, ограниченный поселением багов и кратером, — всех, кроме двенадцати, дежуривших у прослушивателей. Поскольку нам приказали не атаковать багов, мы

оба не хотели распылять взвод; напротив, следовало обеспечить ребятам взаимную и немедленную поддержку. А потому сержант перестроил их в компактную шеренгу пяти миль в длину. На левом фланге, поблизости от города багов, стоял полувзвод Брамби. Таким образом, интервалы между бойцами сократились до трехсот ярдов — что для МП буквально «плечо к плечу». Девять человек с прослушивателями были помещены на линию от одного фланга до другого. И только трое «слухачей» работали со мной и для подмоги были вне досягаемости.

Я связался с Росомахами и Охотниками за головами и сказал Байонну и Де Кампо, что прекращаю патрулирование, объяснил почему, а потом доложил о перегруппировке капитану Блэкстоуну.

Он только буркнул:

— Как хочешь. Ты уже определил, где будет прорыв?

— Похоже, все сходится к Е-десять, капитан, но точнее сказать пока трудно. Шумы на три мили вокруг очень громкие — и, по-моему, это пространство еще расширяется. Я пытаюсь найти окружность, на которой звуки почти не слышны. Могут они начать рыть новый горизонтальный

туннель прямо под поверхностью?

Вопрос капитана удивил:

— Возможно. Но я надеюсь, что это не так. Нам нужно, чтобы они вылезли наружу. Наблюдай и, если центр начнет смещаться, сразу докладывай мне.

— Есть, сэр. Капитан…

— Что еще? Говорите.

— Вы приказали не атаковать, когда они покажутся. А что нам делать? Просто наблюдать?

Последовала долгая пауза — секунд пятнадцать или двадцать он, вероятно, консультировался с «вышестоящими». Наконец он сказал:

— Мистер Рико, вы не должны атаковать в точке Е-десять либо в непосредственной близости от нее. Во всех остальных местах багов следует уничтожать.

— Есть, сэр, — с радостью согласился я. — Мы их уничтожим.

— Джонни! — резко добавил капитан. — Если будешь вместо охоты на багов охотиться за медалями, я в твою форму 31 такое напишу — жизни не рад будешь!

— Капитан, — послушно сказал я, — мне вовсе не нужны медали. Нам приказано охотиться на багов.

— Точно. А теперь не мешай.

Я остался с моим сержантом, разъяснил ему новые инструкции, приказал передать их дальше и убедиться, что все дозаправили скафандры.

— Мы только что закончили, сэр. Думаю, троих, тех, что с вами, надо заменить.

Он перечислил фамилии. Это было резонно — тем, кто прослушивал грунт, тоже требовалось время на дозаправку. Но все, кого он собирался прислать мне на смену, были разведчиками.

Я отругал себя за тупость. Скафандры разведчиков развивают такую же скорость, как и командирские, — в два раза быстрее рядовых. Меня не покидало ощущение, что я что-то прохлопал, но это я относил за счет нервного напряжения от близости багов.

Теперь мне все было ясно. Я здесь, в десяти милях от взвода, с тремя бойцами. У каждого из них обычный скафандр. Когда появятся баги, я встану перед очень неприятной альтернативой — если бойцы не сумеют смыться так же быстро, как я.

— Правильно, но трое мне больше не нужны. Пошли Хьюза, он сменит Ниберга. А остальных трех разведчиков используй для постов, которые впереди.

— Только Хьюза? — с сомнением спросил сер-

жант.

— Хватит. За вторым прослушивателем пригляжу сам. Вдвоем мы справимся, уже ясно, где они. Скажи Хьюзу, пусть идет сюда — живо!

Еще тридцать семь минут ничего не происходило. Мы с Хьюзом шлялись взад-вперед возле «Елена-10», пять секунд слушали и снова перемещались. Да уже и не было надобности прижимать к скале микрофоны — достаточно было легкого касания, чтобы ясно и отчетливо услышать «жареный бекон». Шумы ширились, но центр их оставался на месте. Раз мне пришлось вызывать капитана Блэкстоуна и докладывать ему, что шум внезапно прервался, а через три минуты — докладывать о его возобновлении. Командовать взводом и проверять остальные посты я предоставил сержанту, а сам работал на волне разведчиков.

А потом события помчались вскачь.

На волне разведчиков раздалось:

— Жареный бекон! Альберт-два!

Я тут же переключился и доложил:

— Капитан! Жареный бекон, Альберт-два, Блэк-один!

Переключился на связь взаимодействия:

— Всем, всем! Жареный бекон, Альберт-два,

Блэк-один!

Тут же отозвался Де Кампо:

— Жареный бекон, Адольф-три, Грин-двенадцать.

Я доложил Блэки и об этом, переключился на разведчиков и тут же услышал:

— Баги! Баги! На помощь!

— Где?

Ответа нет. Я переключился:

— Сержант! Кто доложил о багах?

Он поспешно ответил:

— Прут наверх прямо над городом — Бангкок-шесть!

— Стреляйте!

Я связался с Блэки:

— Баги — Бангкок-шесть, Блэк-один; атакую!

— Я слышал твой приказ, — хладнокровно ответил он. — А как насчет Е-десять?

— Е-десять…

Земля подо мной вдруг ушла вниз, и я оказался в куче багов.

Я вначале не понял, что случилось, и даже ранен не был. Упал я словно в густую крону дерева — но ветви его были живыми. Они толкались со всех сторон, а гироскопы жалобно выли, пытаясь удержать меня в вертикальном положении. Я

провалился на десять-пятнадцать футов — достаточно глубоко, чтобы дневной свет уже не попадал сюда.

Затем поток этих монстров вынес меня к свету — и тренировки взяли свое. Я приземлился на ноги и, раскидывая багов, доложил:

— Прорыв, Елена-десять — нет, Елена-одиннадцать, как раз там, где я сейчас. Большая нора — и они прут наверх сотнями!

Взяв в каждую руку по огнемету, я принялся выжигать багов.

— Джонни, уноси ноги!

— Есть!

Я собрался прыгнуть…

Но тут же остановился. Отложив прыжок на время, перестал палить из огнеметов и как следует огляделся. Только сейчас до меня дошло, что я остался в живых — хотя не должен бы.

— Поправка. Прорыв на Е-одиннадцать ложный. Воинов здесь нет.

С трудом верилось, что я выжил!

— Повтори.

— Е-одиннадцать, Блэк-один. В прорыв идут одни рабочие. Воинов нет. Вокруг меня полно багов, и они продолжают подниматься, но ни один из них не вооружен, а те, что возле меня, — типа

«рабочий». Меня не атакуют. Капитан, может, это просто отвлекающий маневр? А настоящий прорыв будет где-нибудь еще?

— Возможно, — согласился он. — Твой рапорт идет напрямую в дивизионный штаб, пусть там и разбираются. Оглядись, перепроверь свои сведения. И не торопись заключать, что все они — рабочие, может ведь и боком выйти!

— Хорошо, капитан!

Я прыгнул как можно выше и дальше, чтобы выбраться из груды безопасных, но отвратительных чудищ.

Каменная равнина была усеяна багами, ползущими во всех направлениях. Я опять прыгнул — с воздуха; на этот раз пониже.

— Хьюз! Докладывай!

— Баги, мистер Рико! Чертова уйма багов! Выжигаю.

— Хьюз, посмотри-ка на них получше. Кто-нибудь отстреливается? Или все они рабочие?

Я приземлился и прыгнул опять.

— Э! Да вы правы, сэр! А как вы узнали?

— Давай к своему расчету, Хьюз!

Я переключился.

— Капитан, тут уже тысячи багов. Количество нор неизвестно. Меня не атакуют. Повторяю:

меня не атакуют. Если среди них и есть воины, то огня они пока не ведут, используют рабочих как прикрытие.

Капитан не отвечал.

Ослепительная вспышка далеко слева, и такая же, но еще дальше — с правого фланга; я машинально засек время и координаты.

— Капитан Блэкстоун — ответьте!

В высшей точке прыжка я попробовал нащупать его пеленг, но горизонт был прикрыт холмами в квадрате Блэк-два.

Я перешел на другую волну:

— Сержант! Через тебя можно связаться с капитаном?

И тут же огонек сержанта на моем экране мигнул и пропал.

Я помчался в ту сторону, где он только что был, выжимая из скафандра предельную скорость. И не очень прилежно наблюдал за дисплеем радара. Взводом командовал сержант, а я был занят — сперва прослушиванием грунта, а после сотнями багов. Я пригласил всех, кроме младших командиров, — так легче разобраться, что там к чему.

Я изучил костяк взвода, отыскал Брамби и Кунху, их командиров отделений и полувзводных

разведчиков.

— Кунха! Что с сержантом?

— Он спустился на разведку в нору, сэр!

— Скажи ему, что я скоро буду здесь.

Не дожидаясь ответа, я поменял каналы:

— Вызывает первый взвод Бандитов — ответьте, второй взвод!

— Чего тебе приспичило? — буркнул лейтенант Хорошин.

— Не могу связаться с капитаном!

— Еще бы! Его нет.

— Погиб?

— Нет. У него кончилось топливо — так что его, считай, нет.

— Ага. Значит, ротой командуете вы?

— Да, да, и что с того? Помочь хочешь?!

— Э… нет. Никак нет, сэр!

— Тогда заткнись, — приказал Хорошин, — и не вякай, пока помощь не понадобится. У нас тут… выше крыши.

— О'кей.

Я вдруг почувствовал, что и у меня самого — выше крыши. Докладывая Хорошину, я переключил радар на «ближнее действие» и уже приблизился ко взводу — в самое время, чтобы увидеть, как мой первый полувзвод исчезает один за другим.

Пеленг Брамби пропал первым.

— Кунха! Что там с первым ПВ?

Голос его звучал напряженно:

— Они пошли вниз, за взводным сержантом.

Если и существовала в природе инструкция, предусматривающая подобный случай, я ее даже в глаза не видел! Брамби действовал без приказа? Или он получил приказ, только я этого не слышал? А, черт, человек полез в нору к багам, теперь его не видно и не слышно, так что толку разбираться, по инструкции ли он действует? С этим мы разберемся завтра. Если у нас еще будет «завтра»...

— Ладно, — сказал я. — Я здесь, докладывай.

Я прыгнул в последний раз и оказался среди своих. Справа появился баг — его я убил еще до приземления. Этот рабочим не был — палил во все стороны!

— Я потерял троих, — докладывал Кунха, тяжело дыша. — Не знаю, скольких потерял Брамби. Они прорвались сразу в трех местах — тогда троих и убили. Но потом их заставили поежиться...

Я прыгнул опять, но тут же громадной силы взрывная волна накрыла меня и швырнула в сторону. Три и тридцать семь — значит, несло меня миль тридцать. Это что же — наши саперы

так туннель затыкают?

— Первое отделение! Держитесь, может быть еще волна!

Приземлился я чуть не на клубок из трех-четырех багов. Они не были мертвы, но и не стреляли — только судорожно дергались. Я подарил им одну из моих гранат и снова прыгнул.

— Ребята, бейте их, пока не очухались! И берегитесь следу…

Тут последовал еще один взрыв. Он был не такой мощный, как первый.

— Кунха! Проверь свое отделение! Чтоб все были начеку. Очищайте местность!

Перекличка затянулась — слишком много пустых номеров, судя по моему радару. Однако очистка территории пошла. Я продвигался по границе нашего района и прикончил с полдюжины багов. Последний внезапно ожил как раз перед тем, как я атаковал. Я сжег его. Почему все-таки взрывная волна вгоняет их в такой шок? Потому, что у них нет скафандров? Или оттого, что досталось их интеллектуалам, сидящим под землей?

Перекличка показала, что осталось у нас девятнадцать бойцов, плюс двое погибших, двое раненых, да еще трое вне игры из-за неполадок в скафандрах. Двоих из них уже успели отдать

Наварре — он заменял поврежденные детали, использовав на запчасти скафандры убитых и раненых. В третьем же вышли из строя радар и радио — их нельзя было заменить. Наварре поставил этого парня охранять раненых — пока что мы ничего больше не могли для них сделать.

В это время я с сержантом Кунхой осматривал три норы, через которые баги прорвались из своего города. Стоило взглянуть в субкарту, как стало ясно, что копали они из трех ближайших к поверхности точек.

Одну из нор уже завалило обломками скалы. Возле второй живых багов видно не было. Я приказал Кунхе приставить к ней капрала и рядового, с тем чтобы они уничтожали отдельных багов, а если они пойдут в атаку большими силами — взорвали нору. Маршалу небось хорошо сидеть там у себя и раздумывать, стоит заваливать норы или нет, — нам здесь приходится иметь дело отнюдь не с теорией.

Затем мы отправились к третьей норе — той самой, в которую ушли мой сержант и половина взвода.

Здесь от коридора багов до поверхности было не больше двадцати футов, так что багам оставалось только взломать потолок. Куда подевался весь

камень и откуда шел звук «жареного бекона», я понять не мог. Каменная крыша отсутствовала, края норы были пологи и чем-то изборождены. Судя по карте, случилось здесь вот что. Две остальные норы вели к узким, окраинным коридорам, а эта — как раз в основную часть их муравейника. Значит, две остальные — просто отвлекающий маневр. Главная атака шла именно отсюда.

Интересно, могут ли баги наблюдать за нами сквозь скалу?

В пределах видимости нора была пуста — ни багов, ни людей. Кунха показал, в какую сторону направилось второе отделение. Сержант ушел туда семь минут сорок секунд назад, а Брамби последовал за ним полминуты спустя. Я вгляделся в темноту и проглотил слюну, чтобы унять тошноту.

— Сержант, командуйте полувзводом.

Я изо всех сил старался говорить спокойно.

— Если понадобится помощь, свяжитесь с лейтенантом Хорошиным.

— Распоряжения, сэр?

— Никаких. Пока не придет какой-нибудь приказ сверху. Я иду вниз, на поиски второго полувзвода, — возможно, связи со мной некоторое время не будет.

Я спрыгнул в нору, пока мои нервы окончательно не сдали. Сзади раздалось:

— Полувзвод!

— Первое отделение!

— Второе!

— Третье!

— По отделениям… ЗА МНОЙ!

И Кунха тоже прыгнул в нору. Что ж, по крайней мере, я не один!

Я приказал Кунхе оставить двоих у входа, прикрывать тыл — одного в коридоре, другого — наверху. Затем я как можно быстрее повел бойцов туда, куда отправились ребята из второго полувзвода. Но все же двигались мы недостаточно быстро — потолок был слишком низок. Человек в скафандре может двигаться, не поднимая ног, вроде как на коньках, но это нелегко, да и непривычно — без скафандров мы двигались бы быстрее.

Инфравизоры понадобились почти сразу — между делом мы подтвердили предположение о том, что баги видят в инфракрасных лучах. В темноте туннеля инфравизоры видели все отлично. Но ничего особенного вокруг не было — просто гладкие каменные стены, смыкавшиеся над таким же гладким, ровным полом.

Дойдя до первого перекрестка, мы ненадолго задержались. Насчет того, как располагать под землей бойцов, были установки, но насколько они применимы в реальности? Я был уверен в одном: человек, разработавший их, никогда не пытался выполнить их лично, потому что до операции «Ройялти» никто не возвращался из-под земли, чтобы разъяснить, как там себя вести.

Одна из установок предписывала охранять все точки такого рода. Но я уже поставил двоих прикрывать тыл; если же оставлять на каждом из таких пунктов по 10 процентов личного состава — значит, всякий раз сокращать свою жизнь на те же 10 процентов.

Я решил, что следует держаться вместе и не позволять багам захватить хоть одного из нас. Нет уж, только не к багам в плен. Лучше уж сдохнуть. И стоило мне принять решение, все тревоги улетучились.

Я осторожно заглянул в коридор справа и слева. Багов нет. Я включил связь с младшими командирами:

— Брамби!

Результат был потрясающим. Говоря по радио, голоса своего почти не слышишь, звуковые волны скафандр глушит. Но в этом каменном лабиринте

радиоэхо чуть не сбивало с ног, словно все подземелье было одним огромным волноводом:

— БРРРРАМБИИИИ!

В ушах у меня зазвенело…..И тут же — еще раз: МИСТЕР РРРИКОООО!

— Тише, — сказал я, пытаясь сам говорить как можно тише. — Где ты?

Брамби тоже понизил громкость:

— Не знаю, сэр. Мы заплутали.

— Ладно, сейчас мы вас отыщем. Судя по всему, вы где-то близко. Взводный сержант с вами?

— Нет, сэр. Мы не…

— Подожди.

Я переключился на свой личный канал:

— Сержант!

— Слушаю вас, сэр.

Говорил он тоже тихо и спокойно.

— Мы с Брамби установили связь, но никак не можем встретиться. Где ты?

Он колебался.

— Сэр, я бы вам посоветовал отыскать Брамби с ребятами — и возвращайтесь наверх.

— Отвечай на вопрос.

— Мистер Рико, вы можете неделю убить на поиски — а я не могу двигаться. Вы должны…

— Молчать! Ты ранен?

— Никак нет, сэр, но…

— А почему ты не можешь двигаться? Баги?

— Грудами! Достать они меня не могут… но и я выйти не могу. А потому вам бы лучше…

— Сержант, мы напрасно тратим время! Я уверен, что вы отлично знаете, где находитесь! Говорите же, пока я смотрю на карту. Доложите данные вашей навигационной системы. Это приказ. Докладывайте!

Он доложил обо всем коротко и ясно. Я включил прожектор в шлеме, убрал инфравизоры и прикинул по карте.

— Отлично, ты прямо под нами, на два уровня ниже. И где свернуть, я знаю. Мы придем, как только соединимся со вторым отделением. Держись.

Я сменил волну:

— Брамби.

— Здесь, сэр.

— Когда вы дошли до первого перекрестка — в какую сторону свернули?

— Мы пошли прямо, сэр.

— О’кей. Кунха, идем. Брамби, как там у вас насчет багов?

— Сейчас ничего, сэр. Но заплутали мы по их милости. Мы напоролись на целый полк — а ко-

гда прикончили их, оказалось, что заблудились.

Я хотел спросить его о потерях, но потом решил, что дурные новости обождут. Я хотел собрать взвод и вывести наверх. Гнетущая пустота подземелья была даже хуже багов, которых мы ожидали здесь встретить. Брамби диктовал мне, куда они сворачивали, а я бросал липучки в каждый коридор, в который мы не заглядывали. В этих бомбах содержался новый газ, похожий на тот, что мы использовали раньше, — но он, вместо того чтобы убивать багов, только парализовал их на время. Этой ерундой нас щедро снабдили перед началом операции «Ройялти» — но я с радостью обменял бы тонну липучек на несколько фунтов настоящего газа. Но с помощью липучек мы хотя бы обезопасили фланги.

На одном из длинных, прямых отрезков пути мы потеряли связь с Брамби. Наверное, в этом месте как-то странно отражались радиоволны — за следующим перекрестком контакт восстановился.

Но теперь он уже не мог сказать мне, куда следует сворачивать. Здесь — или неподалеку — баги атаковали их.

И здесь же баги атаковали нас.

Я так и не понял, откуда они появились. Секун-

ду назад все было тихо. Затем раздался крик:

— Баги!

Кричали сзади. Я обернулся — и тут оказалось, что баги — везде. Похоже, каменные стены не были такими уж цельными, как выглядели. Больше багам просто неоткуда было взяться. Они оказались сразу со всех сторон, и среди нас — тоже.

Огнеметы использовать было нельзя. Бомбы тоже, слишком уж тесно здесь было. Но баги не считались с опасностью пристрелить своего, если была возможность попасть в нас. Однако у нас оставались еще руки и ноги…

В общем, бой длился не больше минуты, а потом багов вдруг не стало — только истерзанные трупы на полу… И среди них — четверо наших.

Одним из погибших был сержант Брамби. Во время боя к нам подошло второе отделение. Они были совсем рядом, держась вплотную друг к другу, чтобы не растеряться в этом лабиринте, — и услышали шум боя. На звук они и вышли к нам, хотя засечь наш пеленг не могли.

Кунха и я осмотрели лежащих, чтобы убедиться, что они мертвы, а потом соединили два полувзвода и разделили на четыре отделения. Затем мы направились вниз, и скоро обнаружили багов, осаждавших нашего сержанта.

Здесь боя не было вовсе, потому что сержант предупредил нас заблаговременно. Он захватил в плен одного из багов-интеллектуалов и прикрывался его грузным телом как щитом. Выйти он не мог, но и баги не могли его атаковать без того, чтобы — буквально — не совершить коллективного самоубийства, попав невзначай по своему собственному мозгу.

У нас такого преимущества не было, и мы атаковали багов с тыла.

Затем я увидел отвратительную тушу, которую держал сержант, и почувствовал небывалое воодушевление, несмотря на наши потери. И тут где-то совсем близко начали «жарить бекон». Большой обломок скалы отделился от потолка, обрушился на меня, и операция «Ройялти» перестала меня заботить.

Я очнулся в постели и решил, что я уже в училище. Баги же и все прочее — просто длинный ночной кошмар. Но оказалось, что до училища еще далеко, а я нахожусь в госпитале транспорта «Аргонн» и последние двенадцать часов взаправду самостоятельно командовал взводом!

Но сейчас я был просто одним из пациентов — отравился оксидом азота да еще получил изрядную дозу облучения, когда долго был без

скафандра — взяли на корабль меня только через час. Плюс еще сломанные ребра да сотрясение мозга — оно-то и вывело меня из игры.

Все подробности насчет операции «Ройялти» мне удалось узнать только спустя много времени. А кое-чего я так никогда и не узнал. К примеру, зачем Брамби повел под землю свое отделение. Брамби мертв, и Найди тоже… Хорошо, что они получили повышение перед операцией и могли гордиться своими шевронами в тот день, когда на планете Пи все шло наперекосяк.

Позже я узнал, зачем мой сержант решил спуститься в город багов. Он слышал мой рапорт капитану Блэкстоуну — насчет главного прорыва, который оказался фикцией; рабочих просто отправили на убой. Когда возле него из-под земли выбрались воины, он догадался (на несколько минут раньше, чем об этом догадались в штабе), что багов гонит наверх отчаяние, они не стали бы растрачивать столько рабочих, чтобы просто отвлечь наш огонь.

Увидев, что контратака багов, предпринятая над городом, ничего серьезного собой не представляет, он понял, что силы противника на исходе. И решил, что настал тот самый золотой миг, когда один человек может решить судьбу

рейда, спустившись вниз и захватив кого-нибудь из правящей касты. Если помните, это и было главной целью всей операции. У нас было достаточно сил, чтобы полностью стерилизовать планету Пи, однако нам приказали захватить власть имущих и выработать способы воевать с багами под землей. Он удачно поймал момент — и успех сопутствовал ему в обоих смыслах!

Таким образом, первый взвод Черных Стражей «боевую задачу выполнил». Из сотен взводов, участвовавших в операции «Ройялти», лишь немногие могли похвастать этим! Королев-маток захватить не удалось (баги сами убили их), а интеллектуалов взяли только шесть. Обменять их, правда, не удалось — они прожили в плену недолго. Зато ребята из Психокорпуса впервые получили живые экземпляры, так что операцию «Ройялти» можно считать удавшейся.

Мой сержант прошел полевую аттестацию. Мне этого не предлагали — да я бы и не согласился, — но узнав, что он стал офицером, я не был удивлен. Капитан Блэки, помнится, говорил, что мне достался «лучший сержант во флоте», и я в этом ни капли не сомневаюсь. Ведь я и раньше знал его. Хотя не думаю, что кто-либо из Черных Стражей догадывался об этом — ни он, ни я ни-

кому ничего не говорили. Вряд ли что-нибудь знал даже сам капитан! И все же я был знаком со своим сержантом с первого дня в МП.

Его фамилия — Зим.

Мне лично участие в операции «Ройялти» не принесло ничего. На «Аргонне» я пробыл больше месяца — сначала как пациент, а потом — просто как случайный попутчик, прежде чем всех нас доставили на Санктори. Таким образом, я имел достаточно времени на раздумья — большей частью о допущенных мной потерях и промахах. Всего скапливалось порядком, хотя и командовал-то я вовсе ничего. Я отлично понимал, что ничего не сделал так, как сделал бы на моем месте лейтенант, — что там, меня не хватило даже на то, чтобы получить рану в бою, — на меня просто камень упал! Уж конечно ни один настоящий офицер не допустил бы, чтобы на голову ему свалился дурацкий обломок скалы…

Я даже не знал, как велики были наши потери. Помнил только, что под конец остались четыре отделения из шести. А сколько мы могли потерять до того, как Зим вывел ребят на поверхность, до того, как все Бандиты погрузились в шлюпку, сдав дела сменщикам, — я даже представить себе боялся.

А капитан Блэкстоун — остался ли он в живых? Потом я узнал, что да. Он снова принял командование, пока я был под землей. Но об этом я узнал позже, а пока совершенно не представлял себе, что делают, когда кандидат остается в живых, а его экзаменатор гибнет. Но я чувствовал, что после операции «Ройялти» в мою «форму 31» напишут такое, что мне даже сержантом не быть. Так что я не сомневался насчет учебников по математике, оставшихся на «Туре».

Все же, едва поднявшись с кровати и день проваляв дурака, я выпросил учебники у одного из младших офицеров и взялся за дело. Математика — штука нелегкая и полностью занимает мозг, помогая отвлечься от неприятных раздумий, — к тому же ее всяко лучше выучить, неважно, кем я стану потом, пригодится. В конце концов все более или менее важное берет свое начало в математике.

Наконец, вернувшись в училище и сдав свои звездочки, я узнал, что в сержанты меня пока не отправляют, я все еще курсант. Наверное, Блэки «оправдал меня за недостатком улик».

Мой сосед по комнате, Ангел, был дома и сидел, задрав ноги на стол. Рядом на столе лежал сверток с моими учебниками. Он поднял глаза

и удивился:

— Ты, Хуан?! А мы думали, ты получил искупление грехов!

— Это я-то? Баги посчитали, что грехи мои слишком велики для них. А когда ты летишь?

— Я уже прилетел, — возразил Ангел. — Меня отправили на день позже. За неделю отстрелялся — три броска. А почему ты так долго?

— На обратном пути задержался. Целый месяц летел пассажиром.

— Везет же людям! А сколько бросков?

— Ни одного, — признался я.

Он вытаращил глаза:

— Вот это да! Везет же людям… просто до неприличия!

Возможно, Ангел был прав: в конце концов мне выдали офицерский патент. Но везение мое в некотором роде зависело и от самого Ангела — он ведь репетировал меня по математике. Вообще, везение мое заключалось в людях — Ангел, Джелли, лейтенант, Карл, подполковник Дюбуа, и мой отец, и Блэки… И Брамби с Эйсом… И уж конечно — сержант Зим. То есть уже капитан Зим — так я должен сказать — пусть он пока еще, может быть, первый лейтенант. Да, я просто не имею права быть старше его по званию!

На следующий же день я и мой сокурсник Бенни Монтец дожидались на космодроме своих кораблей.

Только вчера нас произвели во вторые лейтенанты, и мы еще смущались, когда нам салютовали. Чтобы скрыть смущение, я пошел к списку кораблей, стоявших на околопланетной орбите. Кораблей было такое множество, будто здесь затевалось что-то грандиозное — только нам не сочли нужным сообщить. Я здорово волновался. Одним махом сбылись сразу два моих заветнейших желания — получить назначение в мою прежнюю часть и сделать это, пока там еще служит мой отец. И уже совсем скоро! Пусть даже я буду придан лейтенанту Джелалу в качестве ученика, пока не проявлю себя в деле!

Все эти чувства настолько переполняли меня, что я не мог ни о чем разговаривать и просто изучал список. Ух ты, сколько их тут! Корабли расположены были по типам — их было слишком много, и такой порядок был удобнее. Я принялся искать десантные транспорты — только они и достойны внимания МП.

Гляди-ка, и «Маннергейм» здесь! Есть ли шанс мне увидеться с Кармен? Скорее всего нет, но спросить не возбраняется…

Большие корабли — новая «Вэлли Фордж» и новый «Ипр», «Марафон», «Эль Аламейн», «Иво», «Галлиполи», «Лейте», «Марна», «Тур», «Геттисберг», «Гастингс», «Аламо», «Ватерлоо» — все названия, которые пехота сделала бессмертными.

В честь них, таких же «пончиков», как мы, были названы корабли поменьше — «Гораций», «Алвин Йорк», «Свамп Фокс», сам «Родж» — да благословит господь имя его, «Полковник Боуи», «Деверо», «Верцингеторикс», «Сандино», «Обри Козенс», «Камехамеха», «Ауди Мерфи», «Ксенофонт», «Агинальдо»...

Я сказал:

— Один из них надо бы назвать «Магсэйсэй».

— Кто?

— Рамон Магсэйсэй, — объяснил я. — Великий человек и великий воин. Если бы он жил сейчас — скорее всего был бы начальником у военных психологов. Тебя что, истории в школе не учили?

— Почему, учили. Симон Боливар построил пирамиды, разгромил Армаду и первым полетел на Луну.

— Плохо ты учил — он еще был женат на Клеопатре.

— А, да. Точно. По-моему, в каждой стране исто-

рию пишут по-своему.

— Это верно…

Я добавил фразу на родном языке, и Бенни спросил:

— Как это ты?..

— Извини, Бернардо. Это такая пословица на нашем языке. Наверно, более или менее точно будет так: «Твой дом там, где твое сердце».

— А что это за язык?

— Тагалогский. Язык моего народа.

— Разве там, откуда ты родом, на стандарт-инглиш не говорят?

— Говорят, конечно. В школах и в бизнесе, вообще… Но мы дома говорили немного по-старому. Традиции, сам понимаешь.

— Понимаю. Мои тоже иногда болтали по-испански. Но где ты…

Репродуктор начал играть «Страну лугов». Бенни расплылся в улыбке:

— Я — на свидание! Не прохлопай свой! Увидимся.

— Помни о багах!

Я повернулся к списку и продолжал читать названия кораблей:

«Пэл Мэлетер», «Монтгомери», «Чака», «Джеронимо»…

И тут раздалась самая замечательная в мире музыка:

— …сияет в веках, сияет в веках — имя Роджера Янга!

Я схватил вещи и побежал. «Твой дом там, где твое сердце». Я возвращался домой!

Глава 14

…Разве я сторож брату моему?

Бытие, 4,9

Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся?

От Матфея, 18,12

Сколько же лучше человек овцы?

От Матфея, 12,12

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного… кто спасает жизнь одного, спасает жизнь всех живущих.

Коран, Сура 5,32

С каждым годом мы медленно, но верно приближались к победе. Нужно ведь соблюдать меру!

— Пора, сэр.

Мой заместитель-стажер, курсант — или «третий лейтенант» — Медвежья Лапа стоял в дверях. С виду он был до неприличия молод и в общении столь же безопасен, как и любой его предок —

охотник за скальпами.

— Идем, Джимми.

Я был уже в скафандре. Мы направились в «предбанник». На ходу я сказал ему:

— Только вот что, Джимми. Держись рядом и не путайся под ногами. Не теряйся и помни: боезапас создан для того, чтобы им пользоваться. Если, не дай бог, я получу искупление грехов, начальником будешь ты. Но если у тебя есть хоть капля ума, ты доверишься взводному сержанту.

— Так точно, сэр.

Мы вошли. Сержант скомандовал: «Смирно!» и отдал честь. Я отсалютовал в ответ, сказал: «Вольно» и начал осмотр первого отделения, а Джимми занялся вторым. Затем я перепроверил второе лично — каждую мелочь у каждого бойца. Похоже, сержант делал это придирчивее моего — я, как всегда, ничего особенного не нашел. Но бойцы чувствуют себя уверенней, если сам въедливый Старик «благословит» каждого. Кроме этого, это моя работа.

Потом я вышел на середину.

— Еще одна охота на багов, ребята. Но сегодня, как вы знаете, все будет немного иначе. На Клендату держат заложниками наших ребят, поэтому мы не можем использовать те Нова-бомбы. Зна-

чит, следует спуститься, закрепиться на планете, удержать ее и вышвырнуть багов вон. Обратного катера не будет — он только привезет дополнительный боезапас и рационы. Если попадете в плен — выше нос, и действуйте по инструкции. И помните — за вами вся армия, вся Федерация! Мы придем и вытащим вас! И того же ждут от нас наши товарищи с «Монтгомери» и «Свамп Фокс». Те, кто остался в живых, ждут нас, и знают, что мы придем. И мы идем. Наконец-то мы вытащим их! Не забывайте, пока мы выручаем их, нас поддерживают все. А наша забота — лишь небольшой район; все это мы много раз отрабатывали. И последнее. Перед самым вылетом я получил письмо от капитана Джелала. Он пишет, что новые его ноги работают отлично. И еще он велел передать вам, что постоянно помнит о вас… и надеется, что вы прославите свои имена! И я — также. Падре, пять минут.

Меня затрясло мелкой дрожью. Но когда я скомандовал: «Смирно! По отделениям… левый и правый борт… приготовиться!» — малость отпустило.

Я был в полном порядке, пока осматривал каждого в капсулах с одного борта. Тем временем Джимми и сержант занимались другим. Затем

мы впихнули Джимми в носовую № 3. Как только он скрылся, меня затрясло снова.

Мой сержант положил мне руку на плечо:

— Как на маневрах, сынок.

— Помню, пап.

Дрожь тут же унялась.

— Это от ожидания — уже прошло.

— Я знаю. Четыре минуты. Пора и нам, сэр?

— Пошли, пап.

Я быстро обнял его, и флотские помогли нам забраться в капсулы. Дрожь, похоже, прошла окончательно. Я доложил:

— Мостик! Дикобразы Рико к броску готовы!

— Тридцать одна секунда, лейтенант.

Она добавила:

— Счастливо, ребята! На этот раз мы с ними покончим!

— Верно, капитан.

— Проверка… А пока даю музыку.

Она нажала кнопку.

— «Во славу пехоты сияет в веках…»

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Янг, Роджер В., рядовой, 148-й пехотный полк 37-й пехотной дивизии («Мы из Огайо»). Место рождения: Тиффин, штат

Огайо, 28 апреля 1918 г.

Погиб 31 июля 1943 г. на о-ве Нью-Джорджия (Соломоновы о-ва, юг Тихого океана), в одиночку атаковав и уничтожив долговременную огневую точку противника. Пулеметным огнем этого дота взвод был прижат к земле; рядовой Янг был ранен в первый раз. Он пополз к укреплению, был ранен во второй раз, но продолжал движение, по возможности стреляя из автомата. Приблизившись к доту, забросал его гранатами, но при этом был ранен в третий раз — смертельно.

Его смелый, благородный поступок перед лицом превосходящих сил противника позволил товарищам Роджера Янга отступить без потерь. Роджер Янг был посмертно награжден медалью Славы.

Гражданин Галактики

Глава 1

— Лот девяносто семь, — объявил аукционист. — Мальчик.

У паренька кружилась голова, ощущение твердой почвы под ногами вызывало тошноту. Невольничий корабль проделал путь в сорок с лишним световых лет, неся в своих трюмах смрад, такой же, как и на любом другом невольничьем корабле: затхлый дух сбившихся в кучу немытых тел, тяжкий запах страха, рвоты и неизбывной горечи. И все же на борту его мальчик что-то собой представлял, он был признанным членом определенного сообщества, мог надеяться на ежедневную порцию похлебки и кулаками отстаивать свое право без помех ее проглотить. Даже имел друзей.

А теперь он снова никто и ничто. И опять выставлен на продажу. Удар молотка аукциониста ознаменовал продажу предыдущего лота: очень похожих друг на дружку светловолосых девушек, объявленных двойняшками. За них торговались, и цена оказалась высокой. Аукционист с довольной ухмылкой повернулся и указал на мальчика:

— Лот девяносто семь. Давайте его сюда.

Мальчишку пинком вытолкнули на помост. Он стоял, весь сжавшись, бросая по сторонам быстрые дикие взгляды, рассматривая то, что не мог видеть из своего загона. Невольничий рынок был расположен на той стороне знаменитой площади Свободы, что примыкает к космопорту, напротив холма, увенчанного еще более знаменитым зданием Президиума Саргона, капитолия Девяти Миров. Но мальчик не знал, что это за здание; он не ведал даже, на какую планету его занесло. Он просто глядел на толпу.

Ближе всех к помосту работорговцев сгрудились нищие, чтобы льстиво выклянчивать подаяние у каждого покупателя, забиравшего свое приобретение. За ними полукругом стояли скамьи для богачей и знати. Сбоку от них размещались рабы, носильщики, телохранители и шоферы этих сливок общества. Они бездельничали возле автомобилей толстосумов или паланкинов и портшезов, принадлежавших еще более богатым толстосумам. Позади дам и господ собрались простолюдины, праздные и любопытные, вольноотпущенники и карманники, разносчики прохладительных напитков, мелкий купчишка, не получивший почетного

сидячего места, но всегда готовый приобрести носильщика, писца, слесаря или даже служанку для своих жен.

— Лот девяносто семь, — повторил аукционист. — Чудесный здоровый парень. Может использоваться как паж или подмастерье. Дамы и господа, представьте себе, что он попал в ваш дом. Взгляните на…

Его слова потонули в визге звездолета, набиравшего скорость при старте с космодрома у него за спиной.

Старый нищий по прозвищу Калека Баслим изогнулся всем своим полуобнаженным телом и, прищурив единственный глаз, заглянул за край помоста. По его мнению, мальчик мало чем походил на вышколенного домашнего слугу — это был грязный, тощий, покрытый синяками затравленный зверек. Сквозь корку грязи на спине проступали белые шрамы, наглядно демонстрировавшие мнение о мальчике его прежних хозяев.

Глаза и форма ушей парнишки навели Баслима на мысль, что он, возможно, чистокровный потомок землян. Однако наверняка можно было сказать лишь, что это мальчик, что он еще мал, перепуган, но по-прежнему строптив.

Мальчик почувствовал пристальный взгляд нищего и неприязненно посмотрел на него.

Визг звездолета стих, и разодетый щеголь, сидевший в первых рядах, небрежно взмахнул платком, привлекая к себе внимание аукциониста.

— Эй ты, мошенник, довольно впустую занимать наше время. Выставь-ка что-нибудь вроде предыдущего лота.

— О, благородный господин, мне полагается выкликать номера в соответствии с каталогом.

— Тогда пошевеливайся! Или оттащи эту худосочную скотину в сторону и покажи нам стоящий товар.

— Вы так добры ко мне, господин, — аукционист возвысил голос. — Меня просят оживить торги, и я уверен, что мой благородный хозяин не станет возражать. Буду откровенен: этот славный парнишка молод, его новому владельцу придется всему его учить. Поэтому…

Мальчик почти не прислушивался. Он знал лишь несколько слов на местном языке, и к тому же все, о чем тут говорилось, не имело на самом деле для него значения. Он оглядел дам под вуалями и разряженных щеголей, гадая, кто из них станет его новым хозяином.

— Поэтому, — продолжал аукционист, — чтобы ускорить дело, назначается весьма низкая начальная цена. Это будет выгодная покупка! Что я слышу? Двадцать стелларов?

Тишина становилась напряженной. Холеная нарядная красавица под кружевной вуалью склонилась к щеголю и что-то зашептала ему на ухо, потом захихикала. Щеголь нахмурился, вытащил кинжал и сделал вид, будто чистит ногти.

— Я ведь сказал, чтобы с этим кончали побыстрее, — буркнул он.

Аукционист вздохнул.

— Господа, прошу вас помнить, что я несу ответственность перед своим хозяином. Но я, так и быть, снижу начальную цену. Десять стелларов. Да, я сказал «десять»! Невероятно! — Аукционист скорчил удивленную мину. — Уж не оглох ли я? Может быть, кто-то поднял палец, а я просто не вижу? Прошу внимания. Перед вами молодой крепкий парень — он подобен чистому листу бумаги, на котором вы можете изобразить все, что хотите. За эту невероятно низкую цену вы можете позволить себе сделать из мальчика немого слугу или все, что вам будет угодно.

— Или скормить его рыбам!

— Или скормить его… О, вы так остроумны,

благородный господин!

— Это начинает приедаться. Ты что, думаешь, это жалкое создание чего-нибудь стоит? Может, он твой сын?

Аукционист выдавил улыбку.

— Будь так, я гордился бы им. Я сожалею, что мне запрещено разглашать родословную этого парня!

— Значит, попросту говоря, она тебе неведома.

— Хоть я и обязан держать рот на замке, однако не премину указать на форму его черепа, на четко очерченные линии ушей, — тут аукционист схватил мальчика за ухо, тот извернулся и укусил его за руку. Толпа засмеялась. Аукционист отдернул руку.

— Экий живчик! Ну да плетка и не такие недуги лечила. Прекрасная родословная. Вы только взгляните на его уши! Можно сказать, лучшая наследственность в Галактике.

Аукционист совершил оплошность, не заметив, что молодой щеголь был уроженцем Синдона IV. Тот снял свой шлем, явив на свет типично синдонианские уши — длинные, заостренные и волосатые. Синдонианин подался вперед, уши его стали торчком.

— Кто твой благородный хозяин?

Старый Баслим тотчас же отодвинулся подальше, готовый чуть что улизнуть. Мальчик напрягся и начал озираться по сторонам, почувствовав непонятное беспокойство. Аукционист побледнел: никто не смел в открытую потешаться над синдонианином… более одного раза.

— О, мой господин, — выдавил он. — Вы не так меня поняли…

— А ну, повтори свою шутку про уши и лучшую родословную!

Наблюдавшие за аукционом полицейские находились достаточно далеко. Аукционист облизнул губы.

— Помилуйте, досточтимый господин, у меня дети. Я сказал лишь то, что говорят все. Это не мое личное мнение. Я только хочу побыстрее сбыть этот товар… вы же сами настаивали…

В тишине прозвучал женский голосок:

— Ах, оставь, Дварол. Не его вина, что у этого раба такие уши. Он должен продать товар — вот и все.

— Вот и пусть продает! — сопя, откликнулся синдонианин.

Аукционист перевел дух.

— Да, мой господин. — Он собрался с силами и продолжал: — Прошу простить меня, мои да-

мы и господа, за то, что трачу время на столь неинтересный лот. Прошу вас, назначьте хоть какую-нибудь цену!

Он подождал, затем нервно проговорил:

— Не слышу никаких предложений. Цену никто не назначает. Цена не назначена — раз… Если вы так ничего и не предложите, я буду обязан вернуть этот лот и прервать торги для консультации с моим патроном. Цена не назначена — два… А у меня еще вдоволь отличного товара. Какая жалость, если не удастся его показать. Цена не назначена — три…

— Вон твоя заявка! — рявкнул синдонианин.

Нищий старик поднял два пальца. Аукционист в изумлении уставился на него.

— Ты назначаешь цену?!

— Да, — проскрипел старик, — если господа и дамы позволят.

Аукционист обвел взглядом полукругом сидящую перед ним публику. Кто-то из толпы крикнул:

— Почему бы и нет! Деньги есть деньги!

Синдонианин кивнул, аукционист быстро спросил:

— Ты предлагаешь за этого мальчишку два стеллара?

— Нет, нет, нет, нет! — завопил Баслим. — Два минима!

Аукционист замахнулся было на старика, но тот проворно увернулся.

— Поди прочь! — вскричал аукционист. — Я тебе покажу, как глумиться над господами!

— Эй, аукционист!

— Да, господин? Слушаю, мой господин.

— Сам ведь говорил: «Назначьте хоть какую-нибудь цену», — сказал синдонианин. — Сплавь ему мальчишку!

— Но…

— Ты меня слышал?

— О, господин, я не могу продать за первую же назначенную цену. В законе ясно сказано: одна заявка — это не торги. Даже две, если аукционист не установил минимума. Без начальной цены я не смогу продать его, не услышав по крайней мере три предложения. Благородный господин, этот закон принят для защиты интересов владельца, а не ради меня, несчастного!

— Да, есть такой закон! — выкрикнул кто-то.

Синдонианин нахмурился.

— Тогда объяви цену.

— Цена любая, лишь бы она устраивала моих господ и дам. — Аукционист воззвал к толпе: — Я

слышал, что за лот девяносто семь предлагают два минима. Кто даст четыре?

— Четыре, — отозвался синдонианин.

— Пять! — раздался голос из толпы.

Синдонианин поманил к себе нищего. Баслим подполз на руках и одном колене, волоча обрубок второй ноги. Ему мешала миска для подаяний.

— Пять минимов — раз! Пять минимов — два…

— Шесть! — бросил синдонианин и, взглянув в миску нищего, достал кошелек. Он швырнул калеке горсть мелочи.

— Я слышал — шесть минимов! Услышу ли я — семь?

— Семь! — проскрипел Баслим.

— Семь минимов! Эй, господин с поднятым пальцем, вы предлагаете восемь?

— Девять! — перебил нищий.

Аукционист поморщился, но заявку принял. Цена приближалась к стеллару, шутка становилась дороговата для большинства присутствующих. Ни дамам, ни господам не хотелось ни приобретать такого никчемного раба, ни портить шутку синдонианина.

— Девять минимов — раз… — забормотал аукционист. — Девять минимов — два… Девять минимов — три… Продано за девять минимов!

Он столкнул мальчика с помоста, и тот угодил прямо в руки старика.

— Забирай и проваливай!

— Полегче, ты! — осадил его синдонианин. — Выписывай купчую.

Едва сдерживаясь, аукционист проставил имя нового владельца и цену на заранее заготовленном для лота девяносто семь бланке. Баслим уплатил девять минимов и воспользовался щедростью синдонианина, чтобы выплатить регистрационный налог, оказавшийся выше продажной цены мальчика. Паренек тихо стоял рядом. Он понял, что опять продан и что новый его хозяин — вот этот самый старик. Впрочем, это не имело для него особого значения: он не хотел бы принадлежать никому. Пока все занимались оформлением покупки, мальчишка внезапно бросился наутек.

Старый нищий, который вроде бы и не смотрел в его сторону, выбросил длинную руку и, ухватив парня за ногу, вернул его на место. Мальчик ощутил, как костлявая ладонь стискивает его предплечье, и сник, покорившись неизбежному. В который уж раз! Ничего, надо набраться терпения: рано или поздно все они теряли бдительность.

Обретя опору, калека с чувством собственного достоинства поклонился синдонианину.

— Мой господин! — просипел он. — Я и мой слуга благодарим вас.

— Пустое, пустое. Ступай, — синдонианин взмахнул платком.

От площади Свободы до Баслимовой норы было не больше полумили, но шли они долго. Баслим неуклюже скакал, используя мальчишку как опору, а этот способ передвижения был даже медленнее, чем обычный, когда нищий полз на руках и одном колене. Кроме того, он часто останавливался, чтобы просить подаяние, и заставлял мальчика совать миску под нос каждому встречному и поперечному.

Все это Баслим проделывал молча. Он уже пытался объясниться с мальчиком на интерлингве, космическом голландском, саргонезском наречии, на полудюжине всяких жаргонов — воровском, местном, блатном, на языке рабов и торговцев, даже на английском Системы. Все без толку, хотя пару раз Баслиму показалось, что парнишка понимает его. В конце концов нищий оставил эту затею и стал выражать свои пожелания при помощи жестов и оплеух. «Пусть пока мы не можем найти общего языка, — думал

Баслим. — Не беда, научим парня и словесному общению. Всему свое время. Всему свое время». Баслим никогда не спешил. Он вообще отличался неторопливостью.

Жилище Баслима располагалось под старым амфитеатром. Когда Саргон Август повелел воздвигнуть другой, более внушительный цирк, старый снесли лишь частично. Работы приостановили из-за второй Ситанской войны, и с тех пор все так и осталось. Баслим повел мальчика в эти развалины. Идти здесь было тяжело, и временами Баслиму приходилось пробираться ползком, но хватка его не ослабевала ни на миг. Однажды, правда, в руке нищего оказалась только набедренная повязка, и мальчишка едва не вывернулся из своего рубища, но нищий успел перехватить его запястье. После этого они пошли еще медленнее.

Старик спустился в темный лаз в конце обрушившейся галереи, заставляя мальчика идти первым. Потом они поползли по битой черепице и грудам булыжника, пока не очутились в другом коридоре, где было темно, как ночью, но чисто. Ниже, еще ниже, опять вниз — и вот они уже в чреве старого амфитеатра, прямо под бывшей ареной.

Впотьмах Баслим и мальчик добрались до тщательно пригнанной двери. Баслим открыл ее, втолкнул мальчишку внутрь, вошел сам и запер за собой дверь, прижав большой палец к замку-определителю. Потом он коснулся выключателя. Вспыхнул свет.

— Ну вот мы и дома, парень.

Мальчик изумленно огляделся. Он уже давно отвык интересоваться окружающим, но теперь увидел далеко не то, что можно было ожидать увидеть. Он стоял в просто обставленной милой комнате, чистой и уютной. Потолочные панели излучали приятный рассеянный свет. Меблировка скудная, но каждый ее предмет был на своем месте. Мальчишка с трепетом озирался по сторонам. Как ни скромно было это жилище, оно было лучше любого из тех, в которых ему приходилось жить прежде.

Старик отпустил его плечо и проковылял к шкафу. Поставив туда свою миску, он извлек на свет нечто непонятное. Нищий стянул с себя рубище, повозился с ремнями, и тут мальчик понял, что это — протез, искусственная нога, причем сделана она была так здорово, что ничем не уступала настоящей, из плоти и крови.

Нищий поднялся, взял с полки брюки и натянул

их. Теперь он вовсе не был похож на калеку.

— Поди сюда, — сказал он на интерлингве.

Мальчик не шелохнулся. Баслим повторил то же самое на других языках, потом пожал плечами, взял мальчика за руку и повел в соседнюю комнатушку. Это была маленькая кухня, совмещенная с ванной. Баслим наполнил водой ушат, вручил пареньку обмылок и сказал:

— Мойся, — и жестами объяснил, чего хочет.

Мальчик с молчаливым упрямством стоял неподвижно. Старик вздохнул, взял половую щетку и сделал вид, будто скребет ею мальчика. Когда жесткая щетина коснулась его кожи, старик остановил руку и повторил:

— Мойся. Прими ванну, — он произнес это на интерлингве и английском Системы.

Мальчик поколебался, снял набедренную повязку и начал медленно намыливаться.

— Так-то лучше, — сказал Баслим. Он поднял ветхую одежду, бросил ее в мусорный бачок, достал полотенце. Потом повернулся к своей кухонной утвари и занялся стряпней.

Через несколько минут он оглянулся. Мальчишка исчез. Старик не спеша вошел в комнату и увидел, что тот, голый и мокрый, изо всех сил тянет дверь. Заметив Баслима, мальчик удвоил

усилия, но все было тщетно. Старик похлопал его по плечу и махнул рукой в сторону маленькой комнаты:

— Заканчивай мытье.

Он отвернулся. Паренек побрел следом.

Когда мальчик вымылся и вытерся, Баслим поставил на плиту котелок с похлебкой и, открыв шкафчик, достал из него склянку и клок ваты из растительных волокон. Вымытая кожа мальчика явила миру богатое собрание разных шрамов и царапин, незаживающих порезов и ссадин, как старых, так и совсем свежих.

— Стой смирно, — ласково, но твердо проговорил Баслим и похлопал ребенка по руке. Тот расслабился, только вздрагивал каждый раз, когда лекарство щипало воспаленную кожу. Старик тщательно осмотрел застарелую язву на колене мальчика, опять неторопливо приблизился к шкафчику, вернулся и всадил парню шприц пониже спины, предварительно растолковав, что оторвет ему голову, если тот не проявит должного терпения. Потом он отыскал кое-какую старую одежду, велел мальчику надеть ее и опять занялся стряпней.

Покончив с этим, он сдвинул стол и стул таким образом, чтобы мальчик мог сидеть на сундуке,

и водрузил на стол большие миски с похлебкой. К похлебке вскоре добавились горсть зеленых стручков чечевицы и пара увесистых ломтей деревенского хлеба, черного и плотного.

— Суп готов, парень. Иди-ка закуси.

Мальчик опустился на краешек сундука, но есть не стал, готовый в любое мгновение сорваться и улизнуть. Баслим перестал жевать.

— В чем дело?

Он заметил, как мальчишка метнул быстрый взгляд на дверь и потупился.

— Ах, вот в чем дело. — Старик поднялся, прочно опираясь на свой протез, прошагал к двери и прижал большой палец к замку. — Дверь открыта, — объявил он. — Ешь свою похлебку или уходи.

Он повторил это на нескольких языках и с удовлетворением отметил, что раб понял его именно тогда, когда он обратился к мальчику на том языке, который считал его родным.

Однако Баслим не стал утруждать себя проверкой, а вернулся к столу, осторожно уселся на свой стул и взял ложку. Мальчик потянулся за своей, а потом внезапно сорвался с места и выскочил за дверь. Баслим продолжал есть. Дверь оставалась приоткрытой, и свет из нее лился в темный

коридор.

Завершив свой обед, Баслим вдруг почувствовал, что мальчишка смотрит на него из темноты. Не оборачиваясь, старик произнес на том языке, который, как он считал, мог быть понятен мальчику:

— Может, вернешься и поешь или мне выбросить твою порцию?

Мальчик не отвечал.

— Ну что ж, — продолжил Баслим. — Если ты не хочешь входить, я закрываю дверь. Оставлять ее нараспашку при включенном свете — слишком большой риск.

Он неторопливо поднялся, подошел к двери и начал потихоньку затворять ее.

— Последний раз зову, — объявил он. — Потом запру дверь на всю ночь.

И когда дверь уже почти захлопнулась, мальчик крикнул:

— Подожди!

На том самом наречии, которое и предполагал услышать старик.

Парнишка стремглав юркнул в дом.

— Добро пожаловать, — невозмутимо произнес Баслим. — Я не стану запирать дверь на замок — на тот случай, если ты передумаешь. — Он

вздохнул. — Будь моя воля, вообще никто не сидел бы взаперти.

Мальчик не ответил. Он сел, склонился над миской и накинулся на еду с такой жадностью, будто боялся, что ее вдруг отнимут. Он бросал по сторонам быстрые взгляды, а Баслим сидел и наблюдал за ним.

Вскоре темп поглощения пищи замедлился, но мальчишка продолжал жевать и глотать, пока не исчезла последняя капля похлебки, последний стручок чечевицы и крошка хлеба. Остатки паренек поглощал через силу, но все же справился с ними, заглянул в глаза Баслима и застенчиво улыбнулся. Старик ответил на улыбку.

Внезапно лицо мальчика исказилось, стало белым, затем зеленоватым; из уголка рта потекла струйка слюны, и мальчишку бурно вырвало.

Баслим проворно отодвинулся, спасаясь от этого извержения.

— Звезды небесные, какой же я дурак! — вскричал он на своем родном языке.

Он вернулся с ведром и тряпкой, отер лицо мальчика и уложил его, потом вытер каменный пол.

Немного погодя он принес ребенку гораздо более скромную снедь — бульон и кусочек хлеба.

— Макай хлеб и ешь.

— Лучше не надо.

— Ешь. Тебя больше не будет тошнить. По тому, как у тебя живот к спине прирос, я должен был догадаться, что тебе не следует давать полноценный обед. Ешь, только помедленнее.

Мальчик поднял глаза, его подбородок затрясся. Он проглотил несколько ложек. Баслим смотрел на ребенка, пока тот не одолел весь бульон и почти весь хлеб.

— Ну вот и хорошо, — сказал наконец старик. — Ну, парень, мне пора на покой. Кстати, как тебя зовут?

Мальчик поколебался.

— Торби…

— Торби. Хорошее имя. Можешь звать меня отцом. Спокойной ночи.

Он отстегнул протез, доскакал до шкафа и спрятал его, потом добрался до своей постели. Ложе было нехитрое — просто тюфяк в углу. Старик отодвинулся подальше, к стене, чтобы освободить место для мальчика, и сказал:

— Будешь ложиться — погаси свет.

С этими словами он закрыл глаза и стал ждать.

Довольно долго не доносилось вообще ни звука. Потом Баслим услышал, как мальчик идет к две-

ри. Свет погас. Старик ждал, не раздастся ли звук открываемой двери. Но нет. Он почувствовал, как мальчик забрался на тюфяк.

— Спокойной ночи, — повторил Баслим.

— Спокойной…

Старик уже почти дремал, когда вдруг почувствовал, что мальчика всего трясет. Протянув руку, Баслим погладил обтянутые кожей ребра, и тут мальчик разрыдался. Тогда старик повернулся, устроил поудобнее искалеченную ногу, обнял трясущиеся плечи мальчугана и притянул его лицо к своей груди.

— Все хорошо, Торби, — ласково проговорил он. — Все в порядке. Все кончилось. Это никогда больше не повторится.

Мальчик всхлипнул и вцепился в старика. Баслим держал его в объятиях, бормоча что-то ласковое, пока не унялась судорожная дрожь. Но и потом он продолжал лежать неподвижно — до тех пор, пока Торби не уснул.

Глава 2

Раны Торби затягивались: телесные — побыстрее, душевные, как водится, помедленнее. Старик нищий раздобыл где-то еще один тюфяк и положил его в другой угол, но все равно, просыпаясь по ночам, порой обнаруживал рядом с собой маленький теплый комочек. Тогда он понимал, что мальчику опять приснился кошмар. Баслим спал очень чутко и не любил делить с кем-либо свое ложе, но, когда такое случалось, он не гнал Торби обратно на его тюфяк.

Иногда мальчик принимался громко кричать во сне. Однажды Баслим пробудился оттого, что Торби причитал:

— Мама… мама…

Не зажигая света, старик проворно подполз к постели мальчугана и склонился над ним.

— Ну-ну, сынок, все в порядке.

— Папа?

— Спи, сынок, а то маму разбудишь. Я побуду с тобой, — добавил Баслим. — Тебе нечего бояться. Успокаивайся. Нельзя же будить маму, правда?

— Ладно, пап…

Затаив дыхание, старик сидел рядом и ждал. В

конце концов он сам окоченел от холода, разболелась культя. Убедившись, что мальчик спит, Баслим пополз на свое ложе.

Этот случай навел старика на мысль о гипнозе. Давным-давно, когда у Баслима еще были оба глаза и две ноги и не надо было нищенствовать, он изучал это искусство. Но гипноз ему не понравился, даже если применялся в лечебных целях: Баслим почти фанатично верил в неприкосновенность личности, а гипнотическое внушение противоречило его принципам.

Но сейчас он столкнулся с особым случаем. Старик был уверен, что Торби разлучили с родителями в таком возрасте, когда у него еще не было осознанных воспоминаний. Все, что мальчик видел в своей жизни, сводилось к бесконечной череде все новых и новых хозяев, один другого хуже, каждый из которых на свой лад стремился сломить дух «несносного мальчишки». Торби сохранил яркие воспоминания о некоторых из этих хозяев и описывал их на своем грубом языке — красочно и беспощадно. Однако он не имел представления о времени и месте развития тех или иных событий. «Место» для него было равнозначно «поместью», «имению» или «рабочему бараку», но не определенной планете или звезде

(познания мальчика в астрономии были большей частью неверными, а о галактографии он и вовсе понятия не имел); что до времени, то тут для него существовало только «до» и «после», «долго» и «коротко».

Поскольку на каждой планете — свои сутки, свой год и свое летосчисление, ученые пользовались стандартной секундой, длина которой вычислялась по радиоактивному распаду; стандартным считался год планеты — колыбели человечества, а единой точкой отсчета — день, когда человек впервые добрался до спутника этой планеты, Сол III. Неграмотный мальчишка просто не мог пользоваться такой датировкой. Земля была для Торби мифом, а день — промежутком времени между пробуждением и отходом ко сну.

Возраст парня Баслим определить не мог даже приблизительно. На вид Торби был чистокровным землянином и вроде бы еще не достиг отрочества, однако любые догадки на этот счет были бы не более чем домыслами. Вандорианцы и итало-глифы выглядят как земляне, но вандорианцы взрослеют втрое медленнее. Баслим вспомнил анекдот о дочке консула, которая пережила двух мужей, причем второй из них был правнуком первого. Мутации иногда совсем не

проявляются внешне.

Не исключено, что мальчишка «старше» самого Баслима — в стандартных секундах. Ведь космос велик, и человек по-разному приспосабливается к разным условиям. Но это неважно: Торби еще так мал и так нуждается в его помощи.

Гипноза Торби не испугался: это слово было для него пустым звуком, а давать объяснения Баслим не стал. Однажды после ужина старик просто сказал:

— Торби, я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня.

— Разумеется, пап. А что?

— Ложись на свой тюфяк, потом я тебя усыплю, и мы поговорим.

— Хе, ты хочешь сказать, что мы сделаем наоборот?

— Нет, это особая разновидность сна. Ты сможешь и спать, и говорить.

Торби воспринял это с большим недоверием, но согласился. Старик выключил осветительные панели и зажег свечу. Велев мальчику сосредоточиться на язычке пламени, он принялся монотонно повторять старинные формулы: успокоение… расслабление… дремота… сон…

— Торби, ты спишь, но слышишь меня и мо-

жешь отвечать.

— Ага, пап…

— Ты будешь спать до тех пор, пока я не велю тебе проснуться. Но ты сможешь отвечать на любой мой вопрос.

— Ага, пап…

— Ты помнишь, как назывался звездолет, на котором тебя привезли сюда?

— «Веселая вдовушка». Только мы называли его совсем не так.

— Ты видишь, как попал на этот корабль? Вот ты на борту. Ты все видишь. Ты все помнишь. Теперь возвратись туда, где ты был до того, как очутился на корабле.

Спящий мальчик съежился и напрягся.

— Не хочу!

— Ничего, я с тобой, тебе нечего бояться. Ну-с, как называлось то место? Вернись туда, оглядись.

Полтора часа просидел Баслим над спящим ребенком. Пот струился по его морщинистому лицу. Старик чувствовал себя опустошенным. Чтобы вернуть мальчика в ту пору, которая его интересовала, надо было пройти через испытания, вызывавшие отвращение даже у Баслима, человека старого и закаленного. Поэтому маль-

чик вновь и вновь восставал, и старик не мог его винить. И все же теперь у Баслима было ощущение, что он наперечет знает все рубцы на спине Торби и может назвать имя негодяя, оставившего каждый из них.

Так или иначе, он добился своего, он заглянул в прошлое дальше, чем позволяла память мальчика в состоянии бодрствования, заглянул в его раннее детство, когда Торби, совсем еще младенца, вырвали из родительских рук.

Оставив мальчика в изнеможении лежать на тюфяке, Баслим попытался совладать с разбродом в мыслях. Последние минуты разговора дались Торби с таким трудом, что старик усомнился: а стоило ли вообще докапываться до корня зла?

Ну что ж, поразмыслим… Что именно он выяснил?

Мальчик рожден свободным. Но ведь Баслим и так был в этом убежден. Родной язык Торби — английский Системы, но парень говорит на нем с акцентом, которого Баслим не может распознать из-за особенностей детской артикуляции. Стало быть, мальчик родился в пределах Земной Гегемонии, а может быть (хотя и маловероятно), даже на самой Земле. Это был своего рода сюрприз: прежде Баслиму казалось, что родным языком

мальчика является интерлингва, поскольку он владел ею лучше, чем тремя другими знакомыми ему языками.

Что еще? Родители мальчика, конечно же, мертвы, если можно полагаться на его искалеченную и подавленную память, на обрывки воспоминаний, извлеченные Баслимом из глубин его мозга. Фамилий или каких-то примет родителей старик так и не узнал. Они были просто «папой» и «мамой», так что в конце концов старик оставил надежду разыскать семью мальчика.

Ну а теперь, чтобы это жестокое испытание оказалось ненапрасным, надо сделать вот что.

— Торби?

Мальчик застонал и заворочался.

— Чего, пап?

— Ты спишь. Ты проснешься только тогда, когда я тебе велю.

— Я проснусь, только когда ты велишь…

— Как только я скажу, ты пробудишься. У тебя будет прекрасное самочувствие, и ты начисто забудешь все, о чем мы беседовали.

— Ага, пап…

— Ты все забудешь, но будешь хорошо себя чувствовать, а через полчаса опять сделаешься сонным. Тогда я велю тебе лечь в постель, ты

ляжешь и тотчас уснешь. Всю ночь ты будешь крепко спать и видеть приятные сны. А дурные тебе больше никогда не привидятся. Повтори это.

— У меня больше не будет дурных снов…

— Ты никогда не увидишь кошмаров. Никогда.

— Никогда…

— Папа и мама не хотят, чтобы ты видел дурные сны. Они счастливы и тебе тоже желают счастья. И если приснятся тебе, то лишь в добрых снах.

— В добрых снах…

— Все хорошо, Торби. Ты начинаешь просыпаться. Ты просыпаешься и не можешь вспомнить, о чем мы говорили. Но ты никогда больше не увидишь дурных снов. Проснись, Торби.

Мальчик сел, протер глаза, зевнул и заулыбался.

— Надо же, я заснул. Что, не получилось, пап?

— Все в порядке, Торби.

Не один сеанс понадобился, чтобы усмирить призраков, но со временем кошмары отступили и прекратились вовсе. Однако Баслим не был достаточно искусным гипнотизером, чтобы стереть дурные воспоминания. Ему удалось лишь внушить Торби, что воспоминания эти не будут омрачать его жизнь. Впрочем, даже будь Баслим

более сведущ в гипнозе, он все равно не стал бы избавлять мальчика от воспоминаний: по его твердому убеждению, житейский опыт человека — всецело его достояние и нельзя без разрешения стирать из памяти ничего, даже самого печального.

Ночи Торби наполнились покоем, зато дни — суетой. Поначалу Баслим все время держал мальчика при себе. Позавтракав, они обычно брели на площадь Свободы. Старик устраивался на тротуаре, а Торби с голодным видом сидел или стоял рядом, держа в руке миску для милостыни. Место они всегда выбирали такое, где они мешали проходу, однако не настолько, чтобы вызвать со стороны полицейских более чем ворчание. Мало-помалу Торби открыл, что полицейские, патрулирующие площадь, всегда ограничивались ворчанием: полиции недоплачивали, и Баслим заключил с патрульными весьма выгодное для них соглашение. Вскоре Торби полностью освоил древнейшее ремесло. Он узнал, что господин, сопровождающий даму, всегда щедр, если обратиться за подаянием к его спутнице; что просить милостыню у женщины, шествующей в одиночестве, — бессмысленное занятие, разве что она идет без вуали; обращаясь

к одинокому мужчине, можно с равной вероятностью получить и пинок, и монету, а только что совершившие посадку звездолетчики весьма щедры. Баслим научил мальчика всегда держать в миске немного денег — не крупных, но и не совсем уж мелочи.

Поначалу тщедушный, полуголодный, покрытый струпьями, Торби как нельзя лучше подходил для этой работы. Одной его наружности оказывалось вполне достаточно. Увы, вскоре он стал выглядеть куда лучше. Баслим исправлял это, накладывая грим, обводя глаза мальчика широкими черными кругами и рисуя впадины на щеках. Маленькая пластиковая нашлепка на подбородке выглядела совсем как настоящая язва, омерзительная на вид, и прикрывала давно зажившую рану. Она была смазана подслащенной водой и привлекала мух, поэтому податели милостыни, бросая в миску деньги, отводили глаза.

Скрывать упитанность тоже было непросто, но в течение года или двух Торби так быстро рос, что оставался тощим, несмотря на хороший завтрак, добрый ужин и сладкий сон.

Получил Торби и бесценное уличное образование. Джуббулпор, столица Джуббула и Девяти Миров, главная резиденция Великого Саргона,

славился тем, что давал приют трем с лишним тысячам нищих, имевших соответствующие лицензии. Вдвое больше тут было уличных торговцев. Число питейных заведений превышало количество церквей, которых в Джуббулпоре насчитывалось больше, чем в любом другом городе Девяти Миров. По улицам слонялось бесчисленное множество карманников, татуировщиков, продавцов наркотиков, воров и подпольных менял, гадалок, наемных убийц и мошенников. Граждане похвалялись тем, что на расстоянии полумили от пилона, которым оканчивался проспект Девятки со стороны космопорта, человек с деньгами мог купить все, что только существует в космосе, будь то космический корабль или десять гран звездной пыли. Тут можно было приобрести и скандальную славу, и сенаторскую тогу с сенатором в ней.

Формально Торби не имел отношения к преступному миру: у него было вполне легальное место на общественной лестнице (раб) и узаконенная профессия (нищий). На деле же он вращался в уголовной среде, наблюдая ее изнутри. И более низкой ступени, чем та, на которой он стоял, не было на общественной лестнице.

Будучи рабом, Торби научился лгать и воровать

так же естественно, как другие дети осваивают приличные манеры, но при этом гораздо быстрее. Однако он убедился в том, что подобными талантами наделены многие обитатели городских задворок. Такие дарования расцветали тут бурным цветом, достигая высших уровней искусства. По мере того как Торби взрослел, осваивал язык и лучше узнавал улицу, Баслим начал отпускать его из дому одного — то с каким-нибудь поручением, то в лавку за провизией, а то и на промысел. Сам старик при этом оставался дома. В итоге Торби «попал в дурную компанию» и «опустился», если, конечно, можно опуститься ниже нулевой отметки.

Однажды он вернулся домой с пустой миской. Баслим не сказал Торби ни слова, но тот сам пустился в объяснения:

— Слышь, пап, я здорово поработал!

Он достал из набедренной повязки красивый шарф и гордо развернул его.

Но Баслим не улыбнулся и даже не прикоснулся к шарфу.

— Где ты это взял?

— Позаимствовал.

— Это ясно. У кого?

— У дамы. У красивой такой, нарядной.

— Дай-ка взглянуть на метку. М-да… похоже, это леди Фасция. Да, наверное, очень мила. Однако почему ты не в тюрьме?

— Ой, пап, ну с чего вдруг? Это было так легко. Меня Зигги научил, он все эти штучки знает, он такой ловкий! Видел бы ты его в деле!

Баслим задумался. Можно ли привить понятие о нравственности бродячему котенку? Старик решил не пускаться в абстрактные этические словоизлияния, чтобы объяснить мальчику, что к чему. Ни в прошлом, ни в его нынешнем окружении не было ничего, что научило бы его мыслить на таком уровне.

— Торби, ты хочешь сменить профессию? Почему? Нищенствуя, ты платишь положенную дань полицейским, взносы в гильдию, делаешь подношения в храме в дни праздников и живешь себе без забот. Разве мы когда-нибудь оставались голодными?

— Нет, пап, но ты взгляни на него! Он, наверное, стоит целый стеллар!

— По моей оценке — не меньше двух. Но скупщик краденого даст тебе за него два минима, да и то если расщедрится. В миске для подаяний ты больше бы принес.

— Ну… я еще научусь как следует… Это куда ин-

тереснее, чем нищенствовать. Ты бы посмотрел, как работает Зигги!

— Я видел. Он и впрямь искусник.

— Самый лучший!

— И все-таки, по-моему, он работал бы еще лучше, будь у него две руки.

— Ну, может, и так, хотя в деле нужна всего одна. Но он учит меня работать и левой, и правой.

— Это хорошо. Вероятно, тебе небесполезно будет узнать, что может настать день, когда и ты недосчитаешься одной руки, как это произошло с Зигги. Ты знаешь, как он потерял руку?

— Ну?

— Тебе известно, какое полагается наказание, если тебя ловят?

Торби не ответил, и Баслим продолжал:

— Попадаешься в первый раз — теряешь руку. Вот какой ценой Зигги постиг премудрости своего занятия. Да, он хорош, потому что до сих пор живой и в деле. Но знаешь ли ты, как наказывают, если попадаешься вновь? Отнюдь не лишением второй руки. Ты знаешь, как?

Торби проглотил слюну.

— Ну, точно не…

— Думается, ты об этом слыхивал, только вспоминать не хочешь, — Баслим чиркнул большим

пальцем по горлу. — Вот что ждет Зигги в следующий раз. Его укоротят. Судьи Его Светлости полагают, что, если парень не усвоил первый урок, он не усвоит и второй. И его просто укорачивают.

— Но я не попадусь, пап! Я буду жуть какой осторожный… как сегодня. Даю слово!

Баслим вздохнул. Да, этот ребенок верит, что уж с ним-то ничего подобного не случится.

— Торби, принеси-ка мне купчую на тебя.

— Зачем, пап?

— Принеси, принеси…

Мальчик достал купчую, и Баслим перечитал ее: «Один ребенок мужского пола, регистрационный номер (выколот на левом бедре) ВХК40367», — девять минимов и пошел вон, нищий!

Старик посмотрел на Торби и с удивлением заметил, что с того памятного дня парень вырос на целую голову.

— Принеси мой карандаш. Я дам тебе вольную. Я все время хотел это сделать, но казалось, что можно не спешить. Но теперь сделаю, а завтра поутру ты пойдешь в императорский архив и все оформишь.

У Торби отвисла челюсть.

— Зачем, пап?

— Разве ты не хочешь быть свободным?

— Э… ну, пап… мне нравится быть твоим.

— Спасибо, мальчик, но я вынужден так поступить.

— Ты хочешь сказать, что выгоняешь меня?

— Нет, можешь остаться, но только как вольноотпущенник. Видишь ли, сынок, за деяния рабов отвечают хозяева. Будь я из благородных, меня бы просто оштрафовали за твой проступок. Но коль скоро я… В общем, если я потеряю еще и руку, как потерял ногу и глаз, мне, наверное, не выжить. Поэтому лучше тебя освободить, если ты собрался осваивать ремесло Зигги. Такой риск — слишком большая роскошь для меня. Я и так уже слишком многого лишился. Пусть бы уж меня лучше сразу укоротили. Придется тебе жить на свой страх и риск.

Он не щадил Торби и не сказал ему, что на бумаге закон был куда суровее, чем на практике. Провинившегося раба чаще всего просто конфисковывали, продавали, а стоимость его шла на возмещение убытков потерпевшего, если владелец раба был не в состоянии расплатиться сам. В том случае, если владелец оказывался простолюдином и судья считал, что он несет реальную ответственность за проступок раба, его могли

подвергнуть еще и порке.

И тем не менее Баслим верно изложил закон. Коль скоро хозяин вершит суд и расправу над своим рабом, стало быть, он и отвечает за действия последнего. И может быть даже казнен.

Торби начал всхлипывать. Впервые со времени начала их отношений.

— Не отпускай меня, пап… Ну пожалуйста! Я должен быть твоим!

— Очень сожалею, сынок, но… Впрочем, я ведь сказал: ты не обязан уходить.

— Ну пожалуйста, пап… Я больше ничего не украду!

Баслим взял его за плечо.

— Взгляни-ка на меня, Торби. Хочу предложить тебе уговор.

— Все, что угодно, пап. До тех пор, пока…

— Погоди, сперва выслушай. Я сейчас не буду подписывать твои бумаги, но я хочу, чтобы ты дал мне два обещания.

— Ну конечно! Какие?

— Не спеши. Во-первых, ты должен обещать, что никогда ничего ни у кого не украдешь. Ни у дам, что ездят в портшезах, ни у нашего брата. У первых воровать слишком опасно, у вторых… позорно, хотя вряд ли ты понимаешь, что значит

это слово. Во-вторых, обещай, что никогда мне не соврешь. О чем бы ни шла речь.

— Обещаю… — тихо сказал Торби.

— Говоря о вранье, я имею в виду не только деньги, которые ты от меня утаиваешь. К слову сказать, тюфяк — неважный тайник для денег. Посмотри мне в глаза, Торби. Ты знаешь, что у меня есть кое-какие связи в городе?

Мальчик кивнул. Ему приходилось носить записки старика в странные места и вручать их странным людям.

— Если будет замечено, что ты воруешь, со временем я об этом узнаю. Если ты солжешь мне, со временем я разоблачу тебя. Будешь ли ты врать другим — твое дело, но вот что я тебе скажу: прослыть лгуном — все равно что лишиться дара речи, потому что люди не прислушиваются к шуму ветра, это уж точно. Итак, в тот день, когда я узнаю, что ты воровал… или когда ты соврешь мне… я подписываю твои бумаги и освобождаю тебя.

— Хорошо, пап…

— Но это еще не все. Я вышвырну тебя пинком со всем достоянием, которым ты владел, когда я купил тебя, — лохмотьями и полным набором синяков. Между нами все будет кончено. И если

я когда-нибудь снова увижу тебя, то плюну на твою тень.

— Хорошо, пап… Я не буду никогда, пап!

— Надеюсь. Ложись спать.

Баслим лежал без сна и с тревогой думал о том, что, возможно, он слишком суров. Но, черт побери, разве не суров этот мир? Разве он не обязан научить ребенка жизни в этом мире?

Потом он услышал шорох: казалось, крыса грызет что-то в углу. Баслим замер и прислушался. Чуть погодя мальчик тихонько поднялся с тюфяка и подошел к столу. Потом раздался приглушенный звон монет, ложащихся на дерево. Торби вернулся на свое ложе.

И только когда мальчуган начал похрапывать, Баслиму наконец удалось заснуть.

Глава 3

Баслим уже давно учил Торби читать и писать на интерлингве и саргонезском, порой подбадривая его оплеухой, поскольку мальчик почти не проявлял интереса к умственному труду. Но случай с Зигги и сознание того, что Торби растет, не давали Баслиму забыть о том, что время не стоит на месте, особенно для детей.

Торби так и не смог вспомнить, где и когда он догадался, что Баслим — вовсе не попрошайка-нищий или, во всяком случае, не только нищий. Об этом можно было судить как по тем четким указаниям, которые давал ему Баслим, так и по необычности средств, которыми эти указания доводились до сведения Торби (магнитофон, проектор, гипнотизатор). Поэтому теперь мальчик уже ничему не удивлялся. Что бы ни делал отец, он всемогущ и всегда прав. Торби достаточно хорошо знал нищих, чтобы видеть разницу между ними и Баслимом. Но мальчик не тревожился: отец есть отец, это такая же данность, как солнце и дождь.

На улице Торби никогда не говорил о своих домашних делах, даже о том, где находится их

жилище. Гости к ним не ходили. Торби имел двух-трех приятелей, а у Баслима их было много, десятки или даже сотни, и старик, по-видимому, знал, хотя бы в лицо, всех жителей города. Но в дом он не пускал никого, кроме Торби. Однако мальчик был уверен, что отец, помимо нищенства, занимается чем-то еще. Однажды ночью они, как обычно, легли спать, но на рассвете Торби разбудил какой-то шум, и он сонным голосом позвал:

— Пап?

— Это я. Спи.

Но мальчик встал и зажег свет. Он знал, что Баслиму трудно пробираться в темноте без ноги, а когда папе хотелось пить или было нужно что-нибудь еще, Торби всегда подавал.

— Что случилось, пап? — спросил он, поворачиваясь к Баслиму, и вздрогнул от удивления. Перед ним стоял какой-то незнакомец, настоящий джентльмен!

— Не пугайся, Торби, — сказал незнакомец папиным голосом. — Все в порядке, сынок.

— Папа?

— Да, сынок. Прости, что напугал тебя, мне следовало сперва изменить внешность, а уж потом входить. Но так уж получилось, — он принялся

снимать свою элегантную одежду.

Стянув вечерний парик, Баслим стал более похож на себя… Вот только…

— Пап, что у тебя с глазом?

— Глаз? Ах, это… его так же легко вынуть, как и вставить. С двумя глазами я выгляжу лучше, верно?

— Не знаю, — Торби с опаской посмотрел на глаз. — Что-то он мне не нравится.

— Вот как? Ну что ж, тебе не часто придется видеть меня в этом обличье. Но уж коли ты проснулся, то можешь мне помочь.

Но проку от Торби было немного. Все, что проделывал сейчас Баслим, было для него в диковинку. Сначала Баслим вытащил чашки и миски из буфета, в задней стенке которого обнаружилась еще одна дверца. Затем он вынул искусственный глаз и, осторожно развинтив его на две части, пинцетом достал из него крохотный цилиндрик.

Торби наблюдал за его действиями, не понимая ничего, но отмечая, что движения отца отличаются необыкновенной осторожностью и ловкостью. Наконец Баслим сказал:

— Ну вот, все в порядке. Посмотрим, получились ли у меня картинки.

Вставив цилиндрик в микропроектор, он по-

смотрел пленку и с мрачной улыбкой сказал:

— Собирайся. Позавтракать мы не успеем. Можешь взять с собой кусок хлеба.

— Что случилось?

— Быстрее. Время не ждет.

Торби надел набедренную повязку, разрисовал и измазал грязью лицо. Баслим ждал его, держа в руках фотографии и небольшой плоский цилиндрик размером в полминима. Показав фото Торби, произнес:

— Посмотри. Запомни это лицо, — и забрал фотографию. — Ты сможешь узнать этого человека?

— Э-э… дай-ка взглянуть еще разок.

— Ты должен узнать его. Смотри внимательнее.

Торби посмотрел внимательнее и вернул снимок.

— Я его узнаю.

— Ты найдешь его в одном из баров возле космопорта. Сперва загляни к Мамаше Шаум, потом в «Сверхновую», затем в «Деву под вуалью». Если там его не будет, ищи на улице Радости, пока не найдешь. Ты обязан разыскать его до начала третьего часа.

— Найду, пап.

— Затем положишь в свою миску несколько

монет и вот эту штуку. Можешь плести ему все, что угодно, только не забудь, что ты — сын Калеки Баслима.

— Я все понял, папа.

— Тогда ступай.

По дороге к космопорту Торби не тратил времени зря. Накануне был карнавал Девятой Луны, и прохожих на улице почти не было, так что мальчик не стал делать вид, будто собирает подаяние, а двинулся кратчайшим путем через задние дворы, заборы и проулки, стараясь не попадаться на глаза заспанным ночным патрульным. До места он добрался быстро, но нужного человека найти не смог: того не оказалось ни в одной из указанных Баслимом пивнушек, ни в других заведениях на улице Радости. Срок уже истекал, и Торби начинал тревожиться, когда вдруг увидел мужчину, выходящего из бара, в котором мальчик уже побывал.

Торби быстрым шагом пересек улицу и поравнялся с незнакомцем. Рядом с ним шел еще один человек — и это было плохо. Но Торби все же приступил к делу:

— Подайте, благородные господа! Подайте от щедрот своих…

Второй мужчина кинул ему монетку. Торби

поймал ее ртом.

— Будьте благословенны, господин… — и повернулся к нужному человеку: — Умоляю вас, благородный сэр. Не откажите несчастному в милостыне. Я сын Калеки Баслима и…

Второй мужчина дал ему оплеуху.

— Поди прочь!

Торби увернулся.

— …сын Калеки Баслима. Бедному старому Баслиму нужны еда и лекарства, а я — один-единственный сын…

Человек с фотографии полез за кошельком.

— Бросьте, — посоветовал ему спутник. — Все эти нищие — ужасные лгуны, и я дал ему достаточно, чтобы он оставил нас в покое.

— На счастье… перед взлетом, — ответил человек с фотографии. — Ну-ка, что там у нас? — и, сунув пальцы в кошелек, заглянул в миску и что-то положил туда.

— Благодарю вас, господа. Да пошлет вам судьба сыновей.

Торби отбежал в сторону и заглянул в миску. Крошечный плоский цилиндрик исчез.

Потом он неплохо поработал на улице Радости и, прежде чем идти домой, заглянул на площадь. К его удивлению, отец сидел на своем излюб-

ленном месте у помоста для торгов и смотрел в сторону космодрома. Торби присел рядом.

— Все в порядке.

Старик что-то пробурчал в ответ.

— Почему ты не идешь домой, пап? Ты, должно быть, устал. Того, что я собрал, нам вполне хватит.

— Помолчи. Подайте, господа! Подайте бедному калеке!

В третьем часу в небо с пронзительным воем взмыл корабль. Лишь когда его рев затих, старик чуть-чуть расслабился.

— Что это был за корабль? — спросил Торби. — Это не синдонианский лайнер.

— Вольный Торговец «Цыганочка». Пошел к станциям Кольца… на нем улетел твой приятель. А теперь ступай домой и позавтракай. Хотя нет, лучше зайди куда-нибудь, ты это заслужил.

Отныне Баслим не скрывал от Торби своих занятий, не имевших отношения к нищенствованию, но и не объяснял ему, что к чему. Бывали дни, когда на промысел выходил лишь один из них, и в таких случаях нужно было идти на площадь, поскольку выяснилось, что Баслима очень интересуют взлеты и посадки кораблей, особенно невольничьих, равно как и аукционы,

которые проводились сразу же после прибытия таких судов.

Обучаясь, Торби приносил старику все больше пользы. Баслим, по-видимому, был уверен в том, что у всякого человека хорошая память, и пользовался любой возможностью, чтобы внушить свою уверенность мальчику, несмотря на его недовольное ворчание.

— Пап, неужели ты думаешь, что я смогу все запомнить? Ты мне даже посмотреть не дал!

— Я показывал страницу не меньше трех секунд. Почему ты не прочел, что здесь написано?

— Ничего себе! Да у меня времени не было!

— А я прочел. И ты можешь. Торби, ты видел на площади жонглеров? Помнишь, как старый Мики, стоя на голове, жонглировал девятью кинжалами да еще крутил на ногах четыре обруча?

— Да, конечно.

— Ты мог бы делать так же?

— Ну… не знаю.

— Кого угодно можно научить жонглировать… для этого нужно лишь не жалеть времени и оплеух, — старик взял ложку, карандаш и нож и запустил их в воздух. Через несколько секунд он уронил один предмет и вновь обратился к мальчику: — Когда-то я немножко занимался

этим для забавы. Что же касается жонглирования мыслями, то… ему тоже может научиться любой.

— Покажи мне, как это делать, пап.

— В другой раз, если будешь себя хорошо вести. А сейчас ты учишься правильно пользоваться своими глазами. Торби, жонглирование мыслями было придумано давным-давно одним мудрым человеком, доктором Рэншоу с планеты Земля. Ты, наверное, слышал о Земле?

— Э-э… ну, конечно, я слышал.

— Только, мне кажется, ты не веришь в ее существование.

— Ну, я не знаю… но все эти россказни о замерзшей воде, которая падает с неба, о людоедах десятифутовой высоты, о башнях, которые выше Президиума, о крошечных людях, которые живут на деревьях… Пап, я же не дурак.

Баслим вздохнул и подумал о том, что с тех пор, как у него появился сын, ему приходилось вздыхать уже не одну тысячу раз.

— В этих легендах намешано много всякой чепухи. Как только ты научишься читать, я дам тебе книги с рисунками, которым можно верить.

— Но я уже умею читать.

— Тебе только кажется, что умеешь. Земля действительно существует, Торби. Это и впрямь

необыкновенная и прекрасная планета, самая необыкновенная из планет. Там жили и умерли очень много мудрых людей, разумеется, при соответствующем соотношении дураков и мерзавцев. Кое-что из той мудрости дошло и до нас. Сэмюэль Рэншоу был как раз одним из таких мудрецов. Он доказал, что большинство людей проводят свою жизнь как бы в полусне. Более того, ему удалось показать, каким образом человек может пробудиться полностью и жить по-настоящему: видеть глазами, слышать ушами, чувствовать языком вкус, думать мозгами и хорошенько запоминать то, что он видел, слышал, ощущал, о чем мыслил. — Старик показал мальчику свою культю: — Потеряв ногу, я не стал калекой. Своим единственным глазом я вижу больше, чем ты двумя. Я мало-помалу глохну, но я не так глух, как ты, ибо запоминаю все, что слышал. Так кто из нас калека? Но ты не вечно будешь калекой, сынок, поскольку я намерен обучать тебя по методике Рэншоу, даже если мне придется вколачивать знания в твою тупую башку!

По мере того как Торби учился пользоваться мозгами, он обнаружил, что ему это нравится; мальчик превратился в ненасытного читателя, и Баслиму каждую ночь приходилось приказывать

ему выключить проектор и ложиться спать. Многое из того, чем его заставлял заниматься старик, казалось Торби ненужным. Например, языки, которых он никогда не слышал. Однако для его разума, вооруженного новыми знаниями, эти языки оказались просты, и, когда мальчик нашел у старика катушки и пленки, которые можно было прочесть и прослушать на этих «бесполезных» языках, он внезапно понял, что знать их вовсе не лишне. Он любил историю и галактографию; его собственный мир, раскинувшийся на световые годы в физическом пространстве, оказался на деле едва ли не теснее невольничьего барака. Торби открывал для себя новые горизонты с таким же удовольствием, с каким ребенок изучает свой кулачок.

В математике он не видел смысла, за исключением тех случаев, когда надо было на деле применять варварское искусство считать деньги. Но в конце концов он решил, что какого-то особого смысла и доискиваться не стоит. Математика — это игра вроде шахмат, только еще интереснее.

Порой старик задумывался, зачем все это нужно. Баслим уже понял, что мальчик оказался куда одареннее, чем он предполагал. Но пригодятся ли

ему эти знания? Быть может, они лишь заставят его разочароваться в жизни? Какая судьба ждет на Джуббуле нищего раба? Ноль, возведенный в энную степень, так нулем и останется.

— Торби!

— Да, пап. Подожди чуть-чуть, я как раз на середине главы.

— После дочитаешь. Я хочу поговорить с тобой.

— Да, мой господин. Да, мой хозяин. Сию минуту, босс.

— И разговаривай повежливее.

— Прости, пап. О чем ты хотел поговорить?

— Сынок, что ты будешь делать, когда я умру?

На лице Торби появилось выражение замешательства.

— Ты плохо себя чувствуешь, пап?

— Нет. Мне кажется, что я смогу протянуть еще много лет. Но может случиться и так, что завтра я не проснусь. В моем возрасте ни в чем нельзя быть уверенным. Что ты будешь делать в этом случае? Займешь мое место на площади?

Торби молчал, и Баслим продолжал:

— Ты не сможешь нищенствовать, и мы оба знаем это. Ты уже вырос и не сможешь достаточно убедительно рассказывать свои сказки.

Прохожие верили им, пока ты был маленьким, но не теперь.

— Я не собираюсь сидеть у тебя на шее, пап, — тихо произнес Торби.

— Разве я на это сетовал?

— Нет, — нерешительно ответил Торби, — я… ну, словом, я думал об этом. Ты мог бы сдавать меня внаем куда-нибудь, где требуются рабочие руки.

Старик гневно взмахнул рукой.

— Это не решение. Нет, сынок! Я собираюсь отослать тебя отсюда.

— Но ты обещал, что не станешь этого делать!

— Я ничего не обещал.

— Но мне вовсе не нужна свобода! Если ты освободишь меня, что ж, я останусь с тобой.

— Я имел в виду нечто другое.

После долгой паузы Торби спросил:

— Ты собираешься продать меня, пап?

— Не совсем. В общем… и да и нет.

Лицо Торби ничего не выражало. В конце концов он спокойно произнес:

— Так или иначе… я знаю, что ты имеешь в виду… и я полагаю, возражения тут неуместны. Это твое право, и ты был лучшим хозяином в моей жизни.

— Я тебе не хозяин!

— По бумагам выходит, что как раз наоборот. Это же подтверждает номер у меня на ноге.

— Прекрати! Никогда так не говори!

— Раб должен говорить именно так либо вообще молчать.

— В таком случае умолкни ради бога! Давай-ка я все тебе объясню, сынок. Здесь тебе не место, и мы оба это знаем. Если я умру, не успев освободить тебя, при Саргоне ты вновь станешь тем, кем был.

— Пусть сперва поймают меня!

— Поймают. Но, даже дав тебе вольную, я не решу твоих проблем. Что ждет вольноотпущенника? Нищенство? Возможно. Но ты вырос, и тебе все труднее попрошайничать. Большинство вольноотпущенников, как ты знаешь, продолжают работать на своих прежних хозяев, ибо рожденные свободными не любят копаться в дерьме. Они недолюбливают вольноотпущенников и ни за что не соглашаются работать вместе с ними.

— Не беспокойся, пап. Я не пропаду.

— А я и не беспокоюсь. Так что слушай меня. Я собираюсь продать тебя одному знакомому, который вывезет тебя с планеты. На обычном корабле, не на невольничьем. Но вместо того чтобы

доставить тебя туда, куда положено по грузовой декларации…

— Нет!

— Придержи язык! Тебя отвезут на планету, где рабовладение преследуется по закону. Не могу сказать, куда именно, потому что не знаю маршрута корабля и даже того, на какой именно звездолет ты попадешь; детали еще надо будет продумать. Но я уверен, что ты сумеешь хорошо устроиться в любом свободном обществе.

Баслим умолк, чтобы еще раз взвесить и оценить мысль, которая пришла ему в голову. Быть может, послать парня на планету, где родился он сам, Баслим? Нет. И не только потому, что это очень трудно устроить, но и потому, что там не место для молокососа-эмигранта… Нужно отправить его в один из пограничных миров, где человеку достаточно острого ума и трудолюбия. Есть немало таких планет, к которым проложены торговые пути из Девяти Миров. Баслим вновь пожалел о том, что не смог узнать, откуда Торби родом. Может быть, дома у него есть родственники, люди, которые помогли бы мальчику. Черт побери, для этого пришлось бы вести поиски по всей Галактике!

— Это все, что я могу сделать, — продолжал

Баслим. — От момента продажи до старта корабля тебе придется побыть на положении раба, но что значат несколько недель по сравнению с возможностью…

— Нет!

— Не дури, сынок.

— Может быть, я говорю глупости. Но делать этого я не буду. Я остаюсь.

— Вот как? Сынок, мне неприятно это говорить, но ты не можешь мне помешать.

— Да?

— Ты сам говорил, что у меня есть бумаги, в которых сказано, что я имею право тебя продать.

— Ох…

— Иди спать, сынок.

Баслим не мог уснуть. Часа через два после разговора он услышал, как Торби тихонько поднялся. По шорохам Баслим мог проследить каждое его движение. Торби оделся (то есть попросту обмотался набедренной повязкой), вышел в соседнюю комнату, порылся в хлебнице, напился впрок воды и ушел. Его миска для подаяний осталась дома: он даже не приблизился к полке, на которой та обычно стояла.

После его ухода Баслим повернулся на другой бок и попытался уснуть, но сон не шел. Старику

было слишком больно. Ему и в голову не пришло остановить мальчика: Баслим слишком уважал себя, чтобы не признавать права других на самостоятельные решения.

Торби не было четверо суток. Он вернулся ночью, и Баслим слышал его шаги, но и теперь не сказал мальчику ни слова. Зато он впервые смог уснуть спокойным и глубоким сном. Утром он встал как обычно и произнес:

— Доброе утро, сынок.

— Доброе утро, пап.

— Займись завтраком. Мне нужно кое-что сделать.

Вскоре они сидели за столом, на котором стояли миски с горячей кашей. Баслим, как всегда, ел аккуратно и равнодушно. Торби только ковырял кашу ложкой.

— Так когда ты собираешься продать меня? — наконец выпалил он.

— А я и не собираюсь.

— Вот как?

— В тот день, когда ты убежал, я сходил в архив и выправил вольную грамоту. Теперь ты свободный человек, Торби.

Торби с испугом посмотрел на старика и вперил взор в миску. Маленькие горки каши, которые он

нагребал ложкой, тут же расплывались. Наконец он сказал:

— Мне этого вовсе не хотелось.

— Если бы тебя поймали, то поставили бы клеймо беглого раба, а я хотел этого избежать.

Торби задумался.

— М-да… извини, пап, боюсь, я вел себя глупо. Спасибо тебе.

— Ты прав. Но я думал не о наказании; порка и тавро — такие штуки, о которых быстро забываешь. Я думал о том, что после второй поимки все могло бы быть гораздо хуже. Лучше уж сразу быть укороченным, чем пойманным после клеймения.

Торби совсем забыл о своей каше.

— Пап, а что делает с человеком лоботомия?

— Ммм… в общем-то, лоботомия облегчает труд на ториевых шахтах… впрочем, давай-ка не будем говорить о таких вещах за столом. Ты поел? Тогда бери миску для подаяний и не теряй времени. Нынче утром аукцион.

— Ты хочешь сказать, что я могу остаться?

— Здесь твой дом.

С того дня Баслим больше не предлагал мальчику уйти. Освобождение Торби ничего не изменило ни в их распорядке дня, ни в их взаимо-

отношениях. Торби сходил в Имперские Архивы, заплатил налог и дал на лапу, как полагалось в таких случаях. После этого номер на его теле был перечеркнут татуированной линией, а рядом выкололи печать Саргона, номер книги и страницы, на которой было записано, что он отныне свободный гражданин Саргона, обязанный платить налоги, нести воинскую службу и голодать без помех.

Служащий, наносивший на номер Торби линию, взглянул на цифры и сказал:

— Не похоже, чтобы метку тебе нанесли при рождении, а, парень? Что, обанкротился твой старик? Или предки тебя продали, чтобы сбагрить?

— Не твое дело!

— Полегче, парень, или ты узнаешь, что иголка может колоть больнее. А теперь отвечай мне вежливо. На тебе метка перекупщика, а не владельца, и, судя по тому, как она расплылась и выцвела, тогда тебе было пять-шесть лет. Так когда и где тебе ее тиснули?

— Я не знаю. Право же, не знаю!

— Вот как! То же самое я говорю своей жене каждый раз, когда она задает всякие вопросы… да не дергайся ты! Я уже почти закончил. Ну что ж… поздравляю тебя с вступлением в ряды свободных

людей. Я и сам-то получил свободу всего пару лет назад, и вот что я хочу сказать тебе, парень: да, ты почувствуешь свободу, но это не значит, что тебе всегда будет легче жить.

Глава 4

У Торби пару дней болела нога, а во всех остальных отношениях его жизнь мало изменилась после освобождения. Правда, он и впрямь уже не мог быть «хорошим» попрошайкой: здоровому юноше подавали куда меньше, чем изможденному ребенку. Баслим зачастую просил Торби отвести его на площадь, а потом отсылал с поручением или отправлял домой учиться. Но в любом случае один из них всегда сидел на площади. Порой Баслим куда-то исчезал, даже не предупредив сына, и Торби приходилось весь день сидеть там, наблюдая за прибытием и отправлением кораблей, запоминая все, что происходило на аукционе, и собирая сведения о прибывших и стартовавших звездолетах с помощью зевак, шатающихся возле космопорта, женщин без вуалей и посетителей пивнушек.

Как-то раз Баслим исчез на целых две девятидневки; когда Торби проснулся, старика не было дома. Он отсутствовал гораздо дольше, чем когда бы то ни было. Торби пытался убедить себя, что отец сможет позаботиться о себе в любой обстановке, но перед его мысленным взором постоянно

мелькала картина: Баслим, лежащий где-нибудь в сточной канаве. Тем не менее он продолжал ходить на площадь, посетил три аукциона и записал все, что видел и был в состоянии понять.

Наконец Баслим вернулся. Он сказал лишь:

— Почему ты записывал вместо того, чтобы запоминать?

— Я запоминал, но боялся забыть. Ведь было так много всего!

— Эх-хх!

После этого Баслим стал еще более молчаливым и сдержанным, чем был до сих пор. Торби думал, что отец, возможно, чем-то огорчен, но задавать такие вопросы Баслиму было бесполезно. Как-то раз ночью старик сказал:

— Сынок, мы так и не решили, что ты будешь делать после моей смерти.

— Как это? Ведь мы все выяснили! Это мои сложности, пап!

— Нет, я лишь отсрочил обсуждение из-за твоего тупого упрямства. Но у нас нет времени ждать. У меня есть для тебя кое-какие указания, и ты должен будешь их выполнить.

— Погоди-ка, пап! Если ты думаешь, что тебе удастся хитростью заставить меня уйти от тебя…

— Да помолчи ты! Я же сказал: «Когда меня не

станет», то есть когда я умру, ясно? Я не говорю об этих моих отлучках по делам. Так вот, ты найдешь одного человека и передашь ему послание. Я могу положиться на тебя? Ты ничего не упустишь? Не забудешь?

— Что ты, папа! Конечно! Но мне не нравится слушать такие речи. Ты будешь жить долго и даже, может быть, меня переживешь.

— Возможно. Ну а теперь молчи, слушай и делай то, что я тебе скажу.

— Да, сэр.

— Ты найдешь этого человека (на это может уйти некоторое время) и передашь ему послание. Затем он кое-что поручит тебе… я надеюсь. Мне бы хотелось, чтобы ты в точности исполнил все, что он велит. Обещаешь?

— Конечно, пап, ведь это твое желание.

— Можешь считать это последней услугой старику, который старался сделать для тебя все, что в его силах, и сделал бы еще больше, будь он на это способен. Это последнее, чего я хочу от тебя, сынок. Не утруждай себя сжиганием жертвоприношений за упокой моей души, сделай лишь две вещи: передай послание и исполни все, что велит этот человек.

— Я обещаю, папа, — торжественно ответил

Торби.

— Ну вот и хорошо. А теперь за дело.

«Нужный человек» мог оказаться одним из пяти. Все они были шкиперами Вольных Торговцев, их корабли не были приписаны к портам Девяти Миров, просто иногда брали здесь груз. Просмотрев список, Торби сказал:

— Насколько я помню, пап, только один из этих кораблей садился в нашем порту.

— Все они бывали тут, всяк в свое время.

— Но один из них может появиться здесь еще очень не скоро.

— Возможно, придется ждать годы. Но когда это произойдет, ты должен немедленно доставить послание.

Послание было коротким, но запомнить его оказалось нелегко, потому что оно было составлено на трех языках — в зависимости от того, кто окажется получателем. И ни одного из этих языков Торби не знал. Баслим не стал объяснять смысла сообщения — он лишь потребовал, чтобы оно было заучено наизусть на всех трех языках.

После того как Торби в седьмой раз промямлил третий вариант, Баслим в отчаянии заткнул уши.

— Нет, нет, так не пойдет, сынок! Этот акцент!

— Но я стараюсь, — угрюмо ответил Торби.

— Знаю. Я хочу, чтобы послание можно было понять. Ты помнишь, как я усыпил тебя и говорил с тобой, пока ты спал?

— Ммм… да я каждый вечер сонный. И сейчас тоже.

— Тем лучше.

Баслим погрузил мальчика в легкий транс. Это оказалось непросто, потому что Торби стал менее восприимчив к гипнозу, чем в детские годы. Все же Баслиму это удалось. Затем он записал послание в гипнотизатор, запустил его и проиграл мальчику, после чего дал постгипнотическую установку, по которой сын, проснувшись, должен был в точности воспроизвести весь текст.

У Торби получилось. В течение последующих двух ночей Баслим ввел ему в память послание на двух оставшихся языках, а потом неоднократно проверял выученное. Услышав имя шкипера и название корабля, Торби должен был произносить текст на соответствующем языке.

Баслим никогда не посылал Торби за пределы города: рабу требовалось специальное разрешение на поездку, и даже свободные граждане должны были отмечаться в дни отъезда и приезда. Но по столице Торби пришлось побегать.

Спустя три девятидневки после заучивания текстов Баслим дал ему записку, которую нужно было доставить в окрестности космопорта, бывшего скорее особой зоной Саргона, чем городским районом.

— Надень свой знак вольноотпущенника, а миску оставь дома. Если тебя остановит полицейский, скажи, что ты ищешь какую-нибудь работу в порту.

— Он решит, что я сошел с ума.

— Но пропустит тебя внутрь. Они нанимают вольноотпущенников дворниками или чернорабочими. Записку держи во рту. Кого ты должен найти?

— Невысокого рыжеволосого человека, — повторил Торби, — с большой бородавкой над левой ноздрей. Он держит закусочную напротив главных ворот. Бороды у него нет. Я должен купить у него пирожок с мясом и сунуть записку вместе с деньгами.

— Все верно.

Торби нравилось ходить в новые, незнакомые места. Он не удивлялся тому, что отец на полдня отправил его в поход вместо того, чтобы связаться с кем нужно по видеофону: люди их круга не пользовались такой роскошью. Что до королев-

ской почты, то мальчику не доводилось получать или отправлять писем, и он считал почту самым ненадежным способом связи.

По пути к космопорту Торби предстояло миновать заводской район. Ему нравилась эта часть города: здесь постоянно происходило что-нибудь интересное, район шумный, оживленный. Торби перебегал дорогу перед самым носом грузовиков и весело отвечал на брань водителей. Он заглядывал во все открытые двери, гадая, зачем нужны все эти механизмы и как это рабочие умудряются целый день простоять на одном месте, вновь и вновь проделывая одну и ту же операцию, — они же не рабы, в конце концов. Наверняка они свободные люди: рабам не разрешалось работать на силовых установках, разве что на плантациях, — из-за этого в прошлом году едва не вспыхнуло восстание, и Саргону пришлось вмешиваться, чтобы защитить интересы свободных работников.

Правда ли, что Саргон не спит и видит своим глазом все, что происходит в Девяти Мирах? Отец сказал, что все это чепуха и Саргон — такой же человек, как все. Но как тогда ему удалось стать Саргоном?

Миновав заводской район, мальчик оказал-

ся возле космоверфи. В такую даль его еще не заносило. Тут стояло на капитальном ремонте несколько звездолетов, два корабля поменьше только строились, их окутывали стальные кружева лесов. При виде кораблей у Торби чаще забилось сердце, ему вдруг нестерпимо захотелось улететь куда-нибудь. Да, он уже путешествовал на корабле, целых два раза — а может быть, даже три? — но это было давно, и он не желал лететь в невольничьем отсеке. Разве такой перелет назовешь путешествием?

Торби так увлекся, что едва не прошел мимо закусочной. Он вспомнил о ней, лишь заметив главные ворота. Они были вдвое шире обычных и охранялись, а над ними изгибалась большая вывеска, увенчанная гербом Саргона. Закусочная располагалась прямо напротив; Торби проскользнул сквозь поток машин, снующих в воротах, и вошел в заведение.

За стойкой стоял не тот человек, который был нужен Торби: лысый, но оставшиеся волосы — черные, и никаких бородавок на носу.

Торби вышел на улицу и, с полчасика побродив вокруг, вернулся обратно. Нужный человек так и не появился. Буфетчик явно заметил, что мальчик что-то высматривает, поэтому Торби

подошел к нему и спросил:

— У вас есть сок солнечной ягоды с мякотью?

Буфетчик осмотрел его с ног до головы.

— Гони деньги.

Торби уже привык к проверкам своей платежеспособности. Он выудил монетку. Осмотрев ее, буфетчик откупорил бутылку.

— У стойки не пей, мне нужны места.

Свободных табуреток было полно, но Торби не обиделся: он сознавал, какое место занимает в обществе. Мальчик отошел от стойки, но не настолько далеко, чтобы навлечь на себя подозрение в попытке умыкнуть пустую бутылку, и начал медленно пить. Посетители входили и выходили, и мальчик внимательно разглядывал каждого из них, надеясь, что рыжий, возможно, уходил на кухню обедать. И вообще он держал ухо востро.

Наконец буфетчик посмотрел на Торби.

— Ты что, собираешься выпить сок вместе с бутылкой?

— Уже допил, спасибо. — Торби поднялся, отставил бутылку и сказал: — Последний раз, когда я тут был, здесь был рыжий хозяин…

Буфетчик опять посмотрел на него.

— Ты приятель Рыжего?

— Ну, не совсем. Просто видел несколько раз, когда заходил хлебнуть холодненького.

— Покажи твое удостоверение.

— Что? Да мне вовсе не нужно…

Буфетчик хотел схватить его за руку, но Торби, как и любой нищий, прекрасно умел уворачиваться от тычков, пинков и затрещин, так что тот поймал лишь воздух.

Он выбежал из-за стойки, но Торби уже бросился к выходу, стремясь затеряться в уличной толчее. Он уже почти пересек улицу, сделав два резких поворота, когда заметил, что бежит к воротам, а буфетчик что-то кричит стоящим около них стражникам.

Торби развернулся и нырнул в поток машин. К счастью, движение было насыщенным, потому что дорога обслуживала космопорт. Парень трижды едва не угодил под колеса, заработав несколько ссадин. Потом он увидел поперечную улицу, заканчивающуюся сквозным проходом, проскользнул между двумя грузовиками, свернул в проулок, а потом еще раз, в первую же подворотню. Пробежав немного, он остановился за углом и прислушался.

Погони не было слышно.

Торби не раз приходилось спасаться бегством,

и он не боялся преследования. Побег состоит из двух действий: собственно отрыв от погони и отход, дабы обезопасить себя от случайностей. Первую задачу он выполнил, и теперь оставалось лишь покинуть район так, чтобы его не засекли, — медленным шагом, без подозрительных движений. Путая следы, он удалился от центра города, повернул налево на поперечную улицу, затем еще раз налево, в переулок, и теперь находился где-то позади закусочной; такую тактику он выбрал чисто подсознательно. Погоня будет двигаться от центра, и в любом случае его не станут искать возле закусочной. Торби прикинул, что через пять-десять минут буфетчик вернется за стойку, а стража — к воротам: они не могли оставлять свои посты без присмотра. В общем, Торби мог спокойно пройти по переулку и отправиться домой.

Он осмотрелся. Вокруг раскинулись пустыри. Земля на продажу, еще не застроенная фабриками, лавчонками, конторами мелких дельцов, лачугами и прогорающими мастерскими. Торби увидел, что стоит на задах маленькой ручной прачечной. Здесь торчали шесты, висели веревки, валялись деревянные корыта. Из трубы в пристройке валил пар. Торби сообразил, что

закусочная через два дома отсюда. Он вспомнил выведенную от руки вывеску: «Домашняя прачечная „Маджестик“. Самые низкие цены».

Можно было обойти здание и… но сперва лучше проверить. Торби распластался на земле и осторожно выглянул из-за угла, предварительно осмотрев переулок у себя за спиной.

О черт! По переулку шли двое патрульных. И дал же он маху! Они не прекратили погоню, а объявили общую тревогу. Озираясь, Торби подался назад. Куда деваться? В прачечную? Нет. В сарай во дворе? Преследователи заглянут и туда. Остается только бежать… чтобы угодить в лапы другого патруля. Торби знал, что патрули могут оцепить район очень быстро. На площади он сумел бы проскользнуть сквозь самую густую цепь, но здешние места ему незнакомы.

Его взгляд упал на перевернутое корыто… и мгновение спустя Торби уже заползал под него. Здесь было очень тесно: колени пришлось поджать к подбородку, а в спину вонзились какие-то щепки. Он испугался, что набедренная повязка, возможно, торчит из-под корыта, но сделать уже ничего было нельзя: послышались чьи-то шаги. Они замерли рядом с корытом, и мальчик затаил дыхание. Кто-то влез на днище и стоял на нем.

— Эй, мать! — раздался мужской голос. — Давно ты здесь?

— Давно. Не задень шест, а то уронишь мне белье!

— Мальчишку видела?

— Какого мальчишку?

— Молодого, но высокого, как взрослый. С пушком на подбородке. В набедренной повязке, без сандалий.

— Кто-то, — раздался безразличный женский голос, — промчался тут, словно за ним черти гнались. Я не успела его разглядеть, веревку натягивала.

— Так это он и есть, наш мальчишка! Куда он делся?

— Прыгнул через забор и шмыгнул между теми домами.

— Спасибо, мать! Пошли, Джуби!

Торби ждал. Женщина продолжала возиться, стоя на корыте; дерево скрипело под ее ногами. Потом она слезла на землю и села на корыто. Легонько постучав, она тихо сказала:

— Сиди, где сидишь, — и мгновение спустя Торби услышал, как она уходит.

Торби ждал, пока не заныли кости. Но он решил сидеть до темноты. Конечно, был риск попасться

ночному патрулю, который останавливает всех, кроме знати и своих же коллег-патрульных, но выбраться отсюда засветло было и вовсе невозможно. Торби не мог понять, с какой стати ради него объявили общую тревогу, но выяснять это ему совсем не хотелось. Время от времени он слышал, как кто-то — может быть, та женщина? — ходит по двору.

Наконец, примерно через час, он услышал скрип несмазанных колес. Кто-то постучал по корыту.

— Когда я подниму корыто, сразу же прыгай в тележку. Она прямо перед тобой.

Торби не ответил. Дневной свет резанул глаза, он заметил маленькую тележку и в следующее мгновение уже сидел в ней, сжавшись в комочек. На него навалили груду белья. Но прежде чем белье закрыло ему обзор, он увидел, что корыто со всех сторон обвешано веревками, на которых висели простыни, скрывая его от постороннего взгляда.

Чьи-то руки разложили вокруг Торби тюки, и он услышал голос:

— Сиди тихо и жди команды.

— Хорошо, и миллион благодарностей! Когда-нибудь я отплачу вам за вашу доброту.

— Забудь об этом, — женщина тяжело вздохнула. — У меня когда-то был муж. Теперь он на рудниках. Меня не интересует, что ты там натворил. Но патрулю я никого не сдам.

— Ой, я очень сожалею…

— Умолкни!

Маленькая тележка затряслась, подскакивая на ухабах, и вдруг Торби почувствовал, что под колесами — ровное покрытие. Тележка вдруг остановилась; женщина стала перекладывать узлы, отошла куда-то на несколько минут, затем вернулась и взвалила на тачку тюки с грязным бельем. Только профессиональное смирение нищего помогло Торби выдержать все это.

Прошло немало времени, прежде чем повозка опять запрыгала на ухабах. Она остановилась, и женщина вполголоса произнесла:

— По моему сигналу ты выпрыгиваешь направо и уходишь. Поторопись.

— Понял. И еще раз спасибо!

— Молчи! — Тачка прокатилась еще немного, замедляя ход, и женщина скомандовала: — Давай!

Торби мгновенно отбросил узлы с бельем, выпрыгнул и приземлился на ноги. Прямо перед ним виднелся проход между двумя зданиями,

ведущий на улицу. Торби рванул по нему, не забывая оглядываться через плечо.

Тачка скрылась за углом. Мальчик так и не увидел лица ее хозяйки.

Два часа спустя он оказался в знакомом районе. Опустившись на землю рядом с Баслимом, сказал:

— Плохи дела.

— Почему?

— Ищейки. Их там было целое полчище.

— Подайте, благородный господин!.. Ты проглотил записку?.. Подайте во имя ваших родителей!

— Конечно!

— Держи миску! — Баслим сам стал на руки и одно колено и пополз прочь.

— Пап! Давай я тебе помогу.

— Оставайся на месте.

Торби остался, обиженный тем, что отец не захотел выслушать его рассказ. После наступления темноты он поспешил домой. Баслим сидел на кухне среди вороха барахла и нажимал кнопки диктофона и проектора одновременно. Торби взглянул на проецируемую страницу и отметил, что текст написан на непонятном ему языке, а в каждом слове — семь букв, не больше и не меньше.

— Привет, пап! Сделать ужин?

— Тут негде… и некогда. Поешь хлеба. Что произошло сегодня?

Уминая хлеб, Торби рассказал ему о своих приключениях. Баслим только кивнул.

— Ложись. Придется опять гипнотизировать тебя. У нас впереди длинная ночь.

Материал, который диктовал Баслим, состоял из цифр и бесчисленных трехсложных слов, в которых мальчик не видел смысла. Легкий транс принес приятную сонливость, и слышать голос Баслима, доносящийся из диктофона, было тоже приятно.

Во время очередного перерыва, когда Баслим приказал ему проснуться, Торби спросил:

— Пап, для кого все эти послания?

— Если у тебя будет возможность передать их, ты узнаешь, не сомневайся. А возникнут сложности — попроси погрузить тебя в легкий транс, и все вспомнится.

— Кого попросить?

— Его. Неважно. А теперь засыпай. Ты спишь, — старик щелкнул пальцами.

Диктофон продолжал бормотать. У полусонного мальчика появилось ощущение, что Баслим куда-то уходил и только что вернулся. Протез его

был пристегнут, что весьма удивило Торби: отец надевал его только дома. Затем до него донесся запах дыма, и он рассеянно подумал, что на кухне что-то горит и надо пойти проверить. Но он был не в силах даже шевельнуться, и бессмысленные слова продолжали вливаться ему в уши.

Потом он вдруг осознал, что рассказывает Баслиму заученное.

— Я все правильно запомнил?

— Да. А теперь иди отдыхать. Остаток ночи можешь спать спокойно.

Утром Баслим ушел. Торби даже не удивился: последнее время поступки отца стали еще более непредсказуемы, чем раньше. Позавтракав, мальчик взял миску и отправился на площадь. Дела шли из рук вон плохо, отец был прав: Торби выглядел слишком здоровым и сытым, чтобы быть удачливым попрошайкой. Может, стоит научиться выкручивать суставы, как это делает Гринни-змееныш? Или достать контактные линзы с нарисованной катарактой?

Около полудня в порт прибыл грузовой звездолет, не значившийся в расписании. Наведя обычным способом справки, Торби выяснил, что это был Вольный Торговец «Сизу», приписанный к порту Новая Финляндия на планете Шива III.

Все эти сведения он, как всегда, должен был сообщить отцу при встрече. Однако шкипер «Сизу», капитан Крауза, входил в число тех пятерых, кому Торби должен был при первой возможности передать послание старика.

Мальчик заволновался. Он знал, что отец жив и здоров, и встречу с капитаном Краузой представлял себе как дело отдаленного будущего. Однако, быть может, отец ждет не дождется, когда прилетит «Сизу»? Торговцы появлялись и улетали, порой проводя в порту лишь несколько часов. И никто не знал, когда именно это может случиться.

Торби подумал, что он может добраться до дому за пять минут и в придачу, возможно, заслужит благодарность отца. В худшем случае старик выбранит его за уход с поста на площади, но Торби сможет наверстать упущенное, прислушавшись к сплетням и пересудам.

Мальчик покинул площадь.

Руины старого амфитеатра протянулись на треть периметра нового. Дюжина лазов вела в лабиринт, который когда-то служил жилищем рабов, а оттуда бесчисленные ходы тянулись в ту часть развалин, где Баслим оборудовал себе жилье. И он сам, и Торби каждый раз выбирали

новый путь домой и старались приходить и уходить незаметно для окружающих.

Мальчик торопливо зашагал к ближайшему лазу, но там стоял полицейский. Торби прошел мимо, сделав вид, будто направляется к маленькой овощной лавочке на улице, примыкавшей к развалинам. Остановившись, он заговорил с хозяйкой:

— Как дела, Инга? Нет ли у тебя подгнившей дыни, которую ты собираешься выбросить на помойку?

— Нет у меня никаких дынь.

Торби показал ей деньги.

— Как насчет вон той, побольше? Отдай мне ее за полцены, и я не стану обращать внимания на подпорченный бок. — Он наклонился к хозяйке: — Чую я, тут пахнет жареным?

Она подмигнула, кивая на патрульного.

— Исчезни.

— Облава?

— Исчезни, я сказала.

Торби кинул на прилавок монетку, взял яблоко и пошел прочь, посасывая сок. Он не спешил.

Осторожная разведка показала, что развалины оцеплены полицией. У одного из входов под присмотром патрульных толпилась горстка

встревоженных обитателей подземелья. По оценкам Баслима, тут нашли кров человек пятьсот. Торби в этом сомневался, поскольку ему лишь изредка доводилось видеть входящих в развалины людей и еще реже — слышать чужие шаги под землей. И только двоих из всех задержанных он знал в лицо.

Через полчаса Торби, с каждой минутой волновавшийся все больше, обнаружил лаз, о котором полиция, похоже, не знала. Понаблюдав за ним несколько минут, мальчик под прикрытием кустов шмыгнул вниз. Он тотчас же оказался в кромешной тьме и двигался осторожно, постоянно прислушиваясь. Полагали, что у полицейских есть очки, позволяющие видеть в темноте, но Торби не был в этом уверен, потому что мрак нередко помогал ему избежать встречи с патрулем. И все же он решил не рисковать.

Внизу и правда была полиция: он услышал шаги двух легавых и увидел лучи фонариков, которыми те освещали путь. Если сыщики и имели очки ночного видения, у простых патрульных ничего подобного не было. Они явно что-то искали, держа на изготовку парализующие пистолеты. Но развалины были для Торби домом родным, а полицейские их совсем не знали. В течение двух

лет парень дважды в день находил тут дорогу в кромешной тьме и поднаторел в спелеологии.

В этот момент они заметили его. Он бросился вперед, стремясь убежать от лучей их фонариков, отыскал лаз, ведущий на следующий уровень, прыгнул туда, нырнул в проход и затаился. Полицейские подошли к дыре, осмотрели узкий выступ, по которому Торби так ловко спустился в темноте, и один из них сказал:

— Без лестницы не обойтись.

— Да брось ты, мы найдем ступеньки или спуск, — и они ушли.

Торби немного выждал и выбрался из дыры.

Спустя несколько минут он уже был у своих дверей. Торби осматривался, прислушивался и принюхивался до тех пор, пока не убедился, что поблизости никого нет. Потом он подполз к двери и протянул палец к замку. И тут же понял: что-то не так.

Двери не было. Вместо нее зияла брешь.

Торби замер, напрягая все органы чувств. Пахло чужаками, но запах уже наполовину выветрился; не было слышно ни шороха, ни вздоха. Тишину нарушал только стук водяных капель, падавших из крана на кухне.

Торби решил осмотреться. Оглянувшись, он не

увидел лучей фонариков, вошел в прихожую и повернул выключатель, установив самый слабый свет.

Но свет не зажегся. Мальчик перепробовал все положения переключателя. Тщетно. Он прошел через чистенькую комнату Баслима, огибая раскиданные по ней вещи, добрался до кухни и протянул руку к свечам. На обычном месте их не оказалось, но Торби все же нашел одну штуку. Рядом лежали спички. Торби зажег фитиль.

Разгром и разорение!

И разгром этот свидетельствовал о том, что в доме был обыск, торопливый, но тщательный. Искали, не заботясь ни о чем. Содержимое всех шкафов и полок было вывалено на пол, там же валялись продукты. Матрасы в комнате вспороты, набивка вытащена. И все же в этом беспорядке угадывались признаки совершенно ненужного, бессмысленного вандализма.

Торби огляделся. Подбородок его дрожал, к глазам подступили слезы. У двери валялся протез отца, и Торби, увидев его сложный механизм, разбитый ударом тяжелого сапога, разразился рыданиями. Ему пришлось поставить свечу на пол, чтобы не уронить ее. Он поднял сломанную ногу, прижал ее к груди, словно куклу, и опустил-

ся на пол, стеная и раскачиваясь из стороны в сторону.

Глава 5

Торби несколько часов просидел в темном коридоре неподалеку от своего разрушенного жилища, возле первой развилки. Тут он сможет услышать, как отец возвращается домой, а если появится полиция, успеет удрать.

Он почувствовал, что засыпает, вздрогнул, очнулся и решил, что неплохо бы узнать, который час: у Торби было такое ощущение, будто он сидит здесь не меньше недели. Вернувшись в каморку, он отыскал и опять зажег свечу. Но их единственные часы, их домашняя «Вечность», оказались разбитыми. Радиоактивная капсула, разумеется, продолжала отсчитывать время, но стрелки стояли. Торби посмотрел на них и заставил себя подумать о том, как ему теперь быть.

Будь отец на свободе, он бы уже вернулся. Но его схватила полиция. Может, они допросят его и отпустят?

Нет, не отпустят. Насколько было известно Торби, отец никогда не причинял вреда Саргону. С другой стороны, он уже давно знает, что Баслим — не просто безобидный старый нищий. Торби понятия не имел, зачем отец делал все то,

что не вязалось с образом «безобидного старого нищего», но полиция, по-видимому, знала или подозревала. Примерно раз в год полицейские «чистили» развалины, бросая в самые подозрительные лазы гранаты с рвотным газом; в итоге приходилось проводить пару ночей где-нибудь в другом месте, и только. На сей раз полицейские провели серьезную облаву. Они пришли, чтобы схватить отца, и что-то искали.

Полиция Саргона руководствовалась иными, чем юстиция, принципами: здесь было принято исходить из презумпции виновности, и к задержанному одна за другой применялись все более суровые меры воздействия, пока он не начинал говорить… Методы допроса были столь жестоки, что подследственные предпочитали признаться еще до начала дознания. Однако Торби был уверен, что полиции не удастся заставить отца говорить о том, о чем он захочет умолчать.

Так что допрашивать его будут долго.

Быть может, они уже мучают его в эту самую минуту. У Торби судорожно сжался желудок.

Он должен вырвать Баслима из их лап.

Но как? Разве может козявка штурмовать Президиум? А шансы Торби были немногим выше, чем шансы козявки. Баслим может сидеть в

камере местного полицейского участка. Самое подходящее место для такой мелкой сошки. Но Торби испытывал необъяснимое ощущение, что отец не был мелкой сошкой… В таком случае он мог оказаться где угодно, хоть в застенках самого Президиума.

Торби мог бы отправиться в местный участок и спросить, куда девали его хозяина, однако тут же отбросил эту мысль: ведь его, как самого близкого человека, тоже стали бы допрашивать. Посадили бы в камеру и начали выколачивать ответы на те же вопросы, которые задают сейчас Баслиму, дабы проверить правдивость старика (если, конечно, он им что-то говорит).

Торби не был трусом, но просто понимал, что ножом воду не разрежешь. И все, что можно сделать для отца, придется делать исподволь. Он не мог «качать права», у него не было прав. Такая мысль даже не пришла ему в голову. Будь его карманы набиты стеллариями, можно было бы решиться на подкуп. Но у Торби едва ли наберется два минима. Оставалось похищение, но для этого требовались точные сведения.

Он пришел к такому решению, как только понял, что полиция не освободит отца ни сейчас, ни позже. И все-таки в надежде на невозможное Тор-

би написал записку, сообщая отцу, что вернется завтра, и положил ее на полочку для сообщений.

Когда он выглянул наружу, была уже ночь. Торби никак не мог сообразить, сколько времени он провел в подземелье — то ли полдня, то ли около полутора суток. Поэтому он изменил свои планы: он собирался найти зеленщицу Ингу и расспросить ее, но, поскольку полиции поблизости не было, он мог спокойно идти куда угодно, не натыкаясь, разумеется, на ночные патрули. Но куда ему идти? Кто сможет или захочет снабдить его нужными сведениями?

У Торби были десятки друзей, сотни людей он знал в лицо. Однако на всех его знакомых распространялось действие комендантского часа. Торби встречался с ними днем и даже не знал, где они ночуют. Но поблизости было одно место, где комендантский час не соблюдался: заведения на улице Радости и в примыкавших к ней переулках не закрывались на ночь. Ради процветания торговли и в интересах залетных астронавтов бары, игорные дома и прочие гостеприимные заведения круглые сутки держали двери нараспашку. Любой гражданин, даже освобожденный раб, мог оставаться там всю ночь напролет; правда, от начала комендантского часа до рассвета он

не мог оттуда уйти без риска быть задержанным патрулем.

Но риск не волновал Торби: он не собирался попадаться кому-либо на глаза, и, хотя район патрулировался полицией, мальчик был осведомлен о привычках полицейских. Они ходили парами, держась освещенных мест, и вмешивались, лишь когда закон нарушался самым вопиющим образом. Этот район привлекал Торби еще и тем, что слухи о любом событии разносились тут за много часов до того, как происходило само событие, и полнотой содержания намного превосходили официальные сообщения, в которых факты либо игнорировались, либо замалчивались.

Наверняка на улице Радости найдется хоть один человек, который знает, что случилось с отцом.

Торби по крышам добрался до этого злачного места. Спустившись по водосточной трубе в темный двор, он вышел на улицу Радости и остановился поодаль от фонарей, высматривая патрульных или знакомых. Народу кругом было полно, но в основном это был приезжий люд. Торби знал всех владельцев и почти всех работников каждого из заведений по обе стороны улицы, но не спешил войти в них, опасаясь попасть в

лапы полиции. Он хотел найти человека, которому доверял, и поговорить с ним где-нибудь в подворотне.

Ни полиции, ни знакомого лица. А, нет! Вон тетушка Синэм.

Из всех гадалок, промышлявших на улице Радости, тетушка Синэм была самой лучшей, потому что никогда не предрекала ничего, кроме богатства. И если ее предсказания не сбывались, клиенты не сетовали: теплый голос тетушки звучал очень убедительно. Ходили слухи, что собственное богатство она приумножает, подрабатывая полицейской осведомительницей, но Торби не верил этим сплетням, потому что им не верил отец. Тетушка отлично знала все новости, и Торби решил попытать счастья. Если она и стучит в полицию, то сможет сказать лишь, что он жив и на свободе, а это легавым и так известно.

За углом справа от Торби находилось кабаре «Райский порт». Перед ним-то и расстелила свой коврик тетушка, дожидаясь конца представления, когда на улицу повалит клиентура.

Торби огляделся по сторонам и быстрым шагом дошел вдоль стены почти до самого кабаре.

— Тсс! Тетушка!

Гадалка испуганно оглянулась, потом лицо ее

приняло равнодушное выражение. Не разжимая губ, но достаточно громко, чтобы он мог ее услышать, она проговорила:

— Беги, сынок! Прячься! Ты что, с ума сошел?

— Тетушка… куда они его упекли?

— Забейся в нору и закрой за собой вход! За твою голову назначена награда!

— Награда? Брось, тетушка, кто станет платить за меня награду? Скажи лучше, где они его держат. Ты знаешь?

— Не держат они его!

— «Не держат»? Как это?

— Так ты не знаешь? Бедный мальчик! Они его укоротили.

Торби был так потрясен, что потерял дар речи. Хотя Баслим не раз говорил с ним о своей смерти, Торби никогда не воспринимал его слова всерьез. Он даже представить себе не мог, что отец когда-нибудь умрет и покинет его.

Она говорила что-то еще, но Торби не услышал, и ей пришлось повторить:

— Ищейки! Сматывайся!

Торби оглянулся. Да, приближаются двое патрульных. Самое время удирать! Но с одной стороны улица, с другой — глухая стена. И ни одной лазейки, кроме дверей в кабаре… Если он

шмыгнет туда в таком наряде, прислуга просто кликнет патруль.

Но другого выхода не было. Торби повернулся к полицейским спиной и вошел в узкое фойе кабаре. Там никого не оказалось. На сцене шло последнее действие, и даже лоточников не было видно. Рядом стояла стремянка, а на ней висел ящик с прозрачными буквами, которые вывешивались снаружи для оповещения об очередном представлении. Торби посмотрел на них, и его осенила идея, которая преисполнила бы сердце Баслима гордостью за своего питомца. Схватив ящик и стремянку, Торби выскользнул на улицу.

Полицейские приближались, но Торби, не обращая на них ни малейшего внимания, приладил стремянку под небольшим светящимся табло над входом и полез наверх, держась спиной к патрульным. Его туловище было ярко освещено, но лицо и плечи скрывались в тени над верхней строчкой афиши. Он начал методично снимать буквы, из которых было составлено имя звезды нынешнего представления.

Двое полицейских подошли вплотную и остановились прямо под ним. Торби постарался унять охватившую его дрожь и продолжал трудиться с размеренностью батрака, выполняющего осто-

чертевшую ему работу. Снизу послышался голос тетушки:

— Добрый вечер, сержант!

— Привет, тетушка. Какие байки сегодня травим?

— А вот какие: вижу в будущем твоем прелестную юную деву, руки ее прекрасны, как птицы. Дай мне ладонь, может быть, я прочту там ее имя.

— А что скажет моя жена, не знаешь? Нет, сегодня мне не до болтовни, тетушка, — сержант посмотрел на мальчика, меняющего вывеску, и потер подбородок. — Мы ловим отродье старого Баслима. Ты его не видела? — Он еще раз поднял голову, наблюдая за возней наверху, и его зрачки слегка расширились.

— Сидела бы я тут, собирая сплетни, если б видела его?

— Ммм… — полицейский повернулся к напарнику, — Рой, пошарь-ка в заведении у Туза и не забудь про сортир. А я понаблюдаю за улицей.

— Есть, сержант!

Напарник ушел, и старший полицейский вновь повернулся к предсказательнице.

— Плохи дела, тетушка… Кто бы мог подумать, что Баслим, этот калека, станет шпионить про-

тив Саргона?

— И в самом деле, кто? — она наклонилась вперед. — А правда ли, что он умер от страха прежде, чем его укоротили?

— У него был припасен яд. Видимо, он заранее знал, что ему грозит. Из каморки его вытаскивали уже умирающим. Капитан был в ярости.

— Зачем его укорачивали, если он уже помер?

— Ну, ну, ты же знаешь, тетушка: закон надо блюсти. Вот его и укоротили, хотя мне это не по нутру. — Сержант вздохнул. — Все это очень печально, тетушка. Как подумаю о несчастном парнишке, которого этот старый мошенник впутал в свои грязные делишки… А теперь комендант и капитан жаждут получить от парня ответы на вопросы, на которые так и не ответил старик.

— Какая им от него польза?

— Да никакой, естественно, — сержант поковырял землю концом дубинки. — Но на месте этого парня, зная, что старик уже мертв, и не зная ответов на некоторые заковыристые вопросы, я уже был бы ой как далеко отсюда. Нашел бы какую-нибудь ферму, хозяин которой не интересуется городскими делами и нуждается в дешевой рабочей силе. Но поскольку я не он, то задержу мальчишку, если он мне попадется, и отведу его

на допрос к капитану.

— Скорее всего он сейчас забился где-нибудь в бобовые грядки и трясется от страха.

— Возможно. Но это все же лучше, чем расхаживать по городу в укороченном виде, — сержант еще раз осмотрел улицу и крикнул: — Ладно, Рой! Чего ты там застрял? — Прежде чем уйти, он еще раз взглянул на Торби. — Ну, пока, тетушка. Если увидишь его, кликни нас.

— Разумеется. Хайль Саргон!

— Хайль, хайль…

Полицейский медленно пошел прочь, а Торби продолжал делать вид, будто работает. Он изо всех сил пытался унять нервную дрожь. Из кабаре повалил народ, и тетушка заголосила, суля счастье, удачу и милости фортуны всего лишь за несколько монет. Торби уже собрался спуститься вниз, поставить стремянку в фойе и смыться, когда в его лодыжку вцепилась чья-то рука.

— Что ты здесь делаешь?

Торби похолодел, но тотчас же сообразил, что это всего лишь управляющий, разгневанный тем, что его вывеску разобрали по буквам. Не опуская головы, Торби проговорил:

— А что случилось? Вы мне сами заплатили, чтобы я снял эту афишу.

— Я? Заплатил тебе?

— Ну конечно. Вы сказали мне… — Торби скосил глаза вниз и притворился изумленным и смущенным. — Ой, это были не вы!

— Еще бы! А ну, слезай!

— Не могу! Вы держите меня за ногу!

Человек отпустил Торби и отступил на шаг, чтобы мальчик мог спуститься.

— Не знаю, какой идиот велел тебе… — Увидев попавшее в луч света лицо мальчика, он запнулся и закричал: — Да это же сын того самого нищего!

Торби метнулся в сторону, увернувшись от едва не схватившей его руки. Он лавировал между прохожими, а вслед ему несся вопль:

— Патруль! Патруль! Патруль!

Потом он снова оказался в темном дворе и, подгоняемый адреналином в крови, взлетел вверх по водосточной трубе, словно по ровной дороге. Он остановился, лишь преодолев добрую дюжину крыш, уселся возле дымохода и, переведя дух, попытался собраться с мыслями.

Итак, отец мертв. Невозможное случилось. Старый Подди не стал бы говорить, не знай он наверняка. И голова отца в эту минуту торчит на колу возле пилона вместе с головами других бедолаг! На миг представив себе это ужасное

зрелище, Торби сжался в комочек и разрыдался.

Прошло немало времени, прежде чем он поднял голову и встал на ноги, вытирая глаза костяшками пальцев.

Папа мертв. Ладно, что же теперь делать?

Во всяком случае, отец сумел избежать допросов. К горечи в душе Торби примешалась гордость. Отец был по-настоящему умным человеком, и, хотя они его поймали, он все же напоследок посмеялся над ними.

И все-таки как же теперь быть?

Тетушка Синэм предупредила: надо скрыться. Подди, с его обычной прямолинейностью, велел ему уматывать из города. Хороший совет. Если Торби не хочет, чтобы его укоротили, надо покинуть город затемно. Отец не хотел бы, чтобы Торби сидел и ждал ищеек: надо действовать быстро и без промедления. К тому же отцу уже ничем не поможешь, он мертв… Эй, постой-ка!

«Когда я умру, ты найдешь человека и передашь ему послание. Я могу положиться на тебя? Ты ничего не забудешь?»

Да, папа! Ты можешь быть уверен: я ничего не забыл и я передам все слово в слово! Впервые за полтора дня Торби вспомнил, почему он вернулся домой раньше обычного: в порт прибыл корабль

«Сизу»; его шкипер был одним из тех людей, которые значились в списке отца. «Первому из тех, кого ты встретишь», — вот что сказал Баслим. Я не потерял голову, папа; я немножечко растерялся, но теперь я вспомнил, я сделаю! Я сделаю то, что ты говорил. Вспышка ярости придала Торби силы: это послание наверняка и есть то самое последнее и самое важное дело, которое не успел завершить отец. Ведь они сказали, что он шпион. Ну что ж, он поможет отцу довести дело до конца. Я все сделаю, папа! Мы им еще покажем!

Торби не мучили угрызения совести из-за той «измены», которую он собирался совершить: его привезли сюда против его воли как раба, и он не испытывал ни малейшего чувства преданности Саргону, а Баслим даже и не пытался ему внушить такого чувства. И вообще самым сильным из всех чувств, которые он питал к Саргону, был суеверный страх, но даже он отступил под натиском яростной жажды мести. Сейчас Торби не боялся ни полиции, ни самого Саргона: он просто хотел избежать встречи с ними, чтобы выполнить последнюю волю Баслима. Ну, а если его поймают, то… он надеялся, что все же успеет сделать все необходимое прежде, чем его укоротят.

Если «Сизу» все еще в порту…

О, он должен быть там! Тем не менее первым делом нужно узнать, не покинул ли корабль планету… Хотя, впрочем, нет, сначала нужно укрыться, пока не рассвело. Да, он должен понять своей тупой башкой, что улизнуть от шпиков сейчас в миллион раз важнее всего того, что он когда-либо делал для отца.

Скрыться, найти «Сизу», передать послание его шкиперу… и это при том, что вся полиция района усердно ловит его…

Может быть, лучше добраться до космоверфи, где его никто не знает, и, вернувшись в порт кружным путем, найти «Сизу»? Нет, так не годится: он уже чуть не попал в лапы тамошних патрулей, и все потому, что не знал местности. А здесь ему по крайней мере знакомы каждый дом и большинство жителей.

Но ему нужна помощь. Не может же он просто выйти на улицу и заговорить с первым попавшимся звездолетчиком! К кому из его приятелей можно со спокойной душой обратиться за помощью? Зигги? Чепуха: Зигги тут же его выдаст, рассчитывая получить обещанную награду. За пару минимов Зигги продаст родную мать, он всегда был редкостным подонком.

Кто же? Торби с огорчением подумал, что все

его друзья одного с ним возраста и, так же как и он, мало что смогут сделать. Он не знал, где ночует большинство из них, и, уж конечно, не мог рыскать по округе днем, чтобы встретиться с кем-нибудь. Что же касается тех немногих, что жили вместе с родителями и адреса которых он знал, то, во-первых, им вряд ли можно доверять, а во-вторых, их предки сразу же прибегут в полицию. В большинстве своем законопослушные граждане из тех, что были ему родней, тряслись за свою работу и предпочитали не ссориться с властями.

Придется обратиться к друзьям отца.

Он быстро припомнил их имена. О большинстве этих людей он не мог сказать наверняка, близкие это друзья или просто знакомые. Единственный человек, до которого можно добраться и который сумеет помочь, — мамаша Шаум. Как-то раз она приютила Торби и Баслима, когда их выкурили газом из подземелья, и у нее всегда находилось доброе слово и холодное питье для Торби.

Приближался рассвет, и мальчик тронулся в путь.

Мамаша Шаум содержала пивную и гостиницу в дальнем конце улицы Радости, прямо напротив

ворот порта, через которые звездолетчики выходили в город. Спустя полчаса, миновав немало крыш, пару раз спустившись в темные дворы и один раз перебежав через освещенную улицу, Торби оказался на крыше ее заведения. Он не осмелился войти прямо в дверь: его увидели бы слишком многие, и Шаум пришлось бы вызвать патруль. Торби присел на корточки между двумя мусорными баками, присматриваясь к черному ходу, но потом рассудил, что, судя по голосам, на кухне битком народу.

Когда он наконец добрался до крыши, почти рассвело. Открыть замок и люк голыми руками оказалось невозможно. Торби посмотрел во двор, рассчитывая спуститься вниз и, плюнув на все, проникнуть в дом с черного хода. Стало совсем светло, и надо было спрятаться любой ценой. Осматривая двор, он заметил вентиляционные отверстия — по одному с каждого крыла невысокой мансарды. Они были едва ли шире его плеч, но вели внутрь. Их проемы были забраны прутьями, но после нескольких неудачных попыток он все же смог сломать одну из решеток. Он ступил босыми ногами через край проема и скользнул внутрь. Он влез по пояс, но набедренная повязка зацепилась за острые края решетки, и Торби

застрял. Ноги — внутри, а руки, грудь и голова — снаружи. Он был не в силах пошевелиться, а на улице уже светало.

Мальчик рванулся что было сил, и повязка порвалась. Он провалился вниз, ударившись головой и едва не потеряв сознание. Потом он замер и перевел дух.

Крыша была такая низкая, что по чердаку можно было передвигаться только ползком. Торби лихорадочно обшарил его в поисках люка. Первая попытка не увенчалась успехом, и мальчик даже засомневался, есть ли он здесь вообще. Торби знал, что в некоторых домах есть чердачные люки, но вообще-то устройство домов было ему неизвестно, поскольку Торби нечасто доводилось в них жить.

Он смог отыскать люк, только когда солнечные лучи пробились сквозь слуховые окна и осветили чердак. Крышка люка оказалась у противоположной стороны, ближе к улице.

И она была заперта изнутри.

Но люк оказался не столь прочен, как решетка. Торби осмотрелся, нашел тяжелый прут, брошенный здесь каким-то строителем, и стал долбить им дерево. В конце концов он пробил дыру, отложил прут в сторону и заглянул в отверстие.

Под ним была комната, Торби разглядел кровать, на которой лежал человек.

Он решил, что большей удачи быть не может. Ему предстоит иметь дело только с одним человеком, и он уговорит его найти мамашу Шаум, не поднимая тревоги. Оторвавшись от крышки люка, Торби сунул в отверстие палец и нащупал замок, ногтем отодвинул защелку и бесшумно поднял люк.

Человек на кровати даже не шелохнулся.

Торби спустился в люк, уцепившись пальцами за его края, потом прыгнул и сжался в комочек, стараясь не шуметь. Человек сел в постели и нацелил на мальчика пистолет.

— Долго же тебя пришлось ждать. Уже целый час слушаю, как ты там скребешься.

— Матушка Шаум! Не стреляйте!

Она подалась вперед, всматриваясь в мальчика.

— Сын Баслима, — женщина тряхнула головой. — Да, парень, ты опаснее горящего матраса… Зачем ты сюда забрался?

— Мне больше некуда идти.

Она нахмурилась.

— Я полагаю, это комплимент… хотя лично я предпочла бы заразиться проказой, — она вы-

лезла из постели в одной ночной рубашке и, прошлепав босыми ступнями к окну, выглянула наружу. — Ищейки здесь, ищейки там… ищейки обнюхивают каждый угол и распугивают моих клиентов… Ты, парень, наделал больше переполоху, чем та стачка на заводах. Почему бы тебе сразу не покончить с собой?

— Вы не спрячете меня, матушка?

— Кто сказал, что не спрячу? Я никогда еще никого не закладывала. Но я вовсе не обязана радоваться этому, — она посмотрела на мальчика. — Когда ты ел в последний раз?

— Не помню.

— Сейчас соберу чего-нибудь… полагаю, заплатить ты не сможешь? — Она бросила на Торби колкий взгляд.

— Я не голоден. Матушка, не знаете ли вы, «Сизу» все еще в порту?

— Что? Не знаю. Впрочем, знаю! Да, он еще здесь, вечером ко мне заходили двое из экипажа. А зачем тебе?

— Я должен передать его шкиперу послание. Я должен с ним встретиться. Я обязан сделать это!

Матушка Шаум издала полный отчаяния стон.

— Сперва он вламывается в дом порядочной работящей женщины и мешает ей спать, валится

сверху, подвергая опасности ее жизнь и едва не переломав ей руки-ноги… да еще лицензию могут отобрать… от него воняет, он весь в крови, и теперь, вне всякого сомнения, мне придется дать ему чистое полотенце, а стирка тоже денег стоит. Он голодный и не может заплатить за еду… И он еще смеет нагло требовать, чтобы я бегала по его поручениям!

— Я не голоден… и меня вовсе не волнует, дадут мне помыться или нет. Но я должен увидеться с капитаном Краузой.

— Будь любезен, не командуй мною в моей собственной спальне. Насколько я знаю старого мошенника, с которым ты жил, он разбаловал тебя и недостаточно часто лупил. Тебе придется подождать, пока не придет кто-нибудь с «Сизу», чтобы я могла передать весточку капитану, — она повернулась к двери. — Вода в горшке, полотенце — на вешалке. Мойся почище! — Матушка Шаум вышла.

Умывшись, Торби почувствовал себя лучше. На туалетном столике нашелся стрептоцид, и он обработал свои царапины. Шаум вернулась и положила перед Торби солидный кусок мяса, два ломтя хлеба, поставила кувшин молока и, ни слова не говоря, вышла из комнаты. Торби и

мысли не допускал, что сможет есть после смерти папы, но теперь у него вновь разыгрался аппетит. Встреча с мамашей Шаум успокоила мальчика.

Хозяйка вернулась.

— Дожевывай и прячься. Ходят слухи, что полиция намерена обыскать каждый дом.

— Да? Тогда мне пора сматываться.

— Замолчи и делай то, что я говорю. Прячься.

— Куда?

— Сюда, — ответила она, указывая пальцем.

В углу у окна стоял пуфик, а рядом с ним размещался встроенный шкафчик. Главным его недостатком были размеры. Шириной он был с человеческое туловище, но высота его составляла лишь треть роста взрослого мужчины.

— Вряд ли я туда втиснусь.

— То же самое подумают и легавые. Давай быстрее, — она откинула крышку, вытащила барахло и приподняла заднюю стенку шкафчика. В стене открылось отверстие, ведущее в смежную комнату. — Суй туда ноги и не воображай, что ты первый, кто здесь прячется.

Торби влез в шкафчик и, просунув ноги в отверстие, лег на спину; опущенная крышка была в нескольких сантиметрах от его лица. Мамаша Шаум набросила сверху тряпья.

— Как ты там?

— Все в порядке. Матушка, а он и правда мертв?

Ее голос смягчился.

— Да, малыш. Это очень печально.

— Вы уверены?

— Поначалу я тоже сомневалась, зная старика. И решила прогуляться к пилонам, убедиться воочию. Это он. И знаешь, что я тебе скажу? У него на лице улыбка, будто бы он, как всегда, перехитрил их… Да так оно и есть. Они ох как не любят, когда человек не дожидается допроса. — Она опять вздохнула. — Если хочешь, можешь поплакать, но только тихо. Услышишь кого-нибудь — затаи дыхание.

Крышка захлопнулась. Торби боялся задохнуться, но через некоторое время понял, что в шкафчике были дыры для вентиляции. Воздуха не хватало, но дышать было можно. Он повернул голову, чтобы наваленная сверху одежда не давила на нос.

И, поплакав, заснул.

Его разбудили шаги и голоса, раздавшиеся очень вовремя: спросонья он едва не сел в своем укрытии. Крышка приподнялась и вновь захлопнулась, оглушив его; мужской голос произнес:

— В этой комнате пусто, сержант!

— Посмотрим! — Торби узнал голос Поддди. — Ты забыл про чердак. Давай лестницу.

— Там ничего нет, — сказала мамаша Шаум. — Наверху ничего, кроме воздуха, сержант.

— Я же сказал «посмотрим».

И через несколько минут добавил:

— Дай-ка фонарик… Хм… вы правы, Шаум… Но он здесь был!

— Что?

— В том конце крыши выломана решетка… И следы в пыли. Я думаю, он пробрался через чердак, спустился в вашу спальню и убежал.

— Святые и черти! Ведь он мог убить меня в моей же постели! Так-то полиция нас бережет!

— Вы же не пострадали… И все-таки я посоветовал бы вам починить решетку, иначе у вас поселятся змеи и прочие их родственники, — он помолчал. — Мне думается, он хотел отсидеться где-нибудь в этом районе, но понял, что это опасно, и вернулся в развалины. Что ж, если так, мы, конечно же, выкурим его оттуда.

— Так вы полагаете, мне ничего не грозит?

— А зачем ему нужен такой куль с жиром!

— Какая грубость! А я как раз собиралась предложить вам промыть горло от пыли.

— Да? Ну что ж, идемте на кухню и обсудим это. Быть может, я не прав.

Торби услышал, как они уходят и уносят лестницу. Наконец он осмелился вздохнуть свободнее.

Вскоре мамаша Шаум вернулась и подняла крышку, ворча:

— Можешь размять ноги. Но будь готов сигануть обратно. Три пинты моего лучшего нектара! Тоже мне, полицейские!

Глава 6

Шкипер «Сизу» появился в тот же вечер. Капитан Крауза был высоким и плотным белокурым мужчиной; озабоченное выражение лица и жесткая складка у рта свидетельствовали о привычке командовать и нести на своих плечах бремя ответственности. Он был явно зол на себя и на того человека, который осмелился оторвать его от повседневных забот. Капитан бесцеремонно оглядел Торби с ног до головы.

— Так что, матушка Шаум, это и есть тот самый человек, который говорил, будто у него ко мне неотложное дело?

Капитан изъяснялся на языке Торговцев Девяти Миров, жаргонном варианте саргонезского, проглатывая окончания слов и пренебрегая всякими правилами грамматики. Но Торби понимал это наречие. Он ответил:

— Если вы — капитан Фьялар Крауза, то у меня есть к вам послание, благородный господин.

— Не называй меня «благородным господином». Да, я и есть капитан Крауза.

— Да, благор… то есть, я хотел сказать, да, капитан.

— Если у тебя есть что сказать, то я слушаю.

— Да, капитан, — и Торби принялся излагать послание Баслима на языке суоми: — «Капитану Фьялару Краузе, командиру звездолета „Сизу“, от Калеки Баслима. Приветствую тебя, мой старый друг! Я передаю привет также твоей семье, клану и всей родне. Выражаю почтительное уважение твоей досточтимой матери. Я говорю устами своего приемного сына. Он не понимает финского; я обращаюсь к тебе в частном порядке. Когда ты получишь это послание, меня уже не будет в живых…»

Крауза, уже начавший улыбаться, вдруг вскрикнул от изумления. Торби умолк.

— Что он говорит? — вмешалась мамаша Шаум. — Что это за язык такой?

— Это мой язык, — отмахнулся Крауза. — Так это правда? То, что говорит мальчишка?

— Какая правда? Откуда мне знать? Для меня его речь — пустой звук.

— О! Прошу прощения! Он говорит, что старый нищий, который болтался на площади и называл себя Баслимом, умер. Это так?

— Ага! Конечно, это правда. Я сама могла сказать вам, кабы знала, что вам интересно. Все знают о том, что он мертв.

— Все, кроме меня. А что с ним случилось?

— Его укоротили.

— Укоротили? За что?

Она пожала плечами.

— Почем мне знать? Ходят слухи, что он не то отравился, не то сделал еще что-то. В общем, убил себя сам, чтобы не попасть к ним на допрос. Но я не знаю наверняка. Я всего лишь бедная старая женщина, стараюсь жить честно, а цены с каждым днем растут… Полиция Саргона не делится со мной своими секретами.

— Но если… впрочем, неважно. Он обвел их вокруг пальца, верно? Это очень на него похоже. — Крауза обернулся к Торби: — Ну что ж, продолжай.

Прерванный на полуслове, Торби был вынужден вернуться к самому началу. Крауза с нетерпением дождался, пока мальчик дошел до слов: «…уже не будет в живых. Мой сын — это все, что у меня было, и я доверяю его твоим заботам. Прошу тебя помочь ему и воспитать его, как это делал я. Я хотел бы, чтобы ты при первой же возможности передал мальчика капитану какого-либо сторожевого корабля Гегемонии. Скажи, что он — похищенный гражданин Гегемонии и что ему нужно помочь в поисках семьи. Если они

возьмутся за дело как следует, то смогут установить его личность и вернуть парня родным. В остальном всецело полагаюсь на твой опыт. Я велел ему слушаться тебя и полагаю, что он будет это делать. Он хороший мальчик, разумеется, со скидкой на возраст и житейский опыт, и я с легким сердцем доверяю его тебе. А теперь я должен уйти. Я прожил долгую и богатую событиями жизнь и вполне доволен ею. Прощай».

Капитан закусил губу, и на его лице появилось такое выражение, будто он с трудом сдерживает слезы. Наконец он хрипло произнес:

— Все ясно. Что ж, парень, ты готов?

— Сэр?

— Я забираю тебя с собой. Разве Баслим тебе не говорил?

— Нет, сэр. Но он велел мне делать все, что вы скажете. Я должен пойти с вами?

— Да. Как скоро мы сможем отправиться в путь?

Торби сглотнул.

— Хоть сейчас, сэр.

— Тогда идем. Я должен вернуться на корабль, — капитан осмотрел Торби. — Матушка, нельзя ли подыскать для него что-нибудь поприличнее? Не могу же я взять на борт такого оборванца.

Впрочем, не надо. Тут на улице есть лавочка, я сам куплю ему костюм и все, что нужно.

Женщина слушала его с возрастающим изумлением.

— Вы берете его к себе на корабль? — спросила она наконец.

— У вас есть возражения?

— Что? Вовсе нет… если вас не заботит, что его могут в любой момент схватить.

— О чем это вы?

— Вы с ума сошли! По пути отсюда до ворот порта вы встретите не меньше шести ищеек, которые ради вознаграждения готовы землю рыть!

— Хотите сказать, что этот парень в бегах?

— Как вы думаете, чего ради я стала бы прятать его в своей спальне? Он жжется почище кипящего сыра!

— Но почему?

— Откуда мне знать? Только это так.

— Вы что, в самом деле считаете, будто такой вот парнишка может знать о делах Баслима так много, что они…

— Давайте не будет говорить о том, что делал или что сделал Баслим. Я — законопослушная гражданка Саргона… и мне вовсе не хочется, чтобы меня укоротили. Вы говорите, что берете

мальчишку на свой корабль. Я говорю «отлично!». Я рада избавиться от хлопот. Но как?

Крауза пощелкал костяшками пальцев.

— Я полагал, — медленно проговорил он, — что должен лишь провести его через ворота и заплатить эмиграционный сбор.

— Вы ошиблись, так что забудьте об этом. Нет ли возможности взять его на борт, минуя ворота?

Капитан явно встревожился.

— На этой планете приняты такие суровые меры против контрабанды, что мой корабль будет конфискован, если парня засекут. Итак, вы просите меня рискнуть своим кораблем… своей головой… и всем экипажем?

— Я не прошу вас рисковать. Я сама ломаю голову над этой задачкой. Я лишь объяснила, как обстоят дела. Если хотите знать мое мнение, то попытка увезти Торби — чистое безумие.

— Капитан Крауза… — подал голос Торби.

— Чего тебе, парень?

— Папа велел мне делать все, что вы скажете… Но я уверен, что он не захотел бы подвергать вас риску из-за меня. — Торби проглотил подкативший к горлу комок. — Я не пропаду.

Крауза нетерпеливо рубанул ладонью воздух.

— Нет, нет! — сурово произнес он. — Баслим

хотел, чтобы я это сделал… а долги надо платить! Всегда!

— Не понимаю.

— А тебе и не нужно понимать. Баслим хотел, чтобы я забрал тебя с собой, значит, быть по сему. — Он повернулся к мамаше Шаум. — Вопрос один: как это сделать? У вас есть какие-нибудь идеи?

— Ммм… Есть одна мыслишка. Пойдемте обсудим ее. — Она повернулась. — А ты, Торби, лезь назад в свое укрытие и будь осторожен. Возможно, мне придется кое-куда сходить.

На другой день, незадолго до наступления комендантского часа, большой портшез покинул улицу Радости. Патрульный остановил его, из-за занавески высунулась голова мамаши Шаум. Патрульный удивился.

— Уезжаете? Кто же будет заботиться о ваших клиентах, матушка?

— У Мюры есть ключи, — ответила женщина. — Но ты, как добрый друг, все же пригляди за моим заведением. Мюре не хватает моей твердости, — мамаша Шаум вложила что-то в ладонь полицейского. Это «что-то» тотчас исчезло.

— Договорились. Вас не будет всю ночь?

— Надеюсь, что нет. Но все же лучше иметь

пропуск, как ты думаешь? Я хотела бы, завершив дела, сразу вернуться домой.

— Сейчас с пропусками строго.

— Все еще ищут мальчишку того нищего?

— В общем-то, да. Но мы его найдем. Если он удрал за город, то сдохнет с голоду. Если остался здесь, его затравят.

— Ну, меня-то вы с ним не спутаете. Так как насчет краткосрочного пропуска для старой женщины, которой нужно нанести частный визит? — Она положила на дверцу руку; между пальцами торчал уголок банкноты.

Патрульный взглянул на бумажку и заозирался по сторонам.

— До полуночи хватит?

— Думаю, этого достаточно.

Полицейский вытащил записную книжку, что-то нацарапал в ней, потом вырвал страничку и протянул женщине. Как только она взяла документ, деньги исчезли.

— Только не задерживайтесь после полуночи.

— Надеюсь управиться раньше.

Он заглянул в портшез, затем осмотрел его снаружи. Четверо носильщиков стояли спокойно, не говоря ни слова, да оно и неудивительно, поскольку все они были лишены языков.

— Откуда они? Из гаража «Зенит»?

— Я всегда вызываю оттуда.

— Кажется, я их узнаю. Неплохо подобраны.

— Осмотри их хорошенько. Может, среди них — сын нищего.

— Эти волосатые гиганты? Бросьте, матушка!

— Пока, Шол.

Носильщики плавно подняли портшез и трусцой двинулись вперед. За углом Шаум приказала им замедлить ход и плотно задернула занавески. Похлопала по разбросанным вокруг диванным подушкам.

— Как ты там?

— Едва не задохнулся, — ответил слабый голос.

— Лучше задохнуться, чем укоротиться. Сейчас станет чуть полегче. Ну и острые же у тебя коленки!

Всю последующую милю пути она сосредоточенно переодевалась и обвешивалась драгоценностями. Затем опустила вуаль так, что видны были только ее живые черные глаза. Покончив с этим, высунула наружу голову и отдала несколько приказаний старшему носильщику; портшез свернул направо, к космопорту. Когда они добрались до высокого глухого забора, уже почти стемнело.

Ворота для звездолетчиков находятся в самом начале улицы Радости. Пассажирский выход расположен восточнее, в здании эмиграционного контроля. Еще дальше, в районе складов, были торговые ворота, через которые везли грузы, и таможня. Еще дальше, в нескольких милях, находились ворота космоверфи. А между верфью и торговыми воротами была маленькая калитка для знати, для тех ее представителей, у которых хватало денег на содержание собственных космических яхт.

Портшез поравнялся с забором космопорта неподалеку от торговых ворот, свернул и двинулся вдоль стены к воротам, представлявшим собой несколько проездов, ведущих к разгрузочным докам. Дорогу преграждал барьер, подле которого надлежало разгружать прибывшие фургоны. Здесь работали инспектора Саргона: взвешивали, обмеряли, протыкали и просвечивали грузы, прежде чем пропустить их за барьер, откуда портовые машины доставляли их к кораблям.

Этой ночью барьер третьего дока был открыт: заканчивалась погрузка Вольного Торговца «Сизу». Его хозяин наблюдал за процессом, препираясь с инспекторами и не забывая время от времени, как было заведено с незапамятных

времен, «подмазывать» скрипучий механизм таможни. Младший инспектор, управлявшийся с расчетами при помощи дощечки и карандаша, делил с капитаном заботы.

Лавируя между фургонами, портшез приблизился к открытому доку. Оглянувшись, хозяин «Сизу» заметил даму под вуалью, обозревавшую царящую здесь суматоху. Мельком посмотрев на часы, Крауза сказал офицеру:

— Еще одно место, Ян. Отправляйтесь с этим грузовиком, а я поеду на последнем.

— Да, сэр, — молодой человек забрался в машину и велел шоферу трогаться. Освободившееся место тут же занял пустой грузовик. Работа шла быстро, но хозяин нашел, к чему придраться. Он был чем-то недоволен и потребовал начать все сызнова. Старший инспектор оскорбился, но хозяин прервал его, вновь взглянув на часы:

— Время еще есть. Я не хочу, чтобы контейнеры свалились с машины прежде, чем мы доставим их к кораблю. Груз денег стоит. Так что уложите его получше.

Портшез двинулся вдоль забора. Вскоре совсем стемнело. Дама под вуалью посмотрела на светящиеся часы-перстень и велела носильщикам перейти на рысь.

Наконец они добрались до калитки для знати. Дама высунула голову и крикнула:

— Открывайте!

У ворот дежурили двое охранников. Один — в маленькой караулке, другой снаружи. Он открыл ворота, но, как только портшез двинулся вперед, преградил дорогу жезлом. Остановившись, носильщики опустили портшез на землю. При этом его правая дверца была обращена к воротам.

Дама крикнула:

— С дороги! Яхта лорда Мэрлина!

Преградивший путь охранник заколебался.

— Есть ли у миледи пропуск?

— Ты что — сдурел?

— Если у госпожи нет пропуска, — медленно проговорил тот, — то, возможно, она предъявит какое-нибудь подтверждение тому, что лорд Мэрлин ожидает ее?

Голос женщины доносился из темноты; у охранника хватило ума не светить ей в лицо фонариком. У него был большой опыт общения с благородными господами. И все же голос дамы звучал сердито, она кипела от злости, будто котел.

— Ну, если ты и впрямь сдурел, что ж, вызови лорда с его яхты. Позвони ему, и, я уверяю тебя,

ты очень его обрадуешь!

Из будки вышел второй охранник.

— Что-то случилось, Син?

— О нет, — двое охранников принялись шептаться. Младший отправился звонить на яхту, второй остался у портшеза.

Однако даме, похоже, взбрело в голову излить на них всю свою взбалмошность без остатка. Распахнув дверцу, она выскочила наружу и, словно разъяренная тигрица, ринулась в будку, сопровождаемая изумленным охранником. Звонивший отнял палец от клавиш, так и не добившись соединения, оглянулся… и почувствовал, что у него подгибаются ноги. Он и не представлял себе, что дела его настолько плохи. Перед ним стояла не ветреная инфанта, удравшая от своей дуэньи, а разгневанная матрона, вполне способная упечь человека на общественные работы, а то и куда подальше. И, судя по ее норову, она вполне могла так и сделать. Охранник с разинутым ртом слушал ее цветистую едкую брань и думал о том, что сегодняшний день — самый черный и мрачный из всех за все годы его службы у калитки для благородных господ и леди.

Внимание обоих стражников было целиком поглощено красочной речью мамаши Шаум. Тем

временем из портшеза выбрался человек, шмыгнул в открытые ворота и вскоре исчез из виду, скрывшись во мраке, окутывающем стартовую площадку. Торби бежал, каждую секунду ожидая, что в спину вот-вот вопьются пули, но у него достало храбрости не потерять голову и ориентировку. Отыскав по разметке нужную полосу, он ничком бросился на асфальт.

Мамаша Шаум умолкла, чтобы перевести дух.

— Госпожа, — попытался успокоить ее один из охранников, — если вы дадите нам возможность дозвониться до…

— Забудьте об этом! Впрочем, нет! Помните! Не далее завтрашнего дня вы получите весточку от лорда Мэрлина, — мамаша Шаум рухнула на сиденье портшеза.

— Госпожа, прошу вас…

Она пропустила его слова мимо ушей и отдала отрывистое приказание рабам. Те подняли портшез и сразу пошли рысью. Рука одного из стражников дернулась к поясу, словно он почуял что-то неладное. Но замерла. Охранник не рискнул подстрелить носильщика знатной дамы, что бы там ни было у нее на уме.

К тому же она ведь не нарушила закон.

Когда владелец «Сизу» в конце концов удовле-

творился тем, как загружена последняя машина, он забрался на трейлер, взмахом руки велел водителю трогаться и двинулся вперед, к кабине.

— Эй, ты! — крикнул он, постучав в заднее окошко.

— Да, капитан? — донесся слабый голос водителя.

— Я видел знак «стоп» на дороге, там, где она выходит на полосу, ведущую к кораблям. Я заметил, что большинство водителей даже не обращают на него внимания.

— Ах, этот? Та дорога обычно пуста. Ею пользуются только благородные, потому и стоит знак.

— О чем я тебе и толкую. В любой момент может появиться любой из них, и я просрочу старт из-за дурацкой дорожной аварии. А тогда меня могут задержать.

— Как скажете, капитан. Чай деньги вы платите.

— Это точно, — банкнота в полстеллара исчезла в кабине. Когда грузовик притормозил, Крауза подошел к заднему борту. Машина остановилась, капитан наклонился и втащил в кузов Торби.

— Тихо!

Мальчик кивнул, сдерживая дрожь. Капитан достал инструменты и принялся за контейнер.

Вскоре одна из стенок отвалилась, и капитан, откинув джутовую ткань, принялся выгребать наружу листья верги, стоившие бешеных денег на любой другой планете. Вскоре получилось нечто вроде большой норы, листья унесло ветром.

— Лезь сюда!

Торби протиснулся в ящик, стараясь сжаться как можно плотнее. Крауза натянул ткань, прибил планки и запечатал контейнер поддельной печатью инспекции, вручную изготовленной в мастерских звездолета. Потом он выпрямился и вытер со лба пот. Машина свернула к погрузочной площадке «Сизу».

Капитан лично проследил за окончанием погрузки. Рядом стоял инспектор Саргона, отмечая каждый контейнер, каждый ящик, исчезавший в трюме. Потом Крауза, как водится, отблагодарил инспектора и шагнул в подъемник вместо того, чтобы воспользоваться пассажирским лифтом. Оператор осторожно повел подъемник вверх, так как в гондоле стоял человек. Трюм был заполнен почти до отказа; груз уже принайтовили, и экипаж взялся за последние ящики. Даже капитан приложил руку, во всяком случае, он сам перетащил один из контейнеров. Освободив груз от талей, экипаж задраил люки. Капитан Крауза

вновь полез в карман и, достав инструмент, начал вскрывать контейнер.

Два часа спустя мамаша Шаум стояла у окна спальни и смотрела в сторону космопорта. Она бросила взгляд на часы. С башни взмыла зеленая ракета. Через несколько секунд в небо взметнулся столб белого пламени. Когда донесся рев двигателей, женщина усмехнулась и спустилась вниз посмотреть, как идут дела. Ведь одной Мюре нипочем не справиться.

Глава 7

Первые несколько миллионов миль полета Торби провел в тягостном убеждении, что совершил ошибку.

Он лишился чувств от дурманящего аромата листьев верги и очнулся в крошечной одноместной каюте. Торби проснулся с неприятным ощущением. В «Сизу» поддерживалась сила тяжести в одну стандартную единицу гравитации, но тело мальчика почувствовало, что сила эта не такая, как на Джуббуле. К тому же искусственное тяготение отличалось от естественного. Тело еще помнило невольничий трюм, и ощущение полета навеяло первое за многие годы кошмарное сновидение.

Его усталому одурманенному мозгу потребовалось немало времени, чтобы перебороть страх.

Наконец Торби окончательно пришел в себя и, осмотревшись, сообразил, что находится в безопасности на борту звездолета. Мальчик облегченно вздохнул и с удовольствием подумал о том, что он куда-то летит, путешествует. Новизна и перемены оттеснили на задний план даже горечь потери отца.

Помещение, в котором он находился, имело форму куба с длиной стороны, превышающей собственный рост Торби на фут или чуть больше. Мальчик лежал на койке, занимавшей полкаюты, и под ним был матрас невероятной и чудесной мягкости, из теплого, упругого и гладкого материала. Торби потянулся и зевнул, удивляясь роскоши, в которой живут Торговцы. Затем спустил ноги на пол и встал.

Койка беззвучно поднялась и утонула в переборке. Торби, как ни старался, не смог понять, каким образом снова опустить ее. Наконец он прекратил свои попытки. Он выспался и теперь хотел осмотреться.

Когда он открыл глаза, потолок слабо светился, а когда встал, свет стал ярче. Но и при свете мальчик не увидел дверей. С трех сторон его окружали металлические панели, каждая из которых могла оказаться дверью, но ни на одной из них не было видно ни петель, ни замков, ни других привычных деталей.

Торби подумал, что его вполне могли запереть. Он жил в подземелье, а трудился на площади, так что ему была неведома боязнь замкнутых или открытых пространств: мальчику лишь хотелось найти дверь, и он подосадовал, что не может

этого сделать. Даже если дверь закрыта, капитан Крауза вряд ли станет держать его взаперти слишком долго, подумал Торби. Но дверь так и не нашлась.

На полу лежали шорты и рубашка. Он проснулся обнаженным, как спал всегда. Взяв одежду, Торби робко помял ее в руках, дивясь ее великолепию. Он вспомнил, что примерно такие же вещи носят большинство космонавтов, и его на миг охватил восторг оттого, что теперь и ему доступна подобная роскошь. Но мгновение спустя его разум отверг столь дерзкое предположение.

Однако затем Торби вспомнил, что капитан Крауза не хотел, чтобы мальчик появлялся на борту в своей обычной одежде — да, капитан собирался зайти в лавку на улице Радости, где все товары предназначены для космонавтов! Он так и говорил!

Наконец Торби убедил себя в том, что одежда приготовлена для него. Для него! Лохмотья исчезли, а капитану вряд ли хочется, чтобы Торби ходил по кораблю нагишом. Он не страдал излишней застенчивостью; условности на Джуббуле касались только высших сословий. Тем не менее одежда была обязательна.

Торби оделся, дивясь собственному нахальству.

Сначала он натянул шорты задом наперед и лишь потом, заметив оплошность, надел их как следует. Рубашку, похожую на пуловер, он также надел неправильно, но это не так бросалось в глаза. Полагая, что он сделал все как нужно, мальчик не стал переодеваться. Он почувствовал неодолимое желание посмотреться в зеркало. Шорты и рубашка были простого покроя, без лишних украшений, ярко-зеленого цвета, из крепкого недорогого материала; это была обычная роба, взятая со склада корабля. Одежду такого типа столетиями носили мужчины и женщины многих планет. Однако даже Соломон во всей славе своей не имел столь роскошного облачения, как теперь Торби! Оглаживая костюм, он мечтал только об одном — чтобы кто-нибудь еще увидел это великолепие. Он принялся с удвоенным рвением разыскивать дверь.

Дверь отыскалась сама. Проведя рукой по одной из панелей, Торби почувствовал дуновение и, оглянувшись, увидел, что одна переборка исчезла. Дверь вела в коридор.

По извилистому туннелю к Торби приближался молодой человек, одетый примерно так же, как и он сам. Именно в этот момент Торби заметил, что рубашка надета задом наперед. Он шагнул

вперед и вежливо приветствовал юношу на саргонезском жаргоне Торговцев.

Глаза молодого человека скользнули по мальчику, но он прошел мимо так, будто к нему никто не обращался. Торби запнулся, озадаченный и немного обиженный. Потом повторил приветствие на интерлингве.

Человек исчез прежде, чем Торби успел пустить в ход другие известные ему языки. Он пожал плечами и решил не обращать внимания. Бродяге нельзя быть слишком чувствительным. Торби принялся изучать звездолет.

За двадцать минут ему удалось увидеть немало интересного. Во-первых, «Сизу» оказался намного больше, чем он думал. До сих пор ему не доводилось видеть космический корабль изнутри, разве что из невольничьего отсека. На расстоянии звездолеты, стоявшие на площадке космопорта в Джуббуле, выглядели весьма внушительно, но не такими громадами! Во-вторых, Торби удивило число людей на борту. Он знал, что экипажи грузовиков, курсирующих между планетами Девяти Миров, состоят из шести-семи человек, а здесь он за считаные минуты встретил в несколько раз больше людей обоих полов и самых разных возрастов.

В-третьих, Торби с огорчением заметил, что на него никто не обращает внимания. Люди либо вовсе не удостаивали его взглядом, либо не отвечали на обращенные к ним слова; если бы он вовремя не отступал в сторону, они, похоже, так и норовили бы пройти сквозь него. Единственным человеком, с которым ему почти удалось пообщаться, была крошечная девочка, едва начавшая ходить. В ответ на его попытку заговорить она посмотрела на него серьезными, чуть печальными глазами, но ее тут же утащила женщина, которая даже не взглянула на Торби.

Такое обращение было ему хорошо знакомо; именно так знать Джуббула относилась к людям его круга. Благородные не видели их, бедняков как бы не существовало и даже милостыню им передавали через рабов. На Джуббуле Торби не обижало подобное отношение — это было естественно и в порядке вещей, и мальчик не чувствовал себя из-за этого отверженным или оскорбленным. Его всегда окружали добрые друзья, такие же, как и он, бедняки, и Торби никогда не ощущал себя изгоем.

Но знай он, что члены экипажа «Сизу» отнесутся к нему так же, как джуббульская знать, он ни за что не взошел бы на борт, невзирая на травлю.

Однако такого он никак не ожидал. Капитан Крауза, услышав послание Баслима, отнесся к мальчику дружелюбно, пусть даже по-отечески грубовато, и Торби полагал, что экипаж «Сизу» станет воспринимать его так же, как командир звездолета.

Он бродил по стальным коридорам, чувствуя себя привидением в царстве живых, и в конце концов, загрустив, решил вернуться в каюту, в которой проснулся час назад. Но тут же понял, что заблудился. Он по памяти восстановил дорогу назад (уроки Баслима пошли ему впрок), но обнаружил лишь безликий туннель. Торби начал поиски сызнова и, ощутив некое неудобство, решил, что, найдет он свою каюту или нет, но туалет отыщет, даже если ему придется схватить кого-нибудь и как следует встряхнуть, чтобы дознаться, где это место.

Он сунулся в какую-то дверь, но, услышав исполненный негодования женский визг, поспешно отпрянул. За спиной хлопнула дверь.

В тот же миг его едва не сбил с ног шедший быстрым шагом мужчина, который заговорил с ним на интерлингве:

— Чего ты тут шляешься и повсюду суешь свой нос?

Торби почувствовал облегчение. Уж лучше брань, чем полное пренебрежение.

— Я заблудился, — робко произнес он.

— А чего тебе на месте не сиделось?

— Я не знал, что должен был… простите, благородный сэр. К тому же там не было туалета.

— Ясно. Туалет расположен напротив твоей каюты.

— Я не знал, благородный сэр.

— Ммм… да уж, конечно, не знал. Кстати, я не «благородный сэр», а первый помощник главного энергетика. Придется тебе это запомнить. Пошли, — мужчина схватил Торби за руку и быстро потащил его по лабиринту к тому самому туннелю, в котором мальчик так растерялся. Офицер тронул рукой стальную переборку.

— Вот твоя каюта.

Панель скользнула в сторону.

Потом мужчина повернулся и точно так же тронул противоположную переборку.

— Это гальюн для холостяков правого борта, — он с презрением фыркнул, когда Торби нерешительно замер при виде незнакомых приспособлений, потом проводил мальчика обратно в его каюту.

— Оставайся здесь. Поесть тебе принесут.

— Первый помощник главного энергетика, сэр?

— Что еще?

— Нельзя ли мне поговорить с капитаном Краузой?

Мужчина удивился:

— Ты полагаешь, у шкипера нет других забот, кроме как беседовать с тобой?

— Но…

Офицер уже ушел, и Торби обращался к стальной переборке.

Вскоре появилась снедь. Юнец, притащивший поднос, держался так, словно в каюте вообще никого не было. Спустя некоторое время он принес еще несколько тарелок и забрал опустевшие. Торби почти удалось заставить его обратить на себя внимание: уцепившись за поднос, он заговорил на интерлингве. В глазах молодого человека сверкнула искра понимания, но он ответил лишь презрительным:

— Фраки!

Торби не знал этого слова, но интонацию, с какой оно было произнесено, понял прекрасно.

Фраки — это маленькая безобразная полуящерица, питающаяся падалью, обитатель Примы III альфы Центавра, одного из первых миров,

заселенных людьми. Это мерзкое, практически безмозглое создание с отвратительными повадками. Мясо фраки мог бы съесть только умирающий с голоду. Кожа ее неприятна на ощупь и противно воняет.

Но «фраки» означает нечто большее. Так называют того, кто обретается в грязи, принадлежит к чуждому племени, кто не летает в космос, кого можно даже человеком не считать, дикаря, подонка. В языках старой Земли почти каждое название животного служило ругательством: свинья, собака, корова, акула, скунс, червяк — всего не перечислить. Но ни одно из этих слов не звучало так обидно, как «фраки».

К счастью, Торби смог понять лишь, что молодой человек не желает с ним разговаривать… а это было ясно и без слов.

Вскоре Торби задремал. Но, хотя его и научили движением руки открывать дверь, он так и не сумел найти комбинацию поглаживаний, толчков и надавливаний, которая помогла бы ему откинуть койку. Пришлось ночевать на полу. Утром доставили завтрак, но Торби не посмел заговорить с человеком, который его принес; в туалете напротив ему встретились несколько юношей. Они по-прежнему игнорировали его,

но Торби, понаблюдав за ними, обнаружил, что в туалете можно стирать одежду. Ее полагалось засунуть в специальную машину, которая, поработав несколько минут, выдавала шорты и рубашку свежими и выглаженными. Торби был так очарован техникой, что выстирал одежду целых три раза. Больше делать было нечего. Следующую ночь он опять провел на полу.

Торби сидел в каюте, чувствуя глубокую тоску и боль при воспоминании об отце и жалея, что покинул Джуббул. Вскоре кто-то поскребся в его дверь.

— Можно войти! — раздался робкий голос, произносивший саргонезские слова с сильным акцентом.

— Входите! — с готовностью отозвался Торби и вскочил на ноги, чтобы открыть дверь. Перед ним стояла женщина средних лет с милым добрым лицом. — Входите, — повторил он по-саргонезски и отступил в сторону.

— Благодарю, вы очень любезны, — она запнулась и быстро спросила: — Не говорите ли вы на интерлингве?

— Разумеется, мадам.

— Хвала небесам, — пробормотала она на английском Системы. — Саргонезский меня уже

утомил, — и перешла на интерлингву: — Тогда давайте говорить на этом языке, если вы не возражаете.

— Как вам будет угодно, мадам, — ответил Торби и добавил по-английски: — Если, разумеется, вы не предпочитаете другие языки.

Она удивилась.

— На скольких же языках вы говорите?

Торби задумался.

— На семи, — ответил он, — и понимаю еще несколько, но не осмелюсь утверждать, что говорю на них.

Ее удивление росло с каждой минутой.

— Возможно, я ошиблась. Но, поправьте меня, если я не права: мне сказали, что вы — сын нищего с Джуббула.

— Я сын Калеки Баслима, — с гордостью произнес Торби. — Саргон по доброте своей выдал ему лицензию на нищенство. Мой отец был мудрым, ученым человеком, и мудрость его была известна всей площади от края до края.

— Верю… Так что, все нищие Джуббула такие же замечательные полиглоты?

— Что вы, мадам! Большинство говорит лишь на самом низкопробном жаргоне. Но мой отец не позволял мне этого… ну, разве что в интересах

дела.

— Разумеется, — женщина моргнула. — Хотела бы я быть знакомой с твоим отцом.

— Спасибо, мадам. Может быть, присядете? Мне очень жаль, но я могу предложить вам только пол. Но уж зато весь он в вашем распоряжении.

— Благодарю, — она уселась с гораздо большим трудом, чем Торби, который провел в позе лотоса тысячи часов, надрывая глотку мольбами о подаянии.

Торби никак не мог решить, закрыть ли ему дверь, или же дама (на саргонезском он называл ее «миледи») оставила ее открытой нарочно. Мальчик чувствовал, что тонет в океане незнакомых обычаев и условностей, и общественное устройство корабля было ему совершенно непонятно. Он разрешил эту проблему при помощи здравого смысла, спросив:

— Предпочитаете ли вы закрыть дверь или держать ее распахнутой, мадам?

— А? Не имеет значения. Хотя, впрочем, пусть остается открытой. Здесь живут холостяки, а я располагаюсь в той части корабля, где обретаются незамужние женщины. Но я пользуюсь некоторыми льготами и дополнительными свободами… ну, скажем, как комнатная собачка. Я

— «фраки», но меня терпят, — последние слова она произнесла со смущенной улыбкой.

Торби не уловил смысла.

— Собака? Это животное, произошедшее от волка?

Она пристально посмотрела на него.

— Ты учил этот язык на Джуббуле?

— С самого раннего детства я жил только на Джуббуле. Простите, если я выражаюсь неправильно. Может быть, лучше поговорим на интерлингве?

— Нет, нет… Ты прекрасно говоришь по-английски. Твой земной акцент гораздо приятнее моего. А я так и не сумела научиться произносить гласные так, как это принято на моей родной планете. Но я стараюсь, чтобы меня понимали. Кстати, я забыла представиться. Я не Торговец. Я антрополог, и они позволили мне совершить путешествие на их корабле. Меня зовут доктор Маргарет Мейдер.

Торби склонил голову и сложил ладони.

— Рад нашему знакомству. Меня зовут Торби, сын Баслима.

— Мне тоже очень приятно, Торби. Зови меня Маргарет. Мой титул здесь ничего не значит, поскольку он не имеет отношения к корабельной

иерархии. Знаешь ли ты, что такое антрополог?

— Простите, мадам… Маргарет.

— Название громкое, но означает, по сути, простую вещь. Антрополог — это ученый, исследующий человеческое общежитие.

— Разве это наука? — с сомнением спросил Торби.

— Иногда я и сама не знаю. Но это — достаточно сложные исследования, потому что люди могут устраивать свои общины бесчисленным количеством способов. Существует лишь шесть признаков, объединяющих людей и отличающих нас от животных: три из них относятся к физиологическим особенностям работы органов, а три другие еще изучаются. Все остальное — поступки людей, их вера, обычаи — чрезвычайно разнообразно. Антропологи изучают это разнообразие, эти переменные величины. Ты знаешь, что такое «переменная»?

— Икс в уравнении? — неуверенно предположил Торби.

— Совершенно верно! — радостно ответила женщина. — Мы изучаем иксы в человеческих уравнениях. Именно этим я и занимаюсь. Я изучаю образ жизни Вольных Торговцев. У них принят самый, вероятно, необычный во всей

истории людей способ решения этой сложной задачи — быть человеком. Они уникальны, — она непрерывно ерзала по полу. — Торби, можно я пересяду в кресло? Мое тело уже не так гибко, как в молодости.

Торби покраснел.

— Мадам, у меня ни одного нет. Я не…

— Одно из кресел расположено прямо за твоей спиной. И еще одно — за моей, — она привстала и прикоснулась рукой к стене. Панель раздвинулась, и из нее выползло небольшое кресло.

Увидев озадаченное лицо мальчика, она спросила:

— Разве они тебе не показали? — и сделала то же самое с другой стеной; в каюте появилось еще одно сиденье.

Торби осторожно присел, потом позволил себе расслабиться и уселся всем телом, почувствовав, что кресло само приняло наиболее удобную форму. На его лице появилась широкая улыбка.

— Здорово!

— А ты знаешь, как раскрыть откидной столик?

— Столик?

— Боже праведный, неужели они вообще ничего тебе не показали?

— Ну… сначала тут была койка. Но я потерял ее.

Доктор Мейдер что-то пробормотала и сказала вслух:

— Можно было догадаться. Торби, я восхищаюсь этими Торговцами. Я даже иногда испытываю к ним нежные чувства. Но порой они бывают до глупости спесивыми и самовлюбленными. Впрочем, не буду хулить наших хозяев. Вот, — она дотронулась руками до двух кружков на стене, и исчезнувшая койка появилась вновь. Теперь, при двух откинутых креслах, в каюте почти не осталось места. Пожалуй, тут мог бы стоять только один человек. — Лучше я уберу ее. Ты заметил, что я делала?

— Дайте я попробую.

Маргарет показала Торби и другие встроенные предметы, которые прятались в, казалось бы, совершенно гладкую стену: два кресла, койку, шкафчики для одежды. Торби обнаружил, что в его распоряжении еще две смены одежды, две пары мягких корабельных туфель и еще несколько странных, на его взгляд, предметов: книжные полки, на которых, впрочем, стояли только брошюры «Устава „Сизу“», фонтанчик для питья, лампа для чтения в кровати, интерком, часы, зер-

кало, обогреватель, а также панель с кнопками, назначения которых он не мог понять, поскольку сроду не видал таких вещей.

— Что это? — наконец спросил он.

— Это? Наверное, микрофон для связи с кабиной старшего офицера. А может быть, имитация, а настоящий где-нибудь спрятан. Но не беспокойся: на этом корабле никто не говорит по-английски, и старший офицер тоже не исключение. Тут пользуются «секретным» языком, да только никакой он не секретный: самый обычный финский. У каждого Торговца свой язык — один из земных, а для связи между кораблями официально принят общий «секретный» язык, представляющий собой упрощенную латынь, но и на латыни они не говорят: Свободные Корабли общаются на интерлингве.

Торби слушал вполуха. Ему было просто приятно находиться в обществе, и он наслаждался тем, как к нему относится Маргарет.

— Доктор Мейдер… а почему они не говорят с людьми?

— Ага, — она заметно погрустнела. — Мне следовало понять это самой. Они попросту игнорируют тебя, верно?

— Ну… они кормят меня.

— Но разговаривать не желают. Бедный мой! Торби, они не хотят говорить с тобой потому, что ты не относишься к Людям. Так же, как и я.

— С вами они тоже не разговаривают?

— Теперь разговаривают. Для этого потребовалось прямое распоряжение капитана и много терпения с моей стороны, — она нахмурилась. — Торби, у каждой клановой культуры — а я не знаю другой, которой были бы в такой же мере присущи черты клановости, — у каждой такой культуры есть особое слово… которое означает «человек». Правда, произносят его по-разному. Такое слово обозначает их самих. «Я и моя жена, мой сын Джон, нас трое, а больше никого нет на всем белом свете». Такая точка зрения отсекает их от всех прочих групп людей и отрицает право других считаться людьми. Тебе уже довелось слышать слово «фраки»?

— Да. Но я не знаю, что это значит.

— Фраки — это безвредное, но достаточно противное животное. В их устах «фраки» означает «чужак».

— Ну что ж, я действительно чужой для них.

— Да, но это означает, что ты никогда не станешь ничем иным. Это означает, что ты и я — недочеловеки, стоящие вне закона, — их за-

кона.

Торби растерялся.

— Значит ли это, что мне придется безвылазно сидеть в каюте и ни с кем не разговаривать?

— Великое небо! Не знаю. Но ведь я-то разговариваю с тобой.

— Спасибо!

— Итак, подведем итог. Торговцы отнюдь не жестоки, в них лишь сквозит провинциальное высокомерие. Им и в голову не приходит, что ты способен что-то чувствовать. Я поговорю с капитаном. Мы с ним условились побеседовать, как только на корабле возникнет необычная ситуация, — она взглянула на часы. — Господи, уже столько времени! Я пришла поговорить о Джуббуле, а мы даже не вспомнили об этом! Ты позволишь мне прийти еще?

— Я хотел бы вас видеть почаще.

— Ну, вот и хорошо. Культура Джуббула изучена неплохо, но, как мне кажется, ни один исследователь не имел возможности взглянуть на нее с вашей точки зрения. То, что ты оказался профессиональным нищим, весьма и весьма меня обрадовало.

— То есть?

— Видишь ли, ученые, которым довелось изу-

чать Джуббул, общались в основном с высшей знатью планеты. О жизни рабов они могли судить… ну, скажем, поверхностно, а не изнутри. Понимаешь?

— Верно, — кивнул Торби, — и если вам захочется узнать о жизни рабов побольше, то я к вашим услугам.

— Ты был рабом?

— Теперь я свободный человек. Мне следовало сказать вам раньше, — проговорил он, ощущая некое неудобство и даже опасение, что новообретенный друг, узнав о его социальном происхождении, отнесется к нему с презрением.

— Что ты! Да я счастлива узнать об этом! Торби, ты просто кладезь сокровищ! Слушай, милый, мне нужно бежать, я опаздываю. Ты не будешь возражать, если я к тебе вскоре загляну?

— Ну что вы, Маргарет! — И он честно добавил: — Ведь мне все равно больше нечего делать.

Этой ночью Торби спал на своей новой чудесной кровати. Все утро он провел в одиночестве, но не скучал, так как у него появилась масса игрушек, с которыми он мог забавляться. Он извлекал предметы и вновь заставлял их прятаться, восхищаясь тем, как удобно и компактно все устроено. «Чтобы придумать все это, нужно прямо-таки

дьявольское хитроумие», — подумал он. Баслим говорил, что магии и волшебства не существует, но Торби забывал о его словах, видя перед собой настоящее чудо.

Он уже в шестой раз раскладывал койку, когда раздался пронзительный вой, от которого Торби едва не выпрыгнул из башмаков. Это был звук корабельной сирены, возвещавшей учебную тревогу и призывавшей всех занять свои места, но Торби об этом не знал. Уняв сердцебиение, он приоткрыл дверь и выглянул наружу. По коридору сломя голову бежали люди.

Мгновение спустя их и след простыл. Мальчик вернулся в каюту и попытался привести в порядок свои мысли. Вскоре его острый слух уловил, что мягкое шуршание вентиляторов стихло. Но Торби не знал, что ему делать. Он должен был сейчас прятаться в особом помещении вместе с детьми и теми, кому не полагалось участвовать в боевых действиях, но не ведал об этом.

Поэтому он просто ждал.

Снова взвыла сирена, но на сей раз вой сопровождался звуком рожка, и опять по туннелям помчались люди. Тревога повторялась снова и снова: экипаж отрабатывал ситуации поражения рубки, пробоины, отказа энергосистемы, отказа

системы подачи воздуха, радиационной опасности — все приемы, которые обычно предлагаются космонавтам во время учений. Затем отключилось освещение и исчезло искусственное поле тяготения, и Торби испытал ужасное ощущение свободного падения.

Вся эта непонятная сумятица продолжалась достаточно долго, и наконец мальчик услышал звук отбоя, а вентиляционная система вновь заработала нормально. Никому даже в голову не пришло побеспокоиться о Торби; старая женщина, командовавшая небоеспособным населением корабля, забыла о каком-то фраки, хотя пересчитывала по головам даже животных, находящихся на борту.

Сразу же после тревоги Торби вызвали к старшему офицеру.

Человек, открывший его дверь, схватил мальчика за плечо и вытащил наружу. Поначалу Торби был слишком ошарашен, чтобы сопротивляться, но, пройдя несколько шагов, взбунтовался: он был сыт по горло подобным обращением.

Чтобы выжить в Джуббулпоре, он был вынужден научиться приемам уличной драки; однако этот его противник явно изучал боевое искусство, построенное на научных основах и самообладании. Торби все же изловчился и нанес

один-единственный удар, после чего был прижат к переборке с вывернутым и едва не сломанным запястьем.

— Прекрати дурить!

— А куда ты меня тащишь?

— Я сказал, прекрати эти глупости! Тебя вызывает старший офицер. Не зли меня, фраки, или я выбью мозги из твоей башки!

— Я хочу видеть капитана Краузу!

Мужчина слегка ослабил хватку и ответил:

— Увидишь. Но тебя вызывает старший офицер, а она не любит ждать. Ты успокоишься? Или доставить тебя по частям?

Торби покорно поплелся следом. Вывернутая кисть вкупе с нажимом на нерв, проходящий под костью, несет в себе свою грубую логику. Они поднялись по палубам, и мужчина втолкнул его в открытую дверь.

— Старший офицер! Я привел этого фраки.

— Благодарю вас, третий палубный мастер. Вы можете идти.

Торби понял только слово «фраки». Поднявшись на ноги, он осмотрелся и увидел, что находится в помещении, в несколько раз превосходящем размерами его собственную каюту. Самым заметным предметом обстановки была огромная кровать,

но крохотная фигурка, покоящаяся на кровати, довлела над всем окружающим. Оторвав от нее взгляд, Торби только теперь заметил, что по одну сторону кровати молча стоит Крауза, а по другую — еще одна женщина, ровесница капитана.

Женщина на кровати, несмотря на преклонные годы, излучала властность и силу. Она была богато одета — один лишь шарф, прикрывавший ее тонкие волосы, стоил столько денег, сколько Торби никогда не видел зараз. Однако мальчик видел только ее пронзительные глаза за полуприкрытыми веками.

— Вот как! Немало неприятностей принесла бы мне эта история, поверь я в нее, старший сын, — она говорила по-фински.

— Мать моя, послание подлинное.

Женщина фыркнула.

Капитан с упрямой настойчивостью произнес:

— Мать, выслушайте его сами. — Он повернулся к Торби и сказал на интерлингве: — Повтори послание, переданное твоим отцом.

При виде друга отца Торби почувствовал облегчение и покорно воспроизвел непонятный ему текст. Пожилая женщина выслушала его и обернулась к капитану Краузе:

— Что такое? Он говорит на нашем языке?

Фраки?

— Нет, мать моя, он не понимает ни слова. Это голос Баслима.

Она вновь обратила взгляд на Торби и обрушила на него шквал финских слов. Мальчик вопросительно посмотрел на капитана.

— Пусть повторит еще раз, — велела женщина.

Капитан отдал приказ. Торби смутился, но с готовностью повторил. Женщина лежала молча, а остальные терпеливо ждали. На ее лице появилась раздраженная гримаса; наконец она выдохнула:

— Долги надо платить!

— Я тоже так считаю, мать моя.

— Но почему эти помои выплескиваются на нас? — сердито спросила она.

Капитан ничего не ответил, и женщина продолжала более спокойно:

— Послание подлинное. Сначала я думала, что все это — сплошная чепуха, и, знай я о твоих намерениях, я запретила бы тебе. Но, старший сын, как ты ни глуп, правда на твоей стороне. А долги надо платить. — Капитан продолжал молчать, и женщина гневно воскликнула: — Ну! Чего молчишь? Какой монетой ты собираешься расплачиваться?

— Я уже думал об этом, мать, — медленно проговорил Крауза. — Баслим просил, чтобы мы позаботились о мальчике до тех пор, пока не представится возможность передать его какому-нибудь военному кораблю Гегемонии. Долго ли придется ждать? Год, два года? Тут возникают проблемы. Правда, у нас есть прецедент — та самая женщина-фраки. Семья приняла ее, не без ропота, конечно, но теперь все привыкли к ней и даже рады ее присутствию. Если бы мать вмешалась в судьбу мальчика таким же образом…

— Чепуха!

— Но, мать моя, мы должны это сделать. Долги надо…

— Тихо!

Крауза умолк.

Женщина заговорила слабым голосом:

— Или ты не расслышал, какое бремя взвалил на тебя Баслим? «Помочь ему и воспитать его так же, как это делал я». Кем был Баслим этому фраки?

— Он называл его приемным сыном. Я думал…

— Ничего ты не думал! Если тебе придется заменить Баслима, то кем ты становишься? Разве можно понять его слова, его просьбу как-то иначе?

Капитан встревожился. Старуха продолжала:

— «Сизу» всегда платит долги сполна. Мы не допускаем обмера и обвеса. Этот фраки должен быть усыновлен… тобой.

Лицо Краузы было непроницаемо. Вторая женщина, до сих пор молча занимавшаяся рукоделием, уронила поднос.

Капитан проговорил:

— Но, мать моя, что решит Семья…

— Семья — это я! — Старуха быстро обернулась ко второй женщине: — Жена старшего сына! Пусть все остальные дочери немедленно придут ко мне!

— Слушаюсь, мать моего мужа. — Она поклонилась и вышла.

Старший офицер мрачно посмотрела поверх голов Краузы и Торби, а затем едва не улыбнулась.

— Это не беда, старший сын. Как ты думаешь, что произойдет на следующей Встрече Людей?

— Нас будут благодарить.

— «Спасибо» в трюм не погрузишь, — она облизнула тонкие губы. — Люди будут в долгу перед «Сизу»… и в статусе кораблей произойдут кое-какие изменения. Мы не прогадаем.

Крауза слабо улыбнулся.

— Вы всегда были хитрой лисой, мать.

— «Сизу» повезло, что им командую я. Возьми мальчишку и подготовь его. Не будем тянуть с этим делом.

Глава 8

У Торби было две возможности: или спокойно позволить усыновить себя, или возмутиться, но все равно быть усыновленным. Он выбрал первый вариант, разумно решив, что противиться воле старшего офицера бесполезно и небезопасно. К тому же, хотя он и чувствовал себя неуютно, вступая в новую семью сразу после смерти папы, он не мог не сознавать, что это пойдет ему на пользу. Будучи фраки, он занимал самую низшую ступень на общественной лестнице. С ним могли сравниться разве что рабы.

И, что было гораздо важнее, отец велел ему делать все, что прикажет капитан Крауза.

Усыновление состоялось в тот же день в кают-компании во время ужина. Церемония велась на «секретном» языке, посему Торби мало что извлекал для себя из происходящего и еще меньше — из произносимых слов, однако капитан заблаговременно объяснил, что ему надлежит делать. В салоне собрался весь экипаж «Сизу», за исключением вахтенных. Даже доктор Мейдер получила приглашение. В церемонии она не участвовала, зато внимательно слушала и глядела в оба.

Когда внесли старшего офицера, все встали. Она заняла место во главе офицерского стола, где за ней тут же принялась ухаживать невестка, жена капитана. Устроившись поудобнее, старший офицер сделала знак, и все уселись, причем капитан занял место по ее правую руку. Дежурившие нынче девушки принесли чаши с постной похлебкой. Никто к ней даже не притронулся. Старший офицер ударила ложкой по своей чашке и сказала речь, краткую и выразительную.

Затем наступила очередь ее сына. Торби с удивлением услышал часть переданного им послания: он сумел уловить последовательность звуков.

Капитану ответил старший инженер, мужчина, выглядевший старше Краузы, а затем взяли слово еще несколько мужчин и женщин. Старший офицер задала вопрос, и экипаж хором произнес единодушный ответ. Ей не пришлось спрашивать, голосует ли кто-нибудь против.

Капитан обратился к Торби на интерлингве. Мальчик одиноко сидел на стуле и чувствовал себя не очень уютно, особенно потому, что те немногие, которые удостаивали его взглядом, выглядели не так уж дружелюбно.

— Подойди сюда!

Торби поднял глаза и увидел, что на него смот-

рят капитан и его мать. Женщина выглядела чуть раздраженной, хотя, вполне возможно, ей вообще была свойственна такая мина. Мальчик торопливо вскочил.

Она опустила ложку в миску и слегка прикоснулась к ней языком. Борясь с ощущением, что делает нечто ужасное, но повинуясь приказу капитана, Торби осторожно зачерпнул из ее миски и сделал глоток. Женщина потянулась к нему и, пригнув вниз его голову, ткнулась сухими губами в обе его щеки. Он вернул ей эту символическую ласку, чувствуя, как его кожа покрывается пупырышками.

Затем Крауза взял бурды из миски Торби, а тот, в свою очередь, — из капитанской. Крауза взял нож и, зажав острие между большим и указательным пальцами, прошептал на интерлингве:

— Смотри не заори.

И уколол плечо Торби.

Мальчик с презрением подумал, что Баслим научил его переносить куда более сильную боль. Кровь ударила струей. Крауза вывел Торби на середину зала, где все могли его видеть, что-то громко воскликнул и опустил руку мальчика так, чтобы кровь стекала на палубу, где вскоре скопилась небольшая лужица. Капитан насту-

пил на нее, растер кровь ботинком, опять издал какой-то клич, вызвав оживленную реакцию присутствующих, и вновь обратился к Торби на интерлингве:

— Твоя кровь — в нашей стали, наша сталь — в твоей крови!

Ощутив себя частицей корабля, Торби почувствовал прилив гордости.

Жена капитана заклеила порез пластырем. Затем Торби обменялся едой и поцелуем с ней, а потом и со всеми присутствующими. Он обошел все столы, всех своих новообретенных братьев, сестер, кузин и тетушек. Вместо поцелуев мужчины жали ему руку и крест-накрест хлопали по плечам. Подойдя к столу, за которым сидели незамужние девушки, он заколебался, но те не стали его целовать: хихикая, повизгивая и краснея, они торопливо прикасались к его лбу кончиками пальцев.

За его спиной дневальные убирали со столов миски с кашей, которая оказалась чисто ритуальным блюдом, символизирующим скудость рациона, которым пришлось бы при необходимости довольствоваться в космосе, и заменяли бурду изысканными яствами. Торби пришлось бы нахлебаться бурды по самые уши, если бы он

вовремя не сообразил, что нужно не есть ее, а только облизывать ложку. Однако усевшись как полноправный член Семьи за стол холостяков, он уже не ощущал тяги к лакомствам, поданным в его честь. Приобретение более восьмидесяти новых родственников оказалось нелегким делом. Торби устал, нервничал и вовсе не чувствовал голода.

Он все же попытался поесть. Вскоре до его уха долетело чье-то замечание, в котором он узнал только одно слово — «фраки». Подняв голову, Торби увидел напротив молодого человека, смотревшего на него с явной неприязнью.

Старший из холостяков, сидевших за одним столом с Торби, заявил во всеуслышание:

— Сегодня вечером мы должны говорить только на интерлингве, да и потом мы дадим нашему новому родственнику возможность изучить язык постепенно, — он холодно посмотрел на юношу, с презрением глядевшего на Торби. — А ты, мой побочный кузен по линии супруги, должен уяснить (я больше не стану напоминать), что мой младший приемный брат является для тебя старшим. После ужина зайдешь ко мне в каюту.

Юноша выглядел испуганным.

— О, старший кузен, я только говорил, что…

— Придержи язык.

Старший вежливо обратился к Торби:

— Нужно пользоваться вилкой. Люди не едят руками.

— Вилкой?

— Лежит слева от твоей тарелки. Смотри на меня, и скоро научишься. Не давай окружающим повода смеяться над тобой. Кое-кому из наших мальчишек следовало бы понимать, что решения бабушки — закон для всех нас.

Из своей каюты Торби был переведен в менее роскошное помещение большего размера, предназначенное для четырех холостяков. Его соседями оказались Фриц Крауза, старший неженатый молочный брат и старший по столу холостяков, Челан Крауза-Дротар, молочный двоюродный брат Торби, и Джери Кингсолвер, его молочный племянник по старшему женатому брату.

Торби быстро постигал финский язык. Однако первые слова, которые ему пришлось выучить, оказались вовсе не финскими, а были заимствованными или изобретенными для обозначения тонкостей родственных отношений. Языки отражают культуру, которую обслуживают; в большинстве языков есть слова для обозначения таких понятий, как «брат», «сестра», «отец»,

«мать», «тетя», «дядя», а также приставки для обозначения связи поколений. В некоторых языках не делается различия между отцами и дядьями, и такие языки отражают клановые обычаи общества. С другой стороны, в ряде языков (например, норвежском) понятие «дядя» расщепляется на женскую и мужскую линии.

Для Вольных Торговцев было обычным делом выражать такие сложные отношения родства, как «сводный двоюродный дядя по супружеству с материнской стороны» одним-единственным словом, которое означало только это отношение и ничего другого. Таким образом, можно было обозначить отношения между любыми двумя точками на генеалогическом древе. Большинство культур имеет в своих языках около дюжины необходимых в данном случае слов, но Торговцам едва хватало двух сотен. Их язык содержал четкие и краткие термины, означавшие различные поколения, прямые и побочные линии, кровных родственников и свойственников, отношения возрастов в пределах одного поколения, пол говорящего и пол человека, к которому он обращался, пол родственников, образующих линию, кровное и дальнее родство, а также то, жив ли член Семьи, о котором идет речь, или уже умер.

Первой задачей Торби было выучить слова и родственные связи, ими обозначаемые, и научиться правильно обращаться к более чем восьмидесяти родственникам; он должен был усвоить тончайшие оттенки родства, близость и старшинство; он должен был знать также титулы, с которыми каждому родственнику надлежало обращаться к нему. Не запомнив всех этих сведений, он попросту не мог разговаривать с окружающими, ибо его речь была, по местным понятиям, ужасающе некультурной.

Он должен был научиться сопоставлять пять признаков каждого члена команды «Сизу»: внешность, полное имя (его самого теперь звали Торби Баслим-Крауза), семейный титул, титул лица, с которым данный член Семьи обращается к нему, а также корабельный ранг (например, «старший офицер», «второй помощник кока»). Он усвоил, что к каждому следует обращаться по семейному титулу, если речь идет о делах Семьи, по корабельному званию, если речь идет о служебных обязанностях, и по имени — в отдельных случаях и лишь с разрешения старшего. Уменьшительные имена употреблялись редко и только сверху вниз, но не наоборот.

Не выучив всех этих правил, он не мог считать-

ся полноправным членом Семьи, хотя и был в нее формально принят. Уклад жизни на корабле представлял собой кастовую систему с таким сложным комплексом обязанностей, привилегий и предписанных реакций на определенные поступки, что даже строго расчлененное и стиснутое многочисленными правилами общество Джуббула представлялось сплошным хаосом. Жена капитана приходилась Торби матерью, но она также была заместителем старшего офицера, и его обращение к ней зависело от того, что он хотел ей сказать. Поскольку Торби попал на корабль уже холостым мужчиной, между ними не возникло отношений, присущих матери и сыну; тем не менее она относилась к юноше тепло и всегда подставляла щеку для поцелуя точно так же, как и его соседу по комнате старшему брату Фрицу.

Однако в роли заместителя старшего офицера она могла повести себя с ледяной вежливостью сборщика налогов.

В ее положении были свои сложности: она не могла стать старшим офицером до тех пор, пока старуха не соблаговолит умереть. Пока же она действовала только от имени и по поручению свекрови и должна была ухаживать за ней. Теоре-

тически старшие должности были выборными; на практике же это были выборы с единственным кандидатом и заранее предрешенным исходом. Крауза унаследовал капитанский чин от отца; его жена стала заместителем старшего офицера только потому, что была супругой капитана, и ей предстояло занять пост старшего офицера и командовать всем кораблем — точно так же, как это делала мать Краузы, в силу тех же причин. До тех же пор высокий статус жены капитана был сопряжен с самой тяжелой работой на корабле, без сна и отдыха, ибо старшие офицеры служили пожизненно… если их не снимали с поста и не высаживали на планету с низким уровнем жизни, а то и не вышвыривали в открытый космос, обвинив в нарушении древних законов «Сизу». Однако такие случаи были так же редки, как двойное затмение Солнца. Мать Торби могла рассчитывать лишь на смерть свекрови от сердечной недостаточности, удара или от иной неожиданности, подстерегающей человека преклонных лет.

Торби, как младший приемный сын капитана Краузы, старшего мужчины в клане Крауза, номинального главы Семьи (настоящим ее главой была его мать), оказался по клановому статусу

выше трех четвертей своих родственников (корабельного ранга ему еще не присвоили). Однако старшинство отнюдь не облегчило ему жизнь. Ранг приносит привилегии. Но вместе с ними на человека возлагаются ответственность и обязанности, груз которых перевешивает удобства, доставляемые льготами.

Научиться нищенствовать было куда проще.

Торби с головой ушел в эти новые для него проблемы и по нескольку дней не виделся с доктором Маргарет. Как-то раз, торопливо шагая по коридору четвертой палубы — теперь он всегда спешил, — Торби налетел на нее, едва не сбив с ног.

Он остановился.

— Здравствуйте, Маргарет!

— Здравствуй, Торговец. А я уж было решила, что ты не захочешь даже разговаривать с фраки.

— Что вы, Маргарет!

Она улыбнулась.

— Я шучу. Поздравляю тебя, Торби. Я рада за тебя: это решение при таких обстоятельствах было самым верным.

— Благодарю вас. Я тоже так думаю.

Перейдя на английский Системы, она с материнской заботливостью спросила:

— Я слышу сомнение в твоем голосе. Что-нибудь не так?

— Да нет, все в порядке. — И вдруг он выпалил всю правду: — Боюсь, я никогда не смогу понять этих людей.

— В начале каждого полевого сезона я ощущаю то же самое, — мягко проговорила она, — а этот корабль представляется мне самым загадочным. Так что же тебя беспокоит?

— Ну… я не знаю. И, боюсь, никогда не сумею разобраться. Возьмем Фрица — он мой старший брат. Он много помогал мне, но, когда я не оправдывал его ожиданий, он начинал орать мне прямо в ухо. Один раз даже ударил меня. Я не остался в долгу, и мне показалось, что он вот-вот взорвется.

— Клюнул его как следует…

— Что?

— Неважно. Это не научное сравнение. Люди — не цыплята. Так что же произошло?

— Ну, он тут же стал холодно-вежлив и сказал, что прощает мне оплеуху и забудет о ней, принимая во внимание мое невежество.

— Noblesse oblige.

— Простите?

— Извини. Мои мозги засорены подобными

словечками сверх меры… И что же он? Забыл, простил?

— Начисто. Стал слаще сахара. Не знаю, из-за чего он так разъярился и почему успокоился после того, как я его ударил, — Торби развел руками. — Это так неестественно.

— Верно… и в то же время неверно. Ммм… Торби, я могу тебе помочь. Мне кажется, я понимаю Фрица. Понимаю благодаря тому, что я — не из Людей.

— Что вы имеете в виду?

— Моя работа как раз и заключается в том, чтобы понимать людей. Фриц родился среди Торговцев. Многое из того, что он знает — а он очень умный молодой человек, — лежит в области подсознательного. Фриц не может объяснить многие свои поступки: он не думает, а просто действует. Ну, а я два последних года сознательно изучала все, что видела и слышала. Поэтому я могу дать тебе совет каждый раз, когда ты стесняешься спросить что-либо у них. Со мной ты можешь разговаривать совершенно свободно: у меня нет никакого статуса.

— Маргарет, неужели вы действительно можете?

— Всякий раз, когда у тебя появится время для

разговора. Но я не забыла и твоего обещания рассказать мне о Джуббуле. А теперь не буду тебя задерживать. Ты, очевидно, торопишься.

— В общем-то, нет, — он застенчиво улыбнулся. — Когда я по-настоящему спешу, у меня нет времени перекинуться с кем-либо хотя бы словом… да и не знаю, как это сделать.

— Понятно. Торби, у меня есть фотографии, списки имен, семейная классификация и обязанности каждого члена экипажа. Это поможет тебе?

— Еще бы! Фриц думает, что достаточно лишь показать мне человека и один раз объяснить, кто он есть, — и я всех узнаю!

— Тогда пойдем ко мне в каюту. Не стесняйся: мне разрешено принимать у себя для работы всех, кого бы я ни пожелала. Дверь открывается в общий коридор, и тебе не придется заходить на женскую половину.

Обложившись со всех сторон фотографиями и списками, Торби за полчаса усвоил все необходимые сведения благодаря урокам Баслима и дотошности доктора Мейдер. Она приготовила также полное генеалогическое древо «Сизу». Торби впервые видел его — такого не было ни у одного из его новых родственников: они не

нуждались в памятках, потому что знали все наизусть.

Маргарет показала Торби место на древе, где располагался он сам.

— Крестик означает, что, хотя ты и находишься в прямых отношениях с кланом, родился ты не его членом. А вот еще пара людей, состоящих в дальнем свойстве с Семьей, но введенных в клан… я полагаю, это было сделано для того, чтобы назначить их на ведущие должности. Экипаж «Сизу» называет себя Семьей, но в сущности данная группа представляет собой фратарий.

— Что это?

— Совокупность групп, объединенных родством, но не имеющих общих предков, практикующая экзогамию — обычай искать супругов вне группы. Законы экзогамии продолжают действовать, однако теперь они модифицированы правилами разделения обязанностей. Ты знаешь, как работают пары?

— Они по очереди несут вахты.

— Да, но знаешь ли ты, отчего на ходовых вахтах чаще заняты холостяки, а во время стоянки в порту — незамужние женщины?

— Не знаю.

— Женщины, которых принимают в Семью со

стороны, обычно дежурят в порту, а холостяки, родившиеся в Семье, заняты в полете. Каждую девушку из Семьи пытаются пристроить на другой корабль, иначе ей придется выбирать себе мужа из весьма ограниченного числа холостяков. Кстати, тебя могли усыновить так, что ты попал бы именно в такую группу, правда, для этого потребовался бы другой отец. Видишь эти имена, обведенные голубым кружком и крестиком? Одной из этих девушек предстоит стать твоей супругой… если ты не найдешь себе невесту на другом корабле.

Эта мысль неприятно поразила Торби.

— Так я действительно обязан…

— Если тебе присвоят корабельное звание, соответствующее твоему семейному положению, то тебе придется отбиваться от кандидаток палкой.

Торби рассердился. Запутавшись в семейных делах, он скорее захотел бы обзавестись третьей ногой, чем жениться.

— И большинство сообществ, — продолжала Маргарет, — практикует и эндогамию и экзогамию одновременно: человек ищет себе супруга вне семьи, но в среде своего народа, расы, в своей вере, и ваши Торговцы — не исключение. Надо выбирать себе пару на другом корабле, но толь-

ко не фраки. Однако ваши правила создают не совсем обычное положение: каждый корабль представляет собой патрилокальный матриархат.

— Что?

— Термин «патрилокальный» означает, что жена принимает фамилию мужа, ну а матриархат… скажи, кто управляет кораблем?

— Капитан.

— Так ли?

— Ну, отец, разумеется, слушается бабушку, но она стареет и…

— Никаких «но». Настоящим хозяином является старший офицер. Поначалу меня это удивляло: я думала, что такое положение существует только на этом корабле. Но нет, это правило распространяется на всех Людей. Мужчины ведут торговлю, управляют кораблем и энергоустановкой, но властвует всегда женщина. В рамках системы это имеет смысл, и брачные обычаи становятся более-менее терпимыми.

Однако Торби явно не желал продолжать обсуждение проблем, связанных с женитьбой.

— Ты еще не видел дочерей Торговцев. Девушки покидают родной корабль, плача и стеная, и их приходится тащить едва ли не волоком…

но, попав на другой корабль, они тут же вытирают слезы и готовы улыбаться и флиртовать, высматривая себе мужа. Подцепив подходящего парня и прибрав его к рукам, девушка получает шанс стать главой суверенного государства. А слезы ее высыхают очень быстро потому, что в своей семье она была никем. Теперь подумай: если бы хозяевами были мужчины, такой обычай переродился бы в обычную работорговлю; а так у девушки появляется возможность использовать свой шанс.

Доктор Мейдер отвела взгляд от записей.

— Обычаи, которые облегчают людям совместное существование, никогда не планируются заранее. Но они полезны — либо они отмирают. Торби, тебя раздражает то, как ты должен обращаться со своими родственниками?

— Еще бы!

— Что для Торговца самое главное?

Торби задумался.

— Пожалуй, Семья. Все зависит от положения, которое ты занимаешь в Семье.

— Вовсе нет. Главное — это корабль.

— Говоря «корабль», вы подразумеваете «Семья».

— Как раз наоборот. Если Торговец чем-то недо-

волен, куда ему деваться? Он не может жить в космосе без корабля, как не может даже представить себе жизнь среди фраки. Ему противна сама мысль об этом. Корабль для Торговца — все, даже воздух для дыхания создается кораблем, так что приходится учиться жить в нем. Но необходимость постоянно пребывать бок о бок с одними и теми же людьми почти невыносима, а избавиться друг от друга невозможно. Напряжение может дойти до предела, и кто-нибудь будет убит… а то и корабль подвергнется разрушению. Но человеку свойственна способность приспосабливаться к любым условиям. Обряды, этикеты, образцы поведения, предписываемые реакции являются смазкой для скрипучего механизма общественных отношений. Когда напряжение нарастает и становится невыносимым, Люди прикрываются условностями. Поэтому Фриц перестал сердиться.

— Как это?

— Он не мог злиться долее. Ты что-то сделал неправильно, и сам этот факт показал, что ты еще невежествен. Фриц забылся на мгновение, но потом вспомнил, кто ты есть, и его гнев улетучился. Люди не позволяют себе злиться на детей; вместо этого они стараются наставить их на путь

истинный… и постепенно ты привыкнешь к сложным правилам, выполнение которых для Фрица — вторая натура.

— Да, я, кажется, понял, — Торби вздохнул. — Но все это не так-то просто.

— Потому что ты родился в другом мире. Но ты усвоишь это, и в будущем следовать всем правилам станет не труднее, чем дышать, и почти так же полезно. Обычаи подсказывают человеку, кто он такой, какому миру принадлежит и что он обязан делать. Лучше нелогичные обычаи, чем никаких; людям без них не прожить. С точки зрения антрополога, «справедливость» означает поиск работоспособных правил.

— Мой отец, я имею в виду Калеку Баслима, говорил, что единственный путь к справедливости — это честное отношение к другим людям. И при этом не нужно обращать внимания на то, как они поступают с вами.

— Разве это противоречит моим словам?

— Пожалуй, нет.

— Полагаю, Баслим счел бы Людей справедливыми. — Она потрепала мальчика по плечу: — Не волнуйся, Торби. Веди себя хорошо, и в один прекрасный день ты женишься на какой-нибудь из этих прекрасных девушек. Ты будешь счастлив.

Это пророчество отнюдь не воодушевило Торби.

Глава 9

Когда «Сизу» достиг Лосиана, Торби уже перевели в боевую рубку и поручили ему работу, достойную настоящего мужчины. Поначалу его назначили на второстепенную должность на складе одежды. Продвижению Торби по службе помогла его математическая подготовка.

Торби продолжал учиться в корабельной школе. Баслим дал ему широкое образование, но учителя не замечали этого, поскольку старик даже не затрагивал большинства предметов, которые считались необходимыми на корабле. Тут учили финскому языку, потому что на нем говорила вся Семья, истории Народа и «Сизу», торговым правилам и деловым навыкам, экспортно-импортным законам многих планет, гидропонике, экономике корабля, его безопасности. Баслим уделял особое внимание языкам, математике, галактографии и истории. Торби быстро схватывал новые предметы лишь благодаря методике Рэншоу, которой столь настойчиво обучал его отец. Торговцам требовалась прикладная математика для ведения бухгалтерской отчетности, навигационных расчетов и управления термоядерными процессами

в двигателях корабля. Первую дисциплину Торби усвоил молниеносно, над второй пришлось попотеть, и, лишь когда он дошел до третьей, преподаватели с удивлением обнаружили, что этот бывший фраки, по-видимому, уже изучил начала многомерной геометрии.

Они поспешили сообщить капитану о том, что на корабле появился математический гений.

Это было явным преувеличением; тем не менее Торби тут же пересадили за пульт компьютера, управлявшего корабельным вооружением.

Наибольшую опасность для торгового корабля представляют начальный и конечный отрезки пути, на которых звездолет движется со скоростью чуть меньше световой. Теоретически возможно засечь и проследить корабль, движущийся в несколько раз быстрее света, когда судно как бы теряется в четырехмерном мире человеческого восприятия; на деле же это ничуть не проще, чем попасть пущенной из лука стрелой в отдельную дождевую каплю во время полуночной бури. Однако быстрому и маневренному кораблю не составит труда проследить и атаковать громоздкий медлительный грузовик с битком набитыми трюмами во время торможения или разгона.

«Сизу» мог развивать ускорение в одну сотую стандартной единицы гравитации, и, стремясь сократить время прохождения опасных участков, экипаж выжимал из двигателей все до последней капли. Тем не менее для достижения световой скорости при ускорении километр в секунду за секунду требовалось восемьдесят четыре часа.

Три дня экипаж проводил в тягостном, изматывающем нервы ожидании. Удвоение ускорения сократило бы это время наполовину, а «Сизу» стал бы столь же резвым, как рейдер, но это потребовало бы восьмикратного увеличения мощности термоядерных реакторов и одновременного утяжеления защитного экрана, вспомогательного оборудования и парамагнитных емкостей, содержащих водород. Прирост массы сводил бы к нулю грузоподъемность корабля.

Торговцы зарабатывают на жизнь тяжким трудом; даже если бы в космосе не шныряли охотящиеся за ними пираты. Люди не могли бы позволить себе приносить свои доходы в жертву законам многомерной физики. У «Сизу» были лучшие двигатели, какие только могла себе позволить Семья, но их мощности было недостаточно, чтобы оторваться от преследователя, идущего налегке.

К тому же маневренность грузовика оставляла желать лучшего. Входя в беззвездную ночь N-пространства, «Сизу» был вынужден строго выдерживать принятый курс, иначе при выходе из него он мог бы оказаться слишком далеко от места назначения; такие ошибки могли разорить Торговца. И, что еще неприятнее, капитану судна приходилось быть готовым мгновенно выключить тягу, чтобы не оказаться в поле тяготения, которое превратило бы экипаж в кровавое месиво, ибо хлипкие человеческие тела подверглись бы стократным перегрузкам.

Капитан корабля мгновенно зарабатывал на своем посту язву желудка, а ведь ему еще приходилось заниматься подсчетом издержек и прибыли, угадывать, какие товары принесут наибольший доход. Прыжок в N-пространстве длится недолго, и лишь в это время капитан может отдохнуть и понянчиться с детишками. Начало и окончание перелета буквально убивали его. Долгие часы, и в течение этих часов ему, возможно, придется в долю секунды принимать решение, от которого зависят жизнь или свобода всех членов его Семьи.

Если бы рейдеры стремились лишь уничтожать грузовые корабли, то у «Сизу» и его братьев

не было бы ни малейшего шанса спастись. Но рейдеру нужен груз и рабы; просто расстреляв звездолет, он ничего не выигрывал.

Торговцы же, в свою очередь, не скованы подобными соображениями. Для них идеальным выходом было и остается уничтожение агрессора. Атомные искатели цели баснословно дороги, и их эксплуатация изрядно сказывалась на доходах Семьи, но уж если компьютер обнаруживал цель, то ее обычно удавалось поразить, в то время как рейдер мог использовать оружие уничтожения, только если жертва пускалась наутек. Пираты стремились ослепить грузовик, спалив его приборы, и подойти к нему достаточно близко, чтобы парализовать находящийся на борту экипаж или, если это не удастся, убить людей, сохранив звездолет и груз.

Торговец уходил, когда мог, и дрался, если его к этому принуждали. Но, вступив в бой, он бился насмерть.

Двигаясь с субсветовой скоростью, «Сизу» всеми своими приборами ловил каждый шорох многомерного пространства, прислушивался к шепоту доносящихся из N-космоса сообщений и к «белому шуму» кораблей, разгоняющихся с ускорениями, многократно превышающими

стандартное ускорение гравитации. Данные поступали в корабельный астронавигационный анализатор, откуда приходили ответы на вопросы: где находится тот или иной корабль? Каким курсом идет? С какими скоростью и ускорением? Успеет ли он перехватить нас прежде, чем мы нырнем в N-пространство?

Если полученные ответы свидетельствовали об опасности, вся информация передавалась в компьютер, управляющий бортовым вооружением, и «Сизу» готовился к бою. Комендоры поглаживали полированные бока атомных ракетных установок и искателей и потихоньку бормотали свои заклинания; главный инженер приводил в готовность рычаг самоподрыва, который мог превратить энергоустановку в водородную бомбу чудовищной мощности, и молил небеса дать ему силы в случае необходимости умертвить Семью, избавив ее от худшей участи. Капитан включал сирену, рев которой был слышен по всему кораблю, — от носовой рубки до кают-компании. Коки гасили огонь в плитах; инженеры, следящие за вспомогательными системами, перекрывали циркуляцию воздуха; фермеры прощались с зелеными всходами и спешили занять свои места по боевому расписанию; матери собирали детей,

покрепче прижимали их к себе и надевали привязные ремни.

А потом начиналось ожидание.

Но только не для Торби и тех, кто был занят у боевого вычислителя. Пристегнутые к своим креслам ремнями, они обливались потом, зная, что в течение ближайших минут или даже часов жизнь Семьи находится в их руках. Агрегаты боевого компьютера, обработав данные, после миллисекундного раздумья решали, могут ли торпеды поразить цель, и предлагали четыре варианта: баллистически «возможно» или «невозможно» при имеющихся условиях, «да» или «нет» при изменении позиции одного, либо второго, либо обоих кораблей. Автоматика обрабатывала эти ответы, но думать машина не могла. Добрая половина схем компьютера была предназначена для того, чтобы дать оператору возможность определить вероятные изменения обстановки в ближайшем будущем — в течение пяти минут или около того, — если менялись исходные параметры... и решить, сможет ли торпеда достичь цели при изменении этих параметров.

Окончательное решение принимал человек; интуиция оператора могла спасти корабль —

или погубить его. Парализующий луч мчится со скоростью света, а у торпеды нет времени для разгона до скоростей, превышающих несколько сот километров в секунду. Но даже если рейдер пронзал пространство иглой парализующего луча, Торговец мог успеть запустить торпеду прежде, чем ослепнуть… и мгновение спустя после атомной вспышки, в горниле которой погибал пират, приходило спасение.

Но если оператор на миг опережал события или — что в принципе одно и то же — медлил, осторожничая, лишнюю секунду, он мог проиграть сражение. Нетерпеливый стрелок пускал торпеду мимо цели, слишком осторожный вовсе не успевал ее запустить.

Люди в летах не годились для этой работы. Лучше всего с ней справлялись подростки либо молодые мужчины и женщины, сообразительные и проворные, уверенные в себе, способные к интуитивному нестандартному математическому мышлению, не боящиеся смерти, поскольку они еще не способны представить себе, что это такое.

Торговцам постоянно приходилось искать способных юнцов. Торби, похоже, обладал математическим чутьем; вероятно, он смог бы даже

научиться играть в шахматы при повышенной перегрузке. Его учителем стал Джери Кингсолвер, племянник Торби, живший с ним в одной каюте. По семейному рангу Джери был ниже Торби, но, по-видимому, старше по возрасту. Вне компьютерной рубки он называл Торби дядей, находясь же на посту, Торби именовал его старшим стрелком правого борта и добавлял «сэр».

Все долгие недели гиперпространственного перелета к Лосиану Джери муштровал Торби. Сначала предполагалось, что Торби будет учиться на гидропониста, а Джери занимал пост старшего клерка суперкарго, но фермеров на корабле и так уже было достаточно, а для штата суперкарго во время полета работы не было вовсе. Капитан Крауза велел Джери как следует поднатаскать Торби в компьютерной.

Разгон до световых скоростей длился половину недели, и, поскольку все это время на корабле поддерживалась боевая готовность, к каждому боевому посту были приписаны два человека, несущие вахты вместе. У Джери в подчинении находилась его младшая сестра Мата, младший стрелок правого борта. Компьютер имел два терминала, и функции управления могли быть переданы любому из них при помощи особого

переключателя. Двое стрелков сидели бок о бок: Джери вел наблюдение, а Мата была готова подключиться в любой момент.

После насыщенного курса лекций по управлению машиной Джери посадил Торби за один терминал, Мату — за другой и ввел данные, полученные из рубки управления корабля. К терминалам были подключены регистрирующие устройства, так что можно было фиксировать действия каждого стрелка, а затем сравнить их с записанными загодя действиями операторов, участвовавших ранее в сражениях, — настоящих или тренировочных.

Уже очень скоро Торби совершенно вымотался; Мата справлялась с заданием гораздо успешнее.

Юноша попытался сосредоточиться, но дело пошло еще хуже. Обливаясь потом и стараясь уследить за маневрами пирата, некогда появлявшегося на экране радара «Сизу», Торби постоянно и почти болезненно ощущал соседство стройной темноволосой изящной девушки. Ее проворные пальцы едва уловимыми движениями нажимали кнопки и передвигали рычажки, меняя угол или вектор. Мата действовала расслабленно и не спеша, и было несказанно унизительно узнать потом, что действия соседки «спасли корабль», в

то время как сам он промахнулся.

И, что хуже всего, она нравилась Торби, о чем он даже не подозревал, лишь чувствуя, что ее присутствие сковывает его.

Закончив учебный бой, Джери связался с ними из рубки управления.

— Конец занятия. Оставаться на местах.

Вскоре он вошел в компьютерную и принялся изучать ленты, читая замысловатые символы так же легко, как обычный человек читает текст книги. Рассматривая ленты Торби, он почмокал губами.

— Стажер, вы стреляли трижды… и ни одна из ваших торпед не взорвалась ближе чем в пятидесяти тысячах километров от вражеского корабля. Речь идет не о расходах — это забота старшего офицера. Но, стреляя, вы должны поразить врага, а не застращать его. Вам придется немало поработать, чтобы стрелять без промаха.

— Я старался изо всех сил!

— Этого недостаточно. Давай-ка разберемся с тобой, сестрица.

Подобная фамильярность еще больше уязвила Торби. Брат и сестра любили друг друга и не утруждали себя обращением по званиям. Торби как-то попытался называть их по именам… и

получил щелчок по носу: здесь он был «стажером», а они — «старшим стрелком» и «младшим стрелком». Тут ничего нельзя было поделать: на посту он был младшим. Целую неделю во внеслужебное время Торби называл Джери «приемный племянник», и тот вежливо и неукоснительно именовал его по семейному титулу. Торби в конце концов решил, что это глупо, и вновь стал называть Джери по имени. Но тот, обращаясь к Торби во время занятий, продолжал говорить «стажер». И Мата тоже.

Джери посмотрел записи Маты и кивнул.

— Отлично, сестричка! Ты лишь на секунду запоздала против расчетного идеала, но на три секунды опередила выстрел, который был бы признан удовлетворительным. Я могу с полным правом сказать, что ты действовала отлично… тем более что тот выстрел был сделан мною. Тот рейдер с Ингстела… помнишь?

— Еще бы, — Мата взглянула на Торби.

Торби почувствовал себя омерзительно.

— Это нечестно! — заявил он, отстегивая ремни.

Джери удивился:

— Что вы сказали, стажер?

— Я говорю, это нечестно. Вы дали задачу, и я

взялся за нее с нуля и промахнулся, потому что еще слабо подготовлен. А она лишь нажимала кнопки, чтобы получить ответ, который знала заранее… чтобы унизить меня!

На лице Маты появилось выражение растерянности. Торби шагнул к двери.

— Я не напрашивался на эту работу! Пойду к капитану, пусть он определит мне другое занятие.

— Стажер!

Торби остановился. Джери тихим голосом продолжал:

— Сядьте. Сначала я выскажусь, а уж потом вы пойдете к капитану, если думаете, что это вам поможет.

Торби сел.

— Хочу сказать две вещи, — холодно произнес Джери. — Во-первых… — он обернулся к сестре, — младший стрелок, вы знали о том, какая именно задача будет поставлена?

— Нет, старший стрелок.

— А раньше вы с ней встречались?

— По-моему, нет.

— Откуда вы знаете об этом случае?

— Что? Так вы ведь сами сказали об ингстелском рейдере. Я никогда не забуду обед, который тогда состоялся, — вы сидели рядом с бабушкой,

рядом со старшим офицером!

Джери обратился к Торби:

— Вам ясно? Она тоже решала эту задачу с нуля… точно так же, как в свое время и я. И она действовала успешнее меня; я горжусь тем, что у меня такой подчиненный. К вашему сведению, мистер глупый младший стажер, упомянутое сражение состоялось задолго до того, как мой младший стрелок стала стажером. И она эту задачу не решала. Мата лучше вас справилась с заданием — и все тут.

— Ну и хорошо, — мрачно произнес Торби. — Кажется, толку из меня не выйдет. Говорю же — с меня хватит.

— Я не договорил. Никто не напрашивается на работу, от которой разламывается голова. Но никто и не бросает ее. Со временем работа становится не по силам оператору, когда анализы показывают, что он потерял сноровку. Может быть, я уже начинаю ее терять. Но вот что я вам скажу. Или вы научитесь этому делу как следует, или я пойду к капитану и сам заявлю ему, что вы гроша ломаного не стоите. А до тех пор… если я услышу хотя бы звук, вы будете иметь дело со старшим офицером! — Он помолчал и рявкнул: — Приступаем к повторному занятию!

Боевой пост! Приготовить оборудование! — и вышел из помещения.

Спустя мгновение вновь послышался его голос:

— Компьютерный расчет! Доложить о готовности!

Раздался звук сирены, приглашающий экипаж к обеду. Мата четко ответила:

— Расчет к бою готов. Данные получены, приступаю к выполнению задания!

Ее пальцы легли на клавиши. Торби склонился над своим пультом; есть ему совершенно не хотелось.

Несколько дней он говорил с Джери только по делу. Мату он видел либо на занятиях, либо напротив себя за обеденным столом; он обращался к ней с холодной вежливостью и старался научиться работать так же хорошо. Он мог встречаться с ней и в другое время: на людях молодежь общалась без помех. Но Мата стала для него своего рода табу потому, что была его племянницей, и потому, что они принадлежали к одному сообществу, хотя, конечно, все это не было препятствием для внеслужебных отношений.

Он не мог не встречаться с Джери: они ели за одним столом, спали в одной каюте. Но у Торби была возможность воздвигнуть между ними

стену формальных отношений; так он и сделал. Никто не сказал ни слова — такие вещи случались нередко. Даже Фриц делал вид, будто ничего не замечает.

Как-то вечером Торби отправился в зал посмотреть фильм на тему, связанную с Саргоном; когда же фильм закончился, он не успел избежать встречи с Матой — она обошла вокруг Торби, встала прямо против него и, обращаясь к Торби почтительно, как к дяде, спросила, не согласится ли он перед обедом сыграть с ней партию в мяч.

Он уже хотел отказаться, но девушка смотрела ему в глаза с такой трагической надеждой, что он сказал лишь:

— Почему бы и нет? Спасибо, Мата. Нагуляем аппетит.

Мата расплылась в улыбке.

— Чудесно! Ильза уже заняла столик. Пойдем!

Торби выиграл три партии и одну свел вничью… неплохой результат, если учесть, что Мата была чемпионкой среди женщин и ей позволялось взять лишь одно очко форы, играя с чемпионом среди мужчин. Торби не думал об этом и лишь упивался своим успехом.

Его дела в компьютерной пошли на лад, отчасти из-за его серьезного отношения к делу,

отчасти — благодаря его навыкам сложных геометрических построений. Помогало и то, что Торби был сыном нищего, и эта древняя профессия отточила его умственные способности. Джери более не сравнивал вслух успехи Торби и Маты, ограничиваясь лишь кратким комментарием по его адресу: «Уже лучше», либо «Продолжайте, стажер», или, что бывало реже, «Стопроцентное попадание». Торби приобрел уверенность в своих силах; он избавился от стеснительности и гораздо чаще появлялся на людях и играл в мяч с Матой.

Путешествие близилось к концу, когда завершилось последнее занятие, и как-то раз утром Джери скомандовал:

— Отбой! Я вернусь через пару минут.

Торби с удовольствием стряхнул напряжение, но тут же вновь забеспокоился: он не мог отделаться от ощущения, что стал частью подвластного ему оборудования.

— Младший стрелок… как вы думаете, он не станет возражать, если я взгляну на свою ленту?

— Думаю, нет, — ответила Мата, — впрочем, давайте-ка я сама ее достану. Тогда ответственность ляжет на меня.

— Мне не хочется доставлять вам неприятности.

— Ничего страшного, — серьезно ответила девушка и, потянувшись к терминалу Торби, вытащила ленту, пригладила, чтобы та не скручивалась, и внимательно ее изучила. Потом извлекла свои записи и сравнила с лентой Торби.

Она внимательно посмотрела на юношу.

— Великолепный ход, Торби.

Впервые за все время она назвала его по имени. Но Торби едва ли это заметил.

— Правда? Вы хотите сказать, что…

— Это очень хороший ход… Торби. Мы оба поразили цель. Но ваши расчеты достигли оптимума на отрезке между «возможно» и «критический предел», в то время как я поторопилась. Видите?

Торби только учился читать записи с ленты, но он был рад услышать это от Маты. Вошел Джери и, взяв обе ленты, посмотрел на Торби, а потом пригляделся к нему более внимательно.

— Прежде чем спуститься сюда, я провел анализ, — сказал он.

— И что же, сэр? — нетерпеливо спросил Торби.

— Ммм… после еды я изучу все это более внимательно, но похоже, что вы избавляетесь от своих ошибок.

Мата воскликнула:

— Да что ты, братец, ведь он отлично сработал, и ты прекрасно об этом знаешь!

— Ты так думаешь? — усмехнулся Джери. — Но ведь ты вряд ли хочешь, чтобы у нашего звездного мальчика закружилась голова, верно?

— Да чего там!

— Кругом, безобразная карлица! Пора подкрепиться!

Узким туннелем они вышли в длинный коридор второй палубы и зашагали рука об руку. Торби глубоко вздохнул.

— Тебя что-то беспокоит? — спросил его племянник.

— Ничуть! — Торби обнял обоих за плечи. — Вы, Джери и Мата, еще сделаете из меня настоящего снайпера!

Впервые с того дня, когда он получил взбучку, Торби обратился к племяннику по имени. И Джери спокойно воспринял его попытку примирения.

— Не теряй надежды, коллега. Я думаю, нам улыбнется удача, — и добавил: — О, я вижу, тетя Анна смотрит на нас своим холодным взглядом. И если кого-то интересует мое мнение, то я думаю, что сестрица еще может ходить без посторон-

ней помощи. Я уверен, что тетя Анна тоже так считает.

— Да ну ее! — быстро защебетала Мата. — Ведь Торби только что справился с заданием на «отлично»!

«Сизу» вынырнул из темноты, замедляясь и двигаясь с субсветовой скоростью. Менее чем в пятидесяти миллиардах километров сияло солнце Лосиана, и через несколько дней корабль должен был совершить очередную посадку. На «Сизу» была объявлена боевая готовность.

Мата несла вахту в одиночестве; Джери потребовал, чтобы стажер дежурил вместе с ним. Первая вахта обычно проходила спокойно; даже если рейдер получал по N-космическим каналам связи точную информацию о времени прибытия и месте назначения «Сизу», на расстоянии многих световых лет было невозможно точно представить, где и когда именно корабль вынырнет в реальное пространство.

Джери занял свое кресло через несколько минут после того, как Торби затянул ремни со странным, испытанным многими стажерами ощущением, что это уже не учеба. Джери взглянул на него.

— Расслабься. Если будешь напрягаться, забо-

лит спина, и ты долго не выдержишь.

Торби озабоченно кивнул.

— Буду стараться.

— Так-то лучше. Сейчас мы сыграем в одну игру, — Джери вытащил из кармана коробочку и открыл ее.

— Что это?

— «Забава убийцы». Ставим ее сюда… — Джери накрыл коробкой переключатель, определяющий, какой из терминалов становился ведущим. — Ты видишь, в каком положении тумблер?

— Что? Нет.

Джери пощелкал скрытым от Торби переключателем.

— Кто из нас будет управлять ракетой, если придется ее запускать?

— Откуда мне знать? Убери ее, Джери, я и так нервничаю.

— В этом и состоит игра. Может быть, на контроле я, а ты лишь впустую давишь на кнопки, а может быть, все зависит от тебя, а я сплю в своем кресле. Время от времени я стану щелкать тумблером, но ты не будешь знать, в каком положении я его оставил. Так что при появлении пирата — а он не заставит себя ждать, я это нутром чую, — ты

уже не сможешь надеяться, что старый добрый Джери, человек с твердой рукой, держит ситуацию под контролем. Тогда тебе придется спасать нашу лавочку. Тебе, и никому другому.

Торби с содроганием представил себе расположенные палубой ниже стеллажи с торпедами и людей, застывших в ожидании его решения — единственного правильного решения невероятно трудного уравнения жизни и смерти, искривленного пространства, движущихся векторов и сложной геометрии.

— Ты шутишь, — робко произнес он. — Ты не можешь доверить мне управление. Капитан заживо сдерет с тебя шкуру.

— А вот тут-то ты ошибаешься! Наступает день, когда стажер по-настоящему наводит на цель. Только после этого он становится стрелком… или превращается в ангела. Ладно, позволим тебе расслабиться… хотя нет! Теперь ты постоянно будешь в напряжении! Тем временем мы поиграем. Каждый раз, как только я скажу «ну!», ты будешь угадывать, чей терминал включен. Если угадываешь, я отдаю тебе свой десерт. Не угадываешь — и твоя порция остается мне. Ну!

Торби быстро прикинул.

— Я!

— Ошибка! — Джери приподнял коробочку. — Я выиграл твой десерт, сегодня это ягодный торт; у меня даже слюнки потекли. Отвечай побыстрее — ты должен принимать решения мгновенно. Ну!

— Опять ты.

— Верно. Ну!

— Ты!

— Ничего подобного. Видишь? И я все же съем твой торт. Пока я впереди, мне стоит бросить игру. Ах, какой крем! Ну!

Когда на смену пришла Мата, Торби проигрывал Джери десерт за четыре дня.

— В следующий раз начнем при этом счете, — заявил Джери, — только ягодный торт я все-таки съем. О, я забыл сообщить, что будет главным призом!

— И что же?

— Когда дойдет до настоящего дела, мы поспорим на три порции. Как только покончим с пиратом, ты сразу же должен будешь отгадать. В настоящем бою награда должна быть больше, не так ли?

Мата фыркнула.

— Ты что, хочешь, чтобы он нервничал?

— Ты нервничаешь, Торби?

— Еще чего!

— Перестань беспокоиться, сестричка. Берись-ка за компьютер своими немытыми пальчиками и держись за него покрепче!

— Я сменяю вас, сэр.

— Пойдем, Торби, нас ждет еда. Ах, ягодный торт!

Три дня спустя счет сравнялся, но лишь ценой множества порций сладкого, с которыми Торби пришлось расстаться. «Сизу» значительно замедлил ход и двигался со скоростью, примерно равной скорости планеты. Сияющее солнце Лосиана заполнило весь экран. Торби с легкой досадой подумал, что на сей раз его умение не подвергнется испытанию.

Внезапно раздался рев тревоги, заставивший юношу подскочить на месте так, что лишь привязные ремни удержали его в кресле. Джери как раз что-то говорил; его голова быстро повернулась к пульту, он осмотрел приборы и впился пальцами в клавиши.

— Приготовиться! — рявкнул он. — Это уже взаправду!

Торби стряхнул оцепенение и склонился над панелью. В компьютер уже поступали данные, и тут же на экране появились результаты бал-

листического расчета. Боже милостивый, он так близко! И как быстро перемещается! Как ему удалось незаметно подкрасться вплотную? Торби отбросил посторонние мысли и начал просматривать ответы. Нет, еще нет… хотя уже скоро… не повернет ли пират и не сбросит ли скорость?.. попробовать поворот с шестикратным ускорением… достанет ли его ракета?.. достанет ли он, если не…

Он едва почувствовал легкое прикосновение Маты к своему плечу. Но очень хорошо расслышал крик Джери:

— Назад, сестрица! Мы засекли его, мы засекли!

На пульте Торби сверкнул огонек, раздался звук горна:

— Дружественный корабль, дружественный корабль! Опознан Лосианский межпланетный патруль! Спокойно несите вахту!

Чувствуя, как к горлу поднимается тяжелый комок, Торби глубоко вздохнул.

— Продолжать прицеливание! — крикнул Джери.

— Как?

— Выполнять задание! Это не лосианский корабль! Это рейдер! Лосиане так не разворачи-

ваются. Ты накрыл его, парень! Пускай ракету!

Торби услышал испуганный всхлип Маты и тут же вновь с головой ушел в бой. Что-нибудь изменить? Он достанет врага? Достанет ли он его в конусе возможных перемещений? Ну! Он отдал компьютеру команду.

Голос Джери был едва слышен; казалось, что он произносит слова необычайно медленно.

— Ракета ушла. Думаю, ты накрыл его… но ты слишком торопился. Запусти еще одну, пока они не ослепили нас лучом.

Торби автоматически повторил команду. Для принятия иного решения оставалось слишком мало времени. Он велел машине отправить ракету по тому же прицелу. И тут он увидел на своем экране, что цель исчезла, и с непонятным чувством опустошения подумал, что его первая ракета поразила ее.

— Вот и все! — сообщил Джери. — Ну-с?

— Что?

— Кто запустил ракету? Ты или я? Три десерта.

— Я! — уверенно заявил Торби. Где-то в глубине его сознания мелькнула мысль, что ему не суждено стать настоящим Торговцем, таким, как Джери, для которого цель означала просто фраки. Или три десерта.

— Ошибка. Три — ноль в мою пользу. Я перепугался и взял управление на себя. Разумеется, после приказа капитана ракеты были разряжены, а пусковые шахты заблокированы… так что кораблю друзей ничто не угрожало.

— Друзей?

— Конечно. Но для вас, помощник младшего стрелка, все прошло как в настоящем бою… как я и хотел.

У Торби голова пошла кругом. Мата сказала:

— Ты с самого начала все знал. Ты смошенничал!

— Еще бы. Ну что ж, теперь он — настоящий стрелок, получил боевое крещение. А мне достался тройной десерт, что тоже очень приятно. Сегодня вечером подадут мороженое!

Глава 10

Торби недолго оставался помощником младшего стрелка; Джери перешел в стажеры к астронавигаторам, боевой пост у компьютера заняла Мата, и Торби был официально назначен на должность младшего стрелка. Теперь от него зависела жизнь и смерть Семьи, и он был отнюдь не в восторге от этого.

Однако уже очень скоро все опять изменилось.

Лосиан относился к числу безопасных планет. Здесь жили цивилизованные негуманоиды, и, поскольку порт не подвергался пиратским налетам, в охране посадочных площадок не было необходимости. Мужчины могли спокойно покидать корабль, и даже женщинам это не возбранялось. (Некоторые из женщин, живших на борту, покидали корабль только на Встречах Людей, где «Сизу» обменивался девушками с другими семьями.)

Для Торби Лосиан оказался первой чужой планетой, поскольку он помнил только Джуббул. Юноша с нетерпением дожидался возможности осмотреть новые для него места. Но на первом месте была работа. После того как Торби был

утвержден в звании стрелка, его перевели из гидропонистов на младшую должность в штате суперкарго. Статус Торби значительно повысился: торговля считалась более важным делом, чем ведение хозяйства. Теоретически в его обязанности входило осматривать грузы, но на практике этим занимался старший клерк, а Торби вместе со своими сверстниками из других отделов надрывался, перетаскивая контейнеры. Обработка грузопотока относилась к работам, к которым привлекались все свободные рабочие руки. Портовые грузчики не допускались на «Сизу», хотя это и приводило к дополнительной нагрузке на членов экипажа.

На Лосиане не существовало таможни, так что покупатель получал уложенные в контейнеры мешки с листьями верги прямо у люка корабля. Несмотря на вентиляцию, в трюме стоял острый дурманящий запах, напомнивший Торби о том, как месяцы назад в нескольких световых годах отсюда он, скрюченный в три погибели беглец, боявшийся укорочения, прятался в норе, устроенной в одном из контейнеров, а незнакомый друг тайком спасал его от полиции Саргона. Сейчас это казалось просто невероятным. «Сизу» стал для юноши родным домом, и он даже мыслил на

языке Семьи.

С внезапным ощущением вины Торби подумал, что в последнее время он слишком редко вспоминает об отце. Неужели он его забыл? Нет, нет! Он ничего не мог забыть… ни голоса Баслима, ни его отрешенного взгляда, когда тот начинал сердиться, ни его неуклюжих движений в зябкие рассветные часы, ни его непоколебимого спокойствия при любых обстоятельствах — да, ведь отец никогда не злился на мальчика… нет, все же один раз Торби вывел его из себя. «Я не хозяин тебе!»

Тогда Баслим разгневался. Это испугало Торби: он ничего не понял.

И лишь теперь, когда миновали месяцы и за кормой остались световые годы, Торби внезапно понял все. Рассердить отца могла только одна вещь — старик был до глубины души оскорблен напоминанием о том, что он, Калека Баслим, является рабовладельцем, хоть и утверждал, что умного человека ничто не может оскорбить, потому что правда — не оскорбление, а на ложь не стоит обращать внимания.

И все же он обиделся, услышав правду, ведь формально он стал хозяином Торби, купив его на аукционе. Чепуха! Мальчик никогда не был его рабом, он был старику сыном… отец никогда не

вел себя как хозяин, даже если давал ему легкий подзатыльник. Папа… был папой.

Теперь юноша понял, что единственное, что Баслим и впрямь ненавидел, было рабство.

Торби не знал, откуда у него взялась такая убежденность, но… он был уверен. Он не мог припомнить ни одного случая, когда Баслим впрямую говорил бы о рабстве; Торби помнил одно: отец постоянно повторял, что человек должен быть свободен в своих мыслях.

— Эй!

К нему обращался суперкарго.

— Да, сэр?

— Ты несешь этот контейнер или собираешься заснуть на нем?

Через трое местных суток, когда Торби и Фриц заканчивали счищать с себя грязь в душе, в ванную заглянул боцман и, указав на Торби, произнес:

— Капитан объявляет вам благодарность и просит клерка Торби Баслима-Краузу зайти к нему.

— Есть, боцман! — отозвался Торби и чертыхнулся про себя. Торопливо оделся, заглянул в ванную и, предупредив Фрица, быстрым шагом отправился к капитану, надеясь, что боцман доложит тому, что Торби был в душе.

Дверь была открыта. Торби начал было докладывать по всей форме, но капитан поднял глаза и сказал:

— Здравствуй, сынок. Входи.

Торби перешел на семейное обращение:

— Да, отец.

— Собираюсь пойти прогуляться. Может быть, составишь мне компанию?

— Сэр? То есть я хотел сказать, отец… я был бы очень рад!

— Прекрасно. Я вижу, ты уже готов. Пойдем, — он выдвинул ящик стола и протянул Торби несколько изогнутых кусков проволоки. — Это тебе на карманные расходы; можешь купить себе какой-нибудь сувенир.

Торби посмотрел на проволоку.

— Сколько стоят эти штуки?

— Вне Лосиана — ничего. Поэтому оставшиеся ты мне потом вернешь, и я обменяю их на валюту. Лосиане рассчитываются с нами торием и другими товарами.

— Да, но как мне узнать, сколько стоит та или иная вещь?

— Можешь положиться на их слово. Лосиане не мошенничают и не торгуются. Странные создания. Не то что на Лотарфе… Там, если ты берешь

кружку пива, не поторговавшись по меньшей мере час, тебя обязательно обманут.

Торби сказал себе, что понимает жителей Лотарфа гораздо лучше, чем лосиан. Было что-то унизительное в том, чтобы приобретать товар, не поторговавшись хорошенько. Но у фраки варварские обычаи, и к ним приходилось приспосабливаться. «Сизу» гордился тем, что в его отношениях с фраки никогда не случалось недоразумений.

— Ну что, идем? Поговорим по дороге.

Когда они спустились, Торби посмотрел на стоящий поблизости корабль «Эль Нидо», принадлежавший клану Гарсиа.

— Отец, мы идем навестить их?

— Нет, мы обменялись визитами сразу по прибытии.

— Я говорю о другом. Будут ли какие-нибудь встречи, вечеринки?

— Ах, это? Мы с капитаном Гарсиа решили отложить развлечения. Они торопятся отправиться в путь. Однако нет никаких препятствий к тому, чтобы ты навестил их в свободное от работы время. Но вряд ли стоит это делать. Обычный корабль, очень похож на «Сизу», только менее современный.

— Я надеялся, что мне позволят осмотреть их компьютер.

Они опустились на нижний уровень и вышли из люка.

— Сомневаюсь, чтобы тебя пустили в компьютерную. Гарсиа очень суеверны.

Когда они отошли от трапа, к ним подбежал лосианский малыш и, сопя и обнюхивая их ноги, принялся скакать вокруг. Капитан Крауза позволил ему изучить себя, но потом произнес ровным спокойным голосом:

— Ну ладно, хватит, — и мягко отодвинул мальца в сторону.

Подоспевшая мамаша свистом подозвала ребенка и, взяв на руки, пару раз шлепнула его. Крауза махнул ей рукой:

— Здравствуй, приятельница!

— Приветствую тебя, Торговец, — ответила та на интерлингве пронзительным шепелявым голосом. Ростом она была в две трети роста Торби и стояла на четырех лапах, освободив передние. Ребенок опирался на все шесть. Оба, и мать, и дитя, были тоненькими, симпатичными и востроглазыми. Они очень понравились Торби, который нашел во внешности лосиан лишь одну отталкивающую черту. У них было два рта: один

для приема пищи, другой — чтобы дышать и говорить.

Капитан Крауза продолжил прерванную беседу:

— Ты великолепно взял на прицел тот лосианский корабль.

Торби покраснел.

— Так вы знаете об этом, отец?

— Плохой был бы из меня капитан, кабы я не знал о таких вещах. А, я понимаю, что тебя тревожит. Не думай об этом. Если я указываю тебе цель, ты просто обязан спалить ее. Заблокировать твою команду, если мы опознали дружественный корабль, — это моя задача. Как только я поверну рычаг «отбой», ты уже не сможешь открыть стрельбу, ракеты отключаются, пусковая установка запирается, и главный инженер уже не сможет дать команду на самоуничтожение корабля. Так что даже если ты услышал мой приказ прекратить прицеливание, либо в горячке боя ты его не услышал, это ничего не меняет. Заканчивай наведение и стреляй. Это отличная тренировка.

— Я не знал об этом, отец.

— Разве Джери тебе не объяснил? Ты должен был заметить переключатель — такая большая красная кнопка у моей правой руки.

— Но я ни разу не был в рубке управления, отец.

— Да? Что ж, мы исправим это упущение, в один прекрасный день хозяином рубки можешь оказаться и ты. Напомни мне об этом… как только мы выйдем в гиперпространство.

— Слушаюсь, отец, — Торби обрадовался возможности войти в эту святая святых — он был уверен, что едва ли хотя бы половина его родственников побывала там, — но замечание капитана его удивило. Неужели бывший фраки может взять бразды правления кораблем в свои руки? Приемный сын вполне мог занять высший пост — такое случалось, когда у капитанов не было собственных сыновей. Но бывший фраки?

— Я не уделял тебе должного внимания, сынок, — продолжал капитан Крауза. — Внимания, которого заслуживает сын Баслима. Но наша Семья так велика, что у меня не хватает времени. Как к тебе относятся новые родственники? Все в порядке?

— Еще бы, отец!

— Ммм… рад это слышать. Ведь… словом, ты родился не в нашей Семье, понимаешь?

— Да. Но ко мне все относятся очень хорошо.

— Отлично. О тебе дают только прекрасные

отзывы. Похоже, ты очень быстро набираешься ума-разума, схватываешь на лету. Ты уже побывал в двигательном отсеке? — продолжал капитан.

— Нет, сэр.

— Сейчас самое подходящее время. Мы стоим в порту, так что инструктажи и авралы отнимают меньше времени. К тому же сейчас безопаснее. — Крауза некоторое время помолчал и продолжал: — Впрочем, нет. Подождем окончательного решения вопроса о твоем статусе. По мнению главного инженера, тебя надо перевести в его отдел. Ему взбрело в голову, что у тебя все равно не будет детей, и он хочет воспользоваться возможностью зацепить тебя на крючок. Ох уж эти инженеры!

Торби отлично понял капитана, даже его последний возглас. Все считали инженеров слегка свихнувшимися; полагали, что излучение маленькой звезды, обеспечивающей жизнь корабля, ионизирует их мозговую ткань. Как бы то ни было, инженеры могли позволить себе весьма серьезные нарушения правил этикета. Формула «невиновен ввиду невменяемости» была молчаливо признававшейся привилегией людей, непрерывно подвергавшихся одной из

опасностей ремесла космонавта. Главный инженер осмеливался пререкаться даже со старшим офицером.

Однако младшие инженеры не допускались к вахтам в двигательном отсеке до тех пор, пока могли надеяться обзавестись потомством. Они обслуживали вспомогательное оборудование и несли тренировочные вахты на макетах. Торговцы с большой осторожностью подходили к проблеме мутаций, поскольку были подвержены радиации в гораздо большей степени, чем жители планет. Никто не видел во внешности Людей явных признаков мутаций. Что происходило с младенцами, родившимися с отклонениями? Это было окутано тайной, хранимой столь строго, что Торби даже не знал о такой проблеме. Он лишь видел, что вахты у двигателей несут исключительно пожилые люди. О том, чтобы обзаводиться потомством, Торби тоже не думал. Юноша лишь уловил в замечании капитана намек на то, что главный инженер считал его способным в короткий срок приобрести высокий статус вахтенного инженера двигательной установки. Торби был поражен столь блестящей перспективой. Люди, усмирявшие бешеных дьяволов ядерных реакторов, уступали по статусу

лишь астронавигаторам… но в душе ставили себя куда выше. Их самооценка была гораздо ближе к истине, чем официальное мнение. Неужели бывший фраки мог мечтать о таких высотах? Неужели он смог бы в один прекрасный день стать главным инженером и безнаказанно пререкаться даже со старшим офицером?

— Отец, — нетерпеливо произнес Торби, — главный инженер считает, что я мог бы приступить к занятиям в двигательном отсеке?

— А я о чем толкую?

— Да, сэр. Интересно, почему он так решил?

— Не можешь пошевелить мозгами? Или ты такой незаурядный скромник? Человек, который справляется с математикой прицеливания, сумеет овладеть и ядерной техникой, либо с равным успехом заняться астронавигацией, что ничуть не менее важно.

Инженеры даже не прикасались к грузам; их единственной обязанностью в портах было заправить корабль торием и дейтерием и решить другие узкоспециальные задачи. К ведению хозяйства они тоже не привлекались. Они…

— Отец! Я вовсе не прочь стать инженером.

— Вот как? Ладно, оставим эту тему.

— Но…

— Что «но»?

— Ничего, сэр. Слушаюсь, сэр.

Крауза вздохнул.

— Сынок, я принял на себя определенные обязанности по отношению к тебе, и я постараюсь устроить все наилучшим образом, — он прикинул, что можно рассказать мальчику. Мать сказала, что, если бы Баслим хотел, чтобы мальчик знал содержание послания, он передал бы текст на интерлингве. С другой стороны, коль уж Торби овладел языком Семьи, он вполне справился бы с переводом. Вероятнее всего, он забыл текст.

— Торби, ты знаешь, к какой семье принадлежишь?

Юноша удивился:

— Моя семья, сэр, — это «Сизу».

— Верно! Но я спрашиваю о семье, в которой ты был до того, как появился на корабле.

— Вы говорите о папе? О Баслиме?

— Нет, нет! Он был твоим приемным отцом — таким же, как и я. Что ты знаешь о семье, в которой родился?

— По-моему, у меня никогда не было семьи, — уныло пробормотал Торби.

Сообразив, что задел больное место, Крауза

поспешно возразил:

— Нет, нет, сынок, ты вовсе не обязан разделять мнения людей, с которыми ты сейчас живешь. Если бы не было фраки, с кем бы мы торговали? Как бы тогда жили Люди? Родиться среди Людей — это счастье, но и родиться фраки вовсе не зазорно. Каждый атом Вселенной имеет свое предназначение.

— Я ничего не стыжусь!

— Ну-ну, не волнуйся.

— Извините, сэр. Мне нечего стыдиться своих родственников. Просто я не знаю, кто они были. Из всего, что мне известно, могу предположить, что они были Людьми.

Крауза не мог скрыть удивления.

— Что ж, может, так оно и было, — медленно произнес он.

В основном рабов покупали на планетах, которые порядочные Торговцы даже и не посещают, многие рождаются в поместьях своих хозяев… но какой-то их процент составляли Люди, захваченные пиратами. Вот этот парень… интересно, пропадал ли какой-нибудь корабль Торговцев в соответствующее время? Капитан подумал, нельзя ли во время Встречи заняться установлением личности юноши, покопавшись в записях

коммодора.

Но даже и этим не исчерпывались все возможности. Некоторые старшие офицеры небрежно относятся к обязанностям, связанным с идентификацией новорожденных, а некоторые дожидаются очередной Встречи. Мать, например, никогда не считалась с расходами на длинные передачи через N-космос и требовала, чтобы дети регистрировались немедленно, — на «Сизу» не терпели расхлябанности.

Представим себе, что мальчик был захвачен на торговом корабле, а его данные так и не попали к коммодору. Какая несправедливость — потерять права, положенные человеку по рождению!

В голову капитана закралась мысль. Ошибку можно исправить несколькими путями. Пропадал ли какой-нибудь Свободный Корабль? Крауза не помнил.

Говорить об этом он тоже не мог. Было бы очень здорово вернуть мальчику его предков! Эх, была бы только возможность…

Крауза заговорил о другом:

— В каком-то смысле, парень, ты всегда принадлежал к Людям.

— Извините, отец?

— Баслим был почетным членом нашего со-

общества.

— Что? Как это, отец? Какого корабля?

— Всех. Его избрали на Встрече. Видишь ли, сынок, когда-то очень давно случилось нечто постыдное. Но Баслиму удалось все уладить. И теперь все Люди в долгу перед ним. Я не могу рассказать тебе больше. Хочу спросить: ты думал о женитьбе?

Такая мысль даже не приходила Торби в голову: больше всего он хотел узнать о том, что сделал отец и как он стал одним из Людей. Но он понял, что его старший собеседник наложил на эту тему запрет.

— Нет, отец.

— Твоя бабушка считает, что ты начал всерьез заглядываться на девушек.

— Да, сэр, бабушка всегда права… но я этого не сознавал.

— Холостой мужчина неполноценен. Впрочем, мне кажется, что ты еще недостаточно взрослый. Смейся вместе со всеми девушками, но ни с одной не дели печалей и помни о наших обычаях.

Крауза подумал, что, согласно пожеланию Баслима, он должен обратиться к Гегемонии за помощью и выяснить, откуда же родом мальчик. И будет не совсем удобно, если Торби женится

раньше, чем представится такая возможность. Между тем за месяцы пребывания на «Сизу» юноша значительно повзрослел. К беспокойству капитана примешивалось неприятное ощущение того, что, пускаясь на поиски настоящих (либо мнимых) родителей Торби да еще не вполне представляя себе, как этого добиться, он нарушает взятые на себя обязательства перед Баслимом.

И тут ему в голову пришла замечательная идея.

— Знаешь что, сынок? Вполне возможно, девушка, которая тебе нужна, вовсе не на нашем корабле. На женской половине их не так уж и много, а ведь женитьба — дело серьезное. Жена может поднять твой статус, но может и обратить его в ничто. Так что давай пока не думать об этом. На Встрече ты сможешь познакомиться с сотнями подходящих девушек. И если ты встретишь ту, которая тебе понравится и которой понравишься ты, мы обсудим это с бабушкой. Если она одобрит твой выбор, скупиться мы не станем. Идет?

Такое решение сулило отсрочку в решении проблемы, и это было очень кстати.

— Отличная мысль, отец!

— На том и покончим, — Крауза с облегчением подумал, что, пока Торби будет встречаться с «сот-

нями» девушек, он сможет порыться в архивах и ему не придется пересматривать свои обязательства перед Баслимом до того, как он справится с этой задачей. Парень вполне может оказаться чистокровным потомком Людей — его достоинства делали его происхождение от фраки весьма сомнительным. Если так, то пожелания Баслима будут исполнены в точном соответствии с духом и буквой его послания. Ну а пока — забыть!

Прошагав около мили, они вышли к окраине города. Поглядывая на блестящие лосианские корабли, Торби с раскаянием подумал о том, что едва не сжег одну из этих прекрасных машин. Но потом ему вспомнились слова отца о том, что выбор цели не входит в обязанности стрелка.

Они вступили в зону уличного движения, и Торби тут же забыл о своем беспокойстве. Лосиане не пользуются ни автомобилями, ни такой роскошью, как носилки и портшезы. Пешком они передвигаются вдвое быстрее бегущего человека, а в случае спешки берут некий аппарат, внешний вид которого наводит на мысль о реактивной тяге. Четыре, а порой все шесть лап просовываются в рукава, оканчивающиеся чем-то вроде коньков. Тело поддерживается рамкой, на которой установлен и двигатель (принципа его действия

Торби так и не понял). Одетые в такой своеобразный костюм механического клоуна, лосиане носились, словно маленькие ракеты, пренебрегая элементарной безопасностью, рассыпая вокруг себя искры, издавая пронзительный визг. На поворотах они напрочь забывали о трении, инерции, гравитации и тормозили в самый последний момент. Потоки пешеходов и механизированных лихачей свободно смешивались, причем правил дорожного движения, по-видимому, не было и в помине. Казалось, что возрастного ограничения на право вождения тут не существовало, и самые юные лосиане представляли собой лишь еще более бесшабашную копию старших.

Торби даже засомневался, сможет ли он улететь с этой планеты живым. Лосиане мчались навстречу Торби по чужой полосе движения («своих» полос тут вовсе не было), останавливаясь у самых его ног, со свистом проносились мимо — так близко, что у него перехватывало дыхание и бешено колотилось сердце, — но тем не менее всякий раз благополучно избегали столкновения. Торби едва успевал уворачиваться. После нескольких таких прыжков он счел за лучшее следовать примеру своего приемного отца. Капитан Крауза спокойно и упрямо продвигался вперед, как бы рассчиты-

вая на то, что сумасшедшие водители сочтут его неподвижным предметом. Торби усомнился было в правильности такой тактики, но… по-видимому, здесь невозможно было поступать иначе.

Торби никак не мог понять городскую планировку. Машины и пешеходы устремлялись всюду, куда только можно было проехать или пройти, и разделения на общественные и частные территории, по-видимому, не существовало. Они прошли по площади, которая напомнила Торби рынок, а затем, поднявшись по пандусу, — сквозь некое строение, не имевшее отчетливых границ: ни вертикальных стен, ни крыши, а потом вновь вышли наружу и спустились вниз сквозь арку, под которой был проход. Торби полностью потерял ориентировку.

Однажды ему показалось, что они проходят сквозь частный дом — им пришлось проталкиваться в толпе, которая была занята чем-то вроде званого обеда. Гости только убирали конечности с их пути.

Крауза остановился.

— Мы почти пришли. Сейчас мы нанесем визит одному фраки, который покупает наш товар. Мы встречаемся, чтобы утрясти кое-какие недоразумения, возникшие в ходе торгов. Он оскорбил

меня, предложив плату; сейчас нам предстоит вновь стать друзьями.

— Мы что, собираемся отдать товар даром?

— Что бы тебе ответила бабушка? Нам уже заплатили, но сейчас я отдам ему товар бесплатно, а он подарит мне торий в знак своей симпатии ко мне. Обычаи лосиан не позволяют им заниматься таким мерзким делом, как торговля.

— Они не торгуют друг с другом?

— Конечно, торгуют. Выглядит это так: один фраки дает другому то, что у него просят. И тут — разумеется, чисто случайно — у второго оказываются в наличии деньги, которые он спешит безвозмездно всучить первому. Потом выясняется, что оба подарка имеют одинаковую стоимость. Лосиане очень хитрые деляги: нам ни разу не удалось вытянуть из них хотя бы незначительную поправку.

— К чему же такие нелепости?

— Если задумываться над тем, почему фраки поступают так или этак, можно свихнуться. Находясь на их планете, ты должен приспосабливаться к местным обычаям… так будет лучше всего. Теперь слушай и запоминай. Во время встречи состоится дружеский обед, но… для лосиан это неприемлемо: они «теряют лицо». Поэтому

между нами будет установлен прозрачный экран. Твое присутствие необходимо, потому что там будет лосианин-сын, точнее — дочь. Фраки, с которым я встречаюсь, — мать семейства, а не отец. У меня сложилось впечатление, что у лосиан мужчины находятся в подчиненном положении. Но обрати внимание: когда я буду говорить через переводчика, я стану говорить как мужчина.

— Почему же?

— Потому что они достаточно хорошо осведомлены о наших обычаях, чтобы знать, что у нас заправляют мужчины. Если ты вдумаешься, то поймешь, что в этом есть определенная логика.

Торби задумался. Кто был главой Семьи? Отец? Или, может быть, бабушка? Разумеется, старший офицер, отдавая распоряжение, подписывает его «по приказу капитана», но это лишь для того, чтобы… нет. Хотя, как бы то ни было…

Внезапно Торби пришло в голову, что во многих отношениях нелогичны именно традиции Семьи. Но капитан продолжал:

— На самом деле мы не станем есть: это не более чем условность. Тебе подадут сосуд с зеленой тягучей жидкостью. Поднеси его ко рту, но не пей: выест кишки. И… — капитан запнулся, оглядываясь на промчавшегося в опасной близости

очередного ездока, — ...будь внимателен, и ты сумеешь понять, как вести себя в следующий момент. О, я совсем забыл! Я спрошу, сколько лет сыну хозяина, и потом такой же вопрос будет задан тебе. Отвечай «сорок».

— Почему сорок?

— Потому что в их понятии сорок лет — самый подходящий возраст для ребенка, который начинает помогать отцу.

Наконец они прибыли на место и опустились на корточки напротив двух лосиан, к которым сбоку примостился еще и третий. Разделявший их экран был сделан из материала, напоминавшего прозрачную ткань, и Торби прекрасно видел сквозь него. Он пытался смотреть в оба, слушать и вникать, но шум дорожного движения постоянно его отвлекал. Ракетки проносились мимо и даже порой между сидящими, пронзительно и весело визжа.

Хозяева начали беседу и обвинили капитана в каком-то злонамеренном поступке. Переводчика было почти невозможно понять, но он проявил удивительное мастерство в употреблении бранных выражений интерлингвы. Торби не мог поверить своим ушам и ожидал, что отец либо тут же повернется и уйдет прочь, либо затеет

скандал.

Однако Крауза спокойно выслушал и выступил с вдохновенной, исполненной поэтики речью, обвиняя лосиан во всевозможных пороках — от сутяжничества до тунеядства и торговли наркотиками.

Произнесенные слова настроили договаривающиеся стороны на дружественный лад. Лосианин преподнес капитану торий и выразил намерение подарить ему своих сыновей и все свое имущество.

Крауза с благодарностью принял дар и выразил желание расстаться со своим «Сизу» и всем, что было на борту.

Затем стороны сделали широкий жест и вернули друг другу подарки. В итоге был сохранен «статус кво» и каждый оставил у себя лишь то, чем уже завладел к нынешнему моменту: лосианин — несколько центнеров листьев верги, Торговец — контейнеры с торием. Оба сошлись во мнении, что верга и торий — сущая безделица, пустяк, не более чем символ нежной дружбы. В приливе нахлынувшего чувства лосианин подарил капитану своего сына, и Крауза тут же преподнес ему (или ей?) Торби. Последовавший затем обмен мнениями выявил, что оба они слишком молоды,

чтобы покидать родные стены.

Возникшее затруднение было разрешено предельно просто: дети обменялись именами. Торби стал обладателем имени, которое ему вовсе не нравилось и которого он даже не мог произнести. Затем последовал «обед».

Торби даже представить не мог, как можно пить эту отвратную зеленую бурду. Поднеся ее ко рту, он почувствовал, как его ноздри опалило огнем, и закашлялся. Капитан предостерегающе посмотрел на него.

«Поев», они тут же двинулись в обратный путь. Никаких «до свидания», просто поднялись с места и отправились восвояси. Пробираясь, словно лунатик, сквозь уличную толчею, капитан Крауза рассеянно произнес:

— Для фраки они очень неплохие существа. Никакого авантюризма, и притом кристально честны. Меня всегда интересовало, что бы они стали делать, кабы я принял всерьез какой-нибудь из их подарков. Вероятно, отдали бы без всяких возражений.

— Не может быть!

— Не скажи. Ты вполне мог бы уйти отсюда, таща за собой этого лосианского мальца.

Торби умолк.

Покончив с делами, Крауза помог ему сделать покупки и сориентироваться на местности, что принесло юноше немалое облегчение, ибо он не знал ни что купить, ни как пройти к кораблю. Отец привел его в лавку, хозяин которой говорил на интерлингве. Лосиане производят массу вещей, исключительно сложных на вид, о назначении которых Торби мог только догадываться. По совету капитана он выбрал маленький полированный кубик, внутри которого, если его потряхивать, проецировались бесконечные виды Лосиана. Торби протянул продавцу одну из проволочных «банкнот», и тот дал ему сдачу в виде целого ожерелья «монет». Затем лосианин вручил юноше покупку и подарок «от заведения».

Торби передал продавцу через Краузу свои пожелания, что может предложить взамен лишь свою признательность до гробовой доски. Процедура приобретения сувенира закончилась обменом вежливыми оскорблениями.

Наконец на горизонте показался космопорт, и, увидев вдали родные контуры «Сизу», Торби почувствовал облегчение.

В каюте сидел Джери, задрав ноги на стол и заложив руки за голову. Он хмуро посмотрел на Торби.

— Привет, Джери!

— Здравствуй.

— Выходил в город?

— Нет.

— А я прогулялся. Смотри, что я купил! — Торби протянул племяннику волшебный кубик. — Потряси его, и каждый раз новое изображение.

Джери посмотрел одну картинку и вернул кубик обратно.

— Очень интересно.

— Ты чего такой смурной? Съел что-нибудь не то?

— Нет.

— Тогда в чем дело?

Джери опустил ноги на палубу и посмотрел на Торби.

— Я возвращаюсь в компьютерную.

— Что?

— Да нет, статуса я не потерял. Придется опять заняться обучением новичков.

Торби похолодел.

— Ты хочешь сказать, что меня выставляют?

— Нет.

— Так что же случилось?

— Мату обменяли.

Глава 11

Обменяли Мату? Навсегда? Маленькую Матти с серьезными глазами и веселым смехом? Торби ощутил, как накатывает грусть, и, к своему удивлению, осознал, насколько это для него существенно.

— Не верю!

— Не валяй дурака!

— Когда это случилось? Куда ее отправили? Почему мне ничего не сказали?

— Ясное дело, на «Эль Нидо»; кроме «Сизу», это единственный корабль Людей в лосианском порту. Мата ушла около часа назад. Я не предупредил тебя потому, что сам не знал… до тех пор, пока меня не вызвали в бабушкину каюту, чтобы я попрощался с сестрой. — Джери нахмурился. — Когда-нибудь это должно было произойти… но я думал, что бабушка не отпустит Мату до тех пор, пока она не утратит навыков стрельбы.

— Тогда зачем, Джери? Почему?

Джери встал и холодно произнес:

— Больше я ничего не могу сказать, мой приемный двоюродный дядя.

Торби пихнул его обратно в кресло.

— Не увиливай, Джери. Я твой «дядя» только потому, что меня так назвали. Но я по-прежнему все тот же бывший фраки, которого ты обучал мастерству стрельбы, и мы оба знаем это. Так поговорим как мужчина с мужчиной. Давай выкладывай все начистоту.

— Тебе это не понравится.

— Уже не нравится! Матти ушла… Слушай, Джери, в каюте нет никого, кроме нас. Что бы там ни было, ты должен рассказать мне все. Клянусь тебе сталью «Сизу», что Семья никогда об этом не узнает.

— Нас может подслушать бабушка.

— Если так, то я приказываю тебе говорить и беру всю ответственность на себя. Впрочем, едва ли сейчас бабушка слушает: обычно в это время она уже сидит за карточным столом. Говори же!

— Ладно, — Джери мрачно посмотрел на собеседника. — Ты сам напросился. Значит, ты хочешь сказать, что не имеешь ни малейшего понятия о причинах, побудивших бабушку выставить с корабля мою сестренку?

— Конечно, нет. Иначе я бы не спрашивал.

Джери нетерпеливо фыркнул.

— Торби, я знал, что ты малость недалек. Но не подозревал о том, что ты глух, слеп и нем.

— Оставь свои комплименты. Расскажи суть дела.

— Мату обменяли из-за тебя. Из-за тебя, — Джери с отвращением посмотрел на Торби.

— Меня?

— Из-за кого же еще? С кем Мата чаще всех играла в мяч? С кем сидела рядом в кинозале? Подумай, кого из новых членов Семьи постоянно видели рядом с девушкой, принадлежащей к одному с ним сообществу? Я намекну тебе — его имя начинается на «Т».

Торби побледнел.

— Джери, мне и в голову не приходило…

— Значит, ты был единственным на корабле, кто этого не видел, — Джери пожал плечами. — Впрочем, тебя я не обвиняю. Это была ее ошибка. Она выбрала тебя, тупой клоун! И лишь одного я не мог себе представить — что ты ничего не знаешь. Я не раз пытался тебе намекнуть.

В таких делах Торби разбирался не лучше, чем невинная птаха в баллистике.

— Я не верю.

— Веришь, не веришь… какая разница? Все это видели. Впрочем, это могло сходить вам с рук, пока все было открыто и невинно — а я внимательно следил, не переступаете ли вы

грань, — если бы сестрица не потеряла головы.

— Что же произошло?

— Она кое-что сделала и тем привлекла внимание бабушки к нашему идиоту-стрелку. Мата пришла к ней и попросила, чтобы ее удочерил кто-нибудь из другой семейной ветви. Святая простота! Она решила, что раз уж ты усыновлен, то не имеет никакого значения тот факт, что она твоя племянница, — остается лишь немного переиграть, и она сможет выйти за тебя замуж, — Джери хмыкнул. — Если бы тебя усыновили в другой ветви, у нее еще могло бы что-то получиться. Но она, очевидно, рехнулась, если решила, что бабушка — бабушка! — согласится на такой скандал.

— Да, но… мы ведь, в сущности, не были родственниками. Да я и не собирался жениться на ней.

— Ну, хватит! Я уже устал от тебя.

Торби бродил по кораблю, не желая возвращаться в каюту и встречаться с Джери. Он чувствовал себя потерянным и одиноким. Торби был совершенно сбит с толку: жизнь Семьи казалась столь же странной, а обычаи непонятными, как у лосиан.

Ему не хватало Маты. До сих пор у него не воз-

никало такого ощущения. Общество девушки было приятным, но таким же привычным, как трехразовое питание и прочие удобства, к которым Торби уже привык, живя на корабле. И вот теперь он скучал без нее.

Если уж она так этого хотела, то почему они не исполнили ее желание? Не то чтобы Торби мечтал об этом, но… коль скоро ему все равно суждено обзавестись женой, Мата была бы ничуть не хуже любой другой. Она нравилась Торби.

Наконец он вспомнил, что на корабле есть человек, с которым можно об этом поговорить. И Торби отправился со своей печалью к доктору Мейдер.

Постучавшись в ее дверь, он тотчас же услышал: «Войдите!» Она встретила его, стоя на коленях в груде своих вещей.

— А, Торби! Очень хорошо, что ты пришел. Мне сказали, что ты вышел в город, и я боялась, что разминусь с тобой.

Она говорила на английском Системы, Торби отвечал ей на том же языке.

— Вы хотели меня видеть?

— Чтобы попрощаться. Я возвращаюсь домой.

— Ой, — Торби вновь ощутил болезненный толчок — такой же, как когда он услышал от Джери

о Мате. Внезапно его охватила волна тоски по отцу. Он взял себя в руки и ответил: — Мне очень жаль. Я буду скучать по вас.

— И я тоже буду скучать, Торби. В этом огромном корабле ты был единственным человеком, рядом с которым я ощущала себя словно дома… это странно, ведь твоя и моя жизни отстоят друг от друга так далеко, как только возможно. Мне будет не хватать наших с тобой бесед.

— И мне тоже, — простодушно ответил Торби. — Когда вы уходите?

— «Эль Нидо» отправляется в полет завтра. Но я должна перебраться не позже сегодняшнего вечера. Мне нельзя опоздать к старту, иначе я не смогу попасть домой еще несколько лет.

— «Эль Нидо» идет на вашу планету? — В голове мальчика начал складываться фантастический план.

— Нет, нет. Корабль направляется на Таф Бету IV. Но там бывают почтовые корабли Гегемонии, и на них я смогу добраться домой. Слишком удачный шанс, чтобы упустить его.

Хитроумный план померк в голове юноши — он с самого начала был нелеп. Торби мог решиться поселиться на незнакомой планете, но Мата не была фраки.

Доктор Мейдер продолжала:

— Все устроила старший офицер. — Она невесело улыбнулась. — Она была рада избавиться от меня. Я даже надеяться не могла, что у нее что-то получится: я хорошо помню, с каким трудом мне удалось попасть на «Сизу»; полагаю, за этим стоит какая-то сделка, о которой бабушка не упоминает. Итак, я покидаю вас… и мне вновь предстоит полная изоляция на женской половине. Не беда: я потрачу это время на обработку полученных мною данных.

Эти слова напомнили Торби о том, что Маргарет может встретиться на женской половине с Матой. Смущаясь и запинаясь, он принялся объяснять, о чем пришел поговорить. Доктор Мейдер слушала его со всей серьезностью, продолжая упаковывать вещи.

— Я знаю, Торби. Я услышала об этом печальном деле гораздо раньше, чем ты.

— Маргарет, вы когда-нибудь сталкивались с подобной нелепицей?

Она замялась.

— Да, мне нередко доводилось слышать и о еще более глупых вещах.

— Но ведь ничего такого не было! И если Мата захотела, то почему бабушка не пошла ей на-

встречу… вместо того чтобы отправлять девушку к чужим людям?

Женщина-фраки улыбнулась.

— Это самое необычное признание в любви, какое я когда-либо слышала, Торби.

— Вы могли бы отнести ей записку?

— Если ты хочешь передать свои уверения в вечной любви или что-нибудь в этом духе, то нет, не могу. Бабушка сделала для своей внучки самое лучшее, что было в ее силах. Сделала это быстро, с любовью и мудростью. Сделала это, исходя из интересов Маты, а не сиюминутных потребностей «Сизу», ведь Мата была превосходным стрелком. Бабушка, как и подобает старшему офицеру, исходила из высших соображений; она обдумала глубинные общие интересы и решила, что они перевешивают потерю одного стрелка. Я проникаюсь все большим уважением к бабушке, ведь, между нами, я и на старости лет остаюсь глупой девчонкой, — она вдруг улыбнулась. — Лет через пятьдесят Мата тоже примет подобное мудрое решение. Семья «Сизу» — очень крепкий клан.

— Провалиться мне на месте, если я что-нибудь понимаю!

— Это оттого, что ты почти такой же фраки, как и я… и не имеешь моей подготовки. Торби,

о большинстве вещей можно говорить, плохи они или хороши, только зная истинную их подоплеку; сами по себе плохи или хороши немногие вещи. Поступки, которые квалифицируются в определенном обществе как правильные или неправильные, действительно являются именно таковыми. Возьмем такой обычай Людей, как экзогамия. Ты, вероятно, думаешь, что это способ уменьшить опасность мутаций. По крайней мере, в корабельной школе вас учили именно так.

— Конечно. И потому я не могу понять, зачем…

— Секундочку. Ты не можешь понять бабушкиных возражений. Но для Людей чрезвычайно важно устраивать браки между членами экипажей разных кораблей. И не в генах дело — они имеют второстепенное значение, — а в том, что корабль слишком мал, чтобы быть устойчивым изолированным обществом. Корабли должны постоянно обмениваться идеями и достижениями, иначе тот же «Сизу», да и сама культура Людей погибнут, так что закон соблюдается строжайшим образом. Малейшее отступление от закона — то же самое, что крохотная пробоина в борту корабля, появление которой ведет к гибельным последствиям, и устранить их можно лишь самыми решительными мерами. Ну… теперь ты

понимаешь?

— Э-э… нет, не думаю.

— Сомневаюсь, что сама бабушка отчетливо понимает это; она лишь знает, что хорошо и что плохо для Семьи, и действует дальновидно и решительно. Ты все еще хочешь отправить записку?

— Ну, что ж… не могли бы вы передать Мате, что мне очень жаль — нам не удалось попрощаться.

— Ммм… хорошо.

— Вот и отлично.

— Теперь чувствуешь себя лучше?

— В общем, да… ведь вы говорите, что так будет лучше для Маты. — Торби внезапно взорвался: — Но, Маргарет, я не понимаю, что творится со мной! Мне казалось, что все стало на свои места, и вот теперь моя уверенность рассыпалась в прах. Я мыслю и чувствую как настоящий фраки и сомневаюсь, смогу ли я стать истинным Торговцем.

Лицо собеседницы внезапно омрачилось.

— Ты уже был свободен. И эту дурную привычку трудно преодолеть.

— Как вы сказали?

— Тебе довелось испытать серьезные потрясения. Твой приемный отец — я имею в виду перво-

го, Баслима Мудрого, — купил тебя и усыновил, дав тебе такую же свободу, какой пользовался и сам. И вот теперь второй твой отец, поступая из самых лучших побуждений, усыновил тебя и тем самым сделал тебя рабом.

— Что вы, Маргарет! — возразил Торби. — Как вы можете такое говорить?

— Если ты не раб, то кто же?

— Ну, я — Вольный Торговец. Во всяком случае, отец надеется, что я смогу им стать, если мне удастся избавиться от моих привычек фраки. Но я не раб. Люди свободны. Семья состоит из свободных Людей.

— Все вместе вы свободны… но не по отдельности.

— Что вы имеете в виду?

— Люди свободны. Это составляет главный предмет их гордости. Любой Торговец скажет вам, что именно свобода делает Людей Людьми и отличает от фраки. Люди свободны, странствуя средь звезд и нигде не пуская корней. Столь свободны, что превращают свой корабль в суверенное государство, которое никого ни о чем не просит, странствует, где хочет, дерется с любым врагом, не нуждается ни в каком пристанище, не вступает ни с кем в союз, который бы его не

устраивал. О да, Люди свободны! Старушка Галактика еще не ведала такой полной свободы. Общество, насчитывающее менее сотни тысяч человек, царствует в пространстве в четверть миллиарда кубических световых лет, и эти люди совершенно вольны двигаться в любую сторону в любое время. Такой культуры не было никогда и, быть может, не будет. Свободны, как само небо… более свободны, чем звезды, поскольку те движутся твердо установленными путями. Да-да, конечно, Люди свободны! — Женщина некоторое время молчала. — Но какой ценой куплена эта свобода?

Торби заморгал.

— Я скажу тебе. Нет, бедность тут ни при чем. Такого высокого уровня жизни, как у Людей, история еще не знала. Доходы от вашей торговли просто баснословны. За них не приходится платить ни физическим, ни душевным здоровьем. Мне не доводилось видеть общества, в котором болели бы так мало. Не приходится платить и счастьем либо самоуважением. Но ваше счастье полно самодовольства, а гордыня почти греховна — разумеется, гордиться вам есть чем. Но за свою беспрецедентную свободу вы платите… самой свободой. Нет, я не говорю загадками. Люди сво-

бодны… за счет потери личной свободы каждого из вас, и капитан со старшим офицером отнюдь не являются исключением: они лишь еще более несвободны, чем кто бы то ни было из вас.

В ее словах звучала неподдельная ярость.

— Как мы можем быть свободными и несвободными одновременно? — возразил Торби.

— Спроси Мату. Торби, ты живешь в стальной темнице, вне которой ты проводишь не более нескольких часов за много месяцев. Правила внутреннего распорядка на корабле значительно строже, чем в любой тюрьме. То, что целью этих правил является сделать вас всех счастливыми — и они это делают, — сейчас неважно. Вы должны повиноваться им. Вы спите, где прикажут, едите по звонку и только то, что предложат, — и совершенно несущественно, что пища вкусная и качественная, важно то, что вас не спрашивают, чего вы хотите. Девяносто процентов времени вы делаете то, что вам прикажут. Вы так стиснуты правилами, что большая часть того, что вы говорите, — не живая речь, а предписанный ритуал. За целый день можно не произнести ни одной фразы, которой не было бы в законах «Сизу». Верно?

— Да, но…

— «Да» без всяких «но»! Скажи, Торби, у кого из Людей меньше свободы? У рабов? Можешь ли ты подобрать слово точнее?

— Но нас нельзя продать!

— Рабство часто существовало в форме, не допускавшей продажу или покупку людей. Их просто передавали по наследству. Так же, как на «Сизу». Быть рабом означает принадлежать хозяину и не иметь надежды на перемены. Вы — рабы, которые называют себя Людьми и не могут даже мечтать о воле.

Торби нахмурился.

— Вы полагаете, что именно из-за этого я чувствую себя так противно?

— Мне кажется, рабский ошейник, который не беспокоит твоих товарищей, потому что они родились в нем, начинает душить тебя, ведь ты уже был свободен. — Женщина осмотрела свои пожитки. — Мне пора отправляться на «Эль Нидо». Поможешь мне?

— Буду рад.

— На встречу с Матой не рассчитывай.

— Я и не думал об этом, — соврал Торби, — только хотел помочь вам. Мне очень жаль расставаться.

— Честно говоря, я рада, что отправляюсь до-

мой, но мне не хочется прощаться с тобой, — она помедлила. — Я тоже хотела бы тебе помочь. Антрополог никогда не вмешивается, но я уже ухожу, а ты никогда не был частичкой этой культуры. Ты сможешь понять намек старой женщины?

— Вы совсем не старая!

— Еще одна любезность. Я уже бабушка, хотя старший офицер, пожалуй, удивилась бы, услышь она это от меня. Торби, мне казалось, что ты сумеешь привыкнуть к этой тюрьме. Теперь я в этом не уверена. От привычки быть свободным не так-то легко избавиться. Милый, если ты почувствуешь, что не в силах это выдержать, дождись, когда корабль опустится на планету, где царят свобода, демократия и гуманизм, и беги отсюда прочь. Это нужно сделать до того, как бабушка решит тебя женить, ибо промедление — твоя погибель!

Глава 12

От Лосиана к Финстеру, от Финстера к Тоту IV, от Тота IV к Вуламурре — «Сизу» прокладывал свои пути в пространстве диаметром в девяносто световых лет. В центре этой сферы располагалась легендарная Терра, колыбель человечества. «Сизу» никогда не опускался на этой планете; Люди предпочитают миры, где выше прибыль, где меньше полиции и торговля не связана головоломными статьями налогового законодательства.

История «Сизу» утверждала, что первый корабль Семьи был построен на Терре, и там же появился на свет первый капитан Крауза, который был (по слухам) урожденным фраки. Но с тех пор Семья сменила шесть кораблей, а история «Сизу» была верна только в общих чертах, незначительные подробности вполне могли оказаться искаженными. Тот «Сизу», сталь которого служила домом нынешнему поколению Семьи, был зарегистрирован в Новой Финляндии, на Шиве III… в этот порт корабль более не возвращался, но местные налоги уплачивались регулярно — это давало Семье законное право в погоне за

прибылью свободно перемещаться в цивилизованном секторе Галактики. Администрация Шивы III понимала нужды Вольных Торговцев и не докучала им инспекциями и проверками, пока те исправно платили положенные взносы. Очень многие корабли Людей сочли удобным зарегистрироваться на этой планете.

На Финстере Торби познакомился еще с одним способом ведения дел. Здешние фраки, известные науке под замысловатым латинским названием и которых Люди называли «эти чертовы мошенники», жили в телепатическом симбиозе с лемуроподобными существами, обладавшими очень сложными развитыми конечностями. Предполагалось, что неуклюжие доминирующие монстры мыслят, а лемуры — работают своими тонкими руками.

Планета поставляла на рынок чудесно ограненные камни, медную руду и водоросли, содержащие алкалоид, нашедший применение в психиатрии. Оставалось лишь догадываться о том, что еще здесь можно приобрести. Местные жители не имели ни устной, ни письменной речи, так что общение с ними было крайне затруднено.

Здесь Торби научился новому для себя методу

торговли — безмолвному аукциону, который изобрели финикийские торговцы после того, как открыли африканские побережья.

Вокруг «Сизу» были штабелями разложены товары, которые могли предложить продавцы: необходимые местным жителям тяжелые металлы, «вечные» часы, которыми те лишь начинали учиться пользоваться, и прочие предметы, к которым их надеялась приучить Семья. Когда члены экипажа вернулись на борт, Торби подошел к старшему клерку и поинтересовался:

— Мы так и оставим товары валяться на песке? На Джуббуле они тут же исчезли бы, стоило лишь повернуться к ним спиной.

— Разве ты не видел, что комендоры установили пулеметы?

— Нет, я был в нижнем трюме.

— Так вот, пулеметы заряжены, и при них неотлучно находятся стрелки. Местные твари абсолютно аморальны, но отнюдь не глупы. Однако теперь они будут так же честны, как кассир, за которым наблюдает босс.

— И что же дальше?

— Будем ждать. Они осмотрят наши товары и через некоторое время… через день, может быть, через два… принесут свои и уложат рядом с на-

шими штабелями. Мы еще немного подождем; может быть, они чего-нибудь добавят. А может, уберут принесенное и предложат что-либо другое, и мы рискуем перехитрить самих себя и упустить какой-нибудь ценный товар. Возможно, нам придется разделить штабель надвое, чтобы показать, что нас устраивает товар, но не цена. Может случиться и так, что мы не пожелаем брать их товар ни за какую цену. И придется переместить наш штабель к тому их товару, который нам нужен. Но и тогда мы не станем трогать того, что они принесут: мы будем выжидать. Наконец в течение долгого времени ни мы, ни они не будем ничего передвигать. Значит, цена устраивает обе стороны, и мы забираем их товар, а они уносят наш. Потом мы забираем свои товары, за которые они не дали нужной нам цены, а они уносят все то, что отвергли мы.

Но и это еще не все. К этому моменту и те и другие уже знают, чего хочет партнер и какую цену он готов предложить. Они вновь принесут что-нибудь, и мы в ответ выставим то, что, как нам уже известно, они захотят взять. Совершается еще несколько сделок. По окончании второго этапа у нас не остается товаров, которые они хотели бы взять по цене, устраивающей нас. Очень хороший

способ. На планетах, где мы можем общаться при помощи речи, все проходит куда сложнее.

— Очень уж долго тянется такая сделка.

— Можешь предложить что-нибудь лучшее?

Обмен грузами, цена которых была известна заранее, прошел без сучка и задоринки. И лишь когда наружу были вынесены пробные партии товаров, и без того неспешный процесс замедлился пуще прежнего. Сложная электроника, мгновенно раскупавшаяся на Лосиане, не вызвала у жителей Финстера вообще никакого интереса. Шестьсот складных ножей, которые предназначались для Вуламурры, были проданы здесь по весьма приличной цене. Однако наибольший ажиотаж вызвали предметы, которые вообще не считались товаром.

Бабушка Крауза, хотя и была прикована к постели, частенько объезжала помещения корабля с личной инспекцией; в результате таких проверок кого-нибудь обязательно наказывали. Незадолго до прибытия на Финстер она пожелала осмотреть детскую и каюты холостяков. Первое, на чем остановились ее глаза, были стопки комиксов. Бабушка велела конфисковать этот «мусор, годящийся только для фраки».

Затем осмотру подверглись каюты холостяков,

в то время как накануне был пущен слух, будто бы бабушка намерена ограничиться детской и женской половиной, так что юноши не успели припрятать картинки с голыми красотками.

Бабушка была шокирована! После изъятия комиксов и фотографий было велено разыскать журналы, из которых они были вырезаны. Кипу контрабандной макулатуры передали инженерам, чтобы те распылили эту гадость на атомы.

Там журналы попались на глаза суперкарго, в голове у которого зародилась идея получше. Конфискованную «литературу» вынесли из корабля и бросили рядом с другими товарами.

Напротив пачки бумажного хлама появилась кучка ограненных самоцветов: хризобериллы, гранаты, опал, хрусталь.

Суперкарго, растерянно моргая, осмотрел эти сокровища и отправился с докладом к капитану.

Книжки и журналы разложили по отдельности. Местные жители принесли еще камней.

В конце концов каждый предмет был расчленен на страницы, которые разложили по одной. Было достигнуто окончательное соглашение: за каждую цветастую картинку туземцы отдали по одному камню. В этот момент даже самые хитроумные юнцы, сумевшие уберечь свои из-

любленные фотографии, внезапно воспылали чувством долга и проявили врожденную деловитость: в конце концов, они могли пополнить запасы чтива в ближайшем цивилизованном порту. Из детской была изъята очередная порция комиксов с приключениями.

Беспрецедентный в истории случай: за комиксы и порнографию Семья получила драгоценные камни, вес которых многократно превышал массу бумаги, на которой были напечатаны безвкусные картинки!

За Тотом IV следовала Вуламурра. Каждый перелет приближал корабль к месту Встречи Людей; корабль охватила карнавальная лихорадка. Экипаж забросил работу и занялся музицированием, вахты перетасовывались так, чтобы могли спеться квартеты, для атлетов был составлен тренировочный план, а их самих освободили от всех вахт, кроме боевых, и они выкладывались в спортзале так, что едва доползали до своих постелей. Обсуждая планы шикарных приемов, должных послужить вящей славе «Сизу», люди спорили до хрипоты и головной боли.

Через N-космос летели длинные послания, и главный инженер гневно протестовал против скандального перерасхода энергии, ядовито на-

мекая на высокую цену трития. Однако старший офицер, посмеиваясь, одобряла все расходы. Проходили дни, и морщины бабушки все чаще складывались в непривычную для нее улыбку, словно она знала что-то, о чем предпочитала покамест помалкивать. Торби дважды заметил, как она улыбалась, глядя на него. Это насторожило юношу: он считал за благо не привлекать внимания бабушки. В полной мере ему довелось удостоиться ее внимания позднее, и это ему не очень-то понравилось.

Торби сжег рейдер, и в его честь был устроен обед, на котором он сидел за одним столом со старшим офицером.

Пират появился на экране «Сизу», когда корабль поднимался с Финстера, — весьма необычное для нападения место, поскольку в окрестностях планеты никогда не было особенно оживленного движения. Тревога поднялась лишь спустя несколько часов после старта, когда «Сизу» набрал всего пять процентов световой скорости, так что надежды оторваться от преследователя не было никакой.

Справляться с ситуацией выпало Торби; бортовой вычислитель вышел из строя — у него произошел «нервный срыв», и электронщики,

обливаясь потом, возились со схемами, готовя корабль к прыжку. Племянник Торби, Джери, вернулся к астронавигаторам. Новый стажер кое-чему подучился во время длительного перелета от Лосиана, но это был безусый юнец, и Торби не очень-то ему доверял, но не стал возражать, когда Джери решил, что Кенан Дротар готов нести вахту, пусть он и не прошел боевое крещение. Джери стремился поскорее вернуться в ходовую рубку по двум причинам. Во-первых, он не желал терять высокого статуса, а во-вторых, о чем он даже сам не думал и не говорил, компьютерная была тем самым местом, где он когда-то работал с покинувшей корабль младшей сестрой.

И поэтому, когда появился рейдер, разбираться с ним пришлось Торби.

Он приступил к решению задачи с чувством неуверенности, поскольку знал, что бортовой компьютер неисправен. Жизнь стрелка значительно облегчает вера в сверхчеловеческие способности программистов: «Если даже я лопухнусь, эта куча мозгов все равно накроет его». Тем временем программисты думали то же самое о нем. И эта мысль давала людям столь необходимую возможность расслабиться.

На сей раз у Торби такого ощущения безопасно-

сти не было. Финстериане не совершали дальних перелетов; было невозможно даже предположить, что рейдер приписан к здешнему порту. Не мог он быть и Торговцем: он слишком быстро ускорялся. Не был это и крейсер Гегемонии: Финстер находился слишком далеко от цивилизованного мира. Торби с уверенностью, от которой его затошнило, подумал о том, что через несколько часов ему придется запустить ракету и поразить цель, либо уже очень скоро он вновь станет рабом, и та же участь постигнет всю его Семью.

Все эти соображения путали расчеты, парализовали мышление.

Внезапно юноша забыл о неисправном компьютере, о Семье и даже о пирате как таковом. Маневры рейдера стали всего лишь потоком поступающих на терминал данных, превратившись в задачу, к решению которой так долго готовился Торби. Его напарник забился в другое кресло и пристегнулся ремнями, а ходовая рубка атаковала его запросами. Торби не слышал ответов напарника и даже не заметил, когда рубка умолкла. Вскоре в компьютерную ворвался Джери, присланный капитаном; Торби не обратил на него внимания. Джери вытянул из кресла ста-

жера, уселся в него сам и, заметив, что включен терминал Торби, даже не прикоснулся к переключателю. Он молча наблюдал за действиями юноши и продумывал на всякий случай альтернативные решения, готовый включиться сразу после того, как Торби запустит ракету, и тут же выстрелить еще раз. Торби по-прежнему ничего не замечал.

Внезапно динамик заговорил низким голосом капитана Краузы:

— Стрелок… не помочь ли вам маневром?

Торби не слушал. Джери посмотрел на него и ответил:

— Я бы не советовал, капитан.

— Ну ладно.

Старший бортовой баллистик, грубо нарушая требования устава, примчался в компьютерную и, утирая пот со лба, наблюдал за безмолвным поединком. Торби его не замечал. Для него в этот момент существовали только рукоятки, клавиши и кнопки, ставшие продолжением его собственной нервной системы. И даже когда ему нестерпимо захотелось чихнуть, Торби с легкостью подавил это желание, даже не обратив внимания на попавшую в нос пылинку.

Сверившись с последними данными, он ввел

тончайшие поправки, автоматическим движением нащупал кнопку и отдал команду запустить ракету в момент максимального искривления траектории цели. Двумя секундами позже ракета покинула пусковую шахту и легла на курс.

Джери потянулся к переключателю, но его рука замерла на полпути; Торби отчаянно застучал по клавишам, запуская вторую ракету по траектории, вычисленной с поправкой на вероятное уменьшение целью своей тяги. Внезапно поток данных прервался: корабль ослеп, его коснулся парализующий луч.

Последующий анализ показал, что луч действовал семьдесят одну секунду. Джери пришел в себя, когда луч исчез; он увидел, как Торби изумленно осмотрел свой терминал и вновь начал лихорадочно действовать, подготавливая очередной пуск в соответствии с последними полученными им данными.

Джери положил ему на плечо руку.

— Бой окончен, Торби.

— Что?

— Ты накрыл его. Отличный выстрел. Мата могла бы гордиться тобой.

Ослепшие «глаза» корабля ремонтировали целый день. Капитан продолжал ускорение: больше

ему нечего было делать. Наконец «Сизу» вновь обрел зрение и двумя днями позже благополучно нырнул в безопасный мрак N-космоса. Этим же вечером в честь Торби был дан обед.

Бабушка произнесла обычную речь, вознеся благодарственную молитву за спасение Семьи. И не кто иной, как сын «Сизу», ныне сидевший рядом с ней, был орудием счастливого избавления. Затем старший офицер вновь откинулась на подушки и приступила к еде; ей прислуживала невестка.

Торби не радовала выпавшая на его долю честь. Он с трудом припоминал ход поединка, и ему казалось, что его чествуют по ошибке. Он долгое время провел в полузабытьи, и лишь теперь к нему вновь возвращалось воображение.

Он понимал, что это были всего лишь пираты. Пираты и работорговцы, они пытались захватить «Сизу» и продать в рабство Семью. Сколько Торби помнил себя, он ненавидел работорговцев — не просто безликий институт рабства, а именно работорговцев он ненавидел с младых ногтей, еще до того, как узнал это слово.

Он был уверен, что Баслим одобрил бы его; он знал, что тот при всей его мягкости укоротил бы любого работорговца, не проронив и слезинки.

И тем не менее Торби не чувствовал себя счастливым. Он продолжал думать о живом корабле, на который вдруг обрушилась смерть, превратив его в сгусток излучения. Он посмотрел на свой указательный палец и задумался. Его занимала извечная дилемма, которая преследует всех людей, не утративших человеческого облика, людей, едящих мясо, но предпочитающих, чтобы туши свежевал кто-нибудь другой.

Трое суток перед званым обедом Торби спал урывками, и у него слипались глаза. Тем не менее он принялся за еду.

Проглотив очередной кусок, он вдруг заметил, что на него внимательно смотрит бабушка. Торби поперхнулся, забрызгав свою рубашку.

— Что с тобой? Уснул? — сердито заговорила старший офицер.

— Ох, извините, бабушка. Вы что-то мне говорили?

Торби уловил предостерегающий взгляд матери, но было уже поздно. Бабушка насупилась.

— Мы все ждем, что ты что-нибудь скажешь.

— Да, да… сегодня чудесный день…

— Не вижу в этом ничего особенного. Видишь ли, в космосе редко бывает плохая погода.

— Я хотел сказать, что у нас отличный обед.

Просто прекрасный. Спасибо вам за то, что устроили такой вечер.

— Это уже лучше. Не забывайте, молодой человек: когда джентльмен обедает с дамой, он должен поддерживать приятную беседу. Может быть, у фраки это и не принято, но Люди соблюдают это правило неукоснительно.

— Да, бабушка. Благодарю вас, бабушка.

— Давай-ка начнем сначала. Мы все рады присутствовать на этом обеде. Да. Мы стараемся сделать так, чтобы каждый из нас чувствовал себя равным другим членам Семьи, и для этого мы стремимся оценивать заслуги каждого по достоинству. Полагаю, тебе приятно внести столь значительный вклад в благополучие Семьи. Это прекрасно, тем более что не всякому удается такое. Поздравляю тебя. А теперь твоя очередь.

Торби залился румянцем.

Бабушка слегка поморщилась и спросила:

— Как ты готовишься к Встрече?

— Я не знаю, что делать… видите ли, я не умею ни петь, ни танцевать, играю только в шахматы и в мяч. К тому же я ни разу не бывал на Встречах. Я даже понятия не имею, что это такое.

— Так, ты никогда не бывал на Встречах…

Торби почувствовал себя виноватым.

— Бабушка… — произнес он, — должно быть, вы побывали на очень многих Встречах. Расскажите мне о них.

Это был удачный ход. Бабушка заулыбалась и, понизив голос, заговорила:

— Знаешь, теперь уж не бывает Встреч, какие я видывала в свои молодые годы…

С этого момента Торби открывал рот только для того, чтобы издать очередное восхищенное восклицание. Семье пришлось очень долго ждать, пока бабушка разрешит встать из-за стола.

— …и у меня была масса предложений от сотни кораблей, вот что я тебе скажу. Я была восхитительным созданием с маленькой ножкой и вздернутым носиком. Многие Люди предлагали твоей бабушке соблазнительные условия, но я знала, что мое место — на «Сизу», и сумела настоять на своем. Ах, как я была резва! Танцевала всю ночь напролет, а к утру вновь была свежа, словно…

В общем, если обед и не очень удался, то и провала не было.

Поскольку Торби оказался бесталанным, он стал актером.

Тетку Торби, главного распорядителя продовольственного склада и лучшего повара Семьи,

охватил литературный зуд в его тяжелейшей форме: тетя Афина Крауза-Форгат разродилась пьесой. Произведение, описывавшее жизнь первого капитана Краузы, должно было продемонстрировать безупречный аристократизм семьи «Сизу». Первый Крауза представал в виде святого с сердцем из стали. Преисполненный отвращения к мерзким фраки, он построил «Сизу» (сам, в одиночку) и возвел на борт свою супругу (в черновике она значилась под фамилией Форгат, но, прежде чем передать рукопись для прочтения бабушке, в текст вставили ее девичью фамилию) и своих прекраснейших на всем свете детей. На последних страницах пьесы описывалась волнующая сцена: «Сизу» взмывает ввысь, чтобы нести свет культуры и процветание в самые отдаленные уголки Галактики.

На роль первого Краузы назначили Торби. Услышав об этом, он едва не лишился дара речи и даже пытался отказаться. Тетка Афина была поражена не меньше его самого и, читая вслух список артистов, запнулась и прочитала имя Торби еще раз. Однако бабушка, казалось, была довольна. Она посещала репетиции и высказала ряд замечаний, с благодарностью принятых автором.

Главную женскую роль играла Лоан Гарсиа, де-

вушка, недавно пришедшая в Семью с «Эль Нидо». После ухода Маты Торби начал сторониться девушек; он ничего против них не имел, но общение с ними не доставляло ему особой радости. Однако найти общий язык с Лоан оказалось нетрудно. Это была темноволосая симпатичная девушка с приятными манерами. Тем не менее, когда ему велели в нарушение всех запретов поцеловать ее на виду у бабушки и прочих зрителей, юноша растерялся.

После его первой попытки бабушка с отвращением воскликнула:

— Что ты делаешь? Собираешься укусить ее? Ты так смотришь на нее, будто она насквозь радиоактивна! Это же твоя жена, болван! Ты только что привел ее на корабль и остался наедине со своей любимой женщиной! Давай же! Нет, нет! Афина!

Торби огляделся невидящим взором, но тем не менее заметил Фрица. Глаза того были выпучены, на губах играла блаженная улыбка.

— Афина! Подойди сюда, дочка, и покажи этому недотепе, как нужно целовать женщину! Поцелуй его сама, а потом пусть он попробует еще раз. Все по местам!

Тетка Афина была вдвое старше Торби, и он стеснялся ее гораздо меньше. Он неуклюже

последовал ее наставлениям и наконец сумел поцеловать Лоан, не спотыкаясь об ее ноги.

Вероятно, это была хорошая пьеса; она очень понравилась бабушке, которая предвкушала успех постановки на Встрече.

На Вуламурре бабушка умерла.

Глава 13

Вуламурра — утопающая в зелени планета первопроходцев, только что принятая в состав земной Гегемонии; здесь «Сизу» сделал последнюю остановку перед тем, как направиться прямиком к месту, где должна была состояться Встреча. Здесь было вдоволь продовольствия и сырья, а местные фраки с удовольствием скупали промышленные товары. «Сизу» распродал множество лосианских изделий и драгоценностей с Финстера. Однако Вуламурра крайне скупо отпускала товары, которые могли бы принести значительную прибыль, и атомное топливо здесь было дорогим: планета относилась к разряду слаборазвитых и неохотно расставалась с радиоактивными материалами, в которых так нуждалась зарождающаяся местная промышленность.

Урана «Сизу» приобрел немного, но вдоволь отборного мяса и прочих деликатесов. Семья всегда стремилась иметь на своем столе изысканную пищу; сейчас в трюмы корабля было загружено гораздо больше продовольствия, чем мог съесть экипаж, однако этими лакомствами можно было

похвастаться на Встрече.

Нехватку топлива покрыли за счет трития и дейтерия. Первоначально построенная здесь фабрика водородных изотопов предназначалась для нужд кораблей Гегемонии, однако продукции фабрики хватало всем. В последний раз «Сизу» заправлялся на Джуббуле, так как лосианские корабли приводят в движение другие ядерные реакции.

Несколько раз Торби вместе с отцом выходил в порт Новый Мельбурн. Здесь был в ходу английский Системы; Крауза знал этот язык, но местные фраки проглатывали окончания и растягивали гласные, так что капитан понимал едва ли половину. Но для Торби в местном произношении не было ничего странного: именно так он и учился говорить. Поэтому Крауза брал его с собой в качестве переводчика.

В этот день им предстояло завершить сделку по приобретению топлива. Затем подписанные документы следовало заверить в центральном банке и отвезти на завод. После того как на всех бумагах появились печати и были внесены необходимые суммы, капитан сел поболтать с директором. Крауза умел держать себя с фраки на равных и дружелюбно, ничем не показывая, что

их разделяет колоссальная социальная пропасть.

Пока они болтали, Торби мучился сомнениями. Директор рассказывал о Вуламурре:

— Любой толковый мужик с крепкими руками и головой, способный держать ушки на макушке, может отправиться в незаселенный район, получить землю и ковать свое счастье.

— Вне всякого сомнения, — признал капитан. — Я видел ваш мясной скот. Эти животные просто великолепны.

Торби тоже согласился. Быть может, на Вуламурре не хватало асфальта, театров и водопровода; но планета буквально бурлила от открывавшихся на ней возможностей. Кроме того, это был приятный славный мир, где обитало не так уж много жителей, что вовсе не плохо. Доктор Мейдер словно бы именно его имела в виду, когда советовала: «…Подожди, когда корабль сядет на планете, где царят свобода, демократия и гуманизм… и тогда беги!»

Жизнь на «Сизу» была приятнее, хотя Торби уже в полной мере осознал, что она требует изоляции от внешнего мира и полного подчинения личности интересам Семьи. Юноше даже начинало нравиться быть актером; сцена оказалась презабавным местом. Торби удавались каламбуры,

способные вызвать улыбку даже на лице бабушки. Помимо прочего, хотя все происходило лишь на сцене, обнимать Лоан было очень приятно. Она целовала его и шептала: «Мой муж! Мой благородный муж! Мы вместе покорим Галактику!»

По простоте душевной Торби решил, что она великая актриса.

Они очень подружились. Лоан было любопытно узнать, чем занимается бортовой стрелок, и както раз под бдительным присмотром тетки Торы юноша устроил ей экскурсию в компьютерную.

На лице девушки появилось восхитительное выражение замешательства.

— Что такое N-космос? Мы видим глазами длину, ширину, толщину… неужели могут быть и другие измерения?

— Давай обратимся к логике. Ты ощущаешь четыре измерения… те три, о которых ты уже говорила, плюс четвертое — время. Его ты не видишь, но измерить можешь.

— Да, но при чем здесь логика?

— Сейчас поймешь. Что такое точка? Это некое место в пространстве. Но представь себе, что нет никакого пространства, даже четырех обычных измерений. Пространства нет. Можно ли в таких условиях представить себе точку?

— Я как раз об этом думаю.

— Об этом нельзя даже думать, не думая одновременно о пространстве. Если ты представляешь себе точку, то думаешь о том, что она расположена в каком-то конкретном месте. Скажем, ты выбираешь линию и представляешь себе точку на этой линии. В общем, точка — это какое-то определенное место, и если это место некуда поместить, точка обращается в ничто. Понимаешь?

— Послушайте, дети, — вмешалась тетка Тора. — Нельзя ли продолжить ваш разговор где-нибудь в другом месте? У меня ноги устали.

— Простите, тетя Тора. Обопритесь на мою руку.

Беседу продолжили в холле.

— Так ты уяснила себе, что для существования точки нужна линия?

— Кажется, да. Если у точки нет возможности где-то находиться, ее нет вообще.

— А теперь подумаем о линии. Ты согласна с тем, что она не может существовать без поверхности?

— Это уже труднее.

— Но если ты сумеешь это себе представить, то справишься и с остальным. Линия — это упорядоченная последовательность точек. Откуда

берется порядок? От того, что линия лежит на поверхности. Если линия не принадлежит никакой поверхности, она сжимается и исчезает. У линии нет ширины. Ты даже не увидела бы, что она сжалась, ведь тебе не с чем ее сравнить. И все ее точки одинаково близки друг к другу, а упорядоченность исчезает. Понимаешь?

— С трудом.

— Итак, точке нужна линия, линии — поверхность. В свою очередь, поверхность должна быть частью объема, иначе ее структура разрушается. Объем должен быть частью гиперпространства, которое его вмещает… и так далее. Каждое измерение нуждается в еще более высоком, иначе геометрия становится бессмысленной. Исчезает само пространство, — Торби хлопнул по столу. — Но пространство существует, отсюда мы знаем, что гиперпространство тоже существует, несмотря на то что мы его не видим.

— Но должен быть какой-то предел!

— Ничего подобного. Размерность пространства бесконечна.

Девушка поежилась.

— Это пугает меня.

— Не бойся. Даже главный инженер имеет дело лишь с первой дюжиной размерностей. Кстати,

когда корабль выходит в гиперпространство, мы все как бы выворачиваемся наизнанку. Ты это замечаешь?

— Нет. Мне в это не верится.

— Это трудно себе представить, поскольку у нас нет соответствующих органов чувств. Выход в гиперпространство может произойти в тот самый момент, когда ты ешь суп, но ты даже капли не прольешь, несмотря на то что суп тоже выворачивается наизнанку. Это всего лишь математическая концепция, вроде корня квадратного из минус единицы. Нет нужды видеть многомерное пространство, ощущать его или понимать; нужно лишь разработать соответствующие логические символы. Однако многомерное пространство вполне реально, если только слово «реальность» вообще что-то значит. До сих пор никто не видел электрона. И мысли тоже. Ты не можешь видеть мысль, не можешь измерить, взвесить, попробовать на вкус, тем не менее «мысли — это одна из самых реальных вещей в Галактике», — процитировал Торби Баслима.

Девушка посмотрела на него с уважением.

— Ты, должно быть, чертовски умен, Торби. «Никто не может увидеть мысль»… Мне это нравится.

Торби с достоинством выслушал похвалу.

Вернувшись в каюту, он застал Фрица, который читал, лежа в постели. После разговора с приятной собеседницей Торби пребывал в приподнятом настроении.

— Привет, Фриц! Учишься? Или прожигаешь свои молодые годы?

— Ага, учусь. Знакомлюсь с истинным искусством.

Торби скользнул взглядом по обложке.

— Смотри, как бы бабушка тебя не поймала.

— Не забудь запастись товаром перед очередным визитом на Финстер!

Вуламурра была «цивилизованной планетой», и холостяки восполняли свои запасы образчиков «истинного искусства».

— Выглядишь так, будто тебе удалось урвать на Лосиане премию. Чего ты такой довольный?

— Только что поболтали с Лоан. Я немножко просветил ее насчет N-космоса… просто удивительно, как быстро она все схватывает.

— Да, Лоан умная девушка, — рассудительно произнес Фриц. — Когда же бабушка объявит о помолвке?

— О чем ты?

— Что, помолвка не состоится?

— Что за глупости!

— Ммм… хорошая у тебя подружка. И умная к тому же. Знаешь ли ты, насколько она умна?

— Ну?

— Она настолько способный человек, что ей доверили преподавать в школе «Эль Нидо». Ее специальностью была математика. Точнее — многомерная геометрия.

— Не может быть!

— Я случайно видел ее документы… впрочем, спроси ее сам.

— И спрошу! Почему же она не преподает математику на нашем корабле?

— Об этом надо спросить бабушку. Послушай, Торби, мой тощий недоразвитый братец, мне иногда кажется, что в детстве тебя неудачно уронили. Несмотря на все эти недостатки, я люблю тебя за ту неуклюжую элегантность, с которой ты вытираешь слюну со своего подбородка. Хочешь послушать совета старшего мудрого брата?

— Говори. Все равно ты молчать не станешь.

— Спасибо. Лоан — чудесная девушка, и, я полагаю, было бы приятно решать вместе с ней уравнения до последнего дня твоей жизни. Но мне нестерпимо видеть человека, который делает покупку, не обойдя прежде всего рынка. Если

ты продержишься хотя бы еще один перелет, ты увидишь, что у Людей очень много хорошеньких девушек. Несколько тысяч.

— Но я вовсе не ищу себе жену!

— Ну, ну… это, в конце концов, одна из обязанностей мужчины. Все же подожди Встречи, и мы пошарим по прилавку. А теперь умолкни, я возвращаюсь к изучению литературы.

— Можно подумать, это я болтаю!

Торби не стал спрашивать у Лоан, чем она занималась на «Эль Нидо», но теперь у него открылись глаза и он понял, что, сам того не зная, играл главную роль в спектакле «Ухажер». Это его испугало. Торби припомнил совет доктора Мейдер: «Прежде чем бабушка решит женить тебя, беги… иначе тебе конец!»

Отец болтал с представителем вуламуррской администрации, а Торби продолжал мучиться сомнениями. Не покинуть ли «Сизу»? Если уж он не собирается всю жизнь быть Торговцем, то лучше всего сделать это сейчас, пока он холост. Разумеется, можно было потянуть время, как Фриц. Нельзя сказать, что Торби начал хуже относиться к Лоан, даже несмотря на то, что она его одурачила.

Но если он хочет распроститься с кораблем — а

Торби не сомневался в том, что не сможет долго терпеть размеренную монотонную жизнь Торговца, — то Вуламурра была лучшим местом для исполнения такого замысла, и другой такой возможности могло не представиться долгие годы. Ни каст, ни гильдий, ни бедности, ни иммиграционных законов — да они готовы были принять даже мутанта! Торби встречал здесь шестипалых, волосатых, альбиносов, людей с волчьими ушами, гигантов и других уродцев. Вуламурре пригодился бы любой, лишь бы он мог работать.

Что ему делать? Сказать: «Простите, пожалуйста», выйти из каюты и бежать без оглядки? Или «заблудиться» и ждать, пока корабль стартует? Нет, так Торби поступить не мог. Слишком многим он был обязан отцу и «Сизу».

Что же тогда? Заявить бабушке, что он хочет уйти? Да если она отпустит его, в космосе вспыхнет новая звезда! Бабушка сочтет желание покинуть «Сизу» величайшим из грехов.

Кроме того… Приближается Встреча. Торби испытывал неодолимое желание увидеть это зрелище. К тому же было бы нехорошо уйти, так и не сыграв в пьесе. Торби не смог бы объяснить это сам. Хоть ему и нравилась сцена, он не хотел играть героя мелодрамы. Так он считал, а на са-

мом деле ему не терпелось показаться у рампы.

Окончательное решение придется отложить.

Капитан Крауза притронулся к его плечу:

— Нам пора.

— Ох, извините, капитан… я задумался.

— Это хорошее дело, продолжай напрягать мозги. Прощайте, директор, и спасибо. Надеюсь встретиться с вами во время следующего визита на вашу планету.

— Вряд ли вы найдете меня здесь. Я собираюсь уволиться с фабрики и пойти куда глаза глядят. Куплю землю. Если вам прискучат стальные палубы, место на Вуламурре для вас всегда найдется. И для вашего парнишки.

Лицо Краузы ничем не выдало охватившего его отвращения.

— Благодарю вас. Но мы, Торговцы, даже представления не имеем, с какого конца браться за плуг.

— У каждой кошки своя крыса.

Когда они вышли на улицу, Торби спросил:

— Что он хотел сказать, отец? Кошек я видел, но что такое крыса?

— Животное вроде сорси, только меньше по размеру и более спокойное. Но директор имел в виду, что каждый человек должен быть на своем

месте.

— Ага.

Некоторое время они шли молча, и Торби размышлял, на своем ли месте он находится сейчас.

Капитан Крауза думал о том же. Недалеко от «Сизу» стоял еще один корабль, и, глядя на него, Крауза испытывал угрызения совести. Это было почтовое судно Гегемонии, экипаж которого составляли гвардейцы. В памяти Краузы неумолчно звучали слова Баслима: «…как только появится возможность, передай мальчика командиру любого военного корабля Гегемонии».

Стоявший рядом корабль не был военным, но это не имело значения: намерения Баслима были совершенно ясны, и этот корабль вполне отвечал требованиям. Долги надо платить. К сожалению, мать поняла эти слова буквально. Капитан понимал, отчего: она решила предъявить Торби на Встрече. Она собиралась извлечь максимальную выгоду из того факта, что «Сизу» платит долги Людей. Что ж, это можно было понять.

Но честно ли это по отношению к юноше?

У Краузы были свои причины представить Торби Людям. Он утвердился во мнении, что родственники мальчика были Людьми, и надеялся отыскать подтверждение тому в архиве

коммодора.

С другой стороны… Он был согласен с решением матери насчет Маты Кингсолвер. От этой кокетки, которая едва не загнала парня в угол, надо было избавиться как можно скорее. Но неужели мать не подумала о том, к чему это приведет?

Нет, он не должен был позволять! Конечно, мальчик слишком юн, и свадьбу следовало отложить — по крайней мере, до тех пор, пока не удастся доказать, что Торби родился среди Людей! Тогда можно было бы считать, что долг Баслиму уплачен.

Однако глядя на стоящий поодаль почтовый корабль, Крауза понимал, что, хотя он и обвиняет мать в нежелании честно выполнить пожелание Баслима, сам он поступает ничуть не лучше.

Но ведь он делает это ради самого Торби!

Справедливо ли это?

Что ж, есть один честный выход. Взять парня и в его присутствии открыть матери все карты. Полностью раскрыть Торби смысл послания Баслима. Сказать ему, что сейчас есть возможность посадить его на почтовый корабль и отправить в центральные миры, растолковав, что он должен делать, чтобы отыскать свою семью. Но прежде объяснить ему, что он, Крауза, также считает, что

Торби рожден среди Людей и что эту возможность нужно исследовать в первую очередь. И, кстати, прозрачно намекнуть ему, что мать пыталась связать его женитьбой. Вероятно, она поднимет шум и начнет цитировать Закон, но тут уж ничего не поделаешь: данный случай не касается старшего офицера; Баслим возложил эту обязанность на Краузу. К тому же поступить так было бы справедливо: парень должен выбрать сам.

Строгий и подтянутый, но подавляя внутреннюю дрожь, капитан отправился к матери.

У выхода из лифта их ожидал боцман.

— Старший офицер выражает вам свое почтение и желает встретиться с капитаном Краузой.

— Вот так совпадение, — мрачно сказал капитан. — Пойдем, сынок. Встретимся с ней вдвоем.

— Да, отец.

Пройдя по коридору, они оказались у каюты старшего офицера. У дверей стояла жена капитана.

— Здравствуй, дорогая. Боцман сказал, что мать посылала за мной.

— Это я посылала.

— Значит, он что-то спутал. Ладно, говори, что там у тебя, и покороче. Мне нужно увидеться с матерью немедленно.

— Он ничего не перепутал. Тебя действительно вызвала старший офицер.

— Что?

— Капитан, ваша мать умерла.

Капитан выслушал эти слова с каменным лицом, но затем самообладание изменило ему: распахнув дверь, он ринулся к постели матери и, сев у изголовья, обнял покоившееся на ней хрупкое высохшее тело. Из груди его вырвались глухие страшные звуки, говорящие о глубокой скорби, которая ломает самых крепких людей, когда они уже не в силах носить ее в себе.

Торби смотрел на происходящее с благоговейным ужасом и, вернувшись к себе, погрузился в раздумья. Юноша пытался понять, отчего ему так скверно. На борту не было ни одного человека, который мог бы представить себе «Сизу» без бабушки; она сама была «Сизу». Словно вечное пламя, двигавшее корабль, она олицетворяла собой неиссякаемую энергию, мощь, главную силу. И внезапно она исчезла.

Она погрузилась в дремоту, как обычно, поворчав по поводу того, как плохо соблюдается распорядок дня на Вуламурре, — но что поделаешь с этими фраки! Но она погрузилась в сон, следуя нерушимой привычке, которую не могли

нарушить никакие расписания.

Когда ее невестка пришла, чтобы разбудить бабушку, та уже спала вечным сном.

Блокнотик, лежащий у кровати, был испещрен множеством заметок. «Поговорить с сыном об этом». «Велеть Торе сделать то». «Гл. инж. — проверить температурный режим». «Обсудить с Афиной праздничное меню». Рода Крауза вырвала листок, разгладила его и вызвала боцмана, чтобы тот нашел ее супруга.

Капитан не стал обедать. Из зала убрали бабушкино кресло; на его месте расположилась новая старший офицер. Поскольку капитан отсутствовал, она дала знак главному инженеру и, когда тот предложил прочесть молитву по усопшей, кивнула в ответ. Обед прошел в молчании. Похороны отложили до Встречи.

Старший офицер поднялась с места.

— Капитан хотел бы сообщить, — произнесла она тихим голосом, — что он благодарит всех, кто желает принести ему свои соболезнования. Он приступит к своим обязанностям завтра. — Она немного помолчала. — Атомы выходят из космоса, туда же они возвращаются. Но дух «Сизу» вечен.

И внезапно Торби ощутил, что он больше не

одинок.

Глава 14

Большая Встреча превзошла все ожидания Торби. Корабли тянулись многомильной вереницей, более чем восемьсот Вольных Торговцев расположились концентрическими окружностями вокруг площадки диаметром в четыре мили. «Сизу» занял место на внутренней дуге — что порадовало мать — рядом с кораблями, о существовании которых юноша и не подозревал: «Кракен», «Деймос», «Джеймс Квин», «Светлячок», «Бомарше», «Дон Педро», «Ци Кворед», «Омега», «Эль Нидо», — Торби вспомнил о Мате, — «Святой Кристофер», «Вега», «Вега Прима», «Галактический банкир», «Римская возлюбленная», — Торби торопливо набрасывал схему расстановки кораблей, — «Сатурн», «Чанг», «Сельская лавочка», «Джозеф Смит», «Алоха»…

Очень уж много их было. Разумеется, посещая десять кораблей в день, можно было бы осмотреть большинство. Но были и другие дела, и поглазеть было на что. Торби забросил свои записи.

Внутри круга была устроена огромная временная сцена, гораздо более обширная, чем новый амфитеатр в Джуббулпоре. Здесь должны были

происходить выборы, погребения и свадьбы, атлетические состязания, представления и концерты. Торби вспомнил о том, что ему предстоит участвовать в спектакле, — и его охватила сценическая лихорадка.

Между сценой и кругом кораблей оставили место для лавочек, игровых площадок, танцевальных залов, которые не закрывались круглые сутки, выставки технических новинок, гадальщиков, открытых баров, предлагавших любые напитки, — от соков ягод с Пилад до бурой жидкости, выдаваемой за старинную кока-колу с Терры, производимую нынче на Гекате.

Попав в этот водоворот, Торби чувствовал себя так, будто он вновь бродит по улице Радости — широкой, пестрой и раз в семь более многолюдной. Нынче у фраки была возможность сказочно разбогатеть, дурача кого-либо из хитрейших деляг в Галактике. Сегодня корабли открыли люки, Торговцы вышли на прогулку без телохранителей, и местные купцы вполне могли продать вам вашу же шляпу, стоило лишь на секунду оставить ее на прилавке.

Фриц взял Торби с собой, дабы уберечь от неприятностей, хотя и сам не слишком разбирался, что к чему: до сих пор он побывал лишь на одной

Встрече. Старший офицер обратилась к молодым людям с наставлением, напомнив, что «Сизу» всегда отличался безупречной репутацией, а затем выдала каждому по сотне кредитов, предупредив, что эти деньги надо растянуть до конца Встречи.

Фриц посоветовал Торби оставить большую их часть на борту.

— Поиздержавшись, мы сможем выпросить у отца еще немного, но таскать с собой всю сумму просто глупо.

Торби не возражал. Он не удивился, почувствовав в кармане руку воришки. Схватив его за кисть, он повернулся, чтобы взглянуть, кого поймал.

Сначала ощупал бумажник, потом внимательно пригляделся к карманнику. Это был совсем юный чумазый фраки, который напомнил Торби Зигги, только у этого было две руки.

— Ничего, в другой раз повезет, — утешил его Торби. — У тебя еще нет навыка.

Мальчишка, казалось, был готов заплакать. Торби уже хотел было его отпустить, но спохватился:

— Фриц, проверь свой бумажник.

Фриц зашарил по карманам. Бумажник исчез.

— Ах, чтоб меня…

— Давай его сюда, парень.

— Я не брал! Отпустите меня!

— Давай, давай… пока я не открутил тебе башку!

Наконец мальчишка вытащил бумажник Фрица, и Торби отпустил его.

— Зачем ты это сделал? — спросил Фриц. — Я уже искал полицейского.

— Именно поэтому.

— Что? Скажи толком.

— Когда-то я пытался освоить эту профессию. Это не так-то просто.

— Ты? Неудачная шутка, Торби…

— А ты помнишь меня? Бывшего фраки, сына нищего? Это глупое покушение на наши карманы вызвало у меня ностальгию. Знаешь, Фриц, там, где я вырос, карманники имели определенный статус. Я же был простым нищим.

— Только не рассказывай об этом матери!

— Не стану. Но я — тот, кто я есть, я знаю, кем я был, и не собираюсь этого забывать. На карманника я так и не выучился, но нищим я был хорошим. Меня учил настоящий мастер. Мой отец, Калека Баслим. Я не стыжусь его, и никакие законы «Сизу» не заставили бы меня это сделать.

— А я и не пытался тебя стыдить, — спокойно

ответил Фриц.

Они пошли дальше, протискиваясь сквозь веселящуюся толпу. Торби сказал:

— Не сгонять ли нам в рулетку? Мне кажется, я уловил систему.

Фриц покачал головой.

— Не стоит. Ты посмотри на эти так называемые выигрыши.

— Не хочешь — не надо. Меня, в сущности, интересует игра, а не приз.

— Торби…

— Да? Чего это у тебя такая торжественная физиономия?

— Знаешь ли ты, кем на самом деле был Баслим?

Торби задумался.

— Для меня он был отцом. Если бы он хотел, чтобы я знал о нем больше, то он бы мне рассказал.

— Ммм… пожалуй, да.

— Ты что-то знаешь?

— Кое-что.

— Меня интересует одна вещь. Бабушка велела усыновить меня в уплату какого-то долга. О чем идет речь?

— Я и так уже сказал достаточно.

— Но ты знаешь?

— К черту! Об этом знают едва ли не все Люди. Об этом еще пойдет речь на нынешней Встрече.

— Не заговаривай мне зубы, Фриц.

— Ну… видишь ли, Баслим не всегда был нищим.

— Я это уже давно заметил.

— Не мне говорить о том, кем он был. Люди годами держали эти сведения в тайне. И никто не дал мне понять, что их можно разгласить. Но одно обстоятельство известно всем Людям… а ты теперь один из нас. Когда-то давным-давно Баслим спас целую Семью. Люди никогда этого не забудут. Это был «Ханси»… кстати, «Нью-Ханси» уже здесь. На нем изображен щит. Большего я не могу тебе рассказать: на всю эту историю наложено табу — дело было настолько постыдным, что мы никогда о нем не говорим. Я и так сказал достаточно. Но ты можешь пойти на «Нью-Ханси» и попросить показать тебе их старые журналы. Если ты объяснишь им, кто ты такой и какое отношение имел к Баслиму, они не посмеют тебе отказать. Хотя старший офицер после твоего визита забьется в истерике.

— Хм… мне не хотелось бы узнавать вещи, от которых дама ударится в слезы. Ну что, Фриц? Покатаемся?

После прыжков со сверхсветовой скоростью и ускорений до сотни единиц обычная карусель показалась Торби столь восхитительным развлечением, что он едва не опоздал на ленч.

Большая Встреча, заполненная радостями и встречами старых и новых друзей, преследует также и серьезные цели. Помимо похорон, поминальных служб по погибшим кораблям, обменов девушками, здесь заключались сделки, затрагивавшие интересы всех Людей. Самыми важными были сделки по приобретению кораблей.

На Гекате были лучшие космоверфи во всей исследованной части Галактики. Точно так же, как у людей, потомство появлялось и у кораблей. К нынешнему дню «Сизу» был явно перенаселен и располагал немалыми деньгами, вырученными за торий и уран; наступило время разделять Семью. По меньшей мере треть всех семей испытывала острую потребность в жизненном пространстве; фраки — торговцы кораблями — потирали руки, предвкушая, какими будут комиссионные. Однако звездолеты нельзя было продавать, как прохладительные напитки; порой маклеры и брокеры в своих мечтах возносились слишком уж высоко. Но, как бы то ни было, в течение ближайших недель предстояло продать

около сотни кораблей.

Некоторые из них — новые суда, сошедшие со стапелей «Галактического Транспорта, Лтд», дочерней корпорации известных во всем цивилизованном мире «Галактических Предприятий», либо «Корпорации Космических Инженеров», «Кораблей Гекаты», «Энджинз Инкорпорейтед», «Гаскомба и Сына» — гигантов торговли. Предложения были на любой вкус. Брокеры, не связанные со строителями кораблей, могли приобрести исключительное право на продажу подержанного судна. Владельцы охотно прислушивались к разговорам и слухам, и, если цена оказывалась подходящей, любой мог поймать удачу за хвост — надо было только не зевать. Ярмарка близилась к концу, и это было самое подходящее время для того, чтобы потратиться на дорогостоящие послания через N-космос.

Семья, которой не хватало места на корабле, могла решить свои проблемы двумя способами: купить новое судно и разделиться, образовав две семьи, либо же объединиться с другим кораблем, чтобы купить третий, который принадлежал бы им на паях. Разделение повышало статус: это свидетельствовало о том, что Семья состоит из умелых Торговцев, которые могут обеспечить

своим детям самостоятельность, не прибегая к посторонней помощи. Однако на практике обычно выбирали другой путь — объединение и приобретение судна в складчину, причем даже в этом случае нередко было так, что для покупки нового корабля приходилось закладывать все три.

Последний раз «Сизу» разделялась тридцать лет назад. Все эти годы Семье сопутствовал успех, и она могла бы разделиться вновь уже самостоятельно. Однако десять лет назад на последней Большой Встрече бабушка предложила «Сизу» в качестве залога за новорожденный корабль. Тот дал в честь «Сизу» банкет, нырнул в ночь гиперпространства и был таков. Космос беспределен. Помянем пропавший корабль на очередной Встрече.

В итоге «Сизу» пришлось выплачивать треть от сорока процентов стоимости пропавшего корабля, и это был тяжелый удар. Корабли-родители, разумеется, рассчитаются с «Сизу»: долги должны быть оплачены, но после разделения они и так выжали из себя все, что могли, и от них оставались лишь кожа да кости. С неимущего должника требовать нечего: остается лишь ждать.

Бабушка была не глупа. Корабли-родители, «Цезарь Август» и «Дюпон», не теряли связи с «Сизу»,

и все три корабля старались поддерживать друг друга. К тому же это была неплохая сделка: Торговец, не желающий предоставлять кредит, очень скоро понимает, что и ему никто не поможет. Во всяком случае, «Сизу» мог смело выписывать чек и рассчитывать на то, что он будет принят любым Вольным Торговцем с подобающим почтением.

Однако к моменту разделения Семьи у «Сизу» было меньше наличных, чем обычно.

В первый же день по прибытии капитан Крауза посетил «Норберта Винера», на котором держал свой флаг коммодор. Супруга капитана осталась на борту, где у нее было забот выше головы: став старшим офицером, она потеряла покой и сон. Сегодня у нее нашлась работа на палубе: она встречалась с другими офицерами и несколько раз звонила в город, устраивая дела со Встречей. Когда ей принесли поесть, она велела оставить завтрак, но тот так и оказался нетронутым вплоть до возвращения ее мужа. Крауза вошел в каюту и устало опустился в кресло. Старший офицер просмотрела стопку слайдов, пощелкала клавишами калькулятора и заговорила:

— Если взять корабль Гаскомба «Ф-2», то залог составит всего лишь пятьдесят процентов.

— Рода, ты же знаешь: «Сизу» не под силу при-

обрести корабль самостоятельно.

— Не торопись, дорогой. Вместе с нами подпишутся «Гус» и «Дюпон», а их подпись — то же самое, что наличные.

— Согласятся ли они ждать?

— «Нью-Ханси» тоже согласен присоединиться — смотря по обстоятельствам, — и…

— Рода! Еще две Встречи назад ты была девчонкой, но теперь ты должна понимать, что долг ложится равным бременем на всех, не только на «Нью-Ханси». Кстати, это было общее мнение.

— Но я была достаточно взрослой, чтобы стать твоей женой, Фьялар. Не стоит читать мне Законы. «Нью-Ханси» готов вступить в долю, если условия сделки останутся в тайне. Ты не ходил посмотреть на «Галактическую Лямбду»?

— Мне незачем смотреть: я читал его техническое описание. Слишком маленькая мощность.

— Ну и ну! Восемьдесят единиц ускорения ты называешь «слишком маленькой мощностью»?

— Если бы тебе пришлось сидеть в моем кресле, ты бы сказала то же самое. Корабли класса «Лямбда» проектировались для перевозки грузов в пределах Гегемонии: это все, на что они способны.

— Ты слишком консервативен, Фьялар.

— Я придерживаюсь традиционных взглядов на все, что касается безопасности судна.

— Не сомневаюсь. И мне придется искать решение, которое удовлетворило бы твои предрассудки. Ну что ж, «Лямбда» — лишь один из возможных вариантов. Есть еще… ну, ты знаешь, о чем я говорю. Можно купить за бесценок.

Крауза нахмурился.

— Несчастливый корабль.

— Да, придется его изрядно почистить, чтобы избавить тебя от мрачных мыслей. Но подумай о цене.

— Тут не только «мрачные мысли». Видишь ли, мне до сих пор ни разу не доводилось слышать о старшем офицере, покончившем с собой. И о сошедших с ума капитанах я тоже не слыхал. Честно говоря, я удивлен, что они добрались сюда.

— Я тоже. Но как бы то ни было, корабль здесь, и его выставят на продажу. А чистить надо любое судно.

— Еще бы.

— Не будь суеверным, дорогой. Это простой обряд, и заниматься им придется мне. Ну ладно, давай забудем об этом корабле. Мы можем скинуться с другим кораблем.

— А я думал, что ты уже остановилась на каком-нибудь варианте.

— Да нет, я просто прикидываю наши возможности. Кстати, помимо самостоятельного корабля, у нас есть и другие не менее важные вопросы.

— Еще бы! Силовая установка, вооружение, начальный капитал, опытные офицеры на ключевых постах — да что там, мы не сможем составить экипаж для двух кораблей. Да ты возьми хотя бы стрелков. Если…

— Не волнуйся. С этим мы справимся. Фьялар, ты не думал о том, чтобы стать заместителем коммодора?

Крауза осекся на полуслове.

— Рода! У тебя лихорадка?

— Ничего подобного.

— Я знаю десяток шкиперов, достойных занять это место. Я никогда не стану коммодором, и, что еще важнее, я не хочу им быть.

— Я сумею настоять на введении поста резервного заместителя: коммодор Денбо намерен подать в отставку сразу после того, как будет выбран новый заместитель. Можешь не сомневаться: уже на следующей Встрече ты станешь коммодором.

— Пустые слова!

— Интересно, отчего вы, мужчины, столь непрактичны? Вот ты, Фьялар, думаешь только о своей ходовой рубке и торговле. Если бы я тебя не подталкивала, ты не смог бы стать даже старшим помощником.

— Какая ты ненасытная, право!

— Я не жалуюсь на аппетит, мой милый. Тот день, когда я взошла на борт «Сизу», был для меня большим днем. Так слушай же. Нас поддержат многие, не только «Гус» и «Дюпон». Поможет любой корабль, с которым мы пожелаем объединиться. Я собираюсь отложить решение до окончания нынешних выборов. Все утро ко мне поступают разные предложения от сильных кораблей с хорошими связями. В конце концов, остается «Нью-Ханси».

— И что же «Нью-Ханси»?

— Если «Нью-Ханси» назовет твое имя в нужный момент, ты будешь избран под бурные аплодисменты.

— Рода!

— Тебе даже пальцем пошевелить не придется. И Торби тоже. Вы вдвоем покажетесь на людях и продемонстрируете свои мужественные натуры, чуждые политиканства. Я уж постараюсь, чтобы

это выглядело именно так. Кстати, сейчас поздновато выводить из игры Лоан, но я сделаю все, чтобы прекратить это как можно быстрее. Ваша мать не видела всей перспективы целиком. Мне очень хочется, чтобы мои сыновья женились, но в нынешней обстановке очень важно, чтобы Торби не женился и не имел невесты до тех пор, пока не пройдут выборы. А теперь… ты уже был на флагманском корабле?

— Конечно.

— Так на каком корабле родился Торби? Это может иметь огромное значение.

Крауза вздохнул.

— Торби не рожден среди Людей.

— Что? Не может быть! Ну да, ты говорил, что идентификация не гарантирует точного ответа… а какой из пропавших кораблей подошел бы ему?

— Я же сказал: он не из Людей! Нет ни пропавших кораблей, ни исчезнувших детей — ничего, что подходило бы к данному случаю. Он должен быть либо значительно старше, либо моложе, чем он есть.

Старший офицер покачала головой:

— Не верю.

— Или не хочешь верить?

— Я действительно не верю. Торби родился среди Людей. Об этом можно судить по его походке, по его манерам, его способностям… да вообще по нему самому! М-да… Я сама просмотрю его досье.

— Давай. Если уж ты не веришь мне…

— Ну, Фьялар… Я же не говорила, что…

— А что же ты сказала? Скажи тебе, что снаружи идет дождь, когда ты этого не хочешь, и ты…

— Ах, милый! Ты же знаешь, что на Гекате в это время года не бывает дождей. Я только…

— О небо!

— Не выходи из себя. Капитану это не к лицу.

— Капитану не льстит и то, что в его словах сомневаются на его собственном корабле!

— Прости, Фьялар, — она понизила голос. — Я не хотела тебя обидеть. Если я расширю круг поисков или пороюсь в старых материалах — ты же знаешь, как неаккуратно относятся к старым досье… Ммм… в общем, ты понимаешь, как было бы здорово, если бы еще до выборов удалось узнать, кто были родители Торби. И, поскольку до тех пор я не разрешу ему жениться, известие о том, что сразу после выборов состоится помолвка, обеспечит нам мощную поддержку.

— Рода!

— Что, дорогой? Если удастся прояснить вопрос

с семьей Торби, нас поддержит весь клан «Вега», особенно если мы выберем невесту среди их девушек…

— Рода!

— Не перебивай.

— Дай и мне сказать. Слушай, супруга: Торби родился среди фраки. Баслим был в этом уверен… и дал мне совершенно ясное поручение найти его семью. Я надеялся и верил, что в архивах найдется хоть что-нибудь, свидетельствующее о заблуждении Баслима, — Крауза нахмурился и закусил губу. — Крейсер из Гегемонии пробудет здесь еще две недели. Тебе должно хватить этого времени, чтобы удостовериться, что я перерыл архив достаточно тщательно.

— Что ты имеешь в виду?

— А разве не понятно? Долги нужно возвращать… и нам предстоит еще одна плата.

Женщина внимательно посмотрела на капитана.

— В своем ли ты уме, дорогой?

— Мне это нравится ничуть не больше, чем тебе. Торби не только хороший мальчик; он еще и самый лучший стрелок из всех, какие у нас были.

— Стрелок! — с горечью ответила она. — Как ты

можешь думать об этом? Фьялар, если ты воображаешь, что я позволю одному из своих сыновей вернуться к фраки… — Голос ее прервался.

— Он и есть фраки.

— Ничего подобного. Он — «Сизу», так же, как и я. Меня приняли в Семью так же, как и его. Мы оба — «Сизу» и останемся ею навсегда.

— Это уж как тебе угодно. Я надеюсь, что в глубине души Торби всегда останется «Сизу». Но долги должны быть оплачены.

— Этот долг отдан сполна уже очень давно!

— Не думаю.

— Ты ошибаешься! Баслим просил вернуть мальчика его семье. Какой-то семье фраки — если у фраки бывает семья. Так мы приняли Торби в свою Семью, в свой клан. Неужели это не лучший способ выполнить просьбу Баслима? Или ты считаешь более уместным вышвырнуть мальчика в кишащую мухами навозную кучу фраки? Или ты так низко ценишь «Сизу»?

Она посмотрела на него, и Крауза с горечью подумал о том, что мнение, будто чистая кровь Людей гарантирует им высокие мыслительные способности, явно преувеличено. Общаясь с фраки, он никогда не терял головы. Но в беседах с матерью, а вот теперь и с Родой, самообладание

нередко покидало его.

И если мать, как бы тверда она ни была, никогда не требовала невозможного, то Рода… что ж, она стала женой капитана лишь недавно… И Крауза сдержанно произнес:

— Старший офицер, эта обязанность возложена лично на меня, а не на «Сизу». И у меня нет иного выбора.

— Вот как? Что ж, капитан, мы еще вернемся к этому разговору. А теперь, сэр, мое почтение, но у меня масса дел.

Встреча понравилась Торби, но все же здесь было не так весело, как он ожидал; мать частенько вызывала его к себе, когда с визитами на «Сизу» прибывали старшие офицеры других кораблей. Порой они являлись со своими дочками и внучками, и Торби приходилось развлекать девушек, пока старшие вели свои беседы. Он старался изо всех сил и уже очень скоро мог непринужденно болтать со сверстницами, ведя беседы, полные прозрачных намеков. И даже научился изображать что-то вроде танца; правда, глядя на танцующего Торби, можно было подумать, что у него либо обе ноги левые, либо колени сгибаются не в ту сторону. Но теперь он мог без содрогания и озноба брать девушку за талию под

звуки музыки.

Гости расспрашивали его об отце. Он старался отвечать вежливо, но его раздражало то обстоятельство, что, казалось, все знали о Баслиме больше, чем он. Разумеется, если речь шла о действительно важных вещах.

Однако светские обязанности, казалось, можно было с успехом возложить на кого-нибудь другого. Торби сообразил, что он — младший сын, а старший, Фриц, тоже неженат, и обратился к нему за помощью, обещая вернуть этот должок позже.

Фриц одарил его обаятельной улыбкой.

— Что ты можешь предложить мне в возмещение того времени, которое я мог бы провести на Встрече?

— Ну…

— Вот-вот. А если серьезно, то мать и слушать не станет, даже если я сойду с ума и предложу свои услуги. Она назвала тебя, и она имела в виду именно тебя. — Фриц зевнул. — Слушай, парень, я смертельно устал! Та рыженькая со «Святого Луиса» готова плясать всю ночь. Так что отстань от меня, я должен выспаться перед банкетом.

— У тебя не найдется лишней рубашки?

— Поищи в своем белье. И перестань шуметь.

И вот, как-то утром, спустя месяц после прибытия на Гекату, капитан взял Торби с собой. Мать не могла задержать юношу: ее самой не было на борту. Был День Памяти. Служба должна была начаться не раньше полудня, но мать вышла заранее, чтобы утрясти кое-какие вопросы с завтрашними выборами.

Торби занимали совсем другие мысли. Служба должна была кончиться поминовением его отца. Крауза рассказал Торби, что он должен будет делать, и пообещал помочь ему прорепетировать, но Торби все же волновался. Его отнюдь не успокоила весть о том, что нынче вечером должна состояться премьера «Духа „Сизу“».

Еще больше Торби расстроился, когда увидел у Фрица экземпляр пьесы, которую тот тщательно зубрил.

— Учу твою роль! — недовольно пробормотал Фриц. — Отец велел мне подготовиться на случай, если у тебя вдруг отнимутся ноги или ты упадешь от волнения в обморок. Но не беспокойся: я не собираюсь отнимать твой триумф, я лишь должен помочь тебе расслабиться, если ты, конечно, сможешь сделать это, когда тысячи глаз станут смотреть, как ты лижешься с Лоан.

— А ты сумел бы?

Фриц задумался.

— Можно попробовать. Лоан выглядит просто восхитительно. Может быть, мне стоит самому переломать тебе ноги?

— Голыми руками?

— Не соблазняй меня. Торби, это всего лишь предосторожность. Точно так же и вы, стрелки, несете вахты парами. Ей-богу, ты так задаешься, что тебя можно вылечить, только поломав тебе все конечности!

Торби и Крауза вышли из корабля за два часа до начала службы. Капитан заметил:

— Мы и сами можем неплохо провести время. День Памяти — великий праздник, особенно если ты сумеешь настроить свои мысли надлежащим образом. Однако сиденья там жесткие, и служба очень длинная.

— Да, отец… расскажите мне, что я должен буду делать во время поминовения моего папы Баслима?

— Ничего особенного. Ты будешь сидеть в первом ряду и подавать реплики во время молитвы по усопшим. Ты знаешь слова?

— Не уверен.

— Я запишу их для тебя. Что же касается остального… будешь делать то же, что и я для своей

матери, твоей бабушки.

— Понятно, отец.

— А теперь успокойся.

К удивлению Торби, капитан Крауза двинулся по пути, уходившему в сторону от места Встречи, и свистом подозвал автомобиль. Экипаж мчался гораздо быстрее, чем было принято ездить на Джуббуле, и почти так же лихо, как на Лосиане. Едва успев обменяться парой слов с водителем, они прибыли на железнодорожную станцию. Торби не успел даже разглядеть город Артемис.

Он удивился еще раз, когда отец купил билеты.

— Куда мы едем?

— За город, — Крауза посмотрел на часы. — У нас масса времени.

Монорельсовая дорога давала восхитительное ощущение скорости.

— С какой скоростью мы движемся, отец?

— Полагаю, около двухсот километров в час, — Краузе пришлось повысить голос.

— А кажется, что еще быстрее.

— Достаточно быстро, чтобы свернуть себе шею. Быстрее и ехать-то нельзя.

Ехали они полчаса. Сельские пейзажи уступали место стальным корпусам заводов и фабрик с большими складскими помещениями. Все

было ново и необычно, и, рассматривая то, что открывалось его взгляду, Торби решил, что мощь Саргона ничтожна по сравнению со всем, что он увидел здесь. За зданием станции, на которой они вышли, простиралась длинная высокая стена; Торби разглядел стоящие за ней звездолеты.

— Куда мы приехали?

— На военный космодром. Мне нужно встретиться с одним человеком, и сегодня самое подходящее время.

Они подошли к воротам. Крауза остановился и осмотрелся: вокруг никого не было.

— Торби…

— Да, отец?

— Ты не забыл то послание, которое для меня передал Баслим?

— Сэр?

— Ты можешь его повторить еще раз?

— Ну, не знаю, отец. Это было так давно.

— Все же попробуй. Итак: «Капитану Фьялару Краузе, шкиперу звездолета „Сизу“, от Калеки Баслима. Приветствую тебя, мой старый друг…»

— «…Приветствую тебя, мой старый друг, — подхватил Торби. — Приветствую тебя и твою Семью, клан, и…» Смотри-ка, я все помню!

— Разумеется, — мягко сказал Крауза, — ведь

сегодня День Памяти. Давай дальше.

Торби продолжал. Он услышал голос отца, звучащий из его уст, и по щекам юноши потекли слезы.

— «…свидетельствую мое уважение твоей досточтимой матери. Я говорю устами своего приемного сына. Он не понимает финского…» — но я же все понимаю!

— Продолжай.

Когда Торби дошел до слов «…я уже умру…», его голос прервался. Крауза яростно потер нос и велел говорить дальше. Торби сумел добраться до конца текста, хотя его голос предательски дрожал. Крауза дал ему выплакаться, потом строго приказал вытереть лицо и взять себя в руки.

— Сынок, ты понял, о чем шла речь в середине текста?

— Да… да, я понял все.

— Тогда ты понимаешь, что я обязан сделать.

— Я должен… покинуть «Сизу»?

— А что говорил Баслим? «При первой возможности…» Так вот она, эта первая возможность… и, вероятно, последняя. Баслим не подарил, а лишь одолжил мне тебя, сынок. И вот я должен отдать долг. Ты понимаешь это?

— Да… полагаю, да.

— Тогда приступим к делу, — Крауза полез во внутренний карман куртки, достал пачку банкнот и сунул их Торби. — Клади в карман. Я должен бы дать гораздо больше, но это все, что мне удалось прихватить, не возбуждая подозрений матери. Надеюсь, что смогу переслать тебе еще, пока ты не отправишься в полет.

Торби взял пачку, даже не взглянув на деньги, хотя такой суммы ему еще не доводилось держать в руках.

— Отец… ты хочешь сказать, что я уже ушел с «Сизу»?

Крауза отвернулся и некоторое время молчал.

— Знаешь, сынок… так будет лучше. Прощание не доставляет удовольствия, только память приятна. К тому же иначе ничего не получится.

Торби сглотнул.

— Да, сэр.

— Пойдем.

Они быстро зашагали к пропускному пункту и уже почти вошли внутрь, когда Торби остановился и сказал:

— Отец… но я не хочу уходить!

Крауза посмотрел на него без всякого выражения.

— Ты не обязан.

— Но ты, кажется, говорил, что обязан?

— Нет. Баслим потребовал, чтобы я вывез тебя с Саргона и передал послание, которое он предназначал для меня. На этом мои обязанности кончаются, и долг выплачен. Не я приказываю тебе покинуть Семью… Это идея Баслима, он сделал так из лучших намерений, руководствуясь заботой о твоем благе. Должен ли ты выполнять его пожелания — это дело твое и Баслима. Решай сам. Что бы ты ни был должен Баслиму, это не имеет никакого отношения к тому, чем ему обязаны Люди.

Крауза ждал, а Торби молчал, собираясь с мыслями. Чего хотел от него отец? Что он велел ему сделать? «Я могу положиться на тебя?» Да, но чего ты хочешь, пап? «Не надо никаких пожертвований… только передай послание и сделай все, что потребует тот человек». Да, пап, но он ничего мне не велит!

— У нас мало времени, — обеспокоенно произнес Крауза. — Мне пора возвращаться. Имей в виду, сынок, твое нынешнее решение будет окончательным. Если ты откажешься покинуть «Сизу» сегодня, другого шанса у тебя не будет. Я в этом уверен.

«Самая последняя вещь, о которой я тебя про-

шу… могу ли я положиться на тебя?» — услышал мальчик торопливый голос Баслима, звучавший в его голове.

Торби вздохнул.

— Мне кажется, я должен сделать так, как ты говоришь, отец.

— Я тоже так думаю. А теперь поспешим.

Стража у ворот не спешила их пропустить, особенно после того, как Крауза, хоть и подтвердив свою личность и личность сына по корабельным документам, отказался сообщить, какое у него дело к командиру сторожевого крейсера «Гидра», заявив лишь, что оно «неотложное и официальное».

Наконец в сопровождении вооруженного с ног до головы фраки они подошли к трапу корабля и были переданы другому стражнику. Их проводили по коридору к двери с табличкой «Секретарь корабля — входить без стука». Торби понял, что «Сизу» был не столько велик, как он думал до сих пор. Ни разу в жизни юноше не доводилось видеть столько полированной стали. Он успел лишь мельком пожалеть о своем решении.

Секретарем корабля оказался вежливый подтянутый молодой человек с аксельбантами лейтенанта. Он был столь же тверд, как и стража

у ворот.

— Простите, капитан, но вам придется изложить свою просьбу мне… если вы хотите встретиться с командиром корабля.

Крауза промолчал и лишь поплотнее уселся в кресло.

Симпатичный молодой человек покраснел и забарабанил пальцами по крышке стола. Потом он поднялся на ноги.

— Прошу прощения…

Вскоре он вернулся и сказал невыразительным голосом:

— Командир дает вам пять минут.

Он провел Торби и Краузу в еще более просторный кабинет и оставил их там. За столом, заваленным бумагами, сидел человек постарше. Он был без кителя, и знаков различия не было видно. Он привстал, протянул руку и осведомился:

— Капитан Крауза? Из Вольных Торговцев… корабль «Сизу», не так ли? Я полковник Брисби, командующий.

— Рад посетить ваше судно, капитан.

— Рад встретиться с вами. О чем вы хотите поговорить? — Он взглянул на Торби. — Это ваш младший офицер?

— И да и нет.

— То есть?

— Полковник, не могли бы вы сказать, какую должность вы занимаете?

— Я офицер класса ноль-восемь. Зачем это вам?

— Сейчас поймете. Этот юноша — Торби Баслим, приемный сын полковника Ричарда Баслима. Полковник поручил мне доставить его к вам.

Глава 15

— Что?!

— Это имя что-нибудь говорит вам?

— Разумеется. — Командир взглянул на Торби. — Но я не вижу сходства.

— Я сказал вам, что он — приемный сын. Полковник усыновил его на Джуббуле.

Брисби прикрыл двери и сказал Краузе:

— Полковник Баслим мертв или же «пропал без вести и предположительно мертв» последние два года.

— Я знаю. Все это время мальчик был со мной. Я могу сообщить вам некоторые обстоятельства смерти Баслима, если они неизвестны.

— Вы были его связным?

— Да.

— Подтвердить можете?

— Икс-три-ноль-семь-девять код ФТ.

— Можно проверить позже. А пока примем это за истину. Скажите, откуда вы знаете, что ваш парень — действительно Торби Баслим?

Торби не прислушивался к разговору. В его ушах стоял непрекращающийся шум, словно при перегрузке прицельного оборудования, каюта

то расширялась, то вновь становилась тесной. Он понял, что сидящий перед ним офицер был знаком с Баслимом, и это хорошо… но что он говорил насчет того, что отец был полковником? Отец был Калекой Баслимом, дипломированным нищим милостью… милостью…

Полковник Брисби отрывистым голосом приказал Торби сесть, что он с удовольствием и сделал. Брисби включил вентилятор и повернулся к капитану Краузе.

— Ну ладно. Не знаю, что с вами делать… правда, нам вменено в обязанности помогать людям из корпуса «Икс», однако тут несколько иной случай. Но я не могу подвести полковника Баслима.

— Но вы можете просто оказать помощь гражданину, попавшему в беду, — предположил Крауза.

— Очень непросто изобразить этот случай как помощь гражданину Гегемонии, особенно если нет даже и признака того, что он в беде… разве что он нездоров… Впрочем, я постараюсь.

— Спасибо, шкипер, — Крауза посмотрел на часы. — Я могу идти? Мне уже пора.

— Секундочку. Вы что — просто оставите парня у меня?

— Боюсь, что это единственный выход.

Брисби пожал плечами.

— Как скажете. Может, хотя бы позавтракаете? Я бы хотел порасспросить вас о полковнике Баслиме.

— Простите, не могу. Если захотите со мной увидеться — приезжайте на Встречу.

— Приеду. Ну, хотя бы кофе выпейте, — командир потянулся к кнопке.

— Шкипер, — произнес Крауза с беспокойством. — Мне нужно уехать сейчас же. Сегодня у нас День Памяти… И через пятьдесят минут начнутся похороны моей матери.

— Почему вы не сказали сразу же? Господь с вами! Вы не успеете.

— Боюсь, что так… но я должен успеть.

— Минуточку… — Брисби распахнул дверь. — Эдди, аэрокар для капитана Краузы! И побыстрее! Взять его на борт и высадить там, где он попросит. Мигом!

— Есть, шкипер!

Брисби обернулся, вскинул брови и вышел в приемную. Рот Краузы, сидевшего лицом к Торби, горестно искривился.

— Подойди сюда, сынок.

— Да, отец.

— Мне пора идти. Может быть, когда-нибудь…

тебе удастся посетить Встречу.

— Я постараюсь, отец!

— Если же нам не суждено увидеться, то помни: твоя кровь в нашей стали, наша сталь в твоей крови. Ты был и остаешься «Сизу».

— Сталь в крови…

— Удачи тебе, сынок. Будь умницей.

— Удачи… Ох, отец!

— Не надо! А то я не выдержу. Сегодня же вечером я передам от тебя привет. Ты больше не должен появляться там.

— Да, сэр.

— Я и твоя мать — мы оба любим тебя.

Брисби приоткрыл дверь.

— Вас ждет аэрокар, сэр.

— Иду, шкипер, — Крауза расцеловал Торби в обе щеки и быстро двинулся к выходу. Последнее, что увидел Торби, была его широкая спина.

Вскоре вернулся Брисби. Усевшись в кресло, он посмотрел на Торби и сказал:

— Я даже не знаю толком, что с тобой делать. Ну ладно, придумаем что-нибудь. — Он нажал кнопку. — Эдди, пусть боцман разыщет где-нибудь свободную койку, — и обернулся к Торби: — Мы все уладим, если ты не слишком привередлив. Я знаю, что вы, Торговцы, живете в роскоши.

— Сэр?

— Что такое?

— Баслим был полковником? Вашей службы?

— Ммм… в общем, да.

Торби задумался на несколько минут, и воспоминания с новой силой нахлынули на него. Он нерешительно произнес:

— Мне кажется, у меня есть послание… для вас.

— От полковника Баслима?

— Да, сэр. Меня нужно погрузить в легкий транс, но мне кажется, я смогу вспомнить начало и так, — Торби произнес несколько кодовых групп. — Это предназначено для вас?

Полковник Брисби вновь проворно прикрыл дверь и со всей серьезностью сказал:

— Ни в коем случае не употребляй этот код, пока ты не будешь абсолютно уверен, что тебя слушает тот, кому положено, и что комната проверена и не прослушивается.

— Простите, сэр.

— Ничего страшного не произошло. Однако любая информация, закодированная этим шифром, является строго секретной. Надеюсь, содержание послания за два года не утратило своего значения, — и вновь нажал кнопку. — Эдди, отставить

боцмана. Пришли ко мне офицера-психолога. Если его нет на борту, пусть его разыщут. — Он посмотрел на Торби. — Я все еще не знаю, что с тобой делать. Лично я предпочел бы держать тебя в сейфе.

Длинное послание было вытянуто из Торби в присутствии только самого Брисби, его старшего заместителя, подполковника Мтэнка, и бортового психолога, капитана медицины Исадора Кришнамурти. Дело шло туго; доктору Кришнамурти нечасто доводилось пускать в ход гипноз. Торби был напряжен и не поддавался воздействию, а подполковник, отчаянно богохульствуя, пытался управиться с записывающей аппаратурой. Наконец психолог выпрямился, вытирая со лба пот.

— Я думаю, это все, — устало произнес он. — Но что это такое?

— Забудьте все, что слышали, док, — посоветовал Брисби. — А еще лучше сразу перережьте себе горло.

— Хм… спасибо, босс.

— Шеф, давайте прокрутим его еще раз, — предложил Стэнк. — Гипноз нашего псих-доктора подействовал на меня гораздо успешнее, чем на парня. К тому же у него дикий акцент, и я опасаюсь за достоверность информации.

— Ничего подобного. У парня чистое земное произношение.

— Ну, значит, дело в моих ушах. Они подвергались вредному влиянию — я слишком долго пробыл на борту.

— Так вот почему так засорен язык ваших офицеров, — хладнокровно проговорил Брисби. — Слушайте, Стэнк, правда ли, что ваши подчиненные вынуждены записывать слова на бумажке, чтобы вы могли их понять?

— Только уроженцы Аралеши, сэр… не принимайте мои слова в свой адрес, вы сами спросили. Так, может быть, повторим? Было бы неплохо отсеять шумы.

— Ваше мнение, док?

— Хмм… пациент устал. Нельзя ли в другой раз?

— Можно. Теперь он останется у нас надолго. Ладно, будите его.

Пока Торби расправлялся с принесенными боцманом несколькими литрами кофе, подносом сандвичей и бифштексом на закуску, полковник и его помощник начисто переписали тысячи слов последнего донесения Калеки Баслима. Стэнк откинулся на спинку кресла и присвистнул.

— Можете расслабиться, шеф, эта штука будет

жечься еще пару сотен лет.

— Да, — серьезно ответил Брисби. — К тому времени успеют погибнуть немало отличных парней.

— Точно. И вы знаете, что поражает меня больше всего? Этот мальчишка-Торговец, который мотался по всей Галактике, неся в голове донесение «перед-прочтением-сжечь». Может быть, отравить его?

— И потом писать бесчисленные объяснительные?

— Ну что ж, может быть, доктор Криш сумеет стереть ему память, не прибегая к лоботомии.

— Полагаю, что, если кто-нибудь хотя бы дотронется до парня, полковник Баслим восстанет из мертвых и придушит его. Ты знал Баслима, Стэнк?

— Он читал мне курс психологического оружия в последний год обучения в Академии. И сразу после этого ушел в корпус «Икс». Самый блестящий ум, который я когда-либо встречал, — конечно, если не считать вашего, босс.

— Не напрягайся. Без сомнения, он был великолепным учителем, да и во всем остальном всегда оказывался на высоте. Но если бы ты знал его еще раньше! Мне посчастливилось служить у него в

подчинении. Даже теперь, когда я командую кораблем, я часто спрашиваю себя: «А как поступил бы на моем месте Баслим?» Он был лучшим командиром корабля из всех, у кого я служил. Тогда он уже второй раз отказывался от повышения: ему должны были присвоить маршала, но он предпочел письменному столу палубу корабля.

Стэнк покачал головой.

— А мне, вероятно, так и не дождаться того мига, когда я пересяду за стол и стану писать за ним инструкции, которые никто не будет читать.

— Ты не Баслим. Не будь его работа так трудна, он нипочем не взялся бы за нее.

— Я не герой. Я всего лишь соль земли. Скажите, шеф, вы были с ним во время спасения «Ханси»?

— Хочешь сказать, что мне бы тогда не носить нашивки? Нет, слава богу, меня тогда перевели в другое место. Баслиму пришлось сражаться врукопашную. У них там была сущая мясорубка.

— Наверное, у вас просто хватило ума не напрашиваться в добровольцы.

— Стэнк, даже такой лентяй, как ты, и тот мигом шагнул бы вперед, если бы Баслиму потребовались добровольцы.

— Я не лентяй. Просто не привык зря суетиться. Кстати, откройте мне секрет: почему десант воз-

главил сам командир корабля?

— Старик подчинялся только тем правилам, с которыми был согласен. Он хотел лично обрушиться на работорговцев, потому что ненавидел их лютой ненавистью. Он вернулся героем, и что оставалось делать Департаменту? Ждать, пока Баслим выйдет из госпиталя, чтобы отдать его под трибунал? Знаешь, Стэнк, даже отъявленные тупицы способны понять, что к чему, если их хорошенько ткнуть носом. Поэтому они сослались на «чрезвычайные обстоятельства» и определили его на должность с ограниченными обязанностями. Однако с тех пор каждый раз, когда возникают подобные «чрезвычайные обстоятельства», ни один офицер не может оправдания ради ссылаться на уставы. Приходится следовать примеру Старика.

— Только не мне, — твердо заявил Стэнк.

— И тебе тоже. Как только возникнет необходимость делать что-либо неприятное, ты будешь это делать, втягивая живот и надувая щеки, и твоя круглая упитанная физиономия станет красоваться в строю героев. И ничего ты с этим не поделаешь. Тебя будет подталкивать пример Баслима.

Они легли только на рассвете. Брисби соби-

рался поспать подольше, но, следуя старой привычке, поднялся лишь на несколько минут позже обычного. И он ничуть не удивился, застав своего заместителя, профессионального лодыря, за работой.

Полковника дожидался казначей. Он держал в руке телеграмму, и Брисби понял, в чем дело. Прошлой ночью, после того, как они просидели несколько часов, разбирая текст донесения на фразы, чтобы послать их по разным каналам, полковник вдруг вспомнил, что, перед тем как лечь спать, он должен организовать для приемного сына Баслима идентификационный поиск. Брисби вовсе не был уверен в том, что след ребенка, подобранного на Джуббуле, может отыскаться среди досье граждан Гегемонии. Но если Старик счел необходимым послать через космос свое пожелание, то, значит, он хотел именно этого, и говорить тут не о чем. Полковник Брисби испытывал к Баслиму, живому или мертвому, уважение младшего офицера к старшему. Поэтому он написал депешу и послал дежурного офицера взять у Торби отпечатки пальцев. Только после этого полковник позволил себе вздремнуть.

Брисби мельком взглянул на телеграмму.

— До сих пор не отправили? — осведомился он.

— Фотолаборатория как раз заканчивает кодировать отпечатки пальцев. Однако офицер связи распорядился передать депешу мне на подпись, поскольку ее содержание не касается корабельных служб.

— Ну так подпишите. Неужели я должен заниматься такими пустяками?

Казначей понял, что шеф опять не выспался.

— Плохие новости, шкипер.

— Выкладывай, что там у тебя.

— Я не знаю, откуда взять деньги. Сомневаюсь, что у нас найдутся средства, даже если мы сумеем обосновать требуемые расходы.

— Расходы меня не волнуют. Придумай что-нибудь и гони депешу. Пусти ее под общим кодом, каким-нибудь «ноль-ноль-и-что-там-еще».

— «Непредвиденные перерасходы на административные нужды». Не сработает, шкипер. Идентификационный поиск гражданского лица за счет корабля не спишешь. Конечно, я могу присвоить исходящий номер, и вы получите ответ, но…

— Именно этого я и хочу. Мне нужен ответ.

— Да, сэр. Однако через пару дней вся эта история достигнет ушей Центрального Ревизионного Управления, закрутится бюрократическое колесо

и выплюнет карточку с красной пометкой. Они могут заморозить мой счет до тех пор, пока я не внесу всю истраченную сумму. Таким приемом они заставляют нас выучивать законы назубок и хорошенько считать.

— Ты разрываешь мое сердце на куски. Ну ладно. Отправляй телеграмму и, если ты боишься подписывать ее, сообщи мне исходящий номер. Я подпишу запрос своим именем и званием. Идет?

— Да, сэр. Но, шкипер…

— Слушай, у меня была трудная ночь.

— Да, сэр. Однако закон требует, чтобы я давал вам советы. Разумеется, вы не обязаны к ним прислушиваться.

— Еще бы, — мрачно отозвался Брисби.

— Шкипер, вы хотя бы имеете представление о том, как дорого обходится идентификационный поиск?

— Не думаю, чтобы это было очень уж дорого. И не понимаю, чего вы так всполошились. Я хочу лишь, чтобы клерк оторвал зад от стула и порылся в архивах. Мне кажется, они постесняются присылать нам счет. Все будет сделано в порядке взаимной любезности.

— Мне бы вашу уверенность! Однако вы требуете неограниченного поиска. Поскольку вы не

назвали планету, запрос прежде всего попадет в Тихо-Сити, в архив по делам живых и умерших. Или вы желаете ограничиться только живыми?

Брисби задумался. Если Баслим считал, что Торби попал к нему из Внутренних Миров, то, вероятнее всего, его семья считает мальчика погибшим.

— Нет.

— Это уже хуже. Объем информации по умершим втрое больше, чем по живым. Так что для начала его будут разыскивать в архивах Тихо. Это отнимет немало времени даже у компьютера — ведь у них около двадцати миллиардов дел! Предположим, что вы получили нулевой результат. Тогда запрос проследует в аналогичные учреждения на всех планетах, поскольку Центральный Архив не успевает обновлять данные, а правительства многих планет вообще не высылают их. Счет будет все разбухать, особенно если сообщения пойдут по N-космосу. Полный код отпечатков пальцев занимает объем солидной книги. Разумеется, если вы запрашиваете сведения по одной планете зараз и пользуетесь обычной почтой…

— Это недопустимо.

— Ну что ж… Шкипер, а почему бы не ввести

ограничение? Скажем, тысячу кредитов… или сколько вы сможете выделить, если… я хотел сказать, «когда»… они подпишут ваши расходы.

— Тысячу кредитов? Смешно!

— Если я не прав, то ограничение не играет роли. А если прав — а я прав, — то тысячи кредитов хватит для начала, и ваша шея будет в относительной безопасности.

Брисби сердито посмотрел на него.

— Вы здесь не для того, чтобы сообщать мне, чего я не могу делать.

— Да, сэр.

— Вы здесь для того, чтобы растолковать мне, как именно я должен делать все то, что я собираюсь делать. Покопайтесь в ваших книгах и найдите способ. Законный. И чтобы не пришлось платить.

— Слушаюсь, сэр.

Брисби не сразу вернулся к делам. Он был раздражен тем, что вот уже несколько дней корабль не может стартовать из-за всевозможных бюрократических препон. Полковник готов был поспорить, что Старик ушел в корпус «Икс» с чувством облегчения. Агенты корпуса не были стеснены финансовыми ограничениями; если кто-нибудь из них считал необходимым потра-

тить какую-то сумму, он так и делал, шла ли речь о десяти кредитах или десяти миллионах. Такой уж был стиль: взять на службу человека и затем доверять ему безоговорочно. Никаких рапортов, бланков — ничего, кроме задания, которое нужно было выполнить.

Потом к Брисби поступили рапорт о загрузке топливом и инженерно-технический отчет. Отложив их в сторону, полковник достал чистый бланк депеши и составил сопроводительную записку к донесению Баслима, информируя Бюро о том, что внештатный связник, доставивший донесение, все еще находится в распоряжении отправителя и что, по мнению оного, имеется возможность получить дополнительную информацию, если отправитель будет уполномочен продолжить работу со связником по своему усмотрению.

Шкипер решил не передавать депешу шифровальщикам, открыл сейф и принялся кодировать сам. Он уже заканчивал работу, когда в дверь вновь постучался казначей. Брисби поднял глаза.

— Ну что, нашли нужный параграф?

— Кажется, да. Я поговорил со старшим офицером.

— Короче.

— Итак, у нас на борту находится некое лицо…

— Только не говорите мне, что я должен получать на это разрешение!

— Вовсе нет, шкипер. Прокормить мы его прокормим. Вы можете держать его на борту сколько угодно, и я ничего не замечу. Все идет нормально, пока не наступает время вносить расходы в официальные документы. Но скажите, как долго вы собираетесь держать его на корабле? Наверное, не день и не два — судя по тому, что вы затеяли идентификационный поиск.

Командир нахмурил брови.

— Возможно, мальчик останется здесь надолго. Для начала я хотел бы узнать, кто он и откуда. На время поиска я намерен, не внося его в судовую роль, дать парню какую-нибудь работу. Если поиск ничего не даст, что ж, я оставлю его на корабле просто так. Это трудно объяснить, но это необходимо.

— Хорошо. Так почему бы не включить его в состав экипажа?

— Что?

— И тогда все станет на свои места.

Брисби нахмурился.

— Понятно. Я могу взять его с собой на законных

основаниях… а затем передать парня кому-нибудь еще. А зачисление дало бы тебе табельный номер. Но представь себе, что мы прибудем на Шиву III, а зачисление еще не состоится. Что же, прикажешь ему просто смыться с корабля? Кстати, я отнюдь не уверен в том, что он захочет стать членом экипажа.

— Спросите его. Сколько ему лет?

— Сомневаюсь, что он сам знает. Он найденыш.

— Тем лучше. Итак, вы берете его на корабль. Затем, когда мы наконец определим, откуда он родом, вы обнаруживаете ошибку в его возрасте и исправляете ее таким образом, что он в соответствии с законами своей родной планеты становится совершеннолетним и имеет право получать плату.

Брисби моргнул.

— Неужто все казначеи такие мошенники?

— Только самые лучшие. Вам не нравится такая комбинация, сэр?

— Очень даже нравится. Хорошо, я обдумаю ваше предложение. У меня готово донесение, но мы не будем спешить с отправкой.

Казначей сделал невинное лицо.

— О нет, сэр, мы вовсе не станем его отправ-

лять.

— Почему?

— В этом не возникнет необходимости. Помимо всего прочего, мы дадим парню настоящую должность. Пошлем его данные в Бюро Кадров. Они начнут обычную проверку — имя, родная планета, скажем, Геката, поскольку мы подобрали его там. Тем временем мы будем уже далеко. Они выяснят, что мальчик там не числится. Тогда они обратятся в Бюро Безопасности, и те вышлют нам распоряжение, запрещающее упомянутому лицу нести службу на жизненно важных постах корабля. И это все, что грозит парню, ведь может оказаться и так, что эта несчастная невинная личность вообще нигде не зарегистрирована. Однако Бюро Безопасности не сможет оставить это дело просто так, и они начнут именно тот поиск, которого вы и добивались. Сначала — в Тихо, затем по всему космосу, да еще с грифом «срочно», поскольку тут замешаны соображения безопасности. Допустим, они что-то найдут. Тогда, если он не разыскивается за убийство, все ограничится обычной волокитой. Если не найдут ничего, то им придется поломать голову — регистрировать ли его или предложить ему в двадцать четыре часа покинуть пределы Галактики. Ставлю семь про-

тив двух, что они предпочтут закрыть глаза, ну разве что прикажут кому-нибудь на борту наблюдать за парнем и сообщать о его подозрительном поведении. Вся прелесть состоит в том, что поиск будет проведен за счет Бюро Безопасности.

— Вы полагаете, что у меня на корабле есть агенты Безопасности, о которых мне неизвестно?

— А вы как думаете?

— Ммм… не знаю, но будь я шефом Безопасности, я обязательно имел бы таких! К черту, если я доставлю отсюда к Кольцу гражданское лицо, об этом тоже кто-нибудь сообщит, даже если я сделаю соответствующую запись в вахтенном журнале.

— Я бы не удивился, сэр.

— Давай вали отсюда! А я вызову парня и узнаю, как он отнесется к этой идее. — Брисби нажал кнопку. — Эдди!

Вместо того чтобы вызвать Торби к себе, полковник отправил его на обследование к врачу. Не имело смысла говорить с юношей о зачислении, не узнав прежде, способен ли тот нести службу. Перед ленчем к Брисби явился майор Штейн в сопровождении капитана Кришнамурти.

— Итак?

— По состоянию здоровья мальчик годен, шки-

пер. А психолог пусть доложит свои соображения сам.

— Отлично. Кстати, сколько лет парню?

— Он сам не знает.

— Да, да, — нетерпеливо согласился Брисби. — Ну, а сами-то вы что думаете?

Доктор Штейн пожал плечами.

— А какова структура его генов? В каких условиях он рос? Не подвергался ли мутациям, влияющим на скорость развития организма? Какова сила тяжести на планете, где он жил? Метаболический индекс планеты? По внешнему виду ему можно дать и десять стандартных лет, и тридцать. Могу лишь произвольно прикинуть его возраст, исходя из предположения, что он не подвергался существенным мутациям и жил в условиях, приближающихся к земным, и вынести ничем не подтвержденное заключение, что его возраст не меньше четырнадцати и не больше двадцати двух стандартных лет. Пока женщины не научатся рожать детей, на теле которых была бы укреплена табличка, содержащая их данные, точнее сказать невозможно.

— То есть можно предположить, что ему восемнадцать?

— Ну, в общем, да.

— На том и порешим — это минимальный возраст для зачисления.

— На его коже имеется татуировка, — вмешался Кришнамурти. — Это может помочь нам. Метка раба.

— Час от часу не легче! — Брисби подумал о том, что донесение в корпус «Икс» все же придется отправить. — Датированная метка?

— Датирована только вольная, по саргонезскому времяисчислению, что подтверждает его рассказ. Клеймо работорговца. Даты нет.

— Это плохо. Ну что ж, если медицинских противопоказаний нет, я могу поговорить с ним лично.

— Полковник?

— Да, Криш?

— Я бы не рекомендовал брать его на службу.

— Что? Мне казалось, он психически не менее здоров, чем вы сами.

— Вне всяких сомнений. Но тут есть немалый риск.

— В чем же дело?

— Сегодня утром я исследовал его под легким гипнозом. Скажите, полковник, у вас когда-нибудь была собака?

— Нет. На моей родной планете они не водят-

ся.

— Очень полезные лабораторные животные, многие их характеристики аналогичны человеческим. Так вот, если вы возьмете щенка и станете бить, дразнить и унижать его, он превратится в злобного хищника. Возьмите его кровного брата, ласкайте его, разговаривайте с ним, кладите спать с собой, но тренируйте его — и получите довольное жизнью послушное домашнее животное. Возьмите из того же выводка третьего щенка, ласкайте его по четным дням и лупите по нечетным. Он будет сбит с толку и не сможет существовать ни в той, ни в другой роли; он не сможет ни одичать, ни понять, что требуется от домашнего животного. Вскоре он перестанет есть и спать, потеряет контроль над собой; лишь будет дрожать и жаться в угол.

— Хм… и часто вы, психологи, прибегаете к подобным экспериментам?

— Лично мне не доводилось. Но в литературе такие опыты описаны… и в случае с этим молодым человеком можно провести кое-какие параллели. В детстве, когда его личность только формировалась, мальчику довелось перенести целый ряд травматических воздействий, последнее из которых случилось с ним лишь вчера. Он

растерян и подавлен. Как собака, он готов в любой момент огрызнуться и укусить. Его ни в коем случае нельзя подвергать дальнейшим испытаниям; его нужно окружить заботой и доставить в клинику, где ему окажут психотерапевтическую помощь.

— Фф-у!

Офицер-психолог пожал плечами. Брисби поспешил извиниться:

— Прошу прощения, доктор. При всем уважении к вашему профессионализму я осведомлен об этом случае гораздо больше вас. Два последних года мальчик находился в превосходных условиях. — Брисби вспомнилось трогательное прощание, невольным свидетелем которого он был. — А до тех пор он жил на попечении полковника Ричарда Баслима. Слышали о таком?

— Я знаю, какой репутацией он пользовался.

— Я готов рискнуть своим кораблем и держать пари, что Баслим не причинил мальчику ни малейшего зла. Да, парню пришлось перенести тяжелые времена. Но его воспитал самый сильный, разумный и гуманный человек из всех, кто когда-либо носил нашу форму. Вы приводите в пример своих собак. Я — полковника Ричарда Баслима. Итак… вы советуете мне зачислить его?

Психолог колебался. Брисби вновь спросил:

— Итак?

— Не обижайтесь, Криш, — вмешался майор Штейн, — но я совершенно не согласен с вами.

— Чтобы принять решение, — сказал Брисби, — мне нужен прямой ответ.

Доктор Кришнамурти медленно произнес:

— Мне кажется, я могу констатировать, что серьезных оснований для отказа в зачислении нет, но все же я должен изложить свое мнение в его медицинском свидетельстве.

— Зачем?

— Совершенно очевидно, что вы хотите зачислить парня. Но если он что-нибудь натворит, моя запись поможет ему избежать трибунала, все ограничится отставкой по состоянию здоровья.

Полковник Брисби хлопнул его по плечу.

— Ну вот и хорошо, Криш! Джентльмены, на этом наше совещание закончено.

Торби провел беспокойную ночь. Боцман разместил его в помещении старших офицеров, и члены экипажа отнеслись к нему хорошо. Однако юношу привела в замешательство та подчеркнутая вежливость, с которой окружающие отводили взгляд от яркой формы «Сизу». До сих пор он с гордостью ощущал, как ладно сидит на

нем одежда; теперь же он с грустью понял, что всякое одеяние имеет двоякое значение. Ночью, прислушиваясь к храпу, доносившемуся со всех сторон — чужие, фраки, — он мечтал вернуться к Людям, которые его понимали и считали своим.

Ворочаясь на жесткой койке, он думал о том, кому достанется его место на «Сизу»?

И живет ли сейчас кто-нибудь в той каморке, которую он по-прежнему именовал домом? Починил ли новый жилец дверь, содержит ли комнаты в чистоте и порядке, как отец? И что он сделал с папиным протезом?

Засыпая, он видел перед собой и «Сизу», и Баслима, и видения смешивались. Наконец, когда перед ним поплыли обезглавленная бабушка и летящий наперерез пират, папа прошептал: «Больше не будет плохих снов, Торби. Никогда. Только хорошие сны».

И только тогда он заснул спокойно — и проснулся в этом ужасном месте, наполненном болтовней фраки. Завтрак оказался сносным, но ему было далеко до стандартов тетки Афины; однако Торби не хотел есть.

После завтрака ему довелось в полной мере ощутить свое бедственное положение. Ему велели раздеться и подвергли унизительному

осмотру. Впервые Торби столкнулся с тем, как бесцеремонно медики могут обходиться с человеческим телом, — а он терпеть не мог, когда его тыкают и щупают.

И когда командир послал за Торби, тот уже не испытывал радости от того, что увидится с человеком, который знал отца. Именно в той каюте он прощался с Краузой, и это помещение рождало у него неприятные воспоминания.

Он бесстрастно выслушал объяснения Брисби, чуть-чуть оживившись только после того, как понял, что ему будет присвоен статус — не очень высокий, догадался он. Но тем не менее. У фраки тоже существовало это понятие, но ему не приходило в голову, что оно может иметь значение даже для них самих.

— Тебя никто не принуждает, — заключил Брисби, — но это значительно облегчило бы выполнение воли Баслима — я имею в виду, найти твою семью. Тебе ведь тоже этого хочется, не так ли?

Торби едва не выпалил, что знает, где его семья. Но он тут же сообразил, что имеет в виду Брисби: его кровных родственников, существования которых Торби даже не мог себе представить. Да и были ли у него кровные родственники?

— Полагаю, да, — медленно проговорил он. — Точно не знаю.

— Ммм… — Брисби подумал о том, каково приходится картине, потерявшей свою раму. — Полковник Баслим очень настоятельно просил меня найти твою семью. Мне будет проще это сделать, если ты официально станешь членом моего экипажа. Ну? Гвардеец третьего класса… оклад тридцать кредитов в месяц, еды до отвала, а спать — сколько получится. И еще слава. В общем, немного.

Торби поднял глаза.

— Скажите, это та же Сем… — та же служба, в которой был мой отец? Полковник Баслим, вы его так называете? Он служил здесь?

— Да. Он занимал гораздо более высокий пост, чем я предлагаю тебе. Но служба — та же самая. Мне кажется, ты хотел сказать «семья». Мы считаем свою службу одной большой семьей. Полковник Баслим был одним из самых уважаемых ее членов.

— Тогда я хочу, чтобы меня приняли.

— Зачислили.

— Да, сэр.

Глава 16

При более близком знакомстве фраки оказались неплохим народцем.

У них был свой тайный язык, хотя сами они полагали, что разговаривают на интерлингве. Прислушиваясь к их речи, Торби обогатил свой словарный запас несколькими сотнями существительных и парой десятков глаголов. Он обнаружил, что окружающие с уважением относятся к тем световым годам, которые он намотал в космосе в бытность свою Торговцем. Впрочем, Людей тут считали несколько странными. Торби не спорил: фраки в этом не разбирались.

Поднявшись с Гекаты, «Гидра» отправилась к мирам Кольца. Перед самым стартом пришел денежный перевод, к которому суперкарго «Сизу» приложил бумагу, гласящую, что это — одна восемьдесят третья часть доходов звездолета, полученных по пути от Джуббулпора до Гекаты. Словно он девушка, которую собираются выдать замуж, подумалось Торби. Сумма была велика до неприличия, тем более что в бумаге Торби не нашел упоминания о вычете своей части общей стоимости корабля, которое, он это чувствовал,

должно было бы там присутствовать, чтобы расчеты были справедливыми. А здесь все выглядело так, будто он — не уроженец корабля. Жизнь среди Людей научила нищего мальчишку смотреть на деньги с такой стороны, с какой он никогда не увидел бы их, собирая подаяние. В бухгалтерских книгах должен быть порядок, а долги надо платить.

Он спросил себя, что бы сказал Баслим, увидев такую кучу денег. Торби почувствовал изрядное облегчение, узнав, что может сдать их на хранение казначею.

Вместе с деньгами прибыла записка с несколькими теплыми словами и пожеланием удачи, куда бы судьба ни забросила Торби, подписанная: «С любовью. Мать». От этих слов Торби сперва приободрился, но потом почувствовал себя еще хуже.

Фриц прислал пакет с личными вещами Торби, вложив в него листок со словами: «Дорогой брат, о последних событиях толком никто ничего не знает, но на нашей старой посудине царит напряженность. Не будь это немыслимо, я бы сказал, что старшие члены Семьи разошлись во мнениях. Что же до меня, то я не имею никаких суждений и хочу лишь сказать, что уже скучаю

по твоей наивной болтовне и вечно смущенной физиономии. Не грусти и не забывай считать сдачу. Кстати, пьеса имела головокружительный успех. Лоан — просто прелесть. Фриц».

Прибывшие с «Сизу» пожитки Торби запихал подальше: теперь, когда он стал гвардейцем, они смущали его. Он выяснил, что Гвардия не была замкнутым обществом вроде Людей, и для того, чтобы стать гвардейцем, не требовалось никакого чуда: если человек соответствовал предъявляемым требованиям, никто не спрашивал его о том, откуда он прибыл и кем был раньше. «Гидра» набирала экипаж на многих планетах, этой цели служили компьютеры Бюро Кадров. Торби видел вокруг себя высоких и маленьких, костлявых и дородных, лысых и волосатых, людей с признаками мутации и без таковых. Сам Торби был близок к норме, а его привычки, вынесенные им из мира Вольных Торговцев, воспринимались окружающими как безобидная эксцентричность; хотя Торби попал на борт недавно, он не был новичком в космосе.

В сущности, от остальных его отличало лишь то, что он был новобранцем. Звание «гвардеец третьего класса» — это все, на что мог рассчитывать необученный новичок до тех пор, пока не

проявит себя, к тому же Торби не проходил даже начальной подготовки.

Однако его положение было ничуть не хуже, чем у любого новобранца, только что вставшего под знамена корпуса. Он получил койку, место за столом, служебные обязанности, и младший офицер говорил ему, что он должен делать. Торби мыл палубу, а во время тревоги, если отказывала связь, должен был исполнять роль вестового офицера-оружейника. Это значило, что его можно послать за чашкой кофе.

В целом его жизнь на корабле была относительно спокойной. Торби разрешалось участвовать в общем разговоре после того, как выскажутся старшие; когда за карточным столом не хватало партнеров, его приглашали участвовать в игре; он пользовался привилегией одалживать старшим носки и свитера, если у них возникла такая нужда. Торби уже умел подчиняться; это оказалось совсем нетрудно.

«Гидра» заступила на боевую вахту; разговоры в столовой крутились вокруг возможной «охоты». Корабль мог развивать ускорение в триста единиц и вступал в бой с пиратами в тех случаях, когда «Сизу» постарался бы избежать встречи с рейдером. Хотя «Гидра» имела многочисленный

экипаж и тяжелое вооружение, большую часть корабля занимали энергоустановки и топливные баки.

Стол, за которым сидел Торби, возглавлял младший офицер, артиллерист второго класса Пибби по кличке Децибел. Как-то раз во время обеда, когда все вокруг обсуждали, пойти ли после еды в библиотеку или в кают-компанию на стереофильм, Торби, погруженный в свои раздумья, услышал свое прозвище:

— Верно, Торговец?

Торби гордился своим прозвищем, но ему не нравилось, когда его произносил Пибби: тот самодовольно считал себя великим остряком и любил заботливо осведомиться: «Как дела?», сопровождая вопрос таким жестом, будто считает деньги. До сих пор Торби старался не обращать на него внимания.

— Что «верно»?

— Слушай, а не прочистить ли тебе уши? Или ты вообще не способен слышать ничего, кроме звона и хруста? Я рассказывал ребятам о нашей беседе с офицером-оружейником: чтобы чаще ловить пиратов, нужно гоняться за ними, а не прикидываться Торговцем, слишком трусливым, чтобы сражаться, и слишком жирным, чтобы

убегать.

Торби еле сдерживал гнев.

— Кто сказал, будто Торговцы слишком трусливы, чтобы вступать в бой?

— Брось трепаться! Кто хоть раз слышал, чтобы Торговец уничтожил пирата?

В общем-то Пибби говорил правду: Торговцы предпочитали не распространяться о своих победах. Но Торби еще больше разозлился.

— Я, например.

Он хотел сказать, что слышал о том, как Торговцы взрывали пиратов; Пибби же воспринял его слова как похвальбу.

— Ты? Неужели? Послушайте, ребята, да наш коробейник, оказывается, герой! Он поджег пирата своими собственными маленькими ручонками! Ну, так расскажи нам. Ты подпалил его волосы? Или подсыпал известку ему в пиво?

— Я работал, — ответил Торби, — с одноэтапным поисковиком «Марк XIX» производства Бетельхейм-Антареса, вооруженным двадцатимегатонной плутониевой боеголовкой. Я поймал цель по прицельному лучу с упреждением.

Воцарилась тишина. Наконец Пибби холодно осведомился:

— Где ты об этом прочитал?

— На ленте, записанной во время боя. Тогда я был старшим бортовым стрелком. Корабельный компьютер вышел из строя, и я точно знаю, что пирата поразил мой выстрел.

— Так он офицер-артиллерист! Кончай трепаться, Торговец!

Торби пожал плечами.

— Я и был им. Точнее, офицером-стрелком. Собственно ракетами я не занимался.

— Скромничаешь, Торговец! Болтать легко.

— Тебе лучше знать, Децибел.

Услышав свое прозвище, Пибби задохнулся от возмущения: Торби не имел права позволять себе такую фамильярность. Из угла послышался другой голос, весело заявивший:

— Это уж точно, Децибел, болтать легко. А расскажи-ка нам о схватках, в которых участвовал ты сам. Ну, давай!

Говоривший не имел звания; он служил в штабе писарем и не боялся раздражения Пибби.

Пибби сверкнул глазами.

— Хватит болтать! — рявкнул он. — Баслим, я жду тебя в восемь ноль-ноль в боевой рубке. Там мы посмотрим, какой из тебя стрелок.

Торби вовсе не горел желанием испытывать свои силы: он ничего не знал о вооружении «Гид-

ры». Однако приказ есть приказ, и в назначенное время он предстал перед ухмыляющимся Пибби.

Но ухмыляться тому пришлось недолго. Аппаратура «Гидры» не имела ничего общего с компьютерами «Сизу», но принципы стрельбы были теми же самыми, и старший сержант-оружейник (кибернетист) подтвердил, что бывший Торговец знает, как стрелять. Он постоянно искал таланты, а люди, способные рассчитывать траектории ракеты в сумасшедшей обстановке боя на субсветовых скоростях, встречаются среди гвардейцев так же редко, как и среди Торговцев.

Он расспросил Торби о компьютерах, на которых тот работал, и покачал головой.

— Эту систему я видел только на сдвоенных установках производства Дюссельдорфа; используемые там принципы уже давно устарели. Но уж коли ты сумел поразить цель с помощью такого барахла, то мы найдем тебе применение. — Сержант обернулся к Пибби: — Спасибо, Децибел. Я сам сообщу офицеру-оружейнику. Баслим, ты остаешься здесь.

— У него есть работа, сержант, — возмутился Пибби.

Сержант Лютер лишь пожал плечами.

— Доложи начальству, что Баслим переведен

ко мне.

Торби был поражен, услышав, как прекрасное оборудование «Сизу» называют барахлом. Но уже очень скоро он понял, что имел в виду Лютер: чудовищный боевой мозг «Гидры» был настоящим гением среди компьютеров. В одиночку Торби ни за что не управился бы с ним — вскоре его назначили артиллеристом третьего класса (кибернетистом), что в определенной степени избавляло его от придирок Пибби. Только теперь он начал чувствовать себя настоящим гвардейцем, пусть еще и самым молодым, но все же признанным членом команды.

«Гидра» шла на сверхсветовой скорости к планете Ультима Туле системы Кольца, где она должна была заправиться и начать поиск пиратов. Никаких сведений о личности Торби пока не поступало, и он должен был довольствоваться своим статусом в команде, в которой служил и его отец. Торби было лестно думать о том, что Баслим мог бы гордиться им. Юноша скучал по «Сизу», однако в корабле, на котором не было женщин, жить было гораздо проще, и дисциплина на «Гидре» была не столь жесткой, как на Вольном Торговце.

Однако полковник Брисби не давал Торби за-

бывать, с какой целью его зачислили в экипаж. Между командиром и новобранцами огромная дистанция, и те смели поднять на шкипера глаза лишь во время инспекции. Тем не менее Брисби регулярно посылал за Торби.

Брисби получил из корпуса «Икс» полномочия обсудить донесение Баслима с его связником, не забывая, впрочем, о высшей степени секретности. Полковник вновь вызвал Торби к себе.

Юноше впервые довелось выслушать строжайшее предупреждение о необходимости сохранения тайны. Брисби внушал ему, что излишняя разговорчивость может повлечь за собой самое тяжелое наказание, какое только способен наложить трибунал.

— Однако главное не в этом. Мы должны быть уверены, что такой вопрос даже не возникнет. Иначе нам не о чем говорить.

Торби замялся.

— Откуда мне знать, что я должен держать рот на замке, если я даже не понимаю, о чем именно я должен молчать?

— Я могу приказать тебе, — раздраженно произнес Брисби.

— Да, сэр. И я отвечу: «Есть, сэр!» Но убедит ли это вас в том, что я не рискну предстать перед

трибуналом?

— Но… Тьфу, черт! Я собираюсь говорить с тобой о работе полковника Баслима. И нечего тут распускать язык, понял? Иначе я разорву тебя на кусочки вот этими руками! И ни одному сопляку я не позволю валять дурака, если речь идет о работе Старика!

Торби с облегчением перевел дух.

— Почему вы не сказали об этом сразу, шкипер? Я не позволю себе проронить ни слова, если речь идет об отце — ведь это было первое, чему он меня научил.

— Вот как? — Брисби улыбнулся. — Впрочем, я мог догадаться сам. Ладно.

— Ну, а с вами-то, — задумчиво проговорил Торби, — можно об этом говорить?

Брисби растерялся.

— Я не понимал, что эта тема — палка о двух концах. Но это так. Я могу показать депешу из корпуса, предписывающую мне обсудить с тобой донесение Баслима. Это тебя убедит?

Брисби с иронией подумал о том, что сейчас ему придется показывать депешу с грифом «Совершенно секретно» самому младшему члену своего экипажа, — депешу, которая убедила бы новобранца в том, что капитан судна имеет право

с ним поговорить. Однако сейчас это казалось самым разумным. До сих пор полковник даже представить себе не мог, что попадет в такое положение.

Торби прочел депешу и кивнул.

— Готов ответить на любой ваш вопрос. Я думаю, отец согласился бы.

— Отлично. Ты знал о том, чем он занимался?

— Ну… и да и нет. Кое-что я видел. Я знаю, чем именно он интересовался, потому что он заставлял меня наблюдать и запоминать. Я передавал его послания, и каждый раз они были совершенно секретны. Но я так и не понял почему. — Торби нахмурился. — Мне сказали, что он шпион.

— «Сотрудник разведывательной службы» звучит лучше.

Торби пожал плечами.

— Если бы он шпионил, он так бы и говорил. Отец не обращал внимания на слова.

— Да, он не обращал внимания на слова, — согласился Брисби, вспоминая о тех сокрушительных головомойках, которые Баслим некогда задавал ему. — Давай-ка я объясню тебе. Ммм… ты знаешь историю Земли?

— Самую малость.

— История Земли — это история человеческой

расы в миниатюре. Задолго до начала космической эры, когда мы еще не заполонили планету, уже тогда существовали неосвоенные территории. Каждый раз, когда открывали новые земли, действовали три тенденции: впереди шли торговцы, желавшие попытать счастья, за ними бандиты, нападавшие на честных людей, а потом шел поток рабов. То же самое происходит и сегодня, когда мы прорываемся сквозь космос вместо того, чтобы осваивать океаны и прерии. Приграничные Торговцы — это искатели приключений, идущие на большой риск ради больших прибылей. Преступники — будь то грабители с большой дороги, морские пираты или космические рейдеры — появляются всюду, где нет полиции. И те и другие — временное явление. Работорговля — совсем другое дело. Это самая ужасная из привычек человечества, и с ней труднее всего покончить. На каждой новой территории она воссоздается вновь, и корни ее вырвать очень нелегко. Стоит лишь какой-либо культуре заболеть этим недугом, и работорговля утверждается в экономической системе, в законах, в повседневных привычках и отношениях людей. Ее запрещают, пытаются подорвать ее устои, но она, словно сорняк, готова вновь прорасти в мышлении людей,

считающих рабовладение своим «естественным» правом. Спорить с ними бесполезно: таких людей можно лишь устранить, но изменить их натуру невозможно.

Брисби вздохнул.

— Видишь ли, Баслим, Гвардия — это лишь полицейская и почтовая служба; уже два столетия Галактика не знает крупных войн. В наши обязанности входит невыполнимая по своей сути задача поддержания порядка на окраинах цивилизованного мира, на границе сферы диаметром около трех тысяч световых лет — никто даже представить не может себе, как велико это пространство. Человечество не в силах обеспечить его охрану. Протяженность границ растет с каждым годом. Полиция планет порой добивается успехов, но что касается нас, то чем дальше, тем больше проблем. Для большинства из нас это работа, благородная работа, но конца ей не видно.

Однако для полковника Ричарда Баслима это было страстью. Особенно он ненавидел торговлю людьми, сама мысль о которой приводила его в неописуемую ярость, — я сам тому свидетель. Он потерял ногу и глаз — я думаю, ты знаешь об этом, — спасая людей, захваченных кораблем работорговца. Многие офицеры сочли бы свой долг

исполненным и отправились домой на заслуженный отдых. Но только не наш старый служака! Несколько лет он преподавал в Академии, затем попросился в тот единственный корпус, который мог принять его, как бы сильно он ни был изувечен, и предложил свой план.

Девять Миров — это становой хребет работорговли. Саргон колонизирован достаточно давно и, после того как получил самостоятельность, не признает Гегемонию. В Девяти Мирах не соблюдаются права человека, да они и не собираются их соблюдать. Так что нам путь туда заказан, а они не могут посещать наши миры.

Полковник Баслим решил, что мы сумеем сделать торговлю людьми невыгодной, если узнаем, каков ее механизм на Саргоне. Он понимал, что работорговцы должны иметь суда, базы, рынки сбыта и что это не подпольная деятельность, а вполне легальный бизнес. И он решил отправиться туда изучать его на месте.

Это была абсурдная затея — один человек против целой империи… однако корпус «Икс» как раз такими задачами и занимается. Но даже и они не могли бы послать туда Баслима, если бы он не предложил способа переправлять с Саргона свои донесения. Агент, находящийся в Девяти Мирах,

лишен возможности передвижения, не может он воспользоваться и почтовой связью, поскольку между нами и ими нет почтовых путей, и уж, конечно, абсолютно невозможно связываться через N-космос. Это было бы еще заметнее, чем духовой оркестр.

Но у Баслима была идея. Единственные, кто посещает и нас, и Девять Миров, — это Вольные Торговцы. Однако они бегут от политики как от огня — полагаю, ты знаешь об этом не хуже меня, — и всеми силами стараются не нарушать местных обычаев. Но у Баслима с ними установились особые отношения.

Я думаю, ты знаешь, что те люди, которых он спас, были именно Торговцами. Баслим сообщил в корпус «Икс», что имеет возможность передавать донесения через своих друзей. И ему разрешили попробовать. По-моему, никто даже не догадывался, что он захочет избрать для прикрытия личину нищего; сомневаюсь, чтобы он планировал такое заранее, но Старик был великим импровизатором. Как бы то ни было, он обосновался на Саргоне, годами вел наблюдение и слал свои сообщения.

Это все, что было известно до сих пор, и я хотел бы выжать из тебя все, что знаешь ты. Ты можешь

рассказать нам о методах его работы. В первом отправленном мной сообщении нет ни слова о методах. Другие агенты могли бы использовать его опыт.

— Я расскажу вам все, что знаю, — грустно ответил Торби. — Но мне известно немногое.

— Ты знаешь больше, чем думаешь. Попробуем вытащить содержимое твоей памяти под гипнозом.

— Все, что угодно, если это поможет делу отца.

— Поможет. И вот еще что… — Брисби пересек кабинет и вернулся, держа в руках лист бумаги, на котором был изображен силуэт звездолета. — Что это за корабль?

Торби вытаращил глаза.

— Саргонезский крейсер.

Брисби показал другой листок.

— А это?

— Хм… похож на работорговца, который садится в Джуббулпоре дважды в год.

— Ничего подобного! — яростно воскликнул Брисби. — Это картинки из наших архивов, тут изображены корабли, построенные нашей крупнейшей верфью! И если ты их видел в Джуббулпоре, то эти корабли — копии либо куплены у нас!

Торби задумался.

— Они сами строят свои корабли.

— Да, мне так и говорили. Но полковник Баслим передавал нам серийные номера судов — одному богу известно, как он добывал эти сведения; может быть, ты догадаешься. Он утверждает, что работорговцы получают поддержку из наших миров! — с невыразимым отвращением произнес Брисби.

Торби регулярно посещал рубку — иногда для того, чтобы встретиться с Брисби, порой — чтобы подвергнуться расспросам под гипнозом, проводимым доктором Кришнамурти. Брисби каждый раз напоминал, что идентификационный поиск продолжается, и внушал мальчику, что тот не должен падать духом: установление личности может занять много времени. Постоянные упоминания изменили отношение Торби к поиску. Раньше он считал его чем-то бесполезным, теперь же думал о нем как о вполне реальном деле, могущем уже очень скоро принести ощутимые результаты. Торби даже начал задумываться о своей семье, гадал, кем был он сам, — как было бы здорово узнать это, стать таким же, как все прочие люди.

Брисби был гораздо менее оптимистичен: в

день старта с Гекаты он получил инструкцию не допускать Торби к работе на жизненно важных участках. Полковник надеялся, что поиск сразу даст положительный результат, и держал это известие при себе, так как был непоколебимо уверен, что Баслим никогда не ошибается и вскоре все прояснится.

Когда Торби перевели в боевую рубку, Брисби вспомнил о предписании и забеспокоился: то был «секретный» отсек, закрытый для посетителей. Полковник успокоил себя мыслью, что непосвященный не сможет увидеть там ничего, что могло бы повлиять на безопасность судна, и, кроме того, парень имел отношение к куда более щекотливым делам. Брисби понимал, что ему удалось узнать очень важные вещи, — например, о том, как Старик использовал в целях конспирации личину одноногого попрошайки, причем и взаправду вел жизнь нищего: он и мальчик жили только на подаяния. Брисби восхищался его способностью к перевоплощению: это была прекрасная школа для других агентов.

Однако Старик всегда был неподражаем.

Поэтому Брисби допустил Торби к боевым вахтам. Он не стал официально оформлять перевод, чтобы не пришлось докладывать об этом в Бюро

Кадров. И с нетерпением ждал сообщения о личности мальчика.

Когда оно прибыло, Брисби совещался с заместителем. Документ был зашифрован, однако Брисби тут же разглядел номер, присвоенный Торби: он сам много раз писал его, отправляя депеши в корпус «Икс».

— Смотри-ка, Стэнк! Здесь говорится о том, кто такой наш найденыш. Подай-ка машинку: сейф открыт.

Через десять минут сообщение было расшифровано. Текст гласил:

ПОЛНЫЙ
ИДЕНТПОИСК ТОРБИ БАСЛИМ GDSMN-3 РЕЗУЛЬТАТ НУЛЕВОЙ ПЕРЕДАТЬ В РАСПОРЯЖЕНИЕ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ ГЕКАТЫ

— Стэнк, что за ерунда?

Помощник пожал плечами.

— Так уж легли кости, босс.

— У меня такое ощущение, будто я обманул Старика. Он был уверен, что у мальчишки есть гражданство.

— Не сомневаюсь, что многим миллионам граждан приходится тратить массу времени,

чтобы подтвердить свою личность. Возможно, полковник Баслим был прав, но сейчас это невозможно доказать.

— У меня и в мыслях нет передавать куда-то парня. Я чувствую себя ответственным за него.

— Вы ни в чем не виноваты.

— Ты никогда не служил с Баслимом. Помогать ему было сущим удовольствием… Единственным его требованием была стопроцентная надежность. И мне кажется, что я не оправдал его надежд.

— Не стоит упрекать себя. Вы должны подчиниться предписанию.

— Ничего, мы еще поборемся! Эдди! Пригласи ко мне стрелка Баслима!

Торби заметил, что шкипер мрачен, — но он нередко бывал не в духе.

— Стрелок третьего класса Баслим по вашему приказанию прибыл!

— Торби…

— Да, сэр?

Торби удивился: до сих пор шкипер называл его по имени только во время сеансов гипноза.

— Пришло сообщение о результатах поиска.

— Как? — от неожиданности Торби забыл о правилах обращения к старшему по званию. Он

ощутил прилив радости: наконец-то он узнает, кто он такой!

— Они не смогли идентифицировать тебя. — Брисби помолчал и отрывисто спросил: — Понимаешь?

Торби сглотнул застрявший в горле комок.

— Да, сэр. Они не знают, кто я такой. Я… никто.

— Ничего подобного! Ты остался тем, кем был.

— Да, сэр. Это все? Я могу идти?

— Минутку. Я должен доставить тебя на Гекату, — и, увидев выражение лица юноши, торопливо добавил: — Но ты не беспокойся. Скорее всего они позволят тебе продолжить службу, если ты изъявишь желание. В конце концов, они ничего не имеют против тебя, ты не сделал ничего плохого.

— Да, сэр, — удрученно проговорил Торби.

Никто и ничто… Торби ослепило внезапное видение старого, старого кошмара: он стоит на платформе, слушая, как аукционист во весь голос расписывает его, и видя устремленные на него холодные глаза. Но он взял себя в руки и до конца дня не произнес ни слова. И лишь в темном кубрике он вцепился зубами в подушку и прошептал, глотая слезы: «Папа… Ох, папа!»

Форменные брюки прикрывали его ноги, но

в душевой Торби никак не мог скрыть татуировку на левом бедре. Он, нимало не смущаясь, объяснял любопытствующим, что она означает. Реакция людей варьировала от любопытства, легкого недоверия до удивления тем, что на корабле имеется человек, прошедший через такие испытания — пленение, торги, рабство, — и невероятным, чудесным образом вновь обретший свободу. Большинство гражданских даже не подозревали, что рабство до сих пор существует; гвардейцы кое-что знали об этом.

Татуировка никого не шокировала.

На следующий день после поступления сообщения о нулевом результате поиска Торби столкнулся в душе с Децибелом. Юноша не проронил ни слова: он сторонился Пибби, хотя они и сидели за одним столом. Но сейчас Пибби сам заговорил с Торби:

— Привет, Торговец!

— Здравствуй, — ответил Торби, откручивая кран.

— Что у тебя на ноге? Грязь?

— Где?

— На бедре. Стой спокойно. Дай я посмотрю.

— Убери свои лапы.

— Не будь таким неженкой. Повернись к свету.

Что это такое?

— Метка раба, — вежливо пояснил Торби.

— Правда? Так ты раб?

— Был им.

— Тебя держали в кандалах? Может быть, ты даже целовал хозяйскую ногу?

— Отстань!

— Вы только послушайте его! Знаешь что, мальчик-Торговец? Я думаю, ты сам нарисовал эту печать, чтобы все об этом говорили. Так же, как о том, что ты спалил пиратский корабль.

Торби прикрыл кран и вышел.

За обедом, черпая из миски картофельное пюре, он слышал голос Пибби, но, как всегда, пропускал мимо ушей его бесконечную болтовню. А Децибел все не унимался:

— Эй, раб! Брось свою картошку! Не делай вид, будто не слышишь! Прочисть уши!

Торби послал миску с картошкой по самой короткой траектории, и ее содержимое вошло в прямой контакт с физиономией Децибела.

Выдвинутое против Торби обвинение гласило: «Оскорбление старшего по званию во время рейса на корабле, находящемся в состоянии боевой готовности». Пибби выступил и свидетелем, и пострадавшим.

Полковник Брисби сидел, вперив взор в крышку стола, и на его скулах ходили желваки. Он выслушал заявление Пибби:

— Я просил его передать пюре… а он залепил мне его прямо в лицо.

— И все?

— Ну, сэр… может быть, я обратился к нему не очень вежливо. Но это же не причина…

— Делать выводы я буду сам. Драка имела продолжение?

— Нет, сэр. Нас разняли.

— Отлично. Баслим, хотите что-нибудь добавить?

— Нет, сэр.

— Все было именно так?

— Да, сэр.

Брисби продолжал играть желваками и молча размышлял. Он был полон гнева, чувства, которого не мог себе позволить, находясь при исполнении служебных обязанностей, поэтому заставил себя успокоиться. Нет, тут что-то не так.

Он решил повременить с принятием решения.

— Отойдите назад. Полковник Стэнк…

— Да, сэр?

— Там были и другие. Я хотел бы выслушать и их тоже.

— Они ждут вызова, сэр.

— Очень хорошо.

Торби был приговорен к трем дням карцера на хлебе и воде с отсрочкой исполнения на тридцать суток и разжалованию.

Против Пибби было выдвинуто обвинение в «подстрекательстве к бунту с использованием оскорбительных выражений, относящихся к расе, месту рождения другого гвардейца и прочим обстоятельствам, предшествовавшим вступлению его в должность на борту корабля, находящегося…» — и так далее. Приговор гласил: «Три дня карцера на хлебе и воде, с отсрочкой на девяносто дней, понижение в звании на одну ступень».

Брисби в сопровождении помощника вернулся в свой кабинет. Лицо полковника было хмуро: разбирательство вывело его из себя. Стэнк сказал:

— Хуже всего, что ты наказал мальчишку Баслима. Мне кажется, он был прав.

— Согласен. Однако «подстрекательство» не оправдывает самого бунта.

— Разумеется. Но характер Пибби не нравится и мне. Я хотел бы присмотреться, соответствует ли он занимаемому посту.

— Ну что ж, займись этим. Но, черт побери, мне

кажется, что я и сам замешан в этом деле.

— Каким же образом?

— Два дня назад мне пришлось рассказать Баслиму о том, что его не смогли идентифицировать. Он вышел отсюда в шоке. Надо было послушаться психолога. Парень перенес тяжелые испытания и теперь не способен верно реагировать на правильные — я хотел сказать, неправильные — раздражители. И я рад, что дело ограничилось пюре и не дошло до поножовщины.

— Ну, босс! Едва ли можно убить миской картошки!

— Тебя не было здесь в тот момент, когда я сообщил мальчику о неудаче поиска. Торби решил, что теперь он никто. Эта мысль очень больно ранила его.

На пухлое лицо Стэнка легла тень задумчивости.

— Босс, сколько лет было мальчику, когда его захватили в плен?

— Криш считает, около четырех.

— Скажите, шкипер, в каком возрасте у вас взяли отпечатки пальцев, определили группу крови, сфотографировали глазное дно и так далее?

— Как только я пошел в школу.

— И у меня тоже. Но готов спорить, на многих

планетах эти данные снимаются еще позже.

Брисби моргнул.

— Так вот почему у них нет ничего о Баслиме?

— Возможно. А вот на Рифе ребенка идентифицируют сразу после рождения.

— И у нас тоже. Но…

— Да, да, это общее правило. Но как?

Брисби побледнел и грохнул кулаком по столу.

— Отпечатки ступней! А мы их не выслали, — и рявкнул в микрофон: — Эдди! Баслима ко мне, немедленно!

Торби с мрачной миной на лице спарывал шевроны, которые с таким удовольствием носил, увы, недолго. Он был потрясен этим безапелляционным решением. Но, услышав приказ, он поспешил исполнить его.

Брисби бросил на него короткий взгляд.

— Баслим, снять обувь!

— Сэр?

— Снять обувь!

Через сорок восемь часов из Бюро Кадров поступил ответ на депешу Брисби, дополненную отпечатками ступней. «Гидра» получила его во время завершающего этапа пути к Ултима Туле. Полковник расшифровал сообщение лишь после того, как корабль благополучно опустился на

поверхность планеты.

Он прочел:

ГВАРДЕЕЦ
ТОРБИ БАСЛИМ ИДЕНТИФИЦИРОВАН КАК ПРОПАВШИЙ ТОР БРЕДЛИ РАДБЕК С ЗЕМЛИ НА ГЕКАТУ НЕ ПЕРЕСЫЛАТЬ ОТПРАВИТЬ НА ТЕРРУ ПОВТОРЯЮ КАК МОЖНО БЫСТРЕЕ ОТОСЛАТЬ НА ТЕРРУ

Брисби прищелкнул языком.

— Полковник Баслим никогда не ошибался — мертвый или живой.

— Босс…

— Да?

— Прочитайте еще раз. Обратите внимание на то, кто он.

Брисби перечитал сообщение и сдавленным голосом произнес:

— Ну почему такие истории случаются именно с «Гидрой»? — И крикнул, распахнув дверь: — Эдди!

Торби пробыл на прекрасной Ультима Туле всего лишь два часа двадцать семь минут. Пройдя в космосе триста световых лет, из всех прелестных пейзажей планеты он увидел лишь кусок летного поля между «Гидрой» и почтовым курье-

ром Гвардии «Ариэль». Через три недели Торби прибыл на Терру. Он был совершенно ошеломлен и подавлен.

Глава 17

Милая Терра, Матерь миров! Какой поэт, посчастливилось или нет ему посетить Землю, не пытался передать тоску человечества по своей колыбели… ее свежие зеленые холмы, гряды облаков, безбрежные океаны, ее чарующее материнское тепло!

Торби впервые увидел легендарную Терру на экране почтового курьера «Ариэль». Капитан Гвардии Н'Ганга прибавил усиления и показал юноше остроконечные вершины египетских пирамид. Торби не знал об их историческом значении и уставился в другое место экрана. Однако ему понравилось смотреть на планету из космоса: он впервые удостоился такой привилегии.

На «Ариэле» было довольно скучно. Почтовый корабль — одни лишь двигатели и топливные баки и очень мало жизненного пространства — управлялся тремя инженерами и тремя астронавигаторами; они либо несли вахту, либо спали. Поначалу к Торби отнеслись прохладно — капитан Н'Ганга был раздосадован указанием «подождать пассажира» с «Гидры». Почтовое судно должно идти без задержек, никого не беря

на борт.

Но Торби вел себя прилично, разносил еду с камбуза и проводил все свободное время за чтением (библиотека представляла собой небольшой ящик в столе шкипера), и к тому времени, когда корабль вошел в Солнечную систему, раздражение капитана улеглось… Но когда он получил приказ садиться на поле Галактических Предприятий вместо того, чтобы идти на Базу Гвардии, Н'Ганга вновь впал в ярость. Вручая Торби свидетельство об отставке и чек от казначея, капитан с видимым облегчением пожал юноше руку.

Выглянув наружу, Торби вместо веревочного трапа (стальных на почтовых кораблях не бывает) увидел поданное к борту подъемное устройство. Его платформа остановилась у комингса, и юноше оставалось лишь ступить на нее. Внизу его ожидал мужчина в форме Галактических Предприятий.

— Мистер Радбек?

— Да, полагаю, это я.

— Прошу сюда, мистер Радбек.

Они спустились на лифте под землю в прекрасно отделанный зал. Торби, все эти недели не имевший возможности толком помыться в тесной стальной коробке, почувствовал себя

неуютно. Он робко огляделся.

Его встречали восемь или десять человек, ближе всех стояли седовласый самоуверенный мужчина и молодая женщина. Одежда каждого из них стоила поболее годового жалованья гвардейца. На костюм мужчины Торби не обратил особого внимания, но наметанный глаз Торговца оценил платье женщины, подчеркнутая скромность которого стоила немалых денег.

С точки зрения Торби, впечатление несколько портила ее высокая прическа — величественное сооружение, в котором зелень переплеталась с золотом. Торби только моргнул, рассмотрев покрой ее одежды; ему доводилось видеть богатых дам Джуббулпора, в жарком климате которого одежда служила лишь украшением, но, по-видимому, к проблеме обнаженного тела здесь относились иначе. Торби с тоской подумал о том, что ему вновь придется привыкать к новым обычаям.

При выходе из лифта его встретил импозантный мужчина.

— Тор! Добро пожаловать домой, мой мальчик! — он схватил Торби за руку. — Я Джон Уимсби. Сколько раз, бывало, я качал тебя на коленях! Зови меня дядя Джек. А это твоя кузина Леда.

Девушка с зелеными волосами положила руки на плечи Торби и поцеловала его. Он был слишком ошарашен, чтобы ответить ей тем же.

— Как хорошо, что ты вернулся домой, Тор!

— Э-э… спасибо.

— А теперь поздоровайся с бабкой и дедом! — воскликнул Уимсби. — Профессор Бредли… и твоя бабушка Бредли.

Бредли был старше Уимсби, сухощавый и стройный, хотя и с небольшим брюшком; у него была тщательно подстриженная бородка. Как и Уимсби, он был при параде: пиджак, короткая накидка, впрочем, не столь изысканного покроя. У женщины было доброе лицо и живые голубые глаза; ее одежда не имела ничего общего с платьем Леды, но шла ей. Она чмокнула Торби в щеку и тихо произнесла:

— Я так рада, что мой сын вернулся домой.

Ее супруг с жаром встряхнул руку юноши.

— Не правда ли, это чудо, сынок? Ты выглядишь точно так же, как наш мальчик. Верно, дорогая?

— Так и есть!

Завязалась общая беседа, и Торби с трудом заставлял себя держаться непринужденно; он был смущен и сбит с толку. Находиться среди этих людей, его кровных родственников, оказалось

труднее, чем быть усыновленным Семьей «Сизу». Неужели эти старики и впрямь его бабушка и дедушка? В глубине души Торби никак не мог поверить в это, хотя умом и понимал, что это действительно так.

К его немалому облегчению, мужчина — кажется, Уимсби? — который называл себя его дядей Джеком, вежливо, но твердо произнес:

— Пора отправляться. Готов поспорить, мальчик устал. Я отвезу его домой.

Мистер и миссис Бредли пробормотали, что они согласны, и вся компания двинулась к выходу. Остальные, которых юноше не представили, потянулись следом. В проходе их подхватил эскалатор, который набирал скорость до тех пор, пока не замелькали стены. По мере приближения к выходу скорость уменьшилась — они проехали несколько миль, прикинул Торби, — и наконец эскалатор остановился у выхода.

Здесь было полно людей; потолок виднелся высоко над головой, а стен не было видно за толпой народа. Торби уловил запах, присущий любой транспортной станции. Сопровождавшие их молчаливые мужчины выстроились кольцом, и они двинулись по прямой, не обращая внимания на окружающих. Несколько человек попытались

прорваться сквозь оцепление, и одному из них это удалось. Он сунул под нос Торби микрофон и быстро заговорил:

— Мистер Радбек, что вы думаете о…

Охрана быстро оттеснила его от Торби. Мистер Уимсби поспешно произнес:

— Потом, потом. Позвоните мне в контору, и я все вам расскажу.

Со всех сторон (впрочем, издалека) на них были нацелены объективы. Они нырнули в другой проход, и за их спинами тут же сомкнулись створки ворот. Очередной эскалатор доставил их к лифту, на котором они поднялись наверх и вышли к небольшому закрытому аэропорту. Их уже ожидал аппарат, и у его борта еще один, поменьше, — два блестящих, полированных эллипсоида. Уимсби остановился.

— Все хорошо? — спросил он у миссис Бредли.

— О да, разумеется! — ответил профессор Бредли.

— Вам понравился этот аэрокар?

— Конечно. Отличный полет, и обратный, я думаю, будет не хуже.

— Тогда нам пора прощаться. Я позвоню вам, когда он наконец придет в себя и осмотрится. Договорились?

— Да, да, еще бы! Мы будем ждать, — бабушка еще раз чмокнула юношу в щеку, а дедушка хлопнул по плечу. Затем Торби, сопровождаемый Уимсби и Ледой, вошел в большой аэрокар. Шкипер приветствовал Уимсби и отдал честь Торби. Тот лихо отсалютовал в ответ.

Мистер Уимсби остановился в центральном салоне.

— Почему бы вам, дети, не пойти вперед и не насладиться полетом? Мне нужно позвонить в несколько мест по делам.

— Разумеется, папочка.

— Ты извинишь меня, Тор? Дела не ждут, и дяде Джеку пора возвращаться в свои копи.

— Конечно… дядя Джек.

Леда потащила его вперед, и они заняли места в прозрачной сферической кабине. Аэрокар поднимался вертикально вверх, пока не набрал высоту в несколько тысяч футов. Сделав круг над пустынной равниной, он направился на север, к горам.

— Тебе удобно? — спросила Леда.

— Еще бы. Только я потный и грязный…

— В конце салона есть душ, но скоро мы прибудем домой. Давай уж лучше насладимся полетом.

— Хорошо.

Торби не хотелось прерывать знакомство с Террой. Она выглядит совсем как Геката, решил он. Нет, скорее похожа на Вуламурру — вот только прежде ему не доводилось видеть столько построек. И горы…

— Что это за белая штука? Мел?

Леда выглянула наружу.

— Да это же снег! Горы Сангре-де-Кристос.

— Снег, — повторил Торби. — Замерзшая вода.

— Ты что, не видал снега?

— Слышал о нем. Но он не такой, каким я его себе представлял.

— Это в самом деле замерзшая вода, но не совсем: снег более мягкий. — Леда вспомнила предупреждение отчима: она не должна удивляться ничему.

— Вот что, — продолжала она, — я научу тебя кататься на лыжах.

Позади осталось много миль, и прошло несколько минут, пока Леда объясняла, что такое лыжи и зачем люди пользуются ими. Торби подумал: этой штукой можно заняться позже, если возникнет желание. Леда сказала, что сломанная нога — самое худшее, что ему грозит. И это развлечение? К тому же она упомянула, что снег холодный.

В сознании Торби холод был связан с голодом, побоями и страхом.

— Может быть, я научусь, — с сомнением в голосе заявил он. — Но скорее всего у меня не получится.

— Конечно, ты научишься! — Леда сменила тему разговора: — Прости мое любопытство, но в твоей речи сквозит легкий акцент.

— Я даже не знал, что говорю с акцентом…

— Я не хотела тебя обидеть.

— И не обидела. Полагаю, я подцепил его в Джуббулпоре.

— «Джуббулпор»… Дай вспомнить… это…

— Столица Девяти Миров.

— Ах да! Одна из наших колоний, верно?

Торби представил себе, как такое предположение было бы воспринято в Саргоне.

— Не совсем так. Сейчас это суверенная империя, и по традиции они считают, что так было всегда. Они не признают себя выходцами с Терры.

— Какая странная точка зрения!

Стюард принес напитки и легкие закуски. Тор взял запотевший бокал и осторожно отхлебнул. Леда продолжала:

— Чем ты там занимался? Ходил в школу?

Торби припомнил уроки папы, но тут же понял, что Леда имеет в виду нечто другое.

— Я нищенствовал.

— Как?

— Я был нищим.

— Извини?

— Попрошайка. Профессиональный нищий. Человек, который просит милостыню.

— Да, я тебя поняла, — ответила она. — Я знаю, что такое нищий; я читала книги. Но, Тор, извини меня, я всего лишь домашняя девочка. Я немножко испугалась.

Она была отнюдь не «домашней девочкой», а умной женщиной, прекрасно соответствующей своему окружению. С тех пор как умерла ее мать, Леда вела хозяйство в доме отчима, умела беседовать с людьми, прибывавшими из разных миров, поддерживать за обеденным столом светскую болтовню на трех языках. Леда умела ездить верхом, танцевать, петь, плавать, кататься на лыжах, вести дом, немножко разбиралась в математике, читала и писала, если приходилось, и имела о прочитанном свое мнение. Она была интеллигентной, красивой, доброжелательной женщиной, толковой и рассудительной, эдаким цивилизованным, культурным эквивалентом

охотницы за черепами.

Однако этот странный пропавший и вновь нашедшийся кузен оказался для нее диковинкой. Она торопливо произнесла:

— Прости мое невежество, но на Земле мы не видели ничего подобного. Меня поразили твои слова. Наверное, это было ужасно?

Торби вспомнил, как он, бывало, сидел в позе лотоса на площади, пристроившись рядом с отцом и ведя с ним беседу.

— Это было счастливейшее время в моей жизни, — просто ответил он.

— О! — это было все, что она могла сказать в ответ.

Однако папочка оставил их наедине для того, чтобы она получила возможность заняться делом. Расспрашивая человека о нем самом, всегда можно рассчитывать на успех.

— Как все это начиналось, Тор? Я даже представления не имею, как такое происходит.

— Видишь ли, меня продали с торгов, и… — Торби подумал, как бы объяснить ей, кем был для него Баслим, и решил повременить с этим. — В общем, меня купил старый нищий. И обучал.

— Купил?

— Я был рабом.

Леда почувствовала себя так, будто ее окатили холодной водой. Скажи Торби, что он был вурдалаком или каннибалом, она была бы потрясена меньше. У нее наступило нечто вроде мысленного удушья.

— Тор, прости меня, если я буду невежлива, но мы все хотим знать, как ты жил все это время. Господи, ведь прошло уже пятнадцать лет с тех пор, как ты пропал! Но если ты не хочешь об этом говорить, так и скажи. Ты был чудесным ребенком, и я так любила тебя — только, пожалуйста, не лупи меня, если я спрошу что-нибудь не то.

— Ты не веришь мне?

— А что мне остается делать? На Земле уже много столетий нет рабства.

Торби пожалел о том, что покинул «Гидру», но тут же отбросил эту мысль прочь. Служа в Гвардии, он понял, что очень многие фраки во Внутренних Мирах не имеют никакого понятия о рабстве.

— Ты знала меня маленьким?

— О да!

— Как же получилось, что я не помню тебя? Впрочем, я не помню ничего из тех времен, когда я еще не был… Я даже Терру не помню.

Леда улыбнулась.

— Я на три года старше тебя. Когда я видела тебя в последний раз, мне было шесть, и я помню тебя. Тебе было три года, поэтому ты забыл.

— Да, — Торби пришло на ум, что у него появилась возможность узнать свой возраст. — А сколько тебе сейчас?

Леда смущенно улыбнулась.

— Сейчас мне столько же лет, сколько и тебе, и так будет до тех пор, пока я не выйду замуж. Так и быть, если ты задашь неправильный вопрос, я не стану обижаться. На Земле не принято расспрашивать женщину о ее возрасте; ты всегда должен делать вид, будто считаешь ее моложе, чем она есть.

— Вот как? — Торби задумался над столь забавным обычаем. Среди Людей женщины старались прибавить себе лет, поскольку это повышало их статус.

— Да, так. Например, твоя мать была чудесной женщиной, и я не знала ее возраста. Когда нас познакомили, ей можно было дать двадцать пять лет, а может быть, и сорок.

— Ты была знакома с моими родителями?

— О да! Дядюшка Крейтон был очарователен, у него был такой бархатный голос. Он постоянно совал в мою маленькую ручку кипу долларов,

чтобы я могла накупить себе конфет и воздушных шариков. — Леда нахмурилась. — Но я не могу вспомнить его лица. Глупо, правда? Впрочем, не обращай внимания, Тор. Ты можешь рассказывать мне все, что захочешь. Буду рада услышать все, о чем ты не захочешь умолчать.

— Мне нечего скрывать, — ответил Торби. — Но я не помню ничего из происходившего до тех пор, пока меня не захватили работорговцы. Насколько я помню, у меня не было родителей. Я был рабом, сменил несколько планет и многих хозяев, а потом попал в Джуббулпор. Там меня продали вновь, и это оказалось самым счастливым событием в моей жизни.

Улыбка сползла с лица Леды. Она тихо проговорила:

— Так это правда? Ты не разыгрываешь меня?

Торби охватило чувство, с древности знакомое всем путешественникам, возвращающимся из странствий.

— Если ты думаешь, что с рабством покончено… Видишь ли, Галактика чрезвычайно обширна. Я могу закатать штанину и показать тебе…

— Что показать?

— Татуировку раба. Клеймо, которое ставит работорговец на свою собственность. — Торби

обнажил левую ногу. — Видишь? Вот дата моего освобождения — это на саргонезском, что-то вроде санскрита, я не думаю, что ты сможешь прочесть.

Леда смотрела округлившимися глазами.

— Какой кошмар! Настоящий ужас!

Торби опустил штанину.

— Зависит от хозяина. Но в любом случае ничего хорошего.

— Но почему никто с этим не борется?

Он пожал плечами.

— Это не так-то просто.

— Но… — Леда умолкла, увидев входящего отчима.

— Привет, дети! Тебе нравится полет, Тор?

— Да, сэр. Пейзажи просто потрясающие.

— По сравнению с Гималаями Скалистые горы — всего лишь жалкое нагромождение камней. Но наши Тетоны действительно великолепны… кстати, вот они показались. Скоро мы прибудем, — он указал вперед: — Видишь? Там находится Радбек.

— Это название города?

— Раньше, когда он был деревней, его именовали Джонсоновой Дырой или как-то в этом роде. Но я говорил не о Радбек-Сити, я имел в виду наш

дом… твой дом, Радбек. Над озером виднеется башня, а за ней — Гранд Тетон. Самое потрясающее зрелище в мире. Ты — Радбек из Радбеков с резиденцией в Радбеке… Радбек в кубе, как говорил твой отец… Он вошел в нашу семью после женитьбы и был весьма равнодушен к этому имени. А мне нравится: оно похоже на раскат грома, и это прекрасно, что Радбек возвращается в свою обитель.

Торби блаженствовал в ванне под острыми струями душа; стенки ванны массировали его тысячами пальцев; затем он нырнул в теплую воду плавательного бассейна, которая тут же стала прохладной. Здесь Торби держался с опаской, поскольку не умел плавать.

Лакея у него тоже никогда не было. Он заметил, что в доме Радбеков немало людей, вероятно, несколько десятков — не так уж много для такого просторного помещения, но Торби понял, что большинство из них были слугами. Это произвело на него определенное впечатление, впрочем, не очень сильное: он знал, как много рабов держат в богатых домах Джуббула. Торби даже не догадывался о том, что иметь живых слуг на Терре — невероятная роскошь, большая, чем портшез на Джуббуле или хлебосольство Встреч.

Торби лишь понял, что в его распоряжении трое слуг, присутствие которых весьма стесняло его. Торби отказался от их помощи во время купания и лишь позволил побрить себя, поскольку здесь пользовались классическими опасными лезвиями, а собственная его электробритва не работала от сети дома Радбеков. Кроме того, он покорно выслушал советы, касающиеся незнакомого одеяния.

Одежда, которая ожидала Торби в гардеробе, не вполне подходила ему по размеру; старший камердинер тут же перекроил и вновь склеил ее, бормоча извинения. Он заканчивал прихорашивать Торби и укреплял на его груди жабо, когда появившийся дворецкий объявил:

— Мистер Уимсби приветствует мистера Радбека и приглашает его в большой зал.

Идя туда, Торби запоминал дорогу.

Дядя Джек, одетый в черное с красным, ожидал его вместе с Ледой, на которой было… Торби даже растерялся: цвета ее платья менялись столь причудливым образом, что их едва ли можно было определить. Но выглядела она прекрасно. Теперь ее прическа отливала всеми цветами радуги. Торби высмотрел среди ее украшений камень с Финстера и подумал, не на «Сизу» ли он был

привезен — очень забавно, но, вполне возможно, сам Торби укладывал его в контейнер.

— Итак, ты здесь, мой мальчик! — весело заявил дядя Джек. — Освежился? Парадная одежда не обязательна, это будет всего лишь семейный обед.

На обеде присутствовали двенадцать человек. Он начался в Большом зале, где неслышно ступавшие по паркету слуги разносили напитки и закуски. Торби одного за другим представляли прибывших.

— Радбек из Радбеков, леди Уилкс, это твоя тетя Дженнифер, она приехала из Новой Зеландии, чтобы познакомиться с тобой… Радбек из Радбеков, судья Брудер, наш главный советник, — и так далее.

Торби запоминал имена, связывая их с лицами, и думал, что все это очень похоже на Семью, хотя родственные отношения тут не были столь четкими. Он затруднялся определить место каждого гостя в семейной иерархии. Торби никак не мог понять, какое из восемнадцати известных ему понятий означает слово «кузина», если применить его к Леде; в конце концов он решил, что она — его двоюродная сестра, поскольку дядя Джек носил фамилию Уимсби, а не Радбек. Таким

образом, Леда становилась для Торби своего рода табу, что, вполне вероятно, огорчило бы ее.

Торби понял, что является членом весьма преуспевающего клана. Однако ему так и не сказали, каков его собственный статус, да и в статусах гостей он не разобрался. Две новые девушки одна за другой присели перед ним в реверансе. В первый раз он решил, что девушка поскользнулась, и попытался помочь ей; второй он ответил приветствием, сложив вместе ладони.

Старшие женщины, по-видимому, ожидали от него почтительного отношения. Положение судьи Брудера он так и не понял. Тот не был представлен как родственник — лишь как гость на семейном обеде. Он окинул Торби пристальным взором и проворчал:

— Рад, что вы вернулись домой, молодой человек. Радбек должен жить в Радбеке. Ваши каникулы доставили нам немало хлопот, не правда ли, Джон?

— Да уж, — согласился дядя Джек. — Но теперь все в порядке. Не будем торопиться. Пусть парень придет в себя.

— Конечно, конечно. Не станем сразу распахивать шлюзы.

Торби подумал: что бы это могло быть — шлю-

зы, — но Леда тут же подошла к нему, взяла его за локоть и повела в столовую. Остальные двинулись следом. Торби усадили с одного конца стола, а дядя Джек занял место напротив. Справа от Торби расположилась тетя Дженнифер, а слева — Леда. Тетя Дженнифер засыпала юношу вопросами, тут же давая на них собственные ответы. Торби сообщил ей, что он совсем недавно покинул службу в Гвардии, и выслушал ее сетования по поводу того, что он не офицер; Торби лишь пожал плечами. О Джуббулпоре он рассказывать не стал — Леда отбила у него охоту говорить об этом. Впрочем, для беседы нашлась другая тема: Торби спросил о Новой Зеландии, и тетка тут же выдала ему целую груду сведений.

Затем им занялась Леда, закончившая беседу с судьей Брудером; тетка Дженнифер обернулась к мужчине, сидевшему справа от нее.

Некоторые блюда были незнакомы Торби, особенно паштет из языков и мясо на вертелах. Однако ложки были ложками, вилки — вилками; поглядывая на Леду, Торби управлялся с ними вполне сносно. Блюда подавались индивидуально, но это не смущало его: он помнил, как в таких случаях поступала бабушка. Не забыл Торби и полных ехидных колкостей уроков Фрица, так

что он чувствовал себя за столом вполне уверенно. И только в самом конце он растерялся. Старший виночерпий поставил перед ним громадный бокал и, плеснув туда жидкости, замер в почтительном ожидании. Леда прошептала:

— Пригуби, кивни и отставь.

Торби подчинился, и слуга исчез.

— Не пей, это очень крепкое, — добавила Леда. — Я же говорила папе: никаких спиртных напитков!

Наконец обед завершился. Леда вновь подсказала:

— Вставай.

Торби поднялся на ноги, остальные последовали его примеру.

Семейный обед оказался лишь началом. Дядя Джек показывался только за столом, да и то не всегда. Он оправдывал свое отсутствие, говоря: «Кто-то должен поддерживать огонь в очаге. Дела не ждут». Как Торговец, Торби прекрасно понимал, что бизнес есть бизнес, но он ждал долгого обстоятельного разговора с дядей Джеком. Вместо этого ему приходилось принимать участие в светских развлечениях.

Леда сочувствовала ему, но помочь ничем не могла: она и сама толком ничего не знала.

— Папочка невероятно загружен делами. Всякие там компании и прочее. Все это слишком сложно для меня. А теперь поторопись: нас ждут.

Их всегда кто-нибудь ждал. Танцы, катание на лыжах — Торби нравилось ощущение скорости, но сам способ перемещения казался ему непрактичным, особенно после того, как он влетел в сугроб, едва не врезавшись в дерево, — карточные игры, обеды с молодыми людьми, где Торби занимал один конец стола, а Леда усаживалась на другом, затем опять танцы, полеты в Йеллоустоун, где они кормили медведей, полуночные пирушки, пикники в саду. Хотя поместье Радбек располагалось в Тетонских горах среди снегов, в доме был огромный тропический сад с таким прозрачным куполом, что Торби даже не догадывался о его существовании, пока Леда не заставила его коснуться крыши рукой. У Леды была масса веселых приятелей, и постепенно Торби научился болтать ни о чем. Молодые люди называли его «Тор» вместо «Радбек», а Леду величали Бездельницей. Они обращались к Торби с фамильярным уважением и не скрывали интереса к тому, что он служил в Гвардии и побывал во многих мирах, но чересчур личных вопросов не задавали. Сам же Торби, наученный горьким

опытом, предпочитал не откровенничать.

В конце концов непрерывное веселье начало ему надоедать. Побывать на Встрече приятно, но тот, кто привык работать, предпочитает взяться за дело.

Эта мысль окончательно утвердилась в его голове, когда он в компании десятка приятелей отправился кататься на лыжах. Когда Торби остался в одиночестве на склоне для новичков, с вершины скатился лыжник и затормозил рядом, взметнув снежный вихрь. Каждый день в поместье прилетали новые люди; вновь прибывшего звали Джоэл Делакруа.

— Привет, Тор.

— Здравствуй, Джоэл.

— Я хотел бы с тобой поговорить. У меня есть одна идея, и я хочу обсудить ее с тобой, когда ты примешься за дела. Нельзя ли встретиться с тобой так, чтобы вокруг не крутились десяток-другой секретарш?

— Как только я примусь за дела?

— Или позже, когда тебе будет удобно. Мне необходимо поговорить с человеком, который может принимать решения, а ведь ты станешь главой дела. Я не хотел бы встречаться с Уимсби… даже если он и согласится принять меня, — Джоэл

беспокойно огляделся вокруг. — Мне нужно всего десять минут. Ну, скажем, пять, если я не сумею заинтересовать тебя сразу. Идет?

Торби попытался вникнуть в смысл сказанного. Взяться за дела? Глава? Он осторожно ответил:

— Я не хотел бы давать никаких обещаний, Джоэл.

Делакруа пожал плечами.

— Ну что ж... и все-таки подумай над этим. Я могу доказать, что дело прибыльное.

— Подумаю, — согласился Торби и стал оглядываться в поисках Леды. Уединившись с ней, пересказал содержание беседы с Джоэлом.

Она чуть заметно поморщилась.

— Пожалуй, ничего страшного в этом нет, ведь ты ничего не обещал. Я знаю лишь, что Джоэл — прекрасный инженер. Лучше спроси у папочки.

— Я не об этом. Скажи, что он имел в виду, говоря «браться за дело»?

— Ну, постепенно ты возьмешь в свои руки...

— Что возьму?

— Все. Ты же Радбек из Радбеков.

— Что значит «все»?

— Ну, ну... — она обвела рукой горы, озеро и Радбек-Сити, видневшийся вдали. — Все это. Радбек. Целую массу вещей. То, что принадлежит

тебе лично, например ранчо в Австралии, дом на Майорке. И дела. Компания Радбек включает в себя многое — на Земле и на других планетах. Я даже не знаю, с чего начать. Но все это твое, ну, может быть, наше, ведь здесь участвует вся семья. Но ты — Радбек из Радбеков; как сказал Джоэл, глава.

Торби глядел на нее, чувствуя, как пересыхают его губы. Облизнув их, он проговорил:

— Почему мне не сказали?

Леда расстроилась.

— Тор, дорогой, мы собирались дать тебе немножко времени. Папа не хотел беспокоить тебя.

— Да уж, — ответил Торби. — Вот теперь я забеспокоился. Самое время поговорить с дядей Джеком.

Дядя Джек вышел к обеду, но было слишком много гостей. Когда все ушли, Уимсби отвел Торби в сторону.

— Леда сказала мне, будто бы тебя что-то волнует.

— Вовсе нет. Но я хотел бы кое-что прояснить.

— Прекрасно — я так и думал, что тебе скоро надоест праздная жизнь. Что ж, пойдем ко мне в кабинет.

Войдя в кабинет, Уимсби отпустил секретаря и спросил:

— Что тебя интересует?

— Меня интересует, — медленно проговорил Торби, — что означает быть «Радбеком из Радбеков».

Уимсби развел руками.

— Все… и ничего. Ты номинальный глава дела с тех пор, как погиб твой отец… если, конечно, он погиб.

— Есть какие-то сомнения?

— Полагаю, нет. А ты вернулся.

— Если он погиб, то кем стал я? Леда сказала, будто бы я владею всем. Что это значит?

Уимсби усмехнулся.

— Ты же знаешь девчонок. Их головы не годятся для бизнеса. Право собственности на наши предприятия распределено среди множества людей, большую часть которых составляют наши служащие. Если твой отец погиб, ты входишь в Совет Ассоциации Радбек, которая, в свою очередь, имеет свои интересы — иногда контрольные — в самых разных областях. Сейчас я не стану их перечислять. Я управляю компанией при помощи целого штата юристов, так как сам я ведаю практической стороной дела, и у меня нет времени

беспокоиться о том, кто какой частью владеет. Кстати, ты мне напомнил… у тебя, вероятно, никогда не было большой суммы денег, но они могут тебе понадобиться. — Уимсби выдвинул ящик и достал сверток. — Вот тебе мегабак. Когда кончится, обращайся ко мне.

Торби помял пачку в пальцах. Земные деньги не смущали его: сотня долларов — кредит, который он представлял себе в виде пяти буханок хлеба (трюк, которому он научился у суперкарго), тысяча кредитов — суперкредит, тысяча суперкредитов — мегабак. Столь простая система, что Люди предпочитали пересчитывать деньги разных планет через земную валюту.

Однако здесь была сотня купюр по десять тысяч кредитов…

— Это и есть мое наследство?

— О нет, это лишь карманные деньги. Точнее, чеки. Ты можешь разменять их в любом магазине или банке. Знаешь, как это делать?

— Нет.

— Перед тем как сунуть в щель автомата, оставь на чувствительной пластинке отпечаток большого пальца — но не раньше. Впрочем, пусть тебя научит Леда. Если бы эта девчонка так же легко зарабатывала деньги, как тратит их, то ни

мне, ни тебе не пришлось бы работать вообще. Однако, — добавил Уимсби, — уж коли мы здесь, давай-ка провернем одно маленькое дельце, — он достал папку и вытащил из нее бумаги. — Ничего сложного, тебе нужно лишь подписать каждый документ на последней странице. Давай-ка я придержу их, чтобы листы не скручивались.

Он показал пальцем, где должна стоять подпись. Торби поколебался и, вместо того чтобы расписываться, потянул листок к себе. Уимсби удивился:

— Что случилось?

— Прежде чем подписывать, я должен прочитать. — Торби вспомнил, как тщательно изучала бабушка всякую бумагу, принесенную ей на подпись.

Уимсби пожал плечами.

— Это обычные документы, которые для тебя приготовил судья Брудер, — и, положив документ поверх остальных, собрал их в пачку и сунул обратно в папку. — Эти бумаги содержат распоряжение мне продолжать то, что я и так делаю. Кто-то ведь должен заниматься работой.

— Зачем же моя подпись?

— Мера предосторожности.

— Не понимаю.

Уимсби вздохнул.

— Это уж точно, в бизнесе ты не разбираешься. Впрочем, никто от тебя этого не требует; у тебя не было возможности учиться. Вместо тебя приходится работать мне: дело не ждет. — Он помедлил и добавил: — Это самый простой путь. Когда твои отец и мать отправлялись в свое второе свадебное путешествие, они должны были оставить кого-нибудь, кто вел бы дела в их отсутствие. Естественно, они выбрали меня, поскольку я уже тогда вел их дела и дела другого твоего дедушки; он умер до их отлета с Земли. Так что во время их увеселительной прогулки компанией управлял я. Не подумай, что я жалуюсь: от такой чести не отказался бы ни один член семьи. К сожалению, твои родители не вернулись назад, и я продолжал исполнять свои обязанности.

Но теперь ты вернулся, и мы должны убедиться в том, что все в порядке. Во-первых, следует официально установить, мертвы ли твои родители, причем сделать это нужно до тех пор, как ты вступишь в права наследника. Это займет немало времени. Но есть я — управляющий делами твоих родителей, да и всей семьи тоже. И у тебя нет никакой необходимости отдавать мне распоряжения: за тебя это сделают документы.

Торби поскреб подбородок.

— Если я еще не вступил в права наследника, то почему вам что-то нужно от меня?

Уимсби улыбнулся.

— Я сам задаю себе этот вопрос. Однако судья Брудер считает необходимым предусмотреть все варианты. С тех пор как ты стал совершеннолетним…

— «Совершеннолетним»? — Для Торби это был новый термин; у Торговцев человек считался взрослым настолько, насколько он мог принимать участие в деле.

Уимсби принялся объяснять:

— Как только тебе исполняется восемнадцать лет, ты входишь в «законный возраст», после чего дела значительно упрощаются. Отныне в суде тебя не должен представлять опекун. У нас имеются полномочия, переданные нам твоими родителями, теперь к ним добавятся твои, и уже неважно, как долго суд будет устанавливать, мертвы твои родители или нет. Я, судья Брудер и остальные, кто занимается делами, смогут продолжать их и дальше. Тем самым мы избегаем потери времени… которая могла бы обойтись компании во много мегабаков. Ну, теперь ты понимаешь?

— Думаю, да.

— Отлично. Давай же покончим с этим, — Уимсби начал открывать папку.

Бабушка говорила, что, прежде чем подписывать, нужно прочесть бумаги и хорошенько все обдумать.

— Дядя Джек, я хотел бы прочесть их.

— Но ты ничего не поймешь!

— Может быть, вы и правы, — Торби взял папку. — Но я должен их изучить.

Уимсби потянул папку к себе.

— В этом нет необходимости.

На Торби накатила волна упрямства.

— Вы же говорили, что судья Брудер подготовил их для меня?

— Да.

— Поэтому я хочу взять их с собой и попытаться разобраться в них. Я — Радбек из Радбеков, и я должен знать, что я делаю.

Уимсби помедлил и пожал плечами.

— Ну что ж, попробуй. Ты сам убедишься в том, что я продолжаю делать для тебя то, что делал и прежде.

— И все же я хотел бы знать, что я делаю.

— Ну что ж! Спокойной ночи.

Торби читал бумаги до тех пор, пока не начали слипаться глаза. Язык документов был малопоня-

тен, но, по-видимому, в них действительно было написано то, о чем говорил дядя Джек, — инструкции Джону Уимсби продолжать обычную работу, состоящую из сложных комбинаций. Торби заснул с головой, полной терминов типа: «все полномочия советника», «все виды деятельности», «получение и выплата доходов», «действительно только при единодушном согласии», «получение доверенности на голосование», «доверенность на голосование на всех совещаниях акционеров, как ежегодных, так и внеочередных», и так далее.

Засыпая, Торби вдруг вспомнил, что так и не спросил, какие распоряжения оставили его родители.

Ночью ему порой грезился голос бабушки: «…и все хорошенько обдумай! Если ты не понимаешь, о чем идет речь, не знаешь законов, по которым дела будут претворяться в жизнь, — не подписывай, вне зависимости от того, какой ты мог бы получить доход. Поспешность может погубить Торговца точно так же, как и лень».

Торби беспокойно ворочался в постели.

Глава 18

В поместье Радбеков почти никто не спускался к завтраку. Но завтракать в постели не входило в привычки Торби; он ел в саду в одиночестве, нежась в лучах горного солнца в окружении тропических цветов, любуясь великолепием заснеженных склонов. Снег очаровал его — он даже представить себе не мог, что в мире могут существовать такие восхитительные вещи.

Однако в это утро Уимсби вышел в сад, едва Торби успел усесться за завтрак. Тут же появилось еще одно кресло, и слуга немедленно принялся сервировать стол.

— Только кофе, — сказал Уимсби. — Доброе утро, Тор.

— Доброе утро, дядя Джек.

— Ну как, изучил документы?

— Что, сэр? Ах да. Я заснул, читая их.

Уимсби заулыбался.

— Верно, эти юридические бумаги действуют как снотворное. Так что же, ты убедился в том, что документы содержат именно то, о чем я говорил?

— Полагаю, да.

— Ну вот и хорошо, — Уимсби отставил в сторону чашку с кофе и обратился к слуге: — Принесите мне телефон домашней связи… Тор, вчера вечером ты просто вывел меня из себя.

— Простите, сэр.

— Тем не менее ты прав. Ты должен прочитывать все, что собираешься подписать, — эх, если бы у меня хватало на это времени! Мне приходится верить сотрудникам на слово, иначе у меня не оставалось бы времени на политику… И мне показалось, что ты должен сделать то же самое по отношению ко мне. Однако твоя осторожность весьма похвальна. — Он поднял трубку телефона: — Картер, принесите бумаги из комнаты Радбека. В сад.

Торби подумал, что Картер вряд ли отыщет их, — в его покоях был сейф, но он так и не понял, как его открывать, и спрятал бумаги между книгами. Он начал было объяснять, но дядя Джек прервал его:

— Есть еще кое-что, с чем ты, возможно, пожелаешь ознакомиться, — кое-что, чем ты владеешь… а также то, что будет принадлежать тебе, когда установят факт смерти твоих родителей. Это имущество не имеет отношения к нашему делу.

Торби просмотрел список в искреннем изумле-

нии. Неужели он владеет островом под названием Питкэрн… в пятнадцати — что это за мера длины такая? — к югу и в тридцати от… а это что за место? Поместье на Марсе… Охотничьи угодья на Юконе — где он, этот «Юкон» и почему там надо охотиться? Пойти на такой риск, как стрельба, можно только в открытом космосе. И что значит все остальное?

Он попытался найти знакомое ему название.

— Дядя Джек… а как же Радбек?

— Э-э… Так ты в нем и находишься.

— Да… но принадлежит ли он мне? Леда что-то такое говорила…

— Ну, в общем, да. Но он не подлежит разделу. Это значит, что твой прапрадедушка решил, что поместье не может быть продано… и что в нем всегда будет жить Радбек из Радбеков.

— Ясно.

— Мне думается, осмотр твоих владений мог бы доставить тебе немало удовольствия. Я уже распорядился подать аэрокар. Тебе понравился тот, на котором мы сюда прилетели?

— Что? О господи, ну конечно же! — Торби заморгал.

— Ну и чудесно. Он принадлежал твоей матери, и я оказался слишком сентиментален, чтобы от-

править его на свалку. Однако в его конструкцию внесены всевозможные усовершенствования. Можешь взять с собой Леду; она знакома с большинством объектов, внесенных в этот список. Возьми с собой друзей и развлекайся, сколько тебе заблагорассудится. У нас никогда не бывает недостатка в веселой компании.

Торби отложил список в сторону.

— Может быть, я так и сделаю, дядя Джек… немного погодя. Но сейчас я хотел бы взяться за дела.

— Что?

— Сколько времени требуется, чтобы стать юристом на Терре?

Лицо Уимсби прояснилось.

— Я понимаю. Овладение языком юрисдикции дается не так просто. Это займет от четырех до пяти лет.

— В самом деле?

— Тебе придется провести два или три года в Гарварде и еще год-два в какой-нибудь хорошей школе бизнеса.

— Это действительно необходимо?

— Уверяю тебя.

— Что ж… полагаю, вы знаете об этом куда больше меня…

— Так оно и есть! По крайней мере, сейчас.

— Но неужели я не могу узнать кое-что о бизнесе до того, как начну учиться? Я же не имею ни малейшего представления о том, что это такое!

— На это уйдет уйма времени.

— И тем не менее я хочу начать учиться уже сейчас.

Уимсби начал было хмуриться, но потом заулыбался и пожал плечами.

— Тор, ты упрям, как твоя мать. Хорошо, я оборудую для тебя кабинет в Радбеке и подберу штат людей, которые помогут тебе. Но, предупреждаю тебя, это не игрушки. Не человек командует делами, а дела командуют им. Ты становишься их рабом.

— Что ж… тем не менее я должен попытаться.

— Рад это слышать.

Зазвонил телефон, лежавший возле чашки Уимсби. Он поднял трубку, послушал, нахмурился и произнес:

— Подождите, — и обернулся к Торби: — Этот болван не может найти бумаги.

— Я собирался вам сказать… Я спрятал их, потому что не хотел оставлять на виду.

— Понятно. И где же они?

— Ох… Полагаю, что найти их сумею только

я сам.

Уимсби сказал в трубку:

— Ладно, я разберусь, — и, передав телефон слуге, обернулся к Торби: — Так тащи их сюда, если не возражаешь.

У Торби такого желания не возникло. Он положил в рот лишь четыре куска, так что же — бросить завтрак и бежать за документами? Радбек он или не Радбек? Или все еще вестовой у офицера?

— Я займусь этим после завтрака.

Дядя Джек с трудом скрыл раздражение. Он сказал:

— О, прошу прощения. Но если ты так занят, то не будешь ли так любезен сказать мне, где они лежат? У меня впереди тяжелый день, так что я хотел бы покончить с этими мелочами и взяться за работу. Если ты ничего не имеешь против.

Торби вытер губы.

— Я бы не хотел, — медленно произнес он, — подписывать их сейчас.

— Как? Но ведь ты сам сказал, что твое любопытство удовлетворено!

— Нет, сэр. Я сказал лишь, что прочел документы. Но я не понял их. Дядя Джек, где бумаги, подписанные моими родителями?

— Ммм? — Уимсби быстро взглянул на юношу. — Зачем тебе?

— Хочу с ними ознакомиться.

Уимсби задумался.

— Должно быть, лежат в сейфе в Радбек-Сити.

— Отлично. Я еду туда.

Уимсби вскочил на ноги.

— Ты уж извини меня, но мне пора заняться делами. Молодой человек, когда-нибудь вы поймете, что я сделал для вас! Ну а сейчас, коли вы так несговорчивы, я, пожалуй, приступлю к исполнению своих обязанностей!

Он резко повернулся и ушел. Торби обиделся — он вовсе не собирался отказываться от сотрудничества… но уж если они ждали годы, то почему бы им не подождать еще немного и не дать ему шанс?

Он свернул бумаги и позвонил Леде. Она ответила, не включая экрана:

— Тор, дорогой, чего ради ты вскочил среди ночи?

Торби стал объяснять, что он хочет узнать, где в поместье находится кабинет.

— Я подумал, что ты могла бы мне подсказать.

— Ты уже поговорил с папочкой?

— Он пообещал организовать для меня отдель-

ную контору.

— Подсказать я не смогу. Лучше я провожу тебя. Только позволь мне умыться и выпить стакан апельсинового сока.

Поместье было связано с конторами в Радбек-Сити скоростным подземным туннелем. Они вышли в небольшой изолированный холл, в котором сидела пожилая секретарша. Подняв глаза, она сказала:

— Здравствуйте, мисс Леда! Рада вас видеть!

— И я рада вас видеть, Агги. Пожалуйста, передайте папочке, что мы приехали.

— Да-да, сейчас, — она вопросительно посмотрела на Торби.

— Ох, — сказала Леда. — Я совсем забыла. Это Радбек из Радбеков.

Агги торопливо вскочила на ноги.

— Ой, простите! Я не знала… прошу прощения, сэр!

Дальнейшее происходило с ошеломляющей быстротой. Уже через минуту Торби очутился в кабинете, полном тихого величия, с такой же секретаршей, которая величала юношу его двойным именем и предложила называть себя Долорес. У него сложилось впечатление, будто в стенах скрываются бесчисленные джинны, готовые

выскочить по мановению ее пальца.

Леда немного помедлила, а потом спросила:

— Если уж ты намерен превратиться в скучного бизнесмена, то я, пожалуй, пойду, — но, поглядев на Долорес, добавила: — А может быть, ты вовсе и не собираешься скучать? Нет, уж лучше я останусь… — но все же ушла.

Торби был опьянен свалившимся на него ощущением богатства и власти. Старшие служащие называли его «Радбек», младшие — «Радбек из Радбеков», а совсем юные добавляли к имени «сэр», так что он легко различал их статус по тому, как они обращались к нему.

Пока он не включился в дела, видеть Уимсби ему доводилось очень редко, а судья Брудер был и вовсе недоступен, однако все, в чем он нуждался, появлялось мгновенно. Одно слово Долорес — и рядом возникает солидный молодой человек, объясняя непонятную юридическую статью, еще слово — и появляется оператор со стереопроектором и фильмами, разъясняющими суть деятельности предприятия, где бы оно ни находилось — хоть на другой планете. Торби просматривал ленты целыми днями, но им конца не было.

Его офис столь стремительно наполнялся

книгами, катушками, картами, брошюрами, слайдами, папками и плакатами, что Долорес пришлось переоборудовать смежную комнату в библиотеку. Цифры на диаграммах описывали в форме налоговых сводок деятельность предприятий столь громадных, что иначе в их делах разобраться было невозможно. Цифр было так много и они были столь сложным образом связаны, что у юноши разламывалась голова. Он начинал понимать, что быть финансовым магнатом весьма нелегко. Оказывается, дело не ограничивалось тем, что ты входишь в кабинет, сопровождаемый почтительными приветствиями, и все твои пожелания выполняются без промедления. Какой смысл в занятии, от которого ты не получаешь удовольствия? Быть гвардейцем гораздо проще.

И все же ощущать свою значимость было приятно. Большую часть жизни Торби был никем, в лучшем случае он был самым младшим.

Если бы отец мог видеть его сейчас! В столь изысканной обстановке, с парикмахером, приводящим его прическу в порядок, пока он работает (сам Баслим предпочитал подстригать волосы под горшок), с секретарем, внимающим его пожеланиям, и десятками людей, сгорающих от

желания услужить ему. Но каждый раз, когда отец являлся ему в снах, на лице его бывало укоризненное выражение; Торби никак не мог понять, в чем же он не прав, и вновь окунался с головой в море цифр.

Картина постепенно прояснялась. Главным предприятием было «Радбек и Компания, Лимитед». Насколько мог понять Торби, сама фирма ничего не производила. Она была учреждена в виде частного инвестиционного треста и лишь владела всем остальным. Большая часть имущества, которое перешло бы к Торби после установления факта гибели его родителей, представляла собой лишь некий вклад в эту компанию. Он не владел ею целиком; узнав, что обоим родителям принадлежало лишь восемнадцать процентов из многих тысяч акций, Торби почувствовал себя едва ли не нищим.

Потом он выяснил, что такое «иметь право голоса» и не иметь такового; ему принадлежало восемнадцать сороковых частей всех голосов, остаток распределялся среди родственников и посторонних.

«Радбек и Компания» владела акциями и других компаний, и это значительно усложняло ситуацию. «Галактические Предприятия»,

«Галактическая Вексельная Корпорация», «Галактический Транспорт», «Межзвездный Металл», «Налоги Трех Планет» (на самом деле, это предприятие орудовало на двадцати семи планетах), «Гавермейерские Лаборатории» — здесь создавалось все, от барж и пекарен до исследовательских станций, — список был бесконечным. Казалось, все эти корпорации, тресты, картели и банки переплетаются, словно спагетти. Торби выяснил, что ему принадлежит (через его родителей) пай в компании «Хонас Бразерс», причем владение осуществлялось посредством цепочки из шести предприятий: восемнадцать процентов из тридцати одного от сорока трех из девятнадцати из сорока четырех процентов от двадцати семи — доля столь ничтожная, что цепочку эту было почти невозможно проследить. Однако его родители владели напрямую семью процентами акций тех же «Хонас Бразерс», и в конце концов выходило, что косвенный пай в одну двадцатую процента давал право осуществлять контроль деятельности компании, но приносил незначительный доход, а прямые семь процентов приносили стосорокакратную прибыль, но не давали права контроля.

Для Торби стало откровением то обстоятель-

ство, что управление и владение предприятием связаны между собой очень слабо; до сих пор он считал, что «обладать» и «управлять» — суть одно и то же. Если вы, например, имеете миску для подаяний или костюм, то вы, разумеется, вправе ими распоряжаться!

Слияния, разделы и борьба предприятий и компаний смущали его и вызывали чувство протеста. Все это было так же сложно, как решать боевую задачу, не располагая компьютером с его математической логикой. Торби пытался вычерчивать схемы, но все впустую. Владение каждым объектом порождало хитроумное сплетение общих и привилегированных вкладов, облигаций ранних и поздних выпусков, залогов со странными наименованиями и непонятными функциями; порой одна компания обладала частью другой непосредственно, а другой частью — через третью, две компании могли владеть долей в третьей, либо компания владела частью самой себя, словно змея, вцепившаяся себе в хвост. Во всем этом не прослеживалось смысла.

Это не было делом — в том смысле, как это слово понимали Люди: покупкой, продажей, извлечением доходов. Такой «бизнес» напоминал глупую игру, ведущуюся по диким правилам.

Но Торби беспокоило не только это. До сих пор он не знал, что Радбеки занимаются строительством космических кораблей. «Галактические Предприятия» распоряжались «Галактическим Транспортом», одно из многочисленных подразделений которого выпускало звездолеты. Поначалу Торби ощутил прилив гордости, но потом в его душе поселилась смутная тревога: что-то такое говорил Брисби… и отец вроде бы подтвердил… «крупнейшая» или, может быть, «одна из крупнейших» земных верфей была связана с работорговлей.

Он пытался уговорить себя, что думать так глупо — этот роскошный офис был настолько далек от грязного бизнеса работорговли, насколько это было возможно. Но как-то ночью, уже засыпая, он буквально подскочил на кровати от мысли, пронизанной черной иронией: а вдруг один из невольничьих кораблей, в вонючем трюме которого он валялся, мог быть собственностью паршивого забитого раба?

Это был кошмарный сон, и Торби прогнал прочь страшную мысль, которая тем не менее лишила его всякого удовольствия от работы.

Как-то вечером он изучал длинный меморандум из юридического отдела, так сказать, краткий

сводный перечень интересов «Радбека и Компании», и вдруг поймал себя на мысли, что зашел в тупик. Складывалось впечатление, будто писавший намеренно затушевывает смысл. Казалось, что текст написан на древнекитайском языке, да что там — еще хуже! Тот же саргонезский включал в себя немало китайских слов.

Торби отпустил Долорес и сел, уронив голову на руки. Почему, ну почему он не остался в Гвардии? Там он был бы счастлив, в том мире все было ему понятно.

Потом он встал и сделал то, что так долго откладывал: позвонил по видеофону своим бабушке и дедушке. Он уже давно намеревался съездить к ним, но первым делом хотел разобраться со своими обязанностями.

Конечно, они обрадовались его звонку!

— Поторопись, сынок, мы будем ждать!

Затем был чудесный полет над прериями и могучей Миссисипи (которая казалась с высоты тоненьким ручейком), над белесыми пятнышками городов и ферм. Аэрокар приземлился в сонном университетском городке Вэлли-Вью, где тротуары были по-старинному неподвижны и само время, казалось, замедлило свой ход. Дом стариков, заметно выделявшийся в городке, ка-

зался таким тихим и уютным по сравнению с пустынными громадными холлами Радбека.

Но отдохнуть во время визита не удалось. На обед были приглашены гости — ректор колледжа и деканы факультетов, а после обеда явились и другие. Некоторые из них называли Торби Радбеком из Радбеков, другие неуверенно обращались к нему «мистер Радбек», третьи, не знавшие, как следует величать набоба, — просто «Радбек». Бабушка суетилась вокруг, счастливая, насколько только может быть счастлива хозяйка дома, а дедушка был, как всегда, подтянут и во всеуслышанье называл Торби «сынок».

Торби изо всех сил старался произвести хорошее впечатление. Вскоре он понял, что его слова не имеют значения, для людей важен сам факт разговора с Радбеком.

И лишь вечером, когда бабушка с явной неохотой отправила гостей по домам, Торби смог поговорить со стариками. Ему нужен был совет.

Поначалу они принялись расспрашивать друг друга. Торби узнал, что его отец, женившись на единственной дочери дедушки Радбека, предпочел взять ее фамилию.

— Это можно понять, — объяснял Бредли. — Радбеку нужен Радбек. Главной оставалась Марта,

но Крейтон должен был председательствовать на собраниях, конференциях и обедах, даваемых по этим случаям. Я надеялся, что мой сын пойдет по моим стопам и вступит на поприще исторических исследований. Но когда он женился, то что мне оставалось, кроме как радоваться за него?

Родители Торби и он сам стали жертвой стремления отца сделаться самым-самым Радбеком из Радбеков: он хотел лично осмотреть как можно больше колоний своей экономической империи.

— Твой отец всегда отличался добросовестностью, и, когда дедушка Радбек скончался до того, как Крейтон закончил свое, так сказать, ученичество, он оставил во главе компании Джона Уимсби. Я полагаю, ты знаешь, что Джон — второй муж младшей сестры твоей другой бабушки, Арии, а Леда, разумеется, ее дочь от первого брака.

— Нет, я не знал об этом, — Торби перевел эти сведения на язык семейных отношений «Сизу»… и с удивлением понял, что Леда принадлежит к другой ветви! — если, конечно, на Земле обращали внимание на такие вещи, что было сомнительно. И дядя Джек вовсе не был «дядей», а — ну как это сказать по-английски?

— Джон был секретарем и доверенным лицом

твоего другого дедушки, и он был вполне достоин своего места; он знал дела лучше, чем кто бы то ни было, не считая самого дедушки Радбека. Когда мы пришли в себя после потрясения, вызванного вашим трагическим исчезновением, мы поняли, что жизнь должна продолжаться и что Джон способен справляться с делами так успешно, как если бы он сам был Радбеком.

— Он великолепно проявил себя! — прощебетала бабушка.

— Да, верно. Я должен сказать тебе, что после женитьбы Крейтона мы с бабушкой стали жить гораздо лучше. На заработную плату в колледже мы не могли бы позволить себе многое из того, чем располагаем теперь. Крейтон и Марта были весьма щедры. После того как наш сын исчез, у нас с бабушкой могли появиться трудности, если бы Джон не сказал, что нам не о чем беспокоиться. Он внимательно следил, чтобы наше благосостояние оставалось на прежнем уровне.

— И даже выросло! — с воодушевлением прибавила бабушка Бредли.

— Да, да. Вся семья — мы считаем себя частью семьи Радбек, хотя продолжаем с гордостью носить нашу собственную фамилию — так вот, вся семья совершенно удовлетворена тем, как Джон

ведет дела.

Однако Торби интересовали вовсе не достоинства дяди Джека.

— Вы упоминали, что мы стартовали с Акки, направляясь к Дальним Звездам, но так и не прибыли туда? Странно, ведь это так далеко от Джуббула.

— Я думаю, ты прав. В колледже есть только малый Галактический атлас, и я должен признать, что очень трудно представить, что дюйм на карте оборачивается многими световыми годами в пространстве.

— В данном случае — ста семьюдесятью световыми годами.

— Давай-ка подсчитаем, сколько это в милях?

— Это столь же бессмысленно, как измерять в микронах длину дивана, на котором вы сидите.

— Ну, ну, сынок. Не будь таким педантом.

— Что вы, дедушка! Я лишь размышлял о том, как далеко отстоит место, где нас взяли в плен, от той точки, где меня в последний раз продали.

— Я уже один раз слышал от тебя слово «продали». Ты должен понимать, что этот термин неточен. Крепостное право, практикуемое на Саргоне, не является рабовладением. Оно идет от древнеиндийской системы каст — стабильной

социальной упорядоченности сверху донизу, подразумевающей взаимные обязательства, ты не должен называть эту систему рабством.

— Я не знаю другого слова для перевода саргонезского выражения.

— Я мог бы предложить несколько, хотя и не знаю саргонезского. Видишь ли, этот язык мало где изучают. Но, дорогой Тор, ты ведь не изучал человеческую историю и культуру, так что положись на мой авторитет в области, в которой я считаюсь специалистом.

— Ну что ж… — Торби ощутил замешательство. — Я не очень хорошо знаю английский Системы, и я не знаком с историей… с очень большим периодом истории.

— Верно. И я первый обратил на это внимание.

— Но я не могу перевести лучше — меня продали, и я был рабом!

— Ну, ну, сынок.

— Не спорь с дедушкой, будь умницей.

Торби умолк. Он уже упоминал о том, что несколько лет был нищим, и бабушка пришла в ужас от такого бесчестия, хотя прямо об этом не говорила. И он уже понял, что, по мере того как он рассказывает о себе все больше и больше, дедушка только укрепляется в своем мнении, в то время

как сам Торби смотрит на вещи совершенно иначе. Он с грустью подумал, что это происходит от осознания взрослым своего превосходства над младшим и что с этим ничего не поделаешь. Он слушал рассуждения дедушки об истории Девяти Миров. Бредли категорически не соглашался со взглядами, бытовавшими в Саргоне, но, в общем-то, его точка зрения была близка к тому, чему учил Торби Баслим — во всем, что не касалось рабства. Он обрадовался, когда разговор вновь вернулся к организации дела Радбеков. Торби заговорил о своих затруднениях.

— Рим не в один день строился, Торби.

— Мне кажется, я никогда не смогу научиться! Я уже подумывал о возвращении в Гвардию.

Дедушка нахмурился.

— Это не очень умно.

— Почему, сэр?

— Если ты не чувствуешь призвания к бизнесу, найдутся другие не менее почетные занятия.

— Считаете, что служба в Гвардии к таковым не относится?

— Ммм… я и твоя бабушка — мы относим себя к пацифистам философского толка. Нельзя отрицать, что покушению на человеческую жизнь нет морального оправдания.

— Никогда! — подтвердила бабушка.

Торби подумал, что бы сейчас сказал отец. Черт возьми, он знал, что ради освобождения рабов Баслим готов был крушить все направо и налево!

— А что бы вы сделали, если бы на вас шел пират?

— Кто?

— Пират. Представьте, что у вас на хвосте висит пират и приближается с каждой секундой.

— Думаю, следует убегать. Оставаться и вступать в драку аморально. Видишь ли, Тор, насилием ничего нельзя добиться.

— Но вы не можете бежать: у пирата более мощные двигатели. Выход один: ты или он.

— В таком случае следует сдаться; это лишает смысла его намерения… как проповедовал бессмертный Ганди.

Торби глубоко вздохнул.

— Дедушка, простите меня, но его намерения вовсе не лишаются смысла. Вам приходится драться. Рейдеры захватывают рабов. Больше всего я горжусь тем, что мне удалось сжечь одного из них.

— Сжечь одного из них?

— Я накрыл его самонаводящейся ракетой.

Разнес корабль в клочья.

Бабушка всхлипнула. Наконец дедушка сухо сказал:

— Тор, боюсь, ты подвергся дурному влиянию. Вероятно, ты в этом не виноват. Но у тебя масса неверных представлений как о фактах, так и об их оценке. А теперь прислушайся к логике. Если ты «сжег» его, то откуда тебе знать, что он был намерен — как ты это говоришь? — «брать рабов». Что бы он с ними делал? Ничего.

Торби продолжал молчать. Было очень важно, с какого края площади человек смотрел на мир… и, если ты не имел статуса, тебя не слушали. Это был всеобщий закон.

— Давай-ка не будем больше говорить на эту тему, — продолжал дедушка Бредли. — Что же касается всего остального, то я дам тебе тот совет, который хотел дать твоему отцу: если ты не чувствуешь призвания к торговле, то даже не пытайся заняться ею. Но сбежать в Гвардию, словно мальчишка, начитавшийся романтических книжек… нет, сынок! Однако тебе еще долго не придется ломать голову, ведь Уимсби — очень способный управляющий: тебе не придется принимать решений, которые шли бы вразрез с твоими желаниями, — дедушка поднялся на но-

ги. — Насколько я мог понять из бесед с Джоном, он не прочь нести свою ношу еще немного… а если это потребуется, то и больше того. А теперь пойдем спать. Скоро рассветет.

Наутро Торби уехал, провожаемый вежливыми заверениями, что их дом — его дом, и в конце концов юноша стал подозревать, что так оно и есть. Проведя ночь без сна, он принял решение и с ним явился в Радбек-Сити. Он хотел жить, видя вокруг себя переборки и палубы корабля. Он хотел вернуться к тому делу, которому служил отец; быть миллиардером — не его удел.

Сначала нужно сделать вот что. Добраться до бумаг, подписанных его родителями, сравнить их с теми, которые были приготовлены для него, — ведь отец, вероятно, хорошо знал, что нужно делать, — затем подписать их, чтобы дядя Джек мог спокойно продолжать работу после того, как Торби покинет планету. Дедушка был прав: Джон Уимсби прекрасно разбирается в делах, которых он, Торби, совершенно не понимает. Он должен быть благодарен дяде Джеку. Перед тем как проститься, надо будет его поблагодарить. А затем — покинуть Терру и вернуться к людям, с которыми он говорит на одном языке.

Войдя в свой офис, он тут же связался с кабине-

том дяди Джека, но того не было в городе. Торби решил написать ему записку, выдержанную в самых вежливых выражениях… О да! Надо попрощаться с Ледой.

Он позвонил в юридический отдел и попросил разыскать документы, оставленные его родителями, и прислать их к нему в кабинет.

Вместо документов появился судья Брудер.

— Радбек, зачем вам документы, которые вы затребовали из сейфа?

— Я хотел бы взглянуть на них, — объяснил Торби.

— Брать бумаги из сейфа могут только руководящие работники компании.

— А кто же я?

— Боюсь, что вы — всего лишь мальчишка, который плохо представляет себе, что происходит вокруг. Со временем вы будете допущены к руководству фирмой, но сейчас вы — всего лишь гость, пытающийся разобраться в делах своих родителей.

Торби проглотил эту пилюлю; как бы ни звучали слова судьи, в них была доля истины.

— Я собирался проконсультироваться об этом с вами. А как продвигается дело об установлении факта смерти моих родителей?

— Торопитесь похоронить их?

— Разумеется, нет. Но дядя Джек сказал, что без этого не обойтись. Так как же обстоят дела?

Брудер фыркнул.

— Никак. И все из-за вашего упрямства.

— То есть?

— Молодой человек, неужели вы думаете, что служащие компании начнут процесс, который может принести неисчислимые убытки, и будут надеяться, что вы сумеете предотвратить их? Установление факта смерти может затянуться на годы, в течение которых дела будут стоять на месте… только потому, что вы отказываетесь подписать документы, подготовленные мной несколько недель назад.

— Хотите сказать, что, пока я не подпишу их, ничего не сдвинется с места?

— Совершенно верно.

— Не понимаю. Допустим, я умер — или вообще не появился на свет. Неужели дела останавливаются каждый раз, когда умирает Радбек?

— Ммм… В общем, нет. С разрешения суда дела ведутся своим чередом. Но вы-то здесь! И нам приходится с этим считаться. Так вот: мое терпение иссякает. Похоже, вы думаете, что, прочтя несколько балансовых отчетов, вы начали раз-

бираться в бизнесе. Так вот: ничего подобного! Например, вы убеждены, что имеете право потребовать документы, врученные Джону Уимсби лично, — документы, которые даже не являются собственностью компании. И если вы сейчас попытаетесь лично возглавить фирму — если, конечно, нам удастся установить факт смерти ваших родителей, — то, насколько я могу судить, нас ожидают многочисленные неприятности. Мы не можем себе это позволить. Так что я хотел бы, чтобы бумаги были подписаны сегодня же, и без всяких проволочек! Вам ясно?

Торби набычился.

— Я не стану подписывать.

— Что значит «не стану»?

— Я не подпишу ни единой бумаги до тех пор, пока не буду твердо знать, что она означает. Тем более что я не видел документов, оставленных моими родителями.

— Мы еще посмотрим!

— Я буду стоять на своем до тех пор, пока не разберусь, что здесь происходит!

Глава 19

Торби обнаружил, что выяснить истину непросто. Дела шли как прежде, но что-то изменилось. У него появились смутные подозрения, что та помощь, которой он пользовался, изучая бизнес, подавалась не самым лучшим образом. Он начал тонуть в потоке непонятных цифр, не имевших отношения к делу, в неясных «заключениях» и «анализах», которые ничего не анализировали. Но подозрения возникли далеко не сразу.

Они перешли в уверенность с того дня, когда он бросил вызов судье Брудеру. Долорес трудилась, как всегда, не покладая рук, и все окружающие по-прежнему рьяно бросались ему на помощь, но обильный приток информации стал иссякать, пока наконец не прервался вовсе. Перед Торби извинялись, приводя массу причин, по которым было совершенно невозможно найти то, что он просил. То «обзор еще не готов», то «эти данные хранятся в сейфе, но в конторе нет ни одного служащего, имеющего к ним доступ». К дяде Джеку и судье Брудеру пробиться стало невозможно, а их помощники демонстрировали вежливую беспомощность. Дядю Джека нельзя было пой-

мать даже в поместье. Леда каждый раз сообщала юноше, что «папочка отбыл в деловую поездку».

В собственном офисе Торби начали происходить странные вещи. Хотя библиотека была устроена Долорес, она сама не могла ничего найти и даже припомнить, где находятся бумаги, размещенные в библиотеке на хранение. Наконец Торби потерял терпение и накричал на нее.

Она восприняла его упреки с покорностью.

— Прошу прощения, сэр. Я стараюсь изо всех сил.

Торби смягчился. Он достаточно насмотрелся на портовых грузчиков и отлично чувствовал, когда люди начинали «тянуть волынку». Но стоящее перед ним несчастное создание было тут ни при чем; он зря набросился на нее. Торби примирительно сказал:

— Извините меня, Долорес. Возьмите выходной.

— О нет, сэр, я не могу.

— Кто вам это сказал? Отправляйтесь домой.

— Я бы не хотела…

— Что ж, дело ваше. Во всяком случае, прилягте на диванчик в дамской комнате, в общем, отдохните. Это приказ. Увидимся завтра.

Встревоженная, Долорес ушла. Торби уселся за

свой девственно-чистый стол и задумался.

Ему нужно было побыть в одиночестве, позабыв на время о потоке цифр и прочей информации. Торби стал прикидывать, что же ему удалось раскопать.

Итак: дядя Джек и судья Брудер оказывают на него жесткое давление, чтобы принудить его подписать бумаги.

Далее. Он может быть Радбеком из Радбеков, но до тех пор, пока его родителей не признают погибшими, дела будет вершить дядя Джек.

Далее. Судья Брудер недвусмысленно намекнул ему, что до тех пор, пока Торби не признает свою некомпетентность и не подпишет документы, делу его родителей не будет дан ход.

Далее. Он так и не узнал, какие распоряжения оставили его родители. Он пытался преодолеть сопротивление, оказываемое ему на этом пути, и его постигла неудача.

И последнее. Оказывается, «владеть» и «управлять» — совершенно разные вещи. Дядя Джек управляет всем тем, чем владеет Торби; сам же Уимсби владеет лишь минимальной долей, размер которой позволяет ему возглавлять совет директоров. Леде принадлежит куда больший кусок, поскольку она — член семьи Радбек, но,

вероятно, дядя Джек контролирует и ее долю тоже. Сама Леда в дела не вмешивается.

Вывод…

Какой же отсюда следует вывод? Может быть, дядя Джек занимается какими-то махинациями и боится допустить Торби к своим секретам? Не похоже. Дядя Джек получает столь солидные оклад и премии, что только законченный сквалыга захотел бы иметь еще больше денег — денег как средств к существованию. Счета родителей, похоже, в полном порядке и уже принесли весьма солидный доход. Мегабак, который ему выдал дядя Джек, вряд ли сколько-нибудь подорвал его благосостояние. Еще одна статья расходов — содержание дедушки и бабушки плюс незначительные расходы на семью и содержание поместья — ничего серьезного, какие-нибудь пара мегабаков.

Вывод: дяде Джеку нравится быть боссом, и он намерен продержаться на этом посту так долго, как это будет возможно.

Статус… Уимсби занимает высокое положение и будет стремиться его сохранить. Торби подумал, что он наконец понял дядю Джека. Уимсби говорил Торби о том, что на его плечи возложена очень тяжелая ноша; он взвалил ее на себя пото-

му, что ему нравилось главенствовать — точно так же капитаны и старшие офицеры Вольных Торговцев трудятся в поте лица, несмотря на то, что все остальные члены Семьи получают равную с ними долю. Дядя Джек здесь — «старший офицер», и он не намерен сдавать свои позиции человеку, который вдвое моложе его и (скажем честно) совершенно не разбирается в деле, понимать которое просто обязан, находясь на этом посту.

Осознав это, Торби почувствовал, что лучше всего было бы подписать бумаги и доверить дяде Джеку дело, над которым он столь упорно трудился и которое Торби всего лишь унаследовал. Вероятно, дядя Джек был жестоко разочарован, когда Торби вернулся живым; судьба нанесла ему тяжелый удар.

Так пусть все остается ему! Уладить дела — и прочь отсюда, назад, в Гвардию.

Однако Торби отнюдь не был готов сложить оружие перед судьей Брудером. Его попросту отшвырнули в сторону, и естественной реакцией Торби стало сопротивление любой власти, которую он не признавал; это было вбито в его душу палками. Он сам не отдавал себе в этом отчета и лишь понимал, что надо проявить упорство.

Торби чувствовал, что отец дал бы ему именно такой совет.

Подумав о Баслиме, Торби вспомнил кое-что еще. Не замешаны ли Радбеки, хотя бы и косвенно, в работорговле? Он понял, зачем Баслим с таким упорством заставлял его тренировать память: он не мог уйти, пока не узнает все подробности и не положит конец этим негласным взаимоотношениям, если они существуют. Но как это выяснить? Он Радбек из Радбеков, но его опутали тысячами нитей, как парня из папиной сказки… «Гулливер и его звездолет»… вот как она называлась.

Итак, отец докладывал в корпус «Икс» о том, что крупные кораблестроители каким-то образом связаны с правительством Саргона и рейдерами-работорговцами. Рейдерам крайне необходимы корабли. Корабли… На прошлой неделе Торби читал книгу — в ней рассказывалось о каждом звездолете, выпущенном «Галактическим Транспортом», — от номера 0001 до самых последних. Юноша отправился в библиотеку. Хмм… толстая красная книга, а не магнитная лента.

Она исчезла, как и многие другие вещи. Однако, интересуясь кораблями, Торби успел вызубрить ее наизусть почти целиком. Он принялся набра-

сывать заметки.

Большинство звездолетов несли службу внутри Гегемонии, некоторые принадлежали Радбекам, некоторые — другим компаниям. Торби с удовольствием подумал о том, что многие из них были приобретены Торговцами. Однако были корабли, зарегистрированные на имя владельцев, которых он не мог определить… хотя Торби казалось, что он узнал бы названия фирм, занятых на законных основаниях межзвездной торговлей, и уж во всяком случае, смог бы припомнить любой клан Вольных Торговцев.

Но, сидя за столом, даже если бы у него была та книга, сделать определенные выводы было невозможно. Может быть, здесь, на Терре, в этом вообще не разобраться. Может быть, дядя Джек и судья Брудер даже не подозревают о том, что за их спинами творятся грязные дела.

Торби включил Галактический атлас, установленный по его настоянию в кабинете. Атлас охватывал только исследованную часть Галактики, но, несмотря на это, масштаб был чрезвычайно мелок.

Торби взялся за ручки управления. Для начала он высветил зеленым Девять Миров. Затем добавил желтого, отметив им опасные места, которых

избегали Торговцы. Зажег две планеты, между которыми был захвачен корабль его родителей, и подобным же образом обозначил каждое пропавшее судно Людей, припоминая все, что ему было известно о стартах, после которых никто не вернулся.

Выстроилась цепочка разноцветных огоньков, расположенных весьма близко друг к другу — в масштабе межзвездных расстояний, конечно, — в том же секторе, где находились Девять Миров. Торби вгляделся в эту картину и присвистнул. Отец знал, о чем говорил, но без такого наглядного изображения трудно было представить ситуацию целиком.

Юноша вспомнил о линиях регулярных рейсов и заправочных станциях, установленных в том районе «Галактическим Транспортом»... затем высветил оранжевым цветом банковские учреждения «Галактической Вексельной Корпорации», размещенные по соседству.

И принялся сосредоточенно изучать полученную схему.

Это еще нельзя было считать неопровержимым доказательством, — но почему никакая другая корпорация не развивала такую бурную деятельность в этом секторе?

Торби решил доискаться.

Глава 20

Торби обнаружил, что Леда приказала накрыть стол в саду. Они сидели вдвоем, и снег покрывал искусственный небосвод сверкающим куполом. Свечи, цветы, струнное трио и сама Леда придавали этой картине привлекательность, но она не радовала глаз Торби, хотя девушка ему нравилась, а сад был его любимым уголком Радбека. Они уже почти кончили есть, когда Леда сказала:

— Я бы не пожалела доллара, чтобы узнать, о чем ты думаешь.

Торби виновато потупился.

— Да так… ни о чем.

— Должно быть, это «ничто» очень тебя тревожит.

— Ну… да.

— Ты не хочешь рассказать об этом Леде?

Торби прикрыл глаза. Дочь Уимсби была последним из людей, с кем он захотел бы откровенничать. Его беспокойство было вызвано раздумьями о том, что ему придется делать, если вдруг вскроется, что семья Радбек замешана в делах работорговцев.

— Мне кажется, бизнес — не мое призвание.

— Отчего же? Папочка говорит, что твоя голова потрясающе воспринимает цифры.

Торби фыркнул.

— Тогда почему он… — И тут же умолк.

— Что «он»?

— Ну… — Черт возьми, должен же он поговорить с кем-нибудь, кто ему нравится и кто в случае необходимости может даже прикрикнуть на него. Как папа. Или Фриц. Или полковник Брисби. Вокруг Торби постоянно вертелись люди, но он чувствовал себя совершенно одиноким. Казалось, только Леда старается выказать к нему дружелюбие.

— Леда, какую часть того, что я тебе рассказываю, ты передаешь отцу?

К его удивлению, девушка покраснела.

— Почему ты так говоришь, Тор?

— Ну, у вас с ним такие трогательные отношения… Так как же?

Она вскочила.

— Если ты позавтракал, то давай прогуляемся.

Торби поднялся из-за стола, и они побрели по дорожкам сада, прислушиваясь к завыванию ветра над куполом. Леда привела его в укромный уголок вдали от дома, скрытый кустами, и присела на валун.

— Отличное место для разговора с глазу на глаз.

— Неужели?

— Когда в саду установили подслушивающие устройства, я отыскала местечко, где могла целоваться, не опасаясь папиных соглядатаев.

Торби удивился.

— Ты что, серьезно?

— Разве ты не понимаешь, что тебя везде подслушивают, ну разве что за исключением горнолыжных склонов?

— Я даже не думал… И мне это не нравится.

— А кому это может понравиться? Но это обычная мера предосторожности, ведь речь идет о такой важной персоне, как Радбек. И ты не должен ругать за это папочку. Мне пришлось потратить несколько кредитов, чтобы узнать, что сад прослушивается далеко не так тщательно, как ему кажется. И если ты собираешься сказать что-нибудь и не хочешь, чтобы тебя услышал папочка, то говори сейчас. Он об этом никогда не узнает. Обещаю тебе.

Торби помедлил, внимательно осматриваясь вокруг. Он решил, что если где-нибудь поблизости установлен микрофон, то он должен быть замаскирован под цветок… что было вполне

возможно.

— Пожалуй, стоит подождать до лыжной прогулки.

— Успокойся, милый. Если ты мне доверяешь, то уж поверь, что это место вполне безопасно.

— Ну ладно, — Торби заговорил, выплескивая накопившееся в его душе раздражение… Он поделился подозрениями в том, что дядя Джек ставит ему палки в колеса, чтобы не отдавать власть. Леда слушала его с серьезным видом. — Ну вот. Скажешь, что я сумасшедший?

— Тор, — произнесла она. — Ты не догадываешься, что папочка подсовывал меня тебе?

— Что?

— Не понимаю, как ты этого до сих пор не заметил. Только если ты совершенно… Наверное, так оно и есть. Но это чистая правда. Это должен был быть один из тех браков по расчету, который все окружающие восприняли бы «на ура», — все, кроме тех двоих, кто имеет к нему самое прямое отношение.

Услышав столь удивительное утверждение, Торби разом забыл о своих тревогах.

— Ты хочешь сказать, что… ну, что ты… — Он окончательно смутился и замолчал.

— О господи, дорогой ты мой! Если бы я соби-

ралась так поступить, разве стала бы я говорить об этом с тобой? Признаюсь: перед тем как ты появился здесь, я обещала папочке обдумать такую возможность. Однако ты не обращал на меня внимания, а я слишком горда, чтобы проявлять в таких условиях настойчивость, даже если от этого зависело бы процветание Радбеков. Давай лучше поговорим о бумагах, которые оставили Марта и Крейтон и которые папочка не желает тебе показывать.

— Да, мне их не показывают, и я не собираюсь подписывать документы, пока не ознакомлюсь с доверенностями родителей.

— А если покажут, ты подпишешь?

— Ну… может быть, и подпишу. Но я хотел бы знать, какие распоряжения оставили мои родители.

— Не понимаю, почему папочка отказывается выполнить столь естественное пожелание. Разве что… — Леда нахмурилась.

— Разве «что»?

— Как насчет твоих акций? Они тебе уже переданы?

— Каких акций?

— Тех, которые принадлежат тебе. Ты знаешь, какой долей акций владею я. Когда я родилась,

Радбеки передали их мне — я имею в виду твоего дедушку, моего дядю. Вероятно, тебе предназначалось примерно вдвое больше, поскольку ты должен был стать настоящим Радбеком.

— У меня ничего нет.

Леда мрачно кивнула.

— Вот одна из причин, почему папочка и судья не желают показывать тебе документы. Наши личные вклады ни от кого не зависят, и по достижении совершеннолетия мы можем делать с ними все, что нам заблагорассудится. Твои родители распоряжались твоими акциями, а папочка до сих пор распоряжается моими. Однако сейчас никакие доверенности, которые были подписаны в прошлом, не имеют законной силы. Ты можешь потребовать свою долю, и им придется либо выполнить твое пожелание, либо пристрелить тебя. — Леда покачала головой. — Нет, конечно, убивать тебя они не станут. В общем-то папочка во многих отношениях совсем неплохой человек.

— Я и не считал его плохим.

— Я не люблю его, но восхищаюсь им. Однако как только доходит до серьезных вещей, сразу выясняется, что я — Радбек, а он — нет. Глупо, не правда ли? В сущности, в нас, Радбеках, ничего

особенного нет; мы лишь скуповатые прижимистые крестьяне. Но и меня кое-что беспокоит. Помнишь Джоэла Делакруа?

— Тот самый парень, который хотел поговорить со мной наедине?

— Верно. Так вот, он больше здесь не работает.

— И что же?

— Разве ты не знал, что Джоэл был восходящей звездой в инженерном отделе «Галактических»? Официально объявлено, что Джоэл нашел себе другое место. Сам он говорит, что его уволили за попытку переговорить с тобой за их спиной. — Леда нахмурилась. — И я не знала, чему верить. Теперь я верю Джоэлу. Так что же ты собираешься делать, Тор, — поднять лапки кверху или доказать, что ты в самом деле Радбек из Радбеков?

Торби закусил губу.

— Я бы хотел вернуться в Гвардию и выкинуть из головы всю эту грязь. Мне всегда хотелось узнать, что это такое — быть богатым. И вот я стал им и понял, что это — сплошная головная боль.

— Так ты все бросаешь? — в ее голосе промелькнула нотка печали.

— Я этого не сказал. Я намерен остаться и выяснить, что же тут происходит. Не знаю только, с чего начать. Ты считаешь, что я должен грохнуть

кулаком по столу дяди Джека и потребовать свою долю?

— Ммм… только если рядом будет стоять адвокат.

— Тут и так полно юристов!

— Именно поэтому тебе не обойтись без адвоката. Чтобы снять с судьи Брудера скальп, ты должен найти классного специалиста.

— Где же его искать?

— Черт побери, я ни разу не обращалась к адвокатам. Но поискать можно. А теперь давай-ка побродим и поболтаем, чтобы не вызывать подозрений.

Торби провел утомительное утро, изучая статьи законов, касающихся деятельности корпораций. Сразу после ленча ему позвонила Леда.

— Тор, ты не хочешь прокатиться со мной на лыжах? Ветер стих, и снег — то, что надо, — она многозначительно посмотрела ему в глаза.

— Ну…

— Да собирайся же!

Они молчали до тех пор, пока не отошли достаточно далеко от дома. Наконец Леда заговорила:

— Человек, который тебе нужен, — это Джеймс Гарш из Нью-Вашингтона.

— Я так и думал, что ты позвонила мне толь-

ко из-за этого. Ты действительно собираешься кататься? Я бы хотел сию минуту вернуться в кабинет и связаться с ним.

— О боже! — Леда печально покачала головой. — Тор, мне придется выйти за тебя замуж только для того, чтобы за тобой присматривать. Итак: ты возвращаешься домой и звонишь адвокату, который не состоит на службе у Радбеков, адвокату с высочайшей репутацией. Как ты думаешь, что произойдет потом?

— Что же?

— Скорее всего ты проснешься в тихом местечке в окружении мускулистых санитаров. Я провела бессонную ночь и приняла решение. Мне хотелось бы, чтобы папочка продолжал вести дела, но если он затеял грязную игру, то я на твоей стороне.

— Спасибо, Леда.

— Он говорит «спасибо»! Тор, я сделаю это ради Радбеков. Но давай не будем отвлекаться. Ты не можешь просто так полететь в Нью-Вашингтон, чтобы встретиться с адвокатом. Насколько я знаю судью Брудера, он уже принял всевозможные меры на такой случай. Однако ты мог бы отправиться осматривать свои владения… и начать со своего дома в Нью-Вашингтоне.

— Хитро придумано.

— Я сама поражаюсь своей хитрости. Если хочешь, чтобы все прошло гладко, ты пригласишь с собой меня — папочка велел помочь тебе осмотреться.

— Ну конечно, Леда. Если тебя не затруднит.

— Пусть это тебя не беспокоит. Мы и в самом деле осмотрим некоторые достопримечательности, в Департаменте Северной Америки, например. Меня беспокоит одно: как нам ускользнуть от охраны?

— Охраны?

— Без охраны не путешествует ни один человек, занимающий такое высокое положение, как Радбек. Иначе тебя замучают репортеры и сумасшедшие.

— Мне кажется, — медленно произнес Торби, — что тут ты не права. Я ездил к бабушке и дедушке, и со мной не было никаких охранников.

— Они умеют не мозолить глаза. Готова спорить, что во время твоего визита к старикам в доме находилось не меньше двух телохранителей. Видишь того одинокого лыжника? Готова поклясться, что он катается вовсе не ради удовольствия. Так что нам нужно придумать способ оторваться от них на то время, пока ты беседу-

ешь с Гаршем. Но не беспокойся: у меня уже есть одна идея.

Торби с интересом осматривал великую столицу, но ему не терпелось приступить к делу, ради которого они сюда приехали. Леда с трудом сдерживала его прыть.

— Первым делом — достопримечательности. Мы должны вести себя естественно.

Дом по сравнению с поместьем казался более чем скромным — двенадцать комнат, и только две из них большие. Он содержался в таком виде, будто хозяева покинули его лишь накануне. К их услугам был автомобиль с шофером и лакеем в ливрее Радбеков. Казалось, шофер заранее знает, куда их нужно везти. Они ехали под зимним субтропическим солнцем, и Леда показывала посольства и консульства различных планет. Когда они проезжали мимо величественного здания штаб-квартиры Гвардии Гегемонии, Торби велел притормозить и едва не свернул себе шею, разглядывая его.

Леда спросила:

— Твоя альма-матер, верно? — и прошептала: — Смотри внимательно. Здание напротив главного входа — именно то место, куда тебе нужно попасть.

Около Мемориала Линкольна они вышли из машины, поднялись по ступеням, и их охватило чувство, знакомое миллионам людей, когда-либо смотревшим на гигантский монумент. Торби внезапно подумал, что статуя очень похожа на отца — не буквально, но что-то такое в ней было. Его глаза затуманили слезы.

Леда прошептала:

— Здесь я всегда чувствую волнение, словно в церкви. Ты знаешь, кем он был? Линкольн — основатель Америки.

— Он сделал кое-что еще.

— Что же?

— Освободил рабов.

— Да-да, — Леда спокойно осматривалась вокруг. — Это так много значит для тебя, верно?

— Очень много, — Торби хотел было рассказать Леде о главной причине, побудившей его броситься в драку: ведь они были одни и это место наверняка не прослушивалось. Но не смог. Юноша знал, что Баслим не возражал бы, но он обещал полковнику Брисби.

Торби с трудом разбирал надписи на стенах; эти буквы и грамматика были в ходу еще до того, как английский стал английским Системы. Леда потянула его за рукав и прошептала:

— Пойдем. Я не могу долго оставаться здесь… Иначе я начну плакать.

Они вышли на цыпочках.

Леда объявила, что ей хочется посмотреть шоу в «Млечном Пути». Они вышли из машины, велев шоферу вернуться за ними через три часа десять минут. За билет в двойную ложу Торби пришлось заплатить спекулянту бешеные деньги.

— Ну вот! — воскликнула девушка, как только они заняли свои места. — Полдела сделано. Лакей, конечно, выпрыгнет из машины, как только она завернет за угол, но от шофера мы на некоторое время освободились: поблизости нет ни единой стоянки. И все же лакей будет торчать рядом, если он дорожит своим местом. Полагаю, в эту самую минуту он как раз покупает билет. А может быть, он уже здесь. Не оглядывайся.

Они поднялись по эскалатору.

— Это даст нам выигрыш в несколько секунд. Он не сможет последовать за нами, пока мы не скроемся из виду. А теперь слушай. Люди, сидящие на наших местах, уйдут, когда мы покажем билеты. Как только я усядусь, заплати одному из них, чтобы он оставался на месте. Надеюсь, это будет мужчина, потому что нашему опекуну потребуется лишь несколько минут, чтобы опре-

делить, где мы находимся… несколько секунд, если он уже успел узнать номер нашей ложи. Когда он найдет нашу ложу, то увидит, что я сижу там с мужчиной. В темноте он не разглядит его лица, но меня узнает, так как я специально надела платье, которое светится в темноте. Этим он удовлетворится. Ты покинешь здание через любой выход, кроме главного; возможно, там будет дежурить шофер. Постарайся вернуться к выходу за несколько минут до того, как подадут машину. Если не успеваешь, бери такси и езжай домой. А я стану громко жаловаться, что тебе не понравилось шоу и что ты ушел.

Торби решил, что корпус «Икс» много потерял, не завербовав Леду в свои ряды.

— А разве они не сообщат, что теряли мой след?

— Найдя нас, они будут так счастливы, что даже пикнуть не посмеют. Вот мы и пришли — давай действуй. Встретимся позже.

Торби покинул помещение через боковой выход и, немножко поплутав и наведя справки у полисмена, наконец отыскал здание, стоявшее напротив штаб-квартиры Гвардии. Просмотрев список, он выяснил, что кабинет Гарша находится на 34-м этаже, и уже через пару минут стоял

перед секретаршей, губы которой, казалось, были способны произносить только одно слово: «нет».

Она холодно сообщила юноше, что советник принимает только тех, кому назначена встреча. Не желает ли он изложить свое дело кому-нибудь из помощников советника?

— Имя, будьте любезны!

Торби огляделся. Приемная была переполнена людьми. Секретарша нажала рычажок.

— Говорите! — потребовала она. — Я включила систему против подслушивания.

— Пожалуйста, передайте мистеру Гаршу, что с ним хотел бы встретиться Радбек из Радбеков.

Торби показалось, что она собирается приказать ему не нести чепухи. Но она торопливо встала и куда-то ушла.

Скоро она вернулась и тихо произнесла:

— Советник может выделить вам пять минут. Пройдите сюда, сэр.

Кабинет Джеймса Гарша являл собой разительный контраст всему зданию и приемной, да и сам его владелец был похож на неприбранную постель. Он носил брюки без подтяжек, и над ремнем нависал солидный животик. Сегодня адвокат явно не брился, и его всклокоченная борода была под стать лохматым остаткам волос, окружав-

шим плешь. Он даже не приподнялся с кресла.

— Радбек?

— Да, сэр. Вы — Джеймс Гарш?

— Да. Покажите документы. Кажется, я видел вас в выпуске новостей, но не могу припомнить когда.

Торби протянул ему бумажник, набитый идентификационными карточками. Гарш изучил общегражданский документ, а затем и более редкое и трудноподделываемое удостоверение «Радбек и Компания» и протянул их обратно.

— Садитесь. Чем могу быть полезен?

— Мне нужен совет… и помощь.

— Именно этим товаром я и торгую. Но у вас есть Брудер и целая толпа юристов. Чем я, именно я, могу быть полезен?

— Мы можем говорить доверительно?

— Как клиент с адвокатом, сынок. Нужно говорить: «как клиент с адвокатом». Юриста не спрашивают о таких вещах: он либо честен, либо нет. Я честен наполовину. Тебе придется рискнуть.

— Ну… в общем, это длинная история.

— Так изложи ее покороче. Говори. Я слушаю.

— Вы согласны взяться за мое дело?

— Говори. Я слушаю, — повторил Гарш. — Мо-

жет быть, я отправлюсь спать. Сегодня я чувствую себя не лучшим образом. Впрочем, со мной всегда так.

— Ну ладно, — Торби приступил к рассказу. Гарш слушал, прикрыв глаза, сцепив пальцы на животе.

— Вот и все, — заключил наконец Торби, — за исключением того, что я намерен навести порядок и вернуться в Гвардию.

Гарш впервые проявил интерес к его словам.

— Радбек из Радбеков? В Гвардию? Не говори глупостей, сынок.

— На самом деле я не «Радбек из Радбеков». Я кадровый гвардеец, ставший им в силу не зависящих от меня обстоятельств.

— Я знаю эту часть твоей истории; авторы слезливых статеек проглотят ее, не разжевывая. У каждого из нас возникают обстоятельства, над которыми мы не властны. Дело в том, что человек не может покинуть свой пост, особенно если это — его любимое дело.

— Но это не мое любимое дело, — упрямо заявил Торби.

— Хватит пустых слов. Для начала мы добьемся признания твоих родителей умершими. Затем потребуем представить их завещания и доверен-

ности. Если противник начнет тянуть волынку, мы получим ордер. И даже могущественный Радбек не устоит перед простой бумажкой «явиться в суд, или будете доставлены силой». — Гарш покусал ноготь. — Может пройти некоторое время, прежде чем будут установлены имущественные права и определено твое положение. Суд может дать полномочия тебе, либо тому, кто упомянут в завещании, либо вообще кому-нибудь третьему, но только не Уимсби и не Брудеру, если все, что ты рассказал, — правда. На такое не решились бы даже судьи, которых Брудер держит в кармане; это было бы уже слишком, и всякий судья знает, что такое решение будет опротестовано.

— Но что я могу сделать, если они даже не начнут процесса по установлению факта смерти моих родителей?

— Кто сказал, что ты должен их ждать? Ты — заинтересованная сторона, а Уимсби и Брудер, если мне не изменяет память, всего лишь наемные служащие, располагающие лишь одной символической акцией. Ты — номер первый, самое что ни на есть заинтересованное лицо. Так действуй же! А как насчет других родственников? Двоюродные братья? Сестры?

— Двоюродных нет. А о других ближайших

родственниках я ничего не знаю. Впрочем, у меня есть дедушка и бабушка Бредли.

— Я и не думал, что они еще живы. Они не станут совать тебе палки в колеса?

Торби хотел было сказать «нет», но передумал.

— Не знаю.

— Ближе к делу станет ясно. Другие родственники… впрочем, о них мы сможем узнать только после оглашения завещаний, на что, вероятно, потребуется решение суда. Кстати, есть ли у тебя возражения против дачи показаний под гипнозом? Под воздействием химических препаратов? Против детектора лжи?

— Нет. А что?

— Ты — самый важный свидетель смерти родителей, их длительное отсутствие не является решающим доказательством.

— Даже если их нет очень долго?

— Смотря по тому, как долго. Временной промежуток — лишь одно из обстоятельств, которые рассматривает суд, в законах об этом ничего не сказано. Когда-то считалось, что достаточно семи лет, но теперь эта статья отменена. Нынче на вещи смотрят шире.

— С чего начнем?

— У тебя есть деньги? Или их от тебя прячут?

Я дорого стою. Обычно я требую оплаты каждого своего вдоха и выдоха.

— Ну… у меня есть мегабак… и еще несколько тысяч. Около восьми.

— Хм… разве я еще не сказал, что берусь за твое дело? А ты не задумывался над тем, что твоей жизни может угрожать опасность?

— Нет, никогда.

— Сынок, ради денег люди способны на все. Но ради власти над деньгами они творят еще более ужасные вещи. Всякий, кто живет рядом с миллиардом кредитов, подвергается опасности. Это ничуть не лучше, чем держать дома кобру. На твоем месте, почувствовав недомогание, я завел бы себе личного врача. Я с опаской входил бы в двери и сторонился открытых окон. — Он задумался. — Поместье Радбек сейчас не самое лучшее место для тебя; не искушай их. Кстати, здесь тебе бывать не следует. Ты уже вступил в Дипломатический клуб?

— Нет, сэр.

— Вступи немедленно. Все будут удивлены, если ты этого не сделаешь. Я туда частенько заглядываю. В районе шести часов. У меня там нечто вроде отдельного кабинета. Номер двадцать-одиннадцать.

— Двадцать-одиннадцать?

— Я все еще не сказал, что берусь за дело. Ты не думал над тем, что мне делать, если я его проиграю?

— Что? Нет, сэр.

— Что за город ты упоминал? Джуббулпор? Вот туда-то мне тогда и придется переехать. — Гарш внезапно улыбнулся. — Но у меня что-то боевое настроение, Радбек, а? Брудер. Что ты говорил про мегабак?

Торби вытащил чековую книжку и выписал чек. Изучив его, Гарш спрятал чек в ящик стола.

— Пока не станем получать по нему деньги: они наверняка следят за твоими тратами. Имей в виду: дело обойдется гораздо дороже. До свидания. Увидимся через пару дней.

Торби ушел в прекрасном настроении. До сих пор ему ни разу не доводилось видеть такого меркантильного, хищного и корыстного старика — он напомнил Торби покрытых шрамами профессиональных грабителей, шнырявших вокруг нового амфитеатра.

Выйдя на улицу, Торби увидел штаб-квартиру Гвардии. Еще раз окинув здание взглядом, он нырнул в плотный поток автомобилей и, перебежав улицу, поднялся по ступенькам.

Глава 21

В огромном холле Торби увидел ряды расположенных по его периметру кабинок. Протолкавшись сквозь толпу, он вошел в одну из них. Приятный женский голос сказал:

— Назовите в микрофон ваше имя, отдел и номер кабинета. Дождитесь, пока не загорится свет, и изложите свое дело. Напоминаем вам, что рабочий день окончен и вас примут, только если у вас дело особой важности.

— Торби Баслим, — произнес юноша и добавил: — Корпус «Икс».

Он ждал. Записанный на пленку голос повторил:

— Назовите в микрофон ваше имя, отдел и номер…

Внезапно динамик умолк. Мужской голос сказал:

— Повторите еще раз.

— Корпус «Икс».

— По какому делу?

— Лучше посмотрите в своих досье, кто я такой.

Наконец послышался другой женский голос:

— Следуйте за световым указателем. Не теряйте его из виду.

Торби поднимался по эскалаторам, спускался в туннели и наконец вошел в дверь без таблички, где его встретил мужчина в гражданском. Он провел Торби еще через две двери. Наконец он оказался лицом к лицу с еще одним мужчиной в штатском. Он поднялся и сказал:

— Радбек из Радбеков? Я — маршал авиации Смит.

— Торби Баслим, а не Радбек.

— Важно не имя, а личность. Я тоже не Смит, но сойдет и так. Полагаю, у тебя есть документы?

Торби вновь полез за карточкой.

— У вас, наверное, есть мои отпечатки пальцев.

— Сейчас их принесут. Ты не против оставить их еще раз?

Пока Торби отпечатывал «пальчики», на столе маршала появилась дактилоскопическая карточка. Сунув изображения в компаратор, Смит, казалось, забыл о юноше, и, лишь когда вспыхнула зеленая лампочка, его голос зазвучал чуть теплее.

— Ну ладно, Торби Баслим… Радбек. Чем могу быть тебе полезен?

— Скорее — чем я могу быть полезен вам?

— Вот как?

— Я пришел сюда по двум причинам, — заявил Торби. — Во-первых, мне есть что добавить к последнему донесению полковника Баслима. Вы знаете, о ком я говорю?

— Я был с ним знаком и очень его уважал. Продолжай.

— Во-вторых, я хочу вернуться в Гвардию и поступить в корпус «Икс». — Торби не мог припомнить, когда он принял это решение, но оно было твердо, — не только носить форму отца, но продолжать его дело. Его работу.

Смит приподнял брови:

— Неужели? Радбек из Радбеков?

— Мое решение окончательно. — Торби в двух словах объяснил, что сейчас он должен вступить во владение имуществом своих родителей, чтобы разобраться в делах. — А потом я свободен. Я понимаю, что говорить о корпусе «Икс» слишком дерзко с моей стороны, ведь я всего лишь стрелок третьего класса… к тому же разжалованный… но я мог бы быть полезен. У меня есть друзья среди Людей… среди Вольных Торговцев. Я знаю несколько языков. Знаком с условиями жизни в Девяти Мирах. Я побывал во многих местах…

Конечно, я не астронавигатор, но путешествовал немало. К тому же я видел, как работал полковник Баслим, и думаю, что смог бы делать нечто подобное.

— Чтобы работать успешно, ты должен быть влюблен в это дело. Зачастую нам приходится делать неприятные вещи… какие уважающий себя человек делать не станет, если только не считает их абсолютно необходимыми.

— Но я считаю! Я был рабом. Вы знали об этом? Может быть, мне поможет то, что я знаю, как чувствует себя раб.

— Возможно. Хотя из-за этого ты можешь поддаться эмоциям. К тому же мы занимаемся не только маршрутами работорговли. Мы не можем обещать новичку, что дадим ему какую-то конкретную работу. Ему приходится делать то, что прикажут. Мы выжимаем из людей все до последней капли. В нашем корпусе очень высокая смертность.

— Я буду делать все, что мне велят. Так получилось, что больше всего меня интересует работорговля. Большинство людей на Земле, похоже, даже не знают о том, что она существует.

— Большая часть того, чем мы занимаемся, для общества вовсе не существует. Можно ли ожи-

дать от людей, которые окружают тебя на улицах, что они воспримут всерьез рассказы о далеких мирах? Не забывай: лишь менее одного процента населения хотя бы раз в жизни покидает свои родные планеты.

— Думаю, вы правы. Во всяком случае, убедить их трудно.

— Но это отнюдь не самое сложное в нашей работе. Земная Гегемония — не империя, ей лишь принадлежит ведущая роль в обширной конфедерации планет. И между тем, что могла бы сделать Гвардия, и тем, что ей позволено, лежит глубокая пропасть. Если ты пришел к нам, надеясь, что уже в течение твоей жизни увидишь конец рабства, то я должен тебя разочаровать. По самым оптимистичным оценкам, на это уйдет не менее двух столетий. И за это время рабство возродится на планетах, которые сейчас еще не открыты. Такую проблему раз и навсегда не решишь. Это очень долгий процесс.

— Я лишь хочу узнать: могу ли я принести пользу?

— Не знаю. И дело вовсе не в том, что, по твоим словам, ты носил невысокое звание. У нас в корпусе очень много людей такого ранга. Корпус «Икс» — это идея, а не организация. Меня не беспокоит

проблема поиска работы для Торби Баслима; для него всегда нашлось бы дело, он может хотя бы переводить… Но Радбек из Радбеков… М-да, это уже сложнее.

— Я же сказал, что собираюсь покончить с этим!

— Ну что ж, подождем, пока это свершится. Ты сам сказал, что не готов вступить в корпус прямо сегодня. А что ты еще говорил? Ты хотел дополнить донесение полковника Баслима?

Торби замялся.

— Сэр, полковник Брисби, мой командир, сказал, будто па… полковник Баслим выявил связи между работорговцами и нашими крупными судоверфями.

— Он так и сказал?

— Да, сэр. Загляните в донесение Баслима.

— В этом нет нужды. Продолжай.

— Ведь он говорил о Радбеках? О «Галактическом Транспорте», не так ли?

Смит задумался.

— Почему ты спрашиваешь у меня, не замешана ли ваша компания в работорговле? Это ты должен нам рассказать.

Торби нахмурился.

— У вас найдется Галактический атлас?

— Да, в холле.

— Можно им воспользоваться?

— Почему бы и нет?

Маршал провел его через отдельный коридор в конференц-зал, в котором был установлен стереоэкран, поблескивающий созвездиями. Такого большого атласа Торби еще не видел.

Управление было достаточно сложным, и Торби долго выяснял назначение рычагов пульта. Затем он принялся за работу. Его лицо исказилось от напряжения. Он высвечивал разноцветными огнями звезды, воссоздавая ту картинку, которую прежде построил на атласе в своем кабинете. Он ничего не объяснял, и маршал молча следил за его работой. Наконец Торби сделал шаг назад.

— Это все, что я знаю.

— Ты кое-что упустил, — маршал добавил несколько желтых и несколько красных огоньков, затем неторопливо обозначил еще дюжину пропавших кораблей. — Но воспроизвести все это по памяти — настоящий подвиг, целый поток идей. Я вижу, ты не забыл про корабль своих родителей. Наверное, этим и объясняется твой личный интерес. — Маршал отошел назад. — Итак, Баслим, ты задал вопрос. Готов ли ты на него ответить?

— Полагаю, «Галактический Транспорт» увяз в этом по уши! Не все, конечно, но руководители в этом замешаны. Те, кто ведает поставкой кораблей, ремонтом и топливом. Может быть, специалисты по финансам.

— Ммм…

— А как иначе все это объяснить?

— А ты понимаешь, что они скажут, если ты обвинишь их в торговле невольниками?

— Не в самой торговле. Думаю, напрямую они не участвуют.

— Но связаны с ней. Во-первых, они заявят, что и слыхом не слыхали о какой-то там работорговле и что все это — бред сумасшедшего. Во-вторых, они уж во всяком случае скажут, что они лишь торгуют кораблями, а разве хозяин скобяной лавки отвечает за то, что купленным у него ножом муж убивает жену?

— Здесь нет ничего общего.

— Они не согласятся с тобой. Они заявят, что не нарушали никаких законов, и, даже если допустить, что где-то существует работорговля, как они могут нести ответственность за действия людей, которые творят зло за много световых лет отсюда? Тут они, кстати, правы: нельзя винить людей в том, чего они сами не делают. Потом

найдется какой-нибудь лощеный тип, который отважится заявить, что-де работорговля, когда она еще существовала, не была таким уж злом, так как большинство населения было бы счастливо избавиться от ответственности, возлагаемой на свободного человека. И добавит, что, мол, если они прекратят продавать корабли, этим займутся другие — таковы уж законы бизнеса.

Торби подумал о сотнях безымянных маленьких Торби, скорчившихся в темноте и плачущих от страха, боли и одиночества в невольничьих бараках. А ведь тот корабль мог быть его собственным!

— Один удар хлыста выбил бы дурь из его башки!

— Это уж точно. Но на Земле отменены телесные наказания. Иногда я думаю — не рановато ли? — Маршал взглянул на экран. — Я запишу эту схему. На ней есть точки, о которых стоит поразмыслить. Спасибо, что пришел к нам. Если появятся еще идеи, добро пожаловать.

Торби понял, что его просьба о зачислении в корпус не воспринята серьезно.

— Маршал Смит… я мог бы сделать кое-что еще.

— А именно?

— До того, как вступить в корпус… если вы меня возьмете, конечно… или после — я не знаю, как у вас это делается… я, Радбек из Радбеков, мог бы посетить на своем собственном корабле те самые места, которые мы отметили красным. Может быть, босс сумел бы докопаться до таких вещей, которые недоступны секретному агенту.

— Возможно. Но ты, вероятно, знаешь, что твой отец уже пытался однажды совершить инспекционный полет. И знаешь, чем это кончилось. — Смит поскреб подбородок. — Кстати, мы так и не смогли разобраться с этим. Пока ты не вернулся, мы считали исчезновение обычным несчастным случаем. Яхта с тремя пассажирами, экипажем из восьми человек, без груза на борту — не очень-то заманчивая добыча для пиратов, которые чаще всего прекрасно знают, что они делают.

Торби был поражен.

— Так вы думаете, что…

— Я ничего не думаю. Но хозяева, желающие разузнать о делишках своих служащих, которыми те занимаются в нерабочее время и в отдаленных местах, частенько обжигают пальчики. А твой отец явно что-то подозревал.

— Насчет работорговли?

— Не стану гадать. Он стал проверять лично. Тот самый район. А теперь мне нужно идти. Приходи ко мне еще… или позвони, и к тебе придет кто-нибудь из наших.

— Маршал Смит… Скажите, могу ли я обсуждать наш разговор с другими людьми? И что именно я могу обсуждать?

— Да все, что угодно. Пока ты не вступил в корпус или в Гвардию. Но известные тебе факты… — Смит пожал плечами. — Кто тебе поверит? Однако имей в виду: обсуждая свои подозрения с деловыми партнерами, ты рискуешь вызвать у людей неприязнь к себе… и это чувство в ряде случаев будет искренним. Что же касается остальных… Кабы я знал!

Торби вернулся так поздно, что Леда уже начала терять самообладание, сгорая от любопытства. Однако ей пришлось скрывать свое нетерпение — не только из боязни быть подслушанной, но также из-за пожилой тетки, которая завернула к ним засвидетельствовать свое почтение Радбеку из Радбеков, да так и осталась на ночь. И только на следующий день, осматривая в музее реликвии ацтеков, они смогли поговорить.

Торби поведал ей о своем разговоре с Гаршем, а потом решился пойти еще дальше.

— Вчера я сделал попытку вернуться в Гвардию.

— Тор!

— Не беспокойся, я не покидаю тебя. Но у меня есть важная причина. Гвардия — единственная организация, пытающаяся положить конец рабству. Сейчас я не могу вступить в нее по еще более веской причине, — он рассказал о своих подозрениях относительно связи Радбеков с работорговлей.

Леда побледнела.

— Это самые страшные слова, какие я когда-либо слышала. И я не могу в это поверить.

— Я был бы рад узнать, что это неправда. Но, как бы то ни было, кто-то ведь строит им корабли и ремонтирует их! Работорговцы — не инженеры, они — паразиты.

— И все же я с трудом верю в то, что работорговля вообще существует.

Торби пожал плечами.

— Десять плетей убедили бы любого.

— Тор! Ты хочешь сказать, что тебя секли плетьми?

— Точно не помню. Но у меня вся спина в шрамах.

По пути домой Леда не проронила ни слова.

Торби еще раз встретился с Гаршем, потом они с Ледой отправились на Юкон в обществе старой тетки, которая не желала оставить их в покое. Гарш принес на подпись Торби два документа и сказал:

— Для начала разберемся с Радбек-Сити, ведь там была официальная резиденция твоих родителей. И второе: я покопался в старых газетных подшивках...

— И что же?

— Твой дедушка действительно отписал тебе солидную долю. Эта история наделала много шуму, когда ты родился. В биржевых бюллетенях перечислены номера всех акций до единой. Так что в один прекрасный день мы крепко их огорошим. Лишь бы только они ничего не пронюхали заранее!

— Надеюсь, вы об этом позаботитесь.

— Но я не советую тебе возвращаться в Радбек до тех пор, пока все не будет улажено. Вот мои координаты. Если придется, ты сможешь даже позвонить мне по телефону. Но было бы гораздо лучше, если бы ты предоставил мне возможность связаться с тобой.

Торби обдумал несколько вариантов, не забывая о том, что он постоянно находится в

окружении телохранителей.

— Может быть, вы… или какой-нибудь молодой человек, сможете позвонить моей кузине и передать кодированное сообщение? Ей постоянно звонят разные люди, чаще всего — молодые. Она тут же сообщит мне, и я отыщу безопасное место, откуда смогу позвонить вам.

— Неплохая мысль. Он спросит, знает ли она, сколько дней осталось на рождественские покупки. Ну все, увидимся в суде. — Гарш улыбнулся. — Ну и потеха же будет! И обойдется тебе очень, очень дорого. До свиданья.

Глава 22

— Хорошо отдохнул? — Дядя Джек ухмылялся ему в лицо. — Ну и погонялись же мы за тобой. Не стоило этого делать, мой мальчик!

Торби хотелось ударить его. Телохранители, впихнув юношу в комнату, отпустили его руки, но стянули ему запястья веревкой.

Дядя Джек перестал улыбаться и взглянул на судью Брудера.

— Тор, ты так и не смог понять, как много мы с судьей сделали для твоих отца и дедушки. Естественно, мы знали, как следует поступать. Но ты доставил нам немало неприятностей, и сейчас мы покажем тебе, как следует обращаться с маленькими детьми, которые не ценят добра. Мы хорошенько проучим тебя. Готовы, судья?

Брудер кровожадно оскалился и вытащил из-за спины хлыст.

— Привяжите-ка его к лавке!

Торби проснулся в холодном поту. Боже, ну и кошмар! Он оглядел тесный гостиничный номер и попытался вспомнить, где теперь находится. Уже несколько дней Торби непрерывно переезжал с места на место, объехав едва ли не

полпланеты. Он уже достаточно освоился с нравами и обычаями Земли, чтобы не привлекать к себе внимания, и даже купил себе поддельные документы, не уступавшие по качеству настоящим. Это оказалось не так уж трудно: Торби быстро выяснил, что подпольный бизнес везде живет по одним и тем же законам.

Наконец он вспомил: он находится в Южной Америке.

Прозвенел будильник. Полночь — пора уматывать отсюда. Юноша оделся и, осмотрев свой багаж, решил бросить его. Спустившись по черной лестнице, он вышел из отеля через заднюю дверь.

Тетке Лиззи не нравился холодный климат Юкона, но она терпела. Вскоре Леде сообщили по телефону, что на рождественские покупки осталось лишь несколько дней, и им пришлось уехать. Торби ухитрился позвонить своему адвокату лишь из Ураниум-Сити. С экрана улыбался Гарш.

— Увидимся в окружном суде графства Радбек, четвертое отделение, в девять пятьдесят девять утра четвертого января. А теперь исчезни и замети следы.

В Сан-Франциско Леда в присутствии тетки

Лиззи закатила Торби скандал. Она хотела ехать в Ниццу, Торби настаивал на Австралии. Наконец он гневно заявил:

— Забирай свой аэрокар, я поеду один!

Он выбежал вон и купил себе билет до Большого Сиднея.

Он проделал старый как мир трюк с туалетной комнатой и, убедившись в том, что избавился от своего телохранителя, пересчитал деньги, которые Леда сунула ему тайком, так как ссорились они прилюдно. Оказалось немного меньше двухсот тысяч кредитов. Там была еще записка с извинениями; Леда не смогла собрать больше, поскольку терпеть не могла носить при себе наличные.

Сидя в южноамериканском порту, Торби подсчитал, сколько у него осталось денег, и решил, что должен вести себя очень рачительно как по отношению к средствам, так и ко времени. Куда только девалось и то и другое!

В Радбек-Сити его чуть не растерзали репортеры; все вокруг буквально кишело ими. Протолкавшись сквозь толпу, он оказался рядом с Гаршем в девять сорок восемь. Старик кивнул:

— Сиди здесь. Сейчас выйдет Хиззонер.

Появился судья, и секретарь провозгласил древ-

нюю формулу:

— …пусть будут выслушаны обе стороны!

Гарш проворчал:

— Этот судья на поводке у Брудера.

— Тогда что мы здесь делаем?

— Ты платишь мне, чтобы я заботился о решении этих проблем. Любой судья становится хорошим, когда знает, что за ним внимательно наблюдают. Оглянись.

Торби осмотрелся. Помещение было забито представителями прессы, так что простым гражданам даже стоять было негде.

— Я неплохо потрудился, поверь мне. — Гарш ткнул пальцем в первые ряды. — Вон тот носатый толстяк — посланник Проксимы. А старый мошенник рядом с ним — председатель Комитета по законности. А вон тот… — Гарш умолк.

Дядю Джека Торби не видел, но судья Брудер восседал за другим столом, не глядя на юношу. Леда тоже не появлялась, и Торби остро почувствовал одиночество. Покончив с формальностями, Гарш уселся и прошептал:

— Молодая леди велела передать, что она желает тебе удачи.

Торби смог огласить свои свидетельские показания только после многочисленных протестов,

контрпротестов и предупреждений судьи. Произнося формулу присяги, он заметил в первом ряду отставного председателя Верховного Суда Гегемонии, который как-то раз обедал в Радбеке. Что происходило потом, Торби не помнил, так как свидетельские показания давал под гипнозом, в который его погрузил психотерапевт.

Несмотря на то что каждый пункт обсасывался до бесконечности, лишь однажды слушания едва не приобрели драматический характер. Суд принял возражение Брудера, выдержанное в таком тоне, что по рядам прокатился возмущенный ропот, а некоторые из присутствующих повскакивали с мест. Судья побагровел:

— К порядку! Пусть бейлиф очистит зал!

Попытка выполнить приказ судьи успеха не имела: передние ряды сидели неподвижно, не сводя глаз с судьи. Высокий посланник Веганской Лиги наклонился к своему секретарю и что-то ему прошептал; тот зашелестел клавишами стенографической машинки.

Судья прочистил горло.

— …если не прекратится беспорядок… суд не потерпит неуважительного отношения…

Торби даже удивился, когда все кончилось.

— …из чего следует заключить, что Крейтон

Бредли Радбек и Марта Бредли Радбек погибли в результате аварии и отныне считаются умершими. Да упокоятся их души в мире. И пусть будет сделана соответствующая запись. — Судья ударил по столу своим молотком. — Если имеются завещания и если здесь присутствуют душеприказчики, то пусть они подойдут ко мне!

О наследстве Торби даже не упоминалось. Он расписался в получении сертификатов в комнате судьи. Ни Уимсби, ни Брудер при этом не присутствовали.

Когда они с Гаршем выходили из зала, юноша глубоко вздохнул.

— Мне даже не верится, что мы наконец победили.

Гарш усмехнулся.

— Не обманывай себя. Мы лишь выиграли по очкам первый раунд. Отныне расходы только увеличиваются.

Торби поджал губы. Их окружили охранники и принялись расталкивать толпу.

Гарш оказался прав. Брудер и Уимсби продолжали управлять компанией и сдаваться не собирались. Торби так и не увидел доверенностей, выданных его родителями. В сущности, он лишь хотел убедиться в том, что, как он по-

дозревал, единственное различие между теми бумагами и документами, подготовленными судьей Брудером, состояло в словах «подлежит отмене» и «подлежит отмене только по обоюдной договоренности».

Однако как только суд потребовал представить доверенности, Брудер заявил, что они были уничтожены при очистке архивов от ненужных бумаг. За оскорбление суда его приговорили к десяти дням заключения, но исполнение приговора было отсрочено, и на этом все кончилось.

Но, хотя Уимсби и лишился контроля над акциями Крейтона и Марты Радбек, не получил их и Торби; счета были заморожены вплоть до утверждения завещаний. А тем временем Уимсби и Брудер продолжали распоряжаться фирмой, пользуясь поддержкой большинства директоров. Торби не имел права даже появляться в конторе, не говоря уж о его бывшем кабинете.

Уимсби покинул поместье Радбек, и ему выслали его личные вещи. В апартаменты дяди Джека Торби вселил Гарша, и старик частенько оставался там ночевать: у них была масса работы.

Как-то Гарш сказал Торби, что уже возбуждено девяносто семь дел, касающихся его имущества; некоторые — против Торби, некоторые — в его

пользу. Часть дел отложена, но многим уже дан ход. Завещания были по сути своей просты: Торби — основной наследник. Однако обнаружилось немало затруднений: появились многочисленные родственники, желавшие поживиться чем-нибудь, если завещания не будут утверждены. Вновь был поднят вопрос о законности признания умершими родителей Торби, подвергалась сомнению формулировка «в результате аварии», встал даже вопрос о подлинности личности юноши. Во всех этих делах не было даже и следа присутствия Уимсби и Брудера; заявления подавались родственниками и держателями акций, и Торби был вынужден заключить, что кандидатура дяди Джека устраивает очень многих людей.

Однако по-настоящему юношу огорчил только иск, поданный его бабушкой и дедушкой: они предлагали установить над ним опеку ввиду его некомпетентности. В качестве доказательства, помимо того неоспоримого факта, что сложная жизнь Терры ему в новинку, приводилась выдержка из медицинского заключения, сделанного врачом Гвардии. Доктор Кришнамурти утверждал, что Торби «в потенции эмоционально неустойчив и в состоянии стресса не может нести

полной ответственности за свои действия».

Гаршу пришлось устроить Торби скандальный публичный осмотр у психолога Секретариата Ассамблеи Гегемонии. Торби был официально признан вменяемым. И тут же последовал шквал требований акционеров признать юношу профессионально непригодным для ведения дел компании «Радбек», как того требовали частные и общественные интересы.

Торби был измучен этими нападками; он начинал понимать, что быть богатым слишком разорительно. Ведение дел в суде и содержание поместья требовали денег, а Торби был по уши в долгах. Он не мог воспользоваться своими же богатствами, так как Уимсби и Брудер продолжали утверждать, будто бы его личность сомнительна, хотя этот вопрос был уже неоднократно решен в пользу Торби.

Прошло немало времени, прежде чем суд, на три ступени выше, чем окружной, предоставил наконец ему право рспоряжаться деньгами родителей (под надзором суда, который вправе был аннулировать свое решение) до тех пор, пока не будет окончательно улажен вопрос об их имуществе.

В соответствии с уставом, Торби созвал общее

собрание акционеров, которое должно было избрать основных должностных лиц компании.

Собрание было устроено в конференц-зале Радбек-билдинг. Присутствовали большинство акционеров, живших на Терре, даже те, кто обычно отделывался выдачей доверенностей руководству фирмы. В последнюю минуту в зал впорхнула Леда, весело крикнув:

— Привет всем!

Потом она обернулась к своему отчиму:

— Папочка, я получила извещение и решила повеселиться, так что вскочила в машину и примчалась сюда. Надеюсь, я ничего не пропустила?

Она лишь мельком глянула на Торби, хотя он сидел на возвышении вместе с директорами. Юноша почувствовал облегчение и обиду одновременно; он не виделся с Ледой с тех пор, как они расстались в Сан-Франциско. Он знал, что девушка живет в отеле «Радбек-Армо» и нередко появляется в городе, но Гарш сказал, чтобы он даже не пытался встречаться с ней.

— Только круглый дурак может волочиться за женщиной после того, как она ясно дала понять, что не желает его видеть.

Так что Торби просто напомнил себе, что он должен вернуть Леде некую сумму, и чем быст-

рее, тем лучше.

Уимсби попросил тишины и объявил, что в соответствии с повесткой дня собранию предстоит выдвинуть кандидатов и провести выборы.

Молоток с грохотом опустился на крышку стола.

— Сейчас секретарь огласит список кандидатов на пост председателя Совета, — лицо Уимсби озарилось торжествующей улыбкой.

Эта улыбка встревожила Торби. С учетом его собственной доли и доли родителей, он располагал примерно сорока пятью процентами акций. Зная имена акционеров, возбудивших против него дела, а также пользуясь другими источниками информации, он мог заключить, что Уимсби контролирует около тридцати одного процента; Торби нужно было набрать еще шесть. Он рассчитывал, что ему поможет громкое имя «Радбек из Радбеков», но надежда была весьма слабая, хотя Уимсби было необходимо набрать из оставшихся голосов втрое больше. Торби не был уверен в том, что дядя Джек еще не положил их в карман.

Он встал и предложил свою кандидатуру как владельца акций:

— Радбек из Радбеков.

Затем большинство акционеров отказались от

поста председателя, и наконец прозвучала фамилия Уимсби. Других кандидатур не оказалось.

— Секретарь огласит список акционеров! — объявил Уимсби.

— Прошу зарегистрироваться голосующих — сначала владельцев акций, а затем голосующих по доверенности. Клерк сверит номера акций с записями в Главной Книге. Тор Радбек… из Радбеков!

Торби назвал свои сорок пять процентов и уселся на место, ощущая все возрастающее беспокойство. Он достал карманный калькулятор. Всего было девяносто четыре тысячи голосов, и Торби не мог позволить себе считать в уме. Секретарь зачитал номера, и клерк уткнулся в свои записи. Для того чтобы победить с преимуществом в один голос, Торби нужно было набрать пять тысяч шестьсот пятьдесят семь голосов.

Голоса в его пользу прибавлялись медленно: двести тридцать два, девятьсот шесть, тысяча девятьсот семнадцать — некоторые напрямую, другие — по доверенностям. Однако на счету Уимсби тоже прибывало. Некоторые акционеры объявляли, что не отдают своих голосов никому, иные вовсе не отзывались. По мере того как зачитывались все новые и новые имена, обладатели

которых никак не реагировали, Торби начинал подозревать, что все их доверенности находятся в руках Уимсби. Однако счет Радбека из Радбеков рос — две тысячи двести пять, три тысячи тридцать шесть, четыре тысячи триста девять… и вдруг все кончилось. На оставшиеся имена никто не откликнулся.

Гарш склонился к уху Торби:

— Остались только наши приятели.

— Я знаю, — Торби убрал калькулятор. Что ж, в конце концов Уимсби победил.

Было ясно, что секретаря заранее проинструктировали, чьи имена назвать под занавес.

— Его честь Курт Брудер!

Брудер отдал свой единственный голос Уимсби.

— Наш председатель, мистер Джон Уимсби!

Уимсби встал, радостно улыбаясь.

— Лично мне принадлежит только одна акция. Но в силу доверенностей, которые я получил и которые находятся у секретаря, я…

Торби не стал слушать и потянулся за своей шляпой.

— Подсчет голосов завершен, и я хотел бы… — начал секретарь.

— Нет!

Леда вскочила на ноги.

— Я присутствую здесь лично! Это мое первое собрание, и я собираюсь участвовать в голосовании!

Уимсби поспешно забормотал:

— Все в порядке, Леда, ты не должна вмешиваться. — Он обернулся к секретарю: — Это не повлияет на результат.

— Еще как повлияет! Я отдаю свои тысяча восемьсот восемьдесят голосов Тору, Радбеку из Радбеков!

Уимсби вытаращил глаза.

— Леда Уимсби!

— Мое имя — Леда Радбек! — звонким голосом объявила девушка.

— Незаконно! — вскричал Брудер. — Голоса подсчитаны! Это уж слишком…

— Ничего подобного! — ответила Леда. — Я здесь, и я голосую. Я отозвала свою доверенность. Это зарегистрировано в почтовом отделении на первом этаже, и я предъявила оформленный и подписанный документ официальным лицам корпорации — я правильно выражаюсь, судья? — за десять минут до начала собрания. Если не верите — убедитесь сами. Впрочем, какая разница? Я сама здесь. Можете меня потрогать. — Она

обернулась к Торби и улыбнулась ему.

Торби попытался выдавить ответную улыбку и гневно прошептал Гаршу:

— Почему вы держали это в секрете?

— Чтобы наш честнейший дядюшка не сообразил, что ему следует выпросить, занять или купить недостающие голоса. Тогда он вполне мог выиграть. Леда по моему совету держала его в счастливом неведении. Вот это девушка! Смотри не упусти ее.

Пятью минутами позже Торби, бледный и потрясенный, поднял молоток, брошенный Уимсби, и посмотрел в зал.

— Приступаем к выборам членов правления, — объявил он нетвердым голосом. Список, составленный им и Гаршем, не вызвал возражений. В него было внесено лишь еще одно имя: Леда Радбек.

Она вновь вскочила на ноги:

— Что вы? Как можно!

— Возражение отклоняется. Вы взяли на себя ответственность, так несите ее.

Девушка умолкла и села на место.

Как только секретарь объявил результаты, Торби обратился к Уимсби:

— Вы еще и генеральный управляющий, не

так ли?

— Да.

— Вы уволены. Ваша акция аннулирована. Не пытайтесь вернуться в свой бывший офис. Забирайте свою шляпу и уходите.

Брудер вскочил с места. Торби обернулся к нему:

— И вы тоже. Сержант, проводите их к выходу.

Глава 23

Торби мрачно глядел на стопку бумаг, каждая из которых была помечена грифом «срочно». Он взял один документ, начал его читать… и отложил в сторону.

— Долорес, переключите все вызовы на меня и можете идти домой.

— Сэр, я могу задержаться.

— Я же сказал: отправляйтесь домой. Неужели вы надеетесь найти себе мужа, имея такие синяки под глазами?

— Спокойной ночи.

«Хорошая девушка, — подумал он. — По крайней мере, надежная». Во всяком случае, он мог на нее положиться. Торби вовсе не хотел оказаться «метлой, которая чисто метет». Администрация должна продолжать работу. Он набрал номер.

Безликий голос произнес:

— Защита семь.

— «Подвиг Прометея», — ответил Торби. — Из девяти шестнадцать.

— Защита включена.

— Давайте, — согласился Торби.

На экране появилось лицо маршала Смита.

— Здравствуй, Тор.

— Мне очень жаль, но нашу ежемесячную встречу опять придется отложить. Мне бы не хотелось этого делать, но посмотрите на мой стол.

— Никто и не думал, что ты станешь отдавать делам корпуса все свое время.

— Черт побери! Именно это я и собирался сделать: разгрести дерьмо, приставить к делу подходящих людей и уйти в Гвардию! Но это не так-то просто.

— Тор, ни один нормальный офицер не позволит себе расслабиться до тех пор, пока в его подразделении не будет наведен порядок! И мы оба знаем, что у тебя на многих участках неладно.

— Так… В общем, я пока не могу с вами встретиться. У вас есть пара минут?

— Ну, бог с тобой, — смилостивился Смит.

— Мне кажется, я нашел одного парня, который мог бы охотиться на дикобразов. Вы не забыли?

— Еще бы. «Никто не осмелится напасть на дикобраза из-за его игл».

— Точно! Но, чтобы понять ваши слова, мне пришлось отыскать изображение этого животного. Пользуясь лексиконом Торговцев, можно сказать так: чтобы придушить какое-либо дело,

надо сделать его неприбыльным. Работорговля по сути своей — обычный бизнес, так что покончить с ней можно, лишь сделав ее чересчур дорогим удовольствием. И если потенциальные жертвы пиратов утыканы иглами, как дикобраз, к ним никто не подступится.

— Если бы мы имели иглы… — сухо ответил шеф корпуса. — А что, у тебя есть какие-то идеи насчет оружия?

— За кого вы меня принимаете? За гения? Ну ладно, скажу: кажется, мне удалось найти одного парня. Его зовут Джоэл Делакруа. По-видимому, этот парень — ярчайшая звезда Массачусетского Технологического института. Как-то раз я говорил с ним о задачах, которые мне приходилось решать на посту корабельного стрелка «Сизу». И он тут же предложил одну великолепную идею… Он сказал: «Тор, это же просто смешно: парализующий луч выводит из строя корабль, вооружения которого хватило бы, чтобы зажечь маленькую звезду».

— Очень маленькую. Но я с ним согласен.

— Отлично. Так вот, я отправил Джоэла в наши Хавермейерские лаборатории в Торонто. Как только ваши ребята одобрят его планы, я дам ему грузовик денег и полную свободу действий. Я

расскажу ему все, что знаю сам о тактике рейдеров и прочих вещах, — у меня не будет времени работать с ним лично, но уж записи сражений я ему отошлю. Меня последнее время буквально разрывают на части.

— Но ему потребуются хорошие помощники. В домашней мастерской такие исследования провести невозможно.

— Знаю. Я представлю вам имена, как только у меня будет время этим заняться. Для проекта «Дикобраз» Делакруа получит столько средств и людей, сколько будет нужно. Скажите лишь, сколько таких установок я смогу продать Гвардии?

— Что?

— Мне нужно делать дело. Если проект провалится, меня попросту уволят. Я мог бы осыпать проект «Дикобраз» дождем мегабаков, но я отчитываюсь перед директорами и акционерами. Если выйдет что-то путное, я мог бы продать несколько сотен установок Вольным Торговцам и какое-то количество передать своим собственным предприятиям. Но для того чтобы оправдать расходы, мне нужна уверенность, что у меня будет большой потенциальный рынок. Сколько может взять Гвардия?

— Тор, ты напрасно беспокоишься. Даже если ты не изобретешь сверхоружия — кстати, тут твои шансы невелики, — то все равно исследования, производимые твоими лабораториями, окупятся. Акционеры ничего не потеряют.

— Я не зря беспокоюсь. Я добился своего поста лишь незначительным большинством голосов; собрание акционеров может вышвырнуть меня на улицу хоть завтра. Я уверен: исследования окупятся. Быстро ли? Не знаю. Можете быть уверены: люди, желающие избавиться от меня, знают о каждом моем шаге. И мне приходится отчитываться за каждый доллар.

— Может быть, заключим контракт на исследовательские работы?

— И чтобы ваш подполковник дышал в затылок моим ребятам и говорил, что они должны делать? Я же сказал: мы намерены предоставить им полную свободу действий.

— М-да… Может быть, дать тебе заказ на эти исследования? Мы заплатим по максимуму. Придется просить аудиенции у командующего. Он сейчас находится на Луне, а я не смогу выкроить время, чтобы отправиться туда лично. Так что придется подождать несколько дней.

— Я ждать не стану; мне достаточно вашего

слова. Расправлюсь со своими делами и завяжу с этой сумасшедшей работой; если даже вы не возьмете меня в корпус, я уж, во всяком случае, смогу стать простым артиллеристом.

— Зайди ко мне вечерком. Я зачислю тебя и тут же прикажу исполнять свои обязанности на том месте, которое ты сейчас занимаешь.

У Торби отвисла челюсть.

— Вы не можете так поступить со мной!

— Если ты будешь таким идиотом и не станешь слушать моих приказов, я так и сделаю, Радбек!

— Но… — Торби умолк. Спорить не имело смысла: впереди еще была уйма работы.

— Хочешь сказать что-нибудь еще? — добавил Смит.

— Э-э… нет.

— Я займусь Делакруа завтра же. Увидимся позже.

Торби дал отбой, и на душе стало еще муторнее. Дело было не в полушутливой угрозе маршала; необходимость потратить большие средства, принадлежавшие другим людям, на проект, который мог провалиться, тоже не беспокоила его. Просто он взялся за работу, которая оказалась гораздо труднее, чем можно было ожидать.

Он взял из стопки верхний лист и вновь поло-

жил его обратно. Нажав клавишу, соединился с поместьем. На экране появилось лицо Леды.

— Я сегодня опять задержусь. Ты уж извини меня.

— Ну что ж, придется перенести начало обеда на более поздний час. Пускай гости развлекаются, а я присмотрю на кухне за канапе.

Торби покачал головой.

— Не надо, садитесь за стол. В крайнем случае поужинаю прямо здесь. Может быть, даже заночую.

Леда вздохнула.

— Если, конечно, ты вообще ляжешь спать. Давай договоримся, мой милый глупыш: ты отправишься в постель не позже полуночи и встанешь не раньше шести. Обещаешь?

— Хорошо, постараюсь.

— Уж постарайся, или будешь иметь дело со мной. Пока!

На сей раз Торби даже не прикоснулся к верхнему листу. Он просто сидел и размышлял. Хорошая девушка Леда, она даже пыталась помочь ему в делах, пока не стало ясно, что бизнес — не самая сильная ее сторона. Но Леда оказалась единственным огоньком во тьме, единственной, кто неизменно оказывал Торби поддержку. И не

будь женитьба нечестным поступком со стороны гвардейца… нет, он не мог так поступить с Ледой; к тому же она не давала ему повода думать, что она вообще хочет выйти за него. Кстати, он поступил очень некрасиво, отказавшись в последнюю минуту явиться на званый обед. И вообще в последнее время он вел себя не лучшим образом. Надо постараться быть более внимательным к девушке.

На первый взгляд все казалось таким простым: взять управление в свои руки и устроить чистку в секторе, ведущем дела с Саргоном. Но чем глубже он вникал в ситуацию, тем больше видел сложностей. Налоги… дела с налогами всегда были чертовски запутаны. Или, скажем, программа колонизации новых планет, предложенная Веганской Лигой, — откуда ему знать, стоящее ли это дело, ведь он там не бывал и ничего не видел! А если бы и побывал и посмотрел — разве это помогло бы ему? И как найти время?

Это смешно, но владелец сотен звездолетов лишен возможности взойти на борт и отправиться в космос. Может быть, через год-два…

Черт побери, но эти проклятые завещания даже и тогда не будут еще утверждены окончательно! Уже прошло два года, а суды все еще жуют эту

жвачку. Неужели вопрос о смерти родителей нельзя решить так, как это делают Торговцы?

И пока тянется это дело, он не может взяться за работу отца.

Конечно, кое-что сделать удалось. Он предоставил корпусу архивы Радбеков, тем самым прояснив некоторые детали; маршал рассказал ему о рейде, вычистившем одно из прибежищ работорговли. Успех налета обеспечили сведения, полученные от служащих компании, которые даже не догадывались о значении этих сведений.

А может быть, все-таки кто-то догадывался? Порой ему казалось, что Уимсби и Брудер все знали, иногда он думал, что нет, ведь документы свидетельствовали о полной законности их деятельности… Правда, иногда их партнерами оказывались сомнительные личности. Но кто знал, что это за люди?

Торби открыл ящик стола и извлек папку, на которой не было надписи «срочно» только потому, что он вообще никогда не выпускал ее из рук. По его мнению, папка содержала самые неотложные дела компании, а может быть, и всей Галактики — даже более срочные, чем проект «Дикобраз», который представлялся делом отдаленного будущего. То, что было в этой папке, могло нанести

тяжелый удар по работорговле или как минимум серьезно подорвать ее. Однако дело шло медленно, и впереди был непочатый край работы.

Слишком много дел. Бабушка любила повторять, что никогда не следует покупать больше яиц, чем влезает в корзинку. Интересно, где она выискала такое сравнение? Вольные Торговцы не покупали яиц. А у Торби скопилось множество корзин, в каждой из которых явный излишек яиц. И каждый день приносит новую корзинку.

Разумеется, в трудную минуту он мог спросить себя: «А что бы сделал на моем месте отец?» Брисби говорил так: «Я просто задаю себе вопрос: как бы поступил полковник Баслим?» Это помогало, особенно когда он вспоминал о словах судьи, который призвал его проявить осторожность в тот день, когда акции его родителей окончательно перейдут к нему:

— Никто не может обладать чем-либо единолично, и чем больше богатство человека, тем в меньшей степени оно принадлежит ему. Ты не в силах распоряжаться собственностью по своему усмотрению и не имеешь права делать глупости. Твои интересы перекрываются интересами акционеров, служащих и всего общества в целом.

Прежде чем приступить к проекту «Дикобраз»,

Торби мысленно обсудил это предостережение с Баслимом.

Судья был прав. Как только Торби возглавил компанию, его первым желанием было сразу же прекратить всякую деятельность Радбеков в зараженном работорговлей секторе и тем самым нанести ей сокрушительный удар. Но это было невозможно. Борясь с преступниками, нельзя наносить ущерб тысячам и миллионам честных тружеников. Здесь требовалось тонкое хирургическое вмешательство.

Именно этим Торби и пытался заниматься сейчас. Он принялся изучать содержимое безымянной папки.

В дверь просунулась голова Гарша.

— Все корпишь? Что за спешка, парень?

— Джим, где найти десяток честных людей?

— Хм… Диоген был бы счастлив найти хотя бы одного. Дай человеку больше, чем он сможет проглотить.

— Вы знаете, о чем я толкую. Мне нужны десять честных грамотных специалистов, которые могли бы возглавить представительства Радбеков на различных планетах. («И таких, против которых не возражал бы корпус», — добавил про себя юноша.)

— Сейчас у меня есть один такой на примете.

— А что еще можно сделать? Я бы заменил ими управляющих, работающих в зловонном секторе. Просто уволить управляющих нельзя; нам придется принять их здесь. Ведь нам ничего наверняка не известно. А новым людям мы сможем доверять, они разберутся в принципах работорговли и поймут, что именно нужно искать.

Гарш пожал плечами:

— Да, это лучшее, что только можно придумать. Но не думай, что нам удастся решить задачу одним лихим наскоком; столько честных и квалифицированных специалистов зараз не найти. И уж конечно, парень, вряд ли ты сумеешь отыскать решение прямо сейчас, даже если будешь пялиться в эти списки всю ночь напролет. Когда ты станешь стариком вроде меня, то поймешь, что нельзя заниматься всем сразу, если не хочешь загнать себя в гроб. Все равно когда-нибудь ты умрешь, и работу продолжит кто-то другой. Ты мне напоминаешь человека, который вознамерился сосчитать все звезды на небе. Чем быстрее он считал, тем больше вспыхивало звезд. И тогда он отправился на рыбалку. И ты должен так поступать, чем раньше и чаще, тем лучше.

— Джим, чего ради вы связались со мной? Все

уже давно ушли, а вы все здесь.

— Потому что я старый идиот. Кто-то ведь должен тебе помочь. К тому же я радуюсь возможности хорошенько врезать по такому грязному делу, как работорговля. И это — единственный способ. Я уже слишком стар и толст, чтобы действовать по-другому.

Торби кивнул:

— Я так и думал. Вот я мог бы бороться по-своему, но, черт побери, у меня так много обязанностей, что я не в силах выкроить ни секунды на все то, что мне следовало бы делать, и уж конечно, у меня никогда не будет ни малейшей возможности делать то, что я хочу!

— Это всеобщий закон. Чтобы выстоять в этой жизни, ты должен время от времени позволять себе делать то, чего тебе больше всего хочется. Давай начнем прямо сейчас. Не станем ничего планировать на завтра, а просто прихватим пакет с бутербродами и отправимся глазеть на красивых девушек.

— У меня на завтра назначен званый обед.

— Ничего подобного. Даже стальной корабль порой нуждается в ремонте. Так что забудь о делах.

Торби глянул на стопку бумаг.

— Ну ладно.

Старик жевал бутерброд, прихлебывал пиво и смотрел на красивых девушек. На его лице играла улыбка невинного удовольствия. Вокруг было полно красоток: в Радбеке всегда хватало шоу-звезд.

Торби не обращал на них внимания. Он размышлял.

Человек не должен забывать о возложенной на него ответственности. Не должен капитан, не должен и старший офицер. Но Торби не видел никакой возможности вступить в корпус Баслима, не нарушая этого принципа. И все же Джим прав: здесь также было поле битвы с грязным бизнесом — торговлей невольниками.

Даже если ему не нравится такой способ борьбы? Да. Полковник Брисби, вспоминая о Баслиме, как-то раз сказал: «…если ты предан делу свободы, то ради нее отказываешься от своей собственной свободы… живешь как нищий, как раб… или даже гибнешь ради того, чтобы жила свобода».

«Да, папа… но я не знаю, как взяться за это дело. Я лишь пытаюсь, иду ощупью, ведь у меня нет никаких способностей к этой работе».

— Чепуха! — отвечал Баслим. — Ты можешь выучиться всему, если сумеешь заставить себя.

Ты научишься, даже если мне придется оторвать твою глупую башку!

Из-за плеча отца выглядывала бабушка, кивая в знак одобрения и серьезно глядя на юношу. Торби кивнул ей в ответ.

— Да, бабушка! Хорошо, папа! Я постараюсь.

— Надо не просто постараться. Этого мало.

— Да, папа.

— А теперь ступай обедать.

Торби послушно потянулся за ложкой, но увидел, что перед ним вместо миски с похлебкой лежит сандвич.

— Что ты бормочешь? — спросил Гарш.

— Ничего. Просто кое-что вспомнил.

— Дай своим мозгам отдохнуть и раскрой пошире глаза. Для всего есть свое время и свое место.

— Вы правы, Джим.

— Доброй ночи, сынок, — шепнул старик-нищий. — Добрых снов… и удачи тебе!

Дверь в лето

Глава 1

В ту зиму, незадолго до Шестинедельной войны, я со своим котом по имени Петроний жил на старой ферме в штате Коннектикут. Вряд ли она сохранилась до наших дней — она стояла как раз на краю зоны атомного поражения (это когда немножко промахнулись по Манхэттену), а эти старые хибарки горят, как бумажные салфетки. Да если бы даже она и уцелела, я бы ее теперь не снял из-за повышенной радиации. Ну а тогда нам с Питом там нравилось. Канализации, правда, не было, поэтому сдавали ферму по дешевке. В комнате, что некогда называлась столовой, окна выходили на север, и свет для работы у чертежной доски был подходящий.

Дом имел один недостаток: в нем было одиннадцать дверей.

А если считать и дверь для Пита — то все двенадцать. Я всегда старался, чтобы у Пита была своя дверь. В данном случае дверью ему служила вставленная в окно нежилой спальни фанерка, в которой я выпилил отверстие такого размера, чтобы усы не застревали. Слишком уж много времени в своей жизни я потратил, открывая

двери кошкам. Однажды я даже вычислил, что за всю историю цивилизации человечество убило на это дело сто семьдесят восемь человеко-веков. Могу показать расчеты.

Обычно Пит пользовался своей дверью, кроме тех случаев, когда ему удавалось умяукать меня, чтобы я открыл ему «человечью» дверь — их он любил больше. Однако он категорически отказывался пользоваться своей дверью, если на земле лежал снег.

Еще котенком Пит выработал очень простое правило: я отвечаю за жилье, питание и погоду; он — за все остальное. Но в особенности, по его убеждению, я отвечал за погоду.

Зима в Коннектикуте хороша только для рождественских открыток; а Пит в ту зиму регулярно подходил к своей двери, выглядывал наружу и — не дурак же он! — отказывался выходить на улицу из-за этой белой дряни под лапами. Потом он мучил и преследовал меня до тех пор, пока я не открывал ему «человечью» дверь.

Пит твердо верил, что хотя бы за одной из этих дверей его ждет хорошая летняя погода. Поэтому каждый раз мне приходилось терпеливо обходить с ним все одиннадцать дверей, открывая каждую, чтобы он мог убедиться, что и там — зи-

ма. С каждым следующим разочарованием кот все больше убеждался, что я со своими обязанностями не справляюсь.

Потом он сидел дома и терпел до тех пор, пока «гидравлическое давление» буквально не выжимало его наружу. А когда он возвращался назад, кусочки льда между подушечками на его лапах цокали по дощатому полу, словно деревянные башмачки. Он сердито смотрел в мою сторону и отказывался мурлыкать до тех пор, пока не выжжет весь лед на лапах, после чего все же прощал меня — до следующего раза.

Но упорно продолжал искать Дверь в Лето.

Третьего декабря тысяча девятьсот семидесятого года я тоже искал ее. Однако поиски мои были такими же безнадежными, как старания Пита в январском Коннектикуте.

Та малость снега, что выпала в Южной Калифорнии, лежала на склонах гор, на радость лыжникам, а не в Лос-Анджелесе — вряд ли снежинки вообще сумели бы пробиться через густой смог. Но в моем сердце наступила зима.

Здоровье у меня было в порядке (если не брать в расчет хронического похмелья); мне было чуть за тридцать; бедность мне не угрожала. Меня никто ни за что не разыскивал: ни полиция,

ни судебные исполнители, ни чужие мужья. В общем, ничего катастрофического, что не поддавалось бы лечению с помощью сеансов легкого забвения. Но поселившаяся у меня в сердце зима гнала меня искать Дверь в Лето.

Если вам показалось, что мне было очень себя жалко, то вы правы. Наверняка на белом свете было добрых два миллиарда людей, дела у которых обстояли хуже моего. И тем не менее именно я искал Дверь в Лето.

Большая часть дверей, которые мне удалось осмотреть во время поисков, открывалась в обе стороны, вроде тех, перед которыми я сейчас стоял. На вывеске над дверями значилось: гриль-бар «Сан-Суси». Я вошел внутрь, выбрал кабинку в середине зала, осторожно поставил сумку на диванчик, сам сел рядом и стал ждать официанта.

Сумка потребовала голосом Пита:

— Мур-рр?!

— Спокойно, Пит, — сказал я.

— Мя-а-а-у!

— Глупости, ты только что ходил по этому делу. Угомонись, официант идет.

Кот притих. Я поднял глаза на склонившегося над столиком официанта и сказал:

— Двойной виски, стакан воды и бутылку им-

бирного лимонада.

— Лимонад с виски, сэр? — официант увял.

— У вас есть имбирный лимонад? Или нет?

— Есть, конечно. Но…

— Тогда неси. Я не буду его пить. Я только буду на него глядеть, скривившись. И еще принеси блюдечко.

— Как прикажете, сэр. — Он протер стол. — А как насчет бифштекса, сэр? И устрицы сегодня тоже очень хороши.

— Слушай, приятель, ты получишь свои чаевые и за устриц, если пообещаешь, что не станешь их подавать. Мне надо только то, что я заказал… и не забудь, пожалуйста, блюдечко.

Он заткнулся и ушел. Я опять велел Питу сидеть тихо. Официант вернулся, уязвленный тем, что его заставили подавать лимонад на блюдечке. Я сказал ему, чтобы он откупорил бутылку, покуда я смешиваю виски с водой.

— Другой стакан, для имбирного, сэр?

— Я настоящий ковбой. Я пью из горлышка.

Он закрыл пасть и безропотно принял плату за выпивку и чаевые (в том числе и за устрицы). Когда он отошел, я плеснул имбирного в блюдечко и постучал по сумке:

— Пит! Кушать подано.

Сумка была не застегнута. Я никогда не застегиваю ее, если внутри сидит кот. Он высунул голову, быстро огляделся и встал передними лапами на край стола. Я поднял стакан и посмотрел на кота; кот — на меня.

— Ну, за прекрасных дам, Пит. Чем больше их встречаешь, тем легче забываешь!

Он кивнул. Это вполне соответствовало его убеждениям. Изящно наклонившись, он начал лакать имбирный. «Если, конечно, сумеешь забыть», — добавил я и глотнул из стакана. Пит не ответил. Для него забыть смазливую кошку труда не составляло: он был убежденный холостяк.

За окном бара, на стене дома напротив, назойливо мигала реклама. Текст то и дело менялся: сперва светилось «РАБОТАЙТЕ ВО СНЕ!». Потом — «И СОН РЕШАЕТ ВСЕ ПРОБЛЕМЫ». И наконец — буквами вдвое большего размера:

«МЬЮЧЕЛ ЭШШУРАНС КОМПАНИ».

Я три раза механически прочел мелькающие буквы, не думая об их смысле. О коммерческом анабиозе я знал не больше и не меньше остальных. Когда об этом деле объявили впервые, я прочел статейку-другую в научно-популярном журнале. Пару раз в неделю вместе с газетами в почтовый ящик совали и рекламный листок.

Я выкидывал эти листки не читая: это касалось меня не больше, чем реклама губной помады.

Во-первых, до самого последнего времени я не смог бы себе этого позволить: Холодный Сон — штука дорогая. А во-вторых, если человеку нравится его работа, идут хорошие деньги (а в перспективе маячит еще больше), если этот человек влюблен и собирается жениться, так с чего бы вдруг ему совершать это полусамоубийство?

Вот если человек неизлечимо болен и ему все равно помирать, но он надеется, что через полвека врачи смогут его вылечить, и если он в состоянии оплатить Холодный Сон до тех пор, пока наука не разберется, что там у него не в порядке, — что ж, тогда Холодный Сон — логичное решение. Или если он мечтает слетать на Марс и считает, что, вырезав лет пятьдесят из своего личного кино, он сумеет купить билет, это тоже логично. В газетах была заметка о каких-то двух чудиках, которые поженились и прямо из городской ратуши отправились в Хранилище Холодного Сна фирмы «Вестерн уорлд иншуранс компани». Там они объявили, что просят их не беспокоить до тех пор, пока они не смогут провести медовый месяц на межпланетном лайнере. Хотя я лично подозреваю, что все это — реклам-

ный трюк страховой компании, а те двое смылись через заднюю дверь: ну, не верю я, что кто-то согласится провести первую брачную ночь, лежа рядышком, как мороженая макрель.

В плане денег дело тоже было соблазнительное. Одна из страховых компаний даже придумала рекламный лозунг: «Работайте во сне». Просто лежи себе, а твои денежки пусть растут, превращаясь в состояние. Если вам пятьдесят пять, а пенсия у вас — двести в месяц, почему бы и не поспать лет двадцать? Проснешься — тебе опять пятьдесят пять, а пенсия — уже по тысяче ежемесячно. Не говоря уже о том, что проснешься-то в новом и прекрасном мире, где ты, возможно, проживешь дольше и будешь здоровее, а тысяча в месяц принесет тебе гораздо больше радости. На эту мысль нажимали все компании, и каждая, с цифрами в руках, неопровержимо доказывала, что ее акции позволяют делать больше (и быстрее!) денег, чем акции любой другой компании. «Делайте деньги во сне!»

Меня это не вдохновляло. До пятидесяти пяти мне было еще далеко. На пенсию я не собирался. Да и в 1970-м я не видел ничего худого.

Точнее сказать, не видел до недавнего времени. Теперь же я, хочешь не хочешь, был вроде как

на пенсии. Я, кстати, не хотел. Вместо свадебного путешествия я сидел во второразрядном баре и пил виски исключительно ради обезболивания души. Вместо жены у меня — ободранный кот, пристрастившийся к имбирному лимонаду. Что же касается того, нравится ли мне мое время, — я бы махнул его не глядя на ящик джина, да и то перебил бы все бутылки.

Но вот уж банкротом я точно не был.

Я сунул руку в карман, достал конверт. Открыл его. Там лежали две бумажки. Первая — чек на сумму, которой я еще ни разу не держал в руках. Вторая — акционерный сертификат фирмы «Золушка инкорпорейтед». Обе немножко помялись: я ведь таскал конверт в кармане с тех пор, как мне его вручили.

Так почему бы и нет?

Почему бы не сбежать и не переспать свои печали? Приятнее, чем поступить в Иностранный легион; не так противно, как самоубийство, и это будет для меня полный развод — с людьми и событиями, испортившими мне жизнь.

Возможность разбогатеть не слишком кружила мне голову. Ну, я, конечно, читал «Когда спящий проснется» Г. Дж. Уэллса, когда это был еще просто обычный роман, — еще до того, как страховые

компании начали раздавать книгу бесплатно ради рекламы. Какие проценты могут набежать по смешанному вкладу, я представлял. Но я не был уверен, хватит ли у меня денег купить себе Долгий Сон и при этом положить в банк сумму, достаточно крупную, чтобы игра стоила свеч. Меня больше привлекало другое: ложишься баю-бай и просыпаешься в другом мире. Этот мир может оказаться гораздо лучше (по крайней мере, страховые фирмы очень стараются убедить в этом своих клиентов), а может быть, и хуже. Но уж другой — наверняка!

Об одном существенном отличии того, другого, мира от нынешнего я определенно мог позаботиться: я смогу проспать достаточно долго, чтобы проснуться в мире, где нет Беллы Даркин. И Майлса Джентри тоже. Но Беллы в особенности. Если ее не будет на свете, то я смогу забыть ее, забыть, что она сделала со мной, вычеркнуть ее из памяти. Пока она жива, червячок воспоминаний будет постоянно точить мое сердце, напоминая о том, что она — всего в нескольких милях от меня.

Так-так, посмотрим, сколько же лет на это нужно? Белле двадцать три. Так, во всяком случае, она утверждает. (Правда, однажды она проговорилась, что помнит, как Рузвельт был президентом.)

Ну, тридцати-то ей еще нет, и если проспать семьдесят лет, то я еще смогу отыскать некролог. Семьдесят пять для верности.

Тут я вспомнил об успехах гериатрии. О ста двадцати годах поговаривают как о «нормальной» продолжительности человеческой жизни. Наверное, надо проспать сто лет. Только вряд ли найдется страховая компания, которая предлагает такой срок.

И тут, навеянная теплом от виски, мне в голову пришла злодейская мыслишка: вовсе не обязательно спать до тех пор, как Белла помрет. Вполне достаточно (более чем достаточно!) — и это прекрасная месть женщине — быть молодым, когда она состарится. Скажем, лет на тридцать моложе. Этого хватит, чтобы достать ее.

Я почувствовал прикосновение легкой, как пушинка, лапы к своей руке.

— Му-урр! — объявил Пит.

— Ты проглот, — сказал я, подливая ему имбирного. Он терпеливо подождал и начал лакать. Но он нарушил стройную линию моих приятных размышлений. В самом деле, куда, к черту, я дену Пита?

Ведь кота нельзя отдать другим людям, как собаку: это против кошачьей натуры. Иногда кот

привыкает к дому, но к Питу это не относится: с тех пор как девять лет назад его забрали от его кошачьей мамы, единственной стабильной вещью в этом изменчивом мире стал для него я. Даже в армии я умудрился держать его при себе, а уж там-то ради этого пришлось покрутиться.

Он был в добром здравии и, вероятно, болеть не собирался, хотя и держался весь на одних шрамах и рубцах. Если бы он отучился чуть что лезть в драку, то, наверное, еще лет пять исправно обеспечивал бы окрестных кошек котятами.

Я бы мог заплатить, чтобы его держали в конуре до конца его дней, что совершенно немыслимо, или сдать ветеринару, чтобы его усыпили, что тоже совершенно немыслимо, или просто бросить его. С кошками, в сущности, так: или ты несешь крест свой до конца, или бросаешь бедную тварь, и она дичает и теряет веру в высшую справедливость (именно таким образом Белла поступила со мной).

Так что, дружище, можешь забыть об этом деле. Жизнь твоя пошла вкривь и вкось, но это ни в коей мере не освобождает тебя от твоих обязательств перед этим насквозь испорченным котом.

Когда я достиг этих философских истин, Пит

чихнул: это газ шибанул ему в нос.

— Будь здоров! — сказал я ему. — И не пей так быстро.

Но Пит этот совет проигнорировал. За столом он умел вести себя лучше, чем я, и знал это. Наш официант ошивался у кассы, болтая с кассиром. Время ленча уже кончилось, и немногочисленные посетители сидели у стойки бара. Когда я сказал: «Будь здоров!», официант взглянул в нашу сторону и что-то шепнул кассиру. Оба посмотрели на меня, потом кассир поднял крышку стойки и пошел к нам. Я тихо сказал:

— Полиция, Пит.

Подойдя к столику, кассир огляделся и вдруг потянулся к сумке, но я сдвинул ее края плотнее.

— Извини, приятель, — сказал он без выражения, — но кота придется отсюда убрать.

— Какого кота?

— Которого ты кормил из этого блюдца.

— Не вижу тут никакого кота.

Тут он нагнулся и заглянул под стол.

— Он у тебя в этом мешке.

— Кот в мешке? — удивленно переспросил я. — Друг мой, это что — в переносном смысле?

— Чего?! Ты давай не умничай. У тебя в сумке кот. Ну-ка, открой!

— А ордер на обыск у тебя есть?

— Не болтай глупости. Ордер…

— Это ты болтаешь глупости: требуешь показать, что у меня в сумке, без ордера на обыск. Четвертая поправка к Конституции позволяет обыскивать без ордера только в военное время, а война уже давно кончилась. Теперь, если с этим все ясно, скажи, пожалуйста, официанту, чтобы повторил все еще по разу. Или сам принеси.

Лицо кассира приобрело страдальческое выражение.

— Дружище, я ничего не имею против тебя, но — я же беспокоюсь за свою лицензию. Видишь табличку вон там, на стене? Там же сказано: с собаками и кошками нельзя. Мы стараемся содержать наше заведение в отличном санитарном состоянии.

— Плохо стараетесь. — Я взял со стола свой стакан. — Видишь следы губной помады? Так что лучше следи за своей судомойкой, а не за клиентами.

— Не вижу я тут никакой помады!

— А я ее стер… в основном. Ну, давай отвезем этот стакан в санитарную лабораторию, пусть там сосчитают бактерий.

Он вздохнул.

— А у тебя удостоверение при себе?

— Нет.

— Тогда квиты. Я не лезу в твою сумку, а ты не тащишь меня в санитарную службу. Так что, если хочешь выпить еще, ступай к стойке и пей. За счет заведения. Но не здесь, не за столиком.

— Мы, собственно, собирались уходить.

Когда, шагая к выходу, я поравнялся с кассой, он поднял голову.

— Ты не обиделся?

— Не-а. Просто я собирался на днях заглянуть сюда выпить со своей лошадью. Теперь не приду.

— Зря: в санитарных правилах про лошадей нет ни слова. Я вот хотел спросить тебя только об одном: твой кот правда пьет имбирный лимонад?

— Ты про Четвертую поправку помнишь?

— Я же не прошу показать мне кота. Я просто хочу знать.

— Ну, — признался я, — он вообще-то предпочитает «ерша», но и неразбавленный тоже пьет, когда приходится.

— Почки испортит. Глянь вон туда, друг.

— Куда?

— Откинься назад, чтобы твоя голова оказалась рядом с моей. Теперь посмотри на потолок над

кабинками. Видишь зеркала среди украшений? Я знал, что там кот, потому что я видел его.

Я сделал, как он сказал, и взглянул. Потолок в забегаловке был весь разукрашен, в том числе и зеркалами. Теперь я увидел, что некоторые из них были наклонены под таким углом, что кассир мог смотреть в них, как в перископы, не покидая своего поста.

— Приходится, — сказал он извиняющимся тоном. — Видел бы ты, что в этих кабинках творится… то есть творилось бы, если бы мы за ними не приглядывали. Скверный это мир.

— Аминь, брат.

Я пошел к двери. Снаружи я открыл сумку и понес ее за одну ручку. Пит высунул голову наружу.

— Слышал, что сказал этот тип? «Это скверный мир». Даже хуже, если два друга не могут спокойно выпить без того, чтобы за ними не шпионили. Так что решено.

— Мя-а-у? — спросил Пит.

— Как скажешь. Раз уж решили, чего тянуть?

— Мяу! — с энтузиазмом ответил Пит.

— Единогласно. Это как раз напротив.

Секретарша в приемной «Мьючел эшшуранс компани» оказалась великолепным образцом

функционального дизайна. Элегантно-обтекаемая, как гоночная машина, она тем не менее была оснащена этакой радарной установкой переднего базирования и всем остальным, необходимым для несения вахты. Я одернул себя, вспомнив, что она уже будет бабушкой, когда я проснусь, и сказал, что хотел бы побеседовать с продавцом.

— Присядьте, пожалуйста. Я сейчас узнаю, кто из наших агентов свободен.

Но прежде чем я успел сесть, она объявила:

— Вас примет сам мистер Пауэлл. Сюда, пожалуйста.

«Сам мистер Пауэлл» занимал кабинет, своими размерами внушавший посетителям, что дела у фирмы идут очень недурно. Он пожал мне руку (ладонь у него была потная), усадил в кресло, предложил сигарету и хотел было принять мою сумку, но я не выпустил ее из рук.

— Ну-с, сэр, чем могу служить?

— Я хочу купить Долгий Сон.

Брови у него одобрительно поползли наверх, а манеры стали еще обходительнее. Семидолларовой сделкой «Мьючел», похоже, тоже не побрезговала бы, но Долгий Сон — это шанс наложить лапу на все состояние клиента.

— Очень мудрое решение, — произнес он по-

чтительно. — Будь я свободен — сам бы поступил точно так же. Но… семья, заботы, сами понимаете. — Он протянул руку и достал бланк. — Клиенты-«сонники» обычно торопятся. Позвольте, я сэкономлю ваше время и заполню это сам… а медосмотр мы мигом организуем.

— Одну минуту.

— Да?

— Один вопрос. Вы можете организовать Холодный Сон и для моего кота?

Он удивился. Потом нахмурился.

— Вы шутите.

Я открыл сумку: Пит высунул голову.

— Вот, познакомьтесь — мой кореш — и ответьте, пожалуйста, на вопрос. Если нет, то я потопал в «Сентрал вэли лайабилити». Их контора ведь тоже в этом здании?

Теперь он выглядел напуганным.

— Мистер… э-э, извините, я не разобрал вашего имени?

— Дэн Дэвис.

— Мистер Дэвис, человек, вошедший в эту дверь, находится под покровительством «Мьючел эшшуранс». Я не могу отпустить вас в «Сентрал вэли».

— И как же вы намерены меня не пустить? С

помощью приемов дзюдо?

— Ну зачем вы так! — Он расстроенно огляделся по сторонам. — В нашей фирме знают, что такое этика.

— Хотите сказать, что в «Сентрал вэли» не знают?

— Я этого не говорил; это ваши слова. Мистер Дэвис, я не хочу на вас давить…

— И не надо. Не удастся.

— Но возьмите образцы контрактов из каждой компании. Сходите к адвокату, а еще лучше — к юристу-текстологу. Разберитесь в том, что мы предлагаем — и выполняем! — и сравните с тем, что предлагает и якобы выполняет «Сентрал вэли». — Он опять огляделся и подвинулся ко мне вплотную. — Мне бы не следовало этого говорить, — и я надеюсь, вы не станете на меня ссылаться, — но они даже не пользуются стандартными актуарными таблицами. Мы…

— Зато они, наверное, дают своим клиентам шанс?

— Что? Дорогой мистер Дэвис, мы распределяем между клиентами всю прибыль. Это требование нашего устава. А вот «Сентрал вэли» — акционерная компания.

— Тогда, может, мне стоит купить их ак… Слу-

шайте, мистер Пауэлл, мы тратим время даром. Берет «Мьючел» моего дружка в клиенты или нет? Если нет, то я и так уже, наверное, подзадержался у вас.

— Вы хотите сказать, что готовы заплатить за то, чтобы эту тварь сохранили для вас в состоянии гипотермии?

— Я хочу сказать, что хочу купить Долгий Сон для нас обоих. И не называйте его «эта тварь». Его зовут Петроний.

— Пардон. Я сформулирую вопрос по-другому. Вы готовы внести соответствующую плату за то, чтобы мы поместили вас обоих — вас и, э-э, Петрония — в наше Хранилище?

— Да. Но не двойную плату. Что-то сверх обычной платы, конечно, но вы можете запихать нас обоих в один гроб. Ведь нечестно брать за Пита столько же, сколько вы берете за человека.

— Все это очень необычно.

— Безусловно. Но о цене мы поговорим позже. Или я буду торговаться с «Сентрал вэли». А сейчас я хочу выяснить, можете ли вы в принципе это сделать.

— Хм-м… — Он побарабанил пальцами по крышке стола. — Одну минуту. — Он снял трубку и сказал: — Беатрис, дайте мне доктора Берк-

виста.

Остальную часть беседы я не услышал. Он включил устройство, не позволяющее подслушивать. Но через некоторое время он положил трубку и улыбнулся так, словно у него умер богатый дядюшка.

— Хорошие новости, сэр! Я как-то совсем упустил из виду, что первые эксперименты на кошках оказались успешными. Техника и критические параметры для кошек вполне известны. Как выяснилось, в одной лаборатории ВМС в Аннаполисе есть кот, который уже более двадцати лет в анабиозе.

— А я думал, весь тамошний военно-исследовательский комплекс разнесло, когда накрыли Вашингтон?

— Только наземные сооружения, сэр. Подземные уцелели. Так что это даже свидетельствует о совершенстве техники: свыше двух лет за этим котом следила только автоматика… и все же он жив — цел, невредим и молод. И вы, сэр, тоже проживете столько, на сколько вверите себя нашей фирме.

Мне показалось, что он сейчас осенит себя крестным знамением.

— Ладно-ладно, поехали дальше. Что у нас там

еще?

«Еще» оказалось четыре. Первое — как платить за наше «обслуживание», пока мы нежимся в анабиозе. Второе — как долго я намерен проспать. Третье — во что я хотел бы вложить свои деньги, пока лежу в морозилке; и наконец, что будет, если я отдам концы и не проснусь.

Я выбрал двухтысячный год — круглое число и всего в тридцати годах отсюда. Я побоялся, что если я просплю дольше, то совершенно растеряюсь в новом времени. Изменений, происшедших за последние тридцать лет — за мою жизнь, — достаточно, чтобы у человека глаза на лоб полезли: две большие войны и десяток малых, Великая Паника, искусственные спутники, переход на атомную энергию — да мало ли чего еще не было, когда я был мальчишкой, а теперь вот есть.

Возможно, что и в 2000-м я растеряюсь. Но если я не заберусь так далеко, то Белле не хватит времени для отращивания морщин.

Когда мы взялись решать, во что вложить деньги, я даже не стал обсуждать всякие государственные займы и прочие традиционные капиталовложения, потому что инфляция просто встроена в нашу финансовую систему. Я решил сохранить свои акции «Золушки» и вложить

деньги в акции некоторых других компаний. Скажем, будет развиваться автоматика. Еще я выбрал одну фирму в Сан-Франциско, выпускавшую удобрения: она экспериментировала с дрожжами и съедобными водорослями; людей на свете с каждым годом все больше, а мясо дешеветь не собирается. А всю образующуюся прибыль я поручил мистеру Пауэллу вкладывать в фонд доверительного управления их компании.

Но главный-то вопрос был — что делать, если я отдам концы, находясь в анабиозе. Фирма утверждала, что у меня больше семи шансов из десяти проспать Холодным Сном тридцать лет, и была готова принять ставку на любой исход. Шансы были неравны, да я иного и не ожидал: в любой азартной игре в выигрыше всегда тот, у кого в руках банк. Только шулера делают вид, что новичку везет, а страхование — это узаконенное шулерство. Самая старая и почтенная страховая фирма в мире — лондонский «Ллойд» — не стесняется признавать это: представители «Ллойда» могут принять ставку на любой стороне любого пари. Но насчет своих шансов не обольщайтесь — кто-то же должен платить портному за отличные костюмы, что носит «сам мистер Пауэлл»...

Я решил, что в случае моей смерти все деньги

до последнего цента отходят в пользу компании, отчего мистер Пауэлл чуть не расцеловал меня, и я начал подозревать, что семь шансов из десяти, наверное, — приманка для оптимистов. Но я уперся на этом условии, потому что становился наследником (если выживу) всех тех, кто подпишет аналогичный контракт (если они умрут). Этакая «русская рулетка»: кто уцелеет — собирает бабки. А фирма, как всегда, гребет свои проценты.

Я поставил на возможность получить максимальную прибыль, не подстраховываясь на случай ошибки в выборе. Мистер Пауэлл просто исходил любовью ко мне, словно крупье к новичку, упорно ставящему на зеро. А к тому времени, как мы оценили стоимость моего имущества, у него хватило ума не жмотничать в отношении Пита. Мы поладили на пятнадцати процентах от «человеческой» цены за его замораживание и оформили на него отдельный контракт.

Оставалось заверить бумаги в суде и пройти медосмотр. За медосмотр я не волновался, поскольку я крепко подозревал, что после того, как я решил завещать свое «состояние» компании в случае моей смерти, они протащат меня через медосмотр в любом случае, даже будь у меня

последняя стадия черной оспы. Однако оформление бумаг в суде, наверное, долгая история. И неспроста: клиент в состоянии Холодного Сна юридически является лицом подопечным — живой, но беспомощный.

Я зря беспокоился. «Сам мистер Пауэлл» уже велел размножить все девятнадцать документов в четырех экземплярах. Я подписывал их, пока пальцы не свело, и посыльный умчался с ними в суд, когда меня повели на медосмотр. Мне даже не довелось взглянуть на судью.

Медосмотр оказался обычной нудной процедурой, за исключением одного момента. Заканчивая осмотр, врач посмотрел мне прямо в глаза и спросил:

— Давно пьешь, сынок?

— Пью?

— Пьешь.

— С чего вы взяли, доктор? Я не пьянее вас. Вот: на дворе трава, на траве…

— Все-все, хватит. Отвечайте на вопрос.

— Ну… недельки две, наверное. Может, чуть больше.

— Запой? Сколько раз это случалось раньше?

— Да, честно говоря, ни разу. Понимаете, я… — Я начал рассказывать ему, как обошлись со мной

Майлс с Беллой и почему я чувствую себя так…

Он выставил перед собой ладонь.

— Прошу вас, довольно. Мне хватает своих переживаний, и я не психиатр. Все, что меня сейчас интересует, — выдержит ли ваше сердце охлаждение до плюс четырех градусов. И обычно меня не волнует, почему человек настолько псих, что лезет в норку и закрывается изнутри. Я считаю, одним дураком меньше под ногами мотается. Но те скудные крохи профессиональной добросовестности, что у меня остались, не позволяют мне допустить, чтобы человек — любой, даже самый жалкий — влез в этот гроб, если у него мозг пропитан алкоголем. Повернитесь.

— А?

— Повернитесь. Уколю в левую ягодицу.

Что мы и сделали: я повернулся, он уколол. Пока я потирал место укола, он продолжил:

— Теперь выпейте это. Минут через двадцать вы будете трезвее, чем были месяц назад. После этого, если у вас осталось какое-то благоразумие (в чем я сомневаюсь), обдумайте свое положение и решите, надо ли вам сбегать от своих проблем или стоит попытаться решить их по-мужски.

Я выпил то, что он мне дал.

— Все, можете одеваться. Я подписываю ваши

бумаги, но я вас предупреждаю, что могу наложить на них вето даже в последнюю минуту. Никакого спиртного, легкий ужин, и не завтракать. Придете к двенадцати для окончательной проверки.

Он отвернулся, даже не попрощавшись. Я оделся и вышел, обиженный до боли. Мистер Пауэлл уже приготовил все мои бумаги. Когда я их взял, он сказал:

— Вы можете оставить их здесь, если хотите, и взять завтра в двенадцать — тот комплект, который вы заберете с собой в ячейку.

— А что будет с остальными тремя?

— Один комплект мы храним у себя. После того как мы поместим вас на хранение, один экземпляр уйдет в суд, а еще один — в Карлсбадский архив. Э-э, насчет диеты вас доктор предупредил?

— Да уж, еще как. — Чтобы скрыть раздражение, я стал листать бумаги.

Мистер Пауэлл протянул руку:

— Я сберегу их тут до завтра, если позволите.

Я потянул их к себе.

— Я и сам их сберегу. Может, я выберу другие фирмы для капиталовложений.

— Э-э, это уж поздновато, мой дорогой мистер

Дэвис.

— А вы меня не подгоняйте. Если я что-то изменю, я приду пораньше.

Я открыл сумку и запихал бумаги в боковой карман, рядом с Питом. Мне уже приходилось хранить там ценные бумаги. Хоть это и не архивы в Карлсбадских пещерах, но бумаги там были целее, чем вы думаете. Как-то раз один воришка пытался увести что-то из этого кармана. Думаю, у него до сих пор остались шрамы от когтей Пита.

Глава 2

Машину свою я нашел на том же месте, где оставил: на стоянке у Першинг-сквер. Я бросил монетку в прорезь автосторожа, воткнул датчик автопилота в выезд на западную автостраду, вытащил Пита из сумки на заднее сиденье и расслабился.

Точнее, попытался расслабиться. Движение в Лос-Анджелесе слишком быстрое и сумасшедшее, не для моих нервов, и расслабиться на автопилоте мне не удалось. «Когда-нибудь я переделаю этот автопилот: до „современного и безопасного прибора“ ему пока далеко», — подумал я еще.

Когда мы выехали на запад с Вест-авеню и переключились на ручное управление, я уже был на взводе и хотел выпить.

— А вон и оазис, Пит.

— Мурр?

— Вон там, впереди.

Но пока я искал место для своей машины (Лос-Анджелесу не грозит вражеское вторжение: оккупанты просто не найдут, где припарковаться), я вспомнил, что доктор велел мне в рот не брать спиртного.

Я уже мысленно посоветовал ему пойти подальше вместе с его указаниями. Но тут подумал: «А вдруг он и через сутки сумеет определить, пил я или не пил?» Была какая-то статейка в журнале — меня она тогда не касалась, и я не очень в нее вчитывался.

Черт, а ведь он запросто может запретить погружать меня в анабиоз. Пожалуй, придется воздержаться на всякий случай.

— Мя?..

— Потом. Лучше найдем «драйв-ин».

Я внезапно понял, что не хочу выпить. Я хочу есть и спать. Доктор был прав: я был трезв и впервые за несколько месяцев чувствовал себя нормально. Может быть, ничего особенного он мне в задницу и не впорол — обычный витамин B_1. Но если так, то витаминчик был на реактивной тяге.

Поэтому мы нашли «драйв-ин». Я заказал себе цыпленка, пару котлет, а Питу — молока и повел его прогуляться, ожидая, пока принесут заказанное. Мы с Питом часто ели в таких кафе: туда не надо проносить кота тайком.

Через полчаса я вывел машину из потока, остановился, закурил, почесал Пита под подбородком и задумался.

Дэн, милый, доктор-то прав: ты пытаешься влезть в бутылку. Голова у тебя острая, пройдет, а вот плечам будет узковато. Теперь ты трезв, ты набил брюхо едой, и впервые за много дней она там уютно улеглась. Тебе лучше.

Чего же тебе еще? Насчет остального доктор, выходит, тоже прав? Ты что, капризный ребенок? Преодолеть препятствие — кишка тонка? Почему ты решился на этот шаг? На приключения потянуло? Или просто сам от себя прячешься?

«Но я и впрямь хочу туда, в 2000 год, — подумал я. — Это же — ух!..»

О'кей, хочешь. Но разве дело — сбежать, не рассчитавшись здесь?

Ладно, а как это сделать? После того что произошло, Белла мне больше не нужна. А что я еще могу? Подать на них в суд? Глупо. Доказательств у меня нет. Да и вообще в суде выигрывает только одна сторона — адвокаты.

— Мя-а! — поддержал Пит.

Я взглянул на его исполосованную шрамами голову. Да, Пит не стал бы судиться. Если ему не нравится покрой усов у другого кота, то Пит просто приглашает его выйти и подраться, как положено настоящему коту.

— Я думаю, ты прав, Пит. Сейчас найду Майлса,

оторву ему руку и буду этой рукой бить его по голове, пока не признается. Долгий Сон малость обождет. Надо же узнать, как они это сделали и кто это сварганил.

Рядом оказалась телефонная будка. Я набрал номер Майлса, который оказался дома, и велел ему ждать моего приезда.

Мой старик нарек меня Дэниэл Бун Дэвис. Так он провозгласил личную свободу и уверенность в себе. Я родился в 1940-м, когда все считали, что индивидуализм обречен и что будущее принадлежит человеку коллективному. Отец в это верить отказался и назвал меня так из чувства протеста. Он погиб в Северной Корее, до конца отстаивая свою точку зрения…

Когда началась Шестинедельная война, я уже имел диплом инженера-механика и служил в армии. Я не стал лезть в офицеры, несмотря на этот диплом. От отца я унаследовал непреодолимое стремление быть сам по себе: не командовать, не ходить под командой у других, не жить по расписанию. Я просто хотел отслужить свой срок — и домой. Когда «холодная война» стала «горячей», я был техником-сержантом в арсенале Сандии, в Нью-Мексико: начинял атомные бомбы атомами и строил планы на будущее, когда выйдет мой

срок. В тот день, когда Сандия исчезла с лица земли, я был в Далласе и получил полный набор впечатлений. Радиоактивное облако понесло в сторону Оклахома-Сити, так что я остался цел и даже получил военную пенсию.

Пит тоже уцелел похожим образом. У меня был приятель, Майлс Джентри. Он давно отслужил в армии, но его призвали снова. Он был женат — взял вдову с ребенком, но к тому времени, как его призвали, жена умерла. Жил он не в казарме, а снимал квартиру недалеко от своей части, в Альбукерке, чтобы у его падчерицы Фредерики был дом и семья. А Рики (мы никогда не звали ее полным именем) присматривала за Питом. Слава кошачьему богу: Майлсу дали трое суток увольнения, и в тот жуткий день он увез Рики на выходные. А Рики прихватила с собой Пита — я-то не мог взять его в Даллас.

Когда оказалось, что в Тиле и других местах у нас заначено несколько дивизий, о которых никто и не подозревал, я удивился не меньше, чем все остальные. Еще с тридцатых годов было известно, что человека можно охладить так, что жизнь в нем замирает почти до нуля. Но до Шестинедельной войны все это считалось лабораторным трюком.

Военные исследования, я вам скажу, такая штука: если есть люди и деньги — будут и результаты. Напечатайте еще миллион долларов, наймите еще тысячу ученых и инженеров — и каким-то непостижимым, противоестественным образом вопросы начинают обретать ответы. Холодный Сон, гибернация, гипотермия, снижение метаболизма — называйте это как хотите, но группы исследователей (медиков и технарей) придумали способ хранить людей как поленья и использовать их по мере надобности.

Сначала «объект» нашпиговывают лекарствами, потом гипнотизируют, а затем охлаждают и хранят точнехонько при 4 °С — при максимальной плотности воды без образования кристалликов льда. Если «объект» нужен быстро, его можно довести до кондиции при помощи диатермии и постгипнотического растормаживания за десять минут, но от такой спешки ткани стареют, а человек может стать немножко… глуповатым. Если не торопитесь, то лучше сделать все это часа за два. Ускоренный метод — метод заведомо опасный.

На такой поворот событий противник не рассчитывал, поэтому по окончании войны меня не расстреляли и не отправили в концлагерь. Мне заплатили денежки, и мы с Майлсом открыли

свой бизнес примерно тогда же, когда страховые компании начали торговать Холодным Сном.

Мы уехали в пустыню Мохаве, открыли в списанном военном ангаре небольшую фабрику и начали выпускать «Золушку». Я обеспечивал техническую часть; у Майлса был опыт делового и юридического характера. Да, это я изобрел «Золушку» и всю ее родню — «Чистюлю Чарли» и других, хотя на заводских табличках и нет моей фамилии.

Пока я служил в армии, я много думал о том, что может инженер. Наняться в «Стэндард ойл», «Дженерал моторз», к Дюпону? Будешь питаться регулярно и летать в командировки в собственном самолете компании. Через тридцать лет — прощальный банкет и пенсия. Но хозяином самому себе ты не будешь.

Можно податься и в муниципальные службы: сразу приличная зарплата, тридцатидневный оплачиваемый отпуск, куча привилегий, хорошая пенсия и никаких хлопот. Но я уже отвык от государственной службы и хотел быть сам себе голова.

Что бы такое найти небольшое, для одного инженера, не требующее сперва шести миллионов человеко-часов труда, чтобы выпустить на

рынок изделие? Этакий велосипедный заводик, купленный на сдачу от бакалейщика, вроде того, что завели когда-то Форд или братья Райт. Считается, что эти времена канули безвозвратно. Я в это не верил.

Грядет бум автоматизации: химические заводы, где весь персонал — два техника (следить за задвижками) да охранник. Автомат печатает билеты в одном городе, а другие автоматы ставят штамп «продано» в шести других городах. Стальные комбайны добывают уголь, а парни из «Юнайтед майнз» сидят да наблюдают. Поэтому, пока я служил у Дяди Сэма, я буквально впитывал все новинки по электронике и кибернетике, какие только мог найти, имея допуск к бумагам с пометкой «Совершенно секретно».

Куда автоматика приходит в последнюю очередь? Ответ: к домохозяйкам. Я отнюдь не собирался создавать «научно обоснованный» дом — женщинам это не нужно. Женщине нужна пещера, только хорошо оборудованная. Но домохозяйки вечно жалуются, что недовольны прислугой. Хотя прислуга, как явление, давно исчезла вслед за мамонтами.

Мне редко доводилось видеть домохозяйку, в которой не было бы чего-то рабовладельческого.

Каждая считает, что домохозяйка просто обязана пороть чернокожих служанок, а те должны быть благодарны, что могут драить полы по четырнадцать часов в день, получать объедки с господского стола и те жалкие гроши, которыми и подмастерье сантехника пренебрег бы.

Поэтому мы назвали наше чудище «Золушка». В общем, это была просто улучшенная конструкция пылесоса; мы и продавать ее собирались по такой цене, чтобы конкурировать с обычными пылесосами. Что умела делать «Золушка» (первая модель, а не тот почти разумный робот, который получился после всех моих усовершенствований)? Мыть полы — любые полы, сутки напролет и без присмотра. А где-нибудь в доме всегда есть грязный пол. Она подметала, скребла, пылесосила или натирала, в зависимости от того, что подсказывала ей ее дурацкая «память». Любой предмет размером больше игральной карты она поднимала с пола и клала в лоток на верхней крышке, чтобы кто-нибудь поумнее решил, выкинуть это или оставить. Она тихо ползала весь день, отыскивая грязь, по такому маршруту, что не пропускала ничего. Она сразу же выползала из комнаты, если в ней были люди (если только хозяйка не догонит ее и не щелкнет тумблером,

означающим, что ей можно продолжить работу). Пока хозяева обедали, «Золушка» возвращалась к своей стойке и быстренько подзаряжалась (покуда мы не перешли на вечные батареи).

Между первой моделью «Золушки» и пылесосом особой разницы не было. Но того отличия, что существовало реально — способности убирать дом без присмотра, — оказалось достаточно: «Золушку» стали раскупать.

Схему челночно-рыскающего перемещения я содрал с игрушки «электрическая черепашка», описанной в журнале «Сайнтифик американ» в конце сороковых; блок памяти — из электронного мозга управляемых ракет (что хорошо в сверхсекретных штучках — их не патентуют!), а сами чистящие приспособления взял из десятка разных устройств, включая полотер для военных госпиталей, газировальный автомат и механические «руки»-манипуляторы, которыми пользуются на атомных заводах для работы с «горячими» деталями. Ничего по-настоящему нового во всем этом не было. Все дело заключалось в том, как я все эти части собрал воедино. «Искра божья», которую требуют наши изобретательские законы, — это умение найти хорошего патентоведа.

Самое гениальное было в технологии производства: всю машину можно было собрать из стандартных деталей, заказанных по почте, по каталогу фирмы «Свитс», кроме двух трехмерных кривошипов-толкателей и одной печатной платы. Печатную плату мы заказали отдельно; толкатели я делал сам в мастерской, которую мы гордо называли «фабрика», на станках, купленных из тех же списанных армейских излишков. Вначале вся сборочная бригада состояла из нас с Майлсом: тут приверни, там подпили, здесь подкрась. Действующая модель обошлась в четыре тысячи триста девятнадцать долларов девять центов; первая сотня серийных машин — чуть дороже тридцати девяти долларов за штуку, и мы продали их оптом в один лос-анджелесский магазин уцененных товаров по шестьдесят, а они распродали их в розницу по восемьдесят пять. Чтобы товар согласились принять для продажи, нам пришлось оформить сделку как договор о сдаче на комиссию, потому что денег на рекламу у нас уже не было, и мы чуть не умерли с голоду, прежде чем начали приходить первые деньги. Тут в журнале «Лайф» дали целый разворот про нашу «Золушку», и пришлось срочно нанимать помощников, чтобы собирать наших чудищ.

Белла Даркин появилась у нас вскоре после этого. Мы с Майлсом печатали наши деловые письма одним пальцем на разбитом «ундервуде» 1908 года. Беллу мы наняли в качестве машинистки и делопроизводителя, взяли в аренду электрическую машинку с респектабельным шрифтом и угольной лентой, а я придумал «шапку» для фирменного бланка. Всю прибыль мы вкладывали в дело. Пит и я спали прямо в мастерской, а Майлс с Рики — в каморке рядом. Организовать корпорацию мы решили для охраны своих прав. Но для этого надо не меньше трех пайщиков, так что мы дали Белле пару акций уставного фонда и поименовали ее в списке «секретарь-делопроизводитель». Майлс стал президентом корпорации и старшим менеджером, я — главным инженером и председателем правления (с пятьюдесятью одним процентом акций).

Поясню, почему я решил сохранить контроль. Я не жаден. Я просто хотел быть хозяином самому себе. Майлс, надо отдать ему должное, пахал на всю катушку. Но ведь шестьдесят с лишним процентов сбережений, на которые мы начали дело, были мои. А моих изобретений и инженерных решений — так и все сто. Майлсу ни за что бы не создать «Золушку», а я мог ее сделать с любым

партнером, а может, и в одиночку. Хотя я наверняка потерпел бы неудачу, пытаясь сделать на этом деньги: Майлс был бизнесменом, а я — нет.

Но я хотел быть уверен, что сохраню контроль над производством, и предоставил Майлсу полную свободу в вопросах бизнеса. Как оказалось, слишком полную.

Первая модель «Золушки» шла нарасхват, как холодное пиво на пляже, и я был занят тем, что усовершенствовал ее конструкцию, организовал настоящий сборочный конвейер и поставил во главе мастера, после чего с радостью начал придумывать новые домашние приспособления.

Удивительно, как мало внимания уделяется домашней работе, а ведь это как минимум половина всей работы на свете. В женских журналах писали об «экономии усилий в домашнем труде» и о «функциональных кухнях», но все это был детский лепет. На очаровательных картинках изображали помещения, где и варили, и ели, как во времена Шекспира. Техническая революция, создавшая самолет на смену лошади, прошла мимо кухни.

Я придерживался убеждения, что домохозяйки — консерваторы. Никаких «механизированных жилищ» — просто устройства для замены вымер-

ших домашних слуг: чтобы чистили, варили и глядели за детьми.

Мое внимание привлекли грязные оконные стекла и то место в ванне, вокруг сливного отверстия, которое так трудно отмыть — приходится сгибаться в три погибели. Оказалось, что под воздействием электростатического устройства грязь сама отлетает от любой полированной поверхности — со стекла, умывальника, унитаза. Так возник «Чистюля Чарли», и удивительно, что никто не придумал его до меня. Я придерживал его до тех нор, пока не сделал таким дешевым, что просто невозможно устоять. А знаете, сколько брали мойщики окон за час работы?

Я не запускал «Чарли» в производство гораздо дольше, чем это устраивало Майлса. Он хотел пустить «Чарли» в продажу, как только тот стал достаточно дешев, но я настоял на одном: надо, чтобы «Чарли» было легко чинить. Главный недостаток большинства бытовых машин в том, что чем они лучше и больше умеют делать, тем чаще ломаются, и наверняка именно в тот момент, когда это устройство вам нужнее всего. И чтобы оно опять заработало, нужен специалист, берущий по пять долларов в час. А на следующей неделе опять что-нибудь выходит из строя: не

кондиционер — так посудомоечная машина. Обычно это бывает в субботу вечером, во время метели и снегопада.

Я хотел, чтобы мои железяки работали безотказно, а их владельцы не наживали язву. Но все железяки портятся, даже мои. И пока не наступит великий день, когда придумают, чтобы в механизмах не было движущихся частей, техника будет ломаться. Если дом набит техникой, то всегда какая-нибудь машинка будет неисправна.

Но военные исследования дают результаты, и вояки справились с этой проблемой много лет назад. Нельзя же, в самом деле, терять тысячи и даже миллионы солдат, проигрывать битвы и целые войны только из-за того, что ломается какая-то железка с палец величиной. Для военных нужд применяются разные примочки: «безотказные» устройства, дублирующие цепи, повторители и разное такое. Из всего этого для бытовой техники годилось только одно: блочно-модульный принцип. Идея была до идиотизма проста: не чинить, а менять. Я решил сделать все части «Чарли», которые могли сломаться, легкосменными и продавать набор запчастей вместе с каждым «Чарли». Одни сломанные части можно будет выкинуть, другие — отправить в ремонт,

но сам «Чарли» никогда не будет стоять сломанный дольше, чем надо, чтобы вставить запасную часть вместо вышедшей из строя.

Тут у нас с Майлсом вышла первая стычка. Я считал, что переход от образцов к серийному выпуску — вопрос чисто технический. Он же утверждал, что это проблема менеджмента. И если бы я не сохранил контроль, то «Чарли» пошел бы в продажу таким же подверженным приступам острого аппендицита, как и все остальные кухонные недоделки, которые якобы экономят время своих хозяев.

Белле удалось сгладить нашу ссору. Если бы она настояла, я бы, наверное, позволил Майлсу начать продажу «Чарли» раньше, чем робот будет доведен до ума, потому что я дурел от Беллы настолько, насколько мужчина вообще может одуреть от женщины.

Белла была не только прекрасным секретарем — своими «личными данными» она могла бы вдохновить Праксителя, а аромат ее духов действовал на меня, как запах валерьянки на Пита.

Хорошие секретарши вообще редкость; и когда очень хорошая вдруг соглашается служить на маленьком свечном заводике вроде нашего за грошовое жалованье, следует озадачиться во-

просом: а почему? Но мы были так счастливы, когда она выкопала нас из-под лавины бумаг, засыпавшей нас в связи с торговлей «Золушкой», что даже не поинтересовались, а где, собственно, она служила раньше…

А потом, позже, я с гневом и возмущением отвергал все предложения Майлса проверить ее послужной список, ибо к тому времени размеры ее бюста уже серьезно повлияли на здравость моих суждений. Она благосклонно позволяла мне жаловаться ей на то, как одиноко мне жилось до ее появления, и даже говорила, что и она вот тоже, в некотором роде… но что ей хотелось бы сперва получше узнать меня.

Вскоре после того, как она погасила ссору между мной и Майлсом, она согласилась разделить со мной мою судьбу. Дэн, дорогой, сказала она, в тебе есть что-то… ты будешь великим человеком. И я хочу надеяться, что я — подходящая женщина, чтобы помочь тебе в этом.

— Ты именно такая женщина!

— Тс-с, милый. Но я не выйду за тебя прямо сейчас, ведь это значит обременить тебя детьми и замучить до смерти всякими домашними заботами.

Я возражал, но она была непреклонна.

— Нет, дорогой. У нас впереди долгий путь. Твоя фирма станет знаменитой, как «Дженерал электрик». Когда мы поженимся, я хочу забыть про бизнес и посвятить себя только одному: составить твое счастье. Но сначала я должна позаботиться о твоем благосостоянии и твоем будущем. Доверься мне, милый.

Что я и сделал. Она не позволила мне купить ей в честь нашей помолвки дорогое кольцо. Вместо этого я перевел на ее имя несколько своих акций — в качестве обручального подарка. При голосованиях они, конечно, считались моими. Я все пытаюсь вспомнить, чья это была идея насчет такого подарка — моя или ее?

После этого я еще сильнее налег на работу, выдумывая самоопорожняющуюся мусорную корзинку и приставку для вынимания чистой посуды из посудомоечной машины после мытья. Все были счастливы. Все, кроме Пита и Рики. Пит игнорировал Беллу, как и все, что он не одобрял, но не мог изменить. А вот Рики была очень несчастна.

Это моя вина. Рики считалась «моей девушкой» с шестилетнего возраста, еще в Сандии — этакая кроха с бантиками и огромными темными глазищами. Я собирался «жениться на ней», когда она

вырастет, чтобы мы вместе могли заботиться о Пите. Я думал, что это игра; да, наверное, так оно и было. Всерьез было только обещание разрешить Рики смотреть за котом. Но вот поди узнай, что у ребенка на уме…

В отношении детей я не сентиментален: в большинстве своем это маленькие чудовища, и это с ними не проходит, пока они не вырастут (а у некоторых и после этого тоже…). Но малышка Фредерика была похожа на мою сестренку, вдобавок любила Пита и обращалась с ним прилично. А я, видимо, нравился ей, потому что не разговаривал с нею как с маленькой (сам этого в детстве терпеть не мог) и не подшучивал.

Рики была правильная девчонка: не врунья, не писклявая и не ябеда, и было в ней скрытое достоинство. Мы дружили, вместе заботились о Пите, и, по моим понятиям, все эти разговоры про «мою девушку» были просто игрой. Я бросил эту игру, когда при бомбежке погибли мои мать и сестра. Это не было осознанное решение, мне просто стало не до игр, и больше мы к этому не возвращались. Рики тогда было семь лет. Когда появилась Белла, ей исполнилось десять. А к тому времени, как мы с Беллой объявили о своей помолвке, — вероятно, одиннадцать.

Она ненавидела Беллу так сильно, что, наверное, только я об этом и знал, ибо внешне это проявлялось в нежелании разговаривать с нею. Белла говорила, что девочка ее стесняется, да и Майлс, по-моему, тоже так считал.

Но провести меня было труднее, и я попытался убедить Рики, уговорить ее. Вы никогда не пробовали говорить с подростком на тему, которую он обсуждать не желает? Такие разговоры — как об стенку горох. Но я думал, что это пройдет, когда Рики поймет, какая Белла замечательная.

Другое дело — Пит. Не будь я влюблен, я бы понял по его поведению, что нам с Беллой никогда друг друга не понять. Белла «обожала мою кошку» — ну еще бы, а как же иначе! Она обожала кошек, и мою пробивающуюся лысину, и мое умение выбирать хорошие рестораны, и вообще все-все, что касалось меня.

Но настоящего любителя кошек трудно обмануть, утверждая, будто ты любишь кошек. Есть кошатники, а есть «прочие» (и их, наверное, большинство) — те, которые «не переносят это безобидное и полезное животное». Если из вежливости или по каким-то другим соображениям они пытаются это скрыть, то это сразу заметно, потому что они не понимают, как нужно обра-

щаться с кошками.

Дело в том, что кошачий «протокол» еще строже, чем дипломатический. Он основан на взаимном уважении и чувстве собственного достоинства. В нем есть что-то от латиноамериканского dignidad de hombre, которое можно задеть, только рискуя жизнью.

Кошки начисто лишены чувства юмора, страшно обидчивы и очень чувствительны. Если бы меня спросили, почему надо стараться угодить своему коту, мне пришлось бы ответить, что логического объяснения этому нет. Я бы скорее сумел объяснить человеку, который не выносит пикантных сыров, почему ему «следует любить» лимбургский сыр. И тем не менее я хорошо понимаю того китайского мандарина, который приказал отрезать кружевной рукав своего бесценного халата, на котором уснул котенок.

Белла пыталась изобразить, как она «любит» Пита, обращаясь с ним, как с псом, и, естественно, он частенько ее царапал. Будучи умным котом, он тут же сматывался и держался подальше, что было весьма благоразумно с его стороны: я бы его выдрал, а Пита никто никогда не бил, даже я. Бить кошку более чем бесполезно: добиться от нее чего-либо можно только терпением, а не битьем.

Я смазывал Белле царапины и пытался объяснить, что она делает не так:

— Мне очень жаль, что так произошло, просто ужасно жаль. Но если ты будешь так делать и дальше, это будет случаться опять!

— Но я его просто приласкала!

— Ну да… Только так ласкают собак, а не кошек. Кота нельзя похлопывать по спине, его нужно гладить. Нельзя делать рядом с ним резких движений. Нельзя трогать его, если он не видит, что ты собираешься это сделать. И всегда смотри, нравится ли это ему. Если нет, он будет терпеть некоторое время из вежливости — кошки очень вежливые животные, — но можно заметить, что он просто терпит, и прекратить раньше, чем его терпение лопнет. — Я помедлил. Я колебался… — Ты ведь не любишь кошек, а?

— Что? Фи, как глупо! Конечно же, я люблю кошек. — Но тут же добавила: — Просто я, наверное, мало имела с ними дело. Твоя кошка — она такая чувствительная, да?

— Кот. Пит — кот. Самец. Нет, он не такой чувствительный — с ним всегда хорошо обращались. Просто надо научиться правильно себя с ним вести. Ну, нельзя, скажем, смеяться над ним.

— Господи, это еще почему?

— Не потому, что они не смешные: они очень комичны. Но у них нет чувства юмора, и они очень обижаются. Конечно, он не оцарапает тебя, если ты станешь над ним смеяться. Он просто повернется и уйдет, но помириться с ним тебе будет сложно. Но это не самое главное. Гораздо важнее научиться брать кота на руки. Когда Пит вернется, я тебе покажу как.

Но Пит тогда вернулся не скоро, и я так и не показал ей, как это надо делать. С тех пор Белла к нему не прикасалась. Она разговаривала с ним и делала вид, что он ей нравится, но держала дистанцию, и Пит — тоже. Я выбросил это все из головы: не мог же я из-за такой ерунды усомниться в женщине, значившей для меня в жизни все…

Однако позднее этот вопрос чуть не довел нас до разрыва. Мы обсуждали, где мы станем жить. Дату свадьбы Белла так и не давала назначить, но мы очень часто обсуждали детали будущей семейной жизни. Я хотел купить небольшое ранчо недалеко от фабрики. Белле была больше по душе квартира в городе, пока нам не по карману купить виллу и поместье. Я сказал:

— Дорогая, это неудобно. Мне надо быть поближе к фабрике. И, кроме того, у нас ведь кот,

а не кошка. Тебе не приходилось держать кота в городской квартире?

— Ах, это!.. Знаешь, милый, хорошо, что ты сам заговорил об этом. Я тут кое-что почитала про кошек, да-да. Мы его… прооперируем. Тогда он будет тихий, и ему будет в квартире распрекрасно.

Я глядел на нее, не веря ушам своим. Сделать из этого старого бойца евнуха? Превратить его в украшение для каминной полки?!

— Белла, ты сама не знаешь, что говоришь!

Она пустила в ход присказки вроде «мамуля лучше знает» и дежурные доводы людей, принимающих кошек за домашнее имущество: что ему не будет больно, что так ему же лучше, что она знает, как я люблю Пита, и что у нее и в мыслях не было лишать меня моего кота, и что это все очень просто и не опасно, и для всех было бы лучше, если…

Тут я перебил ее:

— А почему бы не нас обоих — его и *меня*?!

— Что, милый?

— Я говорю: и меня тоже. Я тоже буду тогда смирный, тихий, не буду уходить из дома вечерами и спорить с тобой. Ты же сказала: это не больно. И потом: мне же будет лучше!..

Она вспыхнула:

— Ты несешь чепуху!

— А ты?

Больше она не заводила разговоров на эту тему. Белла никогда не позволяла разногласиям перерасти в ссору. Она умолкала и выжидала. Но никогда не отказывалась от своих намерений. В определенном смысле в ней было очень много от кошки. Может, поэтому она и была столь неотразима для меня?

Я был рад, что этот вопрос отпал. Я был по горло занят «Салли». На «Чарли» и «Золушке» мы наверняка должны были заработать кучу денег, но у меня просто чесались руки создать совершенный, универсальный домашний автомат — этакую прислугу на все руки. Можете назвать его роботом, хотя это слово затерли, а я вовсе не собирался делать механического человека.

Я хотел создать машину, способную делать по дому все, — убирать, варить (ну, это естественно), но не только. Она должна уметь делать и сложные вещи: перепеленать младенца или сменить ленту в пишущей машинке. Я хотел, чтобы вместо полчища разных машин — «Золушки», «Чистюли Чарли», «Нянюшки Нэнси», «Посыльного Пэта» и «Садовника Сида» — семья могла купить всего одну машину (пусть даже она стоит

столько, сколько приличный автомобиль), но эта машина будет заботиться о них не хуже слуги-китайца (все о таких слугах читали, но никто из моих сверстников их в глаза не видывал).

Если мне удастся осуществить задуманное — это станет новой Декларацией эмансипации; это освободит женщин от их векового рабства. Я хотел, чтобы поговорка «Домашнюю работу не переделаешь» устарела. Домашняя работа — штука нудная, однообразная и утомительная. Как инженера, меня это просто оскорбляло.

Чтобы это дело было по плечу инженеру-одиночке, почти вся моя «Универсальная Салли» должна была состоять из стандартных узлов и не основываться на новых принципах. Фундаментальные исследования — занятие не для одного человека. Придется опираться на уже созданное и придуманное, иначе мне этого не одолеть.

К счастью, придумано уже было немало, а я не зевал, когда имел допуск «СС» — «Совершенно секретно». Создаваемая мною машина вряд ли должна была быть сложнее, чем управляемая ракета.

Чего же я хотел от своей «Салли»? Я хотел, чтобы она умела делать все, что приходится делать в доме человеку. Есть, спать, заниматься сексом

или играть в карты ей не обязательно, а вот убирать со стола после карточной игры, готовить, стелить постель и нянчить детей — это уж будьте любезны. Или по крайней мере следить за дыханием ребенка и звать людей, если оно изменится. Я решил, что уметь отвечать на телефонные звонки ей тоже не обязательно: «Американ телефон энд телеграф» уже торгует такими устройствами. Открывать входную дверь опять же не обязательно — большинство новых домов оборудовано такими механизмами.

Но чтобы делать уйму дел, для которых «Салли» предназначалась, ей нужны были руки, глаза, уши и мозг. Хороший мозг.

«Руки» можно заказать в той же фирме, выпускавшей оборудование для атомных заводов, что поставляла их для нашей «Золушки», — только на этот раз «руки» были нужны самые лучшие: с массой сервоприводов и механизмами тонкой обратной связи, такие, какие используют для взвешивания радиоактивных изотопов на аналитических весах. Та же фирма будет делать и «глаза»; правда, «глаза» можно и попроще: «Салли» ведь не придется «видеть» сквозь метры бетона, как на атомных заводах. «Уши» я мог купить у любой из дюжины радиотелевизионных

фирм, хотя мне и придется самому разрабатывать некоторые электронные цепи, чтобы «руки» одновременно управлялись импульсами от органов зрения, слуха и осязания, как человеческая рука.

Но на транзисторах и печатных платах в маленький объем можно запихать чертову уйму всего.

Лазить по пожарной лестнице «Салли» не придется; лучше я сделаю так, что шея у нее будет вытягиваться, как у страуса, а руки — удлиняться наподобие телескопических антенн. А вот должна ли она подниматься по ступеням? Вообще-то было такое инвалидное кресло с моторчиком, которое могло это делать. Может, купить такое и взять в качестве шасси, уменьшив сами механизмы до таких размеров, чтобы помещались в этом кресле, и такого веса, чтобы кресло выдержало? Вот и параметры определились. А электропривод и рулевое управление я выведу на «мозг».

Главная закавыка была в «мозге». Можно сделать механику наподобие человеческого скелета, а может, и лучше. Можно придумать систему обратной связи, достаточно точную и тонкую, чтобы робот мог забивать гвозди, мыть полы, бить яйца — или не бить яйца. Но пока у него между ушей не будет этой штуки, наподобие

человеческой, — это не человек и даже не труп.

К счастью, мне не нужен был мозг на уровне человеческого. Мне надо было создать послушного дебила, способного делать однообразную домашнюю работу.

И тут пригодились ячейки памяти Торсена. Наши баллистические ракеты выбирали точку поражения, «размышляя» ячейками Торсена; применялись они и в системах регулирования дорожного движения, например в Лос-Анджелесе, хотя и попроще, «поглупее». Не буду вдаваться в тонкости теории — их даже в «Бэлл лэбз» не очень понимают, — суть в том, что ячейку Торсена вводят в управляющую цепь, один раз управляют работой машины вручную, и ячейка «запоминает» последовательность действий и в следующий раз может управлять работой сама, без оператора-человека, и так неограниченное число раз. Для станка-автомата этого достаточно; для управляемой ракеты и «Универсальной Салли» нужны еще несколько цепей, чтобы машина могла «мыслить». Никакое это, конечно, не мышление (я считаю, что машина вообще не может мыслить), это просто побочные цепи — поисковые цепи, которые задают команды вроде: «Ищи то-то и то-то в пределах того-то и того-то;

когда найдешь, исполняй основную программу». Основную программу можно сделать настолько сложной, насколько плотно удастся набить информацией ячейки Торсена (а набить ее туда можно ох как изрядно!), и составить так, чтобы она прерывалась, как только последовательность операций начнет отличаться от «запомнившихся» ячейкам Торсена.

Это означало, что только один раз «Универсальную Салли» надо было заставить убрать со стола, очистить от остатков пищи тарелки и поставить их в посудомоечную машину — после этого она сама справлялась с любой грязной посудой, на которую натыкалась. Более того: ячейку Торсена можно сначала зарядить электронной «памятью» и лишь потом вмонтировать в ее «голову». Тогда «Салли» справится с попавшейся ей грязной посудой сразу же, с первого раза, и никогда не разобьет ни одной тарелки.

Воткните другую «заряженную» ячейку рядом с первой — и она сумеет перепеленать малыша, и тоже с первого раза, и никогда — никогда! — не ущипнет его.

В квадратную голову «Салли» свободно помещалась добрая сотня ячеек Торсена, каждая — со своей электронной «памятью» о разных

домашних делах. Теперь — сторожевая цепь, охватывающая все «умные» цепи: она заставляла «Салли» замереть на месте, включив сигнал тревоги, если та натыкалась на что-то, не укладывающееся в ее инструкции, чтобы не бить ненароком посуду (или детей!).

Так что «Салли» я собрал на базе инвалидного кресла с электроприводом. Внешне это сильно смахивало на осьминога, обнимающегося с вешалкой, но видели бы вы, братцы, как она умела чистить столовое серебро!

* * *

Майлс наблюдал, как наша первая «Салли» смешивает «мартини», подает его; потом обходит комнату, опорожняя и протирая пепельницы (не трогая при этом чистые); затем открывает окно; после этого подходит к полкам и стирает пыль с книжек. Отхлебнув «мартини», Майлс заявил:

— Вермута многовато, пожалуй.

— А я именно такой и люблю. Но можно сделать, чтобы мне она смешивала коктейли так, а тебе — по-другому. У нее свободных ячеек еще навалом. Одно слово — универсальная.

Майлс отпил еще.

— Как скоро она будет готова для запуска в

производство?

— Ну, я-то возился бы с ней еще лет десять.

Майлс застонал, и я торопливо добавил:

— Но модель попроще, я думаю, надо бы запустить пораньше, — скажем, лет через пять.

— Ерунда! Наймем тебе кучу помощников, и чтобы все было готово через полгода.

— Черта с два! Это венец моего творения, и я не выпущу ее из рук, пока она не станет шедевром: раза в три меньше, с легко заменяемыми, быстросъемными узлами (кроме, конечно, торсеновских ячеек) и настолько смышленой, чтобы она не только не заводила ключом кошек и не стирала пыль с детей, но даже играла в пинг-понг, если покупатель заплатит за дополнительное программирование.

Я взглянул на «Салли»: она тихонько стирала пыль с письменного стола, аккуратно укладывая каждую бумажку туда, откуда взяла. Я продолжил:

— Хотя играть с ней в пинг-понг, пожалуй, будет скучно: она не будет промахиваться. А впрочем, можно научить ее и этому: поставим генератор случайных чисел… да, это можно. А когда сделаем — устроим рекламный матч. Вот будет зрелище, а?

— Год, Дэн. Один год, и ни днем больше. И я найму дизайнера — помочь тебе с внешним оформлением.

Тут я сказал:

— Майлс, когда ты поймешь наконец, что технической частью командую я? Вот когда я передам ее тебе — валяй, там ты хозяин. Но ни секундой раньше.

— А вермута все-таки многовато… — ответил Майлс.

* * *

С помощью наших механиков я возился с «Салли» до тех пор, пока она перестала напоминать результат столкновения двух мотоциклов и приобрела вид, вызывающий желание прихвастнуть ею перед соседками. Я тем временем довел до совершенства всю систему управления. Я даже научил ее гладить Пита и чесать его за ухом, а это, поверьте, требует такой же точной системы отрицательной обратной связи, как в оборудовании атомных лабораторий. Майлс не торопил меня, хотя время от времени заходил взглянуть, как идут дела. Работал я обычно по ночам, поужинав с Беллой и проводив ее домой. Большую часть дня я отсыпался, приезжал на фабрику после

обеда, подмахивал приготовленные Беллой бумаги, проверял, что сделано за день в мастерской, и опять уезжал с Беллой ужинать. Я не очень выкладывался перед ужином, потому что после творческого труда от человека воняет, как от козла: утром, когда я возвращался из мастерской, вытерпеть меня мог разве что Пит.

Как-то раз, когда обед близился к концу, Белла спросила:

— Ты обратно на фабрику, милый?

— Конечно, а куда же еще.

— Хорошо. Майлс тоже должен приехать.

— Майлс?

— Он хочет провести собрание пайщиков.

— Собрание пайщиков? Зачем?

— Это ненадолго. Ты ведь в последнее время не очень вникал в дела фирмы, милый. Майлс хочет кое-что уточнить насчет нашей рекламной политики; я точно не знаю.

— Я в основном занят инженерными делами. А что, собственно, еще я могу делать для фирмы?

— Ничего, милый. Майлс говорит, что собрание — ненадолго.

Майлс уже ждал нас на фабрике и поздоровался со мною за руку так торжественно, будто мы месяц не виделись. Я спросил его, в чем дело. Он

повернулся к Белле:

— Достань, пожалуйста, повестку дня.

Уже тогда я должен был понять, что Белла солгала мне, будто бы Майлс не говорил ей, что он замышляет. Но мне это и в голову не пришло (я же верил Белле, черт возьми!), да еще вдобавок меня кое-что отвлекло: Белла подошла к сейфу, повернула ручку — и сейф открылся. Я спросил:

— Кстати, дорогая, я вчера хотел открыть его и не смог. Ты что, сменила шифр?

Она перекладывала папки и не повернулась ко мне.

— Разве я тебе не сказала? Охрана попросила меня сменить шифр после ложной тревоги на прошлой неделе.

— А… ты лучше дай мне новый шифр, а то, не ровен час, придется звонить вам среди ночи!

— Конечно. — Она закрыла сейф и положила папку на стол, который мы использовали для совещаний. Майлс откашлялся и сказал:

— Давайте начнем.

Я ответил:

— О’кей. Дорогая, раз это официальное собрание, то, мне кажется, надо бы вести протокол. Хм, итак: среда, восемнадцатое ноября тысяча девятьсот семидесятого года. Девять часов двадцать

минут вечера. Присутствуют все пайщики — запиши наши имена; председатель правления и ведущий собрание — Д. Б. Дэвис. Есть ли вопросы, оставшиеся не рассмотренными ранее?

Таковых не оказалось.

— О'кей, Майлс, твой выход. Есть ли новые вопросы?

Майлс опять прочистил горло:

— Я хочу обсудить и пересмотреть политику фирмы, предложить программу действий на будущее и представить на рассмотрение совета предложения о привлечении внешних инвестиций.

— Не дури, Майлс. У нас положительный баланс, и дела идут лучше с каждым днем. Чего тебе не хватает? Если денег на текущем счету, то можем добавить!

— Новая программа не позволит нам сохранить положительный баланс. Нам нужна более широкая структура капиталовложений.

— Какая еще новая программа?

— Дэн, ну, пожалуйста! Я не поленился все это подробно записать. Пусть Белла прочтет.

— Ну что ж… пусть прочтет.

Опуская крючкотворские пассажи (а Майлс, как все юристы, очень любил длинные слова), де-

ло сводилось к трем пунктам. Во-первых, Майлс хотел отобрать у меня «Универсальную Салли», передать ее группе инженеров-технологов и немедленно выбросить на рынок. Во-вторых…

Тут я перебил его:

— Нет!

— Подожди, Дэн. Как президент и старший менеджер, я определенно имею право, чтобы мои соображения выслушали, не перебивая. Оставь свои комментарии при себе и дай Белле дочитать.

— Ладно. Но другого ответа не будет.

«Во-вторых, хватит нам быть кустарями, — считал Майлс. — У нас в руках большое изобретение — не менее важное, чем автомобиль, — и немалая фора. Так что надо немедленно расширяться, создавать организацию всеамериканского, а возможно, и всемирного масштаба: оптовая торговля, розничная — ну, и производство, соответственно».

Я начал барабанить пальцами по столу. Я представил себя главным инженером такого предприятия: у меня даже чертежную доску отберут, а если я возьму в руки паяльник — профсоюз тут же объявит забастовку. С тем же успехом я мог остаться служить в армии и попытаться стать

генералом. Но я не перебивал.

В-третьих, такие дела с нашими грошами не проворачивают — нужны миллионы. Миллионы предлагала «Манникс энтерпрайзиз»; фактически она просто покупала нас на корню вместе с «Универсальной Салли», вершками и корешками. Мы превратились бы в ее дочернюю корпорацию. Майлс стал бы начальником отдела, а я — ведущим конструктором, но доброе старое время уже не воротишь: мы оба станем просто батраками.

— Это все? — осведомился я.

— Мм-м… да. Давайте обсудим и проголосуем.

— По-моему, надо еще включить пункт, гарантирующий нам право сидеть вечером перед хижиной и петь спиричуэлс.

— Это не шутки, Дэн. Так надо.

— А я и не шучу: чтобы раб не бунтовал, ему надо дать какие-то привилегии. О'кей. Можно мне?

— Валяй.

Я выдвинул встречное предложение, которое давно вертелось в голове. Я предложил свернуть производство. Джейк Шмидт, наш мастер цеха, был славный малый. Но меня то и дело выдергивали из теплого творческого тумана — устранять дефекты сборки. Ощущение такое, будто тебя из теплой постели вываливают в ледяную воду. Вот

из-за этого-то я и старался побольше работать по ночам, а днем держаться подальше от цеха. А когда привезут еще ангары и укомплектуют ночную смену, мне и вовсе не видать покоя для творчества, даже если мы и отклоним этот безумный план — втиснуться между «Дженерал моторз» и «Консолидейтед». У меня не две головы: я не могу быть и изобретателем, и производственником.

Так что я предложил: давайте не будем расти. Лучше продадим лицензии на «Золушку» и «Чарли» — пусть их выпускает и продает кто-нибудь другой. А мы будем получать свои отчисления. А когда «дозреет» «Салли», мы и ее можем лицензировать. Если «Манникс» интересуют наши лицензии, пусть торгуется. Переторгует других — ради бога! А мы сменим вывеску на «Конструкторскую корпорацию Дэвис и Джентри» и опять будем работать втроем. Ну, еще парочка механиков — помогать мне собирать новые модели. А Майлсу и Белле останется только сидеть да считать денежки, что к нам потекут.

Майлс медленно покачал головой.

— Нет, Дэн. Конечно, лицензирование — это тоже деньги. Но ничего похожего на то, что мы можем иметь, делая нашу технику сами.

— Черт побери, Майлс, да ведь мы как раз и не

будем делать ее сами, в том-то и дело! Мы просто продадимся «Манникс» с потрохами. А деньги — сколько ты хочешь? Больше одной яхты и одного бассейна тебе не надо. И то и другое у тебя будет еще в этом году, если захочешь.

— Не хочу.

— А что же ты хочешь?

Он поднял голову.

— Дэн, ты хочешь изобретать? Мой план — это возможность иметь для этого любые деньги и вообще все на свете. А я — я хочу рулить крупным делом. Большим делом. У меня к этому талант. — Он взглянул на Беллу. — Я не желаю до конца дней торчать здесь, посреди пустыни, и работать менеджером у изобретателя-одиночки.

Я пристально посмотрел на него.

— В Сандии ты по-другому говорил. Хочешь выйти из игры, Папуля? Нам с Беллой будет очень жаль… но раз ты так решил, я, наверное, смогу заложить фабрику и выкупить твою долю. Я никого не хочу связывать.

Я был просто потрясен до самых пяток. Но если старине Майлсу так не терпелось, у меня не было никакого морального права удерживать его.

— Нет, я не хочу выйти из игры, я хочу, чтобы мы расширялись. Ты слышал мое предложение.

Оно официальное. Так что давайте голосовать.

Наверное, у меня был удивленный вид.

— Ты так хочешь?! О'кей, Белла, я голосую против. Запиши. Но я не буду вносить свое контрпредложение сегодня. Давайте обговорим его и обсудим. Я ведь тебе, Майлс, добра желаю.

Майлс упрямо повторил:

— Давайте сделаем все, как положено. Голосуем, Белла.

— Хорошо, сэр. Майлс Джентри, акции номер… — она прочитала номера акций. — Как вы голосуете?

— За.

Она записала в журнал.

— Дэниэл Б. Дэвис, акции номер… — она опять отбарабанила серию телефонных номеров. Я не очень вслушивался в эту проформу. — Как вы голосуете?

— Против. Так что все ясно. Извини, Майлс.

— Белла С. Даркин, — продолжила Белла, — акции номер, — она опять прочитала ряд цифр. — Я голосую «за».

Я открыл рот. Потом с трудом закрыл его и сказал:

— Но, детка, так нельзя! Это, конечно, твои акции, но ты же знаешь, что…

— Огласите результаты, — хрипло сказал Майлс.

— «За» — больше. Предложение принято.

— Запишите.

— Да, сэр.

Следующие несколько минут я помню смутно. Сперва я орал на нее. Потом уговаривал. Наконец я озверел и выложил ей, что она поступает нечестно, что я, конечно, отписал ей часть своих акций, но она же прекрасно знает, что ими всегда голосую я и что я не собираюсь расставаться с контролем над компанией, что это был просто обручальный подарок, и все. Я же даже сам заплатил недавно подоходный налог по этим акциям, черт возьми! Если она способна откалывать такие номера, когда мы еще только помолвлены, тогда что же можно будет ожидать от нее после свадьбы?

Она посмотрела мне прямо в лицо совершенно чужим взглядом:

— Дэн Дэвис, если ты полагаешь, что после всего, что ты мне тут наговорил, мы еще помолвлены, то ты еще глупее, чем я всегда о тебе думала.

Она повернулась к Джентри:

— Ты меня отвезешь, Майлс?

— Разумеется, дорогая.

Я начал что-то говорить, но тут же заткнулся и вышел, спотыкаясь и забыв шляпу. И хорошо, что вовремя ушел — я тогда мог просто убить Майлса (на Беллу у меня рука не поднялась бы).

Я, конечно, не сумел заснуть. Около четырех часов ночи я встал, позвонил в пару мест и в половине шестого уже подъезжал к фабрике на грузовике. Я подошел к воротам, чтобы отпереть их, заехать внутрь и погрузить свою «Универсальную Салли» в кузов — весила-то она четыреста фунтов. Однако на воротах висел новый замок.

Я перелез через забор, ободрав руку о колючую проволоку. Изнутри я легко справился бы с замком: инструмента в мастерской хватало на все случаи. Но замок на двери тоже сменили.

Я разглядывал его, прикидывая, что легче — выбить монтировкой окно или взять из машины домкрат и отжать дверь, когда кто-то позади меня рявкнул: «Эй ты, руки вверх!»

Руки я не поднял, но повернулся. Средних лет человек целился в меня из какого-то оружия. Калибр был подходящий для бомбардировки крепости.

— Кто вы такой, черт возьми?!

— А вы кто такой?

— Дэн Дэвис, главный инженер этого заведения.

— А-а…

Он малость расслабился, но миномет свой по-прежнему не опускал.

— Да, по описанию похожи. Но если у вас есть какой-нибудь документ, я бы предпочел взглянуть на него.

— А с какой бы это стати? Я же спросил: кто вы такой?

— Я? Ну, вы меня не знаете. Зовут Джо Тодд, служу в местной охранной фирме. Частный детектив. А вы должны были про нас слышать: наши патрульные уже много месяцев охраняют вашу фирму. Хотя сегодня я здесь со спецзаданием.

— Да? Тогда, раз у вас есть ключ, впустите меня. Я хочу войти. И уберите свою гаубицу.

Он все еще целился в меня.

— Не могу, мистер Дэвис. Во-первых, ключа у меня нет. Во-вторых, насчет вас у меня конкретные распоряжения: впускать вас не велено. Идемте, я открою вам ворота.

— Ворота вы откроете, но внутрь я все-таки войду.

Я оглянулся вокруг в поисках булыжника — разбить окно.

— Мистер Дэвис…

— Ну?

— Не советую настаивать. Я плохой стрелок, так что не могу рисковать, целясь в ноги. Мне придется стрелять вам в живот, а пули у меня разрывные. В общем, зрелище будет довольно неприятное.

Наверное, из-за этого я и передумал, хотя сейчас мне приятнее думать, что причина была в другом, а именно: когда я снова взглянул в окно, то увидал, что на том месте, где я оставил «Салли», ее не было.

Выпроводив меня за ворота, Тодд вручил мне небольшой конверт:

— Мне велели отдать вам это, если вы появитесь.

Я прочел письмо в кабине грузовика. Оно гласило:

18 ноября 1970 года

Уважаемый мистер Дэвис!

На состоявшемся сегодня заседании Совета директоров принято решение прервать Ваши отношения (кроме как акционера) с корпорацией, в соответствии с третьим параграфом Вашего контракта.

Убедительно просим Вас не входить на территорию предприятия. Ваши личные вещи и бумаги Вы получите в целости.

Совет директоров благодарит Вас за службу и сожалеет о расхождении точек зрения на вопросы политики фирмы, повлекшем это решение.

Искренне Ваши,

Майлс Джентри, председатель Совета директоров и старший менеджер;
Белла С. Даркин, секретарь-делопроизводитель

Я перечитал письмо дважды, прежде чем сообразил, что у меня сроду не было никакого контракта, содержащего третий параграф (равно как и все прочие).

В тот же день посыльный привез мне в мотель, где я держал чистые сорочки, пакет. В нем была моя шляпа, ручка, запасная логарифмическая линейка, куча книг и личных писем, а также ряд документов. Но чертежей «Универсальной Салли» там не было.

Некоторые документы были очень любопытные. Например, мой «контракт»: там, ясное дело, был третий параграф, по которому меня могли

выгнать без предупреждения, с выходным пособием в размере трехмесячного заработка. Но седьмой параграф был еще интереснее. Согласно этому параграфу, я обязуюсь в течение пяти лет не поступать на работу в конкурирующие фирмы, не испросив ранее согласия у прежнего нанимателя, платившего мне соответствующую «компенсацию» в случае увольнения. Иными словами, я могу возобновить работу в любое время; надо только прийти со шляпой в руке к Майлсу и Белле и попросить у них разрешения. Шляпу, видимо, мне вернули именно для этого.

Но пять долгих лет я не мог работать над бытовыми приборами без их разрешения. Проще, наверное, самому себе горло перерезать.

Были там и надлежащим образом оформленные копии актов передачи мною прав на все мои патенты фирме «Золушка Инк.» — на «Золушку», на «Чарли» и еще на некоторые мелочи. «Универсальная Салли», конечно, запатентована еще не была. (Это я так думал. Как было на самом деле, я узнал позже.)

Но я никогда не переуступал своих патентов. Я даже лицензий на них не оформлял: корпорация была моим детищем, и я не видел в этом срочности.

Последними тремя документами были: сертификат на мои акции (кроме тех, что я подарил Белле), заверенный к оплате чек и письмо, поясняющее составляющие суммы чека: зарплата, за вычетом накладных расходов; трехмесячная зарплата как выходное пособие; компенсация за «седьмой параграф» и, наконец, надбавка в тысячу долларов «в знак признательности за особые заслуги» — последнее было очень мило с их стороны.

Перечитывая эту поразительную подборку, я успел понять, что я был не слишком умен, подмахивая подряд все, что Белла мне подсовывала на подпись. А в том, что подписи были мои, сомневаться не приходилось.

На другой день я настолько успокоился, что пошел посоветоваться с адвокатом — очень ловким, жадным и не слишком щепетильным. Сперва он хотел взяться за это дело — за приличный процент. Но, закончив разглядывать мои экспонаты и узнав подробности, он скис и сложил руки на животе.

— Дэн, я дам вам совет. Бесплатно.

— Ну?

— Не рыпайтесь. Шансов у вас нет.

— Но вы же говорили…

— Я знаю, что говорю. Они вас облапошили. Но как вы это докажете? У них хватило ума не трогать ваших акций и не обчистить вас до последнего цента. Вы получили то, что должны были получить, если бы все было по-честному и вы ушли (или вас выгнали), как они пишут, из-за разных точек зрения. Вам выдали все, что причитается, и даже тысячу сверх того, как пинок под зад, — дескать, ступай, мы на тебя не сердимся.

— Но у меня не было никакого контракта! И я не переуступал этих патентов!

— Из ваших бумаг явствует, что был и контракт, и все остальное. Подписи ваши, вы сами признаете. Кто-нибудь может подтвердить ваши слова?

Я подумал. Доказать я, конечно, ничего не мог. Даже Джейк Шмидт не знал, что делается в конторе. Единственными свидетелями были… Белла и Майлс.

— Теперь насчет тех акций, что вы подарили. Это единственный шанс их свалить. Если вы…

— Но это — единственная бумажка во всей стопке, которая действительно законна. Я сам переписал эти акции на ее имя.

— Да, но почему? Вы сказали, что это был обручальный подарок. Как она голосовала, теперь несущественно. Если вы докажете, что это был

обручальный подарок ввиду предстоящей женитьбы, то сможете заставить ее либо выйти за вас, либо вернуть их. Есть прецедент: дело «Мак-Нолти против Родса». Тогда вы опять получаете контрольный пакет и вышибаете их вон. Сумеете это доказать?

— Черт, я не хочу на ней жениться!

— Это ваше дело. Просто все по порядку. Есть у вас свидетели, письма, какие-то доказательства того, что, даря акции, вы подразумевали, что это — подарок вашей будущей жене?

Я задумался. Свидетели у меня, понятное дело, были. Все те же двое: Майлс и Белла.

— Вот видите? У вас только ваши слова — против их слов, но их двое, и у них вдобавок еще куча документов. Вы не только ничего не добьетесь, но и кончите тем, что попадете в такое место, где каждый — Наполеон, с диагнозом «навязчивые идеи…». Мой вам совет: займитесь чем-то другим. Или плюньте на их седьмой параграф и заведите свое дело. Мне было бы очень интересно посмотреть, как пойдет подобное дело в суде, конечно, при условии, что мне не придется вас защищать. Но не пытайтесь обвинить их в сговоре. Они выиграют дело, предъявят вам встречный иск и отберут даже то, что оставили сейчас.

Он встал.

Я воспользовался его советом ничего не предпринимать только частично: на первом этаже в том же здании был бар. Я зашел туда и пропустил пару рюмок, а потом еще полдюжины.

* * *

Пока я ехал к Майлсу, времени на воспоминания у меня было достаточно.

Когда у нас завелись деньги, Майлс с Рики перебрались в Сан-Фернандо-Вэли, подальше от нашего пустынного пекла, и сняли отличную квартиру. Я обрадовался, вспомнив, что Рики нет дома (она была в скаутском лагере на Большом Медвежьем озере): мне не хотелось, чтобы она присутствовала при размолвке между мной и ее отчимом.

Машины в туннеле Сепульведа ползли бампер к бамперу. И тут мне пришло в голову, что недурно было бы куда-нибудь деть свой сертификат на акции «Золушки», а не тащить его с собой к Майлсу. Никаких грубостей не ожидалось (если я сам не начну грубить), но мысль была верная. Я теперь был осторожен, как кот, которому однажды прищемили дверью хвост.

Оставить в машине? А вдруг меня арестуют

за драку (если драка все-таки случится)? Глупо будет, если сертификат найдут при обыске отбуксированной в полицию машины.

Можно, конечно, послать по почте самому себе, но последнее время я получал почту до востребования на центральном почтамте: мне приходилось частенько переезжать из отеля в отель, потому что раньше или позже Пита обнаруживали.

Можно отправить кому-то, кому я доверяю. Вот только список тех, кому я доверял, был слишком короток…

И тут я вспомнил, кому я могу доверять: Рики.

Может показаться, что я сам нарывался на неприятности, решив довериться одной женщине после того, как меня только что провела другая. Но тут ничего общего. Я знал Рики почти всю ее жизнь, и если на свете был честный человек — так это Рики. И Пит, кстати, тоже так считал. Кроме того, внешние данные Рики никак не могли повлиять на мужское благоразумие: ее женственность была у нее только на лице — на фигуре она пока никак не отразилась.

Выбравшись из «пробки» в туннеле, я свернул с автострады и нашел аптеку. В кассе я купил марки, два конверта — побольше и поменьше

— и писчей бумаги.

Я начал писать:

> Дорогая Рики-Тики-Тави!
>
> Надеюсь, мы скоро увидимся, а пока что сбереги для меня этот конверт, что поменьше. Это секрет, только между нами.

Я остановился и задумался. Черт побери, ведь случись со мною что-нибудь, скажем, автокатастрофа, и ценные бумаги, отосланные Рики, в конце концов могут попасть к Белле и Майлсу. Если я не придумаю, как это предотвратить. Обдумывая, как это сделать, я понял, что подсознательно уже принял решение насчет Холодного Сна: я передумал. Протрезвление и лекция, прочитанная мне доктором, как-то расправили мне плечи. Я уже не собирался сбежать — я решил остаться и драться. И этот сертификат был для меня наилучшим оружием. Он давал мне право поинтересоваться их отчетностью; он позволял мне совать свой нос во все и всяческие дела компании. И если они опять попытаются не пустить меня, наняв охранника, то в следующий раз я смогу приехать с адвокатом, помощником шерифа и судебным ордером. Я даже мог потащить их с этим сертификатом в суд. Дело я, наверное,

не выиграл бы, но по крайней мере наделал бы шуму и вони, и тогда «Манникс», возможно, и передумала бы покупать их.

Может, вовсе и не следовало посылать это Рики.

Нет. Если со мною что-нибудь случится — пусть это достанется ей. Вся моя «семья» состояла из Рики и Пита. И я стал писать дальше:

> Если вдруг я не увижусь с тобой в течение года — значит, со мной что-то случилось. Тогда позаботься о Пите, если сумеешь его разыскать, и, никому не говоря ни слова, отвези малый конверт в любое отделение «Бэнк оф Америка», отдай сотруднику траст-отдела и попроси его вскрыть.
>
> *Обнимаю тебя и крепко целую.*
>
> ***Твой дядя Дэнни.***

Потом я взял новый лист и написал:

> «3 декабря 1970 года, Лос-Анджелес, Калифорния. Я, Дэниэл Б. Дэвис, данным распоряжением передаю принадлежащие мне ценные бумаги (здесь я указал реквизиты и номера моих акций „Золуш-

ки Инк.“) на доверительное хранение „Бэнк оф Америка“ на имя Фредерики Вирджинии Джентри с тем, чтобы они перешли в ее собственность по достижении ею двадцати одного года»

— и подписался. Намерения мои были ясны, и это было лучшее, что я мог придумать за прилавком аптеки, под завывание музыкального автомата прямо над ухом. Это гарантировало, что Рики получит акции, если со мною что-нибудь случится, и что Майлсу и Белле они ну никак не достанутся. Но если все обойдется, то я смогу просто попросить Рики вернуть мне конверт, когда повидаюсь с нею. Я специально не стал заполнять раздел «изменение владельца» на обороте сертификата: в случае чего не придется оформлять кучу бумаг (это очень сложная процедура, когда несовершеннолетний отдает распоряжение о передаче ценных бумаг) — чтобы получить сертификат обратно, достаточно просто порвать отдельный лист бумаги.

Я убрал сертификат и сопроводительное письмо в меньший конверт, заклеил его, положил вместе с письмом к Рики в большой конверт, наклеил марку, написал адрес Рики в скаутском

лагере и бросил в ящик у дверей аптеки. Судя по надписи на нем, следующая выемка будет через сорок минут. Я влез в машину с чувством заметного облегчения — не столько от того, что мои акции теперь были в безопасности, сколько от сознания, что я разрешил свою главную проблему.

Ну, точнее, не «разрешил», а просто решил идти навстречу трудностям, а не бегать от них, не прятаться в норку, как Рип ван Винкль какой-нибудь, и не пытаться утопить их в спиртных напитках различной крепости. Я, конечно, хотел увидеть двухтысячный год. Но я и так его увижу, только чуть позже — когда мне стукнет шестьдесят. Возможно, я еще буду в этом возрасте на девочек поглядывать. Куда спешить-то? Нормальному человеку ни к чему прыгать в следующее столетие. Это все равно что смотреть конец фильма, не зная, что было перед этим. Надо просто радоваться жизни тридцать лет подряд — тогда я, вероятно, легче сумею понять двухтысячный год, когда он наступит.

А пока что я собирался сцепиться с Майлсом и Беллой. Может, я и не смогу их одолеть, но зато они узнают, что почем. Как Пит, который иногда возвращался домой весь в крови, но громко и настойчиво мяукал: «Видели бы вы того, другого,

кота!»

От сегодняшнего разговора с Майлсом я многого и не ожидал. В общем-то, это было просто формальным объявлением войны. Я хотел испортить ему сон и чтобы он позвонил Белле и в свою очередь испортил сон ей.

Глава 3

Подъезжая к дому Майлса, я начал насвистывать. Мне стало наплевать на эту драгоценную парочку, и за последние пятнадцать минут я успел выдумать две совершенно новые машинки, каждая из которых должна была сделать меня богатым человеком. Одна — чертежное устройство с управлением наподобие клавиатуры пишущей машинки. Я прикинул, что только в США наберется не меньше пятидесяти тысяч инженеров-конструкторов, которые каждый день горбатятся над своими кульманами и всей душой их ненавидят. От этой работы болит поясница и портятся глаза. Не то чтобы им не нравилась их работа — конструировать очень увлекательно, — но чисто физически это очень тяжкий труд. С моей же штуковиной они смогут сидеть в креслах и нажимать на клавиши, а изображение будет само появляться перед ними на экране над клавиатурой. Нажмите три клавиши одновременно — получите в нужном месте горизонтальную линию. Нажмите еще одну клавишу — и вертикальная линия рассекает горизонтальную пополам. Нажмите две клавиши, а потом еще две

— и проведите линию строго под нужным углом.

Господи, да за небольшую доплату я бы добавил еще один экран, чтобы на первом архитектор чертил в изометрии (это единственный удобный способ конструирования), а на втором изображение сразу появлялось с учетом законов перспективы без всякого участия человека. Да что там — можно заставить эту штуку из изометрии выдавать сразу даже разрезы и поэтажные планы!

Главная прелесть заключалась в том, что все это нетрудно было почти полностью собрать из стандартных частей, каких навалом в любом радиомагазине. Кроме, конечно, панели управления, которую я наверняка смог бы смастерить, купив обычную электрическую пишущую машинку, выдрав из нее все потроха и подключив клавиши к соответствующим цепям. Месяц, чтобы сделать примитивную модель, и еще шесть недель на отлаживание…

Но эти мысли я заткнул в дальний угол памяти, уверенный, что смогу сделать это устройство и что свой рынок оно найдет. Гораздо больше меня вдохновляла мысль, что я, кажется, нашел способ переплюнуть нашу старушку «Салли» по части универсальности. Про «Салли» я знал больше,

чем кто-либо, даже если бы этот «кто-то» корпел над нею целый год. Чего никто не знал — этого не было даже в моих записях, — так это того, что на каждое техническое решение, примененное мною, у меня был как минимум еще один вариант и что я был скован в выборе тем, что рассматривал «Салли» только как домашнюю прислугу. Для начала я мог освободить ее от необходимости жить в электрическом инвалидном кресле. После этого я мог делать что угодно. Вот только ячейки Торсена мне для этого понадобятся, но тут Майлс был мне не помеха: их может купить любой, кто пожелает заняться кибернетикой.

Чертежная машина подождет. Я займусь этим многоцелевым автоматом, который можно будет запрограммировать на все, что может человек, лишь бы для этих действий не требовался человеческий разум.

Нет, вначале я все-таки сделаю чертежную машину, а уж потом с ее помощью сконструирую «Премудрого Пита».

— Слышишь, Пит? Мы назовем первого робота на свете в твою честь!

— Мррря-а-а-у!

— Зря сомневаешься — это большая честь.

После «Салли» я мог сконструировать «Пита»

прямо на своей чертежной машине, довести его до совершенства, причем быстро. Эта модель сместит «Салли» с пьедестала еще до того, как они успеют пустить ее в производство. Если повезет, я пущу их по миру, и они еще придут уговаривать меня вернуться.

В окнах Майлса горел свет, а его машина стояла возле дома. Я припарковал свою рядом, сказав Питу:

— Ты уж лучше сиди тут, парень, и карауль машину. Если кто сунется — быстро кричи «стой!» три раза подряд и стреляй в грудь.

— Мяу!

— Если ты хочешь войти со мною в дом, то тебе придется сидеть в сумке.

— Мя-а-а-у!

— И не спорь. Полезай в сумку.

Пит прыгнул в сумку.

Майлс открыл мне дверь. Никто из нас не сделал попытки поздороваться за руку. Он проводил меня в гостиную и показал рукой в сторону кресла: мол, прошу садиться.

Белла была здесь же. Я не ожидал увидеть ее, но, наверное, ничего удивительного в ее присутствии не было. Я глянул на нее и ухмыльнулся:

— Какая приятная встреча! Только не говори

мне, что ты ехала из Мохаве в такую даль специально, чтобы поболтать с добрым старым Дэном! — Я, когда завожусь, начинаю грубить дамам.

Белла нахмурилась.

— Не остри, Дэн. Выкладывай, что ты хотел, если тебе есть что сказать, и проваливай.

— Ну, ты меня не торопи. Здесь так мило: мой бывший партнер, моя бывшая возлюбленная… Жаль, что нет моей бывшей работы.

Майлс сказал умиротворяюще:

— Зря ты так, Дэн. Мы же это все для твоей же собственной пользы… и потом, ты же можешь в любой момент опять начать работать, стоит тебе захотеть. Я буду рад.

— Для моей же пользы? Примерно так сказали конокраду, перед тем как вздернуть его на виселице. А насчет моего возвращения — ты как, Белла? Могу я вернуться?

Она закусила губу.

— Если Майлс так считает — конечно.

— А ведь еще вчера, кажется, было так: «Если Дэн так считает…» Все меняется, такова жизнь. Но я не вернусь, ребята, не дергайтесь. Я просто хотел сегодня кое-что выяснить.

Майлс взглянул на Беллу. Она спросила:

— Например?

— Ну, во-первых, кто из вас придумал меня надуть? Или вы это вместе?

Майлс произнес медленно:

— Неудачное ты выбрал слово, Дэн. Оно мне не нравится.

— Да ладно, давайте без обиняков. Если уж слово плохое, то дело, которое оно обозначает, в десять раз хуже. Я имею в виду поддельный контракт и фальшивые переуступки патентов. Это ведь по федеральным законам карается, Майлс. Смотри, будешь видеть солнышко по нечетным средам. Я еще не уверен, но в ФБР мне скажут точно. Завтра, — добавил я, заметив, как сморщился Майлс.

— Дэн, неужели у тебя хватит ума мутить воду?

— Воду? Нет, ребята, я просто потащу вас в суд — и по гражданскому иску, и по уголовному. Вам даже почесаться будет некогда… если только вы не согласитесь сделать одно дело. Да, я еще забыл ваш третий грешок: кражу моих записей и чертежей по «Салли»… и действующей модели тоже; хотя, конечно, вы можете заставить меня внести стоимость материалов, пошедших на ее изготовление, — ведь платила-то за них компания.

— Кража? Чушь! — огрызнулась Белла. — Ты же работал над ней для компании.

— Разве? Работал-то я в основном по ночам. И я никогда не был служащим, Белла, как вам обоим известно. Я просто тратил на жизнь ту прибыль, что набегала по моим акциям. Интересно, что скажут в «Манникс», когда узнают, что изделия, которые они собираются купить — «Золушка», «Чарли» и «Салли», — не принадлежали компании, а были украдены у меня?

— Ерунда, — уныло повторила Белла. — Ты работал на компанию. У тебя был контракт.

Я откинулся назад и расхохотался.

— Слушайте, ребята, чего вы сейчас-то врете? Не надо. Это вы оставьте для суда, когда будете давать показания. Тут-то, кроме нас, никого нет. Я действительно хочу знать: кто это придумал? Я понимаю, как это было сделано. Белла, ты приносила мне бумаги на подпись. Если бумаг было много, ты прикрепляла копии к первому экземпляру скрепками — естественно, только для моего удобства: ты всегда была прекрасной секретаршей. От копий я видел только то место, где надо расписываться. Так что это ты подсунула мне эти джокеры в колоду. Значит, исполнителем была ты. Майлс бы не сумел это сделать.

Тьфу ты, да Майлс и печатать-то путем не умел. Но вот кто составил те документы, что ты мне подкладывала? Ты? Не думаю. Если, конечно, у тебя нет юридического образования, о котором ты помалкивала. А, Майлс? Могла простая стенографистка так безупречно составить этот «седьмой параграф»? Или для этого нужен был юрист? То есть ты!

Сигара Майлса давно погасла. Он вынул ее изо рта, внимательно осмотрел и сказал осторожно:

— Дэн, дружище, если ты думаешь, что мы сейчас признаемся, то ты спятил.

— Ой, брось, мы же тут одни. Так или иначе, вы оба виноваты. Я, конечно, хотел бы верить, что эта Далила явилась к тебе с готовым планом и просто соблазнила тебя в минуту слабости. Но ведь это не так, я знаю. Если только Белла сама не юрист, то вы наверняка работали вместе. Вы сообщники: ты составил эти бумаги, а Белла их отпечатала и сделала так, чтобы я их подписал. Верно?

— Не отвечай, Майлс!

— Разумеется, я не стану отвечать, — согласился Майлс. — Может, у него в этой сумке магнитофон.

— Неплохо было бы, — поддакнул я, — но

— увы. — Я открыл сумку, и Пит высунул голову. — Ты все слышал, Пит? Смотрите, ребята: у Пита память, как у слона. Нет, магнитофона я не принес: я все тот же лопух Дэн Дэвис, который не умеет думать наперед. Сроду спотыкаюсь, потому что доверяю друзьям. Вот вам, например. Белла — юрист, Майлс? Или ты сам хладнокровно продумал, как меня обчистить, чтобы это выглядело законно?

— Майлс! — перебила Белла. — С его способностями он мог сделать магнитофон размером с пачку сигарет. Может, он у него не в сумке, а в кармане?!

— Хорошая идея, Белла. В другой раз я так и сделаю…

— Я это учитываю, дорогая, — ответил Майлс, — и если это так, то ты слишком много болтаешь. Прикуси язык.

Белла выдала в ответ такое — я даже не предполагал, что она знает такие слова. У меня глаза на лоб полезли.

— Начали грызться? Вор у вора…

Тут я с радостью отметил, что терпение Майлса начало подходить к концу.

— Ты тоже прикуси язык, Дэн, если здоровье дорого.

— Тю-тю-тю!.. Я ведь помоложе тебя, да и дзюдо занимался недавно. Стрелять в людей ты не умеешь — ты лучше обложишь человека фальшивыми контрактами со всех сторон. Я сказал «воры», и я имел в виду именно то, что сказал. Жулики и лжецы вы оба.

Я повернулся к Белле.

— Мой старик учил меня, что женщину нельзя так называть. Но ты, прелесть моя, не женщина — ты воришка. И врушка. И… шлюха.

Белла залилась краской и посмотрела на меня таким взглядом, что вся ее красота улетучилась, а из-под нее проступили черты хищного зверя.

— Майлс! — взвизгнула она. — Ты так и будешь сидеть, пока он…

— Спокойно! — приказал Майлс. — Грубит он нарочно. Он хочет, чтобы мы разозлились и наговорили таких вещей, о которых потом пожалеем. Что ты почти и делаешь. Так что уймись.

Белла заткнулась, хотя злости в ее лице не поубавилось. Майлс повернулся ко мне.

— Дэн, я человек практичный. Я ведь пытался тебя урезонить, прежде чем ты ушел из фирмы. Я старался уладить дело так, чтобы ты мог принять неизбежное достойно.

— Ты хочешь сказать, чтобы я не кричал, когда

меня насилуют?

— Как тебе угодно. Я все еще надеюсь с тобой поладить. Никакое дело против нас тебе выиграть не удастся, но, как юрист, я знаю: лучше не доводить дело до суда, чем выигрывать его. Если это возможно. Ты сегодня сказал, что мы могли бы что-то сделать, чтобы умиротворить тебя. Скажи мне, что это. Возможно, мы договоримся.

— Ах, это… Я как раз к этому подошел. Ты не можешь этого сделать. Но возможно, ты сумеешь организовать это. Все очень просто. Сделай так, чтобы Белла вернула мне акции, подаренные ей в качестве обручального подарка.

— Нет! — сказала Белла.

Майлс буркнул:

— Я же велел тебе помалкивать!

Я взглянул на нее и спросил:

— А почему бы и нет, дорогая? То есть бывшая дорогая… Я консультировался на этот счет, и адвокат сказал, что раз я подарил их тебе в расчете на твое обещание выйти за меня замуж, то ты не только морально, но и по закону обязана вернуть их. Это был не «свободный дар» — так, кажется, это называется? — а подарок, сделанный в расчете на определенные встречные шаги, которых я так и не дождался. Или ты опять передумала и

мы поженимся, а?

Она обстоятельно разъяснила, где и когда я могу рассчитывать жениться на ней. Майлс устало процедил:

— Белла, ты зря стараешься. Ты что, не видишь, что он просто пытается взять нас за глотку?

Он повернулся ко мне.

— Дэн, если ты пришел ради этого, то можешь уходить... Я согласен, что если бы дела обстояли так, как ты говоришь, то у тебя был бы шанс. Но все было не так. Ты передал Белле эти акции в уплату.

— Как? В уплату за что? И где квитанция?

— Ее и не могло быть. В уплату за оказанные компании услуги, выходящие за рамки ее служебных обязанностей.

Я выкатил глаза.

— Очаровательная теория! Послушай, старина, если эти «услуги» оказывались компании, а не лично мне, тогда ты тоже должен был знать о них и заплатить ей равную долю: мы ведь делили доходы пополам, хотя у меня и был (точнее, я думал, что был) контрольный пакет. Не хочешь ли ты сказать, что тоже отстегнул Белле блок акций такого же размера?

Они как-то странно взглянули друг на друга, и

меня вдруг словно что-то внутри толкнуло.

— А ведь так, похоже, и было! Держу пари, что моя крошка и тебя заставила это сделать, припугнув, что иначе она выйдет из игры. Так, да? Если так, то она наверняка зарегистрировала передачу акций сразу же. И по датам регистрации можно увидеть, что я перевел на нее акции сразу после помолвки — а дата помолвки была в «Дезерт Геральд», а ты — когда вы все подстроили. И все это есть в ваших конторских книгах… А может, судья и поверит мне, а? Как ты думаешь, Майлс?

Я расколол их. Я их расколол! По их лицам я понял, что наткнулся на обстоятельство, которое им в жизни не объяснить и которое я никак не должен был узнать. Значит, я их прижал… И тут — еще одна безумная догадка. Безумная ли? Нет, вполне логичная.

— А сколько акций он тебе дал, Белла? Столько же, сколько ты получила от меня за нашу «помолвку»? Для него ты сделала больше, значит, и получить ты должна была побольше.

Я внезапно остановился.

— Скажите… я вот подумал: странно, что Белла приехала сюда, чтобы поговорить со мной, — я ведь знаю, как она не любит эти поездки. Так, может, ниоткуда ты и не ехала, а была тут всю

дорогу? Вы что, уже живете вместе? Или я должен назвать это «помолвлены»? А может, вы уже поженились? — Я чуть поразмыслил. — Готов поспорить, что это так. Ты, Майлс, не такой олух, как я. Ставлю последнюю рубашку, что ты никогда не отдал бы Белле акции только за обещание выйти за тебя. А вот к свадьбе — мог бы, с условием, что сохранишь право голосовать ими. Не трудись отвечать — завтра я сам раскопаю. Это тоже где-нибудь записано.

Майлс взглянул на Беллу и сказал:

— Не трать время. Познакомься: миссис Джентри.

— Вот как? Поздравляю вас обоих, вы друг друга стоите. Теперь насчет моих акций. Поскольку миссис Джентри уже никак не может выйти за меня, то…

— Не пори чепухи, Дэн. Сейчас я разнесу твою смехотворную теорию в мелкие дребезги. Акции я передал Белле так же, как и ты, и с той же мотивировкой: в уплату за услуги фирме. Как ты и сказал, это можно найти в делах. Поженились мы всего неделю назад… а вот акции она получила уже довольно давно, можешь убедиться сам, если не лень. Увязать эти два события тебе не удастся. Акции она получила от каждого из нас за неоце-

нимые услуги фирме. А потом, когда ты ее бросил и ушел из фирмы, мы поженились.

Да, прокол. Майлс слишком умен, чтобы врать мне о том, что я легко могу проверить. И все же была в этом какая-то ложь, которую я пока еще не раскусил. Пока еще.

— Где и когда вы поженились?

— В суде Санта-Барбары в прошлый четверг. Хотя это и не твое дело.

Черт его побери, что-то не верится мне, что он смог отдать Белле акции раньше, чем наложил на нее лапы!.. Это я мог так промахнуться, а на него это было не похоже.

— Я вот подумал, Майлс: если я найму детектива, не окажется ли, что вы уже однажды поженились, чуть раньше? Может, в Юме или в Неваде? А может, вы смотались в Рино, когда ездили на север на заседание налоговой комиссии? Если окажется, что такой брак был зарегистрирован, то, может быть, дата передачи акций и дата переуступки моих патентов фирме улягутся в очень интересный орнамент. А?

Майлс не дрогнул. Он даже не взглянул на Беллу. Что же касается Беллы, то ненависти в ее лице и так было столько, что больше некуда. Однако все было очень похоже на правду, и я решил

разрабатывать свою догадку до конца.

Майлс просто сказал:

— Дэн, я долго терпел тебя и пытался помириться. Все, что я получил взамен, — одни оскорбления. Так что, я думаю, тебе пора выметаться. Иначе, ей-богу, я вытряхну вас отсюда — тебя и твоего блошливого кота!

— Первый раз за весь вечер слышу мужские слова. Только не надо называть Пита блошливым: он все понимает и может попытаться унести на память кусочек тебя. О'кей, экс-друг, я уйду. Я только хочу произнести заключительную речь — очень короткую, буквально пару слов. Вероятно, это будут последние слова, которые я вам скажу. О'кей?

Белла сказала встревоженно:

— Майлс, мне надо тебе что-то сказать.

Он отмахнулся от нее не глядя.

— О'кей. Только покороче.

Я повернулся к Белле.

— То, что я скажу, тебе вряд ли понравится. Ты бы лучше ушла, Белла.

Она, разумеется, осталась. Я и сказал-то нарочно, чтобы она не ушла. Потом оглянулся на него:

— Майлс, я не очень на тебя сердит. То, что может сделать мужчина ради женщины, неве-

роятно. Если поддались даже Самсон и Марк Антоний — как я мог требовать от тебя, чтобы ты устоял? По существу, я должен быть тебе даже благодарен, вместо того чтобы сердиться. Наверное, я немножко и благодарен. Во всяком случае, мне тебя жаль. — Я бросил взгляд на Беллу. — Теперь ты получил ее и все связанные с этим проблемы. Мне это стоило денег и — временно — душевного покоя. А вот во что она обойдется тебе? Она обманула меня; она даже сумела уговорить тебя, моего верного друга, обмануть меня. А скоро она снюхается еще с каким-нибудь мошенником и начнет морочить голову тебе… Когда? Через неделю? Через месяц? А может быть, дотерпит до следующего года? Но раньше или позже она все равно…

— Майлс! — взвизгнула Белла.

Майлс зарычал:

— Вон отсюда!

И я понял, что пора уходить. Я встал.

— Мы как раз собирались идти. Жаль мне тебя, дружище. Мы оба сделали одну и ту же промашку, и это наша общая вина. Но платить придется тебе одному. Это скверно: за такую невинную ошибку…

Его любопытство пересилило.

— Что ты имеешь в виду?

— Нам следовало поинтересоваться, почему это такая женщина — умная, красивая, толковая, ну, в общем, все при ней — вдруг решила пойти к нам машинисткой за гроши. Если бы мы взяли у нее отпечатки пальцев, как в больших фирмах, и провели обычную проверку, может, мы бы ее и не наняли… и тогда мы все еще были бы партнерами.

Майлс вдруг взглянул на свою жену: у нее был вид загнанного в угол зверя. Вот только таких красивых зверей не бывает…

Я просто не мог уйти, не воспользовавшись моментом. Я подошел к ней со словами:

— Ну, Белла? Если взять твой стакан и снять с него отпечатки пальцев — что выплывет? Грязные фотографии по почте? Крупный шантаж? Или многомужие? Ты, поди, женила на себе богатых лопухов? Интересно, по закону Майлс вообще твой муж или как? — Я протянул руку и поднял со стола ее стакан.

Белла выбила его у меня из рук. Майлс что-то крикнул.

На этом, к сожалению, моя удача кончилась. Я по глупости своей вошел в клетку к хищникам без оружия и забыл первую заповедь дрессировщика:

никогда не поворачиваться к зверю спиной. Я повернулся к Майлсу. Белла потянулась к сумочке. Я еще подумал, что она выбрала очень удачное время искать сигареты.

И тут я почувствовал укол.

Помню, как ноги у меня подкосились и я начал падать на ковер, чувствуя только одно: безграничное удивление, что Белла могла так со мною поступить. Оказывается, я все еще верил ей.

Глава 4

Сознания я не потерял. У меня закружилась голова и немного затошнило, когда сработал препарат, — он действует быстрее морфия. Но и только. Майлс что-то крикнул Белле и подхватил меня под мышки, когда у меня подломились колени. Пока он дотащил меня до кресла и посадил в него, даже головокружение прошло.

Но хотя я и был в сознании, часть меня словно умерла. Теперь-то я знаю, что они мне всадили: это был зомбин — выдумка Дяди Сэма в ответ на «промывку мозгов». Насколько мне известно, его ни разу не применяли на заключенных, но наши парни пользовались им, расследуя дело о «промывке мозгов»: незаконно, зато эффективно. Теперь подобные препараты используют для ускоренного психоанализа, но, по-моему, даже психоаналитику приходится получать разрешение суда, чтобы использовать его.

Бог его знает, где Белла добыла это средство. Но ведь Бог один и знает, скольких еще простаков она одурачила.

Меня же это не интересовало. Меня вообще ничего не интересовало. Я, как кукла, лежал в

кресле, слышал все, что происходило вокруг, и видел все, что попадало в поле моего зрения. Но если бы передо мною появилась даже сама леди Годива без своей лошади, я бы не смог скосить глаза вслед за нею.

Если бы мне не приказали их скосить.

Пит выпрыгнул из сумки, подбежал ко мне и спросил, в чем дело. Не получив ответа, он стал отчаянно тереться о мои икры, требуя ответа. А когда я и тут не ответил, он вспрыгнул ко мне на колени, уперся передними лапами в грудь и потребовал сказать сейчас же и без глупостей: что происходит?

Я опять не ответил, и тогда он начал выть.

Тут Майлс и Белла обратили на него внимание. Когда Майлс усадил меня в кресло, он повернулся к Белле и сказал с упреком:

— Ну что ты натворила! Ты что, с ума сошла?

Белла ответила:

— Спокойно, Майлс. Теперь мы уделаем его раз и навсегда.

— Что? Если ты думаешь, что я буду участвовать в убийстве…

— Отвянь! Это было бы логично… но у тебя для этого кишка тонка. Слава богу, теперь это не нужно. Мы накачали его таким зельем…

— Что ты хочешь сказать?

— Он теперь наш. Он будет делать то, что я ему прикажу. Неприятностей от него теперь не будет.

— Но… господи, Белла, нельзя же его держать под этим кайфом вечно. Когда-нибудь он очухается, и…

— Хватит болтать, не в суде. Ты же не знаешь, на что способно это средство, а я знаю. Когда его действие кончится, он сделает то, что я ему велю сделать. Скажу ему, чтобы он не судился с нами, — не будет судиться. Прикажу, чтобы прекратил совать нос в наши дела, — оставит нас в покое. Прикажу уехать в Тимбукту — поедет. Велю забыть все, что было, — забудет… впрочем, он и так забудет.

Я слышал ее, понимал ее, но мне было совершенно неинтересно. Если бы кто-нибудь крикнул: «Пожар!», я бы и это понял, но мне все равно было бы неинтересно.

— Не верю.

— Не веришь? — Она как-то странно взглянула на него. — Зря…

— Ну-ка, что ты хочешь сказать?

— Ладно, ладно… Эта штука действует, вот и все. Но сперва надо…

Вот в этот момент Пит и завыл.

Мало кому доводилось слышать, как воет кот. Можно прожить всю жизнь и ни разу не услышать этого. Они не воют в драке, как бы сильно им ни досталось. Они не воют, если им что-то не нравится. Коты воют только от полного отчаяния, когда происходит что-то невыносимое, а они ничего не могут с этим поделать. Когда им ничего не остается, как взвыть.

Стерпеть этот вой очень трудно, он прямо по нервам скребет.

Майлс повернулся и сказал:

— Чертов кот! Надо его отсюда выгнать.

Белла процедила:

— Убей его.

— Да? Вечно ты так, Белла. Да Дэн из-за своего бесценного кота поднимет больше шума, чем если бы мы его обчистили дочиста. Вот…

Он повернулся и поднял дорожную сумку — прибежище Пита.

— Я его убью! — заявила Белла кровожадно. — Я давным-давно мечтаю его прикончить. — Она оглянулась вокруг и увидела каминную кочергу. Подбежав к камину, она схватила ее.

Майлс поднял Пита и попытался засунуть его в сумку.

Попытался — очень подходящее слово. Пит не терпит, чтобы его брал в руки кто-нибудь, кроме меня и Рики. Да и я не рискнул бы трогать его, когда он воет, без предварительных «переговоров»: когда кот нервничает, с ним надо обращаться, как с гремучей ртутью. Но будь он даже в хорошем настроении, он все равно никому не позволил бы безнаказанно брать его за шкирку.

Пит вцепился ему зубами в палец, а когтями — в руку. Майлс вскрикнул и выпустил его.

Белла крикнула: «Посторонись!» — и кинулась на Пита с кочергой. Намерения Беллы были вполне ясны. Оружие и сила у нее были. Вот только обращаться с этим оружием она не умела, а Пит своим владел как следует. Он поднырнул под опускающуюся кочергу и вцепился в Беллу всеми четырьмя — по две лапы на каждую ногу.

Белла вскрикнула и уронила кочергу.

Остального я почти не видел. Я по-прежнему смотрел прямо перед собой и видел большую часть комнаты, но только в пределах своего поля зрения, потому что никто не приказал мне поворачивать голову. Так что остальное до меня доходило в основном в звуках, за исключением одного кадра, когда они оба промелькнули перед моими глазами, гоняясь за котом. А потом сразу

же в обратную сторону — преследуемые котом. После этого я мог только слышать шум битвы: топот, крики, ругань, вопли и грохот падающих предметов.

Не думаю, однако, что им удалось до него даже дотронуться.

Худшее, что могло со мной случиться, — то, что в звездный час Пита, в день его великой битвы и великой победы, я не только не видел подробностей сражения, но и был совершенно не в состоянии оценить их по достоинству. Я мог видеть и слышать, но не мог чувствовать. В великий Момент Истины Пита я был нем и слеп.

Теперь, вспоминая все, я испытываю чувства, которых был лишен тогда. Но это не одно и то же: теперь я навеки обездолен, словно человек, проспавший свой медовый месяц летаргическим сном.

Внезапно грохот и крики прекратились, и вскоре Майлс и Белла вернулись в гостиную. С трудом переводя дух, Белла сказала:

— Кто оставил открытой сетчатую дверь от комаров?

— Ты! Помолчи. Он уже удрал. — Лицо и руки у Майлса были в ссадинах, и он безуспешно пытался унять кровь на исцарапанном лбу. Судя по

одежде, он где-то оступился и упал. Пиджак на спине был порван.

— А вот черта с два! Пистолет в доме есть?

— А?

— Пристрелю эту поганую кошку. — У Беллы видок был еще почище, чем у Майлса. Открытого тела, до которого сумел добраться Пит, у нее было больше: ноги, руки и плечи. Было ясно, что ей не скоро придется носить открытые платья, к тому же если ею немедленно не займется специалист, то наверняка останутся шрамы. Она смахивала сейчас на гарпию после раунда вольной борьбы с сестрами.

Майлс сказал ей:

— Сядь!

Она ответила ему кратко и в отрицательном смысле:

— Я убью эту кошку!

— Тогда не садись. Ступай умойся. Я обработаю тебя йодом, а ты — меня. А про кота забудь: сбежал — и слава богу.

Она сказала что-то неразборчивое, но Майлс понял.

— От такой и слышу… Подумай, Белла, если бы у меня был пистолет (я не сказал, что он есть) и ты начала бы из него палить, то независимо от

того, попала бы ты в кота или нет, полиция была бы тут через десять минут, суя свой нос куда не надо и задавая лишние вопросы. Ты этого добиваешься, когда он здесь, у нас?

Он кивнул в мою сторону.

— И если ты выйдешь с пистолетом из дома, то эта тварь, скорее всего, прикончит тебя. — Он весь сморщился от боли. — Должен быть закон, запрещающий держать подобных зверей: он же опасен для окружающих. Ты только послушай!

Было слышно, как Пит ходит вокруг дома. Теперь это был не вой, а боевой клич: он предлагал им выбрать оружие и выйти — по одному или обоим сразу.

Белла прислушалась, и ее передернуло. Майлс сказал:

— Не беспокойся, внутрь ему не войти. Ту сетчатую дверь, что ты забыла закрыть, я запер.

— Я не забывала ее закрыть!..

— Как знаешь…

Майлс обошел комнату, проверяя, заперты ли окна. Вскоре Белла ушла, а вслед за нею и Майлс.

Через некоторое время Пит замолчал. Долго ли их не было, я не знаю: время для меня ничего не значило.

Белла вернулась первой. Лицо и прическа у

нее были в полном порядке. Она надела платье с длинными рукавами и высоким воротом и новые чулки вместо порванных Питом. Кроме кусочков пластыря, следов битвы на ее лице видно не было, и если бы не унылое выражение на физиономии, то при других обстоятельствах я бы нашел ее даже привлекательной.

Она подошла прямо ко мне и велела встать. Я встал. Она быстро и умело обыскала меня, не забыв про кармашек для часов, карманы рубашки и даже косой внутренний карманчик на левом борту, которого нет у большинства пиджаков. Улов был невелик: немного денег в бумажнике, удостоверение личности, водительские права, ключи, мелочь, несколько скрепок, ингалятор от смога и конверт с чеком, который она сама мне и отправила. Она перевернула чек, прочла передаточную надпись, которую я сделал на обороте, и удивилась:

— Что это, Дэн? Покупаешь страховку?

— Нет. — Я бы рассказал ей все, но я мог отвечать только на последний из заданных вопросов.

Она задумчиво нахмурилась и сунула чек вместе со всем остальным мне в карман. Тут на глаза ей попалась сумка Пита, и она, видимо, вспомнила про боковой карман, который я использовал

для хранения документов, потому что сразу же взяла ее и залезла в него рукой.

Она тут же обнаружила полторы дюжины документов, да еще в четырех экземплярах, которые я подписал для «Мьючел эшшуранс компани». Она уселась и стала их читать. Я стоял, где поставили: этакий портновский манекен, который забыли убрать в угол.

Тут явился Майлс в купальном халате, тапочках, бинтах и пластыре. Вид у него был, как у боксера среднего веса, проигравшего восемь раундов подряд. На лысине у него тоже красовалась повязка, наподобие ермолки, — видно, Пит достал его, когда он упал.

Белла подняла голову, поманила его к себе и молча показала на лежавшую перед ней стопку документов. Он сел рядом и начал быстро читать. Он догнал ее и последнюю бумажку уже читал, глядя ей через плечо.

Она сказала:

— Дело приобретает несколько иную окраску.

— Мягко сказано. Бумаги на четвертое декабря — это завтра. Белла, он же горячий, как утюг! Надо срочно от него избавляться. — Он взглянул на часы. — Утром его станут искать.

— Майлс, ты начинаешь мелко дрожать при

первых же признаках опасности. Это наш шанс. Может, такой шанс, на который мы надеяться не смели.

— С чего ты взяла?

— У зомбина, как он ни хорош, есть один недостаток. Предположим, ты накачал им кого-то и загрузил его своими приказами. О'кей, он будет это делать. Он выполнит приказы — по-другому он не может. Что ты знаешь о гипнозе?

— Не слишком много.

— А что ты вообще знаешь, кроме своей юриспруденции?! Вот нет в тебе здорового любопытства. Все сводится к тому, что постгипнотическое внушение может войти — и даже наверняка входит — в конфликт с тем, что человек на самом деле хочет делать. Заканчивается тем, что он попадает к психиатру. И если психиатр приличный, то он сумеет разобраться, в чем дело. Возможно, Дэн попадет как раз к такому, и тот сумеет разблокировать те команды, что я ему дам. Тогда у нас будет куча неприятностей.

— Черт, ты же говорила, что препарат надежный?!

— Господи, любая вещь в жизни — риск. От этого-то жизнь такая интересная. Погоди, дай подумать.

Через минуту она сказала:

— Самое простое и надежное — отправить его спать. Пусть себе спит Холодным Сном, как и собирался. Это даже лучше, чем если бы он умер, и никакого риска. Вместо того чтобы сперва давать ему кучу сложных приказов, а потом молиться, чтобы его не разблокировали, мы просто прикажем ему ехать и ложиться в Сон, потом протрезвим и отвезем. Или сперва отвезем, а потом протрезвим.

Она повернулась ко мне:

— Дэн, когда ты собираешься лечь в Сон?

— Никогда.

— Это как? А что же это все такое? — Она показала на бумаги, вынутые из моей сумки.

— Это бумаги для Холодного Сна. Контракты с «Мьючел эшшуранс».

— Чокнутый какой-то, — не удержался Майлс.

— Хм… естественно. Я все забываю, что под этим делом они не могут думать как следует. Они могут слушать, говорить, отвечать на вопросы — но вопросы нужно правильно задавать. Думать они не могут.

Она подошла ко мне ближе и заглянула в глаза:

— Дэн, — сказала она, — я хочу, чтобы ты рас-

сказал мне все об этой истории с Холодным Сном. Начни с самого начала и шпарь подряд, до конца. У тебя тут все бумаги для Холодного Сна. Очевидно, ты подписал их только вчера. Теперь ты говоришь, что ложиться в Сон не собираешься. Расскажи мне об этом. Я хочу знать, почему ты собирался это сделать, а теперь говоришь, что не хочешь.

Я выложил ей все. Когда спрашивали так, я мог отвечать. Отвечал я долго, потому что она приказала мне рассказывать подробно, и я так и сделал — рассказал со всеми деталями.

— Значит, там, в кафе, ты и передумал? И решил вместо этого явиться сюда и устроить нам неприятности?

— Да. — Я собирался продолжить и рассказать ей, как я ехал сюда, и что сказал Питу, и что он мне ответил, и как я остановился у аптеки и распорядился своими акциями «Золушки Инк.», и как я приехал к Майлсу, и как Пит не хотел оставаться в машине, и как…

Но она перебила меня, и я не успел. Она сказала:

— Ты опять передумал, Дэн. Ты хочешь получить свой Холодный Сон. Ты поедешь и получишь свой Сон. И ничто на свете не остановит тебя

— так ты хочешь получить свой Сон. Ты понял? Что ты должен сделать?

— Я должен получить Холодный Сон. Я очень хочу по…

Я зашатался. Я уже стоял, как столб, больше часа, не шевельнув ни единой мышцей: ведь никто мне этого не приказал. Я начал медленно падать на нее.

Она отскочила и резко сказала:

— Сядь!

Я сел.

Белла повернулась к Майлсу:

— Вот так-то. Буду долбить до тех пор, пока не буду уверена, что он ничего не перепутает.

Майлс глянул на часы:

— Он сказал, что доктор ждет его к двенадцати.

— Времени навалом. Только лучше уж мы сами отвезем его, на всякий случай… Черт возьми!

— В чем дело?

— Времени слишком мало. Я вкатила ему лошадиную дозу, чтобы сработало раньше, чем он мне врежет. К полудню он будет настолько трезв, что сумеет в этом убедить кого угодно. Кроме доктора.

— Может быть, медосмотр в этот раз будет по-

верхностным. Ведь его медицинский допуск уже подписан.

— Ты же слышал, что он сказал: доктор предупредил, что проверит, не пил ли он. Значит, будет проверять рефлексы, скорость реакции, заглядывать в глаза — в общем, делать все то, чего мы очень не хотели бы. Мы просто не можем позволить доктору делать это. Майлс, ничего не выйдет.

— Может, отложить на денек? Позвоним им и скажем, что он немножко задерживается.

— Заткнись и дай подумать.

Она опять полезла в бумаги, которые я принес с собой. Потом вышла из комнаты, но тотчас вернулась с ювелирной лупой, ввернула ее в глаз наподобие монокля и стала пристально рассматривать каждый лист. Майлс спросил ее, что она делает, но она отмахнулась от него.

Наконец она отложила лупу и сказала:

— Слава богу, что все пользуются стандартными государственными бланками. Дай-ка мне «Желтые страницы».

— Зачем?

— Давай, давай. Хочу уточнить название фирмы. Да знаю я, как она называется, но надо наверняка.

Ворча, Майлс приволок справочник. Она полистала его и сказала:

— Ну, вот. «Мастер иншуранс компани оф Калифорния»... и на каждом бланке есть свободное место. Вот если бы вместо «Мастер» было «Моторз», тогда дело было бы на мази, но у меня никаких связей в «Моторз иншуранс», и потом, я даже не знаю, занимаются ли они анабиозом. По-моему, у них только страхование транспортных средств. — Она подняла голову. — Майлс, тебе придется отвезти меня сейчас на фабрику, срочно.

— Да?

— Если ты, конечно, не знаешь более быстрого способа раздобыть электрическую пишущую машинку с угольной лентой. Или нет, поезжай и привези ее сам. Мне надо позвонить кое-куда.

Он нахмурился.

— Я, кажется, начинаю понимать, что ты задумала. Но, Белла, это же безумие. Это жутко опасно.

Она засмеялась.

— Это ты так думаешь. Я же говорила тебе, что у меня были неплохие связи до того, как мы с тобой стакнулись. Мог бы ты в одиночку провернуть то дельце с «Манникс»?

— Ну… Не знаю.

— А я знаю. И ты, наверное, не знал, что «Мастер иншуранс» тоже входит в «Манникс»?

— Ну, не знал. А какая разница?

— Разница в том, что тогда мои связи работают. Смотри, фирма, в которой я работала, помогала «Манникс энтерпрайзиз» составлять налоговые декларации так, чтобы платить поменьше налогов… пока мой шеф не слинял за границу. Как ты думаешь, получили бы мы с тобой такие выгодные условия, не гарантируя, что наш Дэнни тоже входит в сделку? А-а… Я все знаю про «Манникс». Так что гони и вези мне машинку, а я разрешу тебе посмотреть, как работают настоящие артисты. Осторожно, там где-то кот.

Майлс поворчал, но стал собираться. Вышел. Потом вернулся.

— Белла! Разве Дэн не оставил машину возле нашего дома?

— А что?

— Ее там нет.

Вид у него был встревоженный.

— Ну, наверное, поставил ее за угол. Это неважно. Давай вези машинку. Шевелись!

Он опять вышел. Я мог им сказать, где я оставил машину, но, поскольку никто меня об этом не

спрашивал, я не стал об этом думать. Я вообще ни о чем не думал.

Белла тоже вышла куда-то, оставив меня одного. Майлс вернулся еще затемно, совершенно вымотанный, волоча тяжелую машинку. После этого меня опять оставили без присмотра.

Войдя в комнату, Белла сказала:

— Дэн, в одной из твоих бумаг сказано, что ты просишь страховую компанию позаботиться о твоих акциях «Золушки». Ты больше не хочешь этого. Теперь ты хочешь отдать их мне.

Я не ответил. Тогда она сказала с раздражением:

— Давай сформулируем так: ты хочешь отдать их мне. Ты знаешь, что хочешь отдать их мне. Ты ведь знаешь это?

— Да. Я хочу отдать их тебе.

— Отлично. Ты хочешь отдать их мне. Ты должен отдать их мне. Ты себе просто места не найдешь, пока не отдашь их мне. Ну, где они? В машине?

— Нет.

— Тогда где же?!

— Я их отправил по почте.

— Что? — Она взвизгнула. — Когда ты их отправил? Кому ты их отправил? Почему ты их

отправил?

Если бы второй вопрос оказался последним, мне бы пришлось на него ответить. Но я ответил на последний вопрос — это было все, что я мог.

— Я их передал другому владельцу.

— Куда он их дел? — спросил, входя, Майлс.

— Говорит, что отправил их по почте… потому что передал их другому владельцу! Лучше найди-ка его машину да обыщи хорошенько: может, он только вообразил, что отправил их. Когда он ходил в страховую компанию, они определенно были у него при себе.

— Передал их! — повторил Майлс. — Боже милостивый… Кому?

— Сейчас спросим. Дэн, кому ты передал свой сертификат?

— «Бэнк оф Америка».

Она не спросила почему, а то я сказал бы ей и про Рики. Она просто вздохнула и поникла. Плечи у нее опустились.

— Недолго музыка играла… Про акции, Майлс, можно забыть. Чтобы выудить их из банка, надо слишком много напильников. — Она внезапно выпрямилась. — Если, конечно, он действительно отправил их по почте. Если нет, то я смогу подчистить надпись на обороте — будет прямо

как из прачечной. А потом он опять передаст их… мне.

— Нам, — поправил Майлс.

— Ну, это детали. Иди ищи его машину.

Майлс вернулся довольно скоро и объявил:

— Ее нет нигде в радиусе шести кварталов вокруг. Я объехал все улицы и бульвары. Должно быть, он приехал на такси.

— Ты же слышал: он сказал, что приехал на своей машине.

— Ну а теперь ее нет. Спроси его, когда и где он опустил свои акции в почтовый ящик.

Белла спросила, и я ответил:

— Прямо перед тем, как приехать к вам, я кинул конверт в ящик на углу Сепульведа и Вентура-бульвар.

— Как ты думаешь, врет?

— Он не может врать — он не в той форме. И он слишком уверенно говорит, чтобы перепутать. Забудь об этом, Майлс. Может, после того как его затолкают спать, окажется, что его передаточная надпись недействительна, потому что он уже успел продать эти акции нам… По крайней мере, пусть распишется на чистом листе, я потом попробую.

Она попыталась получить мою подпись, а я

попытался подчиниться. Но я был в таком состоянии, что проку от меня было мало, и подпись моя ее не устроила. В конце концов она выдернула лист бумаги из моих рук и сказала с раздражением:

— Тьфу, смотреть тошно! Я и то подпишусь твоим именем лучше тебя…

Потом она наклонилась надо мной и сказала с нажимом:

— Жаль, что я не прикончила твоего кота.

Несколько часов они меня не трогали. Потом пришла Белла и сказала:

— Дэнни, малыш, я сейчас сделаю тебе укольчик, и тебе станет гораздо лучше. Ты сможешь встать, и ходить, и вести себя совсем как обычно. Ты ни на кого не будешь сердиться, особенно на нас с Майлсом. Мы же твои лучшие друзья. Правда же? Ну-ка, кто твои лучшие друзья?

— Вы. Ты и Майлс.

— Но я — даже больше чем друг. Я твоя сестра. Повтори.

— Ты моя сестра.

— Хорошо. Теперь мы поедем кататься, а потом ты ляжешь в Долгий Сон. Ты болел, но, когда проснулся, тебе стало лучше. Ты понял?

— Да.

— Кто я?

— Ты мой лучший друг. Ты моя сестра.

— Молодец. Закатай рукав.

Я не почувствовал, как вошла в кожу игла, но, когда Белла выдернула ее, руку защипало. Я сел, потянулся и сказал:

— Ух, как щиплет, сестренка. Что это?

— Это чтобы тебе стало лучше. Ты болел.

— Ага, болел. А где Майлс?

— Сейчас придет. Давай другую руку. Подними рукав.

Я спросил: «Зачем?» — но рукав поднял, и она опять сделала укол. Я даже подпрыгнул. Она улыбнулась.

— И вовсе не больно, правда?

— А? Нет, не больно. А зачем это?

— Ты немного поспишь по дороге. А когда приедем, проснешься.

— О'кей. Я хочу спать. Я хочу Долгий Сон. — Тут я удивленно огляделся по сторонам. — А где Пит? Пит тоже должен был спать со мной.

— Пит? — спросила Белла. — Как, разве ты не помнишь, дорогой? Ты же отправил Пита жить к Рики. Она будет о нем заботиться.

— Ну да! — Я радостно улыбнулся.

Я отправил Пита к Рики. Я помню, как я отпра-

вил его по почте. Это хорошо. Рики любит Пита, она будет заботиться о нем, пока я сплю.

Они отвезли меня в Объединенное Хранилище в Соутел, которым пользовались многие мелкие страховые компании, не имевшие своих хранилищ. Я проспал всю дорогу, но тотчас проснулся, стоило Белле окликнуть меня. Майлс остался сидеть в машине, а она повела меня внутрь.

Девушка за столиком подняла голову и спросила:

— Вы — Дэвис?

— Да, — подтвердила Белла. — Я — его сестра. Представитель «Мастер иншуранс» здесь?

— Он в процедурной номер девять — они готовы и ждут вас. Бумаги можете отдать их сотруднику. — Она с интересом взглянула на меня. — А медосмотр он прошел?

— Ну конечно! — поспешила уверить ее Белла. — У моего брата, знаете, такой случай — он ждет средства лечения… Он на препаратах опиума — от боли.

Девушка сочувственно поцокала языком:

— Ну, тогда поторапливайтесь. Вон в ту дверь и налево.

В комнате номер девять нас ждали двое мужчин — один в костюме, другой в белом халате — и

медсестра. Они помогли мне раздеться и обращались со мной, как с мальчиком-идиотом, а Белла рассказывала им, что я получаю болеутоляющие препараты. Раздев меня и уложив на кушетку, человек в халате помял мне живот, глубоко вдавливая пальцы.

— С этим проблем не будет, — объявил он. — Живот пустой.

— Он ничего не ел и не пил со вчерашнего вечера, — подтвердила Белла.

— Отлично. Иногда к нам приходят набитые, как рождественский индюк. У некоторых ума совсем нет.

— Это верно. Так оно и есть.

— Угу. О'кей, сынок, сожми-ка кулак покрепче, пока я ввожу иглу.

Я сжал кулак, и все вокруг поплыло и затуманилось. Вдруг я вспомнил что-то и попытался сесть.

— А где Пит? Я хочу видеть Пита!

Белла положила мне руку на лоб и поцеловала.

— Ну-ну, братишка! Ты же помнишь: Пит не может прийти. Питу пришлось остаться с Рики.

Я успокоился, а она сказала:

— У нашего брата Питера дома — больная дочка.

Я стал погружаться в сон. Потом мне стало очень холодно. Но я никак не мог пошевелиться, чтобы натянуть на себя одеяло.

Глава 5

Я пожаловался бармену на кондиционер — он был включен слишком сильно, и мы все могли простудиться.

— Ничего страшного, — ответил тот, — во сне вы этого не почувствуете. Сон… сон… вечерняя услада… прекрасный сон… — У него было лицо Беллы.

— А можно выпить чего-нибудь горяченького? — спрашивал я. — «Томи и Джерри»? Или горячей молочной болтушки с маслом и медом?

— Сам ты болтушка! Ты болтун! — отвечал мне бармен. — Ишь разоспался! Гоните-ка прочь этого болтуна!

Я попытался зацепиться ногами за медный поручень, чтобы они меня не выкинули. Но в этом баре, оказывается, не было медного поручня — смешно, правда? — и я уже лежу на спине (это было еще смешнее): наверное, они так обслуживают безногих. У меня не было ног, как же я мог ухватиться ими за медный поручень? И рук тоже. Мам, глянь, а у меня рук нет! Пит сидел у меня на груди и выл.

Я опять попал в армию, в учебный взвод…

Должно быть, учеба шла к концу — я был в Кемп-Хейл и выполнял одно дурацкое упражнение, во время которого солдату за шиворот сыплют снег, чтобы сделать из него настоящего мужчину. Я должен был влезть на самую высокую гору во всем чертовом Колорадо, кругом лед, а у меня нет ног. А я еще вдобавок тащил самый большой рюкзак на свете: я вспомнил, что это они решили проверить, годятся ли солдаты вместо вьючных мулов, и выбрали меня — все равно пропадать, так что не жалко. И я бы не справился, если бы не Рики: она лезла сзади и толкала меня в спину.

Старший сержант впереди обернулся, и у него было лицо точь-в-точь как у Беллы, только пунцовое от ярости.

— Эй, ты, а ну пошел! Мне тебя ждать некогда. Дойдешь ты или нет, мне наплевать… но, пока не дойдешь, спать не дам!

Пропавшие куда-то ноги не желали тащить меня вперед, дальше, и я упал в снег. Ледяное тепло окутало меня, и я начал засыпать, хотя малышка Рики плакала и просила меня: «Не спи!» А я никак не мог…

Я проснулся в постели, рядом с Беллой. Она трясла меня за плечо, приговаривая: «Дэн, проснись! Не могу же я ждать тебя тридцать лет. Девушка

должна подумать о своем будущем!» Я хотел протянуть руку, достать из-под кровати и отдать ей припрятанные там мешочки с золотом, но она уже исчезла… да к тому же какая-то «Золушка» с лицом Беллы уже подобрала с пола все золото, сложила его на лоток на верхней крышке и укатила вон из комнаты. Я хотел ее догнать, но оказалось, что у меня нет ни ног, ни тела. Послышалась песенка: «Если тела не иметь, можно песни громко петь…» Весь мир состоял из одних старших сержантов и работы… Так не все ли равно, где работать и как? Я опять взвалил на себя рюкзак и полез вверх по ледяному склону. Склон был весь белый, совершенно гладкий, и если только я доберусь до розовой вершины, то меня оставят в покое и дадут поспать… Но до вершины я так и не смог доползти: ни ног, ни рук, ничего…

На горе бушевал лесной пожар. Снег не таял, но я чувствовал, карабкаясь в гору, как до меня долетают волны горячего воздуха. Надо мной наклонился старший сержант, повторяя: проснись… проснись… проснись…

* * *

Но едва он разбудил меня, как сразу же приказал заснуть снова. Что было потом, помню смутно. Некоторое время я лежал на вибрирующем подо мною столе; кругом был яркий свет, змееподобные — все в шлангах и трубках — аппараты и полно народу. Когда же я проснулся окончательно, то оказалось, что я лежу на больничной койке и чувствую себя совершенно нормально. Вот только в теле была какая-то легкость, как после турецкой бани. У меня снова были руки и ноги. Но никто не желал со мной разговаривать, а когда я пытался о чем-нибудь спросить медсестру, она тотчас же совала мне в рот очередную таблетку. Очень часто мне делали массаж.

А потом однажды утром я проснулся в отличном состоянии и сразу же встал. У меня слегка закружилась голова, но и только. Я знал, кто я такой, как я попал сюда и что все, что я видел раньше, — только сновидения.

Я вспомнил, кто упрятал меня сюда. Если Белла и приказала мне забыть ее заклинания, когда я был под воздействием зомбина, то либо она что-то не так наколдовала, либо за тридцать лет Холодного Сна внушение ее изрядно повыветри-

лось. Некоторые детали еще не обрели четкость, но я уже представлял в общих чертах, как им удалось заманить меня в ловушку.

Особой злости я не испытывал. Конечно, случилось это все вроде как вчера: ведь вчера — это день, который на один сон раньше, чем сегодня. Вот только сон оказался длиною в тридцать лет. Это ощущение трудно описать: оно очень субъективно. Но хотя я четко помнил «вчерашние» события, эмоционально они казались очень далекими. Вам наверняка приходилось видеть наложение двух изображений в спортивных телерепортажах: футболист уже бежит к воротам противника, а мы еще видим его застывшее изображение в тот момент, когда он вбрасывал мяч из-за боковой почти минуту назад: вот он весь вытянулся струной, подался вперед, вслед за мячом… Со мною было что-то наподобие этого: в сознании все близко и крупным планом, а эмоциональная реакция — как на события очень давние и далекие.

Я всерьез собирался отыскать Майлса и Беллу и сделать из них кошачьи консервы, но не торопился. На будущий год тоже не поздно. Сейчас я больше хотел взглянуть, каков он — год двухтысячный.

Кстати, о кошачьих консервах — а где Пит? Он же должен быть где-то поблизости, если только не умер, бедняга, во время Холодного Сна.

Тут — и только тут! — я вспомнил, что мои тщательно разработанные планы прихватить Пита с собой были безжалостно нарушены.

Я мысленно снял Майлса и Беллу с полки с надписью «отложенные дела» и переложил на полку «срочное». Они же пытались убить моего кота!

Нет. То, что они сделали, — это хуже, чем убить. Они выгнали его на улицу, чтобы он одичал и, отощав, слонялся по задворкам в поисках объедков, утрачивая остатки веры в этих двуногих… Они бросили его умирать (а он наверняка уже умер) с мыслью о том, что это я его предал.

Ну, за это они мне тоже заплатят. Если они еще живы. Ох, как невыразимо я хотел, чтобы они были живы!

* * *

Оказалось, я стою возле кровати в одной пижаме, цепляясь за спинку, чтобы не упасть. Я огляделся вокруг в поисках кнопки — чего-нибудь для вызова кого-нибудь. Больничные палаты не слишком изменились. Окна не было, и было непонятно, откуда льется свет. Как и все больничные

койки, что мне доводилось видеть, моя кровать была высокая и узкая, однако видно было, что над нею изрядно потрудились конструкторы, превратив в нечто большее, чем просто место для сна: среди прочих приспособлений я увидел трубу снизу — наверное, что-то вроде механизированного подкладного судна. А столик сбоку оказался частью самой кровати. Но если раньше я обязательно проявил бы пристальный интерес ко всей этой технике, то сейчас я хотел найти только грушевидный выключатель, нажав на который можно вызвать медсестру, чтобы принесла мне одежду.

Я не нашел его, но обнаружил то, во что он трансформировался: сенсорный выключатель на поверхности бокового столика. Оказалось, что это не просто столик: я случайно коснулся выключателя рукой, и на молочно-белой панели на стене, рядом с тем местом, где была бы моя голова, будь я в постели, загорелись слова «ВЫЗОВ ПЕРСОНАЛА». Почти тотчас же погасли, сменившись словами: «ПОДОЖДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА».

Скоро дверь отъехала в сторону и вошла медсестра. Сестры тоже изменились несильно. У этой были знакомые решительные замашки сержанта учебной команды, высокая шапочка на розово-

сиреневых, цвета тропических орхидей, волосах и белый халат. Покрой халата был необычный — там открыто, тут прикрыто, совсем не так, как в 1970-м, — но ведь женская одежда, даже рабочая, только и делает, что меняется. Однако ее манера позволяла безошибочно определить в ней медсестру, независимо от того, какой это год.

— Ну-ка, марш обратно в кровать!

— А где моя одежда?

— Ложитесь в кровать. Ну?!

Я попробовал ее урезонить:

— Послушайте, сестра, я свободный гражданин, а не преступник, и мне уже исполнился двадцать один год. Мне не надо в кровать, и я не собираюсь в нее ложиться. Так что, покажете вы мне, где лежит моя одежда, или мне придется выйти в чем есть и поискать самому?

Она поглядела на меня, потом резко повернулась и выбежала. Дверь скользнула в сторону, уступая ей дорогу.

Но меня дверь не пропустила. Я все еще пытался разобраться, как эта штука действует (резонно полагая, что если один инженер сумел это придумать, то другой сумеет понять, как это устроено), когда дверь опять открылась и в проеме возник человек.

— Доброе утро, — сказал он. — Я доктор Альбрехт.

Одежда его представляла собой нечто среднее между тем, что носят в Гарлеме по воскресеньям, и тем, что надевают, отправляясь на пикник. Но резкие, решительные манеры и усталые глаза были настолько убедительно профессиональны, что я поверил ему.

— Здравствуйте, доктор. Я хотел бы одеться.

Он вошел еще на шаг, чтобы дверь за ним закрылась, и вынул из кармана пачку сигарет. Достав одну, он взмахнул ею в воздухе, сунул ее в рот и затянулся: она оказалась зажженной! Он протянул пачку мне:

— Берите, не стесняйтесь.

— Хм… Нет, спасибо.

— Да берите — это вам не повредит.

Я покачал головой. Когда я работал, в пепельнице возле меня всегда дымилась сигарета. О продвижении в работе можно было судить по переполненной пепельнице и «ожогах» на кульмане в тех местах, где я тушил окурки. Сейчас от запаха дыма у меня закружилась голова, и я подумал: а вдруг я бросил курить, пока спал?

— Спасибо, доктор.

— О’кей. Мистер Дэвис, я работаю здесь шесть

лет. Я специалист в области гипнологии, реаниматологии и родственных специальностей. Здесь — и в других местах — я участвовал в возвращении восьмисот семидесяти трех пациентов из гипотермии к нормальной жизни. Вы — номер восемьсот семьдесят четыре. Я наблюдал, как разбуженные вытворяют разного рода чудеса — чудеса для обывателя, не для меня. Некоторые из них опять хотят уснуть и орут на меня, когда я бужу их. Другие и правда засыпают вновь, и нам приходится переводить их в другого рода заведение. А третьи начинают рыдать и рыдают без конца, когда до них доходит, что у них был билет в один конец и что нельзя вернуться домой в тот год, из которого они стартовали. А некоторые, вроде вас, требуют одежду и рвутся на улицу.

— Ну а почему бы, собственно, и нет? Я что, заключенный?

— Нет. Одежду вам принесут. Она немного вышла из моды, но это ваша проблема. Я сейчас пошлю за ней, а пока ее принесут, если позволите, я хотел бы услышать, что это у вас за такое страшно срочное дело, что вам необходимо заняться им сию минуту — это после того, как это дело ждало тридцать лет? А именно столько вы пролежали в анабиозе: тридцать лет. Это что, действительно

настолько срочно? Или может подождать и до завтра? Или даже до послезавтра?..

Я уже чуть не выпалил, что это чертовски срочно, но остановился и по-овечьи беспомощно взглянул на него.

— Может, и впрямь не настолько…

— Тогда сделайте одолжение — ложитесь в кровать. Я должен вас осмотреть, накормить завтраком и, если позволите, побеседовать с вами перед тем, как вы кинетесь галопом во все стороны. Возможно, я даже сумею подсказать вам, в каком направлении лучше скакать.

— О'кей, доктор. Извините за эту суматоху.

Я влез в постель и понял, как это хорошо: я внезапно почувствовал слабость и усталость.

— Ничего. Видели бы вы, какие типы бывают среди наших клиентов… Некоторых приходится буквально стаскивать с потолка. — Он поправил у меня на плече одеяло, наклонился к встроенному в кровать боковому столику. — Доктор Альбрехт из семнадцатой палаты. Пришлите санитара с завтраком. Меню «четыре-плюс».

Он повернулся ко мне и сказал:

— Перевернитесь на живот и поднимите пижаму: мне надо добраться до ваших ребер. А пока я вас осматриваю, можете задавать вопросы. Если

хотите.

Пока он тыкал мне в ребра, я задумался. Наверное, это был стетоскоп, хотя он и был похож на миниатюрный слуховой рожок. Но одно в нем явно не улучшилось: кружок, которым он дотрагивался до меня, был все такой же холодный и жесткий…

Ну что можно спросить, проспав тридцать лет… Достигли ли они звезд? Кто теперь ведет «Войну За Искоренение Войн»? Научились ли выращивать детей в колбе?

— Доктор, а в кинотеатрах, в фойе, по-прежнему стоят автоматы, делающие воздушную кукурузу?

— Когда я был там прошлый раз, стояли. У меня мало времени для такого рода времяпрепровождения. Кстати, кино теперь называется «завлекино».

— Да? Почему?

— Сходите — узнаете. Только не забудьте пристегнуть ремень в кресле: во время некоторых кадров включается антигравитация во всем зале. Видите ли, мистер Дэвис, мы настолько часто сталкиваемся с этой проблемой, что уже смотрим на нее как на нечто рутинное. У нас есть адаптационные словарики для каждого года Погружения в Сон, справочники-резюме по

истории и культуре. Это — вещи необходимые, потому что, как бы мы ни старались уменьшить потрясение, синдром потери ориентации бывает очень тяжелым.

— Хм, наверное, так.

— Решительно так. Особенно при больших интервалах, как у вас. Тридцать лет как-никак.

— А что, тридцать лет — это максимум?

— И да, и нет. Первый коммерческий клиент был помещен в анабиоз в декабре тысяча девятьсот шестьдесят пятого года, так что максимальный срок, с которым мы сталкивались, — тридцать пять лет. Но у меня вы — самый длительный случай. Однако у нас тут есть клиенты с контрактами длиной в сто пятьдесят лет. Вас вот принимать на такой долгий срок — тридцать лет — не следовало. Просто об этом тогда еще знали недостаточно. Вы крепко рисковали. Вам повезло.

— Серьезно?

— Да. Можете перевернуться на спину. — Он стал смотреть меня дальше, добавив: — Но с нашими нынешними познаниями я бы взялся подготовить человека и к тысячелетнему скачку, если бы это было ему по карману. С годик я бы подержал его при той температуре, при которой

хранили вас, просто для проверки, а потом резко — в течение одной миллисекунды — заморозил бы его до минус двухсот. И он бы уцелел, я думаю. Давайте проверим рефлексы.

Доктор Альбрехт продолжил:

— Сядьте и положите ногу на ногу. Со словарем у вас особых проблем не будет. Я, правда, старался говорить с вами на языке, близком к тысяча девятьсот семидесятому, — это предмет моей гордости. Я могу с каждым из своих пациентов говорить, подбирая словарный запас в соответствии с годом его Погружения. Я прошел гипнокурс по языку. Но вы прекрасно будете говорить на современном через неделю. Это лишь вопрос расширения вашего словаря.

Я хотел сказать ему, что минимум четырежды он употребил слова, которых в мое время не было, но решил, что это будет невежливо.

— Ну, вроде все пока, — наконец сказал он. — Кстати, с вами хотела связаться миссис Шульц.

— Кто?

— Разве вы ее не знаете? Она уверяла, что ваш старый друг.

— Шульц… — повторил я. — Мне кажется, в свое время я знал несколько миссис Шульц, но единственная, кого я помню, — моя классная

руководительница, когда я учился в четвертом классе. Но ее, должно быть, нет в живых.

— Может, она тоже спала. Ну, если хотите, можете принять ее послание. Я подпишу вам пропуск на выход. Но если вы достаточно умны, то задержитесь здесь на несколько дней для переориентации. Я еще к вам загляну. Ну, с богом, как говаривали в ваши дни. А вот и санитар с завтраком.

Я решил, что доктор он явно лучший, чем лингвист. Но я и думать об этом забыл, когда увидел санитара. Он вкатился, аккуратно обогнув идущего к двери доктора Альбрехта, — тот не обратил на него никакого внимания и даже не подумал уступить дорогу.

Санитар подъехал к кровати, откинул и закрепил передо мною столик, расставил на нем мой завтрак и спросил:

— Налить вам кофе, сэр?

— Да, пожалуйста. — Мне это было совершенно не нужно, — наоборот, я хотел, чтобы кофе остался горячим до конца завтрака. Но мне так захотелось посмотреть, как он это сделает… Потому что я был совершенно ошеломлен: это была наша «Салли»!

Не та, первая, кустарно сляпанная модель, ко-

торую украли у меня Белла с Майлсом, — конечно же, нет. Эта машина напоминала «Салли» не больше, чем гоночная машина с авиационным двигателем — первые «безлошадные повозки». Но человек может узнать свою работу. Я заложил основы, а это был продукт эволюции, внучка нашей «Салли» — улучшенная, усовершенствованная, отшлифованная, но — одной крови.

— Это все, сэр?

— Подождите минутку.

Наверное, я сказал что-то не то, потому что автомат пошарил у себя внутри и, вытащив жесткую пластиковую карточку, протянул ее мне. К автомату карточка была прикреплена тонкой стальной цепочкой. Я взглянул на нее; там было написано следующее:

> **ТРУДЯГА ТЕДДИ** мод. 17а, С РЕЧЕВЫМ УПРАВЛЕНИЕМ.
>
> ВНИМАНИЕ! Этот обслуживающий автомат НЕ ПОНИМАЕТ человеческую речь. Он вообще ничего не понимает — это просто машина. Однако для Вашего удобства в нем имеется устройство, реагирующее на определенные устные распоряжения. Все остальное, произносимое в его

присутствии, он игнорирует. Либо, если какая-то команда выйдет за пределы возможностей автомата, предложит Вам инструкцию. Прочтите ее внимательно, пожалуйста.

С благодарностью, инженерно-конструкторская корпорация **«АЛАДДИН»** — изготовитель **«ТРУДЯГИ ТЕДДИ»**, **«ЧЕРТЕЖНИКА ДЭНА»**, **«СТРОИТЕЛЯ СТЭНА»** и **«НЯНЮШКИ НЭНСИ»**, разработчики бытовых машин и консультанты по проблемам автоматизации.

«К Вашим услугам!»

Последние строчки шли поверх их товарного знака — изображения Аладдина, трущего лампу, и появляющегося джинна.

Ниже шел длинный перечень простых команд: СТОЙ, ИДИ, ДА, НЕТ, БЫСТРЕЕ, МЕДЛЕННЕЕ, ПОДОЙДИ КО МНЕ, ПОЗОВИ МЕДСЕСТРУ и т. д. Потом шел перечень заданий, характерных для больниц, например: ПОМАССИРУЙ СПИНУ, но о некоторых процедурах, входивших в этот раздел, я и не слыхивал. Перечень внезапно обрывался словами: «Процедуры 87—242 могут назначать только работники больниц, поэтому

соответствующие команды в данном перечне не приводятся».

Моя «Салли» не управлялась голосом — приходилось нажимать кнопки на пульте управления. Я, конечно, подумывал о том, как это сделать. Но анализатор голоса обошелся бы дороже, чем вся «Салли», да и размеры были бы… Я понял, что мне придется немало поучиться миниатюризации, прежде чем я смогу работать здесь инженером. Но мне уже не терпелось — судя по «Трудяге Тедди», заниматься этим должно было быть очень интересно: масса новых возможностей. Инженерная деятельность — искусство для людей практических, и тут все зависит не столько от данного инженера, сколько от общего уровня техники. Скажем, железнодорожным транспортом можно заниматься только тогда, когда наступает время железных дорог, и не раньше того. Вспомните профессора Лэнгли: бедняга корпел над летательным аппаратом, и тот полетел бы — столько таланта было в него вложено, — но другие изобретения, необходимые для этого, еще не подоспели. Или возьмите, к примеру, великого Леонардо да Винчи, опередившего свое время настолько, что самые блестящие из его проектов было абсолютно невозможно воплотить.

Да, здесь — в смысле «теперь» — мне скучать не придется.

Я вернул карточку-инструкцию, вылез из постели и глянул на заводскую табличку. Я почти был уверен, что увижу внизу слова «Золушка Инк.», и подумал, что «Аладдин», наверное, — дочерняя корпорация «Манникс». Но данных на пластинке оказалось немного: заводской номер, модель, название фабрики и все такое. Однако там были еще номера патентов — около сорока, и, к моему вящему изумлению, первый из них был датирован 1970 годом! Почти наверняка эта штука была основана на моих чертежах и исходной модели.

Я нашел на столе карандаш и листок бумаги и переписал номер того, первого, патента просто из чистого любопытства. Даже если патент был у меня украден (а я был уверен, что это так), то срок его действия закончился в 1987-м (если не изменились законы о патентах), и только патенты, выданные после 1983-го, были еще действительны. Но мне просто хотелось узнать. На панели автомата замигала лампочка, и он объявил:

— Меня вызывают. Я могу идти?

— Что? А, ну конечно. Катись. — Он опять полез за карточкой с командами, и я поспешно сказал: — ИДИ!

— Спасибо! До свидания!

Он объехал меня и покатил к двери.

— Тебе спасибо!

— Пожалуйста!

У диктора, озвучившего ответы автомата, был очень приятный баритон.

Я опять лег и занялся завтраком, который к этому времени должен был бы остыть. Оказалось, что не остыл. Завтрак «четыре-плюс» с виду был рассчитан на лилипута, но я неожиданно наелся. Наверное, мой желудок уменьшился. Только кончив есть, я сообразил, что поел в первый раз за тридцать лет. Я подумал об этом, заглянув в приложенное меню: то, что я принял за ветчину, значилось как «масса дрожжевая жареная, соломкой, по-домашнему».

Но, несмотря на тридцатилетний «пост», мысли мои были заняты не едой. С завтраком принесли газету: это была «Грейт Лос-Анджелес таймс» за среду, 13 декабря 2000 года.

По формату газеты остались прежними. Правда, бумага была глянцевая, а иллюстрации либо цветные, либо черно-белые, но стереоскопические. Как это было сделано, я не понял. Еще когда я был мальчишкой, уже существовали стереокартинки, которые можно было рассматривать без

приспособлений-стереоскопов. Мне больше всего нравились те, что рекламировали мороженые продукты в пятидесятые годы. Но у тех растровые решетки были сделаны из толстой прозрачной пластмассы, а эти были на простой тонкой бумаге. Но объемность у них была!

Я сдался и стал читать. «Тедди» положил газету на подставку, и я было решил, что дальше первой страницы почитать не удастся. Я никак не мог разобраться, как же перевернуть страницу: чертовы листы будто слиплись!

В конце концов я случайно коснулся нижнего правого угла первой страницы. Она свернулась и перелистнулась сама. Наверное, прикосновение к этой точке вызывало срабатывание какого-то поверхностно-активного механизма. Следующие страницы аккуратно перелистывались одна за другой, стоило только прикоснуться к этому месту.

Чуть ли не половина газеты была настолько обычно-узнаваемой, что я почувствовал приступ ностальгии:

«Ваш гороскоп на сегодня»,

«Мэр открывает новое водохранилище»,

«Требования службы безопасности ограничивают свободу прессы — заявил Н. И. Солон»,

«Гиганты берут разбег»,

«Необычная жара срывает планы лыжников»,

«Пакистан заявил протест Индии»,

и т. д. и т. п. Вот куда я попал…

Кое-какие темы были новыми, но из подзаголовков все становилось ясно:

«СТАРТ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ К СОЗВЕЗДИЮ
БЛИЗНЕЦОВ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ. Станция получила две пробоины. Жертв нет»;

«ЧЕТВЕРО БЕЛЫХ СТАЛИ ЖЕРТВАМИ СУДА ЛИНЧА В КЕЙПТАУНЕ. Требуется вмешательство ООН»;

«ЖЕНЩИНЫ-ПРЕЕМНИЦЫ БОРЮТСЯ ЗА ПОВЫШЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ. Требование объявить „любительство“ вне закона»;

«ПЛАНТАТОР
С
МИССИСИПИ
АРЕСТОВАН ЗА ПРИМЕНЕНИЕ ЗОМБИНА.

> В свое оправдание он заявил: „Энти ребята не под зомбином — они просто дураки…“»

Насчет последнего я сумел убедиться на собственном опыте.

Некоторые сообщения были совершенно непонятны. Какие-то «вогли» продолжали распространяться, и пришлось эвакуировать еще три французских города. Король рассматривает вопрос об обработке территории порошком.

Ну, политика во Франции могла зайти куда угодно: король так король. Но вот что это был за «порошок», который они собирались применять для борьбы с этими непонятными «воглями»? Может, радиоактивный? Надеюсь, они выберут безветренный день. Лучше всего тридцатое февраля. Я однажды схватил дозу радиации из-за ошибки одного техника в Сандии. До той стадии лучевой болезни, когда начинается неукротимая рвота, дело не дошло, но ощущения были — врагу не пожелаешь.

Отделение лос-анджелесской полиции в Лагуна-Бич вооружили спирометами, и командир отделения велел стилям убираться из города. «Мои люди получили приказ: сперва спирять,

а потом уж разгрумляться. Пора с этим покончить!» Я не был уверен, хочу ли я, чтобы со мной разгрумлялись — или меня разгрумляли? — даже «потом», и поэтому решил, что буду держаться подальше от Лагуна-Бич до тех пор, пока не узнаю, какой у них счет.

Это просто для примера. Таких сообщений было пруд пруди. Начинаешь читать — вроде понятно, а чем дальше — тем загадочней.

Я хотел пропустить мелкие частные сообщения, но тут мой взгляд наткнулся на новые подзаголовки. Были и старые, знакомые: кто умер, кто родился, сообщения о свадьбах и разводах, — но еще появились «погружения» и «пробуждения», с указанием хранилищ. Я поискал Объединенное Хранилище Соутел и нашел свое имя, чувствуя тепло на душе. Обо мне вспомнили. Я был свой.

Самое интересное в газете было в объявлениях. Одно меня просто поразило: «Привлекательная, хорошо сохранившаяся вдова, любящая путешествовать, хотела бы встретить зрелого мужчину со сходными наклонностями с целью заключения двухгодичного брачного контракта». Но вконец достал меня раздел иллюстрированной рекламы.

«Золушка», ее тетки, сестры и племянницы

занимали целую полосу, и на картинках попрежнему стоял наш товарный знак — стройная девушка с метлой, — который я придумал когда-то для нашего фирменного бланка. Я пожалел, что так поспешил отправить Рики свои акции «Золушки Инк.»: похоже, сейчас они стоили бы больше, чем все остальные ценные бумаги, которые я купил. Нет, все правильно: оставь я их при себе, эти двое завладели бы ими и подделали бы передаточную надпись на свое имя. А так они достались Рики, и если Рики стала богатой, то это только справедливо.

Я подумал, что надо первым делом разыскать Рики, и мысленно сделал пометку «очень срочно». На всем свете у меня осталась только она — немудрено, что для меня это было так важно. Рики, милая! Эх, будь ей лет на десять побольше, я бы и не взглянул на Беллу… и не обжегся бы.

Так-так, а сколько же ей сейчас? Сорок. Нет, сорок один. Трудно представить себе Рики сорокалетней. Хотя теперь для женщины сорок, наверное, — не старость. Да и в наше время тоже с десяти метров было не разобрать — сорок ей или двадцать.

Если она богата, пусть выставит мне выпивку: выпьем за упокой кристальной души нашего

дорогого Пита.

Ну а если что-то не удалось и она окажется бедной, несмотря на те акции, что я перевел тогда на ее имя, тогда — тогда, черт меня побери, я женюсь на ней! Да, женюсь. И не важно, что она лет на десять старше меня. Учитывая, что я всегда славился своим ротозейством и расхлябанностью, мне просто необходим кто-то старший — приглядывать за мной, вовремя говорить «нет», да мало ли… Тут Рики, пожалуй, самый подходящий человек: она и десятилетней девочкой рулила и Майлсом, и его домом очень серьезно и довольно эффективно. В сорок лет она, я думаю, осталась такой же, только стала мягче.

На душе у меня сделалось совсем тепло — я уже не чувствовал себя одиноко, как человек, затерявшийся в чужой стране. Ведь у меня был ответ на все вопросы Рики.

Тут я услышал внутренний голос: «Дурень, ты не сумеешь жениться на Рики: такая девушка (а она наверняка должна была стать такой девушкой) наверняка замужем уже лет двадцать. У нее, поди, четверо детей; может, сын уже повыше тебя ростом. И, безусловно, муж, которому вряд ли придется по душе твое появление в роли „доброго старого дяди Дэнни“».

Я выслушал это, и у меня отвисла челюсть. Потом я сказал уныло: «Ладно, ладно. Этот поезд тоже ушел. И все же я ее поищу. Ничего худого мне за это не сделают. Ну, разве что пристрелят. Но ведь она единственный человек, по-настоящему понимавший Пита...»

Осознав, что потерял не только Пита, но и Рики, я хмуро перевернул страницу. Вскоре я заснул над газетой и проспал до тех пор, пока мой (или не мой?) «Тедди» привез мне обед.

Мне приснилось, что Рики держит меня на коленях и говорит: «Ну вот, Дэнни, все в порядке. Я нашла Пита, и теперь мы оба с тобой. Правда, Пит?» — «Мя-а-а-у...»

* * *

Словарь мой быстро расширялся: я много читал по истории. За тридцать лет может произойти уйма всякой всячины, но зачем я буду излагать это все — ведь каждому из вас все это известно лучше, чем мне. Меня не удивило, что Великая Азиатская Республика потеснила наши товары на южноамериканском рынке: это начиналось еще при мне. Не очень я удивился и оттого, что Индия заметно «балканизировалась». Узнав, что Англия теперь — провинция Канады, я на минутку от-

ложил книгу, чтобы переварить прочитанное: где тут лошадь и где телега? Я пропустил детали описания Паники 1987 года: золото — хороший технический материал для некоторых целей, и я отнюдь не расценивал как трагедию то обстоятельство, что теперь оно дешево и перестало быть основой денежной системы, невзирая на то, что столько народу осталось без штанов при этой финансовой перестройке.

Я снова отложил книгу и стал размышлять о вещах, которые можно сделать при наличии дешевого золота, с его высокой плотностью, хорошей проводимостью, отличной ковкостью… и остановился, поняв, что сперва придется почитать техническую литературу. Черт, да в одной только атомной технике золото будет незаменимо. Оно обрабатывается лучше любого другого металла. Вот если применить его для миниатюризации… Я опять остановился, сообразив, что у «Тедди» голова наверняка битком набита золотом. Да, придется заняться тем, что разведать: что там наш брат инженер напридумывал за это время?

Технической библиотеки в Хранилище Соутел не было, и я сказал доктору Альбрехту, что готов к выписке. Он пожал плечами, обозвал меня иди-

отом и разрешил. Но я задержался еще на одну ночь, так как плохо себя чувствовал. Наверное, я потерял форму, потому что долго валялся в постели без упражнений, глядя, как бегут строчки в книгочитальном аппарате.

Наутро, сразу после завтрака, мне принесли современную одежду. Чтобы одеться, мне потребовалась помощь. В одежде не было ничего необычного (хотя мне и не доводилось носить расклешенных светло-вишневых брюк), но без предварительного инструктажа я не смог справиться с застежками. Наверное, у моего деда были бы такие же трудности с брюками на молнии, если бы жизнь не приучила его к пользованию молнией постепенно. А все эти замки «стиктайт»: я думал, что придется нанять мальчика, чтобы водил меня в туалет, но потом до меня дошло, что эти «липучки» имеют осевую поляризацию.

Тут я чуть не потерял штаны, пытаясь ослабить пояс. Но никто не стал надо мной смеяться. Доктор Альбрехт спросил:

— Что вы намерены предпринять?

— Я? Во-первых, раздобуду карту города. Потом найду место, где остановиться на ночь. А затем, наверное, буду целый год только читать специальную литературу. Док, я — ископаемый

инженер. Но я не желаю оставаться таким.

— Хм-хм, ну что же, желаю удачи. Если я понадоблюсь, звоните, не стесняйтесь.

Я протянул ему руку:

— Спасибо, док. Вы отличный парень. Хм, возможно, мне надо сперва поинтересоваться в бухгалтерии моей страховой компании, насколько хороши мои дела, но я не хотел бы, чтобы моя благодарность исчерпывалась словами. За то, что вы для меня сделали, она должна быть более осязаемой. Вы меня понимаете?

Он покачал головой:

— Я ценю вашу благодарность. Но все мои гонорары исчерпываются моим контрактом с Хранилищем.

— Но…

— Нет. Я не могу принять это, так что, прошу вас, не стоит и обсуждать. — Он пожал мне руку и сказал: — До свидания! Если встанете на эту ленту, то попадете как раз к главному офису. — Он помедлил. — Если новая жизнь на первых порах окажется утомительной, то вы имеете право провести у нас еще четверо суток на отдыхе и переориентации, без дополнительной платы — это входит в условия вашего контракта и вами уже оплачено. Так что можете воспользоваться.

Приходить и уходить можно в любое время.

Я улыбнулся.

— Спасибо, док. Можете держать пари, что если я и вернусь сюда когда-нибудь, то только для того, чтобы повидаться с вами.

Я сошел с ленты возле управления и сообщил автоматическому секретарю у входа, кто я такой. Он вручил мне конверт — это оказалось еще одно послание от миссис Шульц. Я так и не позвонил ей: я не знал, кто она такая, а по правилам Хранилища проснувшийся клиент был огражден от посетителей и звонков до тех пор, пока сам не разрешит принимать их. Я просто глянул на конверт и сунул его в карман, подумав при этом, что, наверное, я перестарался, сделав «Салли» слишком универсальной: секретарши все-таки должны быть хорошенькими девушками, а не роботами.

Автоматический секретарь сказал:

— Пройдите сюда, пожалуйста. С вами хочет побеседовать наш казначей.

Ну, я тоже не прочь был его увидеть, так что я пошел в указанном направлении. Мне было очень интересно, сколько у меня теперь денег. Вне всякого сомнения, акции мои упали во время Паники-87, но теперь они, должно быть, опять

поднялись. Я уже прочел финансовый раздел «Таймс» и знал, что как минимум два пакета стоят сейчас кучу денег. Я даже сохранил газету в расчете, что, возможно, захочу посмотреть и котировку других акций.

Казначей оказался живым человеком, хотя и выглядел сущим казначеем. Рукопожатие у него было кратким.

— Здравствуйте, мистер Дэвис. Садитесь, пожалуйста. Я — мистер Доути.

Я сказал:

— Здрасьте, мистер Доути. Я, собственно, не собирался у вас рассиживаться. Вы мне только скажите: моя страховая компания ведет свои дела через вас? Или мне придется ехать к ним?

— Присядьте, пожалуйста. Я должен вам кое-что объяснить.

Я сел. Помощник (опять добрая старая «Салли») принес ему папку, и он сказал:

— Вот ваши контракты. Хотите взглянуть?

Я очень хотел взглянуть, так как очень боялся, что Белла сумела придумать, как поживиться удостоверенным чеком. Проделывать такие фокусы с удостоверенными чеками гораздо сложнее, чем с именными, но Белла была ловкая девушка.

Я с облегчением обнаружил, что все мои пла-

тежные поручения остались нетронутыми. Исчез только отдельный контракт на Пита и распоряжение относительно моих акций «Золушки Инк.». Наверное, она их просто сожгла, чтобы избежать нежелательных вопросов. Я внимательно исследовал еще с десяток мест в документах, где она исправила «Мьючел эшшуранс компани» на «Мастер иншуранс компани оф Калифорния».

Да, работала наша девчонка артистически, спору нет. Наверное, эксперт-криминалист, вооруженный микроскопом, стереолупой, разными реактивами и прочим, смог бы доказать, что в каждый из этих документов вносились изменения; я не смог бы. Мне было интересно, как она справилась с надписью на обороте удостоверенного чека: ведь их печатают на специальной бумаге, якобы исключающей подчистки. Ну, она тоже пользовалась не школьным ластиком. Что один человек может придумать, то другой сможет перехитрить. А Белла была очень хитра.

Мистер Доути кашлянул. Я оторвался от бумаг.

— Мы можем урегулировать вопрос о моих сбережениях здесь?

— Да.

— Тогда меня интересует только одно: сколько?

— Хм-м… Мистер Дэвис, прежде чем мы углубимся в этот вопрос, я бы хотел обратить ваше внимание на один дополнительный документ и на одно обстоятельство. Это контракт между нашим Хранилищем и «Мастер иншуранс оф Калифорния», предусматривающий ваше введение в анабиоз, хранение в условиях гипотермии и последующее возвращение к нормальному состоянию. Как вы, вероятно, заметили, полная стоимость наших услуг внесена авансом. Это сделано как для нашего спокойствия, так и для вашей защиты, поскольку гарантирует ваше благополучие, когда вы беспомощны. Эти деньги — и все аналогичные суммы — депонируются в отделение банка, контролируемого судебными органами, ведающими опекунством, и выплачиваются нам помесячно в течение всего срока пребывания у нас.

— Разумная предосторожность, на мой взгляд.

— Так оно и есть. Она защищает беспомощных. Теперь вы, должно быть, понимаете, что наше Хранилище — это совершенно отдельная от вашей страховой компании корпорация, а контракт на ваше пребывание у нас на хранении — совершенно отдельный от контракта на распоряжение принадлежавшими вам ценностями.

— Мистер Доути, к чему вы клоните?

— Есть ли у вас иное имущество, кроме тех ценных бумаг, что вы доверили хранить «Мастер иншуранс компани»?

Я прикинул. Когда-то у меня была машина. Бог ее знает, что с нею сталось. Текущий счет в Мохаве я закрыл, сняв с него все, что было, когда запил. А в тот бурный день, когда я попал к Майлсу и нарвался на зомбин, у меня было от силы долларов тридцать-сорок наличными. Книжки, шмотки, логарифмическая линейка — я никогда не был барахольщиком — и прочие пустяки наверняка пропали.

— Боюсь, что даже проездного билета на автобус не найдется.

— Тогда — мне очень неприятно сообщать вам об этом — у вас вообще ничего нет.

Голова у меня закружилась, но я умудрился не упасть.

— Что вы хотите сказать? Как же так, ведь акции некоторых компаний, в которые я вложил деньги, стоят очень высоко. — Я протянул ему свой утренний номер «Таймс».

Он покачал головой.

— Мне очень жаль, мистер Дэвис, но у вас нет никаких акций. «Мастер иншуранс» разорилась.

Хорошо, что он предложил мне сесть заранее: я почувствовал слабость.

— Как это случилось? Во время Паники?

— Нет-нет. Их банкротство было частью падения группы «Манникс». Но, естественно, вы про это не знаете. Это случилось уже после Паники, хотя можно сказать, что началось это именно с Паники. Но «Мастер иншуранс» выдержала бы, если бы ее систематически не грабили. Есть такое грубое слово — «доить». Вот ее доили. Будь это просто управление через подставных лиц, что-нибудь удалось бы сберечь. Но тут было другое. К тому времени, как дело открылось, от компании осталась только пустая скорлупа. А люди, совершившие все это, сбежали за границу и смогли избежать выдачи. Кхе-кхе, если это может служить для вас утешением, скажу, что при наших нынешних законах этого бы не случилось.

Нет, утешение в этом было слабое, да и не верю я в это. Мой старик утверждал, что чем сложнее законы, тем вольготнее мошенникам.

Но он же говаривал, что умный человек должен всегда быть готов расстаться со своим багажом. «Интересно, — подумал я, — сколько раз нужно быть одураченным, чтобы сойти за умного?»

— Э-э, мистер Доути, просто из любопытства: а

как обошлась компания «Мьючел эшшуранс»?

— «Мьючел эшшуранс компани»? Прекрасная фирма. Ну, во время Паники им тоже досталось, как и всем остальным. Но они выкарабкались. Вы и у них тоже застраховались?

— Нет.

Я не стал вдаваться в подробности — какой смысл? Рассчитывать на «Мьючел» не приходилось: я ведь не воспользовался своим контрактом с ними. Подавать в суд на «Мастер иншуранс» тоже бесполезно: что толку судиться с разорившимся трупом?

Вдруг я вспомнил, что Белла с Майлсом собирались продать «Золушку Инк.» группе «Манникс», когда выперли меня вон.

— Мистер Доути, а вы уверены, что у «Манникс» ничего нет? Разве они не владеют «Золушкой Инк.»?

— «Золушкой»? Вы имеете в виду фирму, выпускающую автоматические бытовые машины?

— Да, конечно.

— Мне кажется, это почти невозможно. То есть это попросту невозможно, поскольку группы «Манникс», как таковой, больше просто не существует. Я, конечно, не могу утверждать, что между корпорацией «Золушка» и типами из «Манникс»

никогда не существовало никакой связи. Но я не думаю, что это была серьезная связь, если таковая вообще была, — я бы что-то знал об этом.

Я махнул на это дело рукой: если «Манникс», рухнув, подмяла Беллу и Майлса, это вполне меня устраивало. Но, с другой стороны, если «Манникс» владела «Золушкой Инк.» и «доила» ее, то это ударило по Рики так же, как и по этим двум. А я не хотел, чтобы пострадала Рики, независимо от побочных эффектов.

Я поднялся.

— Ну что ж, мистер Доути… Спасибо за обстоятельные разъяснения. Я, пожалуй, пойду…

— Не уходите еще минутку, мистер Дэвис. Наше заведение… мы чувствуем определенную ответственность за судьбы наших клиентов, выходящую за рамки наших с ними контрактов. Вы же понимаете, что вы — не первый, кто попал в подобное положение. Совет директоров предоставил в мое распоряжение определенную сумму денег, так сказать, фонд помощи, дабы я мог в подобных случаях несколько облегчить участь наших бывших подопечных. Эти…

— Мне не нужна благотворительность, мистер Доути. Но тем не менее спасибо.

— Это не благотворительность, мистер Дэвис.

Это заем. Можете назвать его «рисковая ссуда». Наши потери по таким займам просто мизерны… а мы не хотели бы выпускать вас отсюда с пустыми карманами.

Я призадумался. Мне сейчас даже постричься было не на что. Но, с другой стороны, занимать деньги — все равно что пытаться плыть, держа в каждой руке по кирпичу… А маленькую сумму, взятую в долг, отдать труднее, чем миллион.

— Мистер Доути, — сказал я медленно, — доктор Альбрехт сказал, что я могу занимать здесь койку и получать миску похлебки еще четыре дня.

— Я полагаю, это так; надо взглянуть в вашу карточку. Не подумайте, конечно, что мы можем вышвырнуть человека за дверь, если он не готов к выписке, а оговоренное контрактом время вышло.

— Я так и не думал. Но сколько стоит в сутки комната, которую я занимал у вас, и питание?

— Но ведь мы не сдаем комнаты. И у нас тут не больница: мы просто создаем необходимые условия, чтобы наши клиенты, проснувшись, могли немножко прийти в себя.

— Да, конечно. Но сколько это стоит, вы должны знать — хотя бы для отчетов перед налоговым управлением.

— Мм-м… и да и нет. Наши цены устанавливаются по-другому. Значит, так: амортизация; потом — содержание управленческого персонала, накладные расходы, диетическое питание, зарплата обслуживающего персонала… ну и так далее. Думаю, можно было бы подсчитать.

— Не трудитесь. Сколько стоят сейчас сутки в больнице плюс питание?

— Это не совсем по моей части… но, я думаю, где-то около ста долларов в сутки.

— Мне причиталось четыре дня. Не могли бы вы ссудить мне четыреста долларов?

Вместо ответа он произнес какой-то цифровой код, давая команду своему механическому помощнику, который тут же отсчитал мне восемь пятидесятидолларовых бумажек.

— Спасибо, — сказал я искренне, спрятав их. — Сделаю все, что будет в моих силах, чтобы этот долг не слишком долго за мною числился. Шесть процентов? Или деньги подорожали?

Он отрицательно покачал головой.

— Это не кредит. Раз вы решили насчет своих четырех дней так, я уже распорядился, чтобы их считали израсходованными на это.

— Да? Послушайте, мистер Доути, я — как бы это сказать, — я не хотел выкручивать вам руки.

Разумеется, я эти деньги…

— Прошу вас, не стоит. Выдавая вам эти деньги, я приказал своему помощнику отметить, что они пошли на оплату вашего четырехдневного пребывания у нас. Вы же не хотите, чтобы у наших ревизоров болела голова из-за несчастных четырех сотен? Я собирался дать вам в долг гораздо больше.

— Ну что ж… Спорить не буду. Скажите, мистер Доути, это много? Какие сейчас цены?

— Ммм… Трудный вопрос.

— Ну, хотя бы чтобы иметь представление. Сколько стоит поесть?

— Пища стоит вполне умеренно. За десять долларов вы можете прилично пообедать… если не будете выбирать дорогие рестораны.

Я снова поблагодарил его и ушел с очень теплым чувством к этому человеку. Мистер Доути напомнил мне нашего армейского казначея. Военные казначеи бывают двух видов: одни показывают вам, где написано, что вы не можете получить причитающегося вам, вторые роются в приказах и инструкциях до тех пор, пока не найдут подходящий параграф, чтобы заплатить вам то, что вам надо. Даже если вы этого не стоите.

Мистер Доути принадлежал ко второму виду.

Хранилище выходило фасадом на бульвар Уилшир. Перед входом были цветы, кустики, лавочки… Я присел на скамейку передохнуть и решить, куда податься: на восток или на запад. Перед мистером Доути я старался держаться орлом, но, честно говоря, я был просто потрясен, хотя у меня в кармане джинсов и трепыхалось достаточно, чтобы не голодать с недельку.

Однако солнышко грело, с автострады доносился приятный гул, я был молод (по крайней мере, биологически), и у меня были две руки и голова. Насвистывая «Аллилуйя, я балбес», я развернул «Таймс» — поискать раздел «Требуются на работу». Я устоял перед искушением заглянуть в раздел «Профессионалы (инженеры)» и стал искать «Неквалифицированные рабочие».

Этот раздел был чертовски мал: я едва нашел его…

Глава 6

Я нашел работу на другой день, в пятницу. Я успел также чуть-чуть вступить в конфликт с законом, а кроме того, несколько раз что-то сказать или сделать не так, как теперь принято. Оказывается, проходить переориентацию, читая соответствующие руководства и справочники, — это все равно что изучать секс по книжкам.

Наверное, мне было бы в чем-то легче, если бы я обосновался где-нибудь в Омске, Сантьяго или Джакарте. В чужом городе и в чужой стране обычаи заведомо должны быть другими, чем дома. Но в Большом Лос-Анджелесе я подсознательно ожидал, что все осталось по-прежнему, хотя я и видел, что многое изменилось. Конечно, тридцать лет — срок небольшой; даже в течение жизни одного человека на свете успевает измениться немало. Но вот так, одним глотком, — это совсем другое дело…

Как-то, например, я совершенно невинно употребил одно словечко. Присутствовавшая при этом дама оскорбилась, а ее муж уже был готов врезать мне в зубы — только мои торопливые объяснения, что я сонник, остановили его. Я не

стану приводить это слово здесь. А впрочем, почему бы и нет? Я же делаю это, чтобы объяснить вам: когда я был мальчишкой, это слово считалось совершенно приличным. Не верите на слово — загляните в какой-нибудь старый словарь. В мое время никто не писал это слово мелом на заборах.

Слово это — «ломка».

Были и другие слова, которые я и по сей день употребляю с опаской. Это не обязательно слова, ставшие нецензурными, — просто изменившие смысл. Например, «преемник»: раньше это слово означало человека, который изучил то или иное дело, чтобы заменить другого, более старого человека. И никакого отношения к уровню рождаемости оно не имело…

Но в целом я справлялся. Работу я нашел такую: я пускал под пресс новехонькие лимузины, и их увозили обратно в Питсбург — там принимали металлолом. «Кадиллаки», «крайслеры», «линкольны» и «эйзенхауэры» — самые разные машины, новенькие, красивые, мощные, не набегавшие еще ни километра. Я загонял их между стальными челюстями пресса и — бах! трах! хррр-рум!.. металлолом к переплавке готов.

Сперва мне было просто больно смотреть на это

— сам-то я ездил на работу на ленте, потому что денег у меня не было даже на гравискок. Однажды я высказал свое мнение на этот счет, и меня чуть не вышибли с работы. Слава богу, мастер вспомнил, что я — сонник и действительно не понимаю.

— Это же элементарная экономика, сынок. Это — сверхнормативные машины, которые правительство приняло в залог под выданные дотации на погашение разницы в ценах. Им уже добрых два года, и продать их не удастся. Поэтому правительство прессует их и продает металлолом сталелитейной компании. Сталь нельзя плавить только из руды: надо непременно добавлять и металлолом. Тебе бы следовало это знать, хоть ты и сонник. А теперь, когда хорошая руда вообще редкость, спрос на металлолом весьма высок. Сталеплавильщикам очень нужны эти машины.

— Но зачем же их делать, если нельзя их продать? Это выглядит расточительством.

— Это только *выглядит* расточительством. Ты что же, хочешь, чтобы люди остались без работы? Чтобы уровень жизни упал?

— Тогда почему бы не продавать их за рубеж? Мне кажется, на внешнем рынке за них можно выручить больше, чем за металлолом.

— Что? И загубить внешний рынок? Да, кроме того, если мы начнем их экспортировать, то испортим отношения с Японией, Францией, Германией, с Великой Азией, да и со всеми. Ты что, хочешь развязать войну? — Он вздохнул и сказал отеческим тоном: — Ступай-ка в библиотеку да почитай. Какое ты имеешь право рассуждать об этом, если ничего не знаешь?

Я промолчал и не стал говорить ему, что все свое свободное время провожу в библиотеке Лос-Анджелесского университета или в публичной библиотеке; промолчал я и о том, что когда-то был инженером. А сказать просто: «Я — инженер» — было бы все равно что прийти к Дюпону и сказать: «Досточтимый сударь, я алхимик. Не угодно ли испытать мое искусство?»

Еще раз я затеял разговор на эту тему, заметив, что большинство предназначенных к переплавке машин были не готовы к тому, чтобы на них ездили: кое-где видны были дефекты сборки, а в некоторых — отсутствовали необходимые части: приборы на щитке управления или кондиционеры. А уж когда я увидел, что у идущей под пресс машины вообще нет силового агрегата, меня прорвало.

Начальник смены выкатил глаза:

— Господи ты боже мой! Сынок, а с чего ты взял, что под пресс обязательно пустят самые лучшие машины? Это же излишки. Дотация в них была заложена еще до того, как они сошли с конвейера!

После этого я заткнулся надолго. Лучше уж я ограничу свой интерес техникой: экономика для меня — темный лес… Но времени на размышления у меня хватало. По моим понятиям, моя работа работой, в сущности, и не была: всю работу делали «Салли» в разных обличьях. «Салли» управляла прессом; ее «сестры» подгоняли под него машины, оттаскивали в сторону спрессованные, считали и взвешивали их. Моя же работа заключалась в следующем: я стоял на небольшом возвышении (сидеть не полагалось) и держался рукой за рубильник, останавливающий все операции, если что-то пойдет не так. Все всегда шло «так», но мне дали понять, что хотя бы раз в смену я должен был уличить автоматику в какой-нибудь погрешности, остановить работу и вызвать ремонтников.

Ну что ж… За это платили двадцать один доллар в день — на еду хватало. Все-таки самые важные вопросы надо решать в первую очередь.

После всех отчислений (социальное страхова-

ние, профсоюзные взносы, подоходный налог, оборонный налог, медицинская страховка и «добровольные» пожертвования) у меня оставалось шестнадцать долларов. Мистер Доути был не прав, когда утверждал, что обед стоит десять долларов: вполне приличный обед можно было получить и за три доллара, если не ставить целью обязательно отведать натурального мяса. Я лично и сейчас уверен, что никто из вас не отличит, какое мясо паслось на пастбище, а какое росло в баке с питательным раствором. А наслушавшись разговоров о контрабандном мясе, от которого может быть лучевая болезнь, я решил удовлетворяться заменителями.

С жильем было посложнее. Поскольку во время Шестинедельной войны Лос-Анджелес не вошел в зону сноса ветхого жилого фонда ускоренным и широкозахватным способом (ему не досталось ни одной атомной бомбы), то туда понаехало поразительное число беженцев. Наверное, в определенном смысле я тоже был одним из них, хотя в то время я так о себе не думал. И, похоже, никто из них не спешил возвращаться домой — даже те, чьи дома уцелели. Город — если Лос-Анджелес вообще город (по-моему, это следует называть «среда обитания»), — задыхался еще тогда, когда я

отправился спать в 1970-м. А теперь он был набит битком, как дамская сумочка. Возможно, избавление от смога было в некотором роде ошибкой: в шестидесятые годы довольно много народу уезжало из города из-за хронического синусита.

Теперь, очевидно, не уезжал никто.

В тот день, когда я покинул Хранилище, у меня уже созрел определенный план:

1) найти работу;

2) найти кров;

3) наверстать упущенное по инженерно-технической части;

4) найти Рики;

5) вернуться к занятиям конструированием (если это вообще в человеческих силах);

6) разыскать Беллу и Майлса и разобраться с ними, не угодив при этом в тюрьму;

7) еще много разных дел: например, найти первый патент на «Трудягу Тедди» — проверить свои подозрения (а я сильно подозревал), что это не что иное, как «Универсальная Салли»; не то чтобы это имело теперь значение — так, из любопытства. Надо бы и историю корпорации «Золушка» выяснить. Ну и так далее.

Перечисленные выше дела я расположил в порядке их срочности и важности, потому что

много лет назад (чуть не завалив экзамены на первом курсе в институте) понял, что без этого можно потерять очень многое. Правда, некоторые пункты можно было выполнять параллельно: например я рассчитывал найти Рики и при этом — Беллу и компанию тоже, пока грызу гранит новой инженерной науки. Но дела надо делать по порядку: сперва надо найти работу, а потом уже подыскивать чулок для хранения денег. Деньги — это ключ ко всему остальному… если их нет.

Когда меня раз шесть завернули в городе, я поехал по объявлению аж в Сан-Бернардино — и опоздал буквально на 10 минут. Тут бы мне сразу поискать ночлег, но я решил, что будет гораздо умнее, если я поеду обратно в центр, сниму там номер в гостинице, встану с утра пораньше и первым поспею по утренним объявлениям. Кто же знал?.. Я записался в очередь в четырех отелях — и кончил на скамейке в парке. Время от времени я вставал и прогуливался, чтобы немного согреться, но потом, ближе к полуночи, сдался: зимы в Большом Лос-Анджелесе можно назвать субтропическими, только очень налегая на «суб».

Я укрылся на станции ленточной дороги Уилшир, в зале ожидания, и часа в два ночи попал в

облаву вместе с другими бездомными.

Тюрьмы стали заметно лучше. В этой было тепло, и мне показалось, что тараканов тут приучили вытирать ноги.

Обвинение гласило: слоняжничество. Судья — молодой человек, ни разу не поднявший глаз от лежавшей перед ним газеты, — сказал только:

— Эти все по первому разу?

— Да, ваша честь.

— Тридцать дней. Или пусть с работы пришлют бумажку, что их берут на поруки. Следующий.

Нас начали выдворять в коридор, но я уперся.

— Одну минуту, Ваша честь.

— А? Что вас смущает? Вы признаете себя виновным или нет?

— Э-э, я, право, не знаю: ну что я такого сделал? Понимаете, я…

— Хотите защитника? Тогда отправляйтесь в камеру и ждите, пока кто-нибудь не освободится и не займется вашим делом. По-моему, сейчас у них завал дней на шесть… Но это — ваше право.

— Э-э, я, честное слово, не знаю. Может быть, я хотел бы, чтобы меня взяли на поруки… хотя я не знаю, кто бы мог это сделать. По-моему, мне нужен совет Суда, если Суд позволит.

Судья велел судебному исполнителю вывести

остальных и повернулся ко мне:

— Выкладывайте. Но имейте в виду: мой совет вряд ли придется вам по вкусу. Работаю я давно, всяких сказок наслушался досыта, и большинство из них вызывает у меня глубокое отвращение.

— Да, сэр. Но у меня — не сказки: это легко проверить. Видите ли, я вчера вернулся из Долгого Сна и…

На лице у него появилась гримаса отвращения.

— Один из этих, да? Я все в толк не возьму: с чего это наши дедушки решили, что могут сплавлять своих выморозков к нам? Уж чего этому городу надо меньше всего — так это лишних людей. Особенно таких, которые и в своем-то времени не могли устроиться. Будь моя воля — я бы вышиб вас всех в тот год, откуда вы явились, да еще дал бы с собой записку к тем, кто там живет, что будущее, о котором они так мечтают, не вымощено золотом, ясно? — Он вздохнул. — Впрочем, толку от этого, я уверен, было бы немного. Ну, и что вы от меня хотите? Чтобы я дал вам шанс? И через неделю вы опять свалитесь на мою голову?..

— Ваша честь, я не думаю, что это должно случиться. У меня достаточно денег, чтобы протянуть до тех пор, пока я не найду работу и…

— Да? Если у вас есть деньги, чего же вы слоняжничали?

— Ваша честь, я даже не знаю, что означает это слово.

На этот раз он позволил объяснить ему ситуацию. И когда я дошел до той части, как меня облапошила «Мастер иншуранс», он резко переменил отношение ко мне.

— Вот свиньи! Мою мать они надули после того, как она лет двадцать платила страховые взносы. Что же вы мне этого сразу не сказали? — Он вынул визитную карточку, что-то на ней написал и протянул мне. — Ступайте с этой запиской в отдел по найму Комиссии по утилизации излишков и вторичным ресурсам. Если там не выгорит с работой — приходите утром снова. Только чтоб больше не слоняжничать. Я уж не говорю о том, что это прямая дорога к преступности и падению нравов. Но лично вы имеете отличный шанс отведать зомбина. Ночью, в темном переулке, это раз плюнуть.

Вот так я и стал пускать под пресс новенькие автомобили. И все же я считаю, что поступил правильно, начав именно с поиска работы. Если у человека есть денежки, он везде как дома. И с полицией трений не будет.

А вскоре я сумел снять приличную — и по карману — комнату в той части Западного Лос-Анджелеса, которую еще не успели снести и перестроить по Новому плану. Раньше эта комната, по-моему, была гардеробной.

Я бы не хотел, чтобы у вас сложилось впечатление, что мне не понравился двухтысячный год. По сравнению с 1970-м он был вполне… И следующий, 2001-й, наступивший через пару недель после моего пробуждения, — тоже. И несмотря на подкатывавшие временами приступы ностальгии, я считаю, что на пороге третьего тысячелетия Большой Лос-Анджелес был самым замечательным местом на свете. В городе было чисто и так здорово… ну, может, малость многовато народу. Но и эта проблема решалась грандиозно, с размахом. Я глядел на те части города, что подверглись реконструкции по Новому плану, и у меня просто сердце радовалось. Будь у городского управления возможность лет на десять приостановить иммиграцию, они наверняка смогли бы решить жилищную проблему. Но поскольку такой возможности у них не было, то им не оставалось ничего другого, как пытаться обеспечить жильем ту лавину, что катилась через горы Сьерра-Невада. Они делали все, что

в их силах. На это стоило посмотреть: зрелище было впечатляющее. Даже то, что не удалось, вызывало невольное уважение.

Ей-богу, стоило проспать тридцать лет, чтобы проснуться в такое время, когда справились с обычной простудой и никто не страдает от насморка. Для меня это в некотором смысле означало не меньше, чем исследовательская станция на Венере.

Больше всего на меня произвели впечатление две вещи — одна крупная, а другая мелкая. Крупной была, разумеется, антигравитация. Я еще там, в семидесятом, слышал про эксперименты Бэбсоновского института с гравитацией, но считал, что у них из этого ничего не выйдет. Ничего и не вышло. Базисная теория поля, на которой основано развитие антигравитации, разработана в Эдинбурге. Но в школе меня учили, что гравитация — это такая штука, с которой уж ничего не поделаешь, потому что она заложена непосредственно в форму пространства.

Пришлось, естественно, менять форму пространства. Конечно, только временно и в отдельных местах, но для того, чтобы переместить тяжелый предмет, этого достаточно. Феномен так или иначе остается связан с матушкой-Зем-

лей, так что для космических кораблей он не пригодился. Во всяком случае, в 2001-м — насчет будущего я уже перестал загадывать. Чтобы поднять объект, как я выяснил, надо приложить энергию для преодоления гравитационного потенциала. И наоборот, чтобы что-то опустить, надо иметь накопитель энергии для всех этих килограммометров, иначе может рвануть. А вот чтобы переместить что-нибудь по горизонтали, скажем, из Сан-Франциско в Большой Лос-Анджелес, достаточно поднять этот предмет в воздух, слегка подтолкнуть — и он устремляется вперед легко и без сопротивления, как пушинка, как разогнавшийся и скользящий по льду конькобежец.

Прелесть!

Я попытался разобраться в теории вопроса, но математика начинается там, где кончается тензорное исчисление; это не для меня. Ведь инженеру вообще редко приходится быть физматиком, да и не надо: он должен усекать, как вещь работает, — тогда он разберется и в том, как эту вещь применять. Просто надо знать рабочие параметры. Это-то мне было по силам.

Ну а мелочью, о которой я упомянул, оказались изменения в женской моде, ставшие возможны-

ми благодаря тканям и замкам «стиктайт». Вид женщин, купающихся на пляже в одной только собственной коже, меня не шокировал: и у нас, в семидесятом, существовал нудизм. Но когда я увидел, что вытворяют женщины из «стиктайт», у меня просто челюсть отвисла. Мой дедуля родился в 1890-м; полагаю, некоторые зрелища 1970-го повлияли бы на него аналогичным образом.

Но мне нравился этот динамичный новый мир, и я был бы счастлив в нем, если бы не был почти все время одинок. Я был… неприкаянный. Иногда (обычно посреди ночи) я просыпался и чувствовал, что с радостью отдал бы весь этот мир за одного драного, облезлого кота. Или за возможность хоть на полдня сводить маленькую Рики в зоопарк… Или за дружбу, что была между мною и Майлсом, когда у нас всего и было, что тяжелая работа да надежда.

В начале 2001-го, когда я еще и наполовину не подогнал свои хвосты по инженерному делу, я начал чувствовать зуд: бросить свою сачковую работу и опять засесть за кульман. Теперь, при современном уровне развития техники, стали возможны очень многие вещи, о которых в 1970-м и мечтать не приходилось; и мне захотелось спроектировать десяток-другой.

Например, я думал, что в ходу уже должны быть автоматические секретари. Я имею в виду машину, которой можно продиктовать текст и получить деловое письмо без грамматических ошибок, со знаками препинания, идеально отпечатанное — и все это без участия рук человеческих. Но таких пока не было. Кто-то придумал машину, что могла печатать с голоса, но она годилась только для фонетических языков вроде эсперанто и совершенно не подходила для английского языка с его многочисленными немыми буквами и кучей исключений из массы правил. Получалось: «Ничиво не папишишь, братетс!»…

Люди не согласны отказаться от нелогичного английского правописания только ради удобства изобретателя. Но если гора не идет к Магомету…

Выпускнице колледжа иногда и удается разобрать чудное правописание английского языка и правильно написать то или иное слово. Но спрашивается: как научить этому машину? Обычно на такие вопросы отвечают: это невозможно. Для этого требуются человеческий разум и понятливость.

Но изобретение — это именно то, что было невозможно до того. Поэтому-то правительство и выдает на него патент.

Благодаря ячейкам памяти и современному уровню миниатюризации (я оказался прав насчет применения золота в технике) стало возможным затолкать в кубический фут сотни тысяч закодированных звуков. Другими словами, закодировать каждое слово в Университетском словаре Вебстера. Только это даже и не обязательно: с избытком хватит десяти тысяч слов. Ну зачем, в самом деле, надо, чтобы секретарь умел стенографировать слова вроде «остервенение» или «растранжирить»? Ну, уж если что-нибудь этакое когда-то и приспичит — можно же продиктовать по буквам. Ага, значит, надо, чтобы машина понимала и такой способ диктовки! А еще надо закодировать знаки препинания… разные форматы… количество копий в закладке… и чтобы сама отыскивала в памяти нужный адрес… и сортировала почту перед отправкой… и предусмотреть не менее тысячи свободных ячеек для специальных терминов, применяемых в данной отрасли бизнеса или техники. И сделать так, чтобы клиент-владелец мог вводить эти слова сам: нажал клавишу «память», напечатал слово вроде «педипальпы», — и уже никогда не придется диктовать его по буквам.

Все просто. Надо только состыковать компо-

ненты, уже имеющиеся в продаже, и превратить это сочетание в производственную модель.

Вот с омонимами — беда… Над сочетаниями вроде «писчий счетчик» наша «Стенографистка Стелла» даже на секунду не задумается — ведь все эти слова с трудным написанием звучат по-разному. А вот выбрать из нескольких слов, которые звучат одинаково, но пишутся по-разному, ей будет нелегко.

Интересно, а словарь омонимов в публичной библиотеке в городе есть? Оказалось, есть. Я начал подсчитывать пары омонимов, с которыми неизбежно придется сталкиваться, и прикидывать, сколько из них можно сделать различимыми с помощью теории информации, анализа контекста, а сколько потребуют специального кодирования.

Я стал нервничать и злиться по пустякам: я не только тратил по тридцать часов в неделю на совершенно бесполезную, бессмысленную работу, но и не мог в самом деле заниматься настоящим конструированием в публичной библиотеке! Мне была нужна мастерская с кульманом — чертить, вылавливать мелкие дефекты. Мне нужны были каталоги торговых фирм, профессиональные журналы, счетная техника и т. д.

Я решил, что надо искать хотя бы полупрофес-

сиональную работу. Я был не настолько глуп, чтобы полагать, что я уже инженер: слишком много было еще всякого такого, что я не успел прочесть. Я уже несколько раз сидел, ломая голову, как сделать то или иное устройство, воспользовавшись моими новыми познаниями, — а потом, придя в библиотеку, обнаруживал, что кто-то уже решил эту проблему лучше, дешевле и изящнее меня — и лет десять-пятнадцать назад.

Мне надо было пойти работать в конструкторское бюро, чтобы все эти новинки стали мне близкими и родными. Я решил, что с работой младшего чертежника я справлюсь.

Я знал, что теперь используются электрические чертежные полуавтоматы, — видел на картинках, хотя сам еще не пользовался. Но научиться ими пользоваться, по-моему, можно за двадцать минут, если бы такой случай представился, — они были очень похожи на то устройство, что я когда-то выдумал, — устройство, имеющее не больше общего со старомодным чертежным столом с параллелограммом, чем пишущая машинка — с письмом каллиграфической вязью.

Я все продумал: как можно чертить прямые и кривые в любом месте чертежной доски легкими нажатиями на клавиши.

Однако тут я был уверен, что мою идею не украли (как украли «Универсальную Салли») — ведь моя чертежная машина существовала только в моем мозгу. Значит, кому-то в голову пришла аналогичная идея, которую он сумел довести до логического завершения. Когда приходит время железных дорог, начинают делать паровозы…

Фирма «Аладдин» — та же, что выпускала «Трудягу Тедди», — делала одну из лучших чертежных машин — «Чертежника Дэна». Я поскреб по сусекам, купил костюм поприличнее и подержанный «дипломат», набил последний газетами и явился в «Аладдин», в их фирменный магазин, якобы собираясь приобрести такую машину. Я попросил продемонстрировать, как она работает.

И тут меня ждало потрясение. Я подошел к демонстрационному экземпляру «Чертежника Дэна», и… психиатры называют это «deja vu». Проклятая машина была сделана точно так, как сделал бы ее я, если бы меня не запихали в хранилище на Долгий Сон.

Не спрашивайте меня, почему я так решил: человек может узнать свою собственную работу. Знаток живописи может определить, что это — Рубенс или Рембрандт: по мазку, по блику, по композиции, по подбору красок, по десятку дру-

гих признаков. Конструирование — не наука. Это — искусство, в нем всегда есть широкий выбор, как решить ту или иную техническую проблему. Выбирая эти способы, конструктор оставляет не менее отчетливый «автограф», чем художник.

У «Чертежника Дэна» был такой сильный привкус моей собственной техники дизайна, что меня прямо взбудоражило. Я почти начал верить в телепатию.

Я незаметно глянул на табличку с номерами патентов. В том состоянии, в котором я был, я даже не удивился, обнаружив, что первый из них тоже датирован семидесятым годом. Я твердо решил узнать, кто же изобрел его. Может быть, кто-то из моих учителей, от которых я и набрался своих методов, своего стиля? Или кто-нибудь из инженеров, с которыми я когда-то вместе работал…

Может быть, изобретатель еще жив. Тогда я обязательно разыщу его: надо познакомиться с человеком, который мыслит точь-в-точь, как я.

Я взял себя в руки и попросил продавца показать машину в работе. Особенно распинаться ему не пришлось: мы с «Дэном» оказались буквально созданы друг для друга. Через десять минут я уже обращался с ним проворнее, чем он сам. Наконец я оторвался от машины и стал отступать:

попросил проспект с фотографиями, спросил о цене и возможных скидках, о техническом обслуживании и… ушел, сказав, что еще позвоню, как раз в тот момент, когда продавец уже собирался протянуть мне на подпись бланк заказа. Грязный трюк — но ведь, кроме часа времени, я у них ничего не украл.

Прямо оттуда я пошел в фирму «Золушка» наниматься на работу на их фабрику.

Я уже выяснил, что ни Белла, ни Майлс там больше не работают. Все время, которое я мог урвать от сна и отдыха — между работой и наверстыванием упущенного в библиотеках, — я искал Беллу, Майлса и, в особенности, Рики. В телефонных справочниках Большого Лос-Анджелеса не значился ни один из троих, равно как и во всех Соединенных Штатах: я оплатил «информационный поиск» в национальном бюро в Кливленде. С меня взяли вчетверо больше обычного: Беллу пришлось искать и под фамилией Джентри, и под Даркин.

Пробовал я искать их и в списках избирателей, в избирательной комиссии графства Лос-Анджелес, — тот же результат.

В письме из «Золушки Инк.», подписанном каким-то семнадцатым вице-президентом (веро-

ятно, его и держат специально для того, чтобы отвечать на дурацкие вопросы), мне уклончиво сообщили, что тридцать лет назад лица с указанными фамилиями действительно служили в фирме, но в настоящее время фирма ничем не может помочь мне относительно их координат.

Для детектива-любителя, у которого мало времени и еще меньше денег, распутывать следы тридцатилетней давности — занятие безнадежное. Будь у меня их отпечатки пальцев — я бы обратился в ФБР. Номеров их карточек социального страхования я не знал. Власть предержащие в этой стране, похоже, не опустились до создания полицейского государства, имеющего досье на каждого гражданина. Да и существуй такие досье, мне до них не добраться: кто я такой?

Возможно, щедро субсидируемое детективное агентство могло бы, перекопав горы муниципальных регистрационных книг, газетных подшивок и бог знает чего еще, отыскать их следы. Но у меня не было ни средств на щедрые субсидии, ни таланта и времени искать их.

В конце концов я махнул рукой на Беллу и Майлса, но дал себе слово, что обязательно найму профессионалов для розыска Рики, как только это станет мне по карману. Я уже выяснил, что

акций «Золушки» у нее нет. Тогда я написал в «Бэнк оф Америка» — узнать, нет ли у них (или не было ли раньше, когда-либо) на доверительном хранении акций на ее имя. В ответ я получил стандартный бланк: подобная информация является конфиденциальной и т. д. Пришлось писать снова: я объяснил, что я — сонник, что она — моя единственная родственница. На этот раз я получил вполне личное письмо, подписанное сотрудником траст-отдела. К сожалению, писал он, информация о подопечных траст-отдела не подлежит разглашению даже в таких исключительных ситуациях, но он считает возможным сообщить, что ни сейчас, ни ранее ни одно из отделений банка не принимало на доверительное хранение ценных бумаг на имя Фредерики Вирджинии Джентри.

Из этого было ясно одно: каким-то образом наши пташечки сумели увести у Рики акции. Распоряжение о переуступке я составил так, что оно могло сработать только через «Бэнк оф Америка». Значит, не сработало. Бедная Рики! Они ограбили нас обоих…

Я сделал еще одну попытку. В архиве отдела образования в Мохаве нашлась запись об ученице по имени Фредерика Вирджиния Джентри — но

ее забрали из той школы в 1971-м. Куда именно — не было указано.

Приятно было узнать, что где-то кто-то подтверждает, что Рики вообще существовала на свете. Но ведь она могла перейти в любую из тысяч и тысяч средних школ в Соединенных Штатах. Сколько нужно времени, чтобы написать в каждую? И смогут ли они ответить, даже если представить себе, что они захотят это сделать, — хранят ли они такие данные?

В четверти миллиарда людей одна девочка может исчезнуть, как песчинка на пляже.

Но провал моих поисков позволял мне спокойно наниматься в «Золушку Инк.», зная, что Майлс и Белла там больше не хозяева. Я бы мог обратиться в любую из сотни автоматостроительных компаний, но «Аладдин» и «Золушка» были фирмы солидные, известные, как «Форд» и «Дженерал моторз» в те времена, когда процветало автомобилестроение. «Золушку» я выбрал отчасти из сентиментальности: интересно было взглянуть, во что превратился мой «свечной заводик».

Пятого марта 2001 года я пришел в их бюро по найму, выстоял очередь к тому окошечку, где принимали инженеров и техников, заполнил десяток анкет, не имевших никакого отношения

к технике, и одну, имевшую к ней некоторое касательство, и… «не трудитесь, мы сами вам позвоним…»

Поошивавшись немного в зале, я проскользнул к одному из младших кадровиков. Он с неохотой заглянул в одну из заполненных мною бумажек, не имеющую, на мой взгляд, ни смысла, ни значения, и заявил, что мое образование теперь ничего не значит — у меня большой перерыв в работе.

Я сказал, что я — сонник.

— Тогда ваши дела еще хуже. Да и вообще мы не принимаем на работу людей старше сорока пяти лет.

— Но мне нет сорока пяти — мне всего тридцать.

— Вы родились в тысяча девятьсот сороковом году. Прошу прощения.

— Ну, и что же мне прикажете делать? Застрелиться?

Он пожал плечами.

— На вашем месте я бы попробовал получить пенсию по старости…

Я постарался выйти быстрее, чем успею сказать ему, куда бы ему пойти с его советами. Обойдя метров восемьсот вокруг корпуса, я вошел в главный вход. Фамилия управляющего была Кертис.

Я спросил, как его найти.

Первые два слоя я пробил, просто сказав с деловым видом, что у меня к нему дело. «Золушка Инк.» не пользовалась своими автоматами в качестве секретарей: их секретарши были из плоти и крови. Кое-как я пробился на несколько этажей вверх и (я так думаю) где-то за две двери до босса застрял, наткнувшись на этакую ниппель-даму, потребовавшую, чтобы я сказал ей, что у меня за дело к ее шефу.

Я огляделся. Большая комната; человек сорок людей и еще разные машины. Она резко повторила:

— Ну, сообщите мне цель вашего прихода, и я справлюсь у секретаря мистера Кертиса, ведающего приемом посетителей.

Я ответил достаточно громко, чтобы меня услышали все присутствующие:

— Я хочу знать, намерен ли он оставить в покое мою жену?!

Через сорок секунд я был в его кабинете. Он поднял глаза от бумаг:

— Ну? Что еще за ерунда?

Потребовалось полчаса времени и рытья в старых бумагах, чтобы он убедился, что я не женат и что я — основатель фирмы. С этого момента дела

пошли мирно — джин, тоник, сигареты; меня представили главному инженеру, начальнику отдела сбыта, другим заведующим отделами.

— А мы думали, что вы умерли, — сказал мне Кертис. — В официальной истории нашей фирмы так и написано.

— Это все слухи. Наверное, какой-нибудь другой Д. Б. Дэвис.

Заведующий отделом сбыта Джек Гэллоуэй вдруг спросил:

— А что вы сейчас поделываете, мистер Дэвис?

— Да ничего особенного. Работал, э-э, в автомобильной промышленности. Но собираюсь уйти оттуда. А что?

— Что? Да разве непонятно? — Он повернулся к главному инженеру, Макби. — Слышь, Мак, а? Все вы, инженеры, одинаковы: к вам, можно сказать, ангел-хранитель сбыта слетел и даже облобызал, а вам и невдомек. «А что?» А вот что, мистер Дэвис! Вы же — ходячая реклама. От вас же веет романтикой, очарованием старины. Слушайте: ОСНОВАТЕЛЬ ФИРМЫ ВОССТАЛ ИЗ МЕРТВЫХ, ЧТОБЫ УВИДЕТЬ СВОЕ ДЕТИЩЕ! ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ПЕРВОГО РОБОТА-СЛУГИ ВИДИТ ПЛОДЫ СВОЕГО ТАЛАНТА! Ну и так далее.

Я торопливо возразил:

— Минуточку, мистер Гэллоуэй. Я не рекламная модель и не кинозвезда. Шумиха эта мне ни к чему. Я сюда не за этим пришел. Я хочу работать у вас… инженером.

Мистер Макби поднял брови, но промолчал.

Мы начали пререкаться. Гэллоуэй стал говорить, что это просто мой долг перед фирмой, которую я создал. Макби больше молчал, но было ясно, что мысль о моем появлении в его отделе не вызывает у него восторга. Он даже спросил меня, что я знаю об интегральных схемах. Я честно признался, что то немногое, что мне известно, я почерпнул из руководств, на которых отсутствовал гриф «Секретно».

Наконец Кертис предложил компромисс:

— Видите ли, какая штука, мистер Дэвис: вы сейчас в очень необычном положении. Можно сказать, что вы основали не только фирму, но и всю нашу отрасль промышленности. Тем не менее, как заметил тут мистер Макби, с тех пор как вы ушли в Долгий Сон, эта отрасль несколько продвинулась вперед. Давайте мы зачислим вас в штат в качестве консультанта… и присвоим титул почетного инженера-исследователя, скажем.

Я колебался.

— А что это будет значить по сути?

— А что захотите. Однако скажу честно: мы бы хотели, чтобы вы сотрудничали с мистером Гэллоуэем. Мы ведь не только производим эту технику: нам еще надо ее продавать.

— Ну а конструировать я при этом смогу?

— А это на ваше усмотрение. Возможность такую мы вам предоставим, а дальше делайте, что хотите.

— И возможность пользоваться мастерскими?

Кертис посмотрел на Макби. Главный инженер ответил:

— Ну, разумеется… в пределах разумного, конечно.

Гэллоуэй быстро вмешался:

— Значит, решили. Вы позволите, Би-Джей? Не уходите, пожалуйста, мистер Дэвис: я хочу, чтобы вы сфотографировались рядом с самой первой моделью «Золушки».

Затеяли съемку. Я был рад увидеть ее — первую машину, которую я сам, своими руками собрал, над которой столько попотел. Я хотел попробовать, работает ли она, но Макби не дал мне включить ее. Мне показалось, что он опасался за машину: вдруг я не знаю, как с ней обращаться?..

* * *

Весь март и апрель мне было очень недурно в «Золушке». В моем распоряжении были всевозможные инструменты, технические журналы, незаменимые коммерческие каталоги, техническая библиотека, «Чертежник Дэн» (своих чертежных автоматов «Золушка» не производила, поэтому пользовалась лучшими из имеющихся в продаже — а это была продукция «Аладдина»). А главное, в моих ушах музыкой звучали разговоры профессионалов!

Особенно близко я сошелся с Чаком Фриденбергом — заместителем главного инженера по комплектующим. По моему мнению, Чак был в этой конторе единственным инженером, стоившим своей зарплаты. Остальные были просто техники с дипломами, включая и Макби. Чтобы стать инженером, диплома и шотландского акцента маловато. Когда мы узнали друг друга получше, Чак как-то признался, что придерживается такого же мнения.

— Мак не любит новинок. Он предпочитает все делать так, как его дедушка когда-то на берегах своего разлюбезного Клайда.

— А что же он тут делает?

Фриденберг не знал точно, но вроде нынешняя фирма раньше была просто производственной компанией, которая купила лицензии на патенты (мои патенты!) у «Золушки Инк.». А лет двадцать назад, чтобы сэкономить на налогах, фирмы слились, и новая фирма взяла название старой, которую основал я. Вот в это время, как полагал Чак, и наняли Макби. Ему же достался, вероятно, и хороший кусок акций.

По вечерам мы с Чаком обсуждали за пивом, что надо фирме, что почем, и вообще говорили за жизнь. Вначале его интересовало мое прошлое — прошлое сонника. Я уже знал, что очень многие испытывают нездоровое любопытство, как будто сонники — уроды какие-нибудь.

Но Чака интересовал сам прыжок во времени — это был вполне здоровый интерес: каким был мир до его рождения, причем в восприятии человека, который помнит этот мир «как будто только вчера».

Он всегда был готов раздраконить новую машину, которую я только что выдумал, и много раз ставил меня на место, если я придумывал что-нибудь давно известное в 2001-м. Под его товарищеским руководством я быстро наверстывал знания, восполняя свои пробелы и становясь

настоящим инженером.

Но когда однажды теплым апрельским вечером я обрисовал ему свою идею автомата-секретаря, он произнес медленно:

— Дэн, ты это придумал в рабочее время или как?

— А? Да нет, не совсем. А что?

— А что у тебя за контракт?

— Контракт? А у меня нет контракта. Кертис назначил мне жалованье, а Гэллоуэй заставляет фотографироваться и отвечать нанятому для этого рекламному автору на дурацкие вопросы, что и как было.

— Хм… знаешь, дружище, я бы не стал ничего предпринимать, не уточнив своей юридической позиции. Это действительно что-то новенькое. И, по-моему, у тебя эта штука будет работать.

— Я как-то не думал о формальностях…

— Тогда отложи это дело пока. Ты же знаешь, как у фирмы обстоят дела: товары мы делаем хорошие, денежки идут. Но все новинки, которые мы выпустили за последние пять лет, — лицензионные. Я ничего не могу протолкнуть через голову Мака. А ты можешь обойти Мака и показать это боссу. Так вот, не делай этого. Если, конечно, не собираешься подарить это фирме

просто за зарплату.

Советом я воспользовался. Я продолжал конструировать, но сжигал все чертежи, стоившие внимания, — мне они были не нужны: все это уже было у меня в голове. Чувства вины я не испытывал: фирма не захотела нанять меня в качестве инженера. Они предпочли взять меня на роль манекена для Гэллоуэя. А когда моя рекламная ценность истощится до нуля, мне заплатят месячное жалованье, скажут спасибо и выставят вон.

Но к тому времени я стану настоящим инженером и смогу открыть собственное дело. И если Чак решит уйти со мной — я возьму его в долю.

Джек Гэллоуэй не продал историю обо мне газетчикам. Вместо этого он стал заигрывать с крупными журналами. Он хотел, чтобы «Лайф» сделал обо мне разворот, связав его с тем, старым, тридцатилетней давности, — о первой модели «Золушки». «Лайф» на это не клюнул, но в нескольких других журналах в ту весну кое-что появилось в блоке с рекламой. Я хотел отрастить бороду, но потом решил, что меня, во-первых, никто не узнает, а во-вторых, мне наплевать, даже если и узнают.

Иногда я получал дурацкие письма. Например, один тип написал мне, что я буду вечно гореть

в адском пламени за то, что посягнул на Божественные предначертания относительно моей судьбы. Я кинул письмо в корзину и подумал, что, если бы Богу действительно было это не угодно, он бы никогда не допустил появления Холодного Сна. Во всех остальных отношениях меня не беспокоили.

Но третьего мая 2001 года мой телефон зазвонил. «Миссис Шульц на линии, сэр. Вы ответите?»

Шульц? Вот черт: я же обещал Доути, когда звонил ему в прошлый раз, что разберусь с этим. Но так и не занялся — не хотелось. Я был уверен, что это одна из тех чудачек, что пристают к сонникам с глупыми вопросами.

Но ведь Доути сказал, что она звонила несколько раз с тех пор, как я вышел из хранилища в декабре. В соответствии со своими правилами хранилище не сообщало ей моего адреса, согласившись только передать, что она звонила.

Ну что ж, ради Доути… «Соедините, пожалуйста».

— Хэлло! Это Дэнни Дэвис? — Экрана в моем офисе не было, и она не могла меня видеть.

— Да. Ваше имя Шульц?

— Ах, Дэнни, милый, как я рада слышать твой голос!

Я не ответил. Она заговорила опять:

— Ты что, не узнал меня?

Узнал. Еще как узнал… Это была Белла Джентри.

Глава 7

Я согласился встретиться с нею.

Первым моим побуждением было послать ее ко всем чертям и повесить трубку. Но я давно понял, что мстить глупо. Пита местью не вернешь, а если отомстить удачно, то и в тюрьму угодить недолго. Да я и не думал про Беллу с Майлсом с тех пор, как перестал их разыскивать.

Но Белла почти наверняка знала, где Рики. Я решил встретиться с нею.

Она хотела, чтобы я пригласил ее пообедать. Я решил этого не делать: я не очень внимателен к тонкостям этикета, но еду, трапезу можно делить только с друзьями. Встретиться — пожалуйста, но есть и пить с нею у меня не было никакого желания. Я спросил ее адрес и сказал, что приеду вечером.

Это оказалась дешевая меблирашка в той части города, которая еще не вошла в Новый план. Квартира была на последнем этаже. Еще не дойдя до ее двери, я понял, что от моих акций проку ей было немного, иначе она бы тут не жила. Я позвонил.

Когда я увидел ее лицо, то понял, что месть моя

опоздала. Годы и она сама отомстили лучше, чем я сумел бы это сделать.

Если даже поверить тому, что она сама когда-то говорила о своем возрасте, то ей было не меньше пятидесяти пяти. А на самом деле, пожалуй, — ближе к шестидесяти. Если женщина возьмет на себя труд побеспокоиться о себе, то благодаря гериатрии и эндокринологии может выглядеть на тридцать еще лет тридцать после того, как ей сравняется тридцать. Некоторые звезды нынешнего завлекино играют роли юных девушек, хотя у них уже внуки.

Белла об этом не позаботилась.

Толстая, оплывшая, с визгливым голосом и манерами котенка, она, похоже, до сих пор считала свое тело своим главным достоянием: одета она была в неглиже из «стиктайт», что позволяло безошибочно определить в ней существо женского пола, принадлежащее к отряду млекопитающих, перекормленное и страдающее малоподвижностью.

Она же ничего этого, похоже, не замечала. Некогда острый ум потерял четкость восприятия; осталась только ее всепожирающая самоуверенность. С радостным воплем она кинулась мне на шею и, наверное, поцеловала бы, не вырвись я

вовремя из ее объятий.

Я успел схватить ее за руки.

— Спокойнее, Белла.

— Но, милый! Я так рада, так счастлива! Так безумно рада видеть тебя!

— Да уж, могу себе представить. — Я шел к ней с твердой решимостью держать себя в руках, выяснить только то, что меня интересовало, и уйти восвояси. Похоже, это будет нелегко. — А помнишь, каким ты видела меня в последний раз? По уши накачанным зомбином, чтобы ты могла засунуть меня в хранилище?

Она удивилась и даже обиделась:

— Но, милый, это же было для твоей пользы! Ты же был так болен. — Похоже, она успела сама в это поверить.

— О'кей, о'кей. А где Майлс? Ты вроде теперь миссис Шульц?

Глаза у нее стали круглыми от удивления.

— А разве ты не знаешь?

— О чем?

— Бедный Майлс… ах, бедный мой Майлс. После того как ты нас покинул, Дэнни, он протянул меньше двух лет. — Лицо ее внезапно исказила гримаса злобы. — Обманул меня, гадина!

— Ай-яй-яй…

«Интересно, — подумал я, — как он умер? Сам упал или подтолкнули? Или мышьяк в суп?»

Я решил не отвлекаться от главного, пока у нее игла совсем с дорожки не соскочила.

— А что сталось с Рики?

— Рики?

— Ну, с Фредерикой, падчерицей Майлса.

— А, с той паршивкой? Откуда я знаю! Она уехала к бабке жить.

— А куда? Как звали бабушку?

— Куда? В Тусон. Или в Юму?.. Ну, куда-то в те края. А может, в Индио. Милый, я не хочу про нее, про эту противную девчонку. Я хочу поговорить с тобой о нас.

— Сейчас, минуточку. Как все-таки фамилия ее бабушки?

— Ах, Дэнни, ну какой ты нудный! Ну откуда мне помнить, как звали ее бабку?

— Как ее фамилия?!

— Ну, Хенлон. Хейни. Нет, Хейнц. А может, Хинкли?.. Ой, да ладно тебе, милый. Давай выпьем. Выпьем за наше счастливое воссоединение.

Я покачал головой.

— Не употребляю.

И это было почти правда. Обнаружив, что спиртное — ненадежный друг в тяжелую минуту,

я теперь ограничивался пивом в компании Чака Фриденберга.

— Ой, как это скучно, милый! Ну, ты не против, если я немного приму?

Она уже наливала себе. Чистый джин, заметил я, услада одинокой девицы. Но прежде чем выпить, она взяла пластиковый флакончик и вытряхнула на ладонь пару таблеток.

— Будешь?

Я узнал полосатые таблетки: эйфорин. Говорили, что он нетоксичен и не вызывает привыкания, но мнения были разные. Кое-кто считал, что его надо зачислить в одну группу с морфием и барбитуратами.

— Спасибо. Я и так счастлив.

— Ну, прекрасно.

Она кинула в рот обе, запила джином.

Стало ясно, что если я хочу что-нибудь выяснить, то надо поторапливаться. Скоро от нее уже ничего не добьешься, кроме смешочков и хихиканья.

Я взял ее под руку и усадил на кушетку. Потом сел напротив.

— Белла, расскажи мне о себе. Ну, чтобы я был в курсе. Как вы с Майлсом сторговались с «Манникс»?

— А? Да никак! — Она вдруг обозлилась. — Это все ты виноват!

— Как я? Меня же там не было!

— Конечно, ты. Им же нужна была та штука… то чудовище на колесиках, что ты слепил из инвалидного кресла. А оно пропало.

— Пропало? А где оно стояло?

Она недоверчиво вперила в меня свои поросячьи глазки.

— Тебе лучше знать. Ты же его спер.

— Я? Ты что, Белла, с ума сошла? Что я мог взять? Я же лежал в Холодном Сне, как сурок в спячке. Где та машина стояла? И когда она пропала?

По моим понятиям, кто-то и вправду увел «Салли», раз Белла с Майлсом не смогли ею воспользоваться. Но из миллионов людей на всем земном шаре я был самым распоследним, кто мог это сделать. С того страшного вечера, когда они подловили меня на голосовании, я больше «Салли» не видел.

— Расскажи-ка, Белла: где все-таки она стояла? И почему ты решила, что это я ее стащил?

— А кто же, кроме тебя?! Больше никто и не знал, что это за вещь. Так, куча железок! Говорила я Майлсу: не ставь ее в гараж!

— Но если ее кто-то украл, то я сомневаюсь, что

этот «кто-то» смог бы заставить ее работать. Ведь вся документация, все инструкции-то остались у вас.

— Да нет же! Майлс, дубина, сунул их в машину, когда мы решили перепрятать ее, чтобы ты не украл.

«Украл» я пропустил мимо ушей и собрался возразить, что Майлс никак не мог затолкать пять фунтов бумаг в «Салли»: она и без того была плотно нашпигована, словно рождественский гусь. Но тут я вспомнил, что приделал полку-времянку в нижней части колесного шасси — складывать инструменты во время работы. Впопыхах Майлс мог сунуть мои бумаги туда.

А, не имеет значения. Все эти преступления совершены тридцать лет назад. Я захотел узнать, как у них из рук выскользнула «Золушка Инк.».

— А когда сделка с «Манникс» не выгорела, что вы стали делать?

— Да ничего. Потом ушел Джейк, и Майлс сказал, что придется закрываться. Слабак он был… А Джейк Шмидт мне всегда не нравился. Все вынюхивал… Все спрашивал: почему это ты ушел? Как будто мы могли тебя не пустить! Я-то хотела, чтобы мы наняли хорошего мастера и работали дальше. Фирма стоила дороже. Но Майлс так

настаивал…

— Ну, и что дальше?

— Так мы же продали лицензии фирме «Джири мэньюфекчуринг». Разве ты не знаешь? Ты же у них работаешь!

Действительно, полное название нынешней «Золушки Инк.» звучало теперь так: «Бытовые устройства „Золушка“ и производственные мастерские „Джири“, Инк.», хотя товарный знак по-прежнему был просто «Золушка». Похоже, я выяснил все, что эта дряхлая развалина могла мне сообщить.

Но мне было интересно другое.

— А после того, как вы продали лицензии «Джири», вы продали свои акции?

— А? Кто это тебе такую глупость сказал? — Новая смена выражения лица, и вот она уже всхлипывает, роется в сумочке в поисках платка, потом бросает это занятие, и слезы текут по ее щекам. — Он обманул меня! Пьянь несчастная… Обманул меня!.. Кинул… — Она шмыгнула носом и добавила задумчиво: — Вы все меня надули. А ты, Дэнни, — сильнее всех. Я так к тебе относилась, а ты… — Она опять начала хлюпать носом.

Я решил, что эйфорин не стоит таких денег. Или, может, она счастлива, когда плачет?

— А как он тебя обманул, Белла?

— Как, как… Уж ты-то должен знать. Он ведь все оставил этой своей девчонке… а ведь обещал мне!.. Я же его прямо нянчила, когда он болел… А она ему даже и не дочка вовсе. Вот.

Это была первая приятная новость, которую я услышал за весь вечер. Видно, Рики все-таки хоть в чем-то повезло, даже если они и выманили у нее до этого мой сертификат. Я опять вернулся к главному:

— Белла, а как фамилия бабушки Рики? И где они жили?

— Кто?

— Бабушка Рики.

— Рики? А кто это — Рики?

— Дочка Майлса. Подумай, Белла. Это важно.

Тут она взвилась. Она замахала руками, визжа:

— Все, я поняла: ты ее любил, вот что. Эту пронырливую дрянь… ее и ее паршивого кота.

При упоминании о Пите я почувствовал прилив злобы. Но я попытался подавить ее. Я просто сгреб Беллу за плечи и чуток тряхнул.

— Соберись, Белла. Я хочу знать только одно: где они жили? Куда Майлс посылал письма, когда писал им?

Она попыталась лягнуть меня.

— Я с тобой не разговариваю, вонючка противная! — Потом она как-то внезапно почти протрезвела и тихо сказала: — Не помню. Фамилия бабки была что-то вроде Ханнекер, как-то так… Я ее и видела-то всего один раз — в суде, когда прочли завещание.

— Когда это было?

— А как Майлс умер, так вскоре.

— А когда он умер, Белла?

Она опять завелась.

— Больно много ты хочешь знать. Чего ты все выспрашиваешь — прямо шериф какой-то! — Потом она взглянула на меня примирительно и сказала: — Давай забудем все. Здесь только ты и я, дорогой… а у нас еще вся жизнь впереди. Я же еще не старуха, мне всего тридцать девять… Мой Шульц говорил, что я такая молоденькая — моложе он и не видывал. А уж этот старый козел такого насмотрелся, я тебе скажу… Мы были бы так счастливы, милый. Мы…

Все, что я мог вынести, я уже получил. Даже игру в детектива.

— Мне пора, Белла.

— Как, милый? Еще так рано… у нас еще вся ночь впереди. Я думала…

— Да плевать мне, что ты думала. Я пошел.

— Ах, милый! Как жалко. А когда мы увидимся? Завтра? Я ужасно занята завтра, но я все отменю и…

— Мы больше не увидимся, Белла. — Я вышел.

Больше я ее не видел.

Придя домой, я сразу же влез в ванну и хорошенько вымылся с мочалкой. Потом присел и попытался оценить свой улов. Судя по всему, фамилия бабушки начиналась с буквы «Х» — если памяти Беллы можно доверять в этом вопросе — и жили они где-то либо в Аризоне, либо в Калифорнии. Есть какое-то агентство, специализирующееся на розыске сбежавших супругов. Может, профессионалы сумеют что-то извлечь из такой информации?

А может, и нет. В любом случае это будет долго и дорого. Я не могу ждать, пока это станет мне по карману.

Известно ли мне что-нибудь еще, за что можно зацепиться?

Майлс, по словам Беллы, умер где-то в семьдесят втором. Если он умер здесь, в США, то я сумею уточнить дату смерти, потратив на поиски пару часов, после чего смогу найти и сведения о слушании его завещания в суде, если таковое было. Благодаря этим сведениям я выясню, где жила

Рики в то время. Если в судах хранятся такие сведения (я не был в этом уверен). Вот только много ли будет проку в том, что я найду городишко, где она жила двадцать восемь лет назад?..

И вообще, есть ли смысл искать сорокалетнюю женщину, которая наверняка замужем и имеет семью… Увидев развалину, которая когда-то была Беллой Даркин, я был потрясен. Я начал понимать, что такое тридцать лет. Конечно, Рики и взрослая все равно такая же хорошая и добрая… вот только помнит ли она еще меня? Я, конечно, не думаю, что она забыла меня совершенно. Просто я давно стал для нее безликой фигурой, человеком, которого она когда-то звала «дядя Дэнни» и у которого был такой славный котище…

А не живу ли и я, подобно Белле, фантазиями и воспоминаниями о прошлом? А, ладно, ничего страшного не случится — можно попробовать поискать ее еще разок. Ну, будем посылать друг другу к Рождеству поздравительные открытки. Вряд ли ее муж будет сильно возражать против этого.

Глава 8

На другой день — в пятницу, четвертого мая, — вместо конторы я поехал в центральный архив графства. У них был ремонт, и мне велели приехать через месяц. Тогда я поехал в редакцию «Таймс» и просидел над микросканером, читая микрофильмы, пока у меня в шею не вступило. Но мне удалось выяснить, что если Майлс умер в семьдесят втором или семьдесят третьем, то наверняка сделал это не в графстве Лос-Анджелес, если, конечно, объявления о смерти точны.

Разумеется, нет такого закона, чтобы обязательно помирать в Лос-Анджелесе. Майлс мог умереть где ему заблагорассудилось. Этот процесс властям пока упорядочить не удалось.

Возможно, в Сакраменто есть сводный архив штата. Я решил, что придется и туда съездить, поблагодарил библиотекаршу редакции, поехал пообедать, а потом все-таки отправился на работу.

Там меня ждали записка и два телефонных звонка — все от Беллы. Я прочитал только слова «Дорогой Дэн», порвал записку, позвонил телефонисткам и велел не соединять меня с миссис

Шульц. Потом пошел в бухгалтерию и спросил начальника отдела, нельзя ли узнать, кто владел старыми, погашенными акциями компании. Он сказал, что попытается выяснить, и я продиктовал ему наизусть номера акций той, первой «Золушки Инк.», которые когда-то мне принадлежали. Мне не пришлось сильно напрягать память: для начала мы выпустили ровно тысячу акций, я взял первые пятьсот десять, а Белле достались в качестве «обручального подарка» самые начальные номера.

Я вернулся к себе в конуру и обнаружил, что меня ждет Макби.

— Где вы были? — поинтересовался он.

— Да так, ходил тут по делу. А что?

— Вряд ли такой ответ можно считать удовлетворительным. Мистер Гэллоуэй уже дважды приходил, разыскивая вас. Мне пришлось сказать ему, что я не знаю, где вы шатаетесь.

— О господи! Да если я нужен Гэллоуэю, он меня все равно разыщет. Если бы он так старался рекламировать нашу продукцию за ее достоинства, как он ищет разные «интересные рекламные аспекты», то фирме было бы больше проку.

Гэллоуэй начинал меня раздражать. Он числился ответственным за сбыт, но мне кажется,

что свои основные усилия он сосредоточил на том, что морочил голову нашему рекламному агентству. Но я, наверное, необъективен: мне ведь только бы конструировать. Все остальные, кроме конструкторов, по-моему, просто перекладывают бумажки с места на место.

Честно говоря, я знал, зачем я нужен Гэллоуэю, и нарочно шел помедленнее. Он хотел устроить фотосъемку, нарядив меня в одежду 1900 года. Я ему говорил, что в костюмах 1970 года — пожалуйста, сколько угодно, пока пленка не кончится, но 1900 год — это за двенадцать лет до того, как родился мой отец. Он сказал, что никто даже не заметит разницы, а я ответил ему, что яйца курицу не учат. Тогда он заявил, что у меня неправильное отношение к делу.

Эти генераторы иллюзий, дурачащие публику, полагают, что люди сами не умеют ни читать, ни писать.

Макби сказал:

— Вы неправильно относитесь к работе, мистер Дэвис.

— Да? Весьма сожалею.

— Вы в необычном положении. Числитесь по моему отделу, но я должен отдавать вас в распоряжение отдела сбыта и рекламы, когда им надо.

Мне кажется, что с нынешнего дня вам следует отмечаться на проходной, как и всем остальным. А когда уходите из конторы в рабочее время, предупреждайте меня. Не забудьте.

Я медленно, пользуясь двоичной записью, сосчитал в уме до десяти.

— Мак, а вы отмечаетесь на проходной?

— Что? Нет, конечно. Я главный инженер.

— Разумеется. У вас и на двери кабинета так написано. Но вот какая штука, Мак: я был главным инженером этого ящика с винтиками, когда вы еще не брились. Вы что, всерьез полагаете, что я буду пробивать время в карточке на проходной?

Он побагровел.

— Может, и нет. Но я вас предупреждаю: не будете — не получите зарплату.

— Да ну? Нанимали меня не вы, и не вам меня увольнять.

— Ммм… посмотрим. Но уж перевести вас из своего отдела в рекламный я, по крайней мере, сумею — ваше место там. Если, конечно, ваше место вообще на нашей фабрике. — Он взглянул на мою чертежную машину. — Здесь от вас толку никакого. Я не желаю, чтобы дорогая машина простаивала и дальше. — Он слегка поклонился. — Всего наилучшего.

Я проводил его до двери. Робот-рассыльный привез пакет и кинул его в корзинку у моей двери, но я на него даже не взглянул. Я пошел в наш кафетерий и уселся там, выпуская пар. Будучи человеком примитивно-прямолинейным, Мак полагал, что открытия делаются числом, а не талантом. Ничего удивительного, что фирма не выдала ни одной новой разработки за многие годы.

Ну и черт с ними: я и так не собирался торчать тут всю жизнь.

Через час я вернулся в свой кабинет и обнаружил в корзинке для почты конверт с фирменной символикой. Я решил, что Мак уже прислал мне извещение об увольнении, не затягивая дело.

Но письмо оказалось из бухгалтерии. Оно гласило:

> Уважаемый мистер Дэвис!
>
> Касательно акций, которыми Вы интересовались, могу сообщить следующее.
>
> Дивиденды по большему блоку выплачивались с первого квартала 1971-го по второй квартал 1980 года по первоначально выпущенным акциям и переводились на счет траст-фонда на имя некоего

Хайнике. В 1980 году произошла наша реорганизация, и дальнейшая имеющаяся информация довольно туманна, но, насколько можно судить, вновь изданные эквивалентные акции были проданы фирме «Космополитан Иншуранс Груп», которая владеет ими и сейчас.

Меньший блок акций, как Вы и полагали, принадлежал Белле Д. Джентри до 1972 года, а затем был передан во владение «Сьерра Аксептанс Корпорейшн», которая распродала их в розницу. Дальнейшую историю каждой акции можно уточнить, если желаете, однако это потребует времени.

Если наш отдел может еще в чем-либо оказать Вам помощь — мы к Вашим услугам.

И. Е. Рейзер, главный бухгалтер.

Я позвонил Рейзеру, поблагодарил его и сказал, что получил всю информацию, которую хотел. Я узнал, что Рики так и не получила моих акций. Поскольку переуступка моих акций, отраженная в архиве фирмы, была явной подделкой, дело пахло Беллой. Этот Хайнике мог быть либо ее

подставным лицом, либо вообще фигурой вымышленной. Наверное, она уже пораскинула к тому времени мозгами, как надуть Майлса.

Очевидно, после смерти Майлса у нее было туго с наличными, и она продала меньший блок. Что сталось с этими акциями потом, мне уже было совершенно неинтересно. Я забыл попросить Рейзера проследить и судьбу акций Майлса: это тоже могло быть ниточкой к Рики, даже если потом она и упустила эти акции. Но был уже вечер пятницы. «Спрошу в понедельник», — решил я. Сейчас мне не терпелось вскрыть ожидавший меня большой пакет — я увидел обратный адрес.

Еще в начале марта я написал в патентное управление насчет первых патентов на «Трудягу Тедди» и на «Чертежника Дэна». Мое убеждение, что «Трудяга Тедди» — просто псевдоним «Универсальной Салли», было несколько поколеблено после моей встречи с «Чертежником Дэном»: я уж начал подумывать, что если какой-то безвестный гений сумел придумать «Дэна» так близко к моим замыслам, то, наверное, он мог создать и столь же близкое подобие «Универсальной Салли». Моя теория подкреплялась тем, что оба патента были выданы в один год и оба принадлежали (по крайней мере, до тех пор, пока их действие не

истекло) одной компании — «Аладдину».

Но мне хотелось знать наверняка. И если изобретатель еще жив, то я хотел бы с ним встретиться: у этого парня наверняка есть чему поучиться.

Сначала я написал в патентное управление и получил от них только извещение, что вся информация о патентах, утративших силу ввиду истечения срока действия, хранится в национальном архиве в Карлсбадских пещерах. Я написал в архив и получил… бланк заказа и прейскурант. Пришлось писать в третий раз. Я отправил почтовый перевод и заказ на ксерокопии полных текстов обоих патентов — описания, формулы изобретений, чертежи.

Похоже, что в толстом пакете — ответ на мои вопросы.

Первым шел № 4 307 909 — патент на «Трудягу Тедди». Пропустив описание и формулу изобретения, я полез в чертежи. Формула вообще не имеет никакого значения нигде, кроме патентного суда: формулу пишут, включая в состав изобретения весь белый свет, а там уж дело экспертов-патентоведов обкусывать края, оставляя суть. Вот откуда и берутся патентные поверенные. А вот описание должно быть реалистическим. Но чертежи я умею читать быстрее, чем описания.

Мне пришлось признать, что «Тедди» отличается от «Салли». Он был лучше «Салли»: он умел делать больше, а некоторые узлы оказались проще. Основной принцип конструкции был тот же, но это естественно: любое устройство, созданное на ячейках Торсена и раньше «Салли», но с той же целью, должно было базироваться на тех же принципах, что я заложил в свою «Салли».

Я представил, что это я создаю такую машину… как будто это улучшенная модель «Салли». Мне ведь как-то приходила в голову такая мысль — создать «Салли» без этих бытовых ограничений, свойственных ей изначально.

Наконец я добрался до последней страницы и нашел имя изобретателя.

Я сразу узнал его: это был Д. Б. Дэвис.

Медленно и фальшиво насвистывая «Сейнт-Луи Блюз», я тупо глядел на свою фамилию на последней странице патента. Значит, Белла опять солгала. «Интересно, — подумал я, — сказала ли она мне за всю нашу недолгую историю хоть слово правды?» Конечно, Белла была патологической лгуньей, но я читал, что у патологических лгунов обычно есть какой-то стереотип: они начинают, отталкиваясь от правды, но затем приукрашивают ее, а не выдумывают что-то от

начала до конца. Значит, мою модель «Салли» не украли, а отдали другому инженеру, который «пригладил» конструкцию, а потом подали заявку на изобретение на мое имя.

Но ведь сделка с «Манникс» не прошла. В этом я был уверен, так как знал это из архивов фирмы. Да, но Белла сказала, что они не смогли выпускать «Салли», как собирались, и сделка расстроилась из-за этого.

Может, Майлс припрятал «Салли» для себя, а Белле сказал, что ее украли? (То есть не украли, а… «переукрали»?)

Но тогда… Я плюнул и перестал гадать. Это было явно безнадежное дело; еще более безнадежное, чем поиски Рики. Да я быстрее смогу устроиться в «Аладдин» на работу, чем разберусь, как к ним попали исходные патенты и кому от этого какая выгода. Дело это явно нестоящее: сроки действия патентов истекли, Майлс умер, а Белла если и погрела на этом руки, выручив доллар-другой, то давно уже просадила их. Я удовлетворился единственным важным для себя обстоятельством, которое и требовалось доказать: изобретателем оказался я сам. Моей профессиональной гордости это льстило, а деньги — да кто о них беспокоится, если три раза в день на еду хватает?

Так что я перешел ко второму патенту — № 4 307 910, на первого «Чертежника Дэна». Чертежи были — загляденье. Я и сам бы их не сумел сделать лучше. Ей-богу, тот парень оказался молодцом. Я поразился, увидев, как экономно были сделаны связи и как число цепей осталось прежним, а вот количество движущихся частей сведено к минимуму.

Он даже применил клавиатуру от электрической пишущей машинки, а в чертежах указал ссылки на соответствующие патенты Ай-Би-Эм. Вот это умно. Это — класс: никогда не изобретай то, что можно купить на каждом углу.

Мне стало интересно, кто этот башковитый малый, и я заглянул на последнюю страницу.

Оказалось, это некий Д. Б. Дэвис.

* * *

Очень не скоро, но я все же позвонил доктору Альбрехту. Его разыскали, и я назвался — у меня в конторе не было видеотелефона.

— А я узнал голос, — ответил он. — Привет, старина. Как у тебя там дела с новой работой?

— Да ничего, недурно. Стать совладельцем фирмы, правда, пока не предлагают.

— Ну, дай им подумать. Они вот так, сразу, не

могут. А в остальном все в порядке? В жизнь вписался?

— Ну, еще бы! Если бы я знал, как здесь — то есть «сейчас» — здорово, я бы купил себе Холодный Сон раньше. Я бы теперь ни за какие деньги не согласился вернуться в тысяча девятьсот семидесятый.

— Да ладно, брось! Я это время прекрасно помню. Я тогда был мальчишкой, жил в Небраске, на ферме. Ловил рыбу, охотился. Хорошо тогда было. Лучше, чем теперь.

— Ну, каждому свое. Мне тут нравится. Но… Док, я ведь звоню не просто чтобы пофилософствовать. У меня назрела одна проблема. Небольшая проблема.

— Ну, выкладывай. Небольшая — это хорошо: у большинства тут возникают большие проблемы.

— Док, может Долгий Сон вызывать амнезию?

Он помедлил с ответом.

— Вообще-то, наверное, возможно. Лично я таких случаев не видел. Я имею в виду: без каких-то иных причин.

— А какие причины вызывают потерю памяти?

— Да разные. Самая частая — подсознательное желание самого пациента. Он забывает последо-

вательность событий либо меняет их местами, потому что сами события для него непереносимы. Это — функциональная амнезия в чистом виде. Потом есть еще традиционный удар по голове — амнезия вследствие травмы. Еще может быть амнезия от внушения: либо под воздействием психотропных препаратов, либо под гипнозом. А в чем дело, старина? Забыл, куда засунул чековую книжку?

— Да нет. Насколько я знаю, с чековой книжкой у меня все в порядке. Но я никак не разберусь с некоторыми вещами, случившимися до того, как я завалился в Сон… и это меня беспокоит.

— Хм… а из тех причин, что я перечислил, что-нибудь подходит?

— Да, — медленно сказал я. — Любая подходит, кроме разве что удара по голове. Да и это могло случиться, когда я был пьян.

— Я еще забыл упомянуть, — сухо сказал он, — о потере памяти под воздействием алкоголя. Слушай-ка, сынок, давай приезжай ко мне, обсудим это дело. А если я не смогу разобраться, что с тобою (я ведь не психиатр), то отправлю тебя к гипноаналитику, который очистит твою память, как луковицу, и скажет тебе все, даже почему ты опоздал в школу четвертого февраля, когда

учился во втором классе. Но это довольно дорого, так что давай вначале я сам попробую.

Я сказал:

— Док, я и так столько надоедал вам… А насчет вознаграждения вы человек щепетильный.

— Сынок, мои больные — это моя семья. Другой у меня нет. Поэтому вы все меня очень интересуете.

Я еле отделался от приглашения, сказав, что позвоню в начале следующей недели, если до тех пор не разберусь сам. Я решил еще подумать над этим.

Большинство кабинетов уже опустело. У меня горел свет. Заглянула «Золушка»-уборщица, «увидела», что помещение занято, и молча выкатилась вон. Я остался сидеть.

Через некоторое время в дверь просунулась голова Чака Фриденберга.

— А я думал, ты давно ушел. Вставай, дома доспишь.

Я поднял голову.

— Чак, есть идея. Давай купим бочку пива и две соломинки.

Он подумал.

— А что… Сегодня пятница. А по понедельникам я люблю, чтобы голова немножко гудела: помога-

ет вспомнить, какой день недели на календаре.

— Решено и подписано. Подожди секунду: мне надо кое-что упихать в портфель.

Мы зашли выпить пива, потом в другой бар — поесть. Потом опять попили пива в одном баре с хорошей музыкой и перебрались в другой, уже без всякой музыки, где в кабинках была шумопоглощающая обивка и нас не трогали, только надо было раз в час что-нибудь заказывать. Мы смогли поговорить. Я показал Чаку оттиски патентов.

Чак внимательно рассмотрел прототип «Трудяги Тедди».

— Да, вот это работа, Дэн. Я тобой горжусь, парень. Дашь автограф?

— Лучше посмотри на этот. — Я протянул ему патент на чертежную машину.

— В некотором смысле этот даже лучше. Дэн, ты отдаешь себе отчет в том, что, вероятно, оказал большее влияние на современный уровень развития техники, чем, скажем, в свое время Эдисон? Ты это понимаешь, парень?

— Брось, Чак. Это все серьезно. — Я ткнул пальцем в кучу ксерокопий на столе перед нами. — О'кей, одна из этих машин — моя работа. Но я никак не могу быть автором второй — если, конечно, я не перепутал все на свете насчет своей

жизни до того, как я завалился в эту спячку. Если я не страдаю амнезией.

— Ты твердишь это уже двадцать минут. Но, по-моему, у тебя в голове нет никаких коротких замыканий. Ты сумасшедший не больше, чем вообще требуется, чтобы стать инженером.

Я стукнул кулаком по столу, звякнули кружки.

— Я должен знать!

— А ну спокойнее. Что ты собираешься предпринять?

— Что? — Я задумался. — Собираюсь заплатить психиатру, пусть выкопает ответ из моей башки.

Он вздохнул.

— Этого я и ожидал. Ну, давай предположим, что ты заплатишь этому мозгокруту и он скажет, что память у тебя в порядке и что все реле разомкнуты. Что тогда?

— Но этого не может быть!

— Вот и Колумбу то же самое говорили… Ты даже не упомянул самого простого и наиболее вероятного объяснения.

— Какого?

Не ответив, он поманил официанта и велел принести телефонный справочник города и пригородов. Я спросил:

— Что, карету мне вызвать решил?

— Нет еще. — Он пролистнул страницы в толстенной книге, остановился и сказал: — Глянь-ка сюда.

Я глянул. Он держал палец на колонке «Дэвис». Колонок было много, и в каждой были сплошь одни Дэвисы. Но в той, куда он показывал, была дюжина Д. Б. Дэвисов — от Дабни Дэвиса до Дункана Дэвиса.

Было там и три Дэниэла Б. Дэвиса. Один из них — я.

— Это из семи миллионов людей. Хочешь прикинуть, сколько наберется из двухсот пятидесяти миллионов?

— Это ничего не доказывает, — слабо возразил я.

— Да, — согласился он, — не доказывает. Было бы, надо признать, чистейшим совпадением, если бы два инженера, одинаково способных, работали бы в одном направлении, над одной машиной одновременно и имели бы при этом одинаковые фамилии и инициалы. Пользуясь теорией вероятности, мы могли бы подсчитать, насколько мизерно мала вероятность такого совпадения. Но люди склонны забывать — особенно те, кому следовало бы помнить, вроде тебя, — что хотя теория вероятности и позволяет определить,

сколь маловероятно подобное событие, она тем не менее с полной определенностью утверждает, что такие совпадения могут быть. Похоже, здесь как раз такой случай. И такое объяснение мне гораздо больше по душе, чем предположение, что мой собутыльник по пиву свихнулся с резьбы. Хорошие собутыльники попадаются чертовски редко.

— И что, ты считаешь, я должен делать?

— Во-первых, не тратить время и деньги на психиатров, пока не попробуешь сделать другое. Узнай имя этого Д. Б. Дэвиса, который оформил заявку на этот патент. Это наверняка несложно. Вполне вероятно, его зовут Декстер. Или даже Дороти. И не спеши сходить с ума, если это даже Дэниэл: у него второе имя — «Б» — может быть Бриггс, а номер карточки социального страхования совсем другой. И третье, что тебе надо сделать. Или, вернее, первое — на время забыть обо всем этом и заказать еще по кружке.

Так мы и сделали и стали говорить о другом, в основном о женщинах. Чак выдвинул теорию, что между женщиной и машиной много общего: и та и другая непредсказуемы в поведении. Он стал рисовать пивом на крышке стола диаграммы, подтверждающие его соображения.

Спустя какое-то время я вдруг сказал:

— Эх, вот если бы существовали путешествия во времени, я знаю, что бы я сделал.

— А? Ты о чем?

— О своих проблемах. Смотри, Чак: я попал сюда — я имею в виду попал в «сейчас», — путешествуя во времени на скрипучей телеге. Но беда в том, что я не могу попасть обратно. Все, что так тревожит меня, случилось тридцать лет назад. Я бы вернулся обратно и выяснил бы правду… если бы существовали настоящие путешествия во времени.

Он посмотрел на меня:

— Но они существуют.

— Что?

Он внезапно протрезвел.

— Упс… Зря я это брякнул.

Я сказал:

— Может, и зря, но ты уже брякнул. Так что объясни мне, что ты имел в виду, прежде чем я опрокину тебе на голову эту кружку.

— Извини, Дэн. Сорвалось.

— Говори!

— Вот этого-то я сделать и не могу. — Он оглянулся по сторонам. Поблизости никого не было. — Это засекречено.

— Путешествия во времени засекречены? Господи, почему?

— Черт побери, парень, ты что, никогда на правительство не работал? Да они бы и секс засекретили, если б могли. Какие тут нужны «почему»? Это просто их политика. Но поскольку это все-таки засекречено, извини, не могу. Так что отстань.

— Но… не дури, Чак, мне же это очень важно. Ужасно важно. — Он упрямо смотрел на свою пустую кружку. Я добавил: — Ну, мне-то ты можешь рассказать. У меня как-никак был допуск «СС». И меня никто его не лишал. Просто я больше не работаю на правительство.

— А что такое допуск «СС»?

Я объяснил, и он наконец кивнул.

— Ясно. У нас это называется «статус Альфа». Да, парень, ты, видно, был на горячей работенке. У меня и то только «Бета».

— Тогда почему ты не можешь мне рассказать?

Но он заупрямился, и тогда я сказал презрительно:

— Я думаю, что такого быть не может. Это ты просто рыгнул с перепою. Ну, бывает!..

Он некоторое время торжественно смотрел на меня. Потом сказал:

— Дэнни?

— А?

— Я тебе расскажу. Только помни про свой «статус Альфа», парень. А расскажу я тебе потому, что это никому не повредит. Я хочу, чтобы ты понял: для тебя и твоих проблем в этом деле решения нет. Это действительно путешествие во времени, да только применить его практически тебе вряд ли удастся.

— Почему?

— Дай досказать, а? Установка не отлажена, и нет никакой надежды, что ее когда-нибудь отладят. Она не имеет никакого практического значения даже для исследователей. Это просто побочный продукт исследований в области антигравитации, вот поэтому его и засекретили.

— Но ведь антигравитацию-то, черт возьми, рассекретили!

— Ну и что из этого? Если бы это можно было применять в коммерческих целях — тогда, может быть, это тоже рассекретили бы. Так что молчи.

Боюсь, что я еще что-то говорил, но лучше уж я скажу, что сразу же приумолк.

Когда Чак учился на последнем курсе в Колорадском университете, в Боулдере, он подрабатывал техником-лаборантом. У них там была большая

криогенная лаборатория, и сперва он работал в ней. Но университет отхватил жирный кусок — подписал с военными контракт на исследования, связанные с эдинбургской теорией поля. В горах, за городом, построили новую большую физическую лабораторию. Чака перевели туда, в распоряжение профессора Твитчела — Хьюберта Твитчела, который чуть не получил Нобелевскую премию, и это «чуть» его крепко задело.

— Твитчелу нашему взбрело в голову, что если бы он дал поляризацию по другой оси, то мог бы не только довести гравитационное поле до нуля, но и изменить его знак! Ничего не вышло. Тогда данные эксперимента он загрузил в компьютер. Увидев результаты, он выкатил глаза. Мне он их, ясное дело, не показал. В тест-камеру установки — тогда в тех краях еще были в обращении металлические деньги — он сунул два серебряных доллара, заставив меня перед этим пометить их. Он нажал на кнопку соленоида, и они исчезли.

Не то чтобы трюк был необыкновенный, — продолжал Чак. — Для полного эффекта надо было бы, чтобы он достал их из уха или из носа какого-нибудь мальчишки, согласившегося выйти на сцену. Но его, видимо, результаты опыта устраивали. Меня тоже — мне платили повременно.

Через неделю один из этих долларов появился в камере снова. Только один. Но еще до этого как-то раз во время уборки — шефа не было — в камере появилась морская свинка. У нас в лаборатории таких не было, раньше я ее там не видел, поэтому захватил с собой и на обратном пути показал нашим биологам. Они сосчитали своих: вроде все были на месте, хотя с морскими свинками, сам знаешь, полной уверенности нет. Тогда я взял ее домой — пусть поживет.

После возвращения того единственного доллара Твитчел навалился на работу так, что даже бриться перестал. В другой раз он поставил такой же эксперимент на двух свинках из биологической лаборатории. Одна из них показалась мне очень знакомой, но получше рассмотреть ее я не успел: он нажал свою красную кнопку, и свинки исчезли.

Когда одна из них — та, что не была похожа на мою, — вернулась дней через десять, Твитчел понял, что дело в шляпе. Тут заявился тип из оборонного отдела — этакий штабист-полковник. Оказалось, тоже профессор. Ботаник. Очень кадровый тип. Твитчелу он был нужен, как… Но этот полковник заставил нас принести еще одну присягу, сверх наших допусков. Он решил, что

наткнулся на величайшее изобретение в военном искусстве с тех времен, как Цезарь изобрел копировальную бумагу.

Что он придумал: берешь дивизию, посылаешь ее в прошлое или будущее, на то сражение, которое проиграл либо проиграешь, — и победа за нами. Противник даже не догадывается, что произошло. Это все, конечно, была сущая галиматья, и генеральскую звезду за это дело он не получил. Но гриф «Совершенно секретно», который он на это дело поставил, пристал и стоит, насколько мне известно, по сию пору: о рассекречивании я не слышал.

— Для военных нужд это вполне можно использовать, — возразил я, — как мне кажется, если придумать камеру, способную отправлять в путешествие сразу дивизию солдат. Нет, погоди минутку: я понял, где тут собака зарыта. Они у вас всегда шли парами. Значит, нужны две дивизии: одна пойдет в прошлое, другая — в будущее. Одну вы, естественно, просто теряете… По-моему, умнее всего просто иметь дивизию в нужном месте и в нужное время.

— Ты прав, хотя рассуждаешь и неверно. Совсем не обязательно посылать в разные стороны две дивизии или двух свинок, вообще два оди-

наковых объекта. Надо просто уравнять массы. Можно послать дивизию солдат и кучу камней, которые весят столько же. Это же просто правило действия и противодействия — третий закон Ньютона. — Он опять начал рисовать по столу пролитым пивом. — MV равняется MV… базисная формула реактивного движения. Производная формула путешествий во времени — MT = mt.

— Все равно не понимаю, в чем я не прав. Камни — штука недорогая.

— Пошевели мозгами, Дэнни. Ракету можно на что-то нацелить, ядри ее в дюзы. А как целиться в прошлую неделю? Ну-ка, покажи, где она сейчас? Никакого понятия, которая из масс отправится вперед, а которая — назад. Способа ориентировать оборудование во времени мы еще не нашли.

Я примолк в тряпочку. Действительно, может получиться неловко, если генералу вместо дивизии солдат забросят кучу камней. Неудивительно, что экс-профессор так и не стал генералом. Чак тем временем продолжал:

— Тут надо рассматривать две массы как пластины конденсатора, заряженные до одинакового темпорального потенциала. Потом происходит разряд: шмяк! — одна из них направляется в

середину будущего года, а вторая — в историю. Вот только жаль, что никогда не знаешь — какая куда. Но худшее — не это. Ты же не сможешь вернуться.

— А кто собирается возвращаться?

— Ну смотри, какой в этом смысл для исследователя, если нельзя вернуться? Или для коммерческого применения? В какую бы сторону ты ни прыгнул, деньги твои там — не деньги, а связаться с тем временем, откуда ты прибыл, ты не сможешь. Нет оборудования. А оборудования и энергии на это надо много, уж ты мне поверь. Мы, например, получали энергию от генераторов Арко. Дорогое удовольствие… Это — еще один недостаток.

— А ведь вернуться можно, — предположил я, — с помощью Холодного Сна.

— Да? Это если попадешь в прошлое. Можешь ведь ненароком попасть и в другую сторону — заранее-то не угадаешь. Да и то если попадешь в достаточно недалекое прошлое, скажем, не глубже войны. Но какой смысл? Хочешь узнать что-то про тысяча девятьсот восьмидесятый год, скажем, — возьми да спроси или поройся в старых газетах. Это если бы можно было как-то сфотографировать распятие Христа… Да только нельзя. Не

только потому, что обратно не вернешься: туда тоже не попадешь. Просто на всем земном шаре не наберется столько энергии. Здесь тоже действует обратно пропорциональная квадратичная зависимость.

— И все равно нашлись бы люди, готовые попробовать ради самого эксперимента. Неужели никто не рискнул?

Чак опять огляделся по сторонам:

— Я и так наболтал тут лишнего…

— Ну, так еще чуть-чуть уже не повредит.

— Я думаю, что рискнули трое. Я думаю. Первым стал один преподаватель. Я был в лаборатории, когда пришел Твитчел с этим гусем, Лео Винсентом. Твитчел сказал, что я могу идти домой. Я поошивался на улице, и вскоре Твитчел вышел, а этот Лео Винсент — нет. Насколько мне известно, он еще там. В Боулдере он после этого не преподавал, это точно.

— А еще двое?

— Студенты. Вошли они все вместе, а вышел один Твитчел. Но один студент явился в аудиторию на другой день, а второго не было целую неделю. Вот сам и прикинь.

— Ну а ты сам не чувствуешь искушения?

— Я? У меня что, голова квадратная? Твитчел

настаивал, говорил, что это просто мой долг перед наукой. Но я сказал: нет уж, спасибо, благодарю покорно, я лучше пойду пивка попью. Вот если он захочет — я что ж, я пожалуйста: на кнопочку-то я нажму с удовольствием.

— А я бы рискнул. Я бы разобрался в том, что меня мучает… а потом вернулся бы с помощью Холодного Сна. По-моему, дело того стоит.

Чак глубоко вздохнул.

— Все, дружок, хватит тебе пива на сегодня, больше не получишь: ты уже пьян. Ты меня совсем не слушаешь. Во-первых, — он начал рисовать большие цифры пивом по столу, — неизвестно, попадешь ли ты в прошлое. Вместо этого можешь залететь в будущее.

— Ну что ж, риск — дело благородное. Нынешнее время нравится мне гораздо больше, чем то, мое. Может, лет через тридцать понравится еще больше…

— О'кей, можешь опять воспользоваться Долгим Сном: это безопаснее. Или просто сиди, не дергайся и жди, пока это время наступит. Я так и собираюсь сделать. Только перестань перебивать. Во-вторых, даже если тебя забросит в прошлое, ты можешь здорово промахнуться по тысяча девятьсот семидесятому: насколько я понимаю,

Твитчел работал вслепую, никакой калибровки у него не было. Я, правда, был просто подай-принеси… В-третьих, лаборатория эта построена в восьмидесятом на том месте, где раньше была сосновая роща. Предположим, что очутишься в этом месте десятью годами раньше, чем она была построена, прямо на том месте, где торчит ствол одной из сосен? Взрыв будет — как от кобальтовой бомбы. Жаль, что ты этого не увидишь.

— Но… Я вообще не уверен, что появлюсь вблизи лаборатории. Не исключено, что я попаду в космос, в то место, где была раньше эта лаборатория в то время, когда Земля… то есть… ну, ты понял.

— Я-то понял, а вот ты — нет. Ты останешься в том же пространственно-временном континууме, в котором был. Про математику не беспокойся: просто вспомни, что было с морскими свинками. Но если попадешь туда, где была лаборатория, то можешь устроить фейерверк. И в-четвертых: как ты собираешься возвращаться сюда, пусть даже посредством Холодного Сна, даже если ты попадешь в нужную сторону, и в нужное время, и живым?

— А что? Один раз я уже сделал это. Что мне помешает сделать это во второй раз?

— Ну да. Только где ты возьмешь на это денег?

Я открыл рот — и закрыл его. Этот аргумент ставил меня в дурацкое положение. Когда-то деньги у меня были. Теперь — не было. Даже то немногое (и явно недостаточное), что мне удалось скопить, я не мог бы взять с собой. Да если бы я даже ограбил банк (а я об этом ремесле знал маловато…), украл миллион и взял с собой, то истратить его в 1970-м я все равно не смог бы: дело кончилось бы тюрьмой. Фальшивомонетчиков в семидесятом не жаловали… Не говоря уже о номерах и рисунке, у нынешних денег даже цвета были другие.

— Попробую накопить там, в семидесятом.

— Умница. Только пока копишь, рискуешь оказаться здесь снова, только уже естественным путем — без шевелюры и зубов.

— О'кей, о'кей. Давай вернемся к тому, последнему, моменту. Был ли там когда-нибудь большой взрыв? Там, где теперь стоит лаборатория?

— По-моему, не было.

— Значит, я *не окажусь* на месте дерева, потому что я *не оказался* там. Ты понял?

— Я тебя понял раньше, чем ты открыл рот. Опять старый добрый парадокс времени. Только я на это не куплюсь. Я тоже немало поломал голову над теорией пространства-времени. Может,

побольше твоего. Все наоборот. Взрыва не было, и ты не окажешься в том месте, где стоит дерево… потому что ты никогда не совершишь этот прыжок во времени. Ты понял меня?

— А если все-таки совершу?

— Не совершишь. Из-за моего «в-пятых». Слушай внимательно: сейчас я тебя добью окончательно. Ты никуда не прыгнешь, потому что эта штука засекречена и ты просто не сумеешь к ней подойти. Тебя не подпустят. Так что, Дэнни, давай забудем об этом деле. У нас получился очень интересный, прямо-таки интеллектуальный вечерок. Утром ФБР уже станет меня искать. Так что давай еще по одной, и если в понедельник я случайно буду на свободе, я позвоню главному инженеру «Аладдина» и узнаю, как этого Д. Б. Дэвиса звали или зовут: может, он и сейчас у них работает. Тогда мы можем позвать его пообедать и поболтать с нами про технику. Да и вообще я бы хотел познакомить тебя со Спрингером, их главным инженером: он очень славный малый. И забудь ты эту чушь с путешествиями во времени: сроду им эту штуку до ума не довести. Не следовало мне вообще рассказывать тебе о ней… и если ты скажешь кому-нибудь, что я тебе это говорил, то я посмотрю тебе прямо в глаза и заявлю, что ты

врешь. Мой допуск еще может мне когда-нибудь пригодиться.

Тут мы взяли еще по одной. Пока я добрался до дому и влез под душ, я понял, что он прав. Пытаться решить мои проблемы, прыгая из одного времени в другое, — это все равно что лечить перхоть гильотиной. А главное, Чак скорее всего сумеет узнать все, что меня интересует, у Спрингера за рюмочкой виски: без суеты, без нервотрепки, без затрат и риска. А нынешнее время мне нравится.

Забравшись в кровать, я протянул руку и взял накопившиеся за неделю газеты. С тех пор как я стал солидным, добропорядочным гражданином, я начал получать «Таймс» ежедневно, пневмопочтой. Я не очень ею зачитывался: голова у меня постоянно была занята какими-нибудь инженерными проблемами, и мелькание газетных новостей либо раздражало меня своей занудностью, либо, наоборот, попадалось что-то интересное и отвлекало от работы.

Однако я никогда не выкидывал газету до тех пор, пока хотя бы не просмотрю заголовки и тот раздел объявлений, где помещена личная информация. Нет, не о рождениях и смертях, не о браках и разводах — о «пробуждениях», то есть

о проснувшихся сонниках. Мне все казалось, что однажды я наткнусь на знакомую фамилию, и тогда я поеду встретить человека, которого знал до Сна, чтобы сказать ему доброе слово и, может быть, чем-нибудь помочь. Вряд ли такое могло случиться, но я продолжал искать, и этот поиск давал мне какое-то удовлетворение.

Наверное, подсознательно я воспринимал всех сонников как свою «родню». Ну, это как служба в одном подразделении: если ты служил там, пусть даже не со мною, а в другое время, значит, ты мой друг, по крайней мере, до такой степени, что за это стоит выпить по рюмочке.

Особых новостей в газетах не было, кроме космического корабля, по-прежнему числившегося пропавшим без вести где-то между Землей и Марсом. Но это скорее была не новость, а ее прискорбное отсутствие. Не нашел я и имен старых знакомых среди недавно проснувшихся сонников. Я лег и стал ждать, когда погаснет свет.

* * *

Около трех ночи я вдруг проснулся и сел. Автомат включил свет, и я заморгал, щурясь. Мне приснился страшный сон — не кошмар, но почти, — будто бы я не заметил в объявлении среди

других имен имени Рики.

Я знал, что этого быть не могло. И все равно, увидев, что скопившаяся за неделю стопка газет лежит на прежнем месте, я почувствовал огромное облегчение. Я ведь мог запихать их в шахту мусоропровода, как я частенько делал.

Притащив их опять в кровать, я стал снова просматривать объявления. Теперь я читал все подряд: рождения, смерти, браки, разводы, усыновления, погружения и пробуждения, потому что мне подумалось: возможно, мой взгляд зацепился за имя Рики неосознанно, когда я краем глаза видел другие колонки, просматривая «пробуждения». Может, Рики вышла замуж или у нее родился ребенок…

Я чуть не пропустил то, что вызвало этот неприятный сон. В номере от второго мая 2001 года среди состоявшихся накануне, во вторник, пробуждений было: «Хранилище Риверсайд… Ф. В. Хайнике».

Ф. В. Хайнике?

Хайнике была фамилия бабушки Фредерики, я это теперь знал точно. Я просто был в этом убежден. Не знаю, почему я был так уверен. Но она была глубоко спрятана где-то в глухом уголке моей памяти и не всплывала, пока я не наткнулся

на нее в газете. Когда-то я наверняка слышал эту фамилию от Майлса и Рики, а может быть, и встречался с почтенной бабулей в Сандии. Так или иначе, попавшаяся на глаза в «Таймс» фамилия нашла свою ячейку в моей памяти, и я вспомнил.

Оставалось только доказать это. Мне надо было убедиться, что «Ф. В. Хайнике» — это и есть Рики.

Меня трясло от волнения, от страха и предвкушения. И хотя новые, современные привычки у меня уже вполне сформировались, я начал застегивать одежду, вместо того чтобы просто сложить швы вместе и надавить. Одевание превратилось в пытку. Но уже через несколько минут я спустился в вестибюль, где у нас был телефон-автомат (в моей комнате телефона не было; номер в справочнике — это номер этого самого автомата). Тут выяснилось, что придется опять бежать наверх: свою карточку с номером кредитного счета на телефон я оставил в комнате. Вот как я разволновался.

Когда я принес ее вниз, у меня так тряслись руки, что я еле попал карточкой в прорезь. Воткнув наконец ее в щель, я набрал служебный номер.

— Слушаю. Что вам угодно?

— Э-э, я… мне надо хранилище Риверсайд. Это

в Риверсайде.

— Ищу… нашла… линия свободна. Ждите ответа.

Наконец осветился экран, и на меня взглянул заспанный, угрюмый человек:

— Вы, должно быть, набрали не тот номер. Это хранилище. У нас ночью закрыто.

Я поспешно сказал:

— Не отключайтесь, пожалуйста. Если это хранилище Риверсайд, то мне именно оно и нужно.

— Ну, и чего вам надо? В этакий-то час?

— У вас есть клиент. Ф. В. Хайнике. Из недавно пробудившихся. Я хотел узнать…

Он покачал головой.

— Мы не даем по телефону информацию о наших клиентах. И уж во всяком случае не посреди ночи. Позвоните после десяти утра. А еще лучше — приезжайте.

— Обязательно. Но я хочу узнать только одно: как расшифровываются инициалы Ф. В.?

— Я же вам сказал. Мы…

— Дослушайте меня, ради бога! Я не собираюсь врываться к вам. Я сам сонник. Соутел. Тоже недавно пробудился. Так что я прекрасно знаю все про заботу о покое клиентов и все правила. Но вы уже опубликовали имя клиента в газете. Мы

оба — и вы, и я — знаем, что хранилища обычно дают в газеты полные имена погруженных в сон и пробужденных. А газеты для экономии места урезают их до инициалов. Так?

Он чуть подумал.

— Возможно.

— Тогда что случится, если вы сообщите мне полное имя вместо инициалов «Ф. В.»?

Он поколебался мгновение.

— Пожалуй, что ничего страшного, если это все, что вас интересует. Но больше я вам ничего не сообщу. Ждите.

Он исчез с экрана, и мне показалось, что его не было целый час.

— Света маловато, — сказал он, щурясь и взглядываясь в карточку. — Фрэнсис. Нет, Фредерика. Фредерика Вирджиния.

В ушах у меня зазвенело, и я чуть не упал в обморок.

— Слава богу!

— Эй, с вами все в порядке?

— Да. Спасибо… Спасибо вам от всего сердца! Да, я в полном порядке.

— Хм-мм… Наверное, беды не будет, если я скажу вам еще одно: может, не поедете зря. Она уже выбыла.

Глава 9

Я бы мог добраться скорее, взяв такси до Риверсайда, но с наличными у меня было туго. Жил я в Западном Голливуде; ближайший круглосуточный банк был в центре, в районе Большого Кольца Ленты. Пришлось ехать на ленте в центр и зайти в банк за наличными. Одним из серьезных элементов прогресса, который я еще не успел до этого оценить, оказалась единая банковская система: одна ЭВМ на весь город и радиоизотопный код на моей чековой книжке позволили мне получить на руки наличные так же быстро, как в ближайшем ко мне отделении сберегательного банка, напротив «Золушки Инк.».

Потом я перебрался на экспресс-ленту до Риверсайда. Когда я добрался туда, светало.

Кроме ночного техника, с которым я разговаривал, и его жены, работавшей здесь же дежурной медсестрой, там еще никого не было. Боюсь, что я произвел на них плохое впечатление: безумные глаза, суточная щетина на щеках, запах пива. И отсутствие убедительной версии — я не успел придумать, что бы им наврать.

И тем не менее миссис Ларриган, дежурная

сестра, оказалась очень доброжелательной. Она достала из папки фотографию.

— Это ваша кузина, мистер Дэвис?

Это была Рики. Вне всякого сомнения, это была Рики! Ну, не та Рики, которую я знавал когда-то, — это была уже не девочка, а молодая женщина, лет двадцати с небольшим, со взрослой прической, очень красивая. Она улыбалась.

Но ее глаза не изменились, и какая-то неуловимая привлекательная черточка, делавшая ее когда-то таким очаровательным ребенком, тоже осталась в ней. Это было то же лицо: зрелое, наполненное женственностью, красивое, но безошибочно — то же самое.

Стереофото вдруг потеряло объемность и резкость: на мои глаза набежали слезы.

— Да, — выдавил я из себя. Голос у меня прерывался. — Да. Это Рики.

Мистер Ларриган сказал:

— Напрасно ты показываешь ему это.

— Тьфу ты, Хэнк, да пусть себе смотрит! Тоже беда!

— Ты знаешь правила. — Он повернулся ко мне. — Я же сказал вам по телефону, мистер: мы не даем информацию о наших клиентах. Приходите в десять, когда откроется административное

здание.

— Или в восемь, — добавила его жена. — Доктор Бернстайн уже придет.

— Ну, Нэнси, тебе бы помалкивать. Если хочет получить информацию — пусть идет к директору. Делать доктору Бернстайну больше нечего, кроме как на вопросы отвечать. Да она, кстати, была вовсе и не его пациенткой.

— Ну чего ты, Хэнк! Вы, мужчины, любите правила ради правил. Раз он так спешит ее увидеть, к десяти он может быть уже в Броули. — Она повернулась в мою сторону: — Приходите лучше всего к восьми. Мы с мужем действительно ничего больше не можем вам сказать.

— А что вы сказали насчет Броули? Она что, поехала туда?

Не будь рядом ее мужа, она, наверное, сказала бы мне и про это. Но как только она открыла рот, он посмотрел на нее так выразительно, что ее решительность куда-то исчезла. Она ответила только:

— Вы поговорите с доктором Бернстайном. Если вы еще не завтракали, то совсем рядом есть очень хорошее кафе.

Пришлось идти в «очень хорошее кафе» (что оказалось сущей правдой), где, помимо завтрака,

я смог купить в туалетной комнате в одном автомате свежую сорочку, а в другом — тюбик пасты «брадобрей». Я умылся, привел себя в порядок и, сменив сорочку, выкинул старую в урну. Когда я вернулся в хранилище, я выглядел вполне респектабельно.

Но Ларриган, похоже, успел уже нашептать про меня доктору Бернстайну. Он оказался молод (видимо, недавно окончил институт) и очень официален.

— Мистер Дэвис, вы утверждаете, что вы тоже сонник. Тогда вам должно быть известно, что многие преступники пользуются доверчивостью и дезориентированностью недавно пробудившихся сонников. У большинства сонников есть немалые средства; они обычно немного не в своей тарелке; одиночество и боязнь нового окружения делают их легкой добычей для мошенников и проходимцев.

— Но я только хочу узнать, куда она уехала. Я ее кузен. Но я купил себе Холодный Сон раньше ее и даже не предполагал, что она тоже собирается это сделать.

— Вот и все так обычно говорят — утверждают, что родственники. — Он пристально на меня взглянул. — А я нигде не мог видеть вас раньше?

— Сильно сомневаюсь. Разве что на ленте, где-нибудь в городе — могли случайно ехать рядом. — Люди часто принимают меня за кого-то знакомого: у меня очень стандартное лицо, лишенное уникальности, словно горошина в банке с горохом. — А может, доктор, вы позвоните в Соутел и справитесь обо мне у доктора Альбрехта?

Он посмотрел на меня, словно судья на подсудимого.

— Ступайте к директору, когда тот придет. Пусть он и звонит в Соутел… или в полицию — как сочтет нужным.

Я ушел. И тут, наверное, сделал ошибку. Вместо того чтобы пойти к директору и, вполне вероятно, получить от него всю необходимую информацию (думаю, доктор Альбрехт поручился бы за меня), я схватил гравитакси и двинул прямиком в Броули.

Чтобы отыскать ее след в Броули, понадобилось три дня. Да, она тут жила. Да, у нее была бабушка. Но бабушка умерла двадцать лет тому назад, а Рики воспользовалась Сном. Броули не Лос-Анджелес: тут всего сто тысяч жителей — пустяки в сравнении с семью миллионами. Отыскать в архивах информацию двадцатилетней давности было достаточно просто. А вот свежие, недельной

давности, следы отыскать было гораздо труднее.

Отчасти это объяснялось тем, что я искал одинокую молодую женщину; с нею, как оказалось, был спутник. Узнав об этом, я вспомнил лекцию доктора Бернстайна о жуликах, обирающих сонников-новичков, и заспешил еще сильнее.

Я поехал за ними в Калексико: ошибка. Пустышка. Вернулся обратно в Броули. Начал сначала, опять нашел след и проследил их путь до самой Юмы.

В Юме я прекратил поиски: Рики вышла замуж. Запись в журнале, который мне показали в конторе местного управления, так поразила меня, что я бросил все и немедленно махнул в Денвер, успев только бросить открытку Чаку с просьбой выгрести все пожитки из моего стола и отвезти ко мне домой.

* * *

В Денвере я остановился ровно на столько, чтобы посетить магазин зубоврачебных принадлежностей. Я не бывал в Денвере с тех пор, как он стал столицей: после Шестинедельной войны мы с Майлсом сразу уехали в Калифорнию. Город меня ошеломил: я даже не сумел отыскать Колфакс-авеню. Я знал, что все важные прави-

тельственные учреждения и службы теперь упрятаны глубоко в отрогах Скалистых гор. Но если так, то в городе осталось еще навалом не важных: столпотворение было почище, чем в Большом Лос-Анджелесе.

В магазине я купил десять килограммов золота, изотоп 197, в виде трехмиллиметровой проволоки. Заплатил за него по восемьдесят шесть долларов десять центов за килограмм — явно переплатил, учитывая, что техническое золото шло долларов по семьдесят; приобретение нанесло огромный моральный ущерб единственной тысячедолларовой банкноте в моем кармане. Но техническое золото идет в продажу в таких сплавах, которых в природе не бывает, либо включает изотопы 196 и 198, либо — по индивидуальным заявкам лабораторий — имеет и то и другое. Мне для моих надобностей требовалось золото, неотличимое от выплавленного из натуральных золотых самородков. Кроме того, после облучения в Сандии я с большой опаской относился к радиации и не хотел иметь дела с радиоактивными изотопами.

Я обмотал золото вокруг себя и отправился в Боулдер. Десять килограммов золота — это, в сущности, вес собранной для пикника сумки. А

по объему оно занимает не больше, чем кварта молока. Правда, в виде проволоки оно более громоздко, чем в слитке: в общем, в качестве корсета рекомендовать не могу. Но так оно было всегда при мне. А носить при себе слитки было бы еще труднее.

Доктор Твитчел по-прежнему жил там же, в Боулдере, хотя и не работал: он теперь был почетным профессором-консультантом и проводил большую часть того времени, что не спал, в баре факультетского клуба. Четыре дня я караулил его, чтобы поговорить в каком-нибудь другом баре: в факультетский бар чужаков вроде меня не пускали. Поймав же, обнаружил, что угостить его выпивкой совсем несложно.

Он был фигурой трагической в классическом древнегреческом смысле: большой — великий! — человек, потерпевший крах. Его место было в одном ряду с Эйнштейном, Бором и Ньютоном. А вышло так, что лишь несколько специалистов по теории поля понимали истинное значение его работ. Когда я с ним познакомился, оказалось, что его блестящий ум затуманен разочарованием, возрастом и алкоголем. Как будто смотришь на развалины прекрасного храма: крыша рухнула, упали многие колонны, и все эти руины обвил

плющ.

И все равно он и теперь, на закате дней своих, был умнее, чем я в свои лучшие годы. Я и сам не дурак и могу оценить настоящего гения, если с ним сводит судьба.

Когда я впервые увидел его, он поднял голову, посмотрел прямо на меня и сказал:

— Это опять вы…

— Сэр?

— Вы были одним из моих студентов, не так ли?

— О нет, сэр, не имел такой чести. — Обычно, когда люди говорят, что мы встречались, я отмахиваюсь. На этот раз я решил этим воспользоваться, насколько удастся. — Вы, наверное, приняли меня за моего кузена, доктор. Выпуск шестьдесят шестого года. Он одно время у вас учился.

— Возможно. В чем он специализировался?

— Он ушел из колледжа, не получив степени. Но он всегда восхищался вами. Он никогда не упускал случая упомянуть, что учился у вас.

Если сказать матери, что у нее красивый ребенок, вряд ли она обидится. Твитчел разрешил мне присесть за его столик, а потом — и заказать на двоих выпивку. Величайшей слабостью

почтенного старца было его профессиональное тщеславие. Те четыре дня, что я пытался поймать его, я прилежно учил наизусть то, что удалось найти про него в университетской библиотеке, так что знал теперь, какие работы он написал и где выступал с докладами, какими почетными степенями награжден и какие книги выпустил. Одну из его книг я попробовал осилить, но уже на девятой странице сдался: базы не хватало. Хотя кой-каких словечек поднабрался.

Я намекнул ему, что занимаюсь науковедением: собираю материал для книги «Невоспетые гении».

— А о чем будет эта книга?

Я робко признался, что хотел бы начать книгу с рассказа о его жизни и трудах… если, конечно, он согласится немного изменить своей привычке избегать популярности. Я бы очень хотел получить от него некоторые сведения…

Он заявил, что это дребедень, что он даже слушать об этом не желает. Но я заметил, что это его долг перед будущими поколениями, и он согласился подумать. На другой день он уже решил, что я собираюсь написать его биографию, а не просто включить главу о нем в книгу. С этого момента он заговорил, и все говорил… говорил…

я еле успевал записывать. Записывал я всерьез: я бы не рискнул делать вид, что записываю. Время от времени он просил меня прочитать ему, что он там наговорил, а я написал.

Но про путешествия во времени он не обмолвился ни словечком.

Наконец я рискнул:

— Доктор, а правда, что если бы не некий полковник, что был тут когда-то расквартирован, то Нобелевскую премию вам бы на блюдечке принесли?

Он виртуозно матерился минуты три подряд.

— А кто вам сказал?

— Видите ли, доктор, когда я проводил одно фактографическое исследование для министерства обороны… я не говорил вам об этом?

— Нет.

— Ну, так вот, когда я там работал, я узнал всю эту историю от одного молодого ученого из соседнего сектора. Он читал весь доклад и сказал: совершенно очевидно, что вы были бы самым известным ученым в современной физике, если бы вам разрешили опубликовать вашу работу.

— Хррммм… Пока все так.

— Но я понял, что она была засекречена с подачи этого полковника… э-э, Флэшботэма.

— Трэшботэма. Трэшботэма, сэр. Идиот толстозадый. Он бы не нашел свою шляпу, если бы она была прибита у него к голове. Чего, кстати, он вполне был достоин.

— Да, очень прискорбно.

— Что? Что Трэшботэм был дурак? Так это природа виновата, а не я.

— Очень прискорбно, что мир лишился исторического открытия. Насколько я понимаю, вам не положено об этом рассказывать?

— Кто вам сказал? Я могу рассказывать все, что мне угодно!

— Я так понял, сэр, из рассказа моего знакомого из министерства.

— Хррммм!..

Это было все, что мне удалось в тот вечер от него услышать. Чтобы он решился показать мне лабораторию, понадобилась еще неделя.

Большую часть здания занимали теперь другие исследователи, но свою лабораторию он так и не отдал, хотя и не пользовался ею больше. Он заявил, что она засекреченная, и никого близко к ней не подпускал. Не дал он и демонтировать свою установку. Когда он отпер дверь и впустил меня внутрь, в лаборатории пахло, как в склепе, который не открывали много лет.

Ему было нипочем: он уже успел достаточно выпить. Вообще емкость на выпивку у него еще была о-го-го. Он стал читать мне лекцию по математическому обоснованию теории времени и темпорального смещения (слов «путешествие во времени» он не употреблял), но предупредил, чтобы я не записывал. Не послушайся я его, мало что изменилось бы: он начинал абзац словами: «Отсюда очевидно, что…» и переходил к таким сложным материям, которые были очевидны, я думаю, только господу Богу да ему самому, но уж никак не нам, простым смертным.

В одну из пауз я сумел вклиниться:

— Мой друг сказал мне, что вам так и не удалось откалибровать установку. Значит, вы не можете заранее определить точную величину предполагаемого темпорального смещения?

— Что? Чушь собачья! Молодой человек, если это нельзя измерить — это не наука. — Он немного побулькал, как кипящий чайник. Потом продолжал: — Вот, смотрите. Я вам покажу. — Он отвернулся и стал крутить ручки. От его оборудования на виду были только «темпоральный локализатор» — просто невысокая платформа, окруженная металлической сеткой, — да пульт управления, вроде тех, что используются для ав-

токлавов или вакуумных камер. Наверное, если бы мне дали подойти к пульту поближе, я смог бы разобраться, как им управлять. Но мне было довольно резко велено держаться в сторонке. Я увидел восьмиканальный рекордер Брауна, несколько мощных соленоидных пускателей и еще полдюжины других, тоже хорошо известных устройств, но без схемы прибора толку от них было ноль.

Он повернулся ко мне и решительно спросил:

— Есть у вас какая-нибудь мелочь в карманах?

Я достал из кармана пригоршню монет. Он порылся в ней и выбрал две пятидолларовые монеты — два новеньких, симпатичных пластиковых шестиугольника, выпущенных в этом году. «Лучше бы он взял монеты помельче, — подумал я, — у меня уже маловато их остается».

— Нож у вас найдется?

— Да, сэр.

— Нацарапайте на каждой монете свои инициалы.

Что я и сделал. Потом он велел мне положить их рядышком в камере.

— Заметьте время. Я установил смещение ровно на одну неделю, плюс-минус шесть секунд.

Я посмотрел на часы. Доктор Твитчел сосчи-

тал:

— Пять… четыре… три… два… один… пошел!

Я взглянул на платформу. Монет не было. Мне не пришлось делать вид, будто у меня глаза на лоб полезли: одно дело — услышать об этом опыте от Чака, и совсем другое — увидеть самому.

Доктор Твитчел отрывисто сказал:

— Вернемся сюда через неделю, и вы увидите, как появится одна из них. А вторая… Вы видели на платформе обе? Вы сами их туда положили?

— Да, сэр.

— А где был я?

— У пульта управления, сэр. — Он действительно был в добрых пяти метрах от огораживающей платформу сетки и не приближался к ней ни на шаг.

— Отлично. Идите сюда. — Он сунул руку к себе в карман. — Вот одна из ваших монет. Вторую получите через неделю. — Он вручил мне зеленую пятидолларовую монету. На ней были мои инициалы.

Я ничего не сказал: трудно говорить, когда у тебя отвисла челюсть.

Он продолжал:

— Вы рассердили меня своими замечаниями на прошлой неделе. В среду я заглянул сюда (а

я не был тут уже больше года) и обнаружил на платформе эту монету. Тут я понял, что установка была в действии. То есть будет. Вот я и решал целую неделю, показать ее вам или нет.

Я посмотрел на монету. Пощупал ее.

— Значит, когда мы пришли сюда, она уже была у вас в кармане?

— Разумеется.

— Получается, что она была одновременно и у меня в кармане, и у вас? Как же это может быть?

— Господи, у вас что, глаз нет, молодой человек? У вас голова на плечах натуральная или муляж? Неужели вы не можете осмыслить простой факт только потому, что он лежит за пределами привычного? Сегодня вы принесли эту монету с собою, и мы зашвырнули ее на неделю назад: вы сами видели. Неделю назад я ее здесь нашел. Положил в карман. Принес сегодня сюда. Ту же самую монету… точнее, более позднюю репликацию ее пространственно-временной структуры: на неделю старше, старее. Но обыватель назвал бы ее «та же самая». Хотя сходства между ними не больше, чем между младенцем и взрослым человеком, который из него вырос.

Я взглянул на него:

— Доктор, отправьте меня в прошлое. На неде-

лю назад!

Он взглянул сердито:

— И речи быть не может!

— Почему? Разве на людях эта штука не работает?

— Что? Разумеется, работает.

— Тогда почему нет? Я не боюсь. И представьте только, как это было бы здорово для будущей книги… если бы я мог на собственном опыте убедиться и подтвердить, что темпоральный сдвиг Твитчела действует.

— Вы уже убедились на собственном опыте. Можете так и написать.

— Пожалуй, — задумчиво произнес я, — но мне же не поверят. Этот опыт с монетами… Я верю, потому что я видел его. Но любой, кто прочтет мои записки, решит, что я просто подвергся внушению, что меня надули каким-то ловким трюком.

— Вот черт бы вас подрал, сэр!

— Так это же не я — люди скажут. Они не поверят, что я действительно видел то, что описываю. Вот если бы вы отправили меня на неделю назад, я бы мог описать свои собственные ощущения и…

— Сядьте. И выслушайте меня.

Он сел; мне сесть было некуда, но он этого не заметил.

— Я уже ставил эксперименты на людях, давным-давно. И именно поэтому я решил никогда больше этого не делать.

— Почему? Они погибли?

— Что? Не порите чушь! — Он посмотрел на меня угрожающе и добавил: — И не смейте ни о чем таком писать в своей книге.

— Как скажете, сэр.

— Эксперименты показали, что живые существа переносят темпоральное перемещение без вреда. Я доверился коллеге — молодому преподавателю, который вел у нас рисование и другие подобные предметы на архитектурном факультете. Он, пожалуй, был больше инженером, нежели ученым, но мне он нравился: у него был очень живой ум. Этого молодого человека — ничего, наверное, не случится, если я скажу вам его имя, — звали Леонард Винсент; он так жаждал испробовать это… Он хотел испытать Большое Перемещение — на пятьсот лет. Я не сумел отказать. Я уступил.

— И что произошло?

— А откуда я знаю? Пятьсот лет! Мне никогда не узнать…

— Вы думаете, он попал на пятьсот лет в будущее?

— Или в прошлое. Он мог очутиться в пятнадцатом веке. Или в двадцать пятом. Шансы совершенно равные. Принцип неопределенности, симметричное уравнение… Я даже иногда думаю… да нет, не может быть. Так, случайное сходство имен.

Я не стал спрашивать, что он имеет в виду, потому что в этот момент вдруг тоже обнаружил это сходство имен, и волосы у меня на голове встали дыбом. Но я быстро выбросил это из головы: у меня были другие проблемы. Да, кроме того, это и было наверняка лишь случайное сходство: не мог же человек в пятнадцатом веке попасть из Колорадо в Италию…

— И я решил впредь не поддаваться подобному искушению. Это ведь не наука: это ничего не добавляет к знанию. Если он попал в будущее — на доброе здоровье. А вот если в прошлое… тогда, получается, я отправил своего друга на расправу варварам, а может, и на съедение диким зверям.

«А может быть, — подумал я, — вы обрекли его на участь Великого Белого Бога». Но я промолчал.

— Я ведь не прошу, чтобы вы отправили меня слишком далеко. То есть надолго.

— Давайте больше не будем об этом, прошу

вас.

— Как скажете, доктор. — Но я был не в силах остановиться. — Э-э, позвольте сделать одно предложение?

— Ну? Высказывайтесь.

— Мы могли бы получить почти тот же результат простой имитацией.

— Что вы имеете в виду?

— Совсем понарошку: сделаем все так, как будто бы мы действительно собрались переместить во времени живой объект — объектом буду я — вплоть до того момента, когда надо нажать кнопку. Тогда я смогу понять смысл процедуры. Пока, честно говоря, я его не вполне понимаю.

Он немного поворчал, но ему так хотелось продемонстрировать мне свою игрушку… Он взвесил меня и отобрал металлические гири, равные моему весу: сто семьдесят фунтов.

— Это те же самые весы, на которых я взвешивал беднягу Винсента.

Вдвоем мы уложили грузы на одном краю платформы.

— Какое время установим? — спросил он. — Выбирайте, вам решать.

— Э-э, вы сказали, что время можно установить точно?

— Да, сэр, именно так я и сказал. А вы сомневаетесь?

— Нет-нет-нет! Ну-с, так. Сегодня двадцать четвертое мая… Предположим, мы… Как, скажем, насчет такого смещения: тридцать один год, три недели, один день, семь часов, тринадцать минут и двадцать пять секунд?

— Бледно, молодой человек. Когда я говорю «точно», то имею в виду «с точностью до одной стотысячной». У меня просто не было возможности откалибровать установку с точностью до одной стомиллионной.

— Да?.. Понимаете, профессор, мне очень важно, чтобы все было как на самом деле — я ведь так мало об этом знаю. Ну, давайте просто поставим тридцать один год и три недели. Или это тоже — излишество?

— Ничуть. Максимальная ошибка не превысит двух часов. — Он опять что-то повернул. — Можете занять свое место на сцене, юноша.

— И это — все?

— Все. Все, кроме энергии. Конечно, с сетевым напряжением, которого хватило на перемещение двух монет на неделю, я бы не смог совершить такого броска. Но, поскольку мы не собираемся включать установку на самом деле, это не имеет

значения.

Я был разочарован. Наверное, и вид у меня был соответствующий.

— Значит, у вас нет всего необходимого, чтобы выполнить подобное перемещение? Значит, все это — только теоретически?..

— Черт подери, сэр! Ничуть не теоретически.

— Так у вас же нет достаточной энергии…

— Раз вы так настаиваете, будет и энергия. Подождите.

Он ушел в угол и снял трубку телефона. Телефон, похоже, установили, когда лаборатория еще была новенькая: с тех пор как я вышел из хранилища, такого старого аппарата я не видел.

Последовала беседа с дежурным электриком. На повышенных тонах. Нецензурной бранью профессор не воспользовался: он прекрасно обходился без нее, но при этом хлестал языком гораздо больнее, чем те «артисты», мастера жанра, которые пользуются обычными ругательствами.

— Меня не интересует, что вы думаете, почтеннейший. Прочтите свою инструкцию. Я имею право получить все возможности лабораторного корпуса в свое распоряжение. В любое время, когда захочу. Читать умеете? Или мы встретимся завтра в десять в кабинете ректора, чтобы он

прочел вам ваши обязанности? Ах, вы умеете читать? Может, и писать тоже? Или ваши таланты исчерпываются чтением? Тогда запишите: полную аварийную мощность на высоковольтные шины Мемориальной Лаборатории Торнтона ровно через восемь минут. Повторите!

Он положил трубку.

— Вот люди!..

Подойдя к пульту, он что-то поправил. Потекли минуты. Вдруг я даже с того места, где стоял, увидел, как стрелки приборов метнулись вправо, а наверху загорелась красная лампочка.

— Вот и энергия, — объявил он.

— И что теперь?

— Ничего.

— Я так и думал.

— Что вы хотите сказать?

— То, что сказал: ничего не будет.

— Боюсь, что не вполне вас понимаю. Более того: я надеюсь, что неправильно вас понял. Я имел в виду, что если я не нажму кнопку, то ничего не произойдет. Но если я нажму ее, то вы переместитесь ровно на тридцать один год и три недели.

— А я говорю, что ничего не будет.

Его лицо потемнело.

— Сэр, я полагаю, что вы намеренно ведете себя

столь оскорбительно.

— Считайте как хотите, доктор. Я приехал сюда проверить правдивость дошедших до меня слухов. И я их проверил. Я увидел пульт управления с красивыми лампочками. Похоже на декорацию для фильма ужасов про сумасшедшего профессора. Я увидел салонный фокус с парой монеток. Фокус слабый, надо заметить: монеты вы выбирали сами, а я пометил их так, как вы велели. Да любой циркач может показать этот фокус лучше вас. Я выслушал долгую лекцию. Но разговоры — штука дешевая. То, что вы якобы изобрели, невозможно. Кстати, в министерстве это знают. Ваш доклад никто не запрещал: его просто подшили в ту папку, куда складывают все проекты вечных двигателей. Наверняка время от времени его достают почитать смеха ради.

Я думал, старикана хватит удар не сходя с места. Но единственным рефлексом, который у него остался, на который я мог рассчитывать, было его тщеславие. Надо было дожимать старика.

— Спускайтесь, сэр. Выходите. Я сейчас выпорю вас. Выдеру голыми руками.

Я думаю, он был так разъярен, что, пожалуй, мог бы и выпороть, несмотря на разницу в возрасте, весе и физической силе. Но я ответил:

— Я тебя не боюсь, папаша. И твоей фальшивой красной кнопки тоже не боюсь. Валяй, нажимай!

Он взглянул на меня. На кнопку. Но не двинулся с места. Тогда я хихикнул и сказал:

— Правильно ребята говорили: ложная тревога. Твитчел, вы напыщенный старый обманщик. Полковник Трэшботэм был прав.

Это сработало.

Глава 10

Он с размаху ударил по кнопке. Я хотел крикнуть ему: «Не надо!» — но было поздно. Я уже куда-то падал. Последней судорожной мыслью было: я не хочу! Я все выкинул на ветер. Я довел почти до апоплексического удара несчастного старика, не сделавшего мне ничего худого. И я даже не знал, в какую сторону двигаюсь. Хуже того, я вообще не был уверен, попаду ли я туда, куда хочу попасть… И тут я упал.

Свалился я, наверное, с высоты не более метра-полутора, но был совершенно не готов к этому падению и рухнул, как куль.

И тут же кто-то спросил:

— Откуда это вы свалились, черт возьми?

Спрашивавший оказался мужчиной лет сорока, лысым, но крепким и поджарым. Он стоял, руки в боки, лицом ко мне. Умное, интеллигентное лицо его было приятным, несмотря на то что он явно был в этот момент на меня сердит.

Я сел. Оказалось, что сижу я на покрытой слоем опавшей хвои гранитной гальке. Рядом с мужчиной стояла женщина — привлекательная, даже красивая, немного моложе его, — смотрела на

меня ошеломленно, но молчала.

— Где я? — спросил я самым дурацким манером. Мне следовало спросить: «Когда я?», но это прозвучало бы еще глупее, и вдобавок я об этом не подумал. Достаточно было взглянуть на них, и было ясно, куда я не попал: я был явно не в 1970-м. Но и не в 2001-м тоже: в 2001-м в таком виде ходили только на пляже. Похоже, меня занесло в другую сторону.

Потому что ничего, кроме ровного, густого загара, на них не было. Но им, видимо, этого хватало: они явно не чувствовали неловкости.

— Давайте по очереди, — возразил он. — Я спросил вас, как вы сюда попали. — Он взглянул вверх. — Парашют в ветвях вроде не запутался, так? И вообще, что вы здесь делаете? Это — частные владения. Вы здесь явно без разрешения. И что это за маскарадный костюм вы напялили?

На мой взгляд, одет я был вполне нормально. Особенно по сравнению с ними. Но спорить я не стал: другие времена — иные нравы. Похоже, у меня тут будут неприятности.

Она положила руку ему на плечо.

— Не надо, Джон, — сказала она ласково. — По-моему, он ушибся.

Он глянул на нее и снова уперся своим острым

взглядом мне в лицо.

— Вы ушиблись?

Я попытался встать — это у меня получилось.

— По-моему, нет. Так, пара синяков будет. А какое сегодня число?

— А? Число? Сегодня первое воскресенье мая. Третье мая, по-моему. Так, Дженни?

— Да, милый.

— Слушайте, — сказал я торопливо, — я сильно ушиб голову. Наверное, я потерял ориентировку. Какое сегодня число? Только полностью — месяц и год?

— Что?

Мне бы лучше было помалкивать, пока я не узнаю год сам — из газеты или с настенного календаря. Но я больше не в силах был ждать: я должен был узнать это немедленно.

— Какой год?!

— Крепко тебя, браток, тряхнуло. Семидесятый.

Он опять уставился на мою одежду.

Облегчение мое было безмерным. Получилось! Я попал куда следует! Я не опоздал!

— Спасибо, — сказал я. — Огромное вам спасибо. Вы даже не представляете… — Он все еще смотрел на меня так, словно решал, не пора ли вызвать подкрепление, и я поспешил добавить: — У меня

бывают внезапные приступы потери памяти. Однажды я так потерял… целых пять лет.

— Я думаю, это очень неприятно, — процедил он. — Теперь вам лучше? На вопросы отвечать можете?

— Ну что ты пристал к человеку, милый? — ласково сказала она. — По-моему, он славный. Наверное, он просто ушибся.

— Посмотрим. Ну?

— Вроде бы сейчас я себя чувствую прилично. Но буквально минуту назад у меня еще все путалось.

— О'кей. Как вы сюда попали? И почему вы так странно одеты?

— Честно говоря, я не совсем представляю, как я сюда попал. И уж точно не знаю, куда я попал. Эти приступы налетают так внезапно… А что касается моей одежды — можно сказать, что это просто некоторое чудачество. Ну… ну вот, скажем, вы тоже необычно одеты. Точнее, раздеты.

Он посмотрел на меня и ухмыльнулся.

— Да уж, при определенных обстоятельствах, наверное, наша одежда — точнее, ее отсутствие — тоже вызвала бы вопросы. Но мы предпочитаем, чтобы оправдывались незваные гости. Видите ли, вы здесь — чужой, одетый или раздетый. А

вот мы — свои, независимо от одежды. Вы попали на территорию денверского клуба нудистов.

* * *

Джон и Дженни Саттон оказались современными, невозмутимыми, дружелюбными людьми. Джона явно не удовлетворили мои скользкие объяснения. По-моему, он хотел устроить мне перекрестный допрос, но Дженни удержала. Я крепко держался за свою байку про «приступы амнезии» и утверждал, будто бы последнее, что я помню, — вчерашний вечер, когда я был в Денвере, в Нью-Браун-Пэлас. Наконец он сказал:

— Ну что ж, все это очень интересно, просто увлекательно. Я думаю, кто-нибудь из наших, кто едет в Боулдер, захватит вас, а оттуда вы доберетесь до Денвера на автобусе. — Он опять глянул на меня. — Но если я приведу вас в клуб, то все это будет чертовски подозрительно.

Я оглядел свой костюм. Я испытывал неловкость от того, что я был одет, а они — нет. Я имею в виду, что не они, а именно я чувствовал себя не в своей тарелке.

— Джон, если я разденусь, это упростит проблему? — Такая перспектива меня не смущала. В нудистских клубах я раньше не бывал — чего

мне там делать? — но мы с Чаком пару раз ездили на выходные в Санта-Барбару, а на пляже кожа кажется естественной, а одежда — нет.

Он кивнул.

— Безусловно.

— Дорогой, — сказала Дженни, — а ведь он может быть нашим гостем.

— Хмм… пожалуй. Любимая, ты, наверное, греби к людям. А там побеседуй, дай понять, что мы ждем гостя из… откуда лучше сказать, Дэнни?

— Хм, из Калифорнии. Из Лос-Анджелеса. Я действительно оттуда. — Я чуть не брякнул «Большой Лос-Анджелес» и понял, что придется следить за собой: кино опять «кино», а не «завлекино»…

— Ага, из Лос-Анджелеса. Дэнни из Лос-Анджелеса — этого вполне достаточно. Мы зовем друг друга только по имени. Так что, милая, распусти слух, что мы ждем гостей. Да с таким видом, словно уже предупреждала об этом. А через полчаса скажи, что идешь к воротам встречать нас. И приходи сюда. Не забудь прихватить мою сумку.

— Сумку, милый? Зачем?

— Спрятать этот маскарадный костюм. Даже для чудаков вроде Дэнни он выглядит… необычно.

Я встал и пошел за кусты — Дженни ушла, и

предлога уйти в раздевалку у меня не было. А за кусты прятаться пришлось: не мог же я раздеться на виду у Джона, демонстрируя, что у меня вокруг талии обернуто золото на двадцать тысяч долларов (в семидесятом цена золота была где-то около шестидесяти долларов за унцию). Снял я это богатство быстро: вместо корсета я сделал из золота пояс, который было гораздо легче снимать и надевать при мытье — впереди я приделал шнурки для крепления.

Сняв одежду и пояс, я завернул золото в тряпки и попытался сделать вид, будто моя одежда весит ровно столько, сколько она должна весить. Джон посмотрел на сверток, но промолчал. Он предложил мне сигарету — пачка сигарет была у него прикреплена к лодыжке. Сигареты оказались такого сорта, который я уже и не мечтал когда-нибудь еще попробовать.

Я помахал ею в воздухе, но она не зажглась. Джон дал мне прикурить.

— Ну, — тихо сказал он, — теперь мы одни. Ты ничего не хочешь мне сказать? Мне ведь придется поручиться за тебя в клубе, и я, по крайней мере, имею право убедиться, что от тебя не будет неприятностей.

Я сделал затяжку: вкус был грубый, я отвык от

таких сигарет.

— Джон, чего-чего, а неприятностей от меня не будет. Неприятности — это то, чего я хочу меньше всего.

— Хммм… наверное. Значит, «приступы головокружения»?

Я задумался. Ситуация была совершенно невозможная. Джон имел право знать. Но он, безусловно, не поверил бы мне. Я бы на его месте не поверил. А если он поверит мне, будет еще хуже: начнется тот самый шум, которого я так хочу избежать. Наверное, если бы я был настоящим путешественником во времени, выполняющим научные исследования, то я бы стремился к известности, предъявлял бы доказательства и предлагал ученым исследовать себя.

Но я не был путешественником-ученым. Я был лицом сугубо частным и собирался при этом провернуть одно дельце, привлекать внимание к которому с моей стороны было бы глупо. Я просто тихо и незаметно искал свою Дверь в Лето…

— Джон, если я расскажу правду, то ты мне не поверишь.

— Ммм… наверное. И все же… прямо с неба падает человек. Но не расшибается в лепешку. На нем странная одежда. Он не знает, где он и какой

сегодня день. Дэнни, я читал Чарльза Форта, как и большинство грамотных людей. Но я никогда не думал, что увижу что-то подобное своими глазами. Конечно, увидев, я не рассчитываю, что объяснение будет простым, как разгадка карточного фокуса. И все же?

— Джон, судя по тем оборотам, которые ты употребляешь, ты юрист. Я не ошибаюсь?

— Нет. Я юрист. А что?

— Могу я рассчитывать на конфиденциальность нашего разговора?

— Хмм… Ты что, хочешь стать моим клиентом?

— Если ты ставишь вопрос так, то да. Мне, похоже, потребуется совет юриста.

— Выкладывай. Это конфиденциально.

— О'кей. Я из будущего. Путешественник во времени.

Некоторое время он молчал. Мы лежали на песке: я — чтобы согреться (май в Колорадо солнечный, но прохладный); Джон, похоже, привык и просто загорал, размышляя и жуя хвоинку.

— Ты прав, — сказал он, — я не верю. Давай лучше держаться версии с приступами амнезии.

— А я тебе говорил, что ты не сможешь в это поверить.

Он вздохнул.

— Скажем так: не хочу. Я не хочу верить в переселение душ, в привидения и прочую такую чертовщину. Я люблю простые вещи — их я понимаю. Наверное, и большинство людей тоже. Так что мой тебе первый совет: пусть это останется нашей конфиденциальной беседой. Не раззванивай про это дело.

— Это меня устраивает.

Он перевернулся на другой бок.

— Я думаю, будет весьма разумно, если мы сожжем твою одежду. Я что-нибудь тебе подберу. Она горит?

— Вряд ли. Плавится, я думаю.

— И лучше обуйся. Мы тут обычно ходим в ботинках; твои сойдут. Если начнут спрашивать, говори — на заказ шил. Ортопедические, для улучшения походки.

— А они действительно такие.

— Ну и о'кей. — Прежде чем я успел двинуться с места, он начал разворачивать мою одежду. — Что за черт?!

Было уже поздно, пришлось разрешить ему развернуть узел.

— Дэнни, — спросил он подозрительным тоном, — это действительно то, на что это похоже?

— А на что это похоже?

— Смахивает на золото.

— Оно самое.

— Где ты его взял?

— Купил.

Он пощупал золотой пояс, помял мертвый, податливый металл, взвесил его в руке.

— О господи… Дэнни, слушай внимательно. Я задам тебе один вопрос, и будь осторожен, когда станешь на него отвечать: клиенты, которые мне лгут, мне не нужны. Я им отказываю. А соучастником я быть не хочу. Ты приобрел это законным путем?

— Да.

— Может быть, ты не знаешь Указа 1968 года о Золотом Запасе?

— Знаю. Я приобрел это золото законно. Я намерен продать его Монетному двору в Денвере за доллары.

— Может, ты ювелир?

— Нет. Джон, я сказал тебе сущую правду: хочешь — верь, а хочешь — нет. Там, откуда я, это продают в магазине, совершенно законно. А теперь я хочу обратить это в доллары, и чем скорее, тем лучше. Я знаю, что хранить это запрещено. Что мне будет, если я приду в Монетный двор и

попрошу взвесить это?

— В конечном итоге ничего. Если будешь держаться версии о своих «припадках». Но пока поверят, могут крепко помотать нервы. — Он взглянул на золото. — Наверное, лучше его пока припрятать.

— Закопать, что ли?

— Ну, до этого дело не дойдет. Но если ты сказал мне правду, то… Давай так: ты нашел это золото в горах. Там ведь обычно старатели находят золото.

— Ну… как скажешь. Я могу немножко и солгать, без злого умысла — золото-то действительно мое и куплено законным путем.

— Какая же это ложь? Когда ты впервые увидел это золото? Назови дату: когда ты стал владельцем этого золота?

Я стал вспоминать. Это было в тот день, когда я уехал из Юмы. Значит, где-то в мае 2001-го. Недели две назад. Назад? Тьфу!

— Ну, скажем так, Джон… впервые — это самая ранняя дата! — я увидел это золото сегодня, третьего мая тысяча девятьсот семидесятого года.

Он кивнул.

— Ну вот, значит, нашел в горах.

* * *

Саттоны не собирались уезжать до утра понедельника, и я тоже остался в клубе. Другие члены клуба были очень дружелюбны, но удивительно нелюбопытны — никто не совал нос в мои личные дела. Мне еще не доводилось бывать в таких компаниях. Потом-то я узнал, что это стандартный признак хороших манер в нудистских клубах. Но тогда они показались мне самыми вежливыми и воспитанными людьми на свете.

У Джона и Дженни был отдельный домик. Я устроился на койке в клубном общежитии. Там было чертовски свежо. Наутро Джон раздобыл мне рубашку и пару джинсов. Моя одежда с завернутым в нее золотом была спрятана в багажник его машины — между прочим, «ягуар-император»; сразу видно, что хозяин — приличный человек, не рвань. Но это и так было ясно по его манерам.

Я заночевал у них, и к вторнику у меня уже было немного денег. Золота я с тех пор не видел, но в течение следующих двух недель Джон вручил мне его точную стоимость за вычетом обычных комиссионных, что берут ювелиры. С Монетным двором он напрямую не стал связываться — я это

знаю, потому что видел квитанции от скупщиков золота. За свои услуги он с меня ничего не взял и никаких подробностей не сообщил.

Меня они, впрочем, и не интересовали. Появились деньги — появились и дела. Еще в тот, первый вторник — пятого мая — мы с Дженни немного покрутились по округе на ее машине и нашли подходящую квартирку. Я привез туда кульман, верстак, армейскую койку и, пожалуй, почти ничего больше. Свет, газ, вода и туалет там были. «Больше мне ничего и не надо», — подумал я: надо было беречь каждый цент.

Чертить на старомодном кульмане было долго и утомительно, а времени у меня было в обрез. Сначала я создал «Чертежника Дэна», а затем воссоздал «Салли», только на этот раз «Салли» стала «Питом» — многоцелевым автоматом, способным делать почти все, что может человек, при условии правильной накачки его торсеновских ячеек. Я знал, что «Пит» недолго останется таким: его потомки — целая орда! — станут устройствами специализированными. Просто я хотел максимально расширить формулу изобретения.

Для получения патента не надо действующих моделей — только чертежи и описания. Модели были нужны мне самому — такие модели, кото-

рые будут работать безупречно, которые сможет демонстрировать любой инженер. Они должны быть такими, чтобы было сразу видно — они практичны, они экономичны, их будут покупать, если начать их серийный выпуск, это выгодное помещение капитала. Патентное ведомство набито чертежами устройств, которые работают, но в коммерческом отношении никчемны.

Работа шла и быстро, и медленно: быстро — потому что я точно знал, что я делаю; медленно — потому что у меня не было ни инструмента, ни помощников. Скрепя сердце я истратил немного денег на инструменты, и дело пошло живее. Работал я с утра и до упаду семь дней в неделю и только раз в месяц проводил уик-энд с Джоном и Дженни в этом их голозадом клубе под Боулдером. К первому сентября обе модели у меня работали как надо, и я засел за описания и чертежи. Внешнюю отделку по своим чертежам я заказал в одной фирме; там же мне отхромировали все подвижные наружные части. Это было единственное, что я не стал делать сам, и хотя мне было очень жаль тратить на это деньги, это было необходимо. Разумеется, я на сто процентов использовал возможности каталогов готовых запасных частей: без стандартных компонентов

я бы не сумел сделать свои игрушки, да и после этого их коммерческая ценность была бы невелика. Но я не любил тратить деньги на заказное украшательство.

На разъезды времени у меня почти не было, и слава богу. Однажды, покупая сервомотор, я наткнулся на одного типа из Калифорнии. Он окликнул меня, и я ответил, не успев подумать.

— Эй, Дэн! Дэнни Дэвис! С ума сойти: встретить тебя здесь. А я думал, ты в Мохаве. — Мы обменялись рукопожатиями.

— Заехал ненадолго по делам. Через несколько дней вернусь.

— А я — сегодня к вечеру. Позвоню Майлсу, скажу, что виделся с тобой.

Моя тревога, видимо, отразилась на моем лице.

— Вот этого не надо.

— А чего? Вы же с Майлсом такие закадычные друзья — водой не разлить.

— Ну… знаешь, Морт, Майлс не знает, что я здесь. Мне сейчас положено быть в Альбукерке по делам фирмы. Но я на денек смотался потихоньку сюда, по сугубо личным делам. Усекаешь? К делам фирмы это не относится. И мне бы не хотелось обсуждать эти вопросы с Майлсом.

Он взглянул на меня понимающе:

— Женщина?

— Ммм… да.

— Замужняя?

— Ну, можно сказать, что так.

Он толкнул меня в бок локтем и подмигнул.

— Я усек. Старина Майлс у нас таких твердых правил, да? О'кей, я тебя прикрою. Другой раз, глядишь, и ты меня прикроешь. Она как, ничего?

«Я бы тебя лопатой прикрыл, трепло паршивое», — подумал я. Мортон был дрянной коммивояжер, потому что тратил больше времени, охмуряя официанток, чем занимался своими прямыми обязанностями. Да и товар, который он пытался сбыть своим покупателям, был весь в него — такой же дрянной, совершенно не соответствующий тому, что написано в рекламе.

Но я поставил ему выпивку и потчевал разными байками про «замужнюю женщину». Пришлось выслушать и его похвальбу о его, я уверен, столь же вымышленных похождениях. Еле удалось от него отделаться.

В другой раз я попытался угостить выпивкой доктора Твитчела, и безуспешно.

Я случайно сел рядом с ним в баре на Чампа-стрит и увидел его лицо в зеркальной стене

напротив. Первым моим желанием было спрятаться под стойку.

Потом я опомнился и сообразил, что из всех живущих в 1970-м его можно опасаться меньше всего. Все должно быть в порядке, потому что все было в порядке в 2001-м… то есть не было, а будет… нет, не так… Тут я бросил свои попытки сформулировать эту мысль: ясно, что если путешествия во времени станут явлением массовым, то к грамматике английского языка придется добавить еще несколько времен для передачи подобных ситуаций. По сравнению с такими сложными наклонениями латинский или литературный французский покажутся примитивными.

В любом случае, в будущем, в прошлом ли, Твитчела мне сейчас опасаться не приходилось. Можно было расслабиться.

Я разглядывал его лицо в зеркале и думал, что, наверное, это просто похожее лицо. Но тут ошибки быть не могло: в отличие от меня, у Твитчела было очень своеобразное лицо: решительное, уверенное, чуть надменное и очень привлекательное. Лицо Зевса. Я вспомнил, как изменилось это лицо за тридцать лет. Но сомнений быть не могло. Мне стало стыдно за то, как я обошелся со

стариком. Как бы это… компенсировать?

Твитчел заметил, что я рассматриваю его отражение в зеркале, и повернулся ко мне.

— В чем дело?

— Э-э… вы — доктор Твитчел, не так ли? Из университета?

— Из Денверского университета, сэр. Мы встречались?

Я чуть не проболтался: я забыл, что в семидесятом он еще преподавал в городском университете. Трудно вспоминать сразу в две стороны.

— Нет, доктор. Но я был на ваших лекциях. Можно сказать, что я — один из ваших поклонников.

Он усмехнулся, но на лесть не поддался. Из этого — и некоторых других признаков — я сделал вывод, что у него пока не возникло настоятельной потребности в лести окружающих: он был уверен в себе, и его волновала только его самооценка.

— А вы уверены, что не приняли меня за какого-нибудь киноактера?

— Ну что вы! Нет! Вы — доктор Хьюберт Твитчел. Великий физик.

Усмешка снова скривила уголки его рта.

— Физик. Скажем так. Просто физик. Во всяком случае, стараюсь быть физиком.

Мы немного поболтали о том о сем. Я попытался

не отстать от него и после того, как он доел свой сандвич. Я сказал, что буду очень польщен, если он позволит угостить его рюмочкой коньяка или виски. Он отрицательно покачал головой.

— Я вообще мало пью, а уж в такую рань — никогда. Но все равно спасибо. Было очень приятно познакомиться. Заглядывайте ко мне в лабораторию, если будете в университете.

Я сказал, что когда-нибудь непременно загляну.

Но вообще я нечасто допускал подобные проколы в семидесятом (я имею в виду свое повторное пребывание в этом времени), потому что время было все-таки знакомое, понятное, а большинство из тех, кто мог узнать меня, жили в Калифорнии. Но я решил больше не рисковать: если я еще раз увижу знакомое лицо, то сделаю вид, что я — не я и что я его в упор не узнаю.

Но даже мелочи способны портить жизнь. Однажды я не мог застегнуть «молнию» — отвык. Застежки на «стиктайт» гораздо удобнее. Всего за шесть месяцев я так привык ко многим мелочам 2001 года, что очень страдал от их отсутствия. Пришлось снова начать бриться. Однажды я простудился: это случилось из-за того, что я забыл о способности одежды промокать под дождем.

Сюда бы этих эстетов-консерваторов, что вечно хают прогресс и восхваляют «добрые старые времена»: тарелки, в которых пища остывает; рубашки, которые надо гладить; зеркала в ванных комнатах, которые запотевают именно тогда, когда надо в них посмотреться. Простуды. Грязь под ногами. Грязь в легких. Я уже привык жить лучше, и семидесятый год постоянно раздражал меня по мелочам.

Но, как говорится, собака привыкает к своим блохам; привык и я. В 1970-м Денвер был своеобразным городом — изящным, со старомодным оттенком. Я даже полюбил его. Ничего похожего на те строения Нового плана, которые я увидел (или увижу?), когда приехал (или приеду?!) туда из Юмы. В городе еще было менее двух миллионов населения. По улицам (улицы еще были) ходили автобусы (автобусы тоже еще были!) и другой колесный транспорт. И Колфакс-авеню я нашел без труда.

Денвер еще только привыкал к своему новому статусу столицы, и чувствовалось, что ему эта роль не по нутру, словно подростку, впервые надевшему строгий вечерний костюм. Ему по-прежнему был по душе звон бубенчиков на высоких ковбойских ботинках, хотя город и

чувствовал, что придется расти и становиться столицей огромной страны, метрополией, с посольствами, шпионами и изысканными ресторанами. Город рос во все стороны, как гриб после дождя, чтобы хватало места бюрократам и лоббистам, резидентам и машинисткам. Стены возводились с такой быстротой, что приходилось проверять, не попала ли в их кольцо случайно забредшая на стройплощадку с ближайшего пастбища корова. Но в ширину город не очень разросся: всего на несколько миль от Аврора-стрит на восток, от Хендерсон-авеню на север и от Литтлтон-бульвара на юг. Если ехать к Академии ВВС, то до нее еще осталось несколько миль открытого пространства. На западе город, понятное дело, уходил в горы, и федеральные чиновники уже бродили по подземным туннелям.

Денвер периода федерального бума мне нравился. Но мне так не терпелось вернуться в свое время!

И все из-за мелочей. Вскоре после того, как я поступил на работу в «Золушку», я мог себе позволить залечить все зубы. Я уже думал, что мне никогда больше не придется идти к дентопластологу. Но тут, в семидесятом, у меня не было антикариесных таблеток, и вскоре в одном из

зубов образовалось дупло. Зуб болел, а то бы я не обратил на это внимания. Пришлось идти к дантисту. Вот провалиться мне: я просто забыл, что он увидит у меня во рту. Он заморгал, завертел зеркальцем и воскликнул:

— О господи! Кто вас лечил?!

— Хо хы хохохихе?

Он убрал свои лапы у меня изо рта.

— Кто занимался вашими зубами?

— А? Ну, это в экспериментальном порядке, это… в Индии.

— Но как они это делают?!

— А я откуда знаю?

— Хм-м… подождите минутку. Я сделаю снимок. — Он стал снимать чехол с трубки рентгеновского аппарата.

— Э-э, нет, — запротестовал я. — Обработайте-ка мне лучше полость в зубе, законопатьте его чем-нибудь, и я пошел.

— Но…

— Извините, доктор, но я страшно тороплюсь.

Он выполнил мою просьбу, то и дело отрываясь от работы, чтобы снова и снова взглянуть на мои зубы. Я заплатил наличными, а не чеком, так что имя мое так и осталось ему неизвестно. Наверное, можно было разрешить ему сделать снимок, но

осторожность уже вошла у меня в привычку. Никакого вреда бы не было, сделай он тот снимок. И пользы тоже: на снимке все равно не было бы видно, как была проведена регенерация моих зубов. А рассказать ему я не мог, потому что ничего в этом не понимаю.

В собственном прошлом удивительно легко что-нибудь сделать. Пока я корпел по шестнадцать часов в день над «Дэном» и «Питом», я попутно сделал и еще одно важное дело. Анонимно, через юридическую фирму Джона, я заказал одному крупному детективному агентству провести проверку прошлого Беллы. Я дал им ее адрес, марку и номерной знак автомашины (на рулевом колесе хорошо сохраняются отпечатки пальцев) и высказал предположение, что она, вероятно, была уже замужем в разных местах и, возможно, за ней что-то числится у полиции. Настоящую проверку, вроде тех, про которые вы читали в книгах, я себе позволить не мог: приходилось беречь деньги.

Десять дней от них не было ни слуху ни духу, и я уже решил, что плакали мои денежки. Но еще через несколько дней Джону в контору принесли толстый пакет.

Оказалось, что Белла — девушка деловая. Она

родилась на шесть лет раньше, чем сказала нам, к тому же успела пару раз выйти замуж еще до того, как ей стукнуло восемнадцать. Одно из этих замужеств, впрочем, было не в счет: у того типа уже была жена. Если она и развелась со вторым, то этого агентству установить не удалось.

С тех пор она сходила замуж еще четырежды, хотя один из этих браков был сомнительным: скорее всего она просто выдала себя за вдову погибшего на войне солдата (который был мертв и поэтому возразить не мог), чтобы получить соответствующие льготы. Еще один брак был расторгнут (она была ответчицей). Один из ее мужей умер. За остальными она, похоже, все еще числилась замужем.

В полиции на нее тоже имелось много интересного, но за уголовное преступление ее, как выяснилось, судили только однажды — в Небраске, и то срок не дали — выпустили под залог. Установить это удалось только по отпечаткам пальцев: она сбежала, сменила имя и завела новый номер в картотеке социального страхования. Агентство спрашивало, следует ли им сообщить обо всем этом полиции штата Небраска.

Я ответил, чтобы не беспокоились: она числилась в розыске уже девять лет, а обвинялась-то

всего-навсего в том, что работала наводчицей у вымогателя. «Интересно, — подумал я, — а что бы я ответил, будь это торговля наркотиками? Съездив в будущее, труднее принимать решения».

Я выбился из графика в работе над чертежами, и октябрь наступил быстрее, чем я рассчитывал. Описания я только набросал — они были тесно увязаны с чертежами, — а к формулам еще и не подступал. Хуже того: я еще не начал организовывать дело в целом, чтобы оно стало на ноги. Этого нельзя было сделать до тех пор, пока я не смогу продемонстрировать готовые действующие модели. На деловые контакты времени тоже не хватало. Я уже начал подумывать, что, наверное, зря не предложил доктору Твитчелу поставить регуляторы на тридцать два года вместо тридцати одного и жалких трех недель. Я недооценил необходимое мне время и переоценил свои силы.

Я не показывал свои игрушки Саттонам не потому, что хотел скрыть от них свою работу. Просто я не хотел бесконечных разговоров и бесполезных советов посреди незаконченной работы.

В последнюю субботу сентября мы договорились вместе поехать в клуб. Накануне, чувствуя, что не успеваю, я работал допоздна. Утром меня разбудил мучительный грохот будильника.

Времени было в обрез, как раз чтобы побриться и собраться к тому времени, как они за мною заедут. Я нашарил кнопку будильника и нажал. Звон прекратился. «Слава богу, — подумал я, — что в 2001-м от таких дьявольских исчадий избавились». С трудом встав, я пошел в аптеку за угол — позвонить друзьям и предупредить, что я не могу поехать с ними: работать надо.

Ответила Дженни:

— Дэнни, нельзя так вкалывать. Вот увидишь — после уик-энда на природе тебе станет лучше.

— Извини, Дженни, я не еду. Ничего не поделаешь, надо. Извини.

Джон снял трубку параллельного телефона и спросил:

— Что за чушь?

— Джон, мне надо поработать. Просто никак не могу поехать. Привет ребятам.

Я вернулся домой, спалил пару тостов, подверг яичницу вулканизации и опять засел за «Чертежника Дэна».

Через час они забарабанили мне в дверь.

Ни один из нас в те выходные в клуб не попал. Вместо этого я устроил им демонстрацию своих произведений. «Чертежник Дэн» не произвел на Дженни большого впечатления (это не женская

машина, если, конечно, женщина не инженер), но от «Пита» у нее были круглые глаза. Она ухаживала за домом с помощью «Золушки» второй модели и сразу увидела, насколько больше умеет моя машина.

Джон, напротив, сразу оценил значение «Дэна». А когда я показал ему, как я ставлю свою подпись, нажимая на клавиши, и подпись была явно моя (хотя, честно говоря, я тренировался), то он был просто в восторге:

— Дружище, ты же оставишь без работы тысячи чертежников!

— Не оставлю. Талантливых инженеров в этой стране все меньше с каждым годом. Моя машина просто поможет как-то заполнить эту брешь. Через одно поколение такие машины будут в каждой конструкторской или архитектурной конторе. По всей стране. И без этих машин люди будут как без рук. Как сегодня механик без электродрели.

— Ты говоришь так, словно знаешь наверняка.

— Я знаю наверняка.

Он взглянул на «Пита» — я отправил его убирать на моем верстаке, — перевел взгляд на «Дэна».

— Дэнни… иногда я думаю, что ты, наверное, сказал мне правду в тот день, когда мы встре-

тились.

Я пожал плечами.

— Можешь назвать это даром предвидения… но я действительно знаю это. Я уверен. И разве это имеет значение?

— Пожалуй, что нет. А что ты собираешься дальше делать с ними?

Я нахмурился.

— Вот в том-то и дело, Джон. Я хороший инженер; да и механик, когда приходится, неплохой. Но вот бизнесмен я никакой — уже проверено. Тебе патентным законодательством баловаться не доводилось?

— Я же тебе уже говорил. Это работа для специалиста.

— А ты знаешь такого? Чтобы честный, но хитрый, как черт? Я теперь подошел к рубежу, когда мне нужен как раз такой. А еще мне надо учредить корпорацию, чтобы возиться со всем этим. И продумать вопросы финансирования. Но времени осталось немного: время меня просто поджимает.

— Почему?

— Пора возвращаться туда, откуда прибыл.

Довольно долго он сидел, не проронив ни слова. Наконец спросил:

— Сколько у тебя есть времени?

— Ну, около девяти недель. Точнее, девять недель, начиная с ближайшего четверга.

Он посмотрел на мои машины, потом на меня.

— Тебе придется пересмотреть свой график. Работы у тебя, по-моему, еще на девять месяцев. Да и то ты еще не сумеешь начать производство. Если повезет, ты только будешь готов его начинать.

— Не могу, Джон.

— Прямо уж не можешь!

— Я имею в виду, что этот график уже нельзя переделать. Это теперь не в моей власти.

Я уронил голову на руки. Я смертельно устал: в сутки мне удавалось поспать часов пять, не больше. Я был так измотан, что уже был готов поверить в судьбу, в предзнаменование: бороться с судьбой можно, но победить — никогда.

Я поднял голову.

— Ты возьмешься за это дело?

— А? За какую его часть?

— За все. Я сделал все, что умел.

— Это крупный заказ, Дэнни… А ведь я могу обчистить тебя. Ты это понимаешь? Кстати, дело это может оказаться золотой жилой.

— Непременно окажется. Я знаю.

— Тогда как же ты мне доверяешь? Тебе бы

правильнее нанять меня консультантом, за определенное вознаграждение.

Голова болела и мешала мне думать. Однажды я уже взял себе партнера и доверился ему. Но, черт возьми, сколько ни обжигайся, все равно надо верить людям. Иначе будешь спать с открытыми глазами, как заяц. Застраховаться от этого невозможно. Жить вообще смертельно опасно: от этого умирают. В конце.

— Господи, Джон, ты же знаешь ответ. Ты мне поверил. Теперь мне опять нужна твоя помощь. Я могу на нее рассчитывать?

— Конечно, можешь, — мягко вклинилась, входя в комнату, Дженни, — хотя я и не слышала, о чем вы тут говорили. Дэнни, а твоя машина может мыть посуду? Ни одной чистой тарелки нету.

— Что, Дженни? Наверное, может. Ну, конечно, может.

— Тогда скажи ей, пусть вымоет. Я хочу посмотреть.

— Ой… Я ее на это занятие не программировал. Сейчас сделаю, раз ты хочешь. Только чтобы сделать это как следует, понадобится несколько часов. После этого, конечно, «Пит» сможет это делать. А вот в первый раз… Понимаешь, мытье

посуды требует принятия множества оперативных решений. Это в определенной степени умственная работа, понимаешь? Это же не такая примитивная штука, как класть кирпичи или водить грузовик.

— Слышали?! Наконец-то нашелся мужчина, который понял, что такое домашняя работа. Ты слышал, что он сказал, дорогой? Не надо, Дэнни, не отвлекайся на его обучение сейчас. Я сама вымою. — Она огляделась по сторонам. — Да, Дэнни, мягко говоря, живешь ты, как свинья.

Честно говоря, я совершенно упустил из виду, что «Пит» может работать и на меня. Я слишком увлекся, «обучая» его работать на других, заряжая его различными профессиональными навыками, а сам просто заметал мусор в угол или не обращал на грязь в доме внимания.

Теперь я начал учить его всяким домашним делам. Емкости его «мозга» на это хватало: я установил в него втрое больше торсеновских ячеек, чем было у «Салли». И время у меня теперь на это было: дело взял в свои руки Джон.

Дженни печатала нам описания. Джон нанял патентного поверенного — помочь составить формулы изобретений. Не знаю, заплатил ли ему Джон или дал участие в прибылях, — я не

спрашивал. Я все оставил на его усмотрение, даже то, как разделить наши акции. Это не только позволяло мне заниматься своим делом. Я подумал: если он сумеет по-честному решить этот вопрос, то уже никогда не поддастся искушению, как Майлс. И кроме того, я, честно говоря, не очень беспокоился об этом. Не настолько меня интересовали деньги сами по себе. Либо Джон и Дженни достойны моего доверия, либо придется подыскать себе пещеру и уйти в отшельники.

Я настаивал только на двух вещах:

— Джон, я считаю, что мы должны назвать корпорацию «Аладдин». Инженерно-конструкторская корпорация «Аладдин».

— Забавное название. А чем плохо «Дэвис энд Саттон»?

— Так надо, Джон.

— Что, опять твое предвидение тебе подсказывает?

— Возможно, возможно. Товарным знаком у нас будет изображение Аладдина, потирающего лампу, и появляющегося над нею джинна. Я тебе набросаю примерно. И еще одно: штаб-квартира корпорации пусть лучше будет в Лос-Анджелесе.

— Что? Это ты слишком уж многого хочешь. Если, конечно, ты хочешь, чтобы корпорацией

управлял я. А чем тебе не подходит Денвер?

— Да Денвер тут ни при чем. Отличный город. Но фабрику тут открывать глупо: подберешь хорошее место для фабрики, построишь, а однажды этот федеральный анклав решит, что им это место нужнее, отберет, и ты остался без средств производства до тех пор, пока не построишь новую в другом месте. Кроме того, свободных рабочих рук мало, сырье возят за тридевять земель, строительные материалы можно купить только на черном рынке. А в Лос-Анджелесе квалифицированной рабочей силы хоть отбавляй, Лос-Анджелес — порт, Лос-Анджелес — это…

— А как насчет смога? Нет, мне это не по душе.

— Со смогом справятся очень скоро. Поверь мне. А ты разве не заметил, что и в Денвере тоже появился смог?

— Ну, подожди минутку, Дэн. Я уже понял, что мне придется тут воевать, пока ты там где-то будешь проворачивать свои делишки. О'кей, я согласен. Но у меня должно быть хотя бы право выбора решений, прежде всего — относительно условий труда!

— Так необходимо, Джон.

— Дэн, ни один человек в здравом уме не согласится переехать из Колорадо в Калифорнию.

Наша часть стояла там во время войны, так что я знаю. Вот Дженни, к примеру: она родилась в Калифорнии, это ее тайный позор. И она ни за какие деньги не согласится туда вернуться. Здесь есть зима, смена времен года, свежий горный воздух, прекрасные…

Дженни пристально посмотрела на него:

— Ну, я бы не стала утверждать столь категорично, что я никогда не соглашусь вернуться в Калифорнию.

— Что я слышу, дорогая?

Дженни тихо вязала в уголке. Она никогда не открывала рта, если ей было нечего сказать. Сейчас она отложила вязанье — верный признак.

— Если бы мы перебрались туда, дорогой, то могли бы купить абонементы в клуб «Оукдейл». Там можно купаться в открытом бассейне круглый год. Когда в прошлые выходные я увидела ледок в бассейне в Боулдере, я подумала: как было бы здорово, если бы мы…

Я оставался в Денвере до последней минуты — до второго декабря 1970 года. Мне пришлось занять у Джона три тысячи долларов: цены на компоненты были грабительские; но я предложил ему закладную на мои акции в обеспечение долга. Он подождал, пока я подпишу закладную,

порвал ее и бросил клочки в мусорную корзинку.

— Отдашь, когда вернешься.

— Это будет только через тридцать лет, Джон.

— Так долго?!

Я задумался. Он ни разу не попросил меня рассказать ему все от начала до конца, с тех пор — шесть месяцев назад — когда заявил, что не верит в главное звено этого рассказа, но что все равно поручится за меня в клубе, несмотря на это.

Я сказал, что, по моему мнению, пора мне уже рассказать ему все как есть.

— Разбудим Дженни? Она тоже имеет право знать.

— Ммм… нет. Пусть вздремнет, пока ты здесь. Разбудим, когда соберешься уходить. Дженни — человек очень бесхитростный. Она не задается вопросами, кто ты и откуда, — ты ей понравился. Если ты считаешь, что ей надо знать все это, то я расскажу ей, когда она проснется.

— Ну, как знаешь.

Он выслушал мой рассказ, не перебивая, только подливал в стаканы: мне — имбирного (у меня было основание не пить спиртного), себе — виски на донышке. Когда я добрался до того места, как очутился на склоне горы в окрестностях Боулде-

ра, я остановился.

— Вот, — сказал я. — Хотя я упустил из виду один момент. Я потом несколько раз смотрел на то место, куда свалился из будущего. Упал я с высоты не более полуметра. Если бы лабораторию построили — то есть если ее построят, — чуть углубясь в гору, меня бы похоронили заживо. Вы оба при этом, наверное, тоже погибли бы. А может, и целый город: не представляю, что происходит, когда энергия превращается в массу в той точке, где уже есть другая масса.

Джон молча продолжал курить.

— Ну, — спросил я, — что ты думаешь?

— Дэнни, ты мне тут порассказал кучу вещей о том, каким станет Лос-Анджелес. То есть «Большой Лос-Анджелес». Когда мы увидимся, я скажу тебе, насколько верно ты угадал.

— Верно, не сомневайся. Разве что в мелочах память подвела.

— Хмм… Звучит у тебя это логично. Но пока не увижу своими глазами, я буду считать, что ты — самый славный лунатик из тех, что мне доводилось видеть. Не сказать, чтобы ты от этого стал плохим инженером… или другом. Ты мне нравишься, парень. На Рождество я подарю тебе новую смирительную рубашку.

— Тебе виднее.

— А куда мне деваться? Иначе мне придется признать, что я сам начисто сошел с ума. А это будет очень неприятно Дженни. — Он взглянул на часы. — Пожалуй, пора ее будить. Она с меня скальп снимет, если я отпущу тебя, не дав с нею попрощаться.

— Мне и в голову не пришло бы уехать, не попрощавшись с нею.

Они отвезли меня в Денверский международный аэропорт, и у ворот Дженни поцеловала меня на прощание. Я успел на одиннадцатичасовой рейс на Лос-Анджелес.

Глава 11

На другой день — третьего декабря 1970 года — таксист высадил меня за квартал от дома Майлса. Высадил достаточно загодя — я точно не знал, в котором часу я туда приехал в первый раз. Когда я подошел к дому, уже стемнело, но я разглядел, что у дома стоит только одна машина. Я остановился метрах в ста, в таком месте, откуда можно было наблюдать за этим участком улицы, и стал ждать.

Через пару сигарет я увидел, как подъехала другая машина, остановилась. Погасли фары. Я подождал для верности еще пару минут и поспешил к ней. Это была моя машина.

Ключей у меня не было, но это не беда: я так задумывался над своими техническими проблемами, что вечно терял или забывал ключи. Поэтому давным-давно я припрятал запасные в багажнике. Теперь я выудил их оттуда и влез в машину. Дорога в том месте, где стояла машина, шла немного под уклон. Не включая ни двигатель, ни фары, я выжал сцепление, и машина покатилась. Доехав до угла, я свернул, завел двигатель и, по-прежнему не включая фар, при-

парковал машину позади дома Майлса, рядом с воротами его гаража.

Гараж был заперт. Я заглянул в пыльное окошечко и увидел внутри какой-то предмет, накрытый брезентом. Судя по очертаниям, это была наша добрая старая «Салли».

В 1970 году в Южной Калифорнии не строили гаражей, способных выстоять перед натиском человека, вооруженного монтировкой и решимостью открыть гаражную дверь. Больше минуты у меня это не отняло. А вот разобрать «Салли» на части и уложить в багажник моей машины оказалось делом куда более долгим. Но сперва я убедился, что мои чертежи и описания там, где я их оставил. Там они и были. Я кинул их на пол машины, потом занялся самой «Салли». Никто лучше меня не знал, как она собрана, а то, что я не очень боялся повредить ту или иную часть, заметно ускорило дело, и все равно я провозился, раскурочивая ее, почти час.

Я как раз сунул в багажник последнюю часть — шасси от кресла — и попытался закрыть крышку багажника (до конца ее закрыть не удалось), когда услышал, что Пит начал выть. Чертыхнувшись — долго провозился! — я обежал вокруг гаража и очутился на их заднем дворе. Тут-то и

началось.

Я дал себе слово, что не упущу ни одного мгновения из триумфа Пита. Но оказалось, что увидеть это мне не удастся. Задняя дверь была открыта, и свет заливал сетчатую дверь от москитов, но, хотя я слышал топот, грохот, боевой клич Пита и визг Беллы, они ни разу не соизволили появиться в поле моего зрения. Тогда я подполз к сетке, надеясь хоть краем глаза глянуть на это кровопролитие.

Чертова дверь оказалась заперта! Это было единственным нарушением составленного мною расписания. Я лихорадочно достал складной нож, сломал ноготь, открывая его, прорезал сетку и успел отпереть задвижку как раз в тот момент, когда Пит с маху влепился в сетку, как мотоциклист-каскадер — в забор. Я еле успел отпрыгнуть.

Приземлился я на розовый куст. Не знаю, пытались ли Белла с Майлсом преследовать его во дворе. Сомневаюсь, я бы на их месте не рискнул. Но я был так занят, выпутываясь из куста, что даже не следил за этим.

Встав на ноги, я спрятался за кустами и прокрался к стене дома: я хотел убраться подальше от открытой двери и падающего через нее света. Теперь оставалось только дождаться, пока Пит присмиреет. В том состоянии, в каком он был в

тот момент, я бы к нему не прикоснулся. А уж в руки не взял бы точно. Я котов знаю.

Но каждый раз, когда он проходил мимо меня в сторону двери, издавая утробное «а ну, выходи!», я тихонько звал его:

— Пит… Ну, иди сюда, Пит. Ну, тихо, тихо… Все в порядке… Ну, иди к папуле…

Он узнал меня и даже дважды взглянул в мою сторону, но и только. У котов все идет своим чередом: раз у него есть срочное дело, значит, ему некогда тереться головой о мои ноги. Но я твердо знал: когда его злость иссякнет, он придет.

Сидя в засаде, я услышал шум льющейся воды из ванных комнат. Значит, они ушли приводить себя в порядок и оставили меня — того, первого меня — одного в комнате. Тут меня посетила жуткая мысль: а что будет, если я сейчас влезу в комнату и перережу себе глотку? Тому, беспомощному? Но я отогнал ее: не настолько уж я любопытен, а самоубийство — эксперимент отчаянный, просто крайность, даже если обстоятельства теоретически заманчивы.

Но я так и не сумел просчитать это построение до конца.

Да и вообще заходить внутрь мне не хотелось, чтобы случайно не столкнуться с Майлсом. Дело

могло кончиться трупом в кузове какого-нибудь грузовика.

Наконец Пит остановился в метре от моей протянутой руки.

— Мрр-урр, — сказал он, что означало: «Пошли, зададим им трепку; ты — по верхам, а я снизу».

— Нет, малыш. Концерт окончен.

— Ну, мур-рр!

— Домой пора, Пит. Ну, иди к Дэнни.

Он сел и стал умываться. Потом поднял голову, и я протянул ему руки. Он прыгнул мне в объятия и мурлыкнул, спрашивая: «Где же ты был, когда началась эта заваруха?»

Я отнес его к машине и посадил на водительское место — это было единственное относительно свободное место в машине. Он понюхал железки на своем излюбленном заднем сиденье и укоризненно огляделся.

— Придется тебе ехать у меня на коленях, — сказал я ему. — И не возникай.

Фары я включил, только когда мы выехали на улицу. Я свернул на восток и поехал к Большому Медвежьему озеру — к скаутскому лагерю. За первые же десять минут я выкинул столько частей от «Салли», что для Пита появилось место на заднем сиденье. На своем законном месте он сра-

зу пришел в хорошее настроение. А когда через несколько миль я добрался до лежащих на полу бумаг, то остановился, сгреб их и сунул в люк ливневого стока. Шасси я не стал выбрасывать до тех пор, пока мы не добрались до гор: кувыркаясь по склону, оно очень звонко и весело громыхало на прощание.

Около трех ночи я остановился у мотеля рядом с поворотом к лагерю и снял комнату, изрядно переплатив из-за неурочного часа. Пит опять чуть не испортил всю обедню, высунув голову из сумки и что-то громко сказав, едва хозяин мотеля успел закрыть за собою дверь.

— В котором часу, — спросил я хозяина, догнав его за дверью, — приходит утром почта из Лос-Анджелеса?

— Вертолет садится в семь тринадцать вон на том пятачке.

— Отлично. Разбудите меня, пожалуйста, в семь.

— Мистер, если вы можете в таких прекрасных местах спать до семи, то я вам завидую. Но я запишу.

К восьми утра мы с Питом позавтракали. Я, кроме того, побрился и принял душ. Осмотрев Пита при дневном свете, я убедился, что из битвы

он вышел невредимым, разве что с парой ушибов. Мы расплатились и тронулись. Я свернул на дорогу к лагерю. Казенный грузовик — вероятно, почта — свернул на ту же дорогу прямо перед нами. Я решил, что день будет удачный.

В жизни не видел столько девчонок одновременно. Они резвились, как котята, такие одинаковые в своих формах цвета хаки. Когда я шел по лагерю, многие из них смотрели на Пита и, наверное, хотели его погладить, но не решались и смущенно отворачивались. Дойдя до домика с надписью «Штаб», я обратился к даме в такой же зеленой униформе.

Она явно подозревала меня в дурных намерениях. Впрочем, когда незнакомые мужчины приезжают навестить девочек, которые вот-вот станут девушками, подозрительность объяснима.

Я рассказал бдительной даме, что я дядя одной девочки, Дэниэл Б. Дэвис, и что у меня для нее важное сообщение насчет семейных дел. В ответ она возразила, что все остальные посетители, кроме родителей, допускаются только вместе с родителями и что в любом случае время для посещений — только с четырех часов.

— Я не прошу разрешения побыть у Фредерики.

Я должен только сообщить ей кое-что. Это очень срочно.

— В таком случае вы можете написать ей записку, а я передам ее девочке, когда у нее кончатся занятия ритмической гимнастикой.

Мое огорчение было неподдельным.

— Я бы не хотел писать об этом. Лучше я сам, лично, скажу девочке.

— Что, кто-то умер?

— Не совсем. Но в семье неприятности. Простите, мэм, но я не могу вам рассказать. Это касается матери моей племянницы.

Она заколебалась, но еще держалась. Тут в разговор вступил Пит: я держал его на руках, как ребенка. Оставлять его в машине я не хотел — Рики наверняка захочет с ним повидаться. Он долго терпел подобное обращение, но теперь, видно, его терпению пришел конец:

— Му-у-урр?!

Она посмотрела на него и сказала:

— А у меня дома такой же. Как из одного помета!

Я торжественно произнес:

— Это кот Фредерики. Пришлось взять его с собою, потому что… ну, в общем, пришлось. О нем некому позаботиться.

— Ох ты, бедная зверюшка! — Она почесала его под подбородком, сделав это — слава богу! — как положено. Пит тоже воспринял ласку как положено (опять слава богу!): вытянул шею, закрыл глаза — сразу видно, что доволен. Он всегда очень сдержан и строг с чужими, если они неправильно себя ведут.

Попечительница юных дев велела мне сесть за столик под деревом, рядом со штабом. С одной стороны, вроде бы для частной беседы условия подходящие, а с другой — все-таки под ее присмотром. Я поблагодарил, сел и стал ждать.

Я не видел, как подошла Рики. Я только услышал: «Дядя Дэнни!» — а когда повернулся: «Ой, и Пит тут! Как здорово!!»

Пит взмурлыкнул оглушительным муром и кинулся к ней. Она ловко поймала его на лету, усадила поудобнее и на несколько секунд начисто забыла про меня — у них был свой ритуал. Потом подняла глаза и сказала степенно:

— Дядя Дэнни, я так рада, что ты приехал!

Я не обнял ее. Я к ней пальцем не прикоснулся. Я вообще считаю, что лапать детей не надо, а Рики была такая строгая — она терпела все эти объятия только тогда, когда уж деваться было некуда. Наши отношения, с тех пор как ей срав-

нялось шесть, строились на взаимном уважении личности и достоинства другого.

Но я посмотрел на нее: голенастая, тощая, быстро вытянувшаяся, но еще не налившаяся соком юности, — маленькой девчонкой она была гораздо красивее. Ее шорты и футболка, ее облупившийся от загара нос, ссадины, синяки и грязные (в меру!) локти тоже не прибавляли женского очарования. От будущей женщины в ней были только наметки, только огромные серьезные глаза на худом, измазанном копотью лице.

Она была прекрасна.

Я ответил:

— Я тоже очень рад тебя видеть, Рики.

Неуклюже поддерживая Пита одной рукой, другой она полезла в оттопыривающийся карман.

— А я так удивилась: мне только что отдали письмо от тебя. Меня позвали сюда как раз с раздачи почты — я даже не успела прочитать его. Ты, наверное, пишешь, что приедешь сегодня?

Она достала скомканный в маленьком кармане конверт.

— Нет, Рики. Там сказано, что я уезжаю. Но потом, когда я отправил его, то решил, что надо самому заехать к тебе попрощаться.

Она погрустнела и опустила глаза.

— Уезжаешь?

— Да. Я тебе все объясню, Рики, только это долго. Давай присядем.

Мы уселись за стол под пондерозой, друг напротив друга, и я стал рассказывать. А Пит улегся между нами, положил лапы на лежащий на столе измятый конверт, изобразил этакого сфинкса и запел тихонько, словно шмель в клевере, щурясь от удовольствия.

Я испытал огромное облегчение, узнав, что она уже в курсе насчет женитьбы Майлса и Беллы, — мне очень не хотелось первым сообщать ей эту новость. Она на секунду подняла на меня глаза и сразу же опять уткнулась взглядом в стол. Совершенно без выражения она сказала:

— Да, я знаю. Мне папа об этом написал.

— Ах вот оно что…

Она вдруг как-то повзрослела; на лицо набежала обида.

— Я туда больше не вернусь, Дэнни. Я к ним не поеду.

— Но… слушай, Рики-Тики, я тебя понимаю. Я тоже не хочу, чтобы ты туда возвращалась. Я бы сам тебя забрал, если бы мог. Но куда же тебе деваться? Он твой папа, а тебе всего одиннадцать.

— Он не мой папа. И я к нему не поеду. За мною

моя бабушка приедет.

— Что? Когда приедет?

— Завтра. Она из Броули приедет. Я ей все написала и спросила: можно, я у нее поживу? Я не хочу жить у папы, раз *она* там. — Рики сумела вложить в это «она» столько неприязни — ни одно взрослое ругательство не смогло бы передать такого отвращения. — Бабушка пишет, что раз я не хочу там жить, то и не надо — он меня не удочерил, а она — мой «законный попечитель», так она написала. — Рики с тревогой глянула мне в глаза. — Это правда, да? Они же не могут заставить меня? А?

На меня теплой волной нахлынуло облегчение. Вот уже много месяцев я ломал голову и не мог найти ответа на мучивший меня вопрос: как уберечь девчонку от тлетворного влияния Беллы хотя бы на два года? Мне казалось, что за два года у Беллы с Майлсом все рухнет.

— Раз он тебя не удочерил, Рики, то бабушка, я думаю, сможет забрать тебя к себе жить, если вы обе будете достаточно настойчивы.

Тут я нахмурился и закусил губу:

— Ты знаешь, а ведь могут быть проблемы. Тебя могут с нею не отпустить отсюда.

— А как это они меня не отпустят? Я сяду в ма-

шину — и все.

— Все не так просто, Рики. Лагерное начальство — им приходится все делать по правилам. Твой папа — то есть Майлс — он тебя сюда привез; и они вряд ли отдадут тебя кому-то, кроме него.

Она надула губы:

— А я к нему не поеду. Я к бабушке хочу.

— Да. Но я, наверное, знаю, как это сделать. На твоем месте я бы не стал никому говорить, что уезжаю. Я бы просто сказал, что бабушка хочет свозить тебя прокатиться на прогулку, — а самой взять и не вернуться.

Напряжение ее чуть убавилось.

— Ладно.

— Э-э… не собирай сумку и не бери с собой ничего такого — догадаются, что ты сбегаешь. Не бери одежду, кроме той, что будет на тебе. Деньги и все ценное, что хочешь увезти, положи в карманы. Ничего такого, что тебе было бы очень жалко оставить, у тебя тут нет, я думаю.

— Наверное, нет. — Тем не менее она приуныла. — У меня тут новенький купальник…

Ну как объяснить ребенку, что бывают ситуации, когда надо бросить свои пожитки? Это невозможно. Они кидаются в горящий дом, чтобы вытащить оттуда куклу или плюшевого мишку.

— Ммм… Рики, пусть твоя бабушка скажет, что вы поедете к озеру Эрроухэд купаться… а потом обедать в ресторан — и что ты вернешься к отбою. Тогда ты сможешь взять с собой купальник и полотенце. Но уж больше ничего. Бабушка будет говорить так, если ты попросишь?

— Я думаю, будет. Да, будет. Она говорит, что люди должны иногда немного приврать, а то жить станет невозможно. Но она говорит, что этим можно пользоваться только иногда, но никак не злоупотреблять.

— Умная у тебя, похоже, бабушка. Сделаешь, как я сказал?

— Именно так и сделаю, Дэнни.

— Ну и хорошо. — Я взял со стола измятый конверт. — Рики, я уже тебе сказал, что уезжаю. И очень надолго.

— На сколько?

— На тридцать лет…

Глаза у нее сделались круглые, как тарелки. Когда тебе всего одиннадцать, тридцать лет — это не просто «надолго». Это — навсегда. Я добавил:

— Прости меня, Рики. Но так нужно.

— Почему?

На этот вопрос я не мог ей ответить. Правдивому ответу она бы не поверила, а врать не

годилось.

— Рики, это очень-очень трудно объяснить. Но я должен. Я ничего тут не могу поделать. — Я чуть помедлил, решаясь. Потом добавил: — Я собираюсь лечь в Долгий Сон. Ну, ты слышала — Холодный Сон.

Она слышала. Дети легче взрослых привыкают к новым понятиям. Холодный Сон — излюбленная тема детских комиксов. На лице у нее отразился ужас, и она возразила:

— Но, Дэнни, я же никогда тебя больше не увижу!

— Увидишь. Не скоро, но обязательно увидишь. И Пита тоже. Ведь Пит едет со мною и тоже будет спать вместе со мной.

Она посмотрела на Пита и стала еще безутешнее.

— Дэнни… А может, вы с Питом поедете в Броули, будете там жить у нас? Так же лучше! Бабушка будет Пита любить. И тебя тоже — она говорит, что когда в доме есть мужчина, это очень хорошо…

— Рики, милая… ну, я не могу. Не дразни меня. — Я вскрыл конверт.

Она сердито насупилась, подбородок ее задрожал.

— Это все из-за нее!

— Что? Если ты про Беллу, то нет. Не совсем из-за нее.

— А она не ложится спать Холодным Сном с тобою?

Кажется, меня передернуло.

— Господи помилуй, нет, конечно! Я бы ее близко не подпустил!

Кажется, Рики чуть отмякла.

— Знаешь, я так из-за нее на тебя разозлилась… Прямо до ужаса.

— Ты прости меня, Рики. Мне очень жаль, честное слово. Ты была права, а я — нет. Но к этому делу она никакого отношения не имеет. У меня с нею все кончено, во веки веков, вот крест святой. Теперь насчет этого. — Я вынул сертификат на все свои владения в «Золушке инк.». — Знаешь, что это такое?

— Нет.

Я объяснил:

— Это тебе, Рики. Меня очень долго не будет, и я хочу, чтобы это было твое. — Я взял лист бумаги с распоряжением о переуступке акций, порвал его, а клочки сунул в карман. Оставлять его было рискованно: мы еще были на тропе войны, а порвать лист бумаги для Беллы — раз плюнуть.

Перевернув сертификат, я стал изучать раздел «изменение владельца», размышляя, как бы это половчее оформить переуступку на хранение в «Бэнк оф Америка» на имя… — Рики, а как твое полное имя?

— Фредерика Вирджиния. Фредерика Вирджиния Джентри. Ты же знаешь.

— Разве Джентри? Ты же, кажется, сказала, что Майлс тебя не удочерил?

— Сколько я себя помню, я всегда была Рики Джентри. А моя настоящая фамилия — как и бабушкина. Это папина фамилия: Хайнике. Только меня так никто не зовет…

— Теперь будут.

Я написал: «Фредерике Вирджинии Хайнике» и добавил: «…С тем, чтобы она вступила в право собственности по исполнении ей двадцати одного года». По спине у меня бегали мурашки: та, первая переуступка, на отдельном листе, была недействительной с самого начала!..

Собираясь расписаться, я заметил, что из домика выглядывает наша надзирательница. Я взглянул на часы: мы говорили уже целый час. А время дорого. Но я хотел, чтобы все было железно.

— Мэм!

— Да?

— Нет ли поблизости нотариуса? Или мне придется ехать в поселок?

— Я — нотариус. Что вам угодно?

— О, хорошо! Прекрасно! А печать у вас есть?

— Я никогда с нею не расстаюсь.

Так что я подписал сертификат у нее на глазах, и она немного отступила от своих строгих правил (когда Рики заверила ее, что хорошо знает меня, а Пит молчаливо засвидетельствовал мою благонадежность как действительного члена тайного братства кошатников) и написала: «…Известного мне лично как поименованный Дэниэл Б. Дэвис…»

Когда поверх моей и своей подписи она поставила печать, я вздохнул с облегчением. Пусть теперь Белла попробует добраться до этого!

Она с любопытством взглянула на сертификат, но ничего не сказала. Я торжественно заявил:

— Случившегося не воротишь, но это хоть немного поможет: девочке надо учиться!

Она не взяла платы, шмыгнула носом и ушла в домик. Я повернулся к Рики и сказал:

— Отдай бабушке. Пусть сдаст в отделение «Бэнк оф Америка» в Броули. А они уж обо всем позаботятся. — Я положил сертификат перед

нею.

Она не притронулась к нему.

— Это стоит много денег, да?

— Изрядно. А будет стоить еще больше.

— Мне этого не надо.

— Но, Рики, я хочу, чтобы это было твое.

— Не надо. Я не возьму. — Ее глаза наполнились слезами, голос задрожал. — Ты… Ты уезжаешь навсегда, и тебе на меня наплевать. — Она всхлипнула. — Как тогда — когда ты собрался на ней жениться. Ты же мог просто взять Пита и уехать к нам с бабушкой. Не нужны мне твои деньги!

— Рики. Послушай, Рики. Уже поздно: я не могу взять их обратно, даже если бы захотел. Они теперь твои.

— А мне все равно. Я к ним не притронусь. — Она протянула руку, погладила Пита. — Пит бы не уехал, не бросил бы меня… Это ты его заставляешь. Теперь у меня даже Пита не будет.

Я спросил неуверенно:

— Рики? Рики-Тики-Тави? Ты хочешь еще увидеть Пита… и меня?

Она ответила так тихо, что я еле разобрал:

— Конечно хочу. Но ведь не увижу… Не смогу.

— Сможешь!

— Как? Ты же сам сказал, что вы уходите в Долгий Сон… на тридцать лет.

— Да. Так надо, Рики. Но вот что ты можешь сделать. Будь умницей, поезжай жить к бабушке, ходи в школу — а деньги пусть себе копятся. А когда тебе исполнится двадцать один — если ты, конечно, еще будешь хотеть увидеть нас с Питом, — у тебя хватит денег, чтобы тоже купить себе Долгий Сон. А когда ты проснешься, я уже буду тебя там ждать. Мы оба с Питом будем тебя ждать. Честное-пречестное.

Выражение лица у нее изменилось, но она не улыбнулась. Она долго думала; потом спросила:

— Ты правда там будешь?

— Да. Только давай условимся о дате. Если сделаешь это, Рики, — делай так, как я тебе скажу. Застрахуйся в «Космополитан иншуранс компани» и обязательно скажи, чтобы тебя определили на хранение в Риверсайдское хранилище. И обязательно напиши распоряжение: разбудить первого мая 2001 года. В этот день я там буду тебя ждать. Если хочешь, чтобы я был рядом, когда ты откроешь глаза, — тоже оставь соответствующее распоряжение, а то меня не пустят дальше приемной. Я это хранилище знаю — у них с этим строго. — Я вынул конверт, который приготовил

перед выездом из Денвера. — Можешь все это не запоминать. Я тут тебе все написал. Просто сбереги это письмо, а в двадцать один год решай. Но мы с Питом будем там тебя встречать, можешь не сомневаться, независимо от того, появишься ты там или нет. — Я положил приготовленную мною инструкцию на сертификат.

Я думал, что уговорил ее, но она опять не притронулась ни к конверту, ни к сертификату. Она смотрела на них… Потом спросила:

— Дэнни?

— Да, Рики?

Она не подняла глаз. Спросила шепотом, тихо-тихо, еле слышно — но я услышал:

— А если я… ты на мне женишься?

В глазах у меня все поплыло, шум в ушах превратился в рев реактивного лайнера. Но я ответил отчетливо, ровно и гораздо громче, чем она спросила:

— Да, Рики. Это именно то, чего я хочу. Поэтому-то я так этого и добиваюсь.

* * *

Я оставил ей еще одну вещь — запечатанный конверт с надписью: «Вскрыть в случае смерти Майлса Джентри». Я ничего не стал ей объяснять

— просто велел сохранить его. В конверте были доказательства разнообразных похождений Беллы — как на ниве брачных афер, так и в других областях. Если это попадет в руки опытного юриста, суд опротестует завещание Майлса в пользу Беллы без колебаний.

Потом я подарил ей свое кольцо, полученное в день выпуска в институте, — больше у меня ничего подходящего не было.

— Теперь оно твое, — сказал я, — мы помолвлены. Оно тебе пока велико, ты спрячь его. Когда проснешься, я уже приготовлю тебе другое.

Она крепко сжала кольцо в кулачке:

— Мне не надо другого.

— Ну и ладно. А теперь попрощайся с Питом, Рики: нам пора. У нас уже нет ни минутки.

Она обняла Пита и посмотрела мне прямо в глаза острым, пронзительным взглядом, хотя слезы текли у нее по щекам, промывая чистые дорожки.

— Прощай, Дэнни.

— Нет, Рики. Не «прощай» — просто «пока!». Мы тебя ждем, помни.

* * *

В поселок я вернулся без четверти десять. Оказалось, что вертолет уходит в центр города через двадцать пять минут. Я успел отыскать единственный в поселке магазин, торговавший подержанными автомобилями, и совершить одну из самых скорых сделок в истории: за полцены я продал свою машину — лишь бы за наличные. Я успел также незаметно пронести Пита в автобус (водители обычно следят, чтобы в салон не попадали коты, которых вдобавок перед этим укачало в вертолете). В кабинет мистера Пауэлла мы попали в самом начале двенадцатого.

Пауэлл был очень недоволен, что я передумал насчет «Мьючел», и был настроен прочесть мне лекцию за то, что я потерял бумаги.

— Не могу же я просить одного и того же судью завизировать ваши бумаги второй день подряд. Это крайне странно.

Я помахал перед ним деньгами — убедительно крупными купюрами.

— Бросьте огрызаться, сержант. Вы за меня беретесь или нет? Если нет — так и скажите: тогда я помчался в «Сентрал вэли». Потому что я ложусь спать сегодня.

Он еще попыхтел, но быстро сдался. Потом он ворчал насчет продления срока Сна на полгода и отказался гарантировать точную дату пробуждения.

— Обычно в контракте указывают: плюс-минус один месяц, на случай непредвиденных административных трудностей.

— В моем контракте такого не будет. Вы напишете «27 апреля 2001». И мне совершенно безразлично, что там будет наверху — «Мьючел» или «Сентрал вэли», мистер Пауэлл. Я покупаю, вы продаете. Если у вас нет нужного мне товара — я пойду искать его у других.

Он изменил контракт, и мы оба подписались.

Ровно в двенадцать я опять попал к доктору — на последний осмотр. Он посмотрел на меня и спросил:

— Не пили? Явились трезвый?

— Трезвый, как судья, сэр.

— Тоже мне, сравнение… Посмотрим. Раздевайтесь.

Он осмотрел меня почти так же тщательно, как «вчера».

Наконец он отложил свой резиновый молоточек и сказал:

— Я просто удивлен. Вы сегодня в гораздо луч-

шей форме, чем вчера. Просто удивительно.

— Э-э, доктор, вы и не представляете, насколько вы правы.

Я держал и успокаивал Пита, пока ему вводили снотворное. Потом лег, и они принялись за меня. Я думаю, что мог бы не спешить — подождать еще денек-другой. Но, честно говоря, мне безумно хотелось туда, в 2001 год.

Около четырех часов пополудни я мирно уснул. Пит тоже уснул, примостившись у меня на груди.

Глава 12

В этот раз мои сновидения были более приятными. Единственный неприятный сон (не кошмар, а просто скверный сон), который я помню, — долгий, бесконечный и очень нудный: я слоняюсь, дрожа от холода, по бесконечным, разветвляющимся коридорам, открывая дверь за дверью в твердой уверенности, что уж следующая-то непременно окажется Дверью в Лето и за нею меня ждет Рики. Пит мешает, задерживает меня, снует под ногами, — знаете, у кошек есть такая манера? Он вроде бы идет за мною, но только впереди. Такие вещи кошки позволяют себе иногда, если уверены, что на них не наступят и не дадут пинка.

У каждой новой двери он протискивается у меня между ног и высовывается наружу; убедившись, что там зима, он норовит отпрянуть назад, чуть не сбивая меня с ног.

Но мы оба не теряем надежды, что за следующей дверью — Лето…

Я проснулся легко, без дезориентации. Доктор, будивший меня, был поражен, когда я попросил завтрак, «Грейт Лос-Анджелес таймс» и не стал

тратить время на пустую болтовню. Но не объяснять же ему, что я здесь уже во второй раз, — он бы все равно не поверил.

Меня ожидала записка от Джона, написанная неделю назад:

> Дэн, дружище!
>
> Ладно, я сдаюсь. Как ты это сделал?
>
> Подчиняюсь твоей просьбе не встречать тебя, хотя Дженни и возражает. Она велела передать тебе привет и сказать, что мы ждем тебя и надеемся, что ты скоро пожалуешь. Я пытался ей объяснить, что ты будешь занят некоторое время. Мы оба в полном порядке, хотя я теперь предпочитаю ходить там, где раньше бегал бегом. А Дженни стала еще лучше, чем была.
>
> *Hasta la vista, amigo*[3].
>
> ***Джон.***
>
> ***P. S. Если прилагаемого чека недостаточно — позвони. Тут еще много. По-моему, мы неплохо потрудились.***

Я хотел позвонить Джону — просто поздоро-

---

[3] Примечания: 3

До свидания, дружище *(исп.). — Прим. перев.*

ваться и сказать ему, что у меня, пока я спал, родилась идея: устройство, превращающее мытье из обязанности в сибаритское наслаждение. Но передумал: есть другие дела, более важные. Так что я сделал кое-какие наброски, пока мысль не ускользнула, и прилег поспать. Пит прикорнул, уткнувшись носом мне под мышку. Никак я его от этого не отучу: лестно, конечно, но уж больно неудобно.

В понедельник, тридцатого апреля, я выписался из хранилища и отправился в Риверсайд, где снял комнату в старой гостинице «Мишшн Инн». Как я и ожидал, вышел небольшой шум из-за Пита. Подкупить автоматического коридорного, естественно, не удалось. Вряд ли подобные новшества можно рассматривать как улучшение обслуживания. К счастью, администратор на мои аргументы поддался легче: он готов был слушать их, пока они новенькие и хрустят. Я не заснул: я был слишком возбужден.

Наутро, ровно в десять, я явился к директору Риверсайдского хранилища.

— Мистер Рэмси, меня зовут Дэниэл Б. Дэвис. У вас есть на хранении клиент по имени Фредерика Хайнике?

— Надеюсь, у вас есть документы, удостоверя-

ющие личность?

Я предъявил ему свое водительское удостоверение, выданное в Денвере в 1970 году, и свидетельство о пробуждении из хранилища «Форест Лоун». Он посмотрел на них, на меня и вернул мне документы. Я встревоженно сказал:

— По-моему, ее пробуждение назначено на сегодня. Не имеете ли вы распоряжений разрешить мне присутствовать? Я не имею в виду саму процедуру пробуждения — я имею в виду последнюю минуту, перед тем как ей введут последний рестимулянт и она придет в сознание.

Он выпятил губы и напыжился.

— В инструкции, оставленной данным клиентом, не содержится распоряжений разбудить ее сегодня.

— Нет? — Я почувствовал обиду и разочарование.

— Нет. Точная формулировка ее пожелания такова: вместо того чтобы разбудить ее сегодня, она велела вообще не будить ее до тех пор, пока не явитесь вы. — Он внимательно осмотрел меня с ног до головы и улыбнулся. — У вас, должно быть, золотое сердце: не могу представить, чтобы она решила так из-за вашей обворожительной внешности.

Я облегченно вздохнул:

— Спасибо, доктор!

— Можете подождать в фойе или погуляйте часика два — раньше вы нам не понадобитесь.

Я вернулся в фойе, взял Пита и пошел с ним гулять. Он ждал меня, пока я ходил к директору, сидя в новой дорожной сумке, и был очень недоволен, хотя я и купил очень похожую на его старую сумку и даже вставил накануне специальное окошечко, через которое видно только изнутри. Наверное, в сумке просто еще пахло «не так».

Мы зашли в «очень хорошее кафе», но я не чувствовал голода, хотя практически не завтракал. Пит доел за меня яичницу, а от дрожжевой соломки брезгливо отвернулся. К половине двенадцатого мы вернулись в хранилище. Наконец меня впустили, и я увидел ее.

Я увидел только ее лицо — тело было накрыто простыней. Но это была моя Рики, выросшая, взрослая женщина, похожая на задремавшего ангела.

— Она находится под постгипнотическим внушением, — тихо сказал доктор Рэмси. — Встаньте вон там, и я ее разбужу. Э-э, я думаю, вам бы лучше оставить вашего кота в сторонке.

— Нет, доктор.

Он начал что-то говорить, но пожал плечами и повернулся к пациентке:

— Проснись, Фредерика. Проснись. Пора просыпаться.

Ее веки дрогнули, и она открыла глаза. Через несколько секунд, сфокусировавшись, ее взгляд уперся в нас; она сонно улыбнулась.

— Дэнни… и Пит.

Она протянула к нам руки, и я увидел у нее на большом пальце левой руки свое старое колечко.

Пит замурлыкал и прыгнул к ней на койку. Довольный, счастливый от того, что снова видит ее, он стал исступленно тереться о ее плечо.

* * *

Доктор Рэмси хотел, чтобы Рики осталась хотя бы на сутки, но Рики и слышать об этом не хотела. Я взял такси, подъехал прямо к дверям хранилища, и мы махнули в Броули. Бабушка ее умерла в 1980-м, и с Броули ее ничего всерьез не связывало. Но у нее там хранилось кое-какое имущество, прежде всего книги. Их я отправил в «Аладдин» под присмотр Джона Саттона. Рики была поражена тем, как изменился ее родной го-

родок, — она повсюду ходила, крепко взяв меня за руку. Но ностальгии — этому постоянному спутнику сонников — она не поддалась. Она просто попросила меня поскорее увезти ее из Броули.

Я опять взял такси, и мы уехали в Юму. Там я вывел красивым почерком в регистрационной книге в мэрии свое полное имя: Дэниэл Бун Дэвис, чтобы ни у кого не осталось сомнений, какой именно Д. Б. Дэвис придумал этот шедевр. Через несколько минут я уже стоял рядом с нею, держал ее за руку — такую хрупкую и тонкую — и, запинаясь, произносил: «Я, Дэниэл, беру тебя в жены… пока смерть не разлучит нас».

Шафером у меня был Пит, а свидетелями мы уговорили расписаться случайных посетителей мэрии.

Мы немедленно убрались из Юмы в загородную гостиницу — ранчо в окрестностях Тусона. Мы сняли коттедж подальше от основного здания, чтобы никого не видеть (в прислугах там держали нашего доброго «Трудягу Тедди»). Пит учинил совершенно грандиозную драку с котом, который был хозяином на этом ранчо до нашего приезда. После этого пришлось держать его в комнате и следить за ним на прогулке. Впрочем, это обстоятельство оказалось единственным недостатком

нашего пребывания там. Рики была прирожденная жена и хозяйка, словно именно она изобрела брак и семью. Ну а я — я был счастлив: у меня же была Рики!

* * *

Мне трудно что-нибудь добавить к моему повествованию. Воспользовавшись тем, что акции Рики по-прежнему оставались единственным крупным блоком, я живо отправил Макби этажом повыше — на должность «почетного конструктора-консультанта» — и усадил в его кресло Чака. Джон командует «Аладдином», хотя постоянно грозится уйти на пенсию. Пустые угрозы. Контролируем компанию я, он и Дженни — об этом позаботился он, когда издавал акции. Ни в одной из компаний я не вхожу в совет директоров. Я не управляю ими, поэтому они… конкурируют. Конкуренция — хорошая штука. Правильно ее Дарвин придумал.

А я — я теперь просто «Дэвис инжиниринг компани»: комната с кульманом, маленькая мастерская и пожилой механик, который считает меня сумасшедшим, но детали по моим чертежам делает достаточно точно. Когда очередное изделие готово, я продаю лицензию на него.

Я разыскал свои заметки про Твитчела. Потом я написал ему, сообщил о своем возвращении благодаря Холодному Сну и извинился за то, что позволил себе «усомниться» в его открытии. Я спрашивал его, не хочет ли он прочесть рукопись, когда она будет завершена. Он не ответил — наверное, все еще злится на меня.

Но книгу я пишу, и она обязательно будет во всех крупных библиотеках, даже если мне придется издать ее за свой собственный счет. Я слишком многим обязан старику: благодаря ему у меня есть Рики. И Пит. Я назову книгу «Невоспетый гений».

Джон и Дженни не стареют. Благодаря гериатрии, свежему воздуху, солнышку, тренировкам и безмятежному складу ума Дженни выглядит еще очаровательнее в свои… кажется, шестьдесят три. А Джон — Джон считает, что я ясновидящий, и не желает видеть очевидного. Ну, как это я сумел сделать все это?!

Однажды я попытался объяснить это Рики, но ей стало плохо, когда она узнала, что, пока мы были в свадебном путешествии, я одновременно — без дураков! — был и в Боулдере. А когда я приезжал к ней в скаутский лагерь, я в то же самое время лежал замороженный в Сан-Фернандо-Вэ-

ли. Она побледнела. Тогда я сказал:

— Давай разберем все это теоретически. С математической точки зрения тут все логично. Предположим, мы берем морскую свинку. Белую с коричневыми пятнами. Сажаем ее в темпоральную камеру и отправляем на неделю назад, в прошлое. Но ведь тогда получается, что неделю назад мы уже нашли эту морскую свинку в этой камере, значит, она уже сидела в клетке вместе с самой собою. Значит, теперь у нас уже две одинаковые свинки. То есть одна и та же свинка, только одна из них на неделю старше другой. Получается, что когда мы взяли одну из них и отправили на неделю в прошлое, то…

— Подожди минуту! Которую из двух?

— Которую? Так они же — одна и та же свинка. Конечно, ту, что на неделю младше, потому что…

— Ты же сказал, что она всего одна. Потом — что их две. Затем ты сказал, что две — это просто одна. Но ты собирался взять одну из двух… а там, ты говоришь, всего одна…

— Я же и пытаюсь объяснить тебе, как это две могут быть одной. Если взять младшую…

— А как отличить, которая младше? Они же совершенно одинаковые!

— Ну, можно отрезать кончик хвоста у той,

которую отправляешь в прошлое. Когда она вернется, то…

— Ой, Дэнни, какой ты жестокий! И кроме того, у морских свинок нет хвостов.

Она решила, что доказала свою точку зрения. Зря я взялся объяснять ей это.

Но Рики не из тех, кто ломает голову над вещами несущественными. Видя, что я расстроился, она тихо сказала:

— Ну, иди сюда, дорогой. — Взъерошив мне остатки волос, она поцеловала меня. — Мне вполне достаточно одного тебя. Двух было бы многовато. Ты мне скажи: ты рад, что дождался, пока я вырасту?

В ответ я сделал все, что мог, чтобы убедить ее, что рад.

Но мое объяснение далеко не все объясняет. Кое-что я и сам не понимаю, хотя я сам катался на этой карусели и считал обороты. Почему я не нашел сообщения о своем пробуждении? Я имею в виду второе пробуждение, не в декабре 2000-го, а в апреле 2001-го. Должен был наткнуться на него: я ведь внимательно просматривал эти страницы. Второй раз меня пробудили 27 апреля 2001 года, в пятницу. Значит, на следующее утро в «Таймс» должно было появиться объявление. Но я его не

видел. Теперь я отыскал его; вот оно: «Д. Б. Дэвис», в номере за субботу, 28 апреля 2001 года.

В философском смысле даже одна строчка способна изменить мир не меньше, чем исчезновение целого континента. Неужели старые рассуждения о множественных вселенных и разветвляющихся потоках времени верны? Неужели я попал в другую вселенную из-за того, что нарушил условия игры? Хотя я и нашел в ней Пита и Рики? Значит, где-то (точнее, когда-то) есть другая вселенная, где Пит выл до отчаяния, а потом убежал и одичал? И где Рики так и не сумела сбежать с бабушкой, а осталась страдать от мстительного гнева Беллы?

Нет. Одной строчки мало. Наверное, я просто заснул в тот вечер, не дойдя до строчки со своим именем. А утром выкинул газету в мусоропровод, решив, что прочел ее всю. Я такой рассеянный, особенно когда думаю о работе.

Но что бы я сделал, если бы увидел его? Поехал бы туда, встретил сам себя и рехнулся? Нет. Ибо, если бы я увидел его, я бы никогда не сделал то, что я сделал потом — «потом» для первого меня — и что привело к появлению объявления. Значит, этого никак не могло случиться. Регулировка здесь идет по принципу отрицательной обратной

связи с встроенными предохранителями, потому что само существование той строчки текста зависело от того, увижу я ее или нет. Очевидная на первый взгляд возможность того, что я увижу ее, входила в число «невозможных состояний» данной схемы.

Есть только один реальный мир с одним прошлым и одним будущим. «Как было вначале, и ныне, и во веки веков пребудет в этом бесконечном мире. Аминь». Только один… но большой и сложный, и в нем есть место и для свободы воли, и для путешествий во времени, и для всего остального. Можешь делать все, что угодно, в пределах правил… но все равно вернешься назад, к своей двери.

Я не единственный, кому удалось путешествовать во времени. У Форта описано слишком много случаев, которые ничем иным объяснить невозможно; у Амброуза Бирса — тоже. Мне кажется, что старый доктор Твитчел нажимал свою кнопку гораздо большее число раз, чем он сказал мне. Не говоря уже о других ученых, в прошлом и будущем, которые тоже могли придумать что-то подобное. Но я не думаю, что из этого когда-нибудь выйдет что-то путное. В моем случае об этом знали только трое, да и то двое из них отказа-

лись в это верить. Занимаясь путешествиями во времени, вы немногого добьетесь. Как говорил Форт, придет время железных дорог — будут и железные дороги.

Но у меня из головы не выходит Леонардо да Винчи. Неужели это Леонард Винсент? Неужели он сумел пройти через весь континент и вернуться в Европу с Колумбом? В энциклопедии есть вехи его жизни; но он мог сам приложить к этому руку. Я-то знаю, как это делается, — я сам этим немножко занимался. Тогда, в Италии, в пятнадцатом веке, не было удостоверений личности, номеров социального страхования и отпечатков пальцев. Может, он и сумел совершить это чудо.

Но вы только представьте себе: один, лишенный всего, к чему привык; он знал тайны полета, энергии, тысяч разных вещей. Он отчаянно пытался воспроизвести их, нарисовать, чтобы их можно было сделать, — но его ждала неудача: нельзя сделать того, что мы делаем сегодня, не опираясь на предшествующий технологический опыт, накопленный веками.

Да танталовы муки и то слаще.

Я думаю, как можно было бы использовать путешествия во времени с коммерческой целью, если бы их рассекретили: делаешь короткий

скачок, создаешь машину для возвращения, берешь с собою узлы и запасные части и снова в прошлое. Но однажды ты можешь сделать один лишний скачок и уже не сможешь вернуться: время еще не приспело для «железных дорог». Нет чего-то элементарного — скажем, какого-то особого сплава, — и все, ты попался. А главное — нельзя заранее определить, в какую сторону тебя забросит, вот в чем беда. Только представьте себе: очутиться при дворе короля Генриха VIII с грузом субфлексивных фазотронов, предназначенных для покупателя в двадцать пятом веке!

Нет, нельзя торговать моделью, в которой случаются сбои, помехи и неисправности.

Но о парадоксах времени и причинно-следственных анахронизмах я не беспокоюсь: если в тридцатом веке какой-нибудь инженер сумеет добиться безупречной работы установки, сделает сеть передающих станций, создаст систему сбыта и обслуживания таких станций — значит, Создатель сотворил вселенную именно так. Он дал нам руки, глаза и мозг. Все, что мы творим, не может быть парадоксом. Создателю не нужны настырные догматики — проводники Его законов природы: эти законы сами себя охраняют. Чудес не бывает.

Философия, впрочем, занимает меня не больше, чем Пита. Каков бы ни был мир на самом деле, он мне нравится. Я нашел свою Дверь в Лето, и больше я не стану путешествовать во времени — вдруг сойду не на той станции? Может быть, мой сын станет, — но тогда я скажу ему, чтобы ехал в будущее, а не в прошлое. В прошлое — только в исключительных случаях, когда надо что-то исправить. Будущее лучше, чем прошлое. Несмотря ни на что, мир с каждым годом становится все лучше, потому что разум человеческий, изменяя окружающий мир, делает его лучше. Делает руками… инструментами… внутренним чутьем, наукой и техникой.

Большинство нынешних длинноволосиков не умеют сами гвоздя забить. Посадить бы их в камеру доктора Твитчела да забросить в двенадцатый век — пусть наслаждаются.

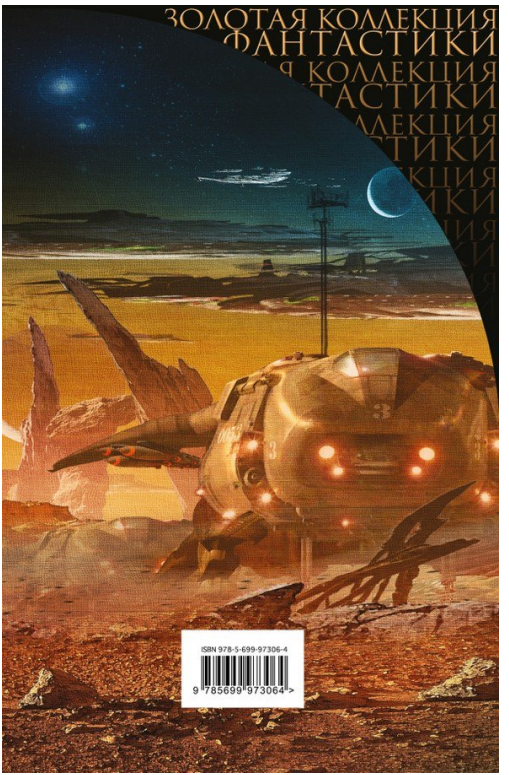
Но я ни на кого не держу зла, и мое время мне нравится. Вот только Пит стареет, толстеет и уже не связывается с молодыми котами. Очень скоро он уснет слишком долгим сном. Я всем сердцем надеюсь, что его отважная душа найдет свою Дверь в Лето, где колышутся под летним ветерком поля валерианки, где кошки сговорчивы и где любой подставит тебе колено, чтобы ты мог

потереться об него, — но никто не пнет ногой.

Рики тоже поправилась, но это здоровая и временная полнота. Она стала от этого только прекраснее и все так же звонко восклицает «Ну-у?!», когда удивляется, но чувствует себя при этом не очень уютно. Я сейчас разрабатываю устройства, способные облегчить ее состояние. Быть женщиной вообще не очень удобно, и я хочу — и уверен, что сумею, — сделать что-нибудь такое, чтобы ей легче жилось. Трудно нагибаться, поясница ноет — над этим я работаю сейчас. Я сделал ей гидравлическую кровать, которую, вероятно, запатентую. Надо бы еще сделать что-то, чтобы было легче залезать в ванну и вылезать из нее, но я пока не придумал, что именно.

Для старины Пита я тоже изобрел «кошачий туалет» для плохой погоды — автоматический, самоопорожняющийся, гигиеничный и без запаха. Однако Пит настоящий кот — он предпочитает ходить на улицу и по-прежнему убежден, что если попробовать все двери, то одна из них обязательно окажется Дверью в Лето.

И знаете… Я думаю, он прав.



ISBN 978-5-699-97306-4